

XXIII
УРАЛЬСКИЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина

Институт экономики
и управления

XXIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО:
НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Екатеринбург, 17-18 марта 2023 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Школа государственного управления и предпринимательства
Российское общество социологов

XXIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
«ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО:
НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.

*Под общей редакцией доктора философских наук Ю. Р. Вишневого,
доктора социологических наук М. В. Певной*

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2023

УДК 316.4
ББК 60.5
Д22

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Н. Г. Чевтаева
(заведующая кафедрой персонала и социологии Уральского института управления – филиала РАНХиГС);
доктор социологических наук, доцент И. С. Шаповалова
(заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного
национального исследовательского университета)

Редакционная коллегия: П. А. Амбарова, А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина,
И. Б. Бритвина, Я. В. Дидковская, Г. Е. Зборовский, А. В. Кульминская, Д. Ф. Телепаева,
Д. В. Трынов, Е. А. Шуклина

XXIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.) / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной] ; Мин-во науки и высш. образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 375 с.

ISBN 978-5-7996-3722-4

В материалах XXIII Уральских социологических чтений отражены результаты социологического анализа актуальных вопросов социальной, демографической, культурной, молодежной и образовательной политики, проблемы городского развития и территориального управления, жизненного мира разных социальных групп, развития институтов образования, родительства, культуры.

Тематика докладов всероссийской научно-практической конференции была задана ключевыми исследовательскими направлениями Уральской социологической школы, заложенными Л. Н. Коганом и получившими сегодня развитие в рамках работы целого ряда региональных научных групп и отдельных российских социологов. Материалы данной конференции представляют особый интерес для всех, кто заинтересован в социально-экономическом развитии России и ее отдельных регионов. Они связаны с проблематикой образовательного и социального капитала, общественного участия, молодежной активности, межнационального взаимодействия, городской культуры, профессионализма, семейной культуры и практики социального управления.

УДК 316.4
ББК 60.5

*Ответственность за содержание и оформление материалов несут авторы статей.
Распространение материалов в любой форме может производиться только с разрешения правообладателя.*

ISBN 978-5-7996-3722-4

© Уральский федеральный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В. А. КОКШАРОВА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
Раздел 1. РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА	9
Вишневский Ю. Р. Л. Н. КОГАН О СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ	9
Тощенко Ж. Т. НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА И КУЛЬТУРЫ	16
Аветисян М. Т., Засыпкин В. П. КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ ВОЖАТОГО	17
Бурко В. А., Вассерман Ю. М. СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ СИНДРОМ И ЛИЧНОСТНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ – ПОИСКИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ	21
Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Икингрин Е. Н. СОХРАНЕНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ Н. А. АИТОВА	27
Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. ОТ ФОЛЬКЛОРА – К МЕДИАЛОРУ: НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ.....	31
Зырянова О. Б. КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРОДУКТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	36
Пронина Е. И. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ РОС-2022)	41
Файзуллин Ф. С., Файзуллин И. Ф. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.....	44
Чижов А. А. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ.....	48
Раздел 2. КУЛЬТУРА УЧАСТИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ	52
Белов А. А. ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ВОЛОНТЕРОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	52
Ижик А. В. ПРОБЛЕМА МАСШТАБИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	56
Забокрицкая Л. Д., Початкова Е. И. АКТИВИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ СОТРУДНИКОВ КОРПОРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ.....	59
Кострова Е. А. СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	64
Любимцева С. А. ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ .68	
Минченко Д. В. ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» КАК ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ	72
Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А. ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ УЧАСТИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	75
Тарасова А. Н. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ НЕУЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ГОРОДСКИХ ПРОЕКТАХ ДЛЯ ГРУПП С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТЕКУЩЕЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ... 78	
Татарова С. П., Затеева Н. А. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	83

Якубова Э. Р. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫМ УЧАСТИЕМ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ.....	87
--	----

Раздел 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 93

Балясов А. А., Боронина Л. Н., Банникова Л. Н. ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ЭЛИТНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	93
Банникова Л. Н., Боронина Л. Н. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ НАМЕРЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНАХ УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ.....	98
Бикметов Е. Ю., Сизоненко Р. В. ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НАСТАВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	102
Кеммет Е. В. СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ИНЖЕНЕРНОГО ТРУДА.....	106
Окунева Т. В., Шестопалова О. Н. ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТНИКОВ.....	110
Хузяхметов Р. Р. УСТАНОВКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ.....	114
Шабалина О. А. МАЛАЯ РОДИНА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	118

Раздел 4. КУЛЬТУРА СЕМЬИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ..... 124

Багирова А. П., Вавилова А. С. РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ О ПОДДЕРЖКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КОРПОРАТИВНОМ УРОВНЕ.....	124
Бледнова Н. Д. КОРПОРАТИВНЫЕ МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ СЕМЬЕЙ И РАБОТОЙ.....	128
Грошев И. Л., Грошева И. А. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БУДУЩЕГО ПАРТНЁРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ.....	132
Лисьих В. В. УЧАСТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СРЕДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	136
Маркова Т. Л. РОДИТЕЛЬСТВО И РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ.....	141
Назаренко М. О. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	145
Придатченко М. В. СООБЩЕСТВА РОДИТЕЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХ ДЕТЕЙ В ФОРМЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	150
Сантова Д. Г. ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЛАГОПОЛУЧНОГО РОДИТЕЛЬСТВА.....	153
Старикова Е. А. СЕМЬЯ КАК УЧАСТНИК СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА.....	158
Янь Д. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА С ОПЫТОМ ПРЕБЫВАНИЯ В РОЛИ ОСТАВЛЕННЫХ ДЕТЕЙ В КИТАЕ.....	163

Раздел 5. МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ..... 169

Блинова И. Р. ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ЭВТАНАЗИИ.....	169
Грошева Л. И. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ДЕПРИВАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ.....	174

Дидковская Я. В., Дикран Е. М. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА И ХАБАРОВСКА)	178
Зернов Д. В. ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЁЖЬЮ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕТОЧНОСТЕЙ И ФАКТОВ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ.....	183
Ковальжина Л. С., Белоножко М. Л. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	188
Лугин Д. А. ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ИННОВАЦИЯМ.....	193
Петрова Д. С. ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА.....	197
Резер Т. М., Вегнер А. В. ОБ ОСОБОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ.....	203
Раздел 6. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ	208
Амбарова П. А. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА НАД СТУДЕНТАМИ	208
Андрианова Е. В., Худякова М. В. ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В ВУЗОВСКОМ СООБЩЕСТВЕ	212
Богдан Д. И. КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	218
Дмитриева Т. В. ПРОБЛЕМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	224
Дуран Т. В. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКИМИ ВУЗАМИ.....	228
Егорышев С. В., Мигунова Ю. В. ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2022 ГОДА)	233
Ермолаева С. Г. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МЕНЕДЖЕРЫ КАК ВУЗОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ..	237
Ефимова Г. З. УСТОЙЧИВОСТЬ VS. ШАТКОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ.....	242
Лянвэнь И МУЗЫКАЛЬНО-ИГРОВАЯ ДРАМАТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКА.....	248
Исакова К. Л. ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ РАБОТА В ШКОЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	251
Немировский М. В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	255
Петров С. А. ДОВЕРИЕ К ВЫСШИМ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ	260
Резер Т. М. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	264
Смирнова Ю. С. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧИТЕЛЬСТВО КАК НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	268
Трефилов К. П. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	271
Шаброва Н. В. АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА.....	275

Раздел 7. ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРА ГОРОЖАН И ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ.....	280
Андреев А. Н. ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ РАБОЧИМ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ И СОЦИАЛЬНЫМ ВКЛЮЧЕНИЕМ.....	280
Ануфриева Е. В., Дулина Н. В. ЗАВОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	284
Жданова А. Э. КОМФОРТНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	289
Заборова Е. Н. ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОЖАН ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	295
Касяновская А. С. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА И ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	300
Косыгина К. Е. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ.....	305
Шаяхметова Р. Р. КРЕАТИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ.....	310
Раздел 8. КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ.....	316
Бритвина И. Б. МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ.....	316
Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Яковлев А. И. НА ПУТИ К ОБЩЕСТВЕННОМУ СОГЛАСИЮ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ).....	321
Рублева А. Р. СМЕНА ИМЕНИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВРАЧЕЙ-МИГРАНТОВ В НОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО.....	325
Сивкова Н. И., Новгородцева А. Н., Бурнасов А. С. ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ ВКОНТАКТЕ).....	328
Эбзева Ю. Н. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ РУДН).....	333
Раздел 9. СОЦИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ, ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ.....	338
Булах Е. В. УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ: АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОС.....	338
Зверев А. И., Карачков С. М. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРОЕКТНОГО ГОРОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ.....	342
Лапшин Г. И., Боронина Л. Н. ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ.....	346
Нешатаев А. В. ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ.....	351
Рой О. М. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.....	355
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	359
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	365

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА В. А. КОКШАРОВА

Уральский федеральный университет всегда активно поддерживает сообщество социологов, участвующих в традиционном для Среднего Урала научном мероприятии «Уральских социологических чтениях». В рамках Форума, посвященного 100-летию выдающегося мыслителя Льва Наумовича Когана, в Университете проходит целая серия различных мероприятий, в ряду которых именно Чтения всегда занимают свое особое место. Стены нашего Университета собирают многочисленных учеников Льва Наумовича, его последователей, благодаря усилиям которых живет и развивается Уральская социологическая школа. Идеи Л. Н. Когана продолжают концептуально осмысливаться. Социологи со всей России, опираясь на его теоретические разработки, анализируют социальное и творческое, изучают социокультурное развитие личности, актуальную культуру общества.

Уральским социологическим чтениям 50 лет. На этой площадке всегда поднимаются актуальные вопросы социальной, демографической, культурной, молодежной и образовательной политики, проблемы городского развития и территориального управления, обсуждаются жизненный мир разных социальных групп, развитие институтов образования, родительства, культуры.

Уральские социологические чтения – это, конечно, многолетние научные связи внутри Уральской социологической школы, поддерживаемые социологическими центрами Екатеринбурга, Перми, Тюмени, Челябинска, Уфы. Однако, это академическое взаимодействие и поддержка не только с Урала. Все эти годы мероприятие проходит в сотрудничестве с Российским обществом социологов, с Институтом социологии РАН, который ныне перерос в Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, включив в себя еще одного стратегического партнера Университета – Институт демографических исследований РАН.

Уральский федеральный университет традиционно является одной из ключевых площадок проведения Уральских социологических чтений. Университет – один из крупнейших научно-образовательных центров, обладающий исключительным научным капиталом и имеющий серьезную научную репутацию, признанную во всем мире. Во многом благодаря научной и практической активности социологического сообщества уральской школы Университет узнаваем во всем мире. Сегодня УрФУ занимает 21-е место в мировом рейтинге университетов QS по области Social Policy and Administration. Безусловно, что свой вклад в это внесли социологи Школы государственного управления и предпринимательства, инициативно поддерживающие Уральские социологические чтения. Социологи Школы реализуют научно-исследовательские проекты, влияющие на развитие нашего региона и страны в целом. Они получают поддержку на это от различных научных фондов, успешно работают в целом ряде диссертационных советов («Социология управления», «Демография», «Экономическая социология», «Государственное и муниципальное управление»), инициируют открытие и развивают новые образовательные программы самого разного уровня, постоянно расширяют партнерские связи с органами публичной власти Свердловской области.

По итогам Уральских социологических чтений вышел данный сборник. В нем отражены результаты продуктивной научной дискуссии, новые идеи, которые могут стать основой для научного партнерства и новых исследовательских проектов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная

В рамках Уральского социологического форума, посвященного 100-летию выдающегося советского и российского ученого Льва Наумовича Когана, 17–18 марта 2023 года в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б.Н. Ельцина прошли XXIII Уральские социологические чтения. Чтения – уникальное всероссийское научное мероприятие, на которое приехали социологи из 23 российских регионов, ученики и последователи Л. Н. Когана, представляющие сегодня Уральскую социологическую школу далеко за пределами Уральского федерального округа.

Три кита устойчивости Уральских Чтений обеспечивают связь прошлого, настоящего и будущего российской социологии, позволяют сохранять традиции, поддерживать профессиональное взаимодействие в российском социологическом сообществе вне времени, далеко за пределами формальных территориальных границ Большого Урала.

Первым, фундаментальным является в этом юбилейном году глубокий смысл творческого, научного наследия Л. Н. Когана, во многом связанного с интересом ученого и его многочисленных учеников к саморазвивающемуся и самореализующемуся в культуре человеку, обеспечивающего преемственность разных поколений социологов. Интерес к человеку и культуре проходит через все творчество Л. Н. Когана, сохраняется и развивается в разных направлениях, которые всегда многогранно представлены на нашей конференции.

Широкая научная повестка и интересная профессиональная дискуссия по актуальным социологическим проблемам является вторым базисом устойчивости Уральских Чтений. В 2023 году он традиционно был поддержана и учениками Н. А. Аитова и З. И. Файнбурга, которые вместе с Л. Н. Коганом стояли у истоков социологической школы на Урале. В данном сборнике можно увидеть ключевые вопросы, которые обсуждались в текущем году на нескольких тематических площадках, секциях и круглых столах. Это и развитие теоретического наследия Льва Наумовича, различные аспекты профессиональной культуры и профессионализма, городской культуры, активности горожан и различных городских сообществ, всегда актуальные вопросы социологии молодежи, социологии управления, проблемы российского образования, межнационального общения. Утверждение Л. Н. Когана, озвученное им в 1996 году, о том, что «социология – наука, обязанная держать руку на пульсе общественной жизни», не теряет своей актуальности и сегодня. В научной программе Чтений уже традиционно прослеживается связь теории и практики, эмпирических исследований и реальных управленческих практик. В этом плане социологическое сообщество всегда отличается не только желание понимать поведение людей, оценивать их мнения по разным вопросам, но и стремление влиять на жизнь разных социальных групп, делать их жизнь лучше.

Третий кит (далеко не последний по своей важности и значимости) – безусловно, наше профессиональное сообщество, активность которого многие годы связана с Российским обществом социологов (РОС), позволяющим не просто проводить широкомасштабные социологические исследования по всей стране, объединяя очень разных людей, но и событийно наполнять и поддерживать социологическую дискуссию далеко в неоднозначных социально-экономических и политических условиях. Именно Уральское отделение РОС во многом способствовало тому, что Чтения проходили в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа), а в 2023 году социологи со всей страны встретились в Екатеринбурге на площадке Уральского федерального университета, где в 2016 году проходил V Всероссийский социологический конгресс. Идеи сохранения научных традиций профессиональным социологическим сообществом и развития отечественной социологии, призванной способствовать консолидации российского общества, как никогда важны сегодня, приобретают особый смысл и значение. Мы не теряем оптимизма и верим, что социологи смогут и дальше вносить свой весомый вклад в их реализацию. XXIII Уральские социологические чтения успешно завершились, но уже началась активная подготовка к следующим.

УДК 316

Ю. Р. Вишнеvский

**Л. Н. КОГАН О СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И РАЗВИТИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация

В статье рассматривается идея субъектности молодежи и ее роли в культурной и социальной жизни общества. Автор обращается к исследованиям Л. Н. Когана, который разработал многомерную модель молодежи, выделил пять групп молодых рабочих и выявил между ними качественные различия в реальном уровне общего и профессионального образования. Л. Н. Коган подчеркивал важность исследования реальных проблем молодежи и поиска путей их решения. Он также призывал к приобщению молодежи к подлинным высотам культуры. Автор также обращается к работам Л. Н. Когана о мире песен Владимира Высоцкого и его роли в формировании оптимистического жизнеутверждающего патриотизма для второго послевоенного поколения молодежи. В статье отмечается взаимосвязь идеи субъектности молодежи с теорией социальных рисков и ресурсного подхода в социологии молодежи, которые важны для понимания и решения проблем, связанных с социализацией молодежи и ее участием в жизни общества. В целом, идеи Л. Н. Когана и его последователей об оценке молодежи как субъекта и объекта культуры остаются актуальными и востребованными в современном обществе. Они помогают понимать и решать проблемы, связанные с социализацией молодежи, ее участием в культурной и социальной жизни, а также взаимодействием с другими группами общества. Важно продолжать работу в этой области, чтобы обеспечить успешное развитие молодежи и общества в целом.

Ключевые слова: молодежь, субъектность, культура, Л. Н. Коган, образование, социология молодежи

Нет! На нас не прервется истории нить.
Было! Было оно – поколение Корчагина!
Кто ж возьмется его воскресить
Кто ж пред ложью к подножью венок не положит безропотно?
Кто за горькую правду сумеет в боях постоять?
Где ж наследники честного сердца Андропова?
Мы бы тоже боролись, да больно уж хочется спать!
Вот и жизнь промелькнула...
Не зря же Земля еще вертится...
И зовут соловьи, и весенние ливни грозят...
Вновь решает партком: перестраивай сердце!
А его, как назло, перестроить нельзя.
(Л. Н. Коган. 1987)

«Многогранность личности и творчества Л. Н. Когана
воспринимаются как исключительность, парадоксальность.
Но они же – залог современности»
(Б. З. Докторов)

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,

Значит, в жизни ты был ни при чём, ни при чём!
Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём,
Значит, нужные книги ты в детстве читал!
(В. С. Высоцкий 1975)

Лев Наумович Коган – «человек парадоксальный» Это глубокое и ёмкое понятие Ж. Т. Тощенко очень точно характеризует его жизнь и творчество. И начать статью об его роли в возрождении и становлении социологии молодежи хотелось бы с трепетного, уважительного отношения к социологии: «Социология – наука, и относиться к ней надо серьезно, как к любой другой науке» [10, с. 98]. Именно такой – научный – подход, которому он следовал сам (и в разработке теоретико-методологических проблем, и в эмпирических исследованиях), ученый стремился сформировать у учеников, коллег, студентов и у читателей его книг и статей. Отсюда его нетерпимое отношение ко всему ненаучному или околонучному (фиксируя в читаемых работах аббревиатурами БСК / «бред сивой кобылы» / и ДБСК / «дикий бред сивой кобылы»/).

Нередко и сегодня (не говоря уже о годах перестройки) идею Когана о субъектности молодежи соотносят с его статьей в журнале «Молодой коммунист» – «Не хочу быть объектом!» [8]. Но эта позиция была не откликом «в духе времени», она подготовлена всем предшествующим его творчеством. И закреплена в дальнейших работах по социологии молодежи. Ныне она даже воплотилась в документы о государственной молодежной политике: «Государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности» [1]. Но ситуация, когда это положение нередко остается скорее формальным призывом, а не действительным ориентиром всей работы с молодежью, побуждают нас вновь обратиться к глубоким обоснованиям идеи субъектности молодежи.

К такому обоснованию Л. Н. Коган шел разными путями, тем более что проблемы молодежи, с которой он связывал развитие и обновление общества, всех сторон социальной жизни, будущее («Именно с молодежью связано в первую очередь будущее, завтрашний день каждого предприятия» – это положение из его монографии о социальном планировании [10, с. 59] достаточно типично), красной нитью проходит через все его творчество – и как особой социально-демографической группы в структуре трудовых коллективов, кино-, теле-, радио- аудитории, посетителей театра, слушателей музыки, читателей книг, и как более узкого объекта специально посвященного ей исследования.

В теоретико-методологическом плане субъектность молодежи соотносилась Л. Н. Коганом с более глубоким пониманием **культуры**. Он определял ее как меру реализации человеком «сущностных» («социальных», «продуктивно-творческих») сил (потребностей, способностей) «во всех сторонах его многообразной социальной деятельности» [6, с. 184; 5, с. 174]. Обобщая позднее в книге «Социология культуры» смысл своего – деятельностного, «самореализационного», «человекотворческого» – подхода к культуре, Коган писал: «Нередко культуру рассматривают только как «совокупность накопленных человечеством ценностей», подчас ограничивая ее только ценностями художественной культуры. Такой подход оказывается «слишком узким и потому неверным» [11, с. 121–122]. В русле деятельного подхода он разграничивал деятельность, «опредмеченную в продуктах культуры» и «живую» деятельность. Акцент на реализацию **человеком своих сущностных сил**, подчеркивало его Самость, субъектность, что и определило характер теории культуры Когана как **самореализационной**. Подчеркивалась и «**человекотворческая сущность культуры**, что заметно углубляло понимание **творчества**: в процессе творческой деятельности человек не только созидал духовные и материальные ценности и блага культуры, но и развивался сам, его желание, умение и способность творить. Итогом размышлений

ученого и был вывод: «Человек одновременно и **субъект** развития культуры, и её **объект**, ибо он и создает культуру и формируется посредством нее» (рис. 1) [5, с.174].

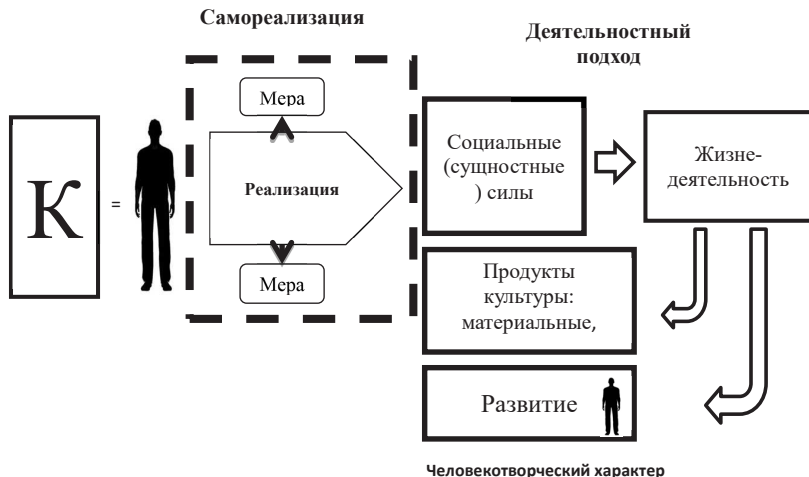

Рис. 1. Самореализация через творчество: человек в культуре

Применительно к социологии молодежи это сказалось и на более глубокой трактовке **воспитания** (в духе времени Коган использовал термины «коммунистическое воспитание», «всестороннее развитие личности»): «Воспитание есть не что иное, как превращение личности из объекта воздействия культуры в творца и создателя культуры. В этом смысле духовно богатый человек – одновременно и объект, и субъект культуры» [6, с. 13]. Обогатилось и понимание качественного свойства молодежи – социализации, не отделимой, по мнению социолога, от **индивидуализации**: «Социализация означает формирование социальной сущности человека, включение его в систему общественных отношений. Но этот процесс всегда индивидуален: каждый человек присваивает общественные отношения неполно, избирательно, иначе, чем другие люди. Вот почему социальные силы разных индивидов, живущих в одном и том же обществе, различны. Социализация индивида одновременно выступает и его индивидуализацией, процессом формирования его специфических черт, индивидуальности. Социализация не существует вне индивидуализации, и наоборот» [10, с. 211].

Эмпирические исследования позволили Когану конкретизировать понятие молодежи как субъекта и объекта культуры, что реализовалось в его **многомерной модели молодежи**, противопоставлявшей принцип «**единство в разнообразии**» господствовавшему принципу «**единство=однообразию**». Рассматривая **молодое поколение** как целостность, немало сделав в плане категориального анализа поколенческого подхода и межпоколенческих отношений [13], он требовал учета особенностей различных групп молодежи.

Уже говоря об исследованиях на промышленных предприятиях Урала, начавшихся еще в 1950-х гг., являвшихся, по оценке Ж. Т. Тощенко, первыми послевоенными эмпирическими социологическими исследованиями, Коган выделил важный тренд в развитии советского рабочего класса. Его «быстро растущую дифференциацию», «сказывающуюся во всех областях жизни» [9]. Сегодня важнее выделить не то, что эти выводы заметно расходились с официальной пропагандой о монолитности рабочего класса-гегемона, а их обоснование на

примере прежде всего рабочей молодежи. Разграничив пять групп молодых рабочих (по уровню механизации и квалификации их труда) – от работников, обслуживающих автоматизированные системы, – до работников неквалифицированного ручного труда, исследователи выявили между ними не только качественные различия в реальном уровне общего и – особенно – профессионального образования (в принципе это зафиксировала уже заводская статистика), но и разное стремление (потребность!!!) к его повышению, различия в участии в научно-техническом творчестве и в социокультурной деятельности. Различие носило парадоксальный характер: чем выше реальный уровень, тем сильнее такое стремление (потребность). С изучения реальных проблем молодежи, с поиска путей их решения и начиналось возрождение отечественной социологии молодежи. И тут мы солидарны с замечательным юнологом В. Т. Лисовским, руководителем авторского коллектива «Социология молодежи» [13] (вышла одновременно с книгой уральских социологов, инициатором которой был Л. Н. Коган [3]): Такой – социологический подход - выглядел контрастом с распространенной «в конце 1950-х-начале 1960-х гг. в бывшем СССР официальной позицией «Нет проблем у нашей советской молодежи, так как она вся охвачена энтузиазмом в деле построения светлого будущего всего человечества!» [13, с. 5]. Проблемный подход в государственной молодежной политике значим не только диагностическим характером, не менее важно и растущее понимание молодежью: «Мы и наши проблемы не безразличны для властных структур».

Позднее – в рамках «бума социального планирования» в 1970-х гг.– Коган вновь вернулся к проблеме дифференциации молодежи. Требуя, чтобы в группе молодых рабочих особое внимание при социальном планировании обращалось на самых юных – подростков, он отмечал: «И это не случайно: молодым мы называем и семнадцати – и двадцатипятилетнего. Надо ли говорить о необходимости разного подхода к ним?» [9].

И еще один важный и для современных исследователей культуры молодежи аспект отмечал Коган. Даже говоря о каких-то пробелах в культурной деятельности тогдашней молодежи, подчеркивая неразвитость эстетических вкусов или преимущественно потребительски-развлекательный характер досуга у значительной части её, он призывал видеть, как – коренным образом изменялся «сам масштаб требований к культуре молодого рабочего» [10, с. 104]. (да и других отрядов молодежи), Уточняя в другой работе, что «речь идет о приобщении его к подлинным высотам культуры» [10, с. 165].

В журнале «Молодой коммунист» еще до выхода статьи «Не хочу быть объектом» были опубликованы две прекрасные статьи Льва Наумовича о мире песен Владимира Высоцкого. Размышляя о «поэтическом буме 1950-1960-х гг., он подчеркивал: «Поэты часто писали и о таких проблемах нашей жизни, о которых молчали философы и социологи» [7]. И одновременно поднимает одну из сложнейших проблем социологии молодежи: «Рост материального благосостояния людей не всегда сопровождался соответствующим повышением образования и культуры. Это вело к рецидивам мешанства, к потребительству и вещизму. В жизнь вступали новые поколения, не знавшие тягот войны и послевоенного периода. Завоевания социализма они застали уже, готовыми, ограниченность личного опыта не давала возможности сравнивать их с жизнью страны в предшествующие периоды. Далеко не все молодые люди, принадлежащие к этим поколениям, были способны объяснить появление ряда негативных, несовместимых с природой социализма явлений нашей жизни, объяснить происхождение и сущность противоречий в развитии советского общества» [7]. Сегодня, когда 100-летие СССР отмечалось спустя более 30 лет после его распада, особенно понятно, какую негативную роль сыграли эти рецидивы потребительского сознания в молодежной среде, усилившиеся на рубеже 1980-1990-х гг. Тем более ясно, чем чревато игнорирование выводов и рекомендаций социологов.

И еще один актуальнейший для социологии молодежи момент отмечен Л. Н. Коганом в статье о мире песен Высоцкого. Говоря о «поэтическом буме» того времени, социолог акцентирует внимание на важную особенность – «мерить жизнь высшей нравственной мерой Великой Отечественной». Высоко оценивая песни Высоцкого о войне – («одна из самых ярких

лент в венке Неизвестному солдату»), Лев Наумович подчеркивал, что поэт в них «возвышается до самого высокого, светлого трагизма, трагедии утверждения жизни через смерть». Формирование такого оптимистического жизнеутверждающего патриотизма он считал особенно важным для второго послевоенного поколения молодежи, вступавшего в тот период в трудовую жизнь. Это тем более значимо для современных поколений молодежи, получивших, к сожалению, немалый заряд индивидуализма, толерантности.

При подготовке юбилейных докладов и статей авторов подстерегает опасность абсолютизировать роль юбиляра. Чтобы избежать ее, подчеркнем (вслед за В. А. Ядовым) общий поворот отечественной социологии, когда «субъектно-объектная проблематика заменялась субъектностью «акторов» [14], частью которого и были рассмотренные нами идеи Л. Н. Когана. К тому же учтем его особенность – умение организовывать коллективную работу. Многие из этих идей конкретизировались и развивались его учениками и коллегами. Из разнообразных примеров ограничусь двумя, наиболее значимыми для меня. Сегодня мы можем говорить о теории народной культуры Л. Н. Когана и В. С. Цукермана, о теории актуальной культуры Л. Н. Когана и В. Т. Шапко.

Наконец, нельзя не упомянуть и о других группах социологов молодежи, успешно развивавших идеи ее субъектности. Можно говорить о взаимосвязи отмеченной идеи Л. Н. Когана с теорией социальных рисков современной отечественной социологии молодежи (Ю. А. Зубок, Н. Л. Смакотина, В. И. Чупров и др.), подчёркивающих не только угрозы социуму, исходящие от молодежи из-за недостатка ее жизненного опыта и ошибок, пробелов в ее социализации и воспитании, но и огромные потери для социального развития в связи с недостаточным изучением, развитием и использованием ее ресурса и потенциала. Эта теория заметно обогатила и углубила трактовку важнейшей категории современной социологии – «общество риска» [2]. Не менее значима ее роль в обосновании ресурсного подхода в социологии и молодежи. Свой вклад в развитие данного подхода внесла и социологическая школа Л.Н. Когана в УрФУ (его ученики и три поколения их учеников), раскрыв его целостность – ресурс (выявление потенциала молодых людей) - резерв (его развитие через систему общего, профессионального, дополнительного образования и самообразования) – реализация (практическое использование ресурса) («ЗРЕ» (рис. 2).

РЕ сурс
зерв
ализация

Рис. 2. Принцип трех Р

И это – лишь один из примеров развития идеи Льва Наумовича. Среди других можно отметить (рис. 3 и рис. 4):

- обоснование возрастающей роли в современную эпоху высшего образования и самообразования, разработка самостоятельных подотраслей социологии образования – социологии самообразования (Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина) и социологии высшего образования (Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова);
- акцент на недопустимость в теории личности и социологии культуры недооценки роли природного фактора развития человека и социума (А. В. Меренков);
- соотнесение социализации с родительским трудом и обоснование целого направления в демографии и социологии семьи (группа А. П. Багировой);
- развитие идеи субъектности молодежи на основе анализа добровольчества и разработки теории «участия» (группа М. В. Певной);

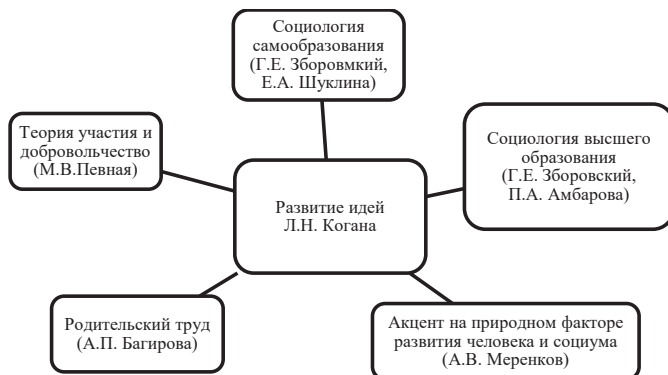

Рис. 3. Развитие культуры Л. Н. Когана

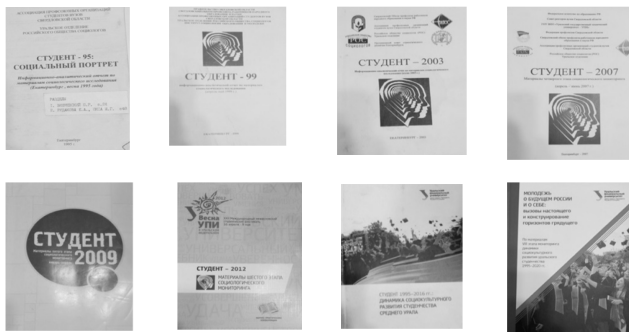

Рис. 4. Материалы по результатам социологического мониторинга уральской молодежи

Наконец, серьезным шагом в развитии и реализации идей Когана явился 25-летний (1995–2020) мониторинг «Социокультурного развития студенчества Среднего Урала! И в немалой степени – мониторинг федерального исследования РОС «Студенчество России о Великой Отечественной войне» (2005-2010-2015-2020) (рис. 5).

Рис. 5. Материалы по результатам работы в рамках исследования РОС «Студенчество России о Великой Отечественной войне»

Литература

1. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года №2403 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. – Екатеринбург, Н. Тагил: 1995. 311 с.
4. Коган Л. Н. Социологический аспект культуры // Социологические исследования. 1976. №1.
5. Коган Л. Н. Социальные изменения в духовном облике советского рабочего // Советская социология. Т. 2. М.: Наука, 1982. С. 173–196.
6. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.
7. Коган Л. Н. Мир песен Владимира Высоцкого // Молодой коммунист. 1986. №6.
8. Коган Л. Н. Не хочу быть «объектом» // Молодой коммунист. 1989. №9. С. 3–11.
9. Коган Л. Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
10. Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1987 гг. Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 324 с.
11. Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988–1997 гг. Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с.
12. Коган Л. Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма // Научный коммунизм. 1974. № 5. С. 70–77.
13. Социология молодежи: Учебник / Под ред. проф. В. Т. Лисовского. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. 460 с.
14. Ядов В. А. Все зависит от нас самих (интервью с Б. З. Докторовым) // Социологический журнал, 2014. №1. С. 141–159.

Y. Vishnevsky

L.N. KOGAN ON THE SUBJECTIVITY OF YOUTH AND THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SOCIOLOGY OF YOUTH

Abstract

The article discusses the idea of youth subjectivity and its role in the cultural and social life of society. The author refers to the studies of L.N. Kogan, who developed a multidimensional model of youth, identified five groups of young workers, and revealed qualitative differences between them in the real level of general and professional education. L.N. Kogan emphasized the importance of studying the real problems of youth and finding ways to solve them. He also called for the involvement of young people in the true heights of culture. The author also refers to L.N. Kogan's works on the world of Vladimir Vysotsky's songs and his role in shaping an optimistic life-affirming patriotism for the second post-war generation of youth. The article notes the interrelation of the idea of youth subjectivity with the theory of social risks and a resource approach in the sociology of youth, which are important for understanding and solving problems related to the socialization of youth and its participation in the life of society. In general, the ideas of L.N. Kogan and his followers about the assessment of youth as a subject and object of culture remain relevant and in demand in modern society. They help to understand and solve problems related to the socialization of youth, its participation in cultural and social life, as well as interaction with other groups of society. It is important to continue work in this area to ensure the successful development of youth and society as a whole.

Keywords: youth, subjectivity, culture, L.N. Kogan, education, sociology of youth

НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Статья рассказывает о Л. Н. Когане, который был не только исследователем социологии культуры, но и основоположником социологии труда. В 1959 году он опубликовал первую статью научной печати, основанную на социологических исследованиях, которая была связана с данными, собранными на пяти заводах. Статья подчеркивает, что Л. Н. Коган уделял внимание развитию самостоятельности и творчества рабочих, а также интересовался их культурно-техническим уровнем. В целом, Л. Н. Коган является выдающейся фигурой в истории отечественной социологии. Он сделал значительный вклад в развитие социологии труда и культуры, а также предложил новые методы и подходы к исследованию социальных явлений. Его первые опыты исследования труда на заводах стали отправной точкой для развития современной социологии труда. Важно помнить о его достижениях и использовать их в современных исследованиях, чтобы продолжить развитие этого направления в социологической науке.

Ключевые слова: Л. Н. Коган, социология, труд, культура, методы, исследование

Статья посвящена Л. Н. Когану, уникальному человеку, который сочетал в себе многие прекрасные качества, не только исследователя, не только первопроходца многих путей, но и человека, который любил жизнь во всем ее многообразии. Л. Н. Когана характеризуют как исследователя социологии культуры, на самом деле он внес огромный вклад в развитие этой отрасли знания и по праву считается основателем этого направления в социологии. Но вероятно не все знают об еще одном факте в жизни человека. Л. Н. Коган был основоположником и такого направления, как социология труда. Далеко не все знают, что первая публикация, основанная на конкретных социологических исследованиях, появилась в научной печати в 1959 году в журнале «Вопросы философии» в выпуске под номером 9 и под этой статьей была подпись Л. Н. Когана. Это выдающееся событие, потому что именно уральцы заявили о себе в лице Л. Н. Когана. Это были результаты той работы, которая велась с начала 50-х годов. Изначально было два коллективных труда – социологическое развитие предприятий, как важная структура коммунистической сознательности (1953 г.) и связь науки с производством в социалистическом обществе (1956 г.) [1]. В этих монографиях авторы оперировали данными социологических исследований. Еще одним важным аспектом является, что в «Вопросах философии» до этого появилось всего две статьи: статьи академика В. С. Немчинова, которая называлась «Социология и статистика» и статья В. В. Колбановского, который рассуждал о предмете марксистской социологии. Поэтому первая статья именно по результатам конкретного исследования была связана с именем Л. Н. Когана. В этой статье оперировали данными, которые были собраны на пяти заводах – маргеновский цех нижнетагильского металлургического комбината, механический цех свердловского инструментального завода, маргеновский цех верх-исетского завода, кузнечнопрессовый цех Уралмашзавода и станкостроительный цех Уралвагонзавода.

В этих пяти предприятиях было опрошено 162 рабочих, которые ответили на вопросы. Их ответы были перечислены в данной статье. Мы не будем перечислять все моменты этой статьи, а назовем следующее: уклон был сделан на развитие самостоятельности и творчества рабочих. К примеру, рабочим были заданы такие вопросы как «Как вы участвуете в распространении передового опыта?», «Как вы участвуете в рационализаторском предложении?», «Где вы в данный момент учитесь или повышаете квалификацию?». Ну и наконец такой момент, который во многом связан с интересами Льва Наумовича – вопрос о личных библиотеках, о желании рабочих посещать театры и иные учреждения культуры. На базе этих направлений сложился будущий интерес Льва Наумовича и перерос в тему, которая была популярна в социологии в конце 50-х начале 60-х гг. – рост культурно-технического

уровня рабочего класса, идеи которой, кстати, были переняты москвичами и ленинградцами совместно с В. А. Ядовым, которые сделали в дальнейшем более совершенный шаг.

Если рассматривать данные исследования с точки зрения современной социологии они имеют определенное ограничение, могут показаться простыми. Однако, для того этапа это было выдающееся достижение и прорыв, когда социология заявила о себе как полноценная наука. Потом эти данные были им озвучены и на научных конференциях, которые состоялись на ряде заводов после исследования. То есть это не осталось уделом только самого научного дела, но это было доведено до тех работников, с которых бралась информация. Данное исследование явилось уникальным, которое еще не имело название «современная социология труда», но оно в полной мере открывало дорогу именно этим поискам и направлениям деятельности. Очень важно, особенно в вопросах изучения проблем промышленного производства, проблем труда обращаться и вспоминать этот первый опыт и апробации наших исследований.

В заключение хотелось бы сказать об одном важном открытии Льва Наумовича. С его именем так же связаны попытки картографии в социологии. В Омской области им были проведены работы по съемке карты развития культуры в этой области. Тогда он впервые предложил не только функциональный и структурный подход, а применить метод, который был распространен в большей мере в географии, но применялся и в социологии. Это подчеркивает черты первопроходца и того человека, который многое сделал для социологии, в том числе для направления в социологической науке – проблемы социологии труда. Его начинания и открытия являются яркой страницей в развитии отечественной социологии.

Литература

1. Связь науки с производством в социалистическом обществе [Текст] : [Сборник статей] / Сост.: канд. философ. наук Л. Н. Коган. - Свердловск : Кн. изд-во, 1956. - 128 с.

J. Toshchenko

LEGACY OF L.N. KOGAN: CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY OF LABOR AND CULTURE

Abstract

The article tells about L.N. Kogan, who was not only a researcher of the sociology of culture, but also the founder of the sociology of labor. In 1959, he published the first scientific press article based on sociological research, which was related to data collected at five factories. The article emphasizes that L.N. Kogan paid attention to the development of independence and creativity of workers, and was also interested in their cultural and technical level. In general, L.N. Kogan is an outstanding figure in the history of Russian sociology. He made a significant contribution to the development of the sociology of labor and culture, and also proposed new methods and approaches to the study of social phenomena. His first experiments in the study of labor in factories became the starting point for the development of modern labor sociology. It is important to remember his achievements and use them in modern research in order to continue the development of this direction in sociological science.

Keywords: L. N. Kogan, sociology, labor, culture, methods, research

УДК 316

М. Т. Аветисян, В. П. Засыпкин

КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ ВОЖАТОГО

Аннотация

В статье рассматривается проблема культуры личности, с точки зрения организации культурно-досуговой деятельности подрастающего поколения вожатым в детских лагерях.

Ключевые слова: личность, досуг, культурно-досуговая деятельность, вожатый, вожатство, вожатская деятельность, детский лагерь, педагог, профессия, призвание, ценностные ориентации.

Рассматривая вопросы формирования и развития культуры личности, чаще всего обращаются к рассмотрению области реализации данного феномена. Именно сфера досуга обладает огромным развивающим и воспитательным потенциалом, выступает неограниченным пространством самореализации, индивидуализации личности.

Под понятием «досуг» зарубежные ученые понимали «деятельность по повышению своей осведомленности о мире и культуре». Себастьян де Грация досуг воспринимал с позиции развития личности.

Н. Миллер и Д. Робинсон отмечали, что досуг имеет ценность для человека только в том случае, когда он проведен в условиях социально значимой деятельности. Деятельностная сторона досуга представлена и в трудах отечественных ученых, таких как М. А. Ариарский, Э. В. Соколов, В. Я. Суртаев, Л. Н. Коган, Г. П. Орлов, А. Ф. Воловик, В. А. Воловик, Г. А. Евтеева. Исследователи рассматривают досуг как деятельность личности в условиях свободного времени, направленную на саморазвитие и самосовершенствование.

Л. Н. Коган в своей книге «Цель и смысл жизни человека» отмечал, в «культурно-досуговой деятельности» наиболее значима интерпретация понятия «культура». Ученый под словом «культура» понимает совокупность культурных ценностей и норм, а также деятельности людей по их «распредмечиванию» и «опредмечиванию» [3].

Опираясь на деятельностную концепцию понимания культуры (Л. Н. Коган), мы определили, что «культурно-досуговая деятельность» непосредственно связана с ценностными ориентациями личности, направленными на создание социально-значимых материальных и духовных предметов культуры. Культуротворчество является процессом создания, освоения и приобщения личности к социально значимым ценностям культуры в свободное время, т. е. во время досуга.

Деятельность культурно-досуговая (КДД) – данный термин начали применять в науке в конце XX века. Его появление (автор Л. Коган), с одной стороны, отражало попытку найти обобщающее, собирающее определение противоречивой практике культурного досуга, именовавшейся в различные периоды советской истории как «внешкольное образование», «политико-просветительная работа», «культурно-просветительная работа». С другой стороны, появление термина «культурно-досуговая деятельность» являлось логическим следствием теоретического осмысления проблемы культурного досуга, ориентированного на новое понимание культуры, отличного от узкого ее рассмотрения только как культурное потребление. Сегодня она интерпретируется как живой культуротворческий процесс: свободный выбор культурных занятий, художественного творчества, приобщение к лучшим образцам, самоорганизация на почве культурно-досуговой деятельности.

На IV Съезде Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников», обращаясь к участникам, организаторам и гостям, Президента Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Вопросам воспитания подрастающего поколения на основе высоких духовно-нравственных идеалов, ценностей патриотизма, гражданственности, уважения к истории Отечества – неизменно уделяется приоритетное внимание государства. Уверен, чтобы достичь поставленных целей, вы должны вдумчиво, творчески использовать лучшие традиции воспитания и просвещения, которыми по праву гордится наша страна. И в то же время – искать новые, интересные форматы досуга, активнее задействовать мощный потенциал добровольческих, творческих, военно-патриотических, спортивных организаций». Это обращение, как мы понимаем, было неслучайным и адресовано оно, в первую очередь, финалистам конкурса «Лига Вожатых», которые стали активными участниками Съезда.

Не подлежит сомнению тот факт, что вожатые играют важную роль в организации культурно-досуговой деятельности подрастающего поколения. Понятие «вожатый» впервые было применено в 1922 году, в тот период вожатого называли руководителем пионерского отряда, пионервожатым, вожатым пионеров, поэтому у каждого руководителя лагеря, у пионеров уже сложилось представление о том, каким должен быть человек, который работает вожатым, какими качествами, профессиональными компетенциями он должен обладать.

Известно, что, если ребенок возвращается в лагерь снова и снова, то это значит, что ему понравилась та атмосфера, в которой он жил 21 день, понравились люди, которые его окружали. В этом и заключается основная и непосредственная работа вожатого – организовать для детей незабываемый, активный, насыщенный позитивными эмоциями досуг.

Стоит отметить, что при организации культурно-досуговой деятельности младшего поколения, вожатый в то же время качественно организует и личный досуг, развивая собственную культуру личности.

Современный вожатый – это человек, способный обеспечивать развитие ребенка в условиях трудно поддающейся структуре среды, в условиях постоянного изменения, какой и является детский лагерь.

Л.Н. Коган говорил: «культура развивается в единстве противоположностей: опредмечивания сущностных сил человека в его деятельности и продуктах этой деятельности – ценностях культуры, с одной стороны, и распредемчивания – освоения реализованных в ценностях культуры сущностных сил и превращения их в духовное богатство социального субъекта – с другой...». По сути, непрерывное полагание и разрешение этого противоречия и есть культурная деятельность. Сущностные силы человека проявляются только в его социальной, преобразующей деятельности. Эта деятельность представляет общественный по своей сущности процесс обмена деятельностью между людьми [4].

Действительно, вожатый в лагере проявляет себя в социальной, преобразующей деятельности, что способствует обмену деятельности между ролями «вожатый – ребёнок», «ребёнок-ребёнок». Вера вожатого в себя, в каждого ребёнка в отряде способна сплотить вокруг него ребят, а правильно организованная им совместная деятельность детей способствует зарождению и укреплению дружеских и рабочих взаимоотношений в отряде; ребята становятся коллективом и осваивают доступные способы самоорганизации и самоуправления.

В профессиональном стандарте специалиста, участвующего в организации деятельности детского коллектива (вожатого), основная цель вида профессиональной деятельности – «сопровождение детского коллектива (группы, подразделения, объединения) в организациях отдыха детей и их оздоровления (образовательных организациях), создание условий для развития коллектива, планирование и реализация его деятельности под руководством педагогического работника» [5, с. 3]. Должность вожатого обозначена, как должность помощника учителей, а его деятельность относится к дополнительному образованию. Эта функция предполагается даже при непосредственном «проведении игр, сборов и иных мероприятий во временном детском коллективе (группе, подразделении, объединении), направленных на формирование коллектива, его развитие, поддержание комфортного эмоционального состояния» [5, с. 6].

Согласно профессиональному стандарту работе вожатого соответствуют такие трудовые функции как [5, с. 6]:

- Планирование деятельности временного детского коллектива (группы, подразделения, объединения) под руководством педагогического работника в соответствии с планом работы организации отдыха детей и их оздоровления;

- Сопровождение временного детского коллектива (группы, подразделения, объединения) под руководством педагогического работника в соответствии с ежедневным планом работы организации отдыха детей и их оздоровления;

- Проведение под руководством педагогического работника игр, сборов и иных мероприятий во временном детском коллективе (группе, подразделении, объединении), направленных на формирование коллектива, его развитие, поддержание комфортного эмоционального состояния;

- Включение участников временного детского коллектива (группы, подразделения, объединения) в систему мотивационных мероприятий организации отдыха детей и их оздоровления.

Таким образом, профессиональный стандарт вожатого, регламентируя трудовые функции, подчеркивает важность данной профессии. Профессия «Вожатый» стоит на одном уровне с такими профессиями, как педагог, педагог-организатор, врач, актер.

Вожатый не только выполняет трудовые функции при реализации профессионального стандарта, но и осуществляет культурную деятельность по формированию ценностных ориентиров и воспитанию детей в лагере.

По мнению Л. Н. Когана, культурная деятельность в ее узком смысле неразрывно связана с духовно-практической деятельностью человека. Она представляет собой не что иное, как деятельность человека по поводу производства, распространения, сохранения и потребления ценностей духовной культуры. В материальной или политической культуре собственно культурная деятельность выступает сопутствующей, т. е. является срезом, элементом другой деятельности, имеющей четкое функциональное назначение. Человек производит необходимые орудия и предметы труда с тем, чтобы удовлетворить соответствующие общественные потребности. Но в процессе этой деятельности он развивается сам, обогащаются его опыт, умения, знания. Следовательно, оставаясь функциональной, эта деятельность имеет человекотворческий характер и этим самым приобретает культурный смысл, выступает и культурной деятельностью [4].

Воспитание детей, согласно Государственной Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года, должно опираться на систему «духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России: человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [7, с. 2].

Эти ценности проявляются и транслируются детям и подросткам в процессе воспитательной работы и общения вожатого. В процессе работы и общения с детьми вожатый демонстрирует культуру, этику поведения. Этика, как кодекс поведения, является ключевой доминантой культуры вожатого. Вожатская этика включает систему моральных ценностей как представлений о добре и зле, справедливости и чести, которые выступают своеобразной оценкой его поведения и характера жизнедеятельности. Она определяет нравственные позиции и принципы воспитания, которыми необходимо руководствоваться вожатому в процессе его общения с детьми, их родителями, коллегами, сотрудниками и руководством лагеря. Закладывая основы мировоззрения детей, вожатый призван прививать им этические нормы, принципы и знания [6].

Ценностно-смысловые ориентации вожатого являются динамическими образованиями, имеющими тенденцию изменяться содержательно, заменяться другими ценностными ориентациями под влиянием различных факторов. Система ценностей вожатого влияет на стиль его руководства детским коллективом.

К высшим ключевым ценностям вожатого, которые необходимо будет прививать подрастающему поколению, следует отнести ценность человеческой жизни и ценность человека, главный смысл жизни которого состоит в созидании. Осмысление и реализация ценности человека происходит посредством отношения к себе и к другим людям, через ценности общения и взаимодействия в системе человек- человек [8].

Ценностные ориентации вожатого напрямую влияют на формирование ценностей детского коллектива в лагере. Реализация ценностей лагерной жизни происходит посредством программы жизнедеятельности детей в лагере. Демонстрируя высокие ценностные ориентиры, вожатый овладевает «призванием». Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, призвание – высокие профессиональные способности, обеспечивающие радостный и эффективный труд человека. Высокими профессиональными способностями в деле вожатого является формирование высоких ценностей у подрастающего поколения [9].

Следуя вышесказанному, для успешной реализации программы детского отдыха вожатому важно не только владеть и выполнять трудовые функции, но и обладать необходимыми ценностными ориентирами. Ценностные ориентиры не имеют связи с профессиональным стандартом специалиста, участвующего в организации деятельности

детского коллектива (вожатого), но они не менее важны в деле воспитания будущего поколения и являются отражением того самого «призвания», которое, согласно Д. А. Ушакову, обеспечивают эффективный труд.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вожатый должен обладать не только профессиональными качествами, но иметь, согласно ценностным ориентирам, соответствующую культуру личности для качественной организации культурно-досуговой деятельности детей.

Литература

1. Годлевская, А. Д. Современные требования к вожатому // Молодой ученый. 2021. № 11 (353). С. 158–160.
2. Зеткина И. А. Воспитательный потенциал тематической смены в детском лагере // Интеграция образования. 2014. С. 70–75.
3. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. Изд-во Мысль, 1984. 252 с.
4. Культурная деятельность: опыт социологического исследования: [монография] / АН СССР, Урал. науч. центр; [отв. ред. Л. Н. Коган]. - Москва: Наука, 1981 г.
5. Приказ Минтруда России от 25.12.2018 N 840н (ред. от 11.02.2019) «Об утверждении профессионального стандарта Специалист, участвующий в организации деятельности детского коллектива (вожатый)». [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316169/ (дата обращения 05.04.2023).
6. Профессиональная этика и коммуникативная культура вожатого: Методические рекомендации / Н. П. Болотова, Н. Ю. Галой, И. А. Горбенко и др.; под общей ред. Е. А. Левановой, Т. Н. Сахаровой. – Москва: МПГУ, 2017. 96 с.
7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения 05.04.2023).
8. Торгонский В. В. Технология формирования временного детского коллектива в условиях организации летнего отдыха (на примере работы научно-экспериментальной площадки в ДБО «Смена» г. Анапа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. №1. С. 95–105.
9. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. - Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

М. Avetisyan, V. Zasyipkin

THE CULTURE OF THE COUNSELOR'S PERSONALITY

Abstract

The article deals with the problem of personal culture from the point of view of organizing cultural and leisure activities of the younger generation by counselors in children's camps.

Keywords: personality, leisure, cultural and leisure activities, counselor, leadership, leadership activity, children's camp, teacher, profession, vocation, value orientations.

УДК 316

В. А. Бурко, Ю. М. Вассерман

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ СИНДРОМ И ЛИЧНОСТНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ - ПОИСКИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Аннотация

Авторы многие годы занимаются исследованием личностного культурного потенциала, рассматриваемого через призму личностного социально-психологического капитала (SCp) и модернизационного социокультурного континуального синдрома (МСКС) как индикаторов эффективности межличностного взаимодействия. В начале 2000-х годов Фондом ИНДЕМ был

разработан социологический показатель "социальный интеллект" как способность ориентироваться в той или иной сфере социальных отношений и практик. Авторы настоящей статьи предприняли попытку рассмотреть взаимосвязь трёх этих показателей, что позволило бы расширить возможность их использования при анализе тех или иных сфер культуры личности. Показатель ЛСПК в данном исследовании представлен через систему индикаторов – доверие, межличностная кооперация и реальное участие в общественной и политической деятельности. Связь показателя МСКС с "социальным интеллектом" рассмотрена путём сравнения двух альтернативных групп – "традиционалисты" и "модернисты". Проведённый анализ сопоставления трёх указанных социологических индикаторов позволил, с одной стороны, уточнить содержательный смысл каждого из них и, с другой стороны, уточнить карту релевантности показателя "социальный интеллект". Эмпирической базой для решения поставленной задачи служили данные репрезентативного социологического опроса жителей Пермского края, проведённого в конце 2019 – начале 2020 годов. Генеральная совокупность: городское и сельское население Пермского края 18 лет и старше - 2, 1 млн. чел. Для построения качественной репрезентативной выборки была применена оригинальная методика конструирования выборки в несколько этапов, что позволило нивелировать перекосы по ряду демографических групп и территориальных показателям. Благодаря такому поэтапному подходу была сконструирована региональная выборка в количестве 2296 чел., отвечающая всем требованиям качественной и количественной репрезентативности (максимальная ошибка выборочных оценок составляет $\pm 2,0\%$ при вероятности 0,95).

Ключевые слова: личностный культурный потенциал, социальный интеллект, модернизационный социокультурный континуальный синдром, личностный социально-психологический капитал

Введение в проблему

Многолетние дискуссии З. И. Файнбурга и Л. Н. Когана по вопросам культуры и культурологии как науки явились, помимо прочего, базой для многочисленных поисков и разработок большого числа методик и инструментов, с помощью которых исследовательские коллективы обеих уральских социологических школ анализировали влияние культуры на те или иные аспекты жизнедеятельности социума. Одним из результатов таких поисков стала разработка одного из авторов данной статьи, направленная на оценку уровня модернизационных установок населения по широкому спектру отношений человека и общества. Коллега автора, занимаясь многие годы исследованием социального самочувствия, пришёл к необходимости начать изучение такого важного социокультурного показателя как личностный социально-психологический капитал. Совместная работа авторов значительно расширила интерпретационный потенциал обеих методик, что, в частности, было показано в недавно опубликованном материале в журнале СоцИс [1].

Поводом для написания настоящей статьи явилась монография руководителя Фонда ИНДЕМ Г. А. Сатарова "Социальный интеллект и динамика диспозиций"[3]. В этой работе автор предлагает и обосновывает новый способ измерения социального интеллекта как свойства индивидов ориентироваться в социальном пространстве. При этом Сатаров не боится вступать на категориальное поле, занятое психологами, в основном – зарубежными, которые, начиная с 20-х годов прошлого века изучали социальный интеллект, вкладывая в это понятие различные трактовки. Это и общая способность понимать других людей, способность ужиться с другими людьми, знания о людях, способность критически и правильно оценивать чувства, настроения и мотивацию поступков других людей и т.д. Сатаров считает, что все эти трактовки обсуждаемого психологического феномена можно объединить термином "коммуникативный интеллект", понятие "социальный интеллект" оставить за разработанным им (Сатаровым) показателем, т.к. понятие "социальный" в большей степени отражает способность ориентации в социальном пространстве. При этом, как утверждает Сатаров, высокий коммуникативный интеллект (в предложенной им трактовке) не обязательно сопровождается социальным интеллектом [3, с. 6]. При разработке своего показателя Сатаров берёт в союзники А. Шютца, в частности его работу "Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии"[4]. Операциональная и содержательная основа показателя "социальный интеллект" по Сатарову (далее мы будем обозначать его как

SIS) заключается в формировании шкалы, составленной из частот выбора респондентами варианта "Затрудняюсь ответить" на те или иные вопросы социологической анкеты.

В настоящей статье предпринята попытка использовать показатель SIS для углубления содержательной интерпретации двух социологических индикаторов, разработанных авторами в последние годы: модернизационный социокультурный континуальный синдром (МКСК) и личностный социально-психологический капитал (СРК).

Эмпирической базой для решения поставленной задачи служили данные репрезентативного социологического опроса жителей Пермского края, проведённого в конце 2019 – начале 2020 годов ("полевые" работы проводились региональной социологической службой СВОИ, рук. – А. С. Нода). Генеральная совокупность: городское и сельское население Пермского края 18 лет и старше – 2, 1 млн. чел. Исследовательская выборка конструировалась сочетанием отбора респондентов методом CAWI (онлайн опрос) и CAPI (планшетный опрос). В результате была сконструирована региональная выборка в количестве 2292 чел., отвечающая всем требованиям качественной и количественной репрезентативности (максимальная ошибка выборочных оценок составляет $\pm 2,0\%$ при вероятности 0,95; число опрошенных респондентов в каждом из 48-ми муниципалитетов Пермского края составляло от 40 до 432 чел. (максимальная ошибка выборочных оценок варьируется от $\pm 20,0\%$ до $\pm 5,0\%$ при вероятности 0,95).

Анализ взаимосвязи показателей МКСК и SIS

Модернизационный социокультурный континуальный синдром (МКСК) оригинальная разработка одного из авторов статьи [2]. МКСК оценивает степень выраженности установок респондентов по отношению к социальным феноменам из разных сфер жизнедеятельности респондентов, которые восходят к традиционному или современному обществу, измеренных по степени их соответствия нормативной системе респондентов.

Квантификация МКСК проводилась с помощью метода суммарных оценок, посредством предложения респонденту ряда полярных оценочных (относительно указанных социальных феноменов) суждений с просьбой высказать свое степень своего согласия или не согласия с предложенными оценочными суждениями.

Уровень модернизации социокультурных типов замерялись в следующих сферах (субшкалы):

- отношение к семейной жизни;
- отношение к экономической жизни;
- отношение к равенству ;
- отношение к политической жизни;
- отношение к "чужакам", к другой культуре, творчеству, новациям.

Каждая из разработанных субшкал представляет собой набор высказываний (6 позитивных и 6 негативных) оценивающих различные проявления "традиционного" и "индустриального" образа жизни в названных сферах. Высказывания заимствованы из средств массовой информации. Для выражения степени согласия (или не согласия) респондента была предложена шестибальная шкала (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»).

При дифференциации (в процессе культурной модернизации общества) структур ценностей, норм и установок поведения, и т. п. можно выделить **два полюса континуума**:

Первый связан с отрицательным отношением к постоянному потоку новшеств, приносимых процессом модернизации, его можно назвать контрмодернизационным синдромом (КМС).

Второй связан с положительным отношением к этому потоку, это – промодернизационный синдром (ПМС).

Оба полюса являются идеальными типами по М. Веберу. Операционализационной формой этих двух полюсов могут служить выделяемые, при вариации показателя уровень модернизации культуры личности, полярные децильные группы (см рис.1).

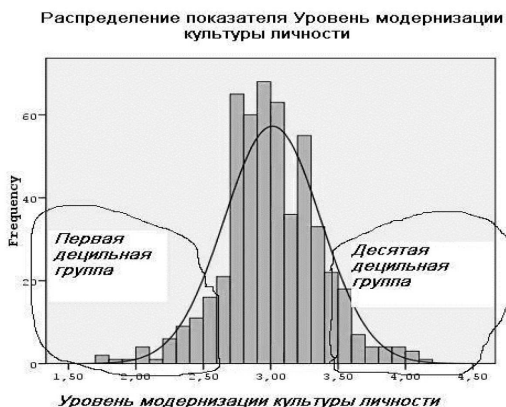

Рис. 1. Выделение полярных децильных групп.

В рамках проведенного исследования были измерены (с помощью процедуры t-test пакета IBM SPSS Statistics) различия уровня показателя социального интеллекта в полярных, по уровню модернизации культуры, децильных группах. Эти, статистически значимые, различия иллюстрируются на графике столбиков ошибок (см. рис.2).

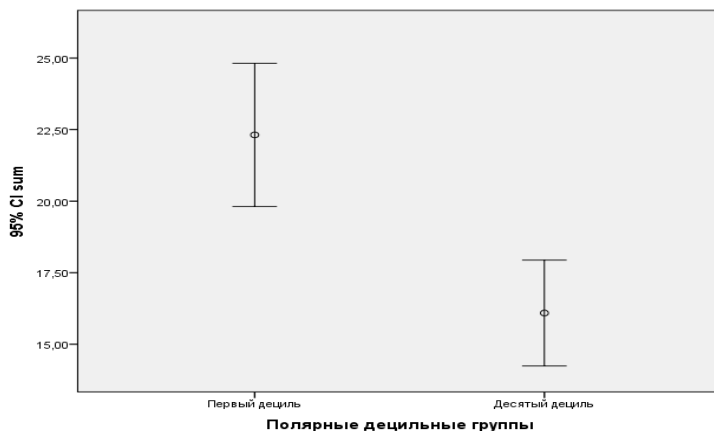

Рис. 2. Средние уровни показателя SIS в полярных децильных группах.

Следует заметить, что статистически значимые различия наблюдаются в любых полярных по уровню модернизации культуры группах, как децильных так и квинтильных и квартильных. Другими словами – чем выше уровень модернизации культуры, тем выше значение показателя SIS (меньше ответов «затрудняюсь ответить»).

Анализ взаимосвязей показателей: личностный социально-психологический капитал (SCp) и SIS

Показатель SCp является попыткой оценить установку (attitude) человека на доброжелательные взаимоотношения с окружающими людьми и готовность к совместным

действиям. Символически структуру данного показателя можно выразить следующей формулой:

$$SCp=f(Tr*Ac*Rc), \text{ где}$$

Tr (trust) - доверие к окружающим людям, социальным группам и политическим институтам;

Ac (attitude cooperation) - установка на готовность к сотрудничеству с другими людьми и общественно-политическими или волонтерскими организациями (отношение к нормам и ценностям, характеризующим эти взаимоотношения);

Rc (real cooperation) - реальное сотрудничество с общественно-политическими или волонтерскими организациями за последний год.

Все три структурных компонента, составляющих показатель SCp, операционализировались в форме закрытых анкетных опросов, представляющих собой ту или иную форму шкалы Лайкерта (показатели Tr и Ac) или в виде альтернативной шкалы (Rc).

При расчёте показателя Tr на первом этапе применялась 4-балльная шкала, направленная на оценку уровня доверия относительно 18-ти объектов доверия - от Президента РФ до членов семьи респондента. На втором этапе был проведён факторный анализ ответов по всем 18-ти объектам методом главных компонент (варимакс с нормализацией Кайзера, процент объяснённой дисперсии: 67,6%), в результате которого были получены три фактора - группы объектов доверия: фактор 1 - органы власти, фактор 2 - политические общественные и коммерческие институты, фактор 3 - семья и ближайшее окружение. На третьем этапе в каждой из трёх выделенных групп (факторов) было подсчитано число ответов "Затрудняюсь ответить" (показатель SIS) и определено среднее значение этого показателя по каждой группе объектов доверия. Сравнительный анализ средних значений показателя SIS по вышеназванным группам дал возможность сделать следующий вывод: наиболее высокий уровень показателя SIS отмечен для объектов «семья и ближайшее окружение», самый низкий уровень – для объектов «органы власти», что вполне согласуется с результатами, полученными в исследовании фонда ИНДЕМ [3, с. 15].

Вместе с тем нами был получен результат, существенно дополняющий интерпретацию показателя SIS. Речь идёт о расчёте этого показателя для двух альтернативных групп респондентов, оценивающих т. н. обобщённое (генерализованное) доверие: "Большинству людей можно доверять" и "В отношениях с людьми следует быть осторожными". Оказалось, что среднее значение показателя SIS по этим группам различно, но статистически не значимо. Другими словами, уровень социального интеллекта по Сатарову жителей Пермского края никак не влияет на уровень доверия к окружающим людям.

Что же касается взаимосвязи показателя SIS с общественной активностью респондентов, то расчёт T-критерия для двух альтернативных групп ("принимал участие в работе общественно-политических или волонтерских организаций за последний год" - "не принимал участие") показал значимое различие средних, т. е. респонденты первой группы ("принимал участие") характеризуются более высоким уровнем социального интеллекта по Сатарову.

Основные выводы

Показатель SIS обнаружил тесную связь с показателями MCKC, Tr, Rc по следующим параметрам:

– при интерпретации показателя "уровень модернизации культуры", как показателя, характеризующего уровень адаптации личности к жизни в модернизирующемся обществе, можно предположить, что повышение показателя модернизации культуры личности сопровождается увеличением уровня показателя SIS. Этот вывод не противоречит выводам Г. Сатарова, отмечавшего в своих исследованиях положительную корреляцию между показателями социального интеллекта и показателями социальной адаптации [3, с. 36–37].

– наиболее высокий уровень показателя SIS отмечен для объектов «Ближайшее окружение», самый низкий уровень – для объектов «Органы власти»;

- уровень социального интеллекта по Сатарову жителей Пермского края никак не влияет на уровень доверия к окружающим людям (обобщённое доверие);
- группа социально и политически активных граждан показывает значимо более высокий уровень по показателю SIS, чем альтернативная социальная группа.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-011-00548

Литература

1. Бурко В. А., Вассерман Ю. М. Модернизационный синдром и доверие: взаимосвязь в аспекте межпоколенных особенностей // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250017388-9
2. Вассерман Ю. М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. – Вып. 7. – Пермь: ПГТУ, 2004. С. 225–239.
3. Сатаров Г. А. Социальный интеллект и динамика диспозиций / Георгий Сатаров. - Москва : Индем, 2003. - 49 с. : ил., табл.; 21 см. - (Труды Фонда ИНДЕМ / Регион. обществ. фонд "Информатика для демократии").; ISBN 5-902204-03-8 : 500
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. - М., 2003

V. Burko, Y. Wasserman

SOCIAL INTELLECT, MODERNIZATION SYNDROME AND PERSONAL SOCIAL CAPITAL – SEARCH FOR INTERRELATIONS

Abstract

The authors have been studying personal cultural potential for many years, viewed through the prism of personal socio-psychological capital (SCp) and the modernization socio-cultural continuum syndrome (MSCS) as indicators of the effectiveness of interpersonal interaction. In the early 2000s, the INDEM Foundation developed the sociological indicator "social intellect" as the ability to navigate in a particular area of social relations and practices. The authors of this article made an attempt to consider the relationship between these three indicators, which would expand the possibility of their use in the analysis of certain areas of personality culture. The SCp indicator in this study is presented through a system of indicators trust, interpersonal cooperation and real participation in social and political activities. The relationship between the MSCS indicator and "social intellect" is considered by comparing two alternative groups – "traditionalists" and "modernists". The analysis of the comparison of the three indicated sociological indicators made it possible, on the one hand, to clarify the meaningful meaning of each of them and, on the other hand, to refine the map of the relevance of the "social intellect" indicator. The empirical basis for solving the problem was the data of a representative sociological survey of residents of the Perm Territory, conducted in late 2019 – early 2020. General population: urban and rural population of the Perm Territory aged 18 and over – 2.1 million people. To construct a high-quality representative sample, an original methodology was used to construct a sample in several stages, which made it possible to level out biases in a number of demographic groups and territorial indicators. Thanks to this step-by-step approach, a regional sample of 2296 people was constructed that meets all the requirements of qualitative and quantitative representativeness (the maximum error of sample estimates is $\pm 2.0\%$ with a probability of 0.95).

Keywords: personal cultural potential, social intelligence, modernization socio-cultural continuum syndrome, personal socio-psychological capital

Р.М. Валиахметов, Г.Р. Баймурзина, Е.Н. Икигрин

**СОХРАНЕНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ Н. А. АИТОВА**

Аннотация

В обзорной статье представлено описание вклада Н. А. Аитова в возрождение и развитие социологической науки в нашей стране и формирование научной школы в Башкортостане. Показаны масштаб и объем выполненной научно-исследовательской работы в социологической лаборатории под его руководством. Систематизирован и описан архивный фонд профессора Н. А. Аитова, обоснованы его научная, образовательная и практическая ценности для будущих поколений управленцев и ученых.

Ключевые слова: Н. А. Аитов, социология, научная школа, научное наследие, социологическая лаборатория, социологическое исследование, социальное развитие, регион, социальное планирование, город

В настоящее время коллективом добровольцев факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ) и Института социологии ФНИСЦ РАН (Лаборатория региональных исследований в г. Уфа) ведется кропотливая работа по восстановлению и систематизации архива социологической лаборатории бывшего Уфимского авиационного института имени Орджоникидзе (с 1992 по ноябрь 2022 г. – Уфимский государственный авиационный технический университет (УГАТУ), ныне входит в Уфимский университет науки и технологий). В УГАТУ, отметившем в 2022 году 90 – летний юбилей со дня основания, на протяжении более 45 лет (с 1964 г. по 2010 г.) работала одна из первых в СССР социологических лабораторий. Создавал и более четверти века руководил ею Аитов Нариман Абдрахманович, один из крупнейших социологов страны, заслуженный деятель науки РСФСР, первый доктор философских наук в Башкортостане, один из основателей Уральской социологической школы. Он был одним из первых, кто возрождал в 1960-е годы отечественную социологическую науку в стране, создавал научную школу в Башкортостане.

В энциклопедии «Социология России в лицах: история и современность» [7, с. 99–100] отмечается, что Н. А. Аитов снискал известность в научном мире:

- открытием в 1964 году и теоретическим обоснованием явления неустойчивости социально-профессионального статуса личности;
- разработкой теории отношения к труду различных групп и слоев населения в условиях социализма;
- обоснованием идей о социальном регулировании технического прогресса и социальных последствий НТР;
- разработкой теории и методики социального планирования и проектирования;
- вкладом в разработку таких проблем, как социальные последствия новых городов, новых предприятий в старом городе;
- новаторской теорией регионального развития, методами оценки развития регионов, анализа социальных различий в территориальном плане, в социальной структуре и в интеллектуальном потенциале;
- постановкой вопроса об общем и особенном в социальной структуре социалистических стран.

Авторы статьи об Н.А. Аитове в энциклопедии, Ж. Т. Тощенко и Р. Т. Насибуллин, считают, что его научные разработки и открытия «дали мощный импульс для дальнейших исследований» [7, с. 100] многих социологов и философов как внутри страны, так и за рубежом. Сам же Н. А. Аитов пишет в своей работе «Город. Население. Трудовые ресурсы» (1982), что идея планирования города как единого целого стала общественной необходимостью и была подхвачена по всей стране [1, с. 112–113].

Объединившиеся вокруг ВЦСПС (рук. – член-корр. АН СССР М. Н. Руткевич) уфимские социологи (рук. – проф. Н. А. Аитов), ленинградские социологи и экономисты (рук. – проф. О. И. Шкаратан, проф. В. Р. Полозов), социологи Свердловска (проф. Л. Н. Коган), Красноярска (проф. Ж. Т. Тощенко), экономисты Донецка (рук. – проф. В. С. Скогарев), Львова (рук. Л. А. Олесевич) создали методику планирования экономического и социального развития городов [4].

В рамках международной программы «Социальные проблемы труда и производства», организованной Институтами Академий наук СССР и Польской Народной Республики, исследовались социальные аспекты использования рабочей силы [2]. Имеются свидетельства (письма из Болгарии, Польши, Чехословакии и др.) о том, что методика проектирования социального развития городов и сельских поселений была востребована и запрашивалась у Н. А. Аитова социологами из других социалистических стран.

Масштаб личности Н. А. Аитова, как ученого и организатора, проявился в создании крупнейшей в Советском Союзе социологической лаборатории. В лаборатории работало в разные годы от 30 до 50 человек штатных сотрудников и 20 совместителей. Только за период с конца 1967 г. по начало 1968 г. было опрошено 17 тыс. рабочих машиностроительных предприятий Уфы, Стерлитамака, Салавата и Белебей [3, с. 20]. В течение 1970–1980 гг. были разработаны планы социального развития практически всех городов Башкортостана и отдельных городов Республики Татарстан, Волгоградской области, Челябинской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и др. [3, с. 29]. Особое внимание обращалось на социальную и демографическую структуру населения; структуру рабочих мест и социально-профессиональный состав занятого населения города; развитие учреждений обслуживания; виды и формы досуговых занятий.

Б. З. Докторов в недавно направленной нам статье для включения в сборник конференции, посвященный 30-летию социологического образования в Республике Башкортостан, отметил, что Н. А. Аитовым и «значительным числом его учеников и последователей исследованы важнейшие социальные проблемы Республики и тем самым заложены основы многолетнего мониторинга развития всех типов социальных отношений в Башкортостане» [6, с. 12].

Архив Н. А. Аитова содержит материалы социологических исследований, проведенных в период с 1969 по 1989 г.:

- Республика Башкортостан (Белебей, Белорецк, Ишимбай, Кумертау, Нефтекамск, Октябрьский, Салават, Сибай, Стерлитамак, Туймазы, Учалы, Уфа, Благовещенский, Дюртюлинский, Салаватский, Уфимский, Чишминский районы);
- Челябинская область (Магнитогорск, Миасс);
- Молдавия (Бельцы);
- Московская область (Монино, Ивантеевка);
- Ивановская область (Юрьевец);
- Волгоградская обл. (Камышин);
- Ханты-Мансийский округ (Сургут).

Только опись этих материалов составляет 15 листов текста (перечень таблиц с результатами исследований). В табл. 1 представлен перечень городов, годы работы в них и число папок с материалами опросов.

Таблица 1

Сведения по городам и периодам исследований

Регион	Город	Годы работы	Число папок
Башкирия	Уфа	1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1979, 1980 1981 1982, 1988, 1989,1990	162

Продолжение таблицы 1

Регион	Город	Годы работы	Число папок
Башкирия	Нефтекамск	1969, 1972, 1974,1975,1976, 1978	32
	Стерлитамак	1970, 1972, 1975, 1977,1978,1979, 1980	86
Московская область	Монино	1972	6
Татарстан	Набережные Челны	1977-1978	20
Челябинская область	Магнитогорск, Миасс, Машгородок	1974, 1976,1977, 1978	18
Ханты-Мансийский автономный округ	Сургут	1986, 1987,1988	6
	Нижневартовск	1988	1

Сведения, обобщенные в табл. 2, дают представление о направлениях исследований и объектах исследования по г. Стерлитамак. По другим городам перечень работ был примерно таким же.

Таблица 2

Сведения об исследованиях, проведенных в г. Стерлитамак

№ п. п.	Содержание папки	год
1	Анкета № 45 для рабочих (з-д Синтетического каучука, з-д Станкостроительный)	1970
2	Анкета 470 по свободному времени, разработке мероприятий по улучшению культурного обслуживания населения (з-д Синтетического каучука, Химзавод)	1970
3	Анкета № 45 анкета для рабочих	1972
4	Анкета 470 сводная по Стерлитамаку	1972
5	Анкета 126 «Досуг, свободное время, культура»	1977
6	Сведения о специалистах со среднем-специальным образованием	1977
7	Сведения о специалистах с высшим образованием	1977
8	Сведения о рабочих занятых в сфере производства по отраслям народного хозяйства	1977
9	Анкета городского жителя	1978
10	Анкета № 15 (для принимаемых на работу)	1978
11	Анкета № 16 (для увольняемых с работы)	1978
12	Анкета учащихся 8-летних школ, ср. школ, ГПТУ	1978
13	Анкета 145 (для увольняемых с ОПЗ)	1980
14	Анкета 145 (для увольняемых с з-да им. Ленина)	1980
15	Анкета городского жителя для принимаемых на работу (з-д им. Ленина) и др.	1979-1980
<i>Итого: 86 папок с материалами исследований</i>		1970-1980

Под руководством Н. А. Аитова «выросли» целые направления исследований, которые разрабатывались и развивались его учениками. Так, Ю. В. Акатьев занимался социальным планированием сельских районов, А. А. Баймбетов – проблемами отклоняющегося поведения, Р. А. Злотников – вопросами культуры и досуга, В. Д. Попов – образованием и культурой,

Ф. Г. Хайруллин – студентами и молодежью, Е. А. Голощапов и Е. В. Биндиченко – физическим воспитанием и здоровьем, Р. И. Ирнарзоров – этническими процессами, Б. И. Говако и Ф. А. Игебаева – демографией, трудовыми ресурсами. Результаты многолетних социологических исследований в рамках разработки планов социального развития сформировали основу для теоретического осмысления, защиты кандидатских и докторских диссертаций, написания научных статей. Н. А. Аитов подготовил 54 кандидата наук и 19 докторов наук, является автором более 300 научных публикаций.

Архивные материалы представляют огромную ценность как для науки, так и для органов государственного и муниципального управления, разрабатывающих планы социально-экономического развития сельских и городских поселений, учитывающих социальные потребности населения. Проблема заключается в том, что имеющиеся у нас материалы не укомплектованы в архивных органах, не доступны в библиотеках, не используются исследователями, преподавателями и органами власти и управления на практике. Забываются имена ученых-первопроходцев, внесших неоценимый вклад в развитие социологической науки и практики, социальное развитие городов, районов, крупных предприятий.

Итоги недавно реализованного проекта ФНИСЦ РАН «Малые города в социальном пространстве России (2019–2022)» отчетливо показывают необходимость в дальнейшем развитии социального проектирования и планирования [5]. Социологическое наследие школы Н. А. Аитова представляет огромную ценность и в методическом плане, и как внушительная эмпирическая база для вторичного анализа и сравнительных исследований. Систематизация архива, его повторное «открытие» и изучение, на наш взгляд, внесут значимый вклад в развитие истории социологии и сохранение исторической памяти.

Литература

1. Аитов Н. А., Говако Б. И., Игебаева Ф. А. Город. Население. Трудовые ресурсы. Уфа : Башкирского книжное издательство, 1982 г. 144 с.
2. Активность личности в социалистическом обществе [Текст] / Ред. коллегия: З. Суфин [и др.] ; Ин-т социол. исследований АН СССР. Ин-т философии и социологии Польск. АН. VIII Всемир. социол. конгресс. Канада. Торонто. (17-24 авг. 1974). Москва ; Варшава : [б. и.], 1974. 386 с.
3. Насибуллин Р. Т. Кафедре социологии УГАТУ – 50 лет. Уфа: УГАТУ, 2014. 129 с.
4. Перспективное планирование экономического и социального развития города. Методические рекомендации. М., Профиздат, 1977 г.
5. Социокультурный потенциал малых городов России: сборник статей / Отв. Ред. М. Ф. Черныш, В.В. Маркин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 2012 с. DOI 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022. EDN GFSQKI; Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин ; предисл. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.
6. Социологическое образование в России: становление, состояние и перспективы: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню социолога в России и 30-летию социологического образования в Республике Башкортостан (г. Уфа, 14 ноября 2022 г.) / отв. ред.: Р.М. Валиахметов, А.Ю. Гайфуллин. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 164 с.
7. Социология России в лицах: история и современность. Энциклопедическое издание. Автор предисл. и пред. ред. совета акад. РАН М. К. Горшков. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 862 с.

PRESERVATION AND SYSTEMATIZATION OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF THE N. A. AITOV SCHOOL OF SOCIOLOGY

Abstract

The review article describes the contribution of N.A. Aitov to the revival and development of sociological science in our country and the formation of a scientific school in Bashkortostan. The scale and scope of the research work carried out in the sociological laboratory under his leadership are shown. The archival fund of Professor Aitov N.A. is systematized and described, its scientific, educational and practical values for future generations of managers and scientists are substantiated.

Keywords: Aitov N. A., sociology, scientific school, scientific heritage, sociological laboratory, sociological research, social development, region, social planning, city

УДК 316.7

Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская

ОТ ФОЛЬКЛОРА – К МЕДИАЛОРУ: НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация

Непрофессиональное народное художественное творчество долгое время рассматривалось в качестве значимого компонента народной культуры, характеризовало созидательно-творческую активность «народных масс», деятельную сторону самореализации субъекта в сфере искусства. Характерные черты фольклора (непрофессиональное творчество, формально-нерегламентированный характер, неспециализированная деятельность различных слоев населения, непосредственно влиятельная в их повседневную жизнь) в условиях цифровой культуры «дрейфуют» в пространство интернет-коммуникаций. В интернет-среде формы подобной художественно-творческой активности зачастую носят ярко выраженный ироничный характер, максимально приближены к смеховой народной культуре. Современный фольклор трансформируется в медиалор – художественные формы коллективного опыта, распространяемые в виде обмена медиажанрами среди массовой аудитории пользователей. Одним из актуальных примеров подобных медиажанров можно назвать сетевую поэзию «пирожки». Фольклорный характер такой сетевой поэтической коммуникации выражен в сочетании коллективности творчества и художественной подачи сообщения. Для наглядной оценки медиажанра, обратимся к содержательному анализу тематического тега «народ», репрезентированного с позиций сетевого сообщества «Пирожки». Анализ «пирожков» по ключевому тегу «народ» (в последующем, данный тематический тег будет обозначаться нами как субъект интерпретации) позволил выявить: а) основные тематические ареалы включения субъекта в актуальный контекст; б) доминирующие образные характеристики его презентации; в) идентификационные маркеры оценки ключевых качеств «народности». В целом, фольклорно-поэтическая репрезентация в интернет-среде предстает как пространство осознанного нарушения канона, вариант де-сакрализации устойчивых образов, но, одновременно – демонстрирует потребность в приближении и одушевлении субъектов, включении их в актуальный культурный контекст.

Ключевые слова: современный фольклор, медиалор, цифровая культура, сетевые сообщества, «пирожки», поэтическое творчество, народ

Высказывание М. Маклюэна: «если раньше мы были обречены на традицию, то теперь вольны ее выбирать» [10, с. 114] – с наибольшей очевидностью проявляется в разнообразии жанров, расширении (конструировании) границ народного художественного творчества в культуре XXI века. Соединение фольклорных традиций и медийных форматов проявляется в развитии жанров «folk-art-net» [18], «ньослор», «медиалор» как «коллективной реакции на актуальные события, выраженные в художественных формах и распространяющиеся в массовой аудитории «из уст в уста», включая медиатизированные формы распространения» [5, с. 55].

Можем ли мы, исследуя интернет-творчество, говорить о народной художественной культуре в динамике ее развития (актуальный этап) или же уместнее вести речь о некой

«постфольклорной обработке» традиции, пародии или даже «анти-фольклоре» – вопрос дискуссионный для большинства исследователей [3]. Эта неоднозначность ответов во многом обусловлена противоречивым характером интерпретации самого родового понятия «народ», лежащего в основе народной культуры и народного творчества.

Л. Н. Коган обозначает народную культуру как: «культуру, непосредственно созданную людьми физического труда – ядром народных масс каждой исторической эпохи» [9, с. 54]. Не углубляясь в уточнение идентификационных признаков «народных масс» (как известно, эти признаки в отдельных случаях мыслятся универсальными конструкциями – «вышли мы все из народа»; в отдельных – узкоспециализированы и даже оппозиционны иным группам: «страшно далеки они от народа») акцентируем внимание на субъекте деятельности – производителе фольклорных жанров. Речь в данном случае будет идти о непрофессиональном, формально-нерегламентированном и неспециализированном творчестве разных слоев населения, непосредственно вплетенном в их повседневную жизнь [16, с. 35].

В настоящей статье мы обратимся к интернет-фольклору как особой форме существования традиционной культуры, вписанной в новый уклад: «Современные формы существования фольклора в эпоху интернета составляют специфическую область народного творчества, которые при наличии традиционно выделяемых для фольклора свойств ... имеет отличительные черты поэтики, собственных носителей – пользователей глобальной информационной сети, технологического свойства, которые во многом определяют специфику распространения текстов сетевого творчества в виртуальной среде, их интерактивность, разнообразие прецедентной основы и интертекстуальных связей, поликодность с существенной значимостью визуальной составляющей» [6, с. 236–237].

М. В. Загидуллина систематизирует пять основных условий возникновения фольклорного типа коммуникации: 1) устный характер интеракций; 2) принципиальная незначимость автора-первоисточника артефакта, получающего распространения; 3) наличие четко выраженной и ясно осознаваемой всеми участниками коммуникации традиции, обнаруживаемой в правилах, жанрах, форматах, формах коммуникации, в том числе, вписывание в традицию распространяемого артефакта; 4) отсутствие иных регуляторов отбора фольклорных артефактов, кроме коллективного вкуса и мнения (или минимизация иных форм отбора, таких как манипуляция, лоббирование, промоушн и другие); 5) приспособленность отобранных артефактов и сознательно неточной репликации (варьированию – импровизированию), закрепляющей фольклорное значение артефакта [4, с. 88].

Одним из актуальных примеров подобных медиажанров можно назвать сетевую поэзию «пирожки» (сообщество в социальной сети ВКонтакте) – лаконичным поэтическим текстам, чаще всего написанные ямбом с рифмой или без.

Симбиотическая природа данных текстов, их нахождение между сетевой поэзией и фольклорной традицией – неоднократно отмечалось авторами [2; 8; 12; 14; 15]. Наиболее очевидной представляется связь с традициями смеховой народной культуры [1; 13], проявление игрового характера разрушения языковых и смысловых канонов [17], имитация устной речи, коллективный характер авторства. Несмотря на то, что у конкретных текстов есть тот, кто их производит или размещает на странице сообщества, он, в большей мере, предстает не столько субъектом создающим текст (и, соответственно, идентифицируемый как автор), сколько – распространяющим, запускающим его в путешествие по просторам сетевой коммуникации.

Для наглядной оценки медиажанра, обратимся к содержательному анализу тематического тега «народ», репрезентированного в «стихах-пирожках». На момент проведения анализа, количество текстов, использующих данный тег в сетевом сообществе «Пирожки», составляло 175 позиций. В 27 случаях присутствие слова «народ» можно отнести к периферийно используемым – скорее, связующим терминам:

организаторы расстрелов
непривередливый *народ*
для соответствия отчету

любой сойдет им документ

В большинстве же текстов (148) – народ фигурирует именно как центрально-действенный персонаж, причем, зачастую, в фольклорно-узнаваемой интерпретации:

быть может нам один поможет

народом признанный герой

Иван уж коли с печки встанет

то правду матку рубанёт

Исследователями юмористических текстов выделяются две ключевые модели алгоритмов создания текстов – обращение к реальности (комическое обыгрывание событий) и обращение к «сообщениям о реальности»: пародирование прецедентных текстов, комические аллюзии на узнаваемые конструкции [7, с. 914]. В «пирожках» довольно часто (74 обращения) используется связь с прецедентными текстами, как бы подчеркивающая и укрепляющая связь с культурной традицией:

его пример другим наука.

век при дворе, по сути, царь.

ну а к твоим народ услугам

аптека, улица, фонарь

Москва опять слезам не верит,

что льет народ и что тут взять

а жизнь собачья надоела...

лишь выручают фильмы нас

решил партком единогласно

воспламениться и гореть.

горит костер рябины красной,

но не согреет он народ

Как видим, зачастую здесь используется прием «опрокидывание смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых компонентов» [17, с. 156]; отмечается нарушение семантики образов как «фреймовых нарушений» и конфликта представлений [7, с. 905]. Нередко исходный текст или начальная строчка «пирожка» выступает своеобразным стимулом-основой для дальнейших дополнений, вариаций и интерпретаций пользователей. По мысли Д. А. Радченко, эта способность текста к варьированию и может рассматриваться как один из «показателей фольклоризации» [14, с. 421]:

внемлите голосу рассудка

сказал народу государь

народ ответил мы не против

но только он давно молчит

внемли народ указ подписан

и вроде выполнен уже

но я его не отменяю

а вдруг потом опять писать

В числе актуальных событий лидерство принадлежит вневременной (конфликт власти и народа) или актуальной политической повестке (всего – 98 упоминаний):

в гипотетической вселенной

совсем не так, как у людей

живет народ беды не зная

раздав политикам людей

он на гостиный как-то вышел

решил хоть раз сходить в народ

зато теперича имеет

свой персональный автозак

отвалиться чтоб от тяжких мыслей

народ гульнул как короли

*уж лучшие б из страны сбежали
в Тбилиси или Ереван*

Вероятно, объяснением популярности политической тематики может быть своеобразный компенсаторный эффект ироничного проживания протеста в слове:

*крепчает рубль с каждым часом
и экономика растёт
и то, что курят соловьявы
курить жelaет весь народ*

Согласимся с В. С. Цукерманом в том, что, в целом: «Есть действительное, осознанное или неосознанное, противостояние народа и власти, народа и олигархов, жителей российской глубинки и обитателей рублевки, народа и элит» [15, с.178].

В редких случаях, можно говорить о противопоставлении «народного» как традиционного – современному:

*изольда раньше была юрой
аркадий раньше был зухрой
ну а эммануэль не может
народу гендер свой назвать*

Отдельного внимания заслуживают идентификационные маркеры оценки ключевых качеств «народности». Чаще всего, при обращении к характеристикам «народного характера» презентуются черты пассивности (44 раза), сниженный пафос восприятия образа:

*народ давно как разошелся
сидит как мышь и не пищит
народ в стране такой глубинный
что может даже не дышать*

Активность позиции презентуется, как правило, в «привязке» к стереотипной черте «пьянство»:

*сказали что без кюаркодов
не пустят в винный магазин
загулил наш народ немедля
рецепт со словом самогон*

В целом, «современный фольклор», «новый фольклор», «постфольклор», всё то, что по мнению С. Ю. Неклюдова существует в обобщенном статусе «*после фольклора*» [11] – в актуальных векторах «новой традиционности» обретает новую жизнь в интернет-пространстве, в котором произведения народного творчества преобразуются в поликодовые тексты массовой коммуникации.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (региональный конкурс Челябинской области) № 22-28-20162 «Литературное творчество Южного Урала в системе региональной идентичности: конструирование, репрезентация и продвижение в цифровом пространстве».

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Борисова И. М. К вопросу о мемах как жанре современного фольклора // Современные аспекты филологических исследований : сборник научных трудов. Оренбург : ОГУ, 2021. С.32-36.
3. Душакова И. С. Сегодня мы с братьями Гримм не договорились бы о предметном поле : к вопросу о подвижных границах фольклористики // Фольклор : структура, типология, семиотика. 2020. Т.3(2). С.10-14.

4. Загидуллина М. В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т.157. №4. С. 86-96.
5. Загидуллина М. В. Ньюслор и медиалор: новостной ландшафт смеховой культуры // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. №1(18). С.54-59.
6. Ильина Е. Н. «Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора // Научный диалог. 2022. Т. 11. №5. С.226-242.
7. Карасик В. И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. 2018. № 4. С. 895-917.
8. Ким Л. Р. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами : к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(80). С. 232-236.
9. Коган Л. Н. Народная культура в историческом развитии системы культуры. – Новосибирск, 1983.
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. Москва: Академический проект, 2018. 443 с.
11. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина.1995. № 1. С. 2-4.
12. Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. №7 (92). С. 129-135.
13. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. 386 с.
14. Радченко Д. А. Сетевой фольклор : перспективы исследования // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник научных статей. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 417-427.
15. Цукерман В. С. Из работ прошлых лет: сб. ст. Челябинск, 2007. 181 с.
16. Цукерман В.С. Народная художественная культура в условиях социализма. Челябинск, 1989. 136 с.
17. Чemezова И. А. Неустраиваемая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. № 2.С. 151-161.
18. Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции к виртуальности : сборник статей. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. 200 с.

L. Zubanova, N. Zykhowskaya

FROM FOLKLORE TO MEDIALORE: FOLK ART POETRY IN INTERNET COMMUNICATIONS

Abstract

Non-professional folk art has long been regarded as a significant component of folk culture, characterized the creative activity of the "masses of people", the active side of the subject's self-realization in the sphere of art. Characteristic features of folklore (non-professional creativity, formal-unregulated character, non-specialized activity of various strata of the population, directly woven into their everyday life) in the conditions of digital culture "drift" into the space of Internet communications. In the Internet environment, the forms of such artistic and creative activity often have a pronounced ironic character, as close as possible to the laughter folk culture. Modern folklore is transformed into media-lore - artistic forms of collective experience, distributed in the form of sharing media genres among a mass audience of users. One of the topical examples of such media genres can be called network poetry "pirozhki". The folkloric nature of such network poetic communication is expressed in the combination of the collectivity of creativity and the artistic presentation of the message. For a visual assessment of the media genre, let us turn to the content analysis of the thematic tag "people", represented from the perspective of the network community "Pirozhki". The analysis of "pirozhki" according to the key tag "people" (in what follows, we will refer to this thematic tag as a subject of

interpretation) allowed us to identify: a) the main thematic areal of the subject's inclusion in the actual context; b) the dominant imagery characteristics of its presentation; c) identification markers of assessment of the key qualities of "peoplehood". In general, folklore and poetic representation in the Internet environment appears as a space of conscious violation of the canon, a variant of de-sacralization of stable images, but, at the same time - demonstrates the need to approach and animate the subjects, their inclusion in the actual cultural context.

Keywords: modern folklore, medialor, digital culture, network communities, "pies", poetry, folk

УДК 316

О. Б. Зырянова

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРОДУКТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена анализу культуры безопасности с позиции антропоцентристского подхода в современных условиях. Дается определение безопасности как отношения к жизненным рискам, описываются факторы, влияющие на формирование культуры безопасности.

Ключевые слова. Культура безопасности, безопасность, антропоцентристский подход, жизненные риски, уверенность, доверие, оптимистический образ будущего

В эпоху пост-глобализации облик мира меняется с беспрецедентной скоростью. При этом вслед за цифровыми технологиями «разгоняются» и общественные, и политические, и культурные изменения. В числе последних можно отметить усиление государственной цензуры, различные ограничения на пути культурного обмена и т. д.

Но одновременно с упомянутыми негативными изменениями, культура по-прежнему обнаруживает в себе ресурс для развития – прежде всего, личного. Одним из направлений такого развития и выступает культура безопасности.

Цель настоящей статьи может быть обозначена как формулировка возможностей теоретического осмысления и последующей операционализации культуры безопасности с позиции антропоцентристского подхода, на основе анализа концептуальных идей отечественных и зарубежных ученых.

Почему именно безопасность выступает одной из центральных тем, к которой обращен сегодня научный интерес? Ответ на этот вопрос обусловлен актуализирующейся необходимостью поиска возможностей для противостояния современным вызовам и угрозам личному и, как следствие, общественному благополучию.

Одной из таких возможностей выступает понимание безопасности в русле антропоцентристского подхода – как субъективного отношения к опасности и риску, в противовес социоцентризму, рассматривающему безопасность как защищенность от опасностей извне (со стороны государства, общества и т. д.). Социоцентризм базируется на понимании безопасности как цели и результата стабильно функционирующей социальной системы. Следуя же логике антропоцентризма, безопасность может быть выражена через отношение субъекта к актуальным для него жизненным рискам.

Совокупность жизненных рисков, согласно логике Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, обусловлена нелинейным характером изменений социальной действительности [5, с. 58]. Анализируя факторы, влияющие на безопасность, мы опираемся на классификацию Зубок и Чупрова, выделявших средовые и деятельностные риски.

К средовым можно отнести риски, связанные с объективными внешними факторами, опосредующими жизнедеятельность. В соответствии с этими факторами обозначим и группы рисков: природно-экологические, социально-политические, социально-экономические, социокультурные, социально-демографические и др. Набор актуальных деятельностных рисков имеет в основании конкретные виды деятельности индивида: профессиональную, бытовую, духовную, личностную и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению культуры безопасности как направлению

личностного развития в сфере отношения к жизненным рискам, обозначим методологические положения, формирующие антропоориентированный взгляд на культуру в рамках настоящей статьи. Культура как многомерное общественное явление анализируется нами с позиции двух взаимодополняющих подходов: аксиологического и деятельностного.

Аксиологический подход к культуре отводит ценностному компоненту центральное место в формировании социокультурного контекста в обществе. Иначе говоря, культурная специфичность той или иной социальной общности обусловлена ценностями, которую разделяет большинство представителей данной общности. Причем существенным является не только сам набор ценностей, но и их иерархическая структура.

Понимая культуру аксиологически, безопасность как один из культурных концептов [11, с. 29] можем представить в виде базовой ценности. В подтверждение данного тезиса Кружков отмечает: «безопасность стоит в ряду таких базовых ценностей, как добро, истина и красота, поскольку имеет значимость для многих поколений, ... несмотря на то, что в разные эпохи ее содержание и значение понимались по-разному» [7, с. 17].

Тогда безопасность, понимаемая как субъективное отношение к жизненным рискам будет являться обязательным компонентом системы ценностных ориентаций субъекта, который актуализируется при взаимодействии с рискогенной действительностью.

Одновременно с этим, отношение к жизненным рискам обусловлено социокультурным контекстом, окружающим субъекта. С этой точки зрения безопасность выступает не только как обязательный компонент ценностного ядра личности, но и как обладающий социокультурной специфичностью, обусловленную рискогенной средой. Таким образом, аксиологический подход к культуре демонстрирует тесную взаимосвязь между ценностными ориентациями субъекта и его отношением к жизненным рискам. Это отношение находит выражение в деятельности субъекта, что позволяет перейти к рассмотрению второго подхода, используемого в настоящей статье для анализа культуры – деятельностного.

В работах основателя Уральской социологической школы Л. Н. Когана сущность деятельностного подхода раскрывается через априорное творческое начало личности как основу существования и развития культуры [6]. Культурная деятельность как особый вид социальной деятельности, опосредованный ценностным компонентом, преобразует личность. При этом безопасность является также и частью культурной среды личности, поэтому представляется целесообразным методологический переход к понятию культуры безопасности, то есть такого отношения к жизненным рискам, которое влияет на развитие личности.

Исходя из этих соображений, диалектически взаимосвязанные аксиологический и деятельностный подходы к культуре составляют методологическую основу культуры безопасности.

Рассматривая культуру безопасности как одно из направлений личностного развития, обратимся к качественным характеристикам безопасности, через которые это развитие проявится. К данным характеристикам относятся доверие, уверенность, а также оптимистический образ будущего (предполагающий деятельное участие субъекта). Приведем некоторые методологические основания для выделения данных категорий.

Вопрос взаимосвязи доверия и безопасности нашел отражение в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Подробный обзор теоретико-методологических подходов к этой взаимосвязи в рамках социологического дискурса представлен в работе О. С. Елфимовой. На основе анализа ряда концепций автор убедительно доказывает, что доверие «как важнейший фактор социокультурного существования ... положительно коррелирует с императивом безопасности» [3, с. 35].

По мнению М. Г. Магомедова, доверие на уровне социума возникает в ситуации «индетерминизма и амбивалентной неопределенности в интеракциях между социальными агентами» [8, с. 13], что обосновывает корреляцию между доверием и дезорганизационными средовыми рисками (следовательно, безопасностью). Доверие связано с «переадресацией» рисков объекту, к которому это доверие обращено.

Категория уверенности, являясь близкой по смысловому наполнению к категории доверия, обладает специфичностью во взаимодействии с безопасностью. Согласно анализу А. Ю. Алексеевой, это взаимодействие выражается понятием «чувства безопасности», которое «нивелирует неопределенность благодаря исключению элементов риска по причине ожидания стабильности ... социального порядка» [1, с. 9]. Таким образом, уверенность связывается с безопасностью на уровне субъективного выбора рисков.

Качественное наполнение понятия безопасности, кроме доверия и уверенности, выражается через оптимистический образ будущего, предполагающий деятельностное участие субъекта. Эта категория была предложена Ф. Полаком (анализ концепции приведен в [4]). Согласно данной концепции, наиболее конструктивный образ будущего предполагает оптимистичный жизненный прогноз в сочетании с установкой на потенциальную возможность субъективного влияния на изменения, то есть возможность *управлять* жизненными рисками. Следовательно, третья категория связана с безопасностью установкой на преобразование рискогенной действительности.

Подводя предварительный итог нашим рассуждениям, отметим, что *культура безопасности* как одно из направлений личностного развития предполагает специфичный портрет ценностных ориентаций и деятельности субъекта. Специфичность ценностных ориентаций раскрывается через два аспекта: во-первых, безопасность как ценность должна восприниматься антропоцентристски, то есть через категории уверенности, доверия и оптимистического образа будущего; во-вторых, безопасность в таком понимании должна занимать одну из ключевых позиций в ценностной структуре субъекта.

Специфичность деятельности выражается термином «культурная деятельность», под которой Л. Н. Коган понимает «качество любой социальной деятельности, характеристику значения этой деятельности для развития человека» [6, с. 124]. То есть, с точки зрения культуры безопасности из всей деятельности субъекта нас будет интересовать только та, которая опосредует развитие личности.

Таким образом, наличие ценностного и деятельностного компонентов, отвечающих описанным критериям, указывает на наличие у субъекта культуры безопасности. А степень выраженности этих критериев отражает *уровень культуры безопасности* субъекта.

Говоря о факторах, влияющих на формирование культуры безопасности, выделим внешние и внутренние по отношению к субъекту. Внешние факторы представляют собой совокупность внешних по отношению к индивиду условий, в которых происходит взаимодействие с жизненными рисками. Эти условия можно разделить по сфере их происхождения на социокультурные (уровень урбанизации, традиции, нормы, обычаи и т. д.), природно-экологические (климат, уровень сейсмической активности, загрязненность воды и воздуха и т. д.) и факторы информационных искажений (дезинформация, сокрытие информации, эмоционально-оценочная презентация и т. д.).

В свою очередь, внутренние можно условно разделить на объективные и субъективные. К объективным отнесем состояние здоровья, половозрастные характеристики, уровень образования и интеллектуального развития и т. д. В качестве субъективных отметим знание, информацию, потребности и установки. Остановимся подробнее на особенностях внутренних субъективных факторов.

Для рассмотрения таких факторов, как *знание* и *информация*, объединим их категорией информированности, под которой будем понимать степень обработки информационного пространства безопасности с последующим закреплением в виде знания о безопасности.

Информированность в вопросах безопасности должна обладать рядом качеств (полнота, точность, актуальность, достоверность), а также прогностическими возможностями. С одной стороны, знание о безопасности подразумевает такой объем и качество необходимого знания об опасностях окружающего мира, который позволит отделять мнимые опасности от реальных, потенциальные от актуальных, прямые от косвенных, оценивать степень риска и т. д. По мнению А. Д. Урсула, «рост информационного содержания [социальных и культурных] систем ... увеличивает их адаптивный потенциал» [10, с. 4].

Одновременно в этом, в условиях ускоряющегося темпа социальных изменений трудно переоценить важность такой способности субъекта, как распознавание риска в максимально сжатые сроки, по ранним и неточным признакам. Особенно ярко недостаток этой способности проявился в предковидный и ковидный периоды, когда риск пандемии оказался значительно выше, чем прогнозировалось государствами. Общества оказались в острейшей ситуации неопределенности и информационной «какофонии». В результате популяризовались такие деструктивные общественные силы, как конспирология и движение против вакцинации.

Способность субъекта к ранжированию рисков и селекции опасных явлений оформляется в ходе социализации, начиная с раннего детства. Оформление проходит по пути усложнения, от простой биполярной системы оценки окружающего мира как опасного/безопасного, обусловленной отсутствием/наличием матери в поле зрения, до осознания уровня индивидуальной опасности, учитывающее весь комплекс внутренних и внешних факторов, влияющих на восприятие конкретной рискогенной ситуации.

Согласно Э. Гидденсу, именно способность выявления риска при минимуме имеющейся информации является основой повседневной безопасности индивида: «если в контексте наших действий мы по большей части кажемся менее уязвимыми, чем мы есть на самом деле, то это происходит в результате длительного обучения тому, как избегать потенциальных опасностей и блокировать их ...» [2, с. 122].

Самая распространенная точка зрения на *потребность* индивида в безопасности принадлежит А. Маслоу. Он предположил, что данная потребность является звеном иерархической системы, между физиологическими (как более важными) и потребностями в любви и привязанности (как следующими по важности) [9]. На наш взгляд, степень важности удовлетворения потребности в безопасности преуменьшена, ведь именно она выступает базисом в системе потребностей индивида. Удовлетворение физиологических потребностей служит поддержанию жизнедеятельности индивида, тогда как удовлетворение потребности в безопасности обеспечивает сам факт существования этой жизнедеятельности. Если индивид не удовлетворил свою потребность в безопасности, то есть не ощущает себя в безопасности здесь и сейчас, сигналы организма могут быть временно подавлены до наступления более благоприятного внутреннего состояния.

Кроме того, неудовлетворенность основных потребностей, в том числе и в безопасности, сама по себе является риском. Значит, первичной в иерархии должна выступать именно потребность в безопасности, так как она включает в себе и необходимость удовлетворения остальных потребностей.

В основе базовой потребности в безопасности лежит априорная установка всего живого на сохранение существования. Эта же *установка* и выступает основным мотиватором деятельностной активности индивида, опосредованной взаимодействием с рискогенной действительностью.

Обобщая анализ факторов формирования культуры безопасности, важно отметить: так же, как и различные жизненные риски, внешние и внутренние факторы не существуют изолированно, находясь в жизненном мире индивида во взаимодействии и взаимовлиянии. Так, исторически сложившаяся традиция приверженности определенной религии (внешний фактор) может стать основой для установки на фатализм как характеристики отношения к жизненным рискам (внутренний фактор). Или недостаточная информированность о рисках вакцинирования (внутренний фактор) явится причиной результативного воздействия на субъекта пропаганды «Антиваксеров» (внешний фактор).

Итак, преимущество антропоцентристского подхода, который является исходным в наших рассуждениях, заключается в принципиальной возможности выделения в культуре безопасности личностного ракурса. Методологическим основанием для анализа культуры безопасности с позиций антропоцентристского подхода послужили концепции социологии культуры Л. Н. Когана, Ю. Р. Вишневского, В. Т. Шапка и др.

Безопасность в парадигме антропоцентризма может быть выражена через категории доверия, уверенности и оптимистического образа будущего, что служит отправной точкой для дальнейшей операционализации культуры безопасности.

Среди множества факторов, которые могут оказать влияние на формирование культуры безопасности, выделяются внешние и внутренние по отношению к субъекту, причем имеют место процессы взаимовлияния и взаимодействия различных групп факторов. Представляется перспективным движение дальнейшего факторного анализа по пути более детального рассмотрения этих процессов.

Культура безопасности как направление личностного развития обладает в современных условиях большим потенциалом. Повышение ее уровня должно улучшить показатели адаптивности личности к современным реалиям, помочь справиться с «шоком будущего» (термин Э. Тоффлера), активизировать внутренний потенциал для эффективного взаимодействия с рискованной действительностью.

Литература

1. Алексеева А. Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Человек. Общество. Управление. 2007. №4. С. 4-20.
2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. №5. С. 107 – 134.
3. Елфимова О. С. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. №3(27). С. 36 – 41.
4. Желтикова, И. В. Образ будущего / И. В. Желтикова. – Орёл : Издательство Каргуш, 2021. – 164 с.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. №5. С. 57 – 67.
6. Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988–1997 гг. / Под общей ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с.
7. Кружков А. П. Социально-философские аспекты создания безопасной среды [Текст] : автореф. дисс. ... канд. фил. наук : 09.00.11 / Кружков Александр Петрович ; Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2009. – 24 с.
8. Магомедов М. Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ [Текст] : автореф. дисс. ... д-р соц. наук : 22.00.04 / Магомедов Магомедгабиб Гасанханович ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 35 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А. М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
10. Урсул А. Д. Синергетический подход к исследованию безопасности // Вопросы безопасности. 2012. №2. С. 1 – 47.
11. Фетисова Ю. В. Культура безопасности [Текст] : автореф. дисс. ... канд. фил. наук : 09.00.13 / Фетисова Юлия Витальевна ; Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2009. – 21 с.

O. Zyryanova

SAFETY CULTURE AS A PRODUCT OF MODERN CULTURAL TRANSFORMATION

Abstract

The article is devoted to the analysis of safety culture from the position of anthropocentrist approach in modern conditions. The definition of safety as an attitude to life risks is given, the factors influencing the formation of safety culture are described.

Keywords: Safety culture, safety, anthropocentrist approach, life risks, confidence, trust, optimistic image of the future

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ СТУДЕНТОВ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ РОС-2022)

Аннотация

Несоответствие запросов при трудоустройстве и предложений на рынке труда, является источником многих сегодняшних проблем молодежи. В статье использованы данные опроса, проведенного в рамках Исследования РОС "Культурное наследие и связь поколений". Выявлена зависимость потенциальных миграционных планов студентов после окончания вуза от возможностей профессиональной и трудовой самореализации.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, миграционные планы, рынок труда.

Выбор образовательных и профессиональных траекторий российской молодежи сегодня тесно связан с местом профессиональной социализации, со страной, в которой состоится профессиональная карьера и самореализация молодого человека.

Среди мотивов эмиграции в современном мире часто называют социально-экономические, социально-политические, личные (семья, климат, здоровье и др.), потребности самореализации, возможности роста и другие.

Согласно одному из недавних опросов Gullup, проведенному в 156 странах, 14% взрослого населения Земли (старше 15 лет) заявили, что не прочь были эмигрировать [4].

Открытость мира, свобода передвижения стала частью современной культуры. Особенно у молодой части населения, которая стремится проверить свои силы, способности, понять себя и свои потребности. Сегодня значительно больше молодых в России хотят путешествовать, знать, что происходит в мире, видеть происходящее своими глазами, самоопределяться с учетом собственного опыта.

Чтобы понять, как в сегодняшней ситуации чувствует себя молодежь, видит ли перспективы трудоустройства и профессионального роста в своей стране, мы обратились к результатам Исследования РОС-2022 [1].

Основной целью исследования «Культурное наследие и связь поколений» явилось получение информации об отношении студенческой молодежи России и СНГ к культурному наследию и межпоколенным связям в меняющихся социальных контекстах.

В качестве основных ставились следующие задачи: выяснить сохраняются ли родственные связи внутри социума, оценить «плотность» межпоколенных связей внутри семьи в разных жизненных ситуациях, определить миграционные настроения молодежи после получения образования (табл. 1).

Таблица 1

После получения образования вы планируете жить и работать в стране, гражданином которой вы являетесь, или постараетесь уехать за рубеж?

	Значения	Частота	% от опрошенных	% от ответивших
1	Останусь в своей стране	4287	44,0	44,0
2	Все зависит от того, где я смогу получить хорошую работу	3213	33,0	33,0
3	Пока не знаю	1598	16,4	16,4
4	За рубежом	651	6,7	6,7
	Итого ответивших	9749	100,0	100,0

* Пропуски: 2 из 9751 (0,0%)

Институт семьи в России по мнению исследователей претерпевает колоссальные трансформации. Однако по сравнению с семьей в западном обществе по-прежнему остается достаточно традиционным социальным институтом. По данным нашего исследования [1] большинство студентов заботятся о своих близких, помогая им выполнением нужной работы (78,7%), проводя вместе свободное время, отмечая вместе семейные и государственные праздники, поздравляют своих родных и близких со всеми праздниками (76,1%), ездят в гости и навещают (88,1%). Как показывают результаты нашего исследования, при выборе образовательного и профессионального направления они часто прислушиваются к советам родных, так 37,6% выбирая профессию, часто используют советы родных. Еще 43,4% редко, но используют советы родных, и никогда не используют советы родных при выборе профессии 19,1% студентов. В значительно меньшей степени, но все-таки, прислушиваются к советам родителей и родных при выборе супруга и планировании рождения детей. То есть, связь поколений сохраняется не только на бытовом уровне, (как показало исследование 50,2% студентов, организуя свой быт, используют советы и опыт родных), но и на уровне определения образовательной и профессиональной траектории. Также, но в значительно меньшей степени, советы и опыт родных используются и при различных выборах в области личной жизни. Хотя самостоятельный выбор при планировании личной жизни встречается значительно чаще. При этом официальные ранние студенческие браки сегодня являются большой редкостью. Опрошенные студенты в абсолютном большинстве не имеют своих собственных семей, и родительская семья является для них единственной, в которой они занимают позицию детей и внуков. Чтобы лучше понять близость межпоколенных связей, возможное влияние родных на выбор жизненного пути молодого человека, в данном случае, на планы самореализации в своей стране или за рубежом, мы задали вопрос: «А что советуют Вам родители (родственники)?» (табл. 2)

Таблица 2

А что советуют вам родители (родственники)?

	Значения	Частота	% от опрошенных	% от ответивших
1	Хотят, чтобы я уехал в другую страну, и сами переедут ко мне на постоянное место жительства	4287	1,4	1,6
2	Хотят, чтобы я уехал на постоянное место жительства, так как не видят перспектив в нашей стране	3213	2,9	3,3
3	Поддерживают мое желание уехать в другую страну для заработка.	1598	3,0	3,5
4	Считают, что это должен быть мой выбор	651	41,6	48,0
5	Предпочли бы, чтобы я жил и работал в родной стране	3695	37,9	43,7
	Итого ответивших	8461	86,8	100,0

* Пропуски: 1290 из 9751 (13,2%)

Известно, что не всегда после отъезда одного ее члена за рубеж семья воссоединяется, иногда при этом молодые люди чувствуют стыд и вину, угрызения совести. «Я уезжаю из страны, а родители остаются. Чувствую стыд и вину» [5]. Блогеры активно обсуждают эту тему. "Мы уехали и поняли, что это была ошибка" – еще одна тема, которую активно обсуждают молодые люди, покинувшие страну. «Проблема в том, что за последнее время мы

порукались со многими друзьями и половиной родителей. Возвращаться сейчас стыдно» – пишут в соцсетях те, у кого не сложилось за рубежом. При этом родители не оставляют их без помощи «... карты отключились, деньги нам стали присылать родители, начались затруднения. Жить здесь намного дороже, чем мы ожидали» [2].

Мы попытались проследить связь между принятым решением молодым человеком и мнением, и советами его родителей. При анализе данных 2-х вопросов исследования РОС-2022 выяснилось, 44% студентов и 43,7% родителей планируют и поддерживают решение молодого человека остаться в своей стране; 6,7% студентов планируют жить за рубежом 6,8% родителей хотят, чтобы по окончании вуза их сын или дочь уехали в другую страну для заработка, так как не видят перспектив на родине. Еще 1,6% ответили, что родители сами передедут к ним на постоянное место жительства за рубеж.

Планы студентов (а опрошены были преимущественно студенты 3-х первых курсов) к окончанию учебы могут быть скорректированы. Но исследование зафиксировало, что на этом этапе обучения планы студентов и советы их родителей в вопросе, касающемся потенциальной эмиграции, едины.

Для нас является очень важным понять мотивацию принятия решения студентом вуза по окончании учебы уехать за рубеж или остаться в своей стране. Конкретно такой вопрос в нашем исследовании не был предусмотрен. По ответам студентов на вопросы о представлениях об идеальном обществе и реальном положении дел, можно косвенным образом судить о социально-экономическом, социально-политическом и личностном благополучии молодых людей в условиях меняющейся реальности. Это благополучие/неблагополучие может служить одним из мотивов выбора места самореализации в стране, гражданином которой является молодой человек, или за рубежом. Задавая вопрос об обеспечении государством прав граждан, мы использовали прием сравнения идеального и реального положения дел. Так, по мнению 87,2% в идеальном обществе государство должно обеспечивать уверенность в будущем, это необходимое качество жизни, а в реальности это присутствует по мнению лишь 31,4% студентов, в идеальном обществе обеспечение рабочими местами отметили 84,3%, а в реальности 40,4%, возможность трудоустройства по специальности 84,0% против 46,4% в реальности, равная плата за равный труд 86,1% против 31,9%, достойная оплата труда 87,7% против 29,8%, наконец, достойная пенсия 88,0% против 27,1%. Как видим, представления об идеальном обществе далеки от представлений студенчества о нынешней ситуации в стране. Безусловно, это не может не сказываться на планах молодежи относительно своей будущей траектории.

В качестве причины принятия решения остаться в стране или уехать за рубеж 33% отметили, что это будет зависеть от того, где они смогут получить хорошую работу.

Подводя итоги, отметим:

При выборе образовательного и профессионального направления современные российские студенты достаточно часто используют советы и опыт родных (в том числе 37,6% выбирая профессию).

В вопросах, касающихся потенциальной эмиграции, молодые люди, имеют если не единое, то достаточно близкое мнение с родителями и значимыми родственниками.

Примерно треть студентов планирует после окончания учебы жить и работать там, где смогут получить хорошую работу. Как в России, так и за рубежом. Если получившие хорошее образование граждане будут стремиться осуществить свои планы трудовой и профессиональной самореализации не в России, а за рубежом, для российского общества это может иметь колоссальные негативные последствия.

В этой ситуации, анализируя новые вызовы и угрозы безопасности страны, ряд исследователей приходят к выводу: реальное несоответствие запросов и предложений на рынке труда имеет следствием критическое снижение качества населения. Социальные и экономические последствия внутренней и внешней миграции социальных групп с высоким человеческим капиталом, обезлюдение территорий, создание дефицита кадров высшей квалификации, снижение культуры труда и трудовой мотивации – далеко не полный перечень

проблем, которые необходимо решить в ближайшее время, чтобы обеспечить безопасность страны. [3].

Литература

1. Дулина Н. В., Засыпкин В. П., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5 (80). – С. 151–154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

2. Мы уехали, и поняли, что это была ошибка. Возвращаться стыдно [Электронный ресурс]. URL: <https://zigmund.online/blog/opora/migrate-shame/> (дата обращения: 31.03.23)

3. Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций : монография / кол.авторов ; под общ. ред. С.В. Устинкина, А.В. Никитина. – Москва : РУСАЙНС, 2023 – 388 с.

4. Почему люди в современном мире часто хотят сменить страну проживания – Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/07/03_e_11824501.shtml (дата обращения: 31.03.23).

5. Я уезжаю из страны, а родители остаются. Чувствую стыд и вину [Электронный ресурс]. URL: <https://zigmund.online/blog/opora/migrate-parent/> (дата обращения: 31.03.23).

E. Pronina

PROFESSIONAL SELF-REALIZATION AND MIGRATION PLANS OF STUDENTS AFTER GRADUATION (ACCORDING TO THE RESEARCH OF RSS-2022)

Abstract

The discrepancy between requests for employment and offers on the labor market is the source of many of today's problems of young people. The article uses data from a survey conducted within the framework of the ROS Study "Cultural Heritage and the connection of generations". The dependence of potential migration plans of students after graduation on the possibilities of professional and labor self-realization is revealed.

Keywords: youth, students, migration plans, labor market.

УДК 316.3; 316.334.2; 101.1:316

Ф. С. Файзуллин, И. Ф. Файзуллин

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье раскрываются роль, сущность и содержание потенциала и социального потенциала, их значение в социально-экономическом развитии страны. На основе критического анализа, имеющихся в научной литературе идей о социальном потенциале, предлагается его новая концепция. Социальный потенциал рассматривается как совокупность материально-духовных сил населения различных субъектов сформированных на основе органического сочетания своих возможностей и способностей и за счет использования собственных ресурсов, обеспечивающих достижение устойчивого социально-экономического развития при наличии условий для своей реализации и гарантирующего необходимый уровень и качество жизни. В его структуре необходимо выделить такие элементы как трудовой, социально-демографический, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, инновационный, организационно-управленческий и социально-политический потенциалы. Обосновывается идея о том, что реализация социального потенциала может способствовать преодолению кризисных явлений, обеспечить безопасность и конкурентоспособность страны и создать условия для прорыва государства на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения его суверенности в мировом сообществе. Утверждается необходимость разработки специальной программы развития и реализации социального потенциала общества.

Ключевые слова: потенциал, социальный потенциал, структура социального потенциала, интенсификация, технологический прорыв в развитии общества, социально-экономическая политика, инновации.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны и ее регионов несомненно зависит от поиска новых средств и методов, определяющих прорыв во всех основных сферах общественной жизни [3, с. 7]. Важнейшим фактором решения этого вопроса является повышение эффективности использования социального потенциала страны. Вместе с тем анализ современной научной литературы свидетельствует о том, что эта проблема остается крайне мало разработанной. Более того, обнаруживается, что до сих пор, отсутствие единого методологического подхода к анализу этого феномена и, соответственно, множество противоречивых интерпретаций сущности и содержания этой категории, что мешает разработке более совершенной системы его формирования и реализации. В современной ситуации, в связи с этим, исследование вопросов социального потенциала стало актуальной проблемой.

Как известно, в современной научной литературе под потенциалом обычно понимают либо возможности, либо способности, либо ресурсы. Известный исследователь А. Н. Самаукин, например, в своих публикациях утверждает, что «потенциал» характеризуется совокупностью ресурсов [6, с. 7]. Экономист Р. А. Белоусов предлагает рассматривать потенциал, как определенные способности индивида [2, с. 3]. В статьях В. Г. Беломестнова предпринимаются попытки обоснования идеи о том, что потенциал – это совокупность возможностей [1, с. 196].

Аналогичные подходы являются определяющими и при трактовке сущности социального потенциала. Так, в двухтомной фундаментальной работе «Социологическая энциклопедия» социальный потенциал рассматривается как «интегральное понятие», характеризующее возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении перспективных задач социального развития» [7, с. 236]. В своей диссертационной работе Г. И. Плюсуля социальный потенциал предлагает определить, как способность системы к самоорганизации [5, с. 16]. По утверждению таких исследователей как А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновский социальный потенциал представляет собой «совокупность имеющихся ресурсов общества для достижения поставленной или заданной цели [4, с. 86].

Однако, отдельно взятые возможности, способности и ресурсы, даже вместе взятые, отражают лишь определённые аспекты, но не исчерпывают содержания этой категории. В создаваемой ситуации некоторые исследователи несколько расширяют его составляющие и тем самым еще более запутывают понятийное толкование потенциала.

Понятие «возможность» не выражает в полной мере сущность и содержание потенциала. Так при наличии в конкретном содержании какого-либо явления потенциала под влиянием различных внешних причин могут быть реализованы совершенно разного рода его возможности. Следует также отметить, что в системе реальности могут просматриваться перспективы реализации каких-либо возможностей, но это необязательно означает, что в данном явлении имеется соответствующий потенциал. Сравнительный анализ понятия «возможность» и «потенциала» и приводит к выводу о том, что определение потенциала как совокупности возможностей логически не совсем корректно. Понятие «возможность» не выражает сущности категории «потенциала». Общественная практика свидетельствует о том, что не все возможности, открывающиеся перед какой-либо системой, могут рассматриваться как потенциал.

При определении потенциала как какой-то системы возможностей, происходит расширение объема этой категории, а, рассмотрение потенциала как какой-либо системы способностей, наоборот, приводит к сужению его объема. Как показывает практика, не все люди способны актуализировать и реализовать свою энергию, силу, которые в них заключены и имманентно действительны. Формирование способностей в буквальном смысле не совпадает с формированием потенциала. Наличие способностей и их развитие несомненно свидетельствуют о наличии и приобретении потенциала. Вместе с тем наличие потенциала и

дальнейшее его формирование у какой-то системы необязательно свидетельствует о наличии и формировании у этого феномена каких-то способностей. Обладая потенциалом движения как любой формы изменений, система может оказаться неспособной реализовать этот процесс вследствие действий внешних причин. Разным индивидам характерна различная совокупность, своеобразная форма сочетания и степень развитости, которые основаны на генетически заложенном в них потенциале. При этом совокупность способностей не охватывает полностью содержания потенциала, а в большей мере отражает систему действий, которые приемлемы и реализуемы. Некоторые срезы потенциала человека могут вообще никогда не найти своего выхода на систему способностей и могут оставаться не реализованными. «Способность» следует рассматривать как характеристику системы, позволяющей анализировать содержание самодвижения и воздействия на другие объекты.

Получившее распространённое толкование сущности категории «потенциал» как «ресурса», также имеет методологические недостатки. В научной литературе под «ресурсами», как известно, принято понимать определённую совокупность носителей свойств и характеристик, которые имеют значение для функционирования той или иной системы и обеспечивают её существование. Что же касается потенциала то он должен рассматриваться как атрибут определённой системы материального или идеального характера. В реальной действительности, в которой всё находится во взаимосвязи и взаимодействии, потенциал выступает как сила, воздействия, как атрибут существования бытия. В сфере общественной жизни потенциал приобретает специфические формы, своеобразные виды проявления. В сфере общественной жизни проблема потенциала приобретает актуальность и требует более активного исследования в решении экономических и социальных задач. Если рассматривать потенциал как совокупность системы ресурсов, это, во-первых, приведет к сужению объема содержания этой категории, а во-вторых – одновременно к его расширению. Различия в характере комбинации ресурсов и системы взаимосвязей между ними, содержание ресурсозатратной политики могут факторами существенных расхождений показателей потенциала определённой системы, привести к формированию у нее разных потенциалов. Следует при этом также отметить, что не всякий имеющийся ресурс является составляющим потенциала. Некоторые элементы ресурсов, которыми обладает конкретная система, могут вообще не отражаться на показателях ее потенциала. В отличие от возможностей, способностей и ресурсов потенциал представляет собой прежде всего совокупность взаимодействующих сил, заключенных в той или иной материально-духовной системе, вектор действия которых может быть направлен как на саму эту систему, так и вовне. Потенциал – это категория, которой обозначается, прежде всего, система сил, действие которой актуально или может быть актуализировано при определенных условиях. Результатом их действия являются разноплановые, разнокачественные изменения. Возможности, способности и ресурсы должны рассматриваться как факторы, раскрывающие различные стороны потенциала как материально-духовной системы.

В содержании категории «потенциал» следует выделить два уровня: формальный и реальный [8, с. 10]. Под формальным потенциалом понимается система сил, наличие к действию которых признается на уровне формального понимания и толкования действительности, но он не обнаруживается в реальной, практической сфере бытия (например, «божественная сила», «нечистая сила» и т. п.). Реальный потенциал – это понятие, которое отражает объективно систему сил, существующих и уже действующих или же имеющих возможность существовать и действовать в случае возникновения или создания определенных дополнительных условий. Анализ формальных и реальных потенциалов приводит к выводу о том, что они имеют свои структуры.

Что же касается социального потенциала, его необходимо рассматривать, как совокупность материально-духовных сил населения различных субъектов сформированных на основе органического сочетания своих возможностей и способностей и за счет использования собственных ресурсов, обеспечивающих достижение устойчивого социально-экономического развития при наличии условий для своей реализации и гарантирующего

необходимый уровень и качество жизни [9, с. 15]. Являющийся специфическим феноменом социальный потенциал имеет достаточно сложную иерархическую структуру. Структура социального потенциала состоит из таких элементов как трудовой, социально-демографический, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, инновационный, организационно-управленческий, социально-политический потенциалы.

Каждый указанный элемент социального потенциала является относительно самостоятельной системой и имеет значительное количество своих составляющих элементов. Но при этом все они в той или иной мере находятся в органической взаимосвязи и взаимообусловленности. Возникающей в результате тесной взаимосвязи различных структурных элементов потенциала формируется особый синергетический эффект, который, во-первых, способствует усилению социального потенциала в целом и его отдельных элементов; и во-вторых, формирует особенности социального потенциала. В связи с этим, при осуществлении исследований и разработки системы управления все структурные элементы социального потенциала должны анализироваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Исследование проблем развития, функционирования и реализации социального потенциала носят актуальный и фундаментальный характер. От решений этих проблем, безусловно, зависит преодоление кризисных явлений в стране, обеспечение её безопасности и конкурентоспособности, существенное сокращение социальных различий и соответственно создания условий для прорыва нашего государства на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе. Полученные результаты исследований социального потенциала в практическом плане могут стать важнейшим инновационным фактором совершенствования социально-экономической политики и управления развитием общества. Обеспечение устойчивого социального развития общества и социализации экономики зависит от эффективности развития и использования его потенциала, поэтому эту работу следует осуществлять на основе разработки стратегической системы управления данным процессом [10, с. 26]. Эта крупномасштабная работа должна, прежде всего, реализоваться на базе учета двух важных моментов: во-первых, на основе оценки имеющего в настоящее время потенциала, который следует проводить независимо от определенной уже стратегии и цели развития общества и его субъектов, во-вторых, на фундаменте наращивания возможностей потенциала за счёт новых средств и инвестиций.

Благодарности

Данное исследование выполнено в рамках выполнения Государственного задания ИСИ АН РБ и в рамках Государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год.

Литература

1. Беломестнов В. Г. Проблемы управления экономическим потенциалом социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. 2005. № 1,2 (13/14). С. 195–201.
2. Белоусов Р. А. Рост экономического потенциала. М.: Экономика, 2001. 261 с.
3. Гайнанов Д. А., Тажетдинов И. А., Кириллова С. А. и др. Стратегическое планирование и аудит социально-экономического развития региона. М., Экономика, 2012. 400 с.
4. Дрегалю А. А., Ульяновский В. Н. и др. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий. Архангельск. Изд-во СГМУ, 2008. 400 с.
5. Плясуля Г. И. Потенциал социальной системы. Сущность, проблемы выявления и развития. Автореферат дисс. к. филос.н. М., 1992. 19 с.
6. Самоукин А. Н. О содержании понятие потенциал общества. // Методология статистического изучения социально-экономического потенциала. М., Экономика, 1986. 267 с.

7. Социологическая энциклопедия в двух томах. Руководитель проекта Семигин Г. Ю.; Главный редактор Иванов В. Н. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 236 с.
8. Файзуллин Ф. С., Шафиков М.Т., Файзуллин Т.Ф., Тимирова Л. Н. Научно-образовательный потенциал региона. Уфа: Ак-Идель пресс, 2014. 156 с.
9. Файзуллин Ф. С. Социальный потенциал: методология исследования и реализация. // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4(167). С. 14–16.
10. Файзуллин Ф. С. Устойчивое развитие – приоритетное направление исследований АН РБ // Проблемы Востоковедения. 2016. №4 (74). 2016. С. 24–32.

F. Fayzullin, I. Fayzullin

SOCIAL POTENTIAL AS A FACTOR IN THE INTENSIFICATION OF SOCIAL DEVELOPMENT

Abstract

The article reveals the role, essence and content of potential and social potential, their importance in socio-economic development of the country. On the basis of a critical analysis of the ideas about social potential available in the scientific literature, a new concept of social potential is proposed. Social potential is considered as a totality of material and spiritual forces of the population of various entities formed on the basis of an organic combination of their capabilities and abilities and through the use of their own resources, ensuring the achievement of sustainable socio-economic development in the presence of conditions for its implementation and guaranteeing the necessary level and quality of life. Its structure should distinguish such elements as labor, socio-demographic, scientific and educational, professional and qualification, innovation, organizational and managerial and socio-political potentials. The article substantiates the idea that the realization of social potential can help overcome crisis phenomena, ensure the country's security and competitiveness, and create conditions for the state to break through to a higher level of social progress and preserve its sovereignty in the world community. The need to develop a special program for the development and implementation of social potential of society is approved.

Keywords: potential, social potential, structure of social potential, intensification, technological breakthrough in the development of society, socio-economic policy, innovation

УДК 316

А. А. Чижов

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Аннотация

На основе концепции трех уровней цифрового неравенства в статье рассматривается влияние проявлений цифрового неравенства на социальную мобильность в современном российском обществе. Использование цифровых технологий индивидом является одним из основных факторов восходящей социальной мобильности, вместе с тем неконтролируемое использование цифровых технологий отдельными индивидами может нанести им существенный вред. Сделан вывод, что появление цифровых отношений оказало ключевое влияние на изменения каналов социальной мобильности, причем цифровизация влияет и на горизонтальную, и на вертикальную мобильности.

Ключевые слова: Социальная мобильность; цифровизация; цифровое неравенство; уровни цифрового неравенства; каналы социальной мобильности; Интернет

Мобильность в социологической науке занимает особое место, поскольку с ней связывают причины и следствия социальных изменений. Социальная трансформация, с одной стороны, вызвана социальной мобильностью, с другой, ведет к новым потокам социальной мобильности.

Понятие мобильности в социологической науке было предложено П. А. Сорокиным, который под социальной мобильностью понимал любое перемещение объекта или ценности из одного положения в другое, то есть всего того, что создано или изменено под воздействием человеческой деятельности. К мобильности Сорокин относил культурные сдвиги, ценностные

трансформации, которые побуждают индивидов менять свои убеждения, модифицировать модели поведения и социальный статус. Социальная мобильность формирует новую систему координат – фундамент для социальной структуры [6, с. 373–374]. Социальная мобильность является перемещением индивидов между уровнями социальной иерархии или внутри них. Социальная мобильность, по своей сути, является механизмом социального неравенства. Для обеспечения безболезненной социальной мобильности обществу и государству необходимо создать приемлемые социально-экономические условия, поскольку социальная мобильность влияет на ожидания индивида, кроме того, социальная мобильность является фактором, который оказывает влияние на политические «расклады» в обществе.

Согласно идеям П. Бурдьё, положение индивида в обществе, меняющееся в результате социальной мобильности, обуславливается совокупностью трансформирующихся друг в друга экономического, культурного, социального и символического капиталов. При этом на действия индивида оказывает влияние как его капитал, так и габитус, то есть система приобретенных знаний и опыта, определяющих его поведение и мышление. Вероятностную картину своего будущего индивиды строят на основе ожиданий, обусловленных оценкой собственных возможностей, которая сформировалась под воздействием габитуса [1]. Таким образом, в условиях трансформации общественных отношений индивиды зачастую не могут приспособиться к новым реалиям и улучшить свое социальное положение.

Согласно результатам исследования ВЦИОМ, наиболее заметной и приоритетной трансформацией общественных отношений в 2022 году для россиян стала цифровизация, что обусловлено ростом числа онлайн-сервисов в сфере государственных услуг, повышением цифровой грамотности граждан, увеличением доступности высокоскоростной сети Интернет, увеличением количества обучающихся по IT-специальностям. Очевидно, что цифровые технологии уже играют значительную роль в социально-экономическом развитии общества.

Во многих исследованиях цифровое неравенство чаще всего измеряется как разница между теми, у кого есть доступ к сети, и теми, у кого его нет. Однако, как справедливо отмечает Кастельс, академические исследования должны выходить за рамки простого изучения доступа, поскольку такая дихотомия ограничивает исследования феномена цифрового неравенства [8]. Индивиды, которые не имеют доступа в сеть Интернет и полностью исключены из цифрового мира, находятся на одном полюсе цифрового неравенства, однако среди индивидов, имеющих доступ в сеть, также существенны различия в цифровых навыках и выгодах, получаемых от использования цифровых услуг.

По данным Росстата, на конец 2020 года доступ к сети Интернет отсутствует у 24% домохозяйств, проживающих в городской местности, и у 43,5% домохозяйств, проживающих в сельской местности [4]. Несмотря на это, Правительством Российской Федерации разработан перечень инициатив социально-экономического развития страны до 2030 года, одной из которых является оптимизация процесса предоставления государственных и муниципальных услуг путем перевода их в онлайн-среду. К 2024 году планируется обеспечить оказание 200 услуг без необходимости очных визитов, то есть посредством сети Интернет [5]. Сроки предоставления государственных услуг в онлайн-формате значительно сократятся, тогда как сроки предоставления услуг в очном формате не только не сократятся, но могут увеличиться в связи с сокращением численности сотрудников, участвующих в оказании государственной услуги. Таким образом, для эффективного взаимодействия с государством гражданину необходимо не только иметь доступ в Интернет, но и иметь навыки работы с государственными сервисами.

Наиболее остро цифровое неравенство при взаимодействии с государством проявляется среди индивидов различных возрастных групп. В частности, согласно статистике Росстата, в 2021 году доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в возрасте от 60 до 72 лет составила 60,7% [3].

Определяющим фактором социальной мобильности является образование. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 стала катализатором применения дистанционных цифровых технологий при организации учебного процесса. Массовое применение

дистанционных технологий в образовании ввиду карантинных ограничений продемонстрировали наличие проблем, вызванных цифровым неравенством. Смена привычных практик взаимодействия преподавателей с обучающимися стала стрессом для всех участников образовательного процесса. Как показали результаты проведенного авторами исследования, большинство респондентов-родителей сталкиваются с проблемой необходимости одновременного использования компьютерного устройства несколькими членами семьи, при этом более половины из них отметили, что устройством в данном случае воспользуется тот член семьи, которому оно необходимо для осуществления профессиональной деятельности. В данном случае обучающийся должен использовать техническое устройство, не способствующее эффективному образовательному процессу (например, мобильный телефон) или же вообще пропускать занятие. В результате переход к «тотальному дистанту» был признан Правительством Российской Федерации неприемлемым.

В процессе получения образования индивид не только получает знания и навыки, но и формирует систему восприятия, оценивания и выражения – габитус. В связи с этим, отрицательный опыт использования цифровых технологий при организации образовательного процесса может негативно сказаться на использовании цифровых технологий в других сферах в дальнейшем. Таким образом, цифровое неравенство играет все более значимую роль в образовании как факторе социальной мобильности.

Цифровые компетенции и навыки востребованы сейчас в большинстве профессиональных сфер. Специалисты IT-сферы являются одной из дефицитных и, как следствие, одной из самых высокооплачиваемых профессий. Согласно исследованию Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест 2020», в результате цифровизации мировой рынок труда к 2025 году может сократиться на 85 млн. рабочих мест и в то же время увеличиться на 97 млн. рабочих мест, которые окажутся более адаптированы к современным технологическим реалиям [2].

В профессиональной среде необходимы навыки цифровой грамотности не только сотрудникам в трудоспособном возрасте, но и сотрудникам старше трудоспособного возраста. В условиях нарастающего дефицита молодой рабочей силы и снижения рождаемости рост цифровой грамотности пожилого населения становится все более актуальным. Возрастные работники с цифровыми навыками могут в некоторых сферах деятельности восполнить дефицит молодых работников. В связи с этим, повышение цифровой грамотности граждан старшего поколения может решить не только проблему сохранения занятости для пожилых, но и дефицита рабочей силы в некоторых секторах экономики.

Наличие развитых цифровых навыков и соответствующей мотивации оказывает влияние не только на вертикальную, но и на горизонтальную мобильность. Сотрудник, обладающий необходимыми цифровыми умениями, способен вести свою трудовую деятельность из любой точки мира.

Вместе с тем неограниченный доступ к цифровому контенту может являться основным фактором нисходящей социальной мобильности в социуме. Неконтролируемое пользование сетью ведет к т. н. интернет-зависимости – навязчивому патологическому стремлению использовать Интернет и проводить большее количество времени в цифровой среде, и шире, к компьютерной зависимости. Безграничный доступ к информации, различным видам развлечений, возможность многократных анонимных действий, виртуальная реализация желаний, нахождение собеседников, удовлетворяющих любым требованиям, формируют иллюзию общения с реальным социумом. Личности тяжело сопоставить свои виртуальные и реальные роли, произвести самоидентификацию, взаимодействовать с институтами, способствующими вертикальной мобильности. В конечном счете индивид оказывается за пределами условий и норм жизни, принятых большинством социума.

Кроме того, Сеть становится средой для совершения преступлений. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2022 году с использованием информационно-коммуникационных технологий было совершено каждое четвертое преступление [7].

Для профилактики компьютерной и Интернет-зависимостей необходимо вовлечение подверженных риску индивидов в общественную жизнь. Так, аспектом профилактики может являться вовлечение подростков в общественно полезную деятельность, которая не связана с компьютерными устройствами и Интернетом. Это могут быть активный досуг, проведение массовых спортивных мероприятий, организация волонтерской деятельности.

Таким образом, в результате продолжающейся цифровой трансформации общества изменились ключевые каналы социальной мобильности. Цифровые технологии способны улучшить материальное положение индивида, предоставляют беспрепятственный доступ к информации, способны качественно изменить характер профессиональной деятельности, повысить эффективность его взаимодействия с государством. С помощью использования цифровых технологий индивид способен улучшить свое социальное положение. Однако неограниченный доступ к цифровым технологиям может нанести вред индивиду. В частности, компьютерная и Интернет-зависимость ведут к десоциализации и разрушению личности.

Литература

1. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1 № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 14.02.2023).
2. Всемирный экономический форум: доклад о будущем рабочих мест, 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2020/12/WEF-future-of-jobs-report-2020-zahidi> (дата обращения 14.02.2023).
3. Доля населения, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по видам услуг и полу в 2021 году: данные Федеральной службы государственной статистики. 2021.
4. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 269 с.
5. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326/cc688b9534acebdabb65ce8aeeac4ab93bc8dd1a/ (дата обращения 9.04.2023).
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. М. Политиздат, 1992. 543 с.
7. Статистические сведения о состоянии преступности в 2022 году. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/35394944> (дата обращения 14.02.2023).
8. Castells M. (2001) The Internet galaxy. Oxford: Oxford University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/the-internet-galaxy-9780199255771?cc=us&lang=en&> (дата обращения 16.02.2023).

A. Chizhov

ON THE ISSUE OF THE DIGITAL DIVIDE ON SOCIAL MOBILITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract

On the basis of the concept of three levels of the digital divide, the article shows the influence of the significance of digital divide on social mobility in the modern Russian society. The use of digital technologies is one of the main drivers of upward social mobility, however, the uncontrolled use of digital technologies by individuals can cause significant harm to them. It is concluded that the emergence of digital relations has had a key impact on changes in the channels of social mobility, and digitalization affects both horizontal and vertical social mobility.

Key words: social mobility; digitalization; digital divide; levels of the digital divide; sequence of social mobility; Internet

УДК 304.44

А. А. Белов

**ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ВОЛОНТЕРОВ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН**

Аннотация

В статье представлены результаты анализа ряда социологических теорий с точки зрения их применимости к оценке мотивации добровольческой деятельности. Автор обращается к идеям М. Вебера, Т. Парсонса, В. А. Ядова, Ж. Т. Тощенко. В статье описываются возможности анализа структуры мотивации, взаимосвязь и значимость различных элементов в социальной системе взаимодействия, где в организационном поле управления включены волонтеры и может оцениваться их мотивация.

Ключевые слова: волонтерство, мотивы, стимулы, мотивация волонтеров, трудовая мотивация, социологические теории

В мире формируется глобальный тренд изменения профиля волонтерского участия. Длительность волонтерской деятельности сокращается. Некоммерческие организации сигнализируют о том, что снижается доля долгосрочных регулярных волонтеров с приверженностью к одной организации. Фокус внимания добровольцев смещается на интересные им проекты, даже если это деятельность в разных организациях. Вместе с этим растет доля краткосрочного волонтерского участия в различных мероприятиях. Данный тренд требует исследования, которое поможет некоммерческому сектору работать с причинами изменения мотивации волонтеров, внедрять изменения в свою процессную деятельность и реализовывать свои социальные инициативы. Рассмотрим ряд социологических теоретических идей и проанализируем возможность их применения в анализе мотивации добровольцев.

Макс Вебер утверждал, что ключевым базисом для понимания общества, социального взаимодействия может быть социальное действие. Последнее в его теории разделяется на идеальные типы: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное. В основе целерационального типа социального действия лежит ожидание определенного поведения других людей и использование этого ожидания в качестве «условия» или «средства» для достижения индивидом своей рационально поставленной и продуманной цели действия. Ценностно-рациональный тип действия основан на вере в безусловную, эстетическую, религиозную или любую другую самодовлеющую ценность. Последняя становится определяющим для поведения человека как такового, независимо от того, к чему оно приведет. Аффективный тип действия базируется на эмоциональных основаниях, то есть обусловленных аффектами или психологическим состоянием индивида. Традиционный тип действия основан на длительных привычках людей.

Действие, особенно социальное, редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности. Предложенная социологом теоретическая конструкция или классификация идеальных типов социальных действий не исчерпывает все типы деятельностных ориентаций. Она позволяет в социологическом исследовании обозначить укрупненные или «чистые типы», к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение, что встречается значительно чаще [1, с. 455–491]. Теория М. Вебера позволяет критически оценить мотивацию добровольцев, применяя заданную немецким социологом теоретическую рамку.

Добровольческая деятельность может обоснованно рассматриваться как социальное действие, так как в ней присутствует целеполагание, а волонтеры в своей активности всегда

затрагивают интересы других людей. На эту деятельность в той или иной степени оказывает определенное влияние поведение всех тех, с кем взаимодействуют добровольцы. Безусловно, мотивация добровольчества крайне сложна по своей структуре и динамична в привязке к ситуативным условиям. Однако при изучении мотивации и выделении доминирующих или ведущих мотивов можно выявлять и подгруппы членов волонтерского сообщества, в основе поведения которых лежат мотивы, соотносящиеся с характеристиками идеальных типов М. Вебера. К первому типу гипотетически можно относить тех добровольцев, чья мотивация определяет их поведение или действия как целерациональные. Обращаясь к типовым классификациям мотивации событийных волонтеров, которые чаще всего применяются в эмпирических исследованиях социологии, к таким мотивам возможно отнести: «наработку профессионального опыта», «знакомство с потенциальными работодателями», «улучшение коммуникативных навыков». В подгруппе добровольцев с ценностно-рациональным типом поведения ведущими могут быть такие мотивы как: «сделать мир лучше», «намерения совершить что-либо социально полезное», «желание развивать регион/город своего проживания», «оказать безвозмездную помощь нуждающимся людям». В основе поведения подобности волонтеров с аффективным типом социального действия могут быть следующие мотивы: «стать частью мирового события», «получить эмоциональный заряд – проникнуться эмоциями посетителей мероприятия», «занять свое свободное время», «почувствовать свою нужность/значимость». В подгруппе волонтеров с традиционным типом действия, последние могут руководствоваться мотивами: «занимаюсь волонтерством, потому что это обязательно в рамках моего обучения», «по привычке».

В эмпирическом исследовании событийных волонтеров студенческого ресурсного центра такое разделение волонтеров на подгруппы с разными типами мотивации на этапе рекрутирования может позволить оценить отличия в их приоритетах по функциональной занятости или предпочтительному виду волонтерского участия в конкретном проекте. Можно также проанализировать сильные и слабые стороны выделяемых групп потенциальных волонтеров с позиции требуемых от них компетенций (знание иностранных языков, умение работать в команде и т. д.), социально-психологических характеристик (ответственное отношение, коммуникабельность, стрессоустойчивость и т.). Важным видится и выявление таких особенностей этих подобщностей, как имеющийся у потенциальных добровольцев опыт волонтерской деятельности, социально-демографические характеристики, вид и специфика профессиональных ориентаций (профиль обучения). На этапе обучения возможно в этих подгруппах выявлять самооценку членов этих подобщностей в отношении результативности волонтерской подготовки для них, трудностей, которые они испытывают во взаимодействии с организаторами и волонтерами, проблем, беспокоящих в обучении, работе, контексте повседневного взаимодействия и жизнедеятельности, удовлетворенность своим волонтерским опытом. На этапе удержания возможно проанализировать соответствия функциональных ролей, которые выполняли в проекте волонтеры сравниваемых групп, их намерениям, планам и ожиданиям. Возможно выявить стимулы и условия, при которых добровольцы сравниваемых подгрупп с разными ведущими мотивами будут продолжать работать и в других проектах центра.

В теории социального действия Т. Парсонс определяет ценности как преимущественно важный элемент в построении социальной структуры. «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулирует процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [2, с. 17]. В концепции Т. Парсонса одной из ключевых категорий является «действие», с помощью которого анализируется поведение живых организмов. Выделяются три вида организации элементов действия – три системы: социальная система, система личности, культурная система. «Социальная система и система личности рассматриваются как основание организации мотивированного действия (социальные

системы – это системы, организованные вокруг отношений акторов друг к другу; личности – это системы, организованные вокруг живого организма»).

В социологическом изучении управления мотивацией волонтеров студенческого центра теоретические идеи Т. Парсонса организационное пространство центра и его ресурсы (человеческие, функциональные, материальные и т. д.) формируют социальную систему, в которой организаторы и члены сообщества волонтеров центра могут влиять на ориентации, поведение и сознание добровольцев. Их роли в этой системе ограничены данным коллективом, а действия и поступки становятся реальностью группового взаимодействия, где мотивация каждого может интерпретироваться как «продукт» коммуникации, связываться с развитием личностных компетенций, сопрягаться с выстраиванием общественных связей или поиском друзей, ощущением причастности и своей значимости, с формированием идентичности сообщества и его членов. Система личности волонтеров ориентирована на целедостижение, следовательно, внутренняя мотивация каждого волонтера зависит непосредственно от него самого. Эти системы основываются на взаимодействии акторов и имеют непосредственную связь с эмпирической действительностью. Культурные системы принципиально отличаются от этих систем, так как они содержат «системы символических эталонов. Эти эталоны создаются или демонстрируются индивидуальными акторами и передаются социальными системами в процессе диффузии, а также от личности к личности посредством обучения» [3, с. 461–463]. К элементам этой системы, которые оказывают влияние на мотивацию волонтеров центра, можно отнести существующие практики наставничества в организации, стандарты поведения членов сообщества, организационные традиции, бренд и имидж центра, стереотипное представление о волонтере организации, которое ретранслируется в сообществе, организации и за ее пределами в публичной сфере. Элементы культурной системы могут влиять на приверженность добровольцев к центру и измеряться через идентификацию добровольцев с ним не только как сообщества волонтеров, но и как часть организационной команды, сохраняющей нарабатанный в центре опыт социального взаимодействия, характеристики публичного образа волонтерского центра, передачу традиций и норм.

В эмпирическом исследовании, изучая структуру мотивации волонтеров в контексте их деятельности или труда, можно опираться на идеи российских социологов Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова. По мнению Ж. Т. Тощенко, «анализ реальной производственной практики позволяет сделать вывод, что мотив труда можно определить как внутреннее побуждение человека к труду, когда он знает, что он желает, к чему стремится и на этой основе строит свое поведение» [4, с. 59]. Социологи, следуя концепции В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, как правило, на эмпирическом уровне четко разводят значения мотивов и стимулов. Стимулы затрагивают интересы работника. Они становятся субъективно значимыми побудительными силами под влиянием социальных условий. Мотивы как внутренне осознанные или неосознанные побуждения, обычно соответствуют определенным стимулам.

В социологическом измерении выделяются несколько типов, уровней мотивов деятельности, которые соответствуют типам или уровням стимулов. В концепции В. А. Ядова высший уровень мотивов, а соответственно и стимулов в системе взаимодействия, детерминирован общими социальными условиями. В индустриальный период к таковым исследователи относили производственные отношения, политический строй и идеологию. На следующем уровне мотивы (и стимулы) определяются специфическими условиями деятельности, среди которых содержание труда играет ведущее значение. Конкретные особенности трудовой деятельности в определенной организации порождают специфические мотивы третьего уровня [5, с. 189]. Согласно данной теории, мотивы добровольцев зависят от ценностных ориентаций, отражая образ жизни волонтера и влияние на них его социальной активности, а также общественного мнения.

Исследование мотивации волонтеров становится многогранным, так как включает в себя не только анализ личностных установок, но и их взаимосвязь с социально-политическими событиями, институциональными решениями в рамках реализации политики

государственного содействия волонтерству, с трансформацией образования, развитием некоммерческого сектора, с качеством волонтерского менеджмента в организациях, с характером и особенностями взаимодействия в сообществе волонтеров.

Таким образом, мотивация волонтеров как социальный феномен характеризуется тем, что она формируется и изменяется в процессе социального взаимодействия внутри волонтерской организации между волонтерами, волонтерами и организаторами. Она формируется и в более широком круге жизненного мира волонтеров, включающего их повседневное взаимодействие во время основной занятости (обучения или работы), коммуникации с ближним кругом друзей, родственников, знакомых. На мотивацию волонтеров оказывают определенное влияние глобальные и локальные социально-политические процессы и явления, общественное мнение, а также культурные традиции и традиции общественного участия. Мотивация волонтерского труда имеет ценностную основу, которая определяет действия волонтеров, их целеполагание, а также может интегрировать организационное поле управления волонтерами в добровольческих центрах, укреплять волонтерское сообщество, объединяя в нем его членов.

Ключевые социологические теории позволяют понять и объяснить как мотивация волонтеров связана с их деятельностью как социальным действием, выделить и изучить крупные типы таких действий, исходя из доминирующих мотивов активности их членов. В социологической перспективе прорисовывается логика выделения иерархических уровней, формирующих мотивацию волонтеров: культурной системы общественного взаимодействия, организационной среды центра как социальной системы, системы личности волонтера. Возможным видится в таком ракурсе и теоретическая интерпретация сложной структуры мотивации волонтеров, где взаимопроникают друг в друга мотивы и стимулы, где внешние мотивы интегрируются с внутренними.

Литература

1. Вебер. М. Основные социологические понятия. // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
4. Тощенко Ж.Т. Социология труда: учебник для вузов / Ж.Т. Тощенко, Г. А. Цветкова. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 464 с.

A. Belov

MOTIVATION OF VOLUNTEER STUDENTS AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract

The article presents a brief analysis of some sociological theories in order to further assess the motivation of volunteering. The author refers to the ideas of M. Weber, T. Parsons, V.A. Yadov, Zh.T. Toshchenko. The article describes the basis for analyzing the structure of motivation, the relationship and significance of various elements in the social system, where volunteers are included in the field of organization management and their motivation can be assessed.

Keywords: volunteering, motives, incentives, motivation of volunteers, work motivation, theories of motivation

ПРОБЛЕМА МАСШТАБИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация

Ежегодно в России социально ориентированными некоммерческими организациями реализуется множество проектов различной направленности. Государство же в свою очередь активно поддерживает подобную деятельность, предоставляя денежные средства, техническое оснащение, площадки для проведения тех или иных мероприятий и т. п., так как понимает, что СОНКО берут на себя часть его функций и являются такими же поставщиками социальных услуг. Несмотря на это по-прежнему остро стоит проблема возможного масштабирования таких проектов: организация получает определенные средства, в короткий срок проводит несколько мероприятий, отчитывается о реализации, а после этого совершенно забывает о тех целях, которые изначально были ею поставлены, и никогда не возвращается к этому проекту. Другим сценарием является ситуация, когда СОНКО, изменив незначительно свою заявку, подают ее несколько раз и проводят одни и те же мероприятия в кругу тех же людей. Здесь и возникает вопрос: действительно ли в таком случае СОНКО может принести пользу населению? В этой статье раскрывается данная проблема, а также выделяется несколько возможных путей ее решения, позволяющих увеличить пользу от реализуемых СОНКО проектов.

Ключевые слова: третий сектор, НКО, СОНКО, социальные проекты, масштабирование проекта

В России ежегодно открываются новые социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО). Ни для кого не секрет, что государство напрямую заинтересовано в развитии третьего сектора, ведь своей деятельностью он может взять на себя часть нагрузки государственных органов, занимающихся поставкой разного рода социальных услуг [2, с. 292]. Вместе с увеличением числа СОНКО увеличивается и число разного рода социальных проектов, которые этими организациями реализуются. Однако при анализе этих проектов можно столкнуться с несколькими проблемами, которые ставят под сомнение тот социальный эффект, который изначально предполагался. Во-первых, существует практика, когда координаторы проектов в организации занимаются перифразом заявок на различные конкурсы для получения того или иного гранта и субсидии. Они видят, что их заявка получила поддержку ранее и в дальнейшем используют ее же (с небольшими изменениями) для получения средств. Действительно, стоит отметить, что существуют добросовестные организации, которые занимаются системной деятельностью и качественно выполняют свои функции, и для того, чтобы дальше реализовывать свой проект, им приходится что-то придумывать для получения поддержки. Однако распространена тенденция, когда перифраз используется для того, чтобы получить те же средства и продолжать свой проект на весьма ограниченную аудиторию. Это является второй важнейшей проблемой, существующей в сфере реализации проектов. Некоторые СОНКО проводят мероприятия в рамках проекта для достаточно ограниченной публики (иногда по несколько раз), из-за чего складывается впечатление, что проект проводится только «для своих». Когда организация не стремится расширить границы своего проекта, развивать его и выводить на новый уровень, начинают появляться вопросы к ее честности и добросовестности. Здесь же можно отметить те проекты, которые реализуются на одних и тех же площадках с одними и теми же людьми.

Анализируя подобные проблемы, которые напрямую связаны с нежеланием масштабирования проекта (при условии, что это возможно), возникает вопрос: действительно ли подобные проекты могут достигнуть того социального эффекта, на которое рассчитывает государство? Кроме того, нельзя забывать, что такие СОНКО, выигрывая в конкурсе заявок и аккумулируя средства финансирования, могут не допустить к реализации действительно

качественный и нужный проект, у которого масштаб принесенной пользы обществу был бы гораздо существеннее.

Для того, чтобы изучить подробнее проблему масштабирования проектов, а также выявить определенные тенденции, обратимся к экспертным интервью, в которых приняли участие руководители СОНКО Свердловской области. Интервью были собраны в рамках проекта, реализованного по заказу Министерства образования и молодежной политики Свердловской области на проведение экспертизы проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, получивших поддержку в виде региональной субсидии [3]. Для того, чтобы экспертиза оказалась наиболее объективной и продуктивной, команда посетила мероприятия, где своими глазами видела, как реализуется проект, а также общалась с представителями организации и участниками мероприятия.

Один из вопросов, который был задан представителям СОНКО звучал следующим образом: «Планируете ли Вы масштабирование проекта в будущем? Если да, то расскажите, как именно». Если отслеживать динамику ответов на поставленный вопрос, то можно выделить две большие категории. Первая категория «Как?». Это те представители организаций, которые действительно заинтересованы в том, чтобы их проект расширял границы, охватывал новые территории и новых участников. То есть эти руководители действительно думают о том, каким образом можно свой проект усовершенствовать и продолжать. Следовательно, на вопрос «Как?» они придумывают новые технологии и механизмы продвижения и масштабирования. В ходе проведения интервью эти руководители показывали максимальную заинтересованность и делились тем, какой план по масштабированию у них выстроен на данный момент.

«Да, о расширении проекта думали. Планируем развивать проект в соседних муниципалитетах.» (№2, женщина, Екатеринбург).

«Скорее всего в следующем конкурсе переключимся со школьников на студенческую аудиторию.» (№4, мужчина, Екатеринбург).

«Мы планируем, чтобы обученные старшеклассники обучали детей помладше...» (№5, женщина, Березовский).

«Мы уже давно обучаем волонтеров. Они и являются нашим продолжением...» (№ 7, женщина, Арамиль).

«Мы разрешаем пользоваться нашими материалами...» (№15, мужчина, Екатеринбург).

Выше приведены цитаты из интервью с руководителями СОНКО, которые ясно отражают посыл организаций и их дальнейшие планы. Здесь же можно увидеть различные способы масштабирования, на которые стоит обратить внимание и другим организациям, которые хотят продолжать свою деятельность и увеличивать социальный эффект. К этой же категории можно отнести те СОНКО, которые выиграли первый раз и пока не понимают, каким образом им продолжать.

«Мы выиграли первый раз, поэтому пока не представляем, каким образом это сделать...» (№8, женщина, Екатеринбург).

Есть и другая категория – «Зачем?». Руководители такого плана не понимают, для чего им масштабировать этот проект и развивать его, если они и так получают денежные средства на реализацию своей деятельности. Чаще всего такие руководители в ходе диалога придумывают множество отговорок о том, что их проект масштабировать просто невозможно (хотя зачастую это далеко не так), либо же всеми силами хотят показать, что проект на самом деле развивается (однако при изучении прошлых заявок не наблюдаются кардинальные изменения).

«Мы постоянно масштабируем проект...» (№3, мужчина, Екатеринбург).

«Для нас это не представляется возможным.» (№12, женщина, Екатеринбург).

Есть и те, кто не понимает, что мы подразумеваем под «масштабированием». Подобные ответы вызывают ряд вопросов.

«Что Вы понимаете под масштабированием?» (№1, мужчина, Екатеринбург).

Таким образом, обоснована проблема масштабирования проектов СОНКО и выявлены существующие барьеры. На основании данных, полученных в ходе интервью, а также включения в проводимые мероприятия в рамках разного рода проектов, можно выделить ряд рекомендаций, на которые стоит обратить внимание при дальнейшем масштабировании деятельности. Во-первых, это сбор обратной связи от участников мероприятия. Так как все эти мероприятия непосредственно реализуются для молодежи, у нее может быть свое видение, каким образом осуществлять этот проект. Подобный метод позволяет провести такой косвенный «мозговой штурм» и подчеркнуть новые идеи и задумки. Во-вторых, следует расширять свою целевую аудиторию. Например, обучать учеников разных классов, включаться в обучение студентов и работающей молодежи и так далее. Отсюда же вытекает третья рекомендация – вовлекать «потребителей» в реализацию дальнейших проектов. Организаторы могут обучить школьников старших классов, которые после будут самостоятельно обучать детей младшего возраста или обучить волонтеров, которые будут помогать в реализации и увеличении числа мероприятий. В-четвертых, не стоит забывать о продуктовом результате проекта и возможности «оставить что-то после себя». Когда после реализации проекта остаются какие-либо методические материалы, разработанные пособия, это не только позволяет расширить границы своего проекта и «прорекламировать» свою организацию, но и позволяет оказать непосредственное влияние на общество и обрести новых партнеров в дальнейшем. Кроме того, хотелось бы отдельно отметить, насколько важно некоммерческим организациям находить новые источники финансирования, а в идеале – заниматься приносящей доход деятельностью. Это может быть производство товаров и услуг в целях получения прибыли; приобретение и реализация ценных бумаг, приобретение и реализация имущественных или неимущественных прав; участие в обществах и товариществе на вере в качестве вкладчика и т. д. [1]. Это позволит им обеспечить устойчивое развитие организации и уверенность в завтрашнем дне, отсутствие которых так остро стоит на повестке дня третьего сектора [4, с. 82]. В таком случае не будет наблюдаться тенденция: «есть средства субсидии – реализуем проект и проводим мероприятия» и «нет средств – мероприятий не будет». Это позволит им грамотно и планомерно выстраивать свою работу, которая будет носить системный характер, что в свою очередь играет огромную роль в поддержании репутации организации на должном уровне.

Литература

1. Киселева Т. Ю. Формирование финансовых ресурсов некоммерческих организаций России за счет деятельности, приносящей // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2020. Т. 13. № 3(353). С. 275–276.
2. Пилипенко А. Д. Институциональная роль СО НКО в развитии социального государства в России // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 292–295.
3. Проекты НКО // Государственная поддержка СО НКО в сфере образования и молодежной политики Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: https://nko.mcoso.ru/projects_search/ (дата обращения: 10.02.2023).
4. Чепулянис А. В., Титова А. В. Дополнительные источники финансирования некоммерческой деятельности как фактор устойчивого развития НКО // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2021. № 3. С. 82–96.

A. Izhik

THE PROBLEM OF SCALING UP PROJECTS OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANISATIONS

Abstract

Every year in Russia, socially oriented non-profit organisations implement many projects of different orientation. The state, in turn, actively supports such activities, providing funds, technical equipment, venues for events, etc., as it understands that socially oriented non-profit organisations take over part of their functions and are the same providers of social services. Despite this, the problem of possible scaling of such projects

remains acute: the organisation receives certain funds, carries out several activities in a short period of time, reports on the implementation, and after that completely forgets about the goals that were originally set by it and never returns to this project. Another scenario is when a socially oriented non-profit organisation, having slightly changed its application, submits it several times and carries out the same activities with the same people. Here is where the question arises: can socially oriented non-profit organisations really benefit the public in such a case? This article reveals this problem and highlights several possible solutions to increase the benefits of socially oriented non-profit organisations' projects.

Keywords: Third sector, NGOs, socially oriented NGOs, social projects, project scaling up

УДК 316.016

Л. Д. Забокрицкая, Е. И. Початкова

АКТИВИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ СОТРУДНИКОВ КОРПОРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ

Аннотация

Авторы рассматривают участие сотрудников корпорации в социально-экологических проектах как один из компонентов их корпоративной культуры, который формируется за счет развития у них специфических знаний, умений и навыков. Цель публикации – раскрыть условия и элементы корпоративной культуры, которые необходимо развивать у сотрудников корпорации для активизации их участия в социально-экологических проектах. В статье отражены результаты эмпирического исследования – анкетного опроса сотрудников Свердловского филиала ПАО «Т Плюс» в декабре 2022 г. (№-136; выборочная совокупность – целевая, доступных случаев).

Ключевые слова: социально-экологические проекты, корпоративная культура, корпоративное волонтерство, ESG, социальное участие.

Гармоничное взаимодействие элементов социально-экологической системы является необходимым условием ее благосостояния, и находит отражение в мировой повестке. В данном контексте одной из центральных идей является ответственность бизнеса перед обществом, выражающаяся в следовании коммерческими организациями принципам ESG-концепции: ответственное отношение к окружающей среде, социальная ответственность и качественное управление. ESG-концепция является глобальным трендом, влияющим, прежде всего, на политику крупных хозяйствующих субъектов – корпораций. По своей сути эта концепция является логическим продолжением основополагающего постулата устойчивого развития: «удовлетворять потребности нынешнего времени, при этом, не подвергая угрозе возможность последующих поколений удовлетворять свои нужды» [1]. Реализация ESG-стратегии тесно связана с инновационной, в том числе с проектной, деятельностью. Принципы устойчивого развития могут служить ограничителем для реализации проектов, за счет их внедрения в стандарты управления проектами [2, с. 137], что выражается в регулирующем воздействии на частный сектор государства, инвесторов и общественности. Проектные технологии могут использоваться для внедрения ESG-практик, например, через включение сотрудников корпораций в социально-экологические проекты, в том числе волонтерские. Такие проекты являются частью социально значимых проектов, в этой связи предлагаем определять социально-экологические проекты как проекты, достижение целей которых ведет к положительным и измеримым изменениям окружающей среды и в целом условий жизни людей, для которых они реализуются. С точки зрения объекта воздействия социально-экологические проекты могут быть направлены на экологические ценности и установки людей, природную среду, или влиять на эти составляющие в совокупности. При воздействии на социальную составляющую социально-экологической системы происходит опосредованное изменение другого ее элемента – природной среды, – то же справедливо для воздействия только на экологическую часть системы. Корпоративное участие в социально-экологических проектах, в том числе в рамках корпоративного волонтерства сотрудников, включает в себя сразу три компонента ESG – социальную, экологическую ответственность и качественное управление внутри организации. Таким

образом, целью данной статьи является раскрытие условий и элементов корпоративной культуры, которые необходимо развивать у сотрудников корпорации для активизации их участия в социально-экологических проектах.

Благодаря процессу цифровизации получили распространение гибкие подходы к управлению проектами [3, с. 142]. Для эффективного управления корпорацией в условиях перехода к цифровой экономике также необходимо изменение традиционных систем управления «сверху вниз» [4, с. 213], их демократизация, создание условий для внедрения инициатив сотрудников. В связи с чем набирает популярность навыконое волонтерство как способ развития компетенций сотрудников через их участие в разработке и реализации социально-экологических проектов. Таким образом, корпорации следуют ESG-повестке, удовлетворяют ожидания общества и инвесторов, за счет чего возрастает их прибыль [5, с. 94], а также увеличивают человеческий капитал. Последнее осуществляется не только из-за развития компетенций сотрудников корпорации, но и за счет наличия связи между участием в добровольческом движении и благополучием индивида [6, с. 188]. Согласно данным исследования, проведенного ВЦИОМ в 2021 г., 15% компаний развивают это направление благодаря инициативе самих сотрудников [7]. А руководители компаний все чаще начинают позиционировать корпоративное волонтерство как часть миссии компании, и для развития такой добровольческой активности в 2014 г. был создан Национальный совет по корпоративному волонтерству, в составе которого на сегодняшний день 40 крупных российских организаций.

Так, ПАО «Т Плюс» – ведущая российская частная корпорация, работающая в сфере электроэнергетики и теплоснабжения, – в рамках следования ESG-повестке активно развивает добровольческое движение во всех филиалах организации. Теплоэнергетическая отрасль и социально-экологическая сфера тесно взаимосвязаны, поэтому особое внимание ПАО «Т Плюс» уделяет социально-экологическим проектам, в том числе при участии корпоративных волонтеров. Некоммерческие мероприятия корпорации представлены в основном как социальные (37% публикаций) и экологические (41% публикаций) – результат контент-анализа публикаций о ПАО «Т Плюс» в средствах массовой информации за период с 20.06.2022 по 20.11.2022. Всего за этот период было освещено 25 социально-значимых мероприятий компании. В 2017 г. в компании были созданы Советы молодых специалистов (в ноябре 2022 г. реформированные в Молодежные сообщества) – добровольные объединения сотрудников, желающих заниматься волонтерством. Каждый год руководство ПАО «Т Плюс» формулирует приоритетные направления корпоративного добровольческого движения, однако это не отменяет возможность сотрудников получить поддержку для реализации инициатив за рамками этих направлений. В этой связи в некоторых филиалах, в частности Свердловской области, актуален вопрос создания комфортных условий для развития и реализации инициатив работников.

Эмпирической базой статьи является анкетный опрос сотрудников Свердловского филиала ПАО «Т Плюс» (далее – Филиал), проведенный в декабре 2022 г. с целью выявления причин, препятствующих их участию в разработке и реализации социально значимых проектов. Опрос реализован в формате онлайн. Всего было опрошено 136 сотрудников (около 2% от общей численности персонала Филиала). Выборочная совокупность – целевая, так как в нее были включены респонденты, которые проявили интерес к проблематике корпоративного волонтерства. Общая численность таких сотрудников в корпорации около 5 тыс. человек. Для первичного определения проблем и путей их решения внутри целевой выборки использовалась выборочная совокупность доступных случаев. В исследовании участие приняли только те сотрудники, кто в момент его проведения добровольно проявил интерес к исследуемой проблематике. Результаты исследования обрабатывались в программе SPSS. В опросе приняло участие 65% женщин и 35% мужчин. Подавляющее большинство респондентов (87%) имеют высшее образование. Данное исследование является пилотажным, полученные результаты и выводы могут распространяться только на опрошенных сотрудников, но не на всю генеральную совокупность.

Результаты эмпирического исследования продемонстрировали, что около 35% респондентов (46 чел.) хотят заниматься разработкой собственных социально значимых проектов, из них 28 женщины и 18 мужчины. Более половины (61%) респондентов в возрасте от 18 до 35 лет заинтересованы в этой теме, в то время как среди группы от 36 лет и старше такое желание высказали 28% опрошенных. При этом 93% представителей молодежи хотя бы раз участвовали в волонтерской деятельности, среди респондентов старше 35 лет этот показатель равен 45%.

Корреляционный анализ выявил прямую слабую связь между частотой участия в волонтерской деятельности и желанием разрабатывать собственные проекты подобного характера (коэффициент ранговой корреляции Спирмена = 0,290). Между оценкой опыта участия в добровольческих проектах и желанием заниматься их разработкой связь несколько сильнее (коэффициент ранговой корреляции Спирмена = 0,330). На рис. 1 представлены направления социально значимых проектов, которые оказались наиболее интересны для респондентов, желающих их разрабатывать.

Рис. 1. Приоритетные направления социально значимой проектной деятельности для респондентов (% от числа опрошенных)

Наиболее популярным направлением социального проектирования оказалось улучшение городской среды, включающее благоустройство, развитие инфраструктуры, создание парковых зон и урбанизм. Наименьший интерес респонденты проявили к проектированию по направлению международного сплочения, к чему относится преодоление межнациональной розни, борьба с экстремизмом, оказание гуманитарной помощи. Таким образом, мы можем сказать, что: во-первых, наличие интересного направления социально значимой проектной деятельности и, во-вторых, наличие опыта являются первыми важными условиями для дальнейшего участия работников в социально-экологических проектах. В то же время, причиной, из-за которой респонденты, желающие заниматься разработкой собственных проектов, еще не сделали этого, является отсутствие знаний.

Так, лишь у 39% респондентов, из числа тех, кто хочет заниматься разработкой собственных социально значимых проектов, есть конкретное видение концепции и технологии проекта, который они хотели бы создать. Отсутствие знаний обуславливается тем, что основная профессиональная деятельность сотрудников, заинтересованных в социальном проектировании, напрямую не связана с проектированием, то есть у них нет соответствующих знаний, а также умений или навыков подобной деятельности (см. рисунок 2).

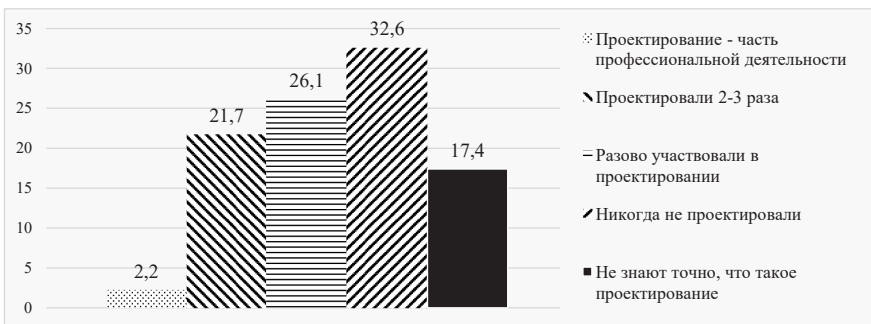

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли у Вас опыт проектирования?» (в %, от числа опрошенных, желающих заниматься социальным проектированием)

Половина респондентов, желающих заниматься социально ориентированным проектированием, либо никогда не участвовали в написании и реализации проектов (15 чел.), либо не знают, что такое проектирование (8 чел.). Из числа опрошенных лишь у одного человека профессиональная деятельность напрямую связана с проектированием, остальные занимались такой деятельностью 2–3 раза (10 чел.) или разово принимали в ней участие (12 чел.). Соответственно, знания об отличительных особенностях социально ориентированных проектов у респондентов по большей части отсутствуют, из 46 человек лишь 3 знают, что центром таких проектов является целевая аудитория, для которой они разрабатываются и для решения чьей проблемы реализуются. Кроме того, респонденты, у которых уже есть идея социально ориентированного проекта, отмечают, что не могут начать детальную разработку из-за отсутствия финансирования и партнеров, практического опыта управления проектами, мотивированной команды.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы установили, что респондентам корпорации Свердловского филиала ПАО «Т Плюс» для активизации их участия в социально-экологических проектах не хватает, в первую очередь, специальных знаний, связанных с проектированием. Знания являются одним из ключевых элементов корпоративной культуры, и руководство корпорации должно быть заинтересовано в развитии знаний у своих сотрудников. Результаты исследования являются пилотажными, тип выборочной совокупности не позволяют распространить их на всю генеральную совокупность. Но результаты исследования выявили один из векторов проблем, который необходимо в дальнейшем исследовать и решать. Руководство организации заинтересовано вопросом вовлечения своих сотрудников в волонтерскую деятельность, в связи с чем, надеемся на дальнейшее продолжение нашего исследования. Основываясь на результатах теоретического анализа литературы и наблюдения за работой над социально-экологическими проектами в исследуемой компании, считаем, что для активизации участия сотрудников любых корпораций в социально-экологических проектах, необходимо развивать в них такие условия как:

- во-первых, миссия и ценности. Компания должна иметь ясную миссию и ценности, которые демонстрируют явную экологическую ответственность. Сотрудники должны знать и разделять эти ценности;
- во-вторых, обучение и развитие. Компания должна использовать возможности для обучения и развития сотрудников в области социальной и экологической ответственности. Это могут быть обучающие программы, тренинги, семинары и другое. Как показало наше исследование данное направление чрезвычайно важно для активизации участников корпорации;

- в-третьих, командный дух. Компания должна развить сильную культуру сотрудничества между членами коллектива, чтобы стимулировать их совместное участие в социально-экологических проектах;
- в-четвертых, коммуникация. Компания должна выстроить открытую и прозрачную коммуникацию с сотрудниками, способствующую выражению инициатив и предложений. Сотрудники должны иметь возможность свободно выражать свои мнения и предложения в отношении социально-экологических проектов;
- в-пятых, поощрение. Компания должна поощрять и награждать сотрудников за их участие в социально-экологических проектах, чтобы поддерживать их мотивацию и интерес к этим проектам;
- в-шестых, вовлеченность руководства. Руководство компании должно быть заинтересованно и само активно вовлечено в социально-экологические проекты, показывать положительные примеры для своих сотрудников.

Представленные выше условия весьма универсальны и могут быть отнесены к любой компании. Поскольку они являются общим фундаментом для создания сильной корпоративной культуры, направленной на активизацию участия сотрудников в социально-экологических проектах.

Литература

1. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» // Организация объединенных наций. 1987. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).
2. Вербя Ю. С. Иванов И. Н. Устойчивое развитие и управление проектами: задачи и результаты интеграции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №5 (41). С 135–146.
3. Коваленко, Б. В. Влияние цифровизации экономики на методологии управления проектами / Б. В. Коваленко, И. В. Гусейнова, Т. И. Гусарова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 2. С. 135–144.
4. Гилева Т. А. Разработка стратегии цифровой трансформации предприятия: принципы и методы. // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXI Всероссийского симпозиума, Москва, 10–11 ноября 2020. С. 211–217.
5. Ефимова О. В., Волков М. А., Королева Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. 2021. №4. С. 82–97.
6. Молчанов, С. В. особенности психологического благополучия подростков с различным опытом и мотивацией волонтерской деятельности / С. В. Молчанов, О. В. Алмазова, Н. Н. Поскребышева // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 6(46). С. 181–192.
7. Корпоративное волонтерство: актуальные тренды // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korporativnoe-volonterstvo-aktualnye-trendy-1> (дата обращения 23.03.2023).

L. Zabokritskaya, E. Pochatkova

ENHANCING EMPLOYEE PARTICIPATION IN SOCIO-ECOLOGICAL PROJECTS

Abstract

The authors consider corporate employees' participation in social-ecological projects as one of the components of their corporate culture, which is formed by the development of specific knowledge and skills. The purpose of the publication is to discover the conditions and elements of corporate culture that need to be developed to activate the corporation's employees' participation in socio-ecological projects. The article describes the results of empirical research obtained during a questionnaire survey of employees of Sverdlovsk

subsidiary of PJSC «Т Plus», carried out in December 2022 (No. 136; the sampling frame is targeted, available cases).

Keywords: social-ecological projects, corporate culture, corporate volunteering, ESG, social participation.

УДК 304.44

Е. А. Кострова

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В данной работе рассмотрена социальная активность православных религиозных организаций на территории Свердловской области, реализуемая через проектные заявки, отправленные данными учреждениями на конкурс «Фонда Президентских грантов». Использован метод контент-анализа заявок.

Ключевые слова: православные религиозные организации, Русская православная церковь, РПЦ, социальная активность, Фонд Президентских грантов.

В настоящее время Русская православная церковь активно включается в реализацию социальных, культурных, информационных и просветительских проектов. Такая деятельность осуществляется организациями, входящими в структуру Русской православной церкви – Московского патриархата, а также учреждениями, созданными членами церкви, прихожанами не входящими в духовенство. Ряд исследователей О. А. Богатова, Е. И. Долгаева, А. В. Митрофанова считают, что религиозные организации способны осуществлять успешную социальную деятельность во многом благодаря наличию развитых социальных сетей, с помощью которых можно привлекать волонтеров, в том числе неверующих [1, с. 494]. Кроме этого, А. Ю. Полунов пишет, что именно религиозная идеология может стать социальной опорой в деятельности церкви [3, с. 3]. Религиозные организации имеют те ресурсы и возможности, которые не всегда есть у светских НКО, а именно обращение к религиозным смыслам, что можно эффективно использовать при работе с определенными социальными группами, например, с людьми, страдающими наркозависимостью. При этом сфера исследования социальной деятельности церкви пока еще не изучена и не освещена в должной мере, из-за чего существует непонимание механизмов социальной работы церкви с целевыми группами и результатов (последствий) этой работы, духовная специфика работы религиозных организаций не всегда понятна светским специалистам и экспертам грантовых конкурсов.

В данной работе рассмотрена социальная активность православных религиозных организаций в Свердловской области с помощью изучения грантовых заявок, поданных на конкурс «Фонда Президентских грантов» с 2017 по 2022 гг. [4]. Для анализа выбраны организации, так или иначе связанные с Русской православной церковью. Исследование ограничено только организациями православной церкви (исключены мусульманские, иудейские и прочие религиозные организации), поскольку это одна из самых крупных религиозных организаций, о принадлежности к которой заявляет большинство населения России [2]. «Фонд Президентских грантов» – один из самых крупных грантовых конкурсов, привлекающих большое количество разнообразных участников, именно поэтому для анализа были выбраны заявки, отправленные на него. Стоит отметить о существовании других конкурсов, где активно участвуют религиозные организации, в том числе грантового конкурса «Православная инициатива», созданным самим РПЦ, где могут принимать участие не только религиозные организации, а различные учреждения разной направленности. Но все же именно «Фонд Президентских грантов» привлекает наибольшее количество участников и работает в самых разных направлениях (без акцента на религию), а для данного исследования важно было рассмотреть социальные проекты религиозных организаций главной целью которых не является распространение веры. Именно поэтому для оценки уровня социальной активности

православных религиозных организаций в Свердловской области, были проанализированы только их проектные заявки, поданные на конкурс «Фонда Президентских грантов».

С 2017 по 2022 гг. количество православных религиозных организаций-участников конкурса, их заявок и проектов-победителей не меняется в большую или меньшую сторону, а остается примерно на одном уровне (рис. 1). Исключением является 2020 и 2021 гг., когда можно увидеть рост количества организаций-участников конкурса и проектных заявок, что может быть связано с эпидемией covid-19, когда многие некоммерческие организации активизировались для содействия в решении общей проблемы, учитывая, что заявки на участие в «Первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развития общества 2021» принимались до 15 октября 2020 г., кроме этого в 2020 г. был организован дополнительный «Специальный конкурс 2020». При этом, в 2020 и 2021 гг., несмотря на рост количества организаций-участников и проектных заявок, количество победителей осталось примерно на том же уровне, что и в другие годы.

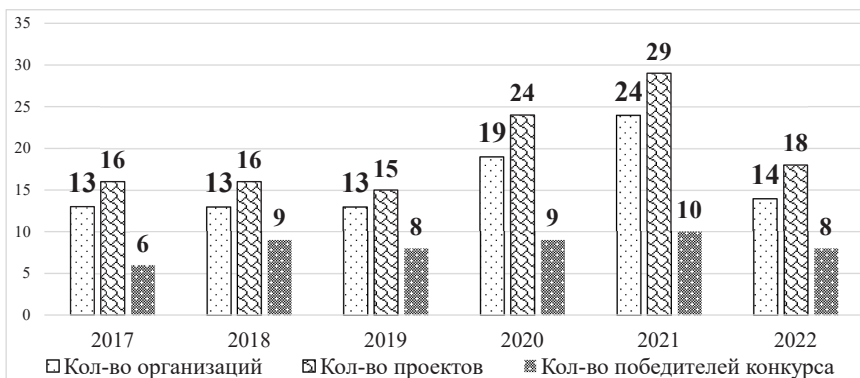

Рис. 1. Активность религиозных организаций в конкурсе «Фонда Президентских грантов»

Если сравнивать уровень социальной активности православных религиозных организаций со всеми другими организациями в Свердловской области так же через анализ проектных заявок, отправленных на конкурс «Фонда Президентских грантов», то можно увидеть, что количество организаций-участников конкурса, их заявок и проектов-победителей медленно увеличивается, при этом самими активными также стали 2020 и 2021 гг. (рис. 2).

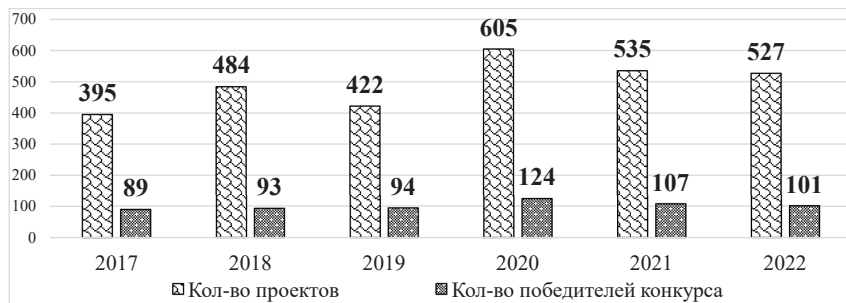

Рис. 2. Активность других организаций в конкурсе «Фонда Президентских грантов»

В целом с 2017 по 2022 гг. проектные заявки православных религиозных организаций составили 3,6% от всех заявок, поданных в Свердловской области на конкурс «Фонда Президентских грантов» (рис. 3), при этом выигранные проектные заявки православных религиозных организаций с 2017 по 2022 гг. составили уже 7,6% от всех выигранных заявок в Свердловской области (рис. 4).

Рис. 3. Соотношение поданных заявок на конкурс «Фонда Президентских грантов»

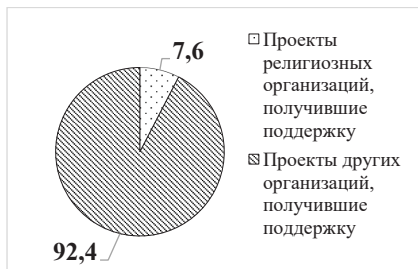

Рис. 4. Соотношение проектов, получивших поддержку «Фонда Президентских грантов»

Таким образом, почти 1/10 социальных проектов, реализуемая при поддержке «Фонда Президентских грантов» на территории Свердловской области осуществляется православными религиозными организациями, что является довольно значимым вкладом данных организаций в решение социальных проблем на своей территории и привлечение дополнительных ресурсов в регион.

С 2017 по 2022 гг. 42,4% проектных заявок от всех поданных православными религиозными организациями в Свердловской области получили поддержку «Фонда Президентских грантов» (рис. 5), для сравнения в этом же временном промежутке лишь 20,5% проектных заявок от всех поданных остальными организациями в Свердловской области получили поддержку (рис. 6).

Рис. 5. Соотношение проектов-победителей религиозных организаций к их проектам, не получившим поддержку «Фонда Президентских грантов»

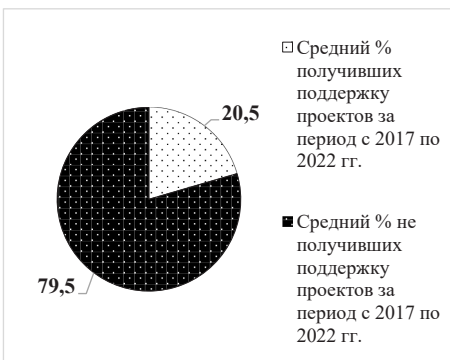

Рис. 6. Соотношение проектов-победителей других организаций к их проектам, не получившим поддержку «Фонда Президентских грантов»

Проектные заявки от православных религиозных организаций были поддержаны «Фондом Президентских грантов» с 2017 по 2022 гг. примерно в 2 раза чаще, чем проектные

заявки остальных организаций в Свердловской области. Это может свидетельствовать о том, что социальные проекты православных религиозных организации более качественно подготовлены и/или имеют очень высокую социальную значимость и актуальность, при этом понятно, что в большей части подобных учреждений не работают профессиональные грантрайтеры, менеджеры социальных проектов и т.д. Такая результативность грантозаявительной деятельности может объясняться тем, что у Русской православной церкви есть организации оказывающие консультационно-методическую помощь, в том числе в написании грантовых заявок, небольшим православным религиозным учреждениям. Благодаря этому, каждой церкви или приходу при ней необязательно иметь профессиональных сотрудников, занимающихся социальным проектированием, на которых и у остальных некоммерческих организаций не всегда есть финансовые ресурсы, при этом, за счет такой помощи православные религиозные организации имеют возможность доработать свои грантовые заявки до более высокого уровня, чем остальные организации.

Если рассмотреть количество проектов-победителей православных религиозных учреждений в динамике с 2017 по 2020 гг. в Свердловской области, то мы не увидим явного роста или снижения процента поддержанных заявок, проекты-победители составляют от 34,5% до 56,3% от всех поданных заявок православными религиозными организациями (рис. 7). При этом в 2020 и 2021 гг. количество выигранных проектов резко уменьшается, а после выравнивается вновь, что связано с высокой заявочной активностью НКО в период пандемии и высокой конкуренцией. Сравнивая с динамикой проектов-победителей остальных организаций Свердловской области с 2017 по 2022 гг., можно увидеть, что процент выигранных заявок за данный промежуток времени более однороден, держится в диапазоне от 19% до 22,5%.

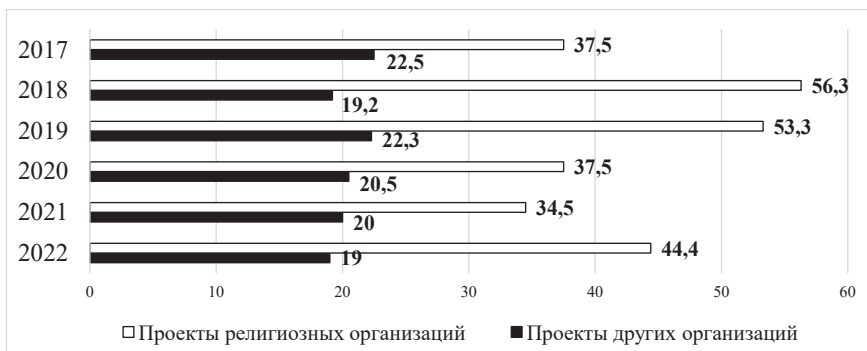

Рис. 7. Соотношение доли проектов-победителей православных религиозных организаций в общей численности поданных проектов православными религиозными организациями с долей проектов-победителей других организаций в общей численности поданных проектов другими организациями с 2017 по 2022 гг.

При анализе географии проектов-победителей православных религиозных организаций Свердловской области было выявлено, что большая их часть находится в Екатеринбурге и близлежащих городах. С 2017 по 2022 гг. 25 социальных проектов реализовано в Екатеринбурге, по 4 в Заречном и Нижнем Тагиле, по 2 в Белоярском, Михайловском, Первоуральске, Лесном, по 1 в Ревде, Карпинске, Новой Ляле, Березовском и Сысерти.

Проекты, реализованные при поддержке «Фонда Президентских грантов» православными религиозными организациями напрямую не связаны с распространением веры. Основные направления социальных проектов православных религиозных организаций в Свердловской области: работа с людьми с инвалидностью; воспитательная работа с детьми

и молодежью; работа с молодежью более взрослого возраста (в основном привитие традиций казачества); работа с детскими домами; проекты, направленные на укрепление семьи; работа с трудными подростками, в том числе в детских колониях; профилактика наркомании и алкоголизма; другое (пропаганда здорового образа жизни, различных видов спорта, популяризация русской истории и культуры, развитие досугово-развлекательной инфраструктуры в малых городах и др.).

Таким образом, православные религиозные организации в Свердловской области реализуют довольно большую часть социальных проектов в регионе, играют важную роль в привлечении дополнительных финансовых ресурсов, к примеру, за 2022 ими привлечено 13 082 306 рублей [4]. Их проекты весьма разнообразны, нацелены на решение различных проблем и на разные целевые группы. Они приносят свои взгляды и ценности в реализуемые социальные проекты, но по внешней форме их социальная деятельность схожа с работой светских некоммерческих организаций.

На следующем этапе исследования запланировано изучение механизмов привлечения целевой аудитории и работы с ней, критериев эффективности деятельности, организации работы по привлечению ресурсов, в том числе через грантовые конкурсы, православными религиозными организациями Свердловской области с помощью качественных методов анализа (наблюдение, глубинные интервью и др.).

Литература

1. Богатова О. А., Долгаева Е. И., Митрофанова А. В. Деятельность социально ориентированных организаций Русской православной церкви: региональные аспекты // Социальная структура, социальные институты и процессы. 2019. № 3. Т. 27. С. 489–512. DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.489-512
2. Религиозные представления // Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/16/religioznyeyepredstavleniya/> (Дата обращения: 01.03.2023)
3. Полунов А. Ю. Социальные проекты Русской Православной Церкви: перспективы и противоречия // Государственное управление. Электронный вестник. 2005. №6. С. 1–12.
4. Фонд Президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>

E. Kostrova

SOCIAL ACTIVITY OF ORTHODOX RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE SVERDLOVSK REGION

Abstract

This paper examines the social activity of Orthodox religious organizations in the Sverdlovsk region, implemented through the project applications submitted by these institutions to the Presidential Grants Fund. The method of content analysis of applications was used.

Keywords: Orthodox religious organizations, Russian Orthodox Church, ROC, social activism, Presidential Grants Fund.

УДК 316

С. А. Любимцева

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация

В последние годы такие процессы как старость, старение населения достигли уровня глобальных проблем человечества. Исследовательские вопросы о месте и роли старшего поколения в обществе рассматриваются представителями различных наук. Ученые демографы изучают демографические процессы в обществе, проблемы воспроизводства, изменения социальной и демографической

структуры. Психологи в своих работах анализируют особенности личности пожилого человека, динамику его мотивационно-потребительской сферы, типы старения. Социологами изучаются факторы социального поведения пожилых людей в обществе, исследуются проблемы активизации их поведения. Специалистов в области государственного и муниципального управления интересуют особенности реализации социальной политики, сущность управления в социальной сфере. В статье на основе вторичного анализа научных публикаций российских и зарубежных авторов рассмотрены ключевые дисциплинарные подходы к изучению процесса старости.

Ключевые слова: старость, старение население, старшее поколение, пожилые люди, демографическая структура общества.

Проблема старения общества по своей специфике представляет новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось «лицом к лицу» во второй половине XX столетия. Современное общество оказалось к этому не готово ни теоретически, ни практически. Теоретически – поскольку ясного понимания, что такое старение и как его профилактировать, до сих пор нет. Практически – поскольку простые и привычные способы организации жизни в старости явно уже не работают [4, с. 115]. По прогнозам ООН, в ближайшие десятилетия число людей в возрасте 65 лет и старше во всём мире увеличится более чем вдвое – с 761 миллиона в 2021 году до 1,6 миллиарда в 2050-м. Численность людей старше 80 лет будет расти еще быстрее. Об этом говорится в опубликованном докладе Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам [2].

До середины XX века явлению старения населения уделялось незначительное внимание со стороны научного сообщества, поскольку численность пожилых людей не демонстрировала существенных темпов роста. Но в 1950-1960-е годы проблема старения населения стала очевидной, что актуализировало проведение исследований, целью и задачами которых выступило определение основных методологических принципов оценки демографической старости. Важной предпосылкой к развитию научной сферы в данном направлении послужило явление междисциплинарного поля исследований, известное как социальная геронтология.

Социальная геронтология призвана решать демографические и социально-экономические проблемы старения населения и тесно взаимосвязана с другими социальными науками: социологией, антропологией, политологией и демографией. В социологии проблематика изучения старения не нова, но в отличие от социологии детства или молодости находится в ситуации «догоняющего развития», заимствуя статистические данные из социальной геронтологии, а подходы и методы – из социальной антропологии. Тем не менее, в социологии старости было разработано несколько теоретических положений: например, социологи-функционалисты выдвинули теорию «отсоединения», согласно которой старость характеризуется утратой социальных функций и связей. В частности, Э. Камминг и У. Генри писали, что социальная роль пожилых – это «роль без роли», по их мнению, отсоединение пожилого от социальных ролей полезно для общества и для него самого [10]. В то же время возникла антагонистическая теория активности, представители которой настаивали на том, что утрата социальных ролей в старости вовсе не обязательна и нежелательна. В частности, Р. Д. Хэвигхерст и Р. Альбрехт полагали, что старость должна быть временем активной и творческой жизни [11]. Приближаясь к современности, когда в социальном мышлении преобладало постмодернистское направление, старость всё чаще стали рассматривать как социокультурный конструкт, включающий серию стереотипов, которые не соответствуют современным демографическим и социально-психологическим условиям [6, с. 156]. В целом можно отметить, что данная система взглядов имела гуманистический заряд, но игнорировала политические вопросы неравенства и конфликта между возрастными группами.

Одновременно с зарождением социальной геронтологии получил свое развитие психологический подход, первопреходцами которого были медики и психологи, такие как Р. Кулен [8]. Возникла молодая область знания – психология старости, предназначение, которое заключалось в изучении психологических эффектов старения, а также

сопутствующих биологических и социальных эффектов. Особое значение в рамках психологического подхода имели работы психолога Эрика Эриксона, предложившего теорию жизненных циклов. Согласно его теории, старость представляет собой важный период в жизни человека, когда происходит окончательное становление его личности путем интеграции и осмысления жизненного опыта [12]. Некоторые представители направления поднимали вопрос о влиянии психических и когнитивных особенностей пожилых людей на их мировоззрение. По мнению советского нейрофизиолога А. Б. Когана стереотипы со временем крепнут, и их становится всё труднее изменять, отсюда известный консерватизм пожилых людей, у которых к тому же снижается подвижность основных нервных процессов. Переделка сложившихся стереотипов всегда представляет значительную трудность для нервной системы [5, с. 133].

В 1970-е годы возникла «экономическая геронтология», которая рассматривала вопрос о том, как государство и его институты управляют своими ресурсами в интересах пожилых. Позднее это направление трансформировалось в изучение экономических последствий старения населения, в частности, Дж. Минсер одним из первых заговорил об уменьшении человеческого капитала при старении населения [9]. В 1994 году Всемирный банк впервые представил доклад «Предотвращение кризиса старения», в котором содержались стратегии борьбы с возможными последствиями старения [6, с. 157]. Рост доли пожилых в возрастной структуре населения актуализировал проведение исследований об экономическом поведении пенсионеров на потребительском рынке и на рынке труда. В России вопрос об экономическом поведении пожилых остается дискуссионным. По мнению Д. М. Рогозина, основным мотивом работающих пенсионеров является не борьба за экономическое выживание, а стремление сохранять включенность в социальные и профессиональные отношения [7, с. 75]. Большинство авторов экономического направления старение населения рассматривается как вызов для экономики развитых стран, они выделяли следующие негативные факторы, обусловленные старением населения: рост пенсионных расходов, сокращение потребления, замедление роста ВВП, торможение инвестиций. Вызов для экономики заключается в поиске решений и разработке стратегий борьбы с негативными последствиями старения населения.

Практически одновременно с экономической геронтологией возникла политическая геронтология, ставившая целью изучить политические аспекты старения населения. Основным постулатом политических геронтологов стало убеждение в том, что политическое влияние пожилых будет возрастать по мере увеличения их доли в составе населения. Проблема старости была политизирована геронтологами, прежде всего Р. Батлером, который в 1969 году ввел термин «эйджизм», обозначив им дискриминацию в отношении пожилых, подобную расизму и сексизму [13]. В России проблема стигматизации и социального исключения пожилых рассматривалась в трудах А. В. Писарева, О. Красновой, А. А. Смолькина, Т. В. Смирновой, Т. С. Киенко, Д. М. Рогозина, И. Б. Григорьевой [6, с. 156]. Еще одним последствием старения населения может стать повышение возраста правящей элиты, что чревато установлением геронтократии. Изучение этого феномена активно продолжалось в 1970-1980-е годы, что было связано с очевидным старением руководства в странах социалистического лагеря. В России, считает А. Г. Вишневский, постаревшие общества могут стать более консервативными и «геронтократическими», и предполагает, что ситуацию могут спасти «возрастные квоты при заполнении определенного рода вакансий» [3].

Проблемы старения всё больше привлекают внимание ученых самых разных областей знаний. Подходы к пониманию и изучению старости в различные периоды культурно-исторического развития претерпевают научную трансформацию. Важным методологическим моментом этой трансформации выступает смещение принципа от измерения уровня и выделения границ старости к измерению последствий данного явления. Главным объектом внимания становятся не статистические показатели численности пожилых граждан структуре общества, а практические результаты в оценке возможных последствий увеличения этой численности, а также выявление показателей, позволяющих измерять и прогнозировать последствия старения населения. Не менее важной предпосылкой к трансформации подходов

к изучению старости послужило изменение образа пожилого человека в восприятии общества. Изменение общественного мнения касательно пожилого возраста в разные исторические периоды определялось восприятием демографической структуры и текущими социально-экономическими условиями. В каждой эпохе отношение к пожилым людям имело свои особенности: менялись выполняемые ими функции, социальный облик. Феномен геронтоцида встречался на протяжении всей истории человечества вплоть до XIX века, в восприятии которого пожилой человек являлся тяжелым бременем для остальных людей. Очевидно, что основными факторами, определявшими существование данного феномена, выступали элементарная нехватка ресурсов и утрата представителями старшего поколения полезных, по мнению остальной части общества, навыков [1, с. 52]. Планомерный переход от презрения к пожилым людям до исчезновения понятия «старость», по крайней мере, в значении деградации, можно рассматривать как реакцию общества на изменение продолжительности жизни. Тем не менее, социальное конструирование образа пожилого человека, как и в предыдущие исторические эпохи, осуществляется путем оценки полезности навыков представителей старшего поколения. Основное отличие заключается в том, что если ранее главной социальной функцией человека пожилого возраста выступала «трансмиссия» накопленного им жизненного опыта, то сегодня, в условиях, когда доля пожилых людей в большинстве развитых и развивающихся стран является единственно возрастающей, на данную социально-демографическую группу возлагается ответственность за поддержание устойчивого социально-экономического развития государства. В связи с этим первостепенной становится задача по созданию благоприятных условий для увеличения включенности представителей старшего поколения в общественно полезную деятельность.

Трансформация возрастной структуры населения ведет к изменению социального пространства, в котором всё большую роль играет старшее поколение. Отсюда возникает вопрос: что последует за этими изменениями и готово ли общество к ним? Эффективность решения данной задачи зависит не только от самих пожилых людей, но и от политики государства, а также готовности общества принять эти неизбежные изменения. Таким образом перед обществом стоит необходимость более пристального внимания к проблемам пожилых людей не только с позиции теоретической, но и прикладной: возрастает востребованность исследований, посвященных разработке методологических подходов к оценке параметров активного долголетия, а также совершенствования механизмов реализации социальной политики государства.

Литература

1. Барсуков В.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» / В. Н. Барсуков, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. №1. С. 34–55.
2. В ООН предлагают конкретные меры для поддержки стареющего населения планеты / Организация Объединенных Наций [официальный сайт] – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/ru/about> (дата обращения 17.03.2023)
3. Вишнеvский А. Г. Похвала старению / А. Г. Вишнеvский // Отечественные записки. 2005. № 3.
4. Киенко Т.С. Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронтогруппы и интерсекциональность возрастных неравенств / Т. С. Киенко // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 115–124.
5. Коган А. Б. Основы физиологии высшей нервной деятельности. М.: «Книга по Требованию», 1988. 368 с.
6. Новиков К. Е. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения / К. Е. Новиков // Демографическое обозрение. 2017. №3. С. 153–180.
7. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте / Д. М. Рогозин // Социологический журнал. 2012. №4. С. 62–93.

8. Kuhlen R. G. Changing personal adjustment during adult years // Psychological aspects of aging / J. Anderson, ed. New York: American Psychological Association, 1956. P. 21–35.
9. Mincer J. Age and experience profiles of earnings. New York: Columbia University press, 1974. P. 64–82.
10. Cumming E., Henry W. (1961). Growing old: the process of disengagement. New York: Basic Books, 1961. 310 p.
11. Havighurst R. J., Albrecht R. E. Older people. New York: Longmans & Green, 1953. 415 p.
12. Erikson E., Erikson J., Kivnick H. Q. Vital involvement in old age. New York, NY: Norton. 1986. 352 p.
13. Butler R.N. Ageism: another form of bigotry / R.N. Butler // The gerontologist. №9 (4). 1969. P. 243-246.

S. Lyubimtseva

OLDER PEOPLE AS AN OBJECT OF SOCIAL RESEARCH

Abstract

In recent years, processes such as old age, the aging of the population have reached the level of global problems of mankind. Research questions about the place and role of the older generation in society are considered by representatives of various sciences. Scientists demographers study the demographic processes in society, the problems of reproduction, changes in the social and demographic structure. Psychologists in their works analyze the characteristics of the personality of an elderly person, the dynamics of his motivational-consumer sphere, types of aging. Sociologists are studying the factors of social behavior of older people in society, and the problems of activating their behavior. Specialists in the field of state and municipal management are interested in the features of the implementation of social policy, the essence of management in the social sphere. Based on a secondary analysis of scientific publications by Russian and foreign authors, the article considers key disciplinary approaches to the study of the process of old age.

Keywords: old age, aging population, older generation, elderly people, demographic structure of society.

УДК 316.35

Д. В. Минченко

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» КАК ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ

Аннотация

В статье дается краткий анализ понятия «компетентность», выделяются основные подходы к его трактовке, разграничиваются термины «компетентность» и «компетенция». По результатам вторичного анализа публикаций, учебных материалов и словарей определяются компоненты, формирующие дефиницию «компетентность волонтера».

Ключевые слова: компетентность, компетенция, волонтерство, добровольчество, компетентность волонтера.

Проектное управление массово внедряется во все сферы общественной жизни. В контексте участия населения в этих проектах популярнее всего становятся именно социальные практики. Единый оператор государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций в Российской Федерации – Фонд президентских грантов ежегодно предоставляет свыше десятка млрд рублей на осуществление различных социально значимых мероприятий и событий на территории нашей страны. Только в рамках первого конкурса 2023 года Фонд президентских грантов оказал финансовую поддержку 1845 проектам на общую сумму 4,3 млрд рублей [8].

Однако эффективность большинства современных социальных инициатив зависит от качества подготовки, уровня компетенций волонтеров, принимающих участие в этих практиках. Добровольческие позиции в проектах отличаются друг от друга специфическим

набором качеств, умений и знаний, которыми должен владеть волонтер. Как правило, именно этот набор личностных характеристик, практических навыков, теоретических знаний и т. п., чем изначально обладает кандидат в волонтеры, понимается в качестве компетентности добровольца. Но следует констатировать, что в настоящий момент понятие «компетентности», тем более в контексте волонтерства, остается четко не определенным в правовом и научном дискурсе. Таким образом, цель работы – проанализировать термин «компетентность», выделив его основные компоненты, которые могут составлять определение «компетентность волонтера». Для реализации поставленной цели в качестве преобладающего метода исследования был выбран вторичный анализ результатов социологических, лингвистических исследований и научных публикаций.

Прежде всего проанализируем этимологию понятия «компетентность». Латинское слово «*competere*», которое может рассматриваться в качестве близкой по смыслу дефиницией, состоит из двух смысловых частей – «*com*», что означает «вместе», и «*peto*», что может переводиться как «добиваться», «стремиться», «соответствовать», «быть годным» и т. п. [2]. Более того, в латинском языке существует несколько производных от «*competere*», которые в некотором роде могут считаться эквивалентами понятия «компетентность». Например, слово «*competens*» дословно переводится на русский язык как «подходящий», «соответствующий», «надлежащий» [13]. Интересно, что в современном английском языке термин, произошедший от латинских «*competere*» и «*competens*», – «*competence*» характеризуется как «способность», «знание», «умение», а также «достаток», «материальное обеспечение» и даже «правомочность» [2].

Рассмотрим основные подходы к определению ключевого понятия данной работы – «компетентность». Прежде всего, необходимо отметить, что данный термин стал активно использоваться, в том числе в нашей стране, во второй половине XX века сначала в контексте общей педагогики и образования, а затем в русле практико-ориентированного подхода к обучению – компетентностного подхода.

Дж. Равен (J. Raven) как один из родоначальников компетентностного подхода предложил под компетентностью понимать некую способность индивида, заключающуюся в качественном выполнении своих профессиональных функций, в процессе выполнения которых предполагается применение соответствующих специальных знаний, навыков и умений [9]. Сторонником компетентностного подхода, основателем российской научной школы психологии профессионального развития личности Э. Ф. Зеер, «компетентность» определяется как «<...> глубокое доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств достижения намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков; совокупности знаний, позволяющих судить о чем-либо со знанием дела» [6, с. 94]. А. К. Маркова под компетентностью понимает индивидуальную характеристику человека, которая определяет степень его соответствия конкретным требованиям той или иной профессии [7, с. 73].

Совершенно иначе термин «компетентность» понимают Е. В. Бондаревская и С. В. Кульневич, трактуя его как «феномен культуры», который сам по себе является результатом целого цикла развития личности, ее образованности и воспитанности [3]. Еще одному подходу к пониманию компетентности придерживаются С. Уиддет, С. Холлифорд (S. Widdett, S. Holliford), предлагая определять «компетентность» как способность, необходимую для решения рабочих задач и выработки необходимых результатов [10].

Большой толковый социологический словарь определяет компетентность следующим образом: «фундаментальные способности (подразумеваемое знание и т. д.), проявляемые социальными акторами, являющимися «квалифицированными» участниками («членами») социальных контекстов» [5]. В соответствии с Большой психологической энциклопедией, «компетентность» можно описать как «владение целым классом поведений; знание, как сделать что-либо <...>» [1]. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова дает однозначную и краткую трактовку понятия, фиксируя, что «осведомленность» и «авторитетность» могут быть значениями дефиниции «компетентность» [11].

По результатам проведенного анализа можно дифференцировать несколько подходов, по-разному раскрывающих понятие «компетентность»:

1. психолого-педагогический подход, в рамках которого компетентность рассматривается как уникальное свойство личности, формируемое в процессе обучения, а также как знание, применение которого позволяет достигать высоких результатов в практической деятельности;

2. социологический подход рассматривает компетентность как способность к разрешению различного рода задач, которая транслируется актором через его социальное поведение;

3. управленческий подход определяет компетентность как способность проявлять индивидуальные качества работника, включая определенные знания, умения и навыки, мотивацию на выполнение рабочей деятельности, осознание значимости своей работы и др. [4, с. 184–185].

Таким образом, можно выделить основные составляющие понятия «компетентность», которые могут являться базовыми компонентами, входящими в дефиницию «компетентность волонтера». В логике психолого-педагогического подхода компетентность формирует свойство личности (индивидуальные качества и характеристики), определенные теоретические знания о существе выполняемой работы и результативности практической деятельности (предметные навыки и умения, которые необходимы для осуществления тех или иных функций). Социологический подход подразумевает, что компетентность – это, в первую очередь, умение решать различные социально значимые задачи, в том числе умение быстро принимать решения организационного и практического характеров. Третий подход к определению понятия «компетентность» – управленческий относит к базовым компонентам компетентности индивидуальные качества, проявляющиеся в работе, взаимодействии с другими людьми, мотивацию и осознание своей социальной роли, значимости выполняемой активности для себя лично и окружающих в частности.

Дополнительно стоит подчеркнуть, что производным от понятия «компетентность» является термин «компетенция». Под компетенцией можно понимать как «способность, отражающую необходимые стандарты поведения» [10], так и глубокие познания в конкретной сфере, которые могут быть применимыми в профессиональной деятельности. А. В. Хуторской, к примеру, подчеркивает, что компетентность представляет собой владение личностью определенной компетенцией, т. е. понятия «компетентность» и «компетенция» являются взаимосвязанными категориями [12, с. 108].

Условно добровольческие компетенции можно разделить на две группы: общие или надпредметные – универсальные знания и умения, которые могут быть полезными при участии волонтера в любом проекте; специальные – узконаправленные компетенции, которые задаются сферой реализации той или иной практики. Специальными компетенциями называются те, которые соответствуют определенной специфике мероприятия.

Приведем примеры компетенций волонтера. К универсальным можно отнести коммуникационную компетенцию: умение эффективно взаимодействовать с другими людьми, навык успешной работы в команде, способность нивелировать конфликтные ситуации и т. д., организационную компетенцию как способность организовать свою деятельность и работу других людей, умение быстро ориентироваться в обстановке и принимать решения, ориентированность на результат и т. д. Специальными компетенциями будут являться, например, владение принципами работы с пациентами (волонтерство в сфере медицины), знаниями о видах спорта и судейскими навыками (спортивное волонтерство), умение эффективно взаимодействовать с людьми с ограниченными возможностями здоровья, пожилыми гражданами, детьми (волонтерство социальной сферы) и др.

Итак, вторичный анализ материалов по теме позволил выявить несколько основных подходов к трактовке понятия «компетентность», выделенные его базовые компоненты могут формировать термин «компетентность волонтера». Однако, как правило, под компетентностью волонтера отечественные и западные социологи, представители

некоммерческого сектора понимают набор знаний и умений, присущий добровольцу. Такая трактовка в некотором роде отождествляет понятия «компетентность» и «компетенция».

Литература

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-psycho.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://linguaeterna.com/vocabula/> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов н/Д : Учитель, 1999. 560 с.
4. Волченко С. Ю. Компетентностный подход как принцип формирования содержания образования в современном обществе // Социология. 2017. № 3. С. 180-189.
5. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/big-social/index-202.htm#202> (дата обращения: 15.02.2023).
6. Зеер Э. Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование. Екатеринбург : Изд-во РГПУ, 1998. 126 с.
7. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996. 306 с.
8. На поддержку социально ориентированных НКО выделены гранты Президента на общую сумму 6,3 млрд рублей // Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/news/na-podderzhku-sotsial> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М. : Когито-Центр. 2002.
10. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. 3-е изд. М. : Издательство ГИППО. 2008. 228 с.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. М. : Дом Славянской кн. 2008. 959 с.
12. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М. : Изд-во МГУ. 2003. 416 с.
13. Charlton T.L. A Latin Dictionary. Oxford : Clarendon Press. 1958. 1879 pp.

D. Minchenko

APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT "COMPETENCE" FOR ANALYSIS OF VOLUNTEER ACTIVITY

Abstract

The article provides a brief analysis of the concept of "competence", highlights the main approaches to its interpretation, the terms "competence" and "competency" are distinguished. Based on the results of the research analysis, educational materials and dictionaries, the main components of the definition of "volunteer competence" are determined.

Keywords: competence, competency, volunteering, volunteer competence.

УДК 316.472.4

Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ УЧАСТИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация

В представляемых тезисах показан генезис терминов и самого научного концепта «гражданская наука» (citizen science), понимаемого как вовлечение в научную деятельность «научных волонтеров». Показаны результаты и социологический анализ привлечения гражданской науки на конкретном примере исследований Тюменского государственного университета, реализуемых в рамках

Российской Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий в 2021-2024 гг. Эмпирическая база включала интервью и базы данных, полученные в процессе онлайн опроса (109 анкет наставников и 350 волонтеров-обучающихся). Методы проведённого анализа: качественный анализ текстовых данных интервью, количественный анализ данных в программе SPSS. Показаны новые технологии привлечения и удержания интереса к науке молодых волонтеров-обучающихся на примере конкретных исследований, выполненных в рамках программы развития генетических технологий.

Ключевые слова: гражданская наука, вовлечение в научную деятельность волонтеров, научно-техническая программа развития генетических технологий, социологический анализ.

В 2021 году в рамках Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий (далее программы ФНТП «ГенТех») были запущены шесть больших проектов с привлечением гражданских исследователей. Это проекты в Сколтехе (Москва); НГУ (Новосибирск); ТюмГУ (Тюмень); МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), ТГУ (Томск); ФНЦ РАН (Казань), объединенные направленностью в сфере генетических технологий и задачей привлечения к участию в работе так называемых гражданских исследователей. Данный доклад основан на опыте реализации большого проекта, проводимого под руководством одного из академика А. В. Лисицы в Тюменском государственном университете. Социологические исследования, проведенные в данном проекте в 2022 году, были направлены на выявления возможностей для привлечения молодежи к гражданским исследованиям.

Под «гражданской наукой» (англ. “citizen science”) понимается, в первом приближении, концепция проведения научных исследований с привлечением широкого круга добровольцев (волонтеров), многие из которых могут быть «любителями», то есть формально не иметь подготовки по специальности либо предварительного научного образования. «Гражданская наука» известна также под терминами «общественная наука», «массовая наука», «краудсорсинговая наука», «любительская наука» или «добровольный мониторинг» как научное исследование, проводимое учеными-любителями или непрофессионалами, полностью или частично.

Кроме того, гражданская наука описывается в лексике общественного участия в профессиональных научных исследованиях, совместного мониторинга или совместных исследований, результатами которых могут являться достижения за счет повышения потенциала научного сообщества путём привлечения «любителей науки», внимания к конкретным проблемам науки и общества, а также повышения понимания общественности к той или иной предметной отрасли науки.

Гражданская наука стала значимым явлением в современной мировой науке. Исторический обзор демонстрирует целый ряд вдохновляющих примеров, в том числе в биологии, сельском хозяйстве, экологических проектах. Расширяющийся интерес к гражданской науке в итоге приводит к размыванию границ не только к самому объекту исследования, но и затрагивает в целом науку.

Разделение гражданской науки на узкий и широкий вариант позволяет сделать вывод, что непосредственно научные задачи в качестве исследователей решают только волонтеры в узком смысле гражданской науки. Задачи привлечения широких масс (граждан, волонтеров) к решению научных проблем, сбору и систематизации научных данных, научному мониторингу, расширению интереса и осведомленности о достижениях и развитии науки в обществе решает гражданская наука в целом. Но гражданская наука в широком смысле не требует, чтобы волонтеры выступали как исследователи, решали конкретные научные задачи.

Опыт реализации конкретных проектов показал, что международный опыт привлечения в науку волонтеров-исследователей недостаточно проявляется в российском научном и информационном пространстве.

Имеющиеся примеры (такие как проект «Люди науки») скорее есть инициатива отдельных энтузиастов, но не стал системой привлечения к научным исследованиям заинтересованных и равнодушных граждан. С другой стороны, скептическое отношение к

привлечению непрофессионалов к научным исследованиям среди «профессионалов-исследователей» снижается по мере того, как эти исследователи получают опыт конкретной работы с «научными волонтерами». Как показала практика, при этом сами «научные волонтеры» (среди обучающейся молодежи) четко выделяют приоритет эмоционально-окрашенных мотивов научной активности, сдвигая практико-ориентированные мотивы (такие как дипломы, сертификаты, дополнительные баллы и пр.) более чем на 50% вниз по сравнению с первым уровнем.

Отмечается огромный разрыв (в десятки раз) между расширяющимся в последние годы участием российской молодежи в различных волонтерских движениях и волонтерское участие молодежи в, собственно, самих научных исследованиях.

Признание возможностей и вдохновение примерами гражданской науки приводит к выводам о возможностях гражданской науки для развития научных исследований в целом, и для привлечения молодежи в науку, в частности.

Анализ результатов социологических исследований привел нас к выводу о том, что вопросы ценностных ориентаций ученых неизбежно возникают при попытках выявления возможностей и ограничений гражданской науки.

Наши собственные исследования показали огромный потенциал для развития «гражданской науки» в России и на многих её территориях.

Благодарности

Выражаем глубокую благодарность руководителям и участникам проектов ФНТП «Гентех» и всем коллегам, вовлеченным в работу, за помощь в получении данных социологического исследования и заинтересованное обсуждение возможностей гражданской науки.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы (соглашение №075-15-2021-1345, Уникальный идентификатор проекта RF----193021X0012).

Литература

1. Гохберг Л. Практики волонтерства в науке / Л. Гохберг, В. Полякова, К. Фурсов // Интернетсайт Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. 2020 URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/356426476.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).
2. Певная М. В. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени / М. В. Певная, А. В. Кульминская, Е. А. Широкова, Е. А. Шуклина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 492-510. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1930
3. Принципы реализации Citizen science в России: дискуссионный доклад. М., 2020. URL: https://storage.yandexcloud.net/dobro-static/prod/docs/c7e91604-5648-3cb9-c7a6-c6077d73df63/GP_240920.pdf (дата обращения: 11.09.2022).
4. Ромашкина Г. Ф. Гражданская наука — за и против / Г. Ф. Ромашкина, А. В. Лисица // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 3 (21). С. 39-59. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-39-59
5. Bonney R. The theory and practice of citizen science: launching a new journal / R. Bonney, C. Cooper, H. Ballard // Citizen Science: Theory and Practice. 2016. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-4. DOI: 10.5334/cstp.65
6. Cavalier D. The Field Guide to Citizen Science / D. Cavalier, C. Hoffman, C. Cooper. 2020.
7. Irwin A. Citizen Science: A Study of People, Expertise and Sustainable Development / A. Irwin. Routledge, 1995. 216 p.
8. Kerson R. Lab for the environment / R. Kerson // MIT Technology Review. 1989. Vol. 92. No. 1. Pp. 11-12.

9. Kullenberg Ch. What is citizen science? — A scientometric meta-analysis / Ch. Kullenberg, D. Kasperowski // PLoS ONE. 2016. Vol. 11. No. 1. DOI: 10.1371/journal.pone.0147152

11. Riesch H. Citizen science as seen by scientists: methodological, epistemological and ethical dimensions / H. Riesch, C. Potter // Public Understanding of Science. 2014. Vol. 23. No. 1. Pp. 107-120. DOI: 10.1177/0963662513497324

12. Ryan S. F. The role of citizen science in addressing grand challenges in food and agriculture research / S. F. Ryan, N. L. Adamson, A. Aktipis, L. K. Andersen, R. Austin, L. Barnes, M. R. Beasley, K. D. Bedell, S. Briggs, B. Chapman // Proceedings of the Royal Society. 2018. Vol. 285. No. 1891. Pp. 1-10. DOI: 10.1098/rspb.2018.1977

13. The Science of Citizen Science / ed. by K. Vohland et al.; European Cooperation in Science & Technology Open Access. Springer, 2021. 530 p.

14. Van Etten J. Crop variety management for climate adaptation supported by citizen science / J. van Etten, K. de Sousa, A. Aguilar, J. Steinke et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2019. Vol. 116. No. 10. Pp. 4194-4199. DOI: 10.1073/pnas.1813720116

G. Romashkina, V. Davydenko

CIVIL SCIENCE AS A WAY TO INCREASE PARTICIPATION IN SCIENTIFIC RESEARCH

Abstract

The theses show the genesis of the terms and the scientific concept of “citizen science”, understood as the involvement of “scientific volunteers” in scientific activities. The results and sociological analysis of the involvement of civil science are shown on a concrete example of the research of Tyumen State University, implemented within the framework of the Russian Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies in 2021-2024. The empirical database included interviews and databases obtained during the online survey (109 questionnaires of mentors and 350 volunteer trainees). Methods of analysis: qualitative analysis of textual interview data, quantitative analysis of data in the SPSS program. New technologies of attracting and retaining interest in science of young volunteers-students are shown on the example of specific studies carried out within the framework of the program for the development of genetic technologies.

Keywords: citizen science, involvement of volunteers in scientific activities, scientific and technical program for the development of genetic technologies, sociological analysis.

УДК 316.35

А. Н. Тарасова

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ НЕУЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ГОРОДСКИХ ПРОЕКТАХ ДЛЯ ГРУПП С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТЕКУЩЕЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация

В статье с помощью CHAID-анализа, построены деревья классификации факторов, определяющих планы участия в добровольческой деятельности в будущем для групп молодежи с разным уровнем текущего волонтерского опыта, что позволило выделить для каждой из этих групп базовые условия для преодоления неучастия. Результаты показали, что факторы неучастия для постоянных или эпизодических волонтеров, для имеющих случайный опыт или вообще не имеющих опыта добровольческого участия разные. Чем меньше опыт, тем более значимо влияние институциональных условий среды и субъективных характеристик самого молодого человека (ответственность, активность, сформированность ценностей добровольчества и т. п.). При появлении и накоплении опыта участия (даже случайного и/или принудительного) актуализирует влияние таких факторов как социальная значимость реализуемого проекта и качества организации работы с добровольцами в нем.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, молодежь, готовность к участию в добровольческой деятельности, факторы участия, неучастие, профилактика неучастия

Необходимость развития добровольческой деятельности как одно из приоритетных направлений социальной и молодежной политики в России определена на нормативно-правовом уровне в концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года. Значение добровольчества многогранно, оно важно как для развития самой личности человека, так и для общества в целом. Включение молодежи в волонтерство способствует развитию ее духовно-нравственного, творческого, интеллектуального потенциала. Как отмечал Л. Н. Коган, «сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности» [3, с. 4]. Очень востребована помощь молодых волонтеров и при решении социально значимых задач. К примеру, в период пандемии резко актуализировалось потребность в волонтерах, однако исследования показывают амбивалентное отношение к подобной активности [6, с. 357]. Также авторами отмечается, что вся нагрузка легла на плечи уже организованной молодежи, а молодежное большинство не было включено в эту деятельность [4, с. 506–507]. Несмотря на усилия государства по развитию добровольчества среди молодежи, значимого роста участия не отмечается. Так по результатам исследований молодежного участия в Свердловской области ситуация с 2017 года практически не меняется, оставаясь на уровне 65–67%. Соответственно актуализируется поиск факторов, которые могут провоцировать неучастие молодежи в социокультурных городских проектах, для принятия управленческих решений по их нейтрализации.

Цель данной статьи – выявить факторы, которые определяют готовность или не готовность молодежи включаться в качестве волонтеров в разного рода городские проекты. Учитывая наличие корреляции между наличием опыта добровольческой деятельности и готовностью к дальнейшему участию, целесообразно факторы неучастия рассматривать не в целом для всей молодежи, а в разрезе групп с разным опытом добровольческого участия. В данном исследовании выделено 4 таких группы: постоянные волонтеры, эпизодические волонтеры (участвовали 3–5 раз в год), имеющие опыт случайного участия (случайно участвовали 1–2 раза) и не имеющие опыта добровольческого участия. И рассматриваются три группы факторов, определяющих готовность молодежи включаться в добровольческую деятельность: характеристики самого субъекта, характеристики его предыдущего опыта добровольчества (при наличии) и условия институциональной среды.

Эмпирической базой послужили данные анкетного опроса молодежи 14–35 лет в Свердловской области осенью 2022 года в рамках исследования «Преодоление неучастия молодежи в волонтерской деятельности как средство формирования общественного согласия в сфере развития городской культуры» (рук. М. В. Певная). Выборка квотированная 2500 человек, соответствует структуре генеральной совокупности по полу, возрасту, типу населенного пункта и роду занятий. Соотношение мужчин и женщин в выборке 49% на 51%, среди них школьники – 17%, учащиеся СПО – 12%, студенты ВУЗов – 11% и работающая молодежь – 60%. С вероятностью 0,99 ошибка выборки менее 3%, что свидетельствует о высоком уровне репрезентативности представленных данных. Помимо дескриптивного анализа, в работе использован CHAID-анализ для построения деревьев классификации факторов, определяющих планы участия в добровольческой деятельности в будущем для групп молодежи с разным уровнем текущего волонтерского опыта. Результаты анкетного опроса дополнительно верифицируются итогами 12 фокус-групповых интервью со школьниками, учащимися СПО, студентами ВУЗов и работающей молодежью.

Феномен волонтерского неучастия рассматривается через самооценку молодежью своего отношения к добровольческой деятельности и отсутствие планов на волонтерское участие как следствие их неспособности видеть перспективы этой деятельности в своем будущем. Оценивая масштабы неучастия среди молодежи Свердловской области (см. табл. 1), отмечено, что нет четких планов на добровольчество почти у половины молодежи (52%), при этом 16% сразу заявляют о позиции неучастия, а 36% затрудняются с ответом.

Таблица 1

Проявление феномена неучастия среди групп молодежи с разным опытом волонтерской деятельности (в % от опрошенных по группам)

	Имеют опыт добровольчества			Не занимались добровольчеством последний год	Всего
	Постоянные волонтеры (1 раз в месяц)	Эпизодические волонтеры (3–5 раз в год)	Случайное участие 1-2 раза		
Планируют в будущем заниматься добровольчеством	84	80	47	29	48
Не планируют	7	4	10	24	16
Затрудняются ответить	9	16	43	47	36
Всего	100	100	100	100	100

Показатели неучастия очень сильно различаются по рассматриваемым группам. Среди не имеющих опыта добровольческой деятельности четверть респондентов демонстрируют отказ, и половина затруднились с ответом, а уже получив опыт даже случайного участия, доля «уходящих» из добровольчества существенно сокращается. Но при этом, даже среди постоянных волонтеров (у которых уже сформированы необходимые *ценностные основания* [5]) отмечается феномен неучастия: 7% опрошенных не хотят продолжать свою волонтерскую деятельность.

Результаты проведенного исследования показали, что действие факторов различно. Одни выступают как стимуляторы участия, вовлекая человека в добровольчество и обеспечивая его ориентацию на подобную деятельность в будущем. Другие факторы, такие как доверие, осознание своих возможностей, условия институциональной среды, являются скорее гигиеническими, когда их недостаточность резко снижает у молодежи готовность включаться в добровольческую деятельность, при этом при росте значений этих факторов такого же значимого роста готовности к участию не происходит. Кроме того, набор воздействующих факторов разный для постоянных или эпизодических волонтеров, для имеющих случайный опыт или вообще не имеющих опыта добровольческого участия.

Для постоянных волонтеров, при моделировании факторов, ключевым (узел 1 уровня) становится значимость проекта. Между показателем значимости и готовностью включаться в добровольчество в будущем отмечается статистически значимая корреляция (коэффициент корреляции Спирмана=0,456 при $p < 0,001$), четко прослеживающаяся и при анализе перекрестных частот (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка социальной значимости проекта и готовность к продолжению добровольческой деятельности в будущем (в % от опрошенных по группам)

Текущий проект, в котором Вы участвовали, для организации, которой помогли	Планируете ли Вы заниматься добровольчеством в будущем?			Всего
	Да	Нет	Сложно сказать	
Очень важен	87	2	10	100
Скорее важен	68	6	27	100
Скорее не важен	37	30	33	100
Затрудняюсь ответить	40	14	46	100

При понимании высокой значимости проекта (причем не только для организации, которой помогли, но и для конкретных людей, которым помогли) отказов практически нет (менее 1%), но есть доля затрудняющихся ответить, которая зависит от такого фактора как «материальное положение» (фактор 2 уровня). При наличии материальной возможности

помогать (в сочетании с видением значимости этой помощи) число затрудняющихся с планами относительно добровольчества сокращается до 2%, а при отсутствии такой возможности («денег не хватает даже на еду») почти треть (34%) уже не знают будет ли в их жизни добровольчество в будущем.

Если же волонтеры перестают видеть социальную значимость своей работы, то доля отказов от дальнейшего участия резко возрастает и уже почти половина (51%) отмечают свою неготовность заниматься добровольчеством в будущем, причем если среди учащейся молодежи (школьники, учащиеся сузов, студенты) этот показатель меньше – демонстрируют отказ 26%, то среди работающей молодежи 78% не хотят продолжать добровольческую деятельность. Эти результаты подтверждаются и данными фокус-групповых интервью, когда респонденты делились тем, как им было обидно и не приятно, когда их привлекают к какой-то работе, которая не понятно кому и зачем нужна. *«Ну, такое, не чувствуешь, что какой-то важный прям проект. Вот это вот не понравилось, неприятно было»* (Екатеринбург, 15 лет, школьник).

Таким образом, для постоянных волонтеров определяющим фактором будущего участия является оценка социальной значимости их текущей волонтерской деятельности. Характеристики субъекта (его материальное положение, текущая занятость (учится или работает)) лишь корректируют эти планы с учетом имеющихся временных и материальных возможностей, но кардинальным образом не меняют.

Для эпизодических волонтеров фактор социальной значимости проекта также становится ключевым (фактором 1 уровня), причем результаты фокус-группового исследования показывают, что именно высокая социальная значимость проекта, к которому привлекаются эпизодические волонтеры, способна сформировать мотивацию для более длительного и постоянного участия не только в этом проекте, но и в будущем. *«У меня была такая ситуация, что изначально я шел без энтузиазма, но в процессе месяца я начал получать удовольствие от того, что я вижу результат своей работы, что, допустим, улицы стали чище. И это в принципе дало мне мотивацию»* (Екатеринбург, 20 лет, студент вуза).

Помимо социальной значимости проекта на готовность эпизодических волонтеров включаться в добровольческую деятельность в будущем влияют: оценка условий для самореализации и достижения жизненных планов в своем городе; социальная активность; для учащихся (школьники, студенты сузов и вузов) – тип участия формальное или не формальное; для работающих – наличие условий для самореализации.

Таким образом, для эпизодических волонтеров помимо социальной значимости проекта, актуализируется влияние того, как вообще организована работа с молодежью. Как отмечали респонденты фокус-групп: *«Какие-то локальные, небольшие мероприятия плохо организованы... В них участвовать не очень хочется»* (ж., 19 лет, студентка, Екатеринбург). Важность грамотного управления волонтерской деятельностью подчеркивается не только отечественными, но и зарубежными учеными [7; 1; 2]. В большей степени грамотная организация волонтерской работы актуально для учащихся (школьники, студенты сузов и вузов), чем для работающей молодежи (для которых скорее важна возможность самореализации). Так при формальной организации (т. е. организацией занималась какая-то общественная организация или какое-то учреждение культуры, образования и т. п.) из числа опрошенных учащихся готовы к продолжению добровольческой деятельности 93% респондентов, то при неформальной организации (т. е. самостоятельно или с друзьями и знакомыми) только 62% учащихся продемонстрировали готовность к участию в будущем.

Для тех, кто имеет лишь случайный опыт участия в добровольческой деятельности, базовым фактором последующего включения становится интерес к подобным городским мероприятиям, т. е. для данной группы молодежи, как и для эпизодических волонтеров важна грамотная организация работы с волонтерами. Наличие высокого интереса к мероприятиям минимизирует прямой отказ от добровольчества, переводя большинство респондентов этой группы в потенциальное состояние «затрудняюсь ответить» относительно планов на дальнейшую волонтерскую деятельность. И далее становятся значимыми такие факторы внешней среды как «тип

населенного пункта» и «информированность об инфраструктуре добровольчества» (факторы 2 и 3 уровней для данного узла дерева). При случайном участии не ориентированы на дальнейшее участие в среднем 53% опрошенных, но при наличии высокого интереса к городским мероприятиям и формировании самоидентификации добровольца, доля не планирующих участие в будущем может быть уменьшена как минимум в 2 раза до 20–21% (это преимущественно те, кто затруднились ответить).

При отсутствии или низком уровне интереса к мероприятиям факторами включения в добровольческую деятельность в будущем становятся самоидентификация добровольца и ответственность (факторы 2 и 3 уровней для данного узла дерева). При их отсутствии готовность к добровольческой деятельности практически утрачивается (никто не видит его в своем будущем, в лучшем случае затрудняются с ответом), соответственно очень важно все же этот интерес у молодежи формировать, иначе потом практически не остается мотивационных механизмов для включения в добровольчество в будущем.

Таким образом, те, кто попал в проект случайно или по принуждению (что часто случается в среде уходящей молодежи), не готовы долго и монотонно работать, «удержать» их в добровольческой деятельности возможно только если им будет интересно. Соответственно для формирования первого опыта добровольчества у молодежи важно подбирать простые, но интересные проекты (организация городских праздников, участие в массовых мероприятиях и т. п.), иначе неизбежен «уход» молодежи из добровольчества. Из фокус-групповых интервью: *«Во время мероприятия была очень монотонная работа, я вроде в нем и поучаствовала, но какого-то удовлетворения не получила. Если устраивать работу разнообразно, то тогда будет ощущение какой-то наполненности и разнообразия»* (ж., 19 лет, студентка, Екатеринбург).

Для тех, кто пока вообще не имеет опыта добровольчества, факторами включения в него в будущем выступают: социальная активность; ответственность и самооценка возможностей; интерес к городским мероприятиям; оценка условий самореализации в городе; институциональное доверие; информированность об инфраструктуре добровольчества.

Таким образом, условия институциональной среды как барьеры участия имеют решающее значение для не имеющих волонтерский опыт и мало значимы для постоянных волонтеров. При этом такие факторы как активность, ответственность, интерес к городским событиям, выступают как стимулы (движущая сила), включая человека в добровольчество и обеспечивая его ориентацию на участие в будущем. А такие факторы институциональной среды как доверие и осознание своих возможностей выступают скорее как провокаторы неучастия (или барьеры участия), когда их отсутствие резко снижает у молодежи готовность включиться в добровольческую деятельность (а наличие такого же значимого роста готовности к участию не обеспечивает).

В целом можно сделать вывод, что наличие опыта добровольчества становится основой стратегии будущего участия или не участия. Далее этот опыт, вписанный в определенную организационную и институциональную среду, может работать либо на укреплении человека в позиции участия, либо, наоборот, приводить к разочарованию и уходу в позицию неучастия. Неучастие среди молодежи задается не только, и не столько их субъективными характеристиками (ответственность, активность, сформированность ценностей добровольчества и т.п.), сколько оценкой опыта участия (своего или людей из ближайшего окружения) с точки зрения социальной значимости реализуемого проекта и качества организации работы с добровольцами в нем. Также отмечается важность формализованной организации участия особенно при случайном (или принудительном) включении молодежи в добровольческую деятельность, что снижает вероятность будущего неучастия.

Литература

1. Cho H., Wong Z.E., Chiu W. The Effect of Volunteer Management on Intention to Continue Volunteering: A Mediating Role of Job Satisfaction of Volunteers // SAGE Open. 2020. Vol. 10, no. 2. <https://doi.org/10.1177%2F2158244020920588>

2. Dunn J., Scuffham P., Hyde M.K., Stein K. Designing Organizational Management Frameworks to Empower Episodic Volunteering // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2020. Vol. 33. P. 217-228. <http://dx.doi.org/10.1007/s11266-020-00226-5>
3. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Идеи Л. Н. Когана о развитии личности и современная социология // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. [XI Международная конференция, Екатеринбург, 19–20 марта 2008 г.]: в 5 частях. Екатеринбург: [Факультет политологии и социологии Уральского государственного университета], 2008. Ч. 2. С. 4-7.
4. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени / М. В. Певная, А. В. Кульминская, Е. А. Широкова, Е. А. Шуклина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3(163). С. 492-510. DOI 10.14515/monitoring.2021.3.1930.
5. Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 82-89. DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-8.
6. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1705>
7. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров / И. И. Краснополяская, П. Д. Гусева, Л. Мейс, Р. Кнаан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2(168). С. 384-408. DOI 10.14515/monitoring.2022.2.2113. EDN RCYDOR.

A. Tarasova

MODELING OF FACTORS OF NON-PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE IN SOCIAL AND CULTURAL URBAN PROJECTS FOR GROUPS WITH DIFFERENT LEVELS OF CURRENT INVOLVEMENT IN VOLUNTEERING

Abstract

In the article, with the help of CHAID analysis, classification trees of factors determining plans for participation in volunteer activities in the future for groups of young people with different levels of current volunteer experience were constructed, which allowed us to identify basic conditions for overcoming non-participation for each of these groups. The results showed that the factors of non-participation for permanent or episodic volunteers, for those with casual experience or no experience of volunteering at all are different. The less experience, the more significant is the influence of institutional environmental conditions and subjective characteristics of the young person himself (responsibility, activity, formation of values of volunteerism, etc.). With the emergence and accumulation of experience of participation (even accidental and/or forced) actualizes the influence of such factors as the social significance of the project being implemented and the quality of the organization of work with volunteers in it.

Keywords: volunteerism, volunteering, youth, willingness to participate in volunteer activities, factors of participation, non-participation, prevention of non-participation.

УДК 364.46

С. П. Татарова, Н. А. Затева

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация

Участие населения в жизни общества, в реализации реформ, инициированных руководством страны или регионов, всегда было важно для России. С развитием гражданского общества значимым становится увеличение влияния граждан на принимаемые властью решения. Вариантами проявления социальной активности могут выступать разнообразные ее формы: от участия в выборах, политических, экологических, социальных акциях до создания ТОС. Видимыми становятся и

нестандартные, нетрадиционные формы социальной активности, связанные с желанием активистов заявить о своей инициативе, а также о собственном видении вариантов решения проблем. Очевидна и поляризация взглядов общества на проявление активности и ее реализацию. В статье авторы по результатам локального исследования оценивают гражданскую активность населения Республики Бурятия.

Ключевые слова: общественная активность, социальные инициативы, гражданское участие.

Развитие гражданского общества, формирование правового государства невозможно без активного участия граждан. Формирование системы участия в общественно-политической жизни государства обуславливается происходящими изменениями в политической, культурной, социальной жизни общества, кризисом системы ценностей. Повышение значимой, социальной активности населения, расширение границ участия граждан в жизни страны – важная задача. В рамках данной работы мы будем понимать под социальной активностью «действия и способы поведения, связанные с принятием, преобразованием или новым формулированием общественной задачи, обладающей просоциальной ценностью» [4].

В обществе наблюдается снижение электоральной активности, нежелание проявлять свою политическую волю и, чтобы соблюсти порядок голосования и достичь необходимого порога явки, правящей власти приходится находить разнообразные варианты вовлечения населения в этот процесс. Одновременно снижается уровень активности граждан в проведении массовых социальных акций и мероприятий, народ предпочитает не тратить свое время на социально-значимую деятельность, проявляя равнодушие и апатию. Сегодня общественная деятельность для многих граждан не коррелируется с их ценностными ориентациями.

Изменяются формы и методы социально-активного поведения граждан. Новые формы активности населения часто не имеют политической окраски, а акции нацелены на решение повседневных проблем. Все большее распространение получают экологические акции (в защиту озера Байкал и других природных объектов, мероприятия по очистке водоемов и лесов от мусора), поддерживающие акции за сохранение культурного наследия (участие в восстановлении памятников архитектуры в различных городах России, сохранение исторического облика поселений). Активисты выступают в защиту прав граждан (протесты обманутых дольщиков, незаконно призванных в ряды вооруженных сил, против точечной застройки микрорайонов, строительства сооружений на дворовых территориях и детских площадках), за порядок и профилактику хамства на дорогах (съёмка и публичное обнародование поведения хамов за рулем, протесты против неправильной парковки автомобилей посредством наклеивания стикеров на автомобили) и др. Некоторые действия, осуществляемые в рамках проводимых акций, противоречат действующему законодательству и могут быть расценены как мелкое хулиганство. Однако нестандартные, оригинальные способы решения возникающих социальных проблем могут быть рассмотрены как инициативы гражданского общества. Они требуют оценки и анализа как сравнительно новые явления общественной жизни.

В ряде акций принимает участие небольшое количество граждан, а инициативы не находят широкой поддержки у других людей, поскольку напрямую не затрагивают интересы всего населения. Несмотря на это, благодаря освещению в СМИ, в сети Интернет, в публикациях блогеров «стены общественного равнодушия постепенно расшатываются». К мнению участников акций начинают прислушиваться [1]. Так, проект Чингиса Болотова «Мусор из головы», инициированный в 2018 г., в настоящее время широко известен за пределами Бурятии. В нем приняло участие более 1000 человек [2]. Другой проект 2019 года – «Старый город» Аюны Пивоваровой направлен на спасение исторического центра г. Улан-Удэ и помощь собственникам объектов культурного наследия в реставрации [3]. Он привлек не только волонтеров, но и ученых, архитекторов, художников и реставраторов, представителей бизнеса. Часть подобных акций проводится в сетевой форме. На основе некоторых из них возникают общественные организации. Социальная структура общества сегодня претерпевает некоторые изменения. В основе дифференциации начинают

закладываться не социально-классовые признаки, а особенности социальной идентификации, сопряженные с интересами, образом жизни, досуговыми предпочтениями граждан. Это приводит к образованию новых социальных объединений и сообществ.

В данной статье рассматривается как население Бурятии оценивает общественную активность жителей в своем селе, микрорайоне и какие инициативы проявляет. Анализируются результаты социологического исследования, проведенного авторами в районах Республики Бурятия. В опросе приняло участие 209 сельских жителей из 10 районов республики и 277 респондентов, проживающих в городской местности. Тип выборки – квотная, ошибка выборки 3,5%.

По данным опроса практически четверть опрошенных граждан (23%) равнодушна к проблемам поселений, не проявляет активности. Больше половины опрошенных респондентов (64%) готовы к участию в жизни поселения, интересуются общественными проблемами, но либо не знают, что можно предпринять для их решения, либо ждут инициативы от органов власти или более активных граждан, лидеров. И лишь 10% респондентов считают, что население активно принимает участие в решении различных социально-экономических, культурных, политических проблем своего поселения (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы можете оценить социальную активность населения в решении проблем поселения?», в %

Когда речь заходит об оценке личной активности в общественно-полезной деятельности чуть меньше половины опрошенных (45%) считают себя активистами и участниками общественных мероприятий и движений. Почти каждый второй (52%) респондентов признает отсутствие собственной инициативы, 3% не дали ответа на данный вопрос. Не все принимающие участие в общественных мероприятиях респонденты таковыми являются. Практически 28% из числа респондентов, которые заявили о своей активности, не могли написать, в чем она проявляется. Являются пассивными участниками акций и мероприятий 22% респондентов, финансово поддерживают начинания других людей (12%). Треть опрошенных (31%) считают, что их вклад в решение важных социальных задач заключается в личном труде и участии (рис. 2).

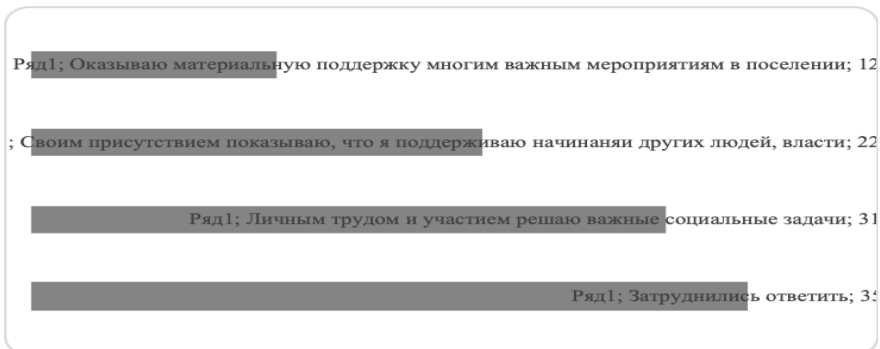

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В чем проявляется Ваша активность?», в %

К причинам своего социального неучастия респонденты относят чаще всего нехватку свободного времени (29%). Затруднились дать определенный ответ о причинах отказа об общественной активности 19% респондентов. Для 15% опрошенных общественная деятельность не представляет интереса и не входит в число жизненных приоритетов. Не видят смысла в проявлении активности и участии в общественно-полезной работе и считают, что данная работа бесполезна и ничего не изменит 22%, а 15% опрошенных и вовсе оставили этот вопрос без ответа.

Общественная активность населения может быть реализована как «сверху вниз», то есть, быть инициируемой публичной властью, так и «снизу вверх» – от инициативы граждан. В любой организации, поселении, регионе возможно создание актива, креативного сообщества граждан, стремящегося к реализации инициатив в разных сферах жизнедеятельности и способного к объединению единомышленников вокруг себя. Когда речь идет о молодом поколении, значимым является определение ориентиров, нацеленных на развитие чувства социальной ответственности и гражданской позиции, снижение уровня протестного потенциала, профилактику экстремизма и развитие качеств, способствующих укреплению российской государственности. Подобная практика была повсеместной в советские времена, но идеологизированность процесса пагубно сказалась на системе образования и воспитания. Однако отказавшись от этой практики, взамен не было ничего предложено. В современных реалиях общественная активность является одним из значимых факторов социальной сплоченности общества, при этом социальная активность населения недостаточна.

Литература

1. Верховская А. И. Новые формы общественной активности и их отражение в СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 37-54.
2. Волонтер Ч. Болотов: Мы воспитываем эоамбассадоров [Электронный ресурс] URL: <https://xn--90aafebcaec8c0asf9d6d.xn--p1ai/news/volonter-chingis-bolotov-my-vospityvaem-ekoambassadorov/> (дата доступа: 19.03.2022)
3. Проект «Старый город» [Электронный ресурс] URL: <https://xn--03-bkcmf2a0baodfm3j.xn--p1ai/> (дата доступа: 19.03.2022)
4. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164-175.

STATE OF SOCIAL ACTIVITY OF THE BURYAT POPULATION AT THE PRESENT STAGE

Abstract

The participation of the population in the life of society, in the implementation of reforms initiated by the leadership of the country or regions, always were very important for Russia. Strengthening the influence of citizens on decisions made by the authorities becomes more important with the development of civil society. The variants of the manifestation of social activity can be the various forms from participation in voting, political, environmental, social actions to the creation of territorial self-government bodies. Unconventional and irregular forms of social activity are also becoming visible, associated with the desire of activists to declare their initiative, as well as their own vision of options for solving problems. The polarization of society's views on the manifestation of social activity and its implementation is obvious. In the article, the authors, based on the results of a local study, evaluate the social activity of the population of the Republic of Buryatia.

Keywords: social activity, social initiatives, civil participation

УДК 316.35

Э. Р. Якубова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫМ УЧАСТИЕМ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Аннотация

Развитие социально-культурных практик молодежи становится приоритетным направлением государственной политики. Задаётся определенный политический курс поддержки молодых людей, культурных инициатив и иных практик организации их досуга. Формы участия молодежи в общественном пространстве диверсифицируются и в научном дискурсе все еще не существует однозначного подхода относительно управления молодежным участием. Цель статьи заключается в теоретическом анализе концептуальных подходов в управлении молодежным участием в организациях культурной сферы. Основываясь на обзоре литературы, в статье представлены концептуальные основы и несколько исследовательских предложений, касающихся того, как организационные характеристики, управление волонтерами и факторы окружающей среды влияют на общий объем участия волонтеров в организациях культурной сферы. Сделанные выводы могут быть полезны для специалистов в сфере молодежной политики, некоммерческих организаций сферы культуры для выстраивания эффективной стратегии привлечения и удержания волонтеров.

Ключевые слова: молодежь, молодежное участие, управление молодежным участием, гражданское участие.

В последнее время курс молодежной политики задан в направлении развития молодых россиян как будущего страны. Молодежь – наиболее мобильная социальная группа. В этот возрастной период происходит переход личности от состояния зависимости к самостоятельности принятия решений. Молодые люди и девушки осмысливают свою включенность в публичное пространство. Исследователями признается тот факт, что социальная и гражданская активность молодого поколения способствует развитию демократичности, что столь необходимо для устойчивости государства, где активные граждане своими действиями могут поддерживать социально-экономический прогресс. Исследовательский интерес преимущественно сосредоточен на вопросах участия молодых людей в публичном управлении, а также механизмах управления этой активностью, которая трактуется как «гражданское участие».

А. Корнвел, отметил современную исследовательскую тенденцию упрощения в понимании феномена участия как «вовлечения людей для удовлетворения практически любого коллективного запроса» [5]. В реальности общественное участие является более сложным социальным явлением, оно маркируется как гражданское участие и интегрирует политические и социальные практики группового взаимодействия граждан, а также условия их реализации.

Под гражданским участием исследователи понимают «участие гражданина в жизни общества с помощью накопленных знаний, навыков и умений с целью повышения уровня и качества общественной жизни посредством социальных практик, которые носят добровольный мотивированный и публичный характер» [1, с. 96]. Иными словами, гражданское участие представляют как «процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами» [2, с. 90]. В такой трактовке прослеживается связь общественного участия с политической активностью. Например, в некоторых случаях общественное участие молодежи определяется как «процесс активного вовлечения молодых людей в различные формы политической деятельности» [6, с. 48]. Общественное участие как участие в политической жизни стало чем-то большим, чем просто традиционная политическая деятельность. Оно трактуется и соответственно изучается как «широкий спектр действий, таких как участие в широком перечне различных организаций, в том числе культурных или отдельных мероприятиях этих организаций, подписание петиции, контакты с политиками, участие в протестах и т. д.» [7].

Общественное участие молодежи как социальное трактуется предельно широко, как «вовлечение молодых людей в ассоциации, спортивные, досуговые и культурные мероприятия» [7]. Речь идет о повседневных практиках, которые сами молодые люди считают значимыми. В зарубежных странах фиксируется тенденция снижения вовлеченности молодежи в традиционные практики политического участия, например, в голосовании на выборах, членстве в политических партиях [10].

Все острее встает вопрос о пересмотре роли организаторов молодежной активности. При неоспоримой важности институциональной структуры в создании условий для общественного участия формируется запрос на понимание актуальной функциональности общественных институций, некоммерческих организаций, социальных движений и молодежных объединений. Одним из таких исследовательских вопросов является проблема удержания добровольцев в общественных организациях. Проблематизация управления молодежным участием становится актуальной в связи с сокращением числа молодых людей, начинающих заниматься волонтерством и высокими показателями «отсева» [3, с. 126]. Поиск факторов, обеспечивающих вовлеченность молодежи в общественную жизнь, привлекает особое внимание социологов в разных странах. Следует отметить, что многие исследования, которые посвящены факторам удержания добровольцев в организации исследователи чаще относят особенности личности волонтеров и их индивидуальные характеристики. Акцентирование внимания исследователей на организационной среде участия (поиск переменных) становится актуальным последние несколько лет. Как показывает обзор литературы, реальное удержание добровольцев в той или иной общественной структуре зависит от многих условий среды участия [11].

Процесс вовлечения молодежи как пассивных и активных (волонтеров) участников в деятельности государственных или некоммерческих организаций культуры базируется на выстраивании организационной стратегии и программы ее реализации с определением масштаба участия молодежи, в том числе и в роли волонтеров. Представим концептуальные подходы в изучении управления молодежным участием в организациях культурной сферы, предлагаемые исследователями. Остановимся более детально на подходах в исследовании активных участников организаций или волонтеров. Представим три возможных концептуальных подхода к оценке организационных условий, обеспечивающих вовлеченность волонтеров в деятельность организаций.

Подход оценки организационной политики. Р. Кристенсен и Дж. Бранди выделяют восемь аспектов участия волонтеров и предлагают концепцию их общего охвата. В анализируемой исследовательской логике обосновывается выбор конкретных институций и организационный выбор волонтеров в них. На первом этапе анализируется организационная политика по привлечению волонтеров, масштабы включения волонтеров в функционирование организации, их вклад в работу и миссию организации, а также статусные характеристики

волонтеров, которыми они наделяются в организации. На втором этапе оценивается «вход и выход добровольных помощников в организации». Изучается социально-демографический портрет общности добровольцев, их разнообразие за счет анализа интенсивности и продолжительности участия, взятых перед организацией обязательств и качества работы добровольцев [9]. В концепции исследователей при экспертизе условий молодежного участия выделяются внутренние организационные «врожденные характеристики», которые достаточно трудно поменять, а также организационные характеристики, вытекающие из текущих организационных процессов и культуры. Последние могут подвергаться изменению через активизацию механизмов организационного управления в разных институтах, что в итоге оказывается важным для повышения эффективности работы с добровольцами в организации.

Раскроем обе группы характеристик. Первая группа «врожденных» характеристик включает в себя ресурсы и потенциал, источник финансирования, структура, результаты или услуги, миссию и местоположение (табл. 1).

Таблица 1

Описание «врожденных» организационных характеристик	
Характеристика	Описание
Ресурсы и потенциал	Многие организации в значительной степени полагаются на добровольцев, когда они малы и имеют ограниченный бюджет. Организационный потенциал включает в себя навыки персонала, образование, знания, профессиональную подготовку и опыт. Организации, не обладающие определенными профессиональными навыками, могут стратегически создавать роли волонтеров, чтобы привлечь необходимый опыт.
Источник финансирования	Финансирующие организации и доноры могут поощрять или требовать использования добровольцев. Существует тесная взаимосвязь между бюджетами общественных организаций и политической средой, поэтому предпочтения и ценности политических лидеров могут влиять на выбор организации в отношении участия добровольцев.
Структура	Структурные характеристики, такие как уровень иерархии, формализация и правила, определяют организационные решения, касающиеся ролей добровольцев в организации.
Результаты / услуги	Организационные результаты – это программы, результаты, групповой опыт, продукты или услуги, которые организация призвана предоставлять.
Миссия	Миссия тесно связана с целевой аудиторией и бенефициарами. Многие добровольцы выбирают область политики до того, как они выберут конкретную организацию или волонтерскую роль.
Месторасположение	Если организация расположена далеко от домов волонтеров, в районе, который воспринимается как небезопасный, с ненадежной парковкой или недоступный для общественного транспорта, то волонтеры могут удерживать от участия в этих волонтерских мероприятиях.

Составлено автором на основе: [9]

Группа характеристик, связанная с текущими процессами и культурой в организации, включает в себя стиль руководства в организации, культуру, восприимчивость персонала к добровольцам и коммуникацию (табл. 2).

Таблица 2

Описание характеристик, вытекающих из текущих процессов и культуры организации

Характеристика	Описание
Стиль руководства в организации	Ощутимые усилия высшего руководства по поддержке волонтерской программы организации могут кардинально изменить то, как используются добровольцы и приветствуются ли они или маргинализируются.
Культура	Философия организации в отношении использования добровольцев, ее ценности в отношении волонтерства и ее культура в целом отражают то, насколько благоприятной и открытой является внутриорганизационная среда для добровольцев.
Восприимчивость персонала к добровольцам	Сотрудники могут сопротивляться работе с волонтерами из-за опасений по поводу угроз безопасности работы сотрудников; опасений по поводу качества работы волонтеров, включая возможные прогулы, текучесть кадров, низкое качество работы и ненадежность; и опасения по поводу наличия достаточного времени и подготовки для контроля и эффективной работы с добровольцами.
Коммуникация	Отсутствие эффективной коммуникации между оплачиваемым персоналом и волонтерами создает дополнительную межличностную напряженность и является одной из наиболее распространенных проблем в отношениях между оплачиваемым персоналом-волонтером.

Составлено автором на основе: [9]

На основе проведенного учеными исследования возможно сформулировать ряд исследовательских гипотез для их эмпирической верификации при изучении молодежного участия в организациях культурной сферы. В своем дальнейшем исследовании мы возьмем за основу гипотезу о взаимосвязи поддерживающих организационных характеристик с более широким охватом участия добровольцев, а также гипотезу о влиянии большего потенциала управления добровольцами и эффективных методов управления на более широкий охват участия.

Идентификационный подход или оценка субъективного восприятия волонтеров организации. Еще в одной концептуальной исследовательской модели при изучении вовлеченности волонтеров в организации изучаются намерения добровольцев, а именно удовлетворенность своим участием в работе этой организации, приверженность последней и ролевая идентичность в ней. Исследователи оценивают взаимосвязи между трансформационным (теми, кто служит агентами изменений, которые формулируют видение организации, вдохновляют и мотивируют последователей быть инновационными в реализации их огромного потенциала) стилем руководства в конкретных институтах и намерениями волонтеров оставаться с этой организацией [3].

Для дальнейшей верификации мы будем проверять гипотезу о влиянии стиля руководства или, иными словами, потенциалом управления добровольческими ресурсами в организации на желание волонтеров остаться в ней.

Следующий исследовательский подход при изучении организационных условий выделяет важность оценки уровня идентификации волонтеров с той организацией, в деятельности которой они участвуют. «Организационная идентификация определяется через анализ соотношения индивидом себя с ценностями, миссией и культурой организации» [4]. Основываясь на положениях теории социальной идентичности, исследователи полагают, что волонтеры организаций могут соотносить себя с различными организационными структурами, основываясь на членстве в них, опыте участия и т. д.

На основе данного исследования нами будут эмпирически проверены гипотезы о связи заявления миссии организации и более высоким уровнем идентификации среди добровольцев. На наш взгляд, важную роль может играть коммуникационный аспект между добровольцами, поэтому имеет смысл проверить гипотезу о взаимосвязи лучших отношений волонтеров друг с другом и более высоким уровнем идентификации организации.

Мотивационный подход. Внутренние организационные условия вовлеченности добровольцев могут анализироваться и через понимание мотивации добровольцев как ключевого фактора их удержания. В этом плане мотивация волонтеров в контексте их деятельности в определенной организации может оцениваться в двух субъективных измерениях: внутреннем и внешнем. Внутренняя связана с потребностью в автономии, компетентности (или способности) и потребности в социальных отношениях [8]. В данной связи считаем необходимым проверить гипотезу о взаимосвязи удовлетворения психологической потребности в «автономии», «компетентности» или «социальных отношениях» с более высоким уровнем мотивации участников.

Таким образом, мы можем сделать некоторые выводы. Высокая текучесть добровольцев и их временный характер отношений с некоммерческими организациями становятся актуальными темами зарубежных и отечественных исследований. Очевидно, что организационные условия играют важную роль в дальнейшем желании и мотивации волонтера продолжить свою деятельность именно в этой организации. Рассмотренные выше факторы непосредственно связаны с внутренними и внешними процессами в НКО. Некоторые из гипотез, которые были проверены в вышерассмотренных исследованиях, будут взяты за основу и проверены в нашем дальнейшем исследовании. Полученные результаты могут служить рекомендациями руководителям некоммерческих фирм с целью мотиваций и удержания своих волонтеров.

Литература

1. Обухова Ю. О., Сафонова А. С., Арканникова М. С., Танова А. Г. Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде // *Коммуникология*. 2020. Т. 8. № 3. С. 95–108.
2. Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // *Проблемы развития территории*. 2021. №1. С. 88–106.
3. Almas S., Chacón-Fuertes F., Pérez-Muñoz A. Direct and indirect effects of transformational leadership on volunteers' intention to remain at non-profit organizations // *Psychosocial Intervention*. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 125-132. DOI: 10.5093/pi2020a17
4. Bauer S., Lim D. Effect of communication practices on volunteer organization identification and retention // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. No. 9. P. 2467. DOI:10.3390/su11092467
5. Cornwall A. Unpacking «Participation»: models, meanings and practices // *Community development journal*. 2008. Vol. 43. No 3. P. 269-283. DOI:10.1093/CD//BSN010
6. Huttunen J., Albrecht E. The framing of environmental citizenship and youth participation in the Fridays for Future Movement in Finland // *Fennia*. 2021. Vol. 199 (1). No. 1. P. 46-60. DOI: 10.11143/fennia.102480
7. Kitanova M. Youth political participation in the EU: evidence from a cross-national analysis // *Journal of Youth Studies*. 2020. Vol. 23. No. 7. P. 819-836. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636951
8. Lorente-Ayala J. M., Vila-Lopez N., Kuster-Boluda I. How can NGOs prevent volunteers from quitting? The moderating role of the NGO type // *Management Decision*. 2020. Vol. 58. No. 2. P. 201-220. DOI: 10.1108/MD-04-2019-0531
9. Nesbit R., Christensen R. K., Brudney J. L. The limits and possibilities of volunteering: A framework for explaining the scope of volunteer involvement in public and nonprofit organizations // *Public Administration Review*. 2018. Vol. 78. No 4. P. 502-513. DOI:10.1111/puar.12894

10. Weiss J. What is youth political participation? Literature review on youth political participation and political attitudes // *Frontiers in Political Science*. 2020. Vol. 2. P. 1. DOI:10.3389/fpos.2020.00001

11. Yahaya R., Ebrahim F. Leadership styles and organizational commitment: literature review // *Journal of management development*. 2016. Vol. 35. No 2. P. 190-216. DOI:10.1108/JMD-01-2015-0004

E. Yakubova

CONCEPTUAL APPROACHES IN THE STUDY OF YOUTH PARTICIPATION MANAGEMENT IN CULTURAL ORGANIZATIONS

Abstract

The development of socio-cultural practices of young people is becoming a priority direction of state policy. A certain political course is being set to support young people, cultural initiatives and other practices of organizing their leisure time. The forms of youth participation in the public space are diversifying and there is still no unambiguous approach in the scientific discourse regarding the management of youth participation. The purpose of the article is a theoretical analysis of conceptual approaches in the management of youth participation in cultural organizations. Based on the literature review, the article presents a conceptual framework and several research proposals concerning how organizational characteristics, volunteer management and environmental factors affect the overall volume of volunteer participation in cultural organizations. The conclusions made can be useful for specialists in the field of youth policy, non-profit organizations in the field of culture to build an effective strategy for attracting and retaining volunteers.

Keywords: youth, youth participation, youth participation management, civic participation.

УДК 316.477

Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, А. А. Баясов

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ЭЛИТНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ МАГИСТРАТУРЫ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация

Важнейшая проблема отечественного инженерного образования – подготовка новой генерации кадров с компетенциями Индустрии 4.0. Опережающее инженерное образование должно ориентироваться на «формирование технически образованной нации и создание научно-технической элиты общества» [4, с. 181]. В уровневой модели подготовки кадров институциональным каналом устойчивого воспроизводства инженерной элиты должна стать техническая магистратура. В Свердловской области субъектом ответственности за подготовку новой генерации инженерных кадров является Уральский федеральный университет. Позиционирование УрФУ в качестве магистерского университета актуализирует вопросы мониторинга идентификации магистерской модели подготовки технических специалистов, ее средовых, целевых, функциональных и инструментальных аспектов. В статье обобщаются результаты авторских исследований, посвященных вопросам магистерской подготовки новой генерации инженерных кадров в Свердловской области. Вторичный анализ данных социологических исследований дал возможность расширить и углубить представления об особенностях протекания процессов институционализации инновационных практик магистерской подготовки инженерных кадров, выявить противоречия, определить дальнейшие исследовательские задачи.

Ключевые слова: инженерная элита, магистратура, социологическая экспертиза.

Предпосылкой формирования исследовательского интереса к вопросам магистерской подготовки технических специалистов стала двадцатилетняя и непростая история институциональной реформы высшего инженерного образования. Анализ нормативно-правовых документов за период с 1992 по 2013 гг. показал быструю смену концептуальных представлений о специфике магистерской подготовки инженерных кадров [2]: от ориентации исключительно на научную деятельность (в соответствии с Болонскими соглашениями) до широкого набора различных видов профессиональной деятельности будущих инженеров.

Внедрение новых моделей инженерной подготовки в Уральском федеральном университете, в составе которого функционируют 8 технических институтов, актуализировало в 2013 году перед исследовательской социологической группой вопросы отслеживания процессов институционализации магистерской подготовки в университете. Основные задачи первого, стартового этапа исследовательских практик¹: оценка текущего состояния инженерной подготовки в регионе, идентификация и выявление институциональных факторов формирования модели элитного специалиста технического профиля, идентификация целевых моделей магистерской подготовки в вузе. Реализация стейкхолдерского подхода обусловила масштабность эмпирической базы первого этапа исследования и применение количественных методов сбора и обработки информации (табл.1).

© Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Баясов А. А., 2023

¹Стартовый этап выполнялся в ходе реализации двух проектов, поддержанных РГНФ-РФФИ: «Исследование новых моделей инженерного образования как фактора воспроизводства технической элиты индустриального региона» (РГНФ-РФФИ, проект № 13-06-00610); «Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования» (РФФИ, проект № 13-06-96013).

Таблица 1

Темпоральный исследовательский дизайн социологической экспертизы магистерской подготовки технических специалистов

Целевые установки исследовательских практик	Методологические подходы	Методы сбора и анализа информации
1. Оценка стартовой ситуации подготовки элитных технических специалистов в условиях магистратуры (2013–2014 гг.)		
1.1. Оценка качества инженерного образования и идентификация перспективной модели элитного технического специалиста	Институциональный Стейкхолдерский	Количественные методы сбора и анализа информации: анализ документов, опрос преподавателей инженерных дисциплин, (N=143); опрос специалистов ведущих региональных предприятий, (N=240); опрос магистрантов, (N=80).
1.2. Выявление институциональных факторов становления модели		
1.3. Анализ магистерского сообщества и идентификация целевых моделей магистерской подготовки		
2. Оценка кадровых потребностей регионального рынка труда (2015–2018 гг.)		
2.1. Качественная оценка региональных кадровых потребностей осуществлялась в парадигме интерактивного планирования	Деятельностный Компетентностный Интерактивный Ситуационный	Вторичный анализ данных опроса специалистов ведущих региональных предприятий. Качественные методы сбора и анализа информации: Экспертное неформализованное интервью со специалистами ведущих региональных предприятий. Качественный анализ данных
2.2. Формирование профиограммы элитного специалиста технического профиля		
3. Локальный уровень исследования проблем и перспектив магистерской подготовки (2019–2022 гг.)		
3.1. Сравнительный анализ организации учебного процесса и образовательной среды партнерских университетов в контексте парадигмальных изменений магистерской подготовки новой генерации инженерных кадров	Организационный Стейкхолдерский Компаративистский Case study	Качественные методы сбора и анализа информации: экспертное полуформализованное интервью с руководителями магистерских программ, полуформализованное интервью с магистрантами программы «Системная инженерия». Качественный анализ данных
3.2. Выявление проблем и противоречий моделей магистерской подготовки инженеров в УРФУ		

Оценка стартовой ситуации процесса институционализации магистерской подготовки инженеров определялась отношением преподавателей технических вузов и представителей инженерного корпуса ведущих предприятий Свердловской области к современному состоянию инженерного образования и его соответствию запросам регионального рынка труда. Результаты опроса зафиксировали определенное противоречие. Преобладание

негативных оценок в двух группах экспертов относительно актуального состояния инженерного образования сопровождалось уверенностью в том, что качество инженерного образования соответствует ожиданиям и запросам современного рынка [подготовка инженеров в сравнении с доперестроечным периодом ухудшилась, но потребностям рынка такая подготовка соответствует] [5, с.171-172]. Доминирование в регионе предприятий старого технологического уклада обуславливали низкую восприимчивость региональной промышленности к новым технологическим решениям: «87 % опрошенных отметили, что «за последние годы их деятельность никак не была связана с изобретательством», у 68 % и на период опроса инженерная деятельность никак не была связана с инновационной с инновациями» [5, с.174]. В этих условиях переход системы образования на болонскую уровневую структуру подготовки инженеров с соответствующими квалификациями «бакалавр» и «магистр» для большинства производителей оказался не очень понятным.

Второе противоречие было зафиксировано в представлениях респондентов двух групп экспертов о необходимых качествах элитного технического специалиста [3, с. 166–167]. К наиболее важным качествам элиты современного инженерного корпуса эксперты-инженеры отнесли: «нестандартное мышление», «широкий общинженерный и культурно-нравственный кругозор». В оценках преподавателей инженерных дисциплин приоритет иной – «высокая квалификация в сфере прикладных наук» (каждый второй опрошенный). Расхождения оценок информативны и показательны. Достижение высокой квалификации в сфере прикладных наук – это приоритет массовой подготовки технических специалистов – инженеров-технологов, эксплуатационников [1, с. 292]. Нестандартность мышления и креативность, широкий кругозор в сочетании с научно-исследовательскими компетенциями – ориентиры в элитарной подготовке инженеров-исследователей. Различия в оценках обусловили основной исследовательский вывод первого этапа: ответственность за решение стратегической задачи «развилки» массовость и/или элитарность» в подготовке инженерных кадров в старопромышленном регионе берет на себя исключительно система образования. Массовая подготовка инженеров под потребности конкретного производства стала осуществляться на уровне прикладного инженерного бакалавриата. Магистратура по формуле «4+2» становится каналом выявления, формирования и подготовки конкурентоспособной, профессиональной инженерной элиты.

Изучение материалов магистерских программ и опрос магистрантов технических институтов УрФУ позволили оценить характер развития магистратуры в университете. Осуществляемые по 23 направлениям инженерного образования (одна треть от официально заявленных Министерством образования и науки РФ), магистерские программы ориентированы на многоцелевой подход. Гетерогенный состав магистерского сообщества (выпускники технического бакалавриата и специалисты-практики) обусловил различные предпочитаемые целевые и функциональные модели магистерской подготовки. Половина магистрантов ориентирована на углубленную специализацию и повышение квалификации в практической инженерной деятельности; каждый пятый рассматривает обучение в магистратуре как возможность в будущем заниматься наукой; каждый десятый опрошенный высказал желание после окончания магистратуры остаться в вузе в статусе педагога. Соотношение целевых установок – 5:2:1 [1, с. 250]. Структура оценок предпочитаемого магистрантами характера практической инженерной деятельности позволила соотнести различные типы инженерной деятельности с функциональными основами магистерской подготовки: 45% – инженер-исследователь; 34% – инженер-эксплуатационник. 30% – разработка наукоемких технологий и их внедрение в производство [1, с. 251]. Заключительный вывод первого этапа: инициирование и внедрение образовательных программ магистратуры, направленных на формирование элитного специалиста, носит, скорее, опережающий, нежели востребованный, со стороны региональной промышленности, характер [6]. Не случайно,

исходной проблемой второго этапа исследовательских практика² стала существующая практика прогнозирования потребности в инженерных кадрах субъектов Российской Федерации.

Оценка региональных методик прогнозирования кадровых потребностей показала, что одним из острых вопросов является переход от потребности производства в рабочей силе (профессиональный разрез) к потребности в уровне и профиле образования (образовательный разрез). В рамках исследования необходимо было решить главный вопрос в системе долго-и среднесрочных кадровых прогнозах – как осуществить переход от потребности в рабочей силе (профессиональный разрез) к потребности в уровне и профиле образования (образовательный разрез)? По мнению исследовательской группы, сделать это возможно, если использовать методы социологического прогнозирования. Выбранная исследователями стратегия «песочных часов» «на основе подходов «mixing methods» и «mixed models» позволила осуществлять декомпозицию моделей и методов в разных направлениях» [3, с. 119]. Результатом реализации исследовательской стратегии явились пять моделей прогноза качественных параметров регионального рынка инженерного труда. Отправной системой координат, по замыслу исследователей, стала интерактивная модель, в рамках которой были инициированы непосредственные, очные контакты с работодателями и применены качественные, неформализованные методы. Объектом исследования являлись два предприятия, относящиеся к двум традиционным для Свердловской области отраслям – металлургии и машиностроению. Все информанты отметили низкий наличный уровень компетенций выпускников опорного регионального вуза и продемонстрировали негативное отношение к уровневой подготовке специалистов: «*нужны знания, а не уровни образования!*». Приоритетным и независимым от характера развития предприятий является среднесрочное прогнозирование на 3–5 лет. Артикулируемые информантами компетентностные модели подготовки кадров, их специфика коррелируют с реализуемой на предприятии стратегией развития/функционального развития. Отличительная характеристика модели – возможность зависимости компетентностных траекторий от специфики реализуемой предприятием стратегии поведения на рынке труда. Более высокий инновационный статус, ориентация металлургического предприятия на внедрение новых продуктов и технологий, обуславливает ориентацию на подготовку нового типа инженеров с соответствующим набором компетенций системной и сферной инженерии. Предпочитаемые сетевые формы сотрудничества с вузом – базовая кафедра и дуальная магистратура [3, с. 204].

В попытке выйти на оценку перспективных (на долгосрочный период) ожиданий работодателей к квалификации будущих инженерных специалистов, был разработан комплекс универсальных компетенций *инженера-конструктора*, соответствующий текущим и перспективным задачам и видам конструкторской деятельности [3, с. 219].

Основные задачи третьего этапа исследования (2019–2022 гг.)³: провести сравнительный анализ образовательных практик университетов-партнеров; оценить степень преемственности в целевых и инструментальных установках руководителя образовательной программы и магистрантов инновационной программы «Системная инженерия».

Анализ транскриптов интервью выявил общие характеристики: магистерской подготовки в вузах: практико-ориентированный подход, активное развитие в подготовке магистрантов исследовательской деятельности, применение современных методов обучения. Конкурентными преимуществами уникальной и инновационной программы «Системная инженерия» являются проектное обучение, преемственность бакалавриата и магистратуры;

²Второй этап выполнялся в рамках проекта «Проведение комплексного исследования системы подготовки инженерно-технических кадров в целях совершенствования инструментов планирования потребностей и с учетом реструктуризации сети федеральных образовательных организаций высшего образования», поддержанного РФФИ (договор № 57-РФФ).

³Третий этап был выполнен в рамках проекта «Компаративный анализ социальных эффектов и влияния институциональных условий на профессиональную подготовку специалистов инженерных направлений», поддержанного РФФИ (проект № 19-011-00252).

современная технологическая основа; использование лучших отечественных и зарубежных практик обучения; наличие независимой профессиональной оценки качества обучения.

Вместе с тем результаты анализа транскриптов интервью экспертов Уральского федерального университета показал явный недостаток новаторских программ, большинство магистерских программ фактически существует в формате «*урезанного специалиста*» с воспроизводством старого содержания дисциплин и используемых методов обучения. Причины кризиса лежат как в плоскости особенностей образовательной среды вуза (старение преподавательских кадров), так и институциональных факторах внешней среды (низкий инновационный статус региональных предприятий, несовершенство механизмов поддержки предпринимательской активности молодежи в сфере промышленности со стороны государственных органов власти и органов местного самоуправления).

Оценка архитектуры кодовых связей транскриптов интервью магистрантов в контексте ее закрытых топологических характеристик позволила оценить образовательную программу «Системная инженерия» как инновационную, которая функционирует и развивается по уникальным протоколам связи и имеет одного производителя – молодого и перспективного руководителя программы. Достоинством образовательной программы в оценках, как руководителя программы, так и студентов, явилась преемственность обучения в бакалавриате и магистратуре. Студентов технических направлений бакалаврской подготовки привлекает возможность получения дополнительных управленческих компетенций системного аналитика и системного менеджера. Наибольший разрыв в оценках наблюдается в характере трудоустройства. В отличие от руководителя программы, который артикулирует повышение шансов выпускников программы на карьерный рост, опрошенные магистранты, уже имеющие практический профессиональный опыт, высказывают опасения на актуальное трудоустройство в качестве системного аналитика или системного инженера в силу их новосторобованности на современном рынке инженерного труда.

Обобщая результаты десятилетнего опыта исследования вопросов подготовки инженерной элиты в условиях магистратуры, можно сделать следующие выводы:

1. Преемственность методологических подходов, реализация разных исследовательских стратегий, использование широкого арсенала социологических средств формируют основу для интегрированной системы научных исследований по изучению процесса институционализации технической магистратуры как канала подготовки новой инженерной элиты региона.

2. Продолжающийся разрыв между образованием и промышленностью, усиление качественного дисбаланса спроса и предложения на региональном рынке инженерного труда с необходимостью требуют глубокого изучения потребностей региональных работодателей, специфики их инновационного поведения, создающего основу для интегрированных научных исследований и разработок по оценке потребностей в элитных инженерных кадрах.

3. Перспективы исследования могут быть связаны с расширением состава экспертов для продолжения сравнительных интервью как в страновом отношении, так и во внутренней среде Уральского федерального университета.

Литература

1. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2015. 364 с.
2. Константинова А. В. Проблемы развития магистратуры в условиях реформирования высшего образования // Высшее образование в России. 2013. №7. С.30-36.
3. Оценка системы подготовки инженерно-технических кадров: материалы комплексного исследования потребностей крупнейших региональных работодателей / под общей редакцией Банниковой Л. Н. Уральский федеральный университет. Высшая инженерная школа. Екатеринбург. 2016. 272 с.
4. Пакриева Е. Г., Оськина Ю. А., Брылина И. В., Корниенко А. А., Никитина Ю. А. Российская инженерия: история, проблемы, перспективы развития //

5. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / под ред. Л. Н. Банниковой, Ю. П. Вишневого. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2013. 216 с.

6. Boronina L., Baliasov A. Professional potential of future engineers in Russia's old-industrial region: institutional challenges and risks // 10th Annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI). 2017 С. 4827–4836.

L. Bannikova, L. Boronina, A. Baliasov

ISSUES OF TRAINING ELITE TECHNICIANS IN MASTER'S DEGREE PROGRAMS: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract

The most important problem of the domestic engineering education is the training of a new generation of cadres with Industry 4.0 competences. Advanced engineering education should be focused on "the formation of technically educated nation and the creation of scientific and technological elite of society". Technical master's degree program should become an institutional channel for sustainable reproduction of engineering elite in the level model of the specialist training. Ural Federal University is responsible for training a new generation of engineering cadres in Sverdlovsk region. The positioning of UrFU as a Master's University actualizes the issues of monitoring the identification of Master's model of engineering training, its environmental, target, functional and instrumental aspects. The article summarizes the results of the author's research devoted to the issues of Master's training of a new generation of engineering cadres in Sverdlovsk region. Secondary analysis of sociological research data has provided an opportunity to expand and deepen the understanding of the peculiarities of the processes of institutionalization of innovative practices in Master's engineering training, as well as to identify contradictions and determine further research tasks.

Keywords: engineering elite, master's degree program, sociological expertise.

УДК 316.477

Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ НАМЕРЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНАХ УРАЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация

На материалах эмпирических исследований рассмотрена роль предпринимательских намерений в профессиональных планах студентов разных регионов, направлений подготовки. Вклад образования в развитие предпринимательства становится одной из приоритетных задач современной политики. Вовлечение университетской молодежи в технологическое предпринимательство значимо для формирования технологической безопасности страны. Вторичный анализ социальных данных, таких как результаты VIII этапа социологического исследования студенчества Свердловской области, данные международного проекта «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов» (GUESS), позволил подтвердить тот факт, что при общем положительном отношении студентов к предпринимательству, «технологическом оптимизме» студентов STEM-программ подготовки, они избегают этой нестабильной и рискованной сферы будущей занятости, выбирая статус наемного работника. Обобщение результатов исследовательского проекта по внедрению современных форматов инженерного образования, данных анкетного опроса студентов как традиционных образовательных программ (машиностроение, материаловедение) так и инновационных программ (системный анализ, информатика) стало основой заключения о формировании активной вовлеченности студентов инновационных программ подготовки в процесс обучения, получении ими дополнительных управленческих компетенций для деятельности системного инженера. Сделан вывод о значимости курса на широкое вовлечение студентов в технологическое предпринимательство, что, однако, не предполагает только деятельность, направленную на реализацию коммерческих проектов, но, прежде всего, формирование активной самостоятельности, предпринимательского духа, ибо, по мнению экспертов, с необходимостью самим изобретать новые способы и инструменты работы в ближайшие годы столкнутся не только профессиональные предприниматели, но и любой занятый.

Ключевые слова: студенты технических программ подготовки, технологическое предпринимательство, профессиональные планы.

В современной геополитической ситуации актуализируются задачи развития технологий, интеграции научных исследований в производственный сектор. Одной из приоритетных задач современной политики становится вклад образования в развитие предпринимательства. Вовлечение молодежи в технологическое предпринимательство, развитие компетенций представителей молодежи в высокотехнологичных отраслях экономики значимо для формирования технологической безопасности страны. В последние годы стал заметным интерес российских и зарубежных экономистов и социологов к предпринимательскому образованию, анализу предпринимательских планов студенческой молодежи, выявлению особенностей и условий активизации молодежного предпринимательства [2; 6–9; 13].

Молодежь как самая активная часть общества способна с наибольшей отдачей участвовать в экономической жизни. В сравнении с другими категориями населения наибольшую готовность стать предпринимателями выражают студенты. Представление о предпринимательской активности, выборе предпринимательской карьеры, о роли университетов в формировании предпринимательского духа студентов позволяет составить международный проект «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов» (Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey или GUESSS). По индексу предпринимательских намерений студентов Россия находится на 20 месте (из 58 стран). Доля потенциальных предпринимателей (т. е. тех, кто уже пытается открыть собственный бизнес) среди российских студентов составляет 42%, что существенно выше показателя в рамках международной выборки (28%). Доля активных предпринимателей (тех, кто уже ведет собственный бизнес) достигает 12%, что незначительно превышает аналогичный показатель (10,8%) в рамках международной выборки [7, с. 5]. Каждый второй российский студент, принявший участие в исследовании GUESSS в 2021 году, планирует стать предпринимателем через 5 лет после завершения обучения. Начать свое дело сразу после окончания вуза готовы в два раза меньше студентов (22,6%) [7, с. 17]. Одно из объяснений – желание студентов приобрести необходимый опыт работы в существующей компании, прежде чем перейти к организации своего дела.

«Отложенный» предпринимательский потенциал студентов был зафиксирован и в рамках авторских исследований инновационного потенциала работающей и учащейся молодежи шести индустриальных регионов России [1; 12]. В качестве пространства исследования были выбраны регионы с разным типом индустриального развития, от традиционных регионов с высоким уровнем промышленного производства до новых регионов с растущими высокотехнологичными производствами. В ходе опроса студентов, осваивающих инженерные программы подготовки, и молодых работников промышленных предприятий было установлено, что на ближайшие годы у большинства респондентов такое направление активности как предпринимательство, организация своего дела в планах 20% работающей молодежи и у 27% студентов [1; 12]. Разрыв (42% и 27%) мнений по перспективам предпринимательской карьеры (данные мониторинга GUESSS и опрос студентов индустриальных регионов) отчасти можно объяснить структурой выборки. В исследовании студентов индустриальных регионов принимали участие преимущественно студенты и молодые специалисты STEM-программ подготовки. Среди российских студентов, принявших участие в GUESSS, большая часть изучает экономику, менеджмент, общественные и гуманитарные науки [7].

Вторичный анализ материалов мониторинга социокультурного портрета студенчества Свердловской области дал возможность выявить наряду с сохраняющейся устойчивой тенденцией «отложенного» предпринимательства, еще одну характеристику предпринимательского духа студенчества. Традиционно на предпринимательскую деятельность после вуза в большей степени ориентированы студенты социально-

экономического профиля подготовки, именно они ощущают себя более подготовленными к предпринимательской деятельности, что соответствует международным тенденциям. В то же время у студентов технических и естественнонаучных специальностей интерес к этой сфере занятости значительно слабее. Вместе с тем, по данным последнего этапа мониторинга (2020 г.), среди студентов, ориентированных на предпринимательскую карьеру, доля респондентов инженерных программ подготовки выросла, стала выше средних показателей по массиву (14% при среднем 12%) [11].

Сравнение данных отчетов GUESSS по отраслевой структуре потенциального предпринимательства за последние 10 лет подтверждает формирующуюся отраслевую особенность предпринимательских намерений студентов. В исследовании GUESSS 2021 года основная часть новых фирм в России была по-прежнему создана в рамках одной из трех лидирующих отраслей (реклама, торговля, образование), но уже активно формируется бизнес по основной профессиональной деятельности предпринимателей (строительство, производство, ИКТ) [7, с. 42].

В последние несколько лет серьезное внимание уделяется формированию молодежного технологического предпринимательства в университетской среде. Технологическое или «умное» предпринимательство – создание нового бизнеса, в основу которого положена инновационная высокотехнологичная (наукоемкая) идея. Одной из основных целей государственной инициативы по развитию молодежного технологического предпринимательства, является формирование способности самим изобретать новые способы и инструменты работы, предпринимательского духа в понимании Й. Шумпетера, разграничившего бизнес и предпринимательство. В условиях неопределенности, высокой динамичности внешней среды подобная инициативная самостоятельность, предпринимательский дух важен для устойчивого карьерного пути. Подобный вывод подтверждается обобщением результатов авторского исследовательского проекта по внедрению современных форматов инженерного образования. Сравнительный анализ данных анкетного опроса студентов традиционных образовательных программ (машиностроение, материаловедение) и инновационных программ (системный анализ, информатика), интервью с выпускниками бакалавриата, магистратуры и аспирантами инновационной программы «Системный анализ и управление» позволили сделать вывод о формировании активной вовлеченности студентов инновационных программ в процесс обучения, о получении ими дополнительных управленческих компетенций системного инженера [4]. Сохраняющаяся слабая информированность рынка инженерного труда о возможностях и перспективах применения системного анализа к управлению сложными инженерными системами, создает для молодых специалистов-выпускников инновационной программы сложности в актуальном трудоустройстве. Вместе с тем это не мешает им активно формировать свои карьерные траектории, перестраивая свое мышление на «системно-инженерные рельсы», разрабатывать и реализовывать проекты, применяя «главные наработанные скиллы–системное рассмотрение проектов и коммуникативные навыки как умения договориться и понять потребности работодателя».

Заключение. Анализ предпринимательских намерений как предпосылок предпринимательского поведения в профессиональных планах студентов разных регионов и направлений подготовки позволил сформулировать ряд выводов.

1. Сохраняется *устойчивый «отложенный» предпринимательский потенциал студентов.* Почти половина респондентов по российской выборке (GUESSS, 2021), каждый третий или один из пяти (по данным региональных исследований) планируют открыть свое дело лишь в среднесрочной перспективе, не ранее пяти лет после окончания университета.

2. *Общезначимым и существенным остается факт слабой реализации предпринимательских намерений студентов при выходе на рынок труда.* От намерений до их практической реализации «дистанция огромного размера». По данным всероссийского опроса (GUESSS, 2021г.) 22 % студентов сразу после окончания вуза готовы начать свое дело. По факту, по материалам статистического наблюдения за этот же период большинство

выпускников на первой работе трудоустроились в качестве «наемного работника» (96%). В качестве «владельца (совладельца) собственного предприятия или дела» трудоустроились только 1,8%, помогают родственникам 0,6%; 1,6% обследованных указали «другое». Такая тенденция наблюдается по всем уровням образования. [5].

3. Современная тенденция в политике поддержки предпринимательства – акцент не только на поддержку малого бизнеса как способа будущего трудоустройства, но и стимулирование «умных» предпринимательских практик, соответствующих академическому образованию студента, позволяющих конвертировать полученные знания, интеллект в рыночный продукт, либо помогающих грамотно выстраивать свою будущую карьеру в ситуации динамичного спроса на рынке труда, стимулирующих развитие внутрифирменного предпринимательства.

4. *Инженерное предпринимательство*, как разновидность такого «умного» предпринимательства, анализ условий и факторов, влияющих на интерес к нему, заслуживает особого внимания. Выпускники математических и компьютерных наук, а также технических и инженерных наук самые востребованные и высокооплачиваемые специалисты на современном рынке труда [3]. Промышленные компании, крупный бизнес, готовы к заимствованию кадров у системы высшего образования, заинтересованы в покупке и развитии небольших стартапов, но не заинтересованы в долгосрочном инвестировании инновационных технологических продуктов от образования, в профессиональном и карьерном продвижении кадров. Сегодня с помощью базовых кафедр крупные компании получают кадры для встраивания их в технологические циклы корпоративного сектора, но не для создания технологических новаций. Активная заинтересованность региональных университетов в стимулировании и поддержке технологического предпринимательства, нуждается, по мнению экспертов [9;10], наряду с развитием инфраструктуры поддержки студенческих стартапов в решении ряда других проблем, таких как пересмотр сложившейся системы закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности за исполнителями работ, встраивание эффективной системы трансфера технологий для обеспечения внебюджетных доходов вуза.

Литература

1. Банникова Л. Н., Жилин А. С. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий и студентов: сравнительный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 31–44.

2. Волков С. К., Акимова О. Е. Опорные университеты как центры развития технологического предпринимательства // Университетское управление: практика и анализ, 2019. № 23. С. 30–39.

3. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 160 с.

4. Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ /под общ. ред. Л. Н. Банниковой Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2019. 235 с.

5. Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников [Электронный ресурс].URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения 25.03.2023).

6. Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчет Россия 2021/2022. Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (ВШМ СПбГУ).

7. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов Национальный отчет. Россия. 2021. Санкт-Петербург. Россия. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/data/2022/12/20/1718960866/GUESS%202021_RU.pdf (дата обращения 25.03.2023).

8. Ерошенко Е. П., Дорошенко С. В. Методика оценки развития молодежного предпринимательства в университете // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 1. С. 82–95. DOI: 10.15826/umpa.2020.01.006.

L. Bannikova, L. Boronina

ENTREPRENEURIAL INTENTIONS IN PROFESSIONAL PLANS OF URAL STUDENTS

Abstract

Based on the materials of empirical research, the problem of employment of students of the Ural universities is considered. The emphasis is on assessing the place of entrepreneurship in the professional plans of students of technological training programs. The contribution of education to the development of entrepreneurship is becoming one of the priorities of modern politics. The involvement of university youth in technological entrepreneurship is significant for the formation of the country's technological security. The choice of the object of research is substantiated - bachelor's students, master's students, postgraduate students of STEM training programs of the Ural Federal University. Secondary analysis of social data, such as the results of the VIII stage of a sociological study of students in the Sverdlovsk region, data from the international project Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey or GUESSS, Global Entrepreneurship Monitor (GEM) allowed confirm the fact that with the general positive attitude of students towards entrepreneurship, they avoid this unstable and risky area of future employment by choosing the status of an employee. Summarizing the results of a research project on the introduction of modern formats of engineering education, data from a questionnaire survey of undergraduate students of both traditional educational programs (mechanical engineering, materials science) and innovative programs (system analysis, computer science), interviews with undergraduate graduates, a survey of undergraduates, interviews with graduate students made it possible to make conclusion about the formation of the active involvement of students of innovative training programs in the learning process, as well as about their obtaining additional managerial competencies for the innovative and promising field of activity of a systems engineer. Analysis of data from a pilot study of students in IT areas of study in 2022 made it possible to assess the level of student involvement in technological entrepreneurship, to assess awareness of university tools for developing entrepreneurial competencies. The conclusion is made about the importance of the course for the wide involvement of students in technological entrepreneurship, which, however, does not imply only activities aimed at the implementation of commercial projects, but, above all, the formation of active independence, entrepreneurial spirit, because, according to experts, with the need to invent new ways and tools of work in the coming years will be faced not only by professional entrepreneurs, but also anyone busy.

Keywords: students of technical training programs, technological entrepreneurship, professional plans.

УДК 316.35

Е. Ю. Бикметов, Р. В. Сизоненко

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НАСТАВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

В статье анализируются проблемы становления культуры наставничества в различных сферах экономики, прежде всего на производстве и в образовании. На материалах участников республиканского конкурса наставников, ежегодно проводимого по инициативе Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, показано, что наставничество в современных организациях во многом носит декларативный характер, организуется по указанию руководства, но при этом не имеет полного правового оформления, регламента работы наставника с наставляемым. Особого внимания требует вопрос определения статуса наставника и способов его стимулирования. Социологические исследования, проведенные на промышленном предприятии (УМПО), свидетельствуют о потребности наставничества для молодых специалистов, однако не каждый из них в итоге получает возможность успешной социальной и профессиональной адаптации на предприятии посредством наставничества. Для формирования культуры наставничества необходима организационная культура, в которой наставничество будет выступать обязательным элементом, обеспечивающим социальное и духовное воспроизводство. Соответственно актуализируется потребность в формировании ценности образования и обучения, ориентации на преемственность знания и профессионализм. Обращаясь к материалам конкурсантов (эссе, резюме,

заполненные анкеты), авторы статьи приходят к выводу, что в современных условиях большинство сотрудников, привлеченных к наставничеству, занимаются с наставляемыми исключительно по указанию руководства, не задумываясь о преемственности своих профессиональных навыков, но скорее опасаясь потенциальной конкуренции, возможной для них в ближайшей перспективе в результате успешной адаптации молодого специалиста, априори обладающего более современными умениями, прежде всего в использовании цифровых технологий. Учитывая педагогические аспекты, при подготовке и определении (назначении) наставников следует уделить внимание ценностным ориентациям. В этом плане следует отметить, что в бывшем СССР наставничество было легитимизировано во многом благодаря идеологическим ресурсам. Наставничество априори невозможно при нестабильном кадровом составе организации, текучести кадров и отсутствии долгосрочных трудовых контрактов, без взаимопонимания в деловых формальных и неформальных отношениях.

Ключевые слова: наставничество, молодой специалист, наставник, профессиональная солидарность, профессиональная этика.

Наставничество – широко известная с советского периода форма работы с молодыми специалистами прежде всего в сфере промышленного производства, ценностную основу которой определяла идеология коммунистической партии, ориентированная на единство идейно-политического, нравственно-этического, патриотического и трудового воспитания молодежи. Рыночная экономика внесла коррективы в данный процесс, что изменило ситуацию не только на рынке труда в целом, но и в отношении к наставничеству, актуализировав обращение к самой проблематике.

Как форма воспитательной работы наставничество фактически было обязательным на советских предприятиях. Если сравнивать отношение к труду и непосредственно в трудовых коллективах в советский и постсоветский период, то наиболее заметное отличие заключается в преобладании стремления к индивидуализму в противовес коллективизму в ценностных установках работников. В советское время наставничество во многом определялось и контролировалось партийным руководством, в рабочей среде воспринималось как почетная обязанность коммуниста или просто опытного работника. В настоящее время наставник склонен видеть в наставляемом потенциального конкурента.

По поводу качественных изменений социально-трудовых отношений следует отметить трансформацию традиционной философии производства и модели разделения труда. Появление гибких трудовых процессов, гибких графиков и режимов работы, «гибких» работников и понятие «нового» разделения труда – по заказу и по процессу. Жестко фиксированная оплата труда, характерная для «старой» модели трудовых отношений, уступает место системе гибкого материального стимулирования, в которой учитываются личный трудовой вклад каждого работника и трудового коллектива в целом, предусматривается целый набор разнообразных премий за повышение квалификации, рационализаторство, творческую активность, поощряется заинтересованность трудящихся в прибылях и акционерном капитале компаний.

В современной организации стимулируется формирование корпоративной культуры, своего рода «идеологической» базы для участия наемных работников в делах предприятия. В организационной культуре ценится индивидуальность работника, признается его творческий потенциал, развивается атмосфера доверия и открытости, культивируется преданность и лояльность работников своему предприятию. В идеале трудовой коллектив должен позиционировать себя как единая команда, в которой нет традиционного противопоставления «мы – они». Трудовые отношения перестраиваются в направлении установления партнерских отношений и сотрудничества трудящихся и представляющих их интересы профсоюзов, с одной стороны, и руководства предприятий, с другой, в целях повышения эффективности деятельности.

Л. Н. Коган отмечал, что «культура позволяет человеку стать мастером своего дела, возвыситься до уровня лучших образцов профессиональной деятельности» [2, с. 6]. Формирование соответствующей культуры в виде разделяемых ценностей, установок может

оцениваться как институционализация процесса. Характеристика качественных преобразований социально-трудовых отношений позволяет описать институционализацию наставничества в современных условиях, при которых наставничество инициируется властью на федеральном уровне, однако на уровне предприятия поддерживается высшим руководством, но в среднем звене, судя по признанию самих наставников, участников регионального конкурса, пока нет понимания его целесообразности. Очевидно, что наставничество необходимо как институт, параллельно с институтами образования выполняющий функцию профессиональной социализации и адаптации. Максимальное включение молодых специалистов в общественное производство даст ощутимые положительные результаты, поскольку выбранные ими ценностные ориентиры, темпоральные установки во многом определяют карьерную перспективу. Исследователи обращают в этом плане внимание на субъектность молодежи [3; 4, с. 61].

Эмпирическую базу исследования составили материалы ежегодного конкурса наставников, проводимого по инициативе Минтруда Республики, а также опрос молодых специалистов на промышленном предприятии – Уфимском моторостроительном производственном объединении (УМПО). Анализ документов участников конкурса «Лучший наставник» показал, что наставники – это в большинстве своем работники в возрасте от 30 до 55 лет. Их стаж работы в данной профессии в организации более 3 лет. У наставников на предприятии образование среднее специальное или высшее, все наставники мужского пола (100%). В других профессиональных сферах, в частности, в системе образования наставниками были лица женского пола. 80% наставников – те, кто прошли соответствующие курсы повышения квалификации по наставничеству, 90% наставников регулярно повышают квалификацию по своей профессиональной деятельности. По мнению респондентов, «наставники – это люди, обладающие педагогическими способностями, готовые и желающие работать с молодежью, передавать опыт». Участники конкурса – наставники имеют личные и профессиональные достижения, грамоты, награды, надбавки за высокие профессиональные показатели.

В идеале наставник – это опытный сотрудник с профессиональными компетенциями, мастерство которого, по сути, составляет духовный капитал корпоративного знания – то, что необходимо сохранить и приумножить в интересах организации. При этом важно транслировать ценности организации в обстановке взаимного доверия и уважения.

В результате теоретического анализа результатов эмпирических исследований была разработана модель наставничества, в которой наставник – это успешный профессионал, наделенный управленческими функциями на одном уровне с управленцами среднего звена [5, с. 97]. Наставник обязательно должен получать материальное поощрение, его статус, роль и стимулирующие факторы должны быть регламентированы в уставных документах. В этом случае наставник сможет повлиять на решение проблемы текучести кадров, эффективно содействовать успешной профессиональной социализации молодых специалистов и только что трудоустроенных в данную организацию сотрудников.

В предлагаемой модели к внутренним факторам могут быть отнесены изменения организационной среды компании, отношения в коллективе, личные мотивы работников, межличностное взаимодействие групп работников, к внешним – изменения окружающей среды компании, стабильность ее положения, состояние рынка продукции компании, общее состояние рынка труда в масштабах региона и страны. Ценностной основой модели наставничества является понимание необходимости закрепления высокого статуса наставника. Накопленные им знания и опыт составляют ядро организационного знания и организационной культуры, а наставник может непосредственно общаться с самым высоким руководством. Наставляемый же получает указания от руководителя среднего звена и ответы на вопросы от наставника.

Культура наставничества станет осязаемой при условии конкретизации статуса наставника. Наставник должен максимально поощряться и иметь стимулы для такого рода деятельности. Желание быть наставником может реально появиться у сотрудника,

осознающего уникальность собственного опыта, передача которого обеспечит профессиональное воспроизводство. При этом обладатель опыта и знаний, как ценности для организации, сможет получить удовлетворение от работы с наставляемым. Такое возможно, если пересмотреть систему нормирования труда именно для наставника, поощряя его прежде всего за обладание уникальным знанием/опытом, стимулируя его к передаче наставляемым этих ценностей.

Проведенные исследования позволили сделать несколько выводов: наставничество в современных организациях во многом носит декларативный характер, организуется по указанию руководства, но при этом не имеет полного правового оформления, регламента работы наставника с наставляемым. Особого внимания требует вопрос определения статуса наставника и способов его стимулирования. Социологические исследования, проведенные на промышленном предприятии (УМПО), свидетельствуют о потребности наставничества для молодых специалистов, однако не каждый из них в итоге получает возможность успешной социальной адаптации на предприятии посредством наставничества. Для формирования культуры наставничества необходима организационная культура, в которой наставничество будет выступать обязательным элементом, обеспечивающим социальное воспроизводство. Соответственно актуализируется потребность в привитии ценности образования и обучения, потребности в преемственности знания и профессионализма [1]. Обращаясь к материалам эссе, резюме, заполненным анкетам конкурсантов, необходимо отметить, что большинство сотрудников, привлеченных к наставничеству, занимаются с наставляемыми исключительно по указанию руководства, не задумываясь о преемственности своих профессиональных навыков, но скорее опасаясь потенциальной конкуренции, возможной для них в ближайшей перспективе в результате успешной адаптации молодого специалиста, априори обладающего более современными умениями, прежде всего в использовании цифровых технологий. Понимая педагогические аспекты, при подготовке и определении (назначении) наставников следует уделить внимание ценностным ориентациям. В этом плане следует отметить, что в бывшем СССР наставничество было нормой во многом благодаря идеологическим ресурсам.

Очевидно, что наставничество априори невозможно при нестабильном кадровом составе организации, текучести кадров и отсутствии долгосрочных трудовых контрактов, без взаимопонимания в деловых формальных и неформальных отношениях.

Литература

1. Бикметов Е. Ю., Рувенный И. Я., Сизоненко Р. В. Корпоративное обучение как средство формирования стратегического мышления менеджера // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 142–147.
2. Коган Л. Н. Социология культуры: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 120 с.
3. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. 208 с.
2. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего / Багирова А. П., Банникова Л. Н., Бледнова Н. Д. и др. (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.). Екатеринбург: УрФУ, 2021. 372 с.
3. Сизоненко Р. В. Наставничество на производстве: поиск оптимальной модели // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 96–107.

BUILDING A CULTURE OF MENTORING IN MODERN CONDITIONS

Abstract

The article analyzes the problems of the formation of a mentoring culture in various sectors of the economy, primarily in production and education. Based on the materials of the participants of the republican competition of mentors, held annually at the initiative of the Ministry of Family, Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Bashkortostan, it is shown that mentoring in modern organizations is largely declarative in nature, organized at the direction of the management, but does not have full legal registration, regulations work of a mentor with a mentor. The question of determining the status of a mentor and ways of stimulating him requires special attention. Sociological studies conducted at an industrial enterprise (UMPO) indicate the need for mentoring for young professionals, but not every one of them eventually gets the opportunity for successful social and professional adaptation at the enterprise through mentoring. To form a culture of mentoring, an organizational culture is needed, in which mentoring will be an indispensable element that ensures social and spiritual reproduction. Accordingly, the need for the formation of the value of education and training, orientation to the continuity of knowledge and professionalism is actualized. The question of determining the status of a mentor and ways of stimulating him requires special attention. Sociological studies conducted at an industrial enterprise (UMPO) indicate the need for mentoring for young professionals, but not every one of them eventually gets the opportunity for successful social adaptation at the enterprise through mentoring. To form a culture of mentoring, an organizational culture is needed, in which mentoring will be an indispensable element that ensures social reproduction. Accordingly, the need to inculcate the value of education and training, the need for the continuity of knowledge and professionalism is actualized. Referring to the materials of the contestants (essays, resumes, completed questionnaires), the authors of the article come to the conclusion that in modern conditions, most of the employees involved in mentoring work with the mentored solely at the direction of the management, without thinking about the continuity of their professional skills, but rather fearing the potential competition that is possible for them in the near future as a result of the successful adaptation of a young specialist who a priori has more modern skills, primarily in the use of digital technologies. Taking into account pedagogical aspects, in the preparation and selection (appointment) of mentors, attention should be paid to value orientations. In this regard, it should be noted that in the former USSR, mentoring was legitimized largely thanks to ideological resources. It is important to understand that mentoring is a priori impossible with the unstable staffing of the organization, with staff turnover and the absence of long-term employment contracts, without mutual understanding in business formal and informal relationships.

Keywords: mentoring, young specialist, mentor, professional solidarity, professional ethics.

УДК 316.42:62-194.1

E. B. Кеммет

СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ИНЖЕНЕРНОГО ТРУДА

Аннотация

В статье обозначено предметное поля инженерного труда и глобальных трендов, влияющих на специфику профессиональной социализации. На основе результатов вторичного анализа научных исследований конкретизируются отличительные характеристики сферы инженерно-технического труда, определяющие черты современного инженера.

Ключевые слова: Инженерный труд, глобальные тренды, профессиональная социализация, черты современного инженера.

Профессиональная социализация в сфере инженерного труда имеет свою специфику, связанную с особенностями данной профессии. Инженерно-технические работники (далее ИТР) играют важную роль в техническом развитии нашей страны. Они занимаются разработкой новых технологий, улучшением существующего оборудования, проектированием и созданием новых продуктов.

Конкурентоспособность инженера напрямую влияет на внедрение инноваций в нашей стране. Если инженер компетентен и инициативен, то он может привнести новшества в свою отрасль и сделать свой вклад в техническое развитие страны. Профессиональная социализация инженера происходит в процессе профессионального обучения и практической деятельности. Инженер должен постоянно обновлять свои знания и навыки в соответствии с требованиями рынка и новыми технологиями. Он также должен уметь находить креативные решения задач и работать в команде. Инженеры являются важными субъектами технического развития, их конкурентоспособность и компетентность играют ключевую роль во внедрении инноваций в нашей стране [6; 11; 9].

Ответственность на этапе профессионального обучения в условиях постоянного изменения характера деятельности современных инженеров лежит на высшей профессиональной школе. При этом стоит учитывать, что профессиональная социализация личности требует активного включения самой личности в различные практики профессиональной и социальной активности [5].

При исследовании профессиональной социализации необходимо понимать, что каждая профессия имеет свои специфические особенности, которые влияют на процесс социализации работника. В разных профессиональных сферах разный уровень и спектр возможностей для развития и реализации профессиональных талантов. К примеру, сфера промышленной индустрии инженерии всегда оставалась мужской сферой профессиональной деятельности, где работа требует силы, выносливости, мужественности и «железных» нервов. В то время как в сфере услуг, таких как профессиональное образование, больше запросов к андрогинным качествам и сильным профессионализированным навыкам. Такой подход к изучению профессиональной социализации позволяет взглянуть на социальные акторы как на явление, зависящее от среды, в которой происходит их рост и развитие.

В рамках профессиональной среды можно выделить несколько элементов, которые изменяются с разной скоростью. В первую очередь это характер и способы профессиональной деятельности инженеров, которые активно изменяются под воздействием информатизации и компьютеризации (в этом суть четвертой промышленной революции, П. Г. Щедровицкий [5]). Это проявляется во внедрении новых технологий, программного обеспечения, искусственного интеллекта и т. д. Однако, параллельно с этим, многие нормы, стандарты и привычки в профессиональной среде остаются консервативными. В частности, устоявшееся предубеждение о том, что инженерная работа – это исключительно мужская профессия, не претерпевает существенных изменений.

Таким образом, профессиональная среда инженеров представляет собой некое сочетание новых и старых элементов, которые изменяются с разной скоростью. Важно понимать, что в то время, как некоторые аспекты профессии становятся более устаревшими и нуждаются в преобразованиях, другие требуют нового подхода и мыслительного фреймворка.

Инженеры являются неотъемлемой частью различных отраслей промышленности, в том числе машиностроения, электроники, информационных технологий, энергетики, автоматизации производства, строительства и т. д. В современном обществе, где технологический прогресс продолжает быстро нарастать, инженеры играют важную роль в создании новых технологий и улучшении существующих систем [1]. Они участвуют в разработке и проектировании новых продуктов, оборудования, систем и технологий, а также в анализе и улучшении эффективности работы существующих систем. Инженерная профессиональная среда является очень важной для инженеров, так как она позволяет им обмениваться опытом и знаниями, находить лучшие решения для сложных задач, повышать свой профессиональный уровень и развивать свои навыки. Для достижения успеха в инженерной профессиональной среде инженеры должны иметь не только высокий уровень профессионализма и технических знаний, но и уметь работать в команде, общаться с коллегами и клиентами, а также быть готовыми к постоянному обучению и развитию.

Инженерная деятельность предполагает регулярное применение знаний для создания искусственных технических объектов, сооружений, механизмов, устройств, машин. В

процессе использования науки для создания техники инженер решает научные и технические задачи, вырабатывает новые знания, оказывающие влияние на развитие науки. Это сближает деятельность инженера с деятельностью ученого-экспериментатора, отличает от работы техника-ремесленника.

Важным в профессиональной социализации становится характеристика креативности в повседневной деятельности ИТР. А. Ю. Рожик представляет собой анализ понятия креативности в контексте инженерного мышления и обращают внимание на важности креативного подхода к решению инженерных задач в современном мире, где необходимо быть готовым к изменениям и новым вызовам [7].

Одной из квалификационных характеристик активности профессионалов в сфере ИТР является участие в инновационной деятельности [8]. Это означает, что специалисты по ИТ должны быть знакомы с последними тенденциями в отрасли, следить за разработками и новыми технологиями, а также постоянно улучшать свои компетенции и умения в своей области. Профессионалы ИТР могут и должны заинтересоваться разработкой новых программных продуктов или сервисов, а также следить за новыми принципами проектирования современных систем. Более того, они могут вовлекаться в работу вместе с командой и разрабатывать новые проекты, создавая инновационные решения для своих клиентов.

Активность в инновационной деятельности позволяет профессионалам ИТР работать с новыми ресурсами и инструментами, улучшать свои навыки работы с данными, программной архитектурой и системным администрированием. В целом, участие в инновационной деятельности означает, что профессионалы ИТР постоянно растут и развиваются в своей области, что важно для достижения успеха.

В процессе профессиональной социализации не маловажным аспектом является социальный компонент, включающий в себя в первую очередь семью, которая формирует систему ценностных ориентаций, установок, во многом определяя профессиональный выбор и задавая вектор выбора образовательных программ [1]. Во вторую очередь он включает профессиональную образовательную среду студентов, магистрантов и аспирантов инженерно-технического направления подготовки, академическую среду университетских преподавателей. В-третью – индустриальную производственную среду, где активе трудовой коллектив, профессиональное сообщество.

Профессиональная социализация в сфере инженерно-технического труда представляет собой процесс освоения профессиональных знаний, навыков и умений, которые позволяют инженерам работать эффективно в среде технических проблем и создавать инновационные решения. Также важным аспектом является развитие креативности и способности думать нестандартно, чтобы быстро и эффективно решать сложные задачи. Однако, очень важно понимать, что профессиональная социализация в инженерной сфере должна включать обязательный социальный компонент, который включает проявление таких качеств, как лидерство, коммуникативность, эмпатия, эффективность в работе в коллективе и умение адаптироваться к изменениям в работе.

Все компоненты являются важными для успешной карьеры в сфере инженерно-технического труда. Таким образом, профессиональная социализация в сфере инженерно-технического труда характеризуется следующими специфическими чертами в современных реалиях: высококвалифицированным интеллектуальным трудом (определенной базой знаний), ориентацией на инновационную деятельность (постоянное решение новых задач), креативностью (способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации), обязательным наличием социального компонента.

В процессе профессиональной социализации инженеров важную роль играют не только технические знания и навыки, но и социально-психологические аспекты. Безусловно, важным фактором является приобретение опыта и профессиональных навыков в ходе работы на конкретном предприятии. Однако, эффективность такой социализации напрямую зависит от

организации рабочего процесса, наличия наставников и менторов, социальной защищенности работников.

Кроме того, необходимо обратить внимание на специфику коммуникаций в инженерной сфере, так как она может затруднять взаимопонимание в коллективе и становиться препятствием для успешной профессиональной социализации. Таким образом, важно учитывать как технические, так и социальные аспекты профессиональной социализации в инженерной сфере для обеспечения эффективности работы и удовлетворения потребностей сотрудников.

Литература

1. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневецкий, Е. В. Кеммет, М. А. Кучильдина, А. Ю. Петров, И. И. Шолкина; под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 364 с.
2. Инженерные династии России : монография / науч. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС, 2017. 331 с. DOI: 10.31857/S013216250000774-4;
3. Кирсанов А. А., Кондратьев В. В. Инженерная деятельность и профессиональная компетентность специалиста // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 12. С. 18–21. EDN NCBVBV.
4. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 92–102.
5. Лекция П. Г. Щедровицкого «Новая промышленная революция: роль предпринимателя, возможности для региона». Новосибирск: Научная библиотека НГТУ, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3904277> (дата обращения: 05.02.2023)
6. Макарова С. Н. Уровни профессиональной социализации: концептуальный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 152–157.
7. Рожик А. Ю. Креативная составляющая инженерного мышления: теоретическое и экспериментальное исследование // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10. № 2. С. 89–108.
8. Руденко Н. И., Малюшкин Р. В. Мобильность и гендерные различия российских инженеров по материалам социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 88–104.
9. Степанова И. Ю., Адольф В. А. Профессиональная социализация в вузе как условие формирования конкурентоспособности выпускника // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 104–110.
10. Формирование инженерной элиты индустриального региона: социологический анализ / [Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневецкий и др.]; под ред. Л. Н. Банниковой, Ю. Р. Вишневецкого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 216 с.
11. Шарафутдинова Р. И., Галимзянова И. И. Профессиональная деятельность современного инженера // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 6. С. 255–257.

E. Kemmet

SPECIFICS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION IN THE FIELD OF ENGINEERING WORK

Abstract

The article outlines the subject fields of engineering work and global trends affecting the specifics of professional socialization. Based on the results of a secondary analysis of scientific research, the distinctive characteristics of the field of engineering and technical work that define the features of a modern engineer are concretized.

Keywords: Engineering work, global trends, professional socialization, features of a modern engineer.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТНИКОВ

Аннотация

В условиях нестабильного мира, политического кризиса и социально-экономических трансформаций запрос на профессиональных работников высок как никогда. Это связано с гарантиями скорости и качества выполняемой работы, что обеспечивает экономию ресурсов и конкурентоспособность организации. Между тем, нельзя сказать, что критерии профессионализма четко определены. Это связано как со спецификой различных видов профессиональной деятельности, так и целями подобной оценки. С одной стороны, профессионализм может рассматриваться как цель и результат профессионального становления и в этом случае будет представлять эталон мастерства овладения тем или иным видом профессиональной деятельности, меру успешности. С другой стороны, критерии профессионализма может определять работодатель как совокупность требований к работникам через определение количественных и качественных характеристик результата трудовой деятельности, соответствующих возможностям большей части работников и использование их для оценки качества обучения, планирования профессионального и карьерного продвижения, мотивации. Таким образом, складывается противоречие между потребностями работодателя в профессионалах и отсутствием четких критериев, благодаря которым работники смогут развивать необходимые трудовые умения и навыки. Исследование культуры труда и ценностных ориентаций работников г. Екатеринбург и Свердловской области, проведенное авторами в 2021–2022 гг. (выборка составила 836 чел.) позволило определить ряд особенностей реализации профессиональных и карьерных траекторий персонала, зависимость субъективно определяемого и объективно реализуемого в трудовой деятельности уровня профессионализма от возраста, категории и сферы деятельности. В целом, работники считают профессионализм обязательным для реализации карьерного продвижения, наряду с такими факторами как наличие профессионального опыта и поддержки руководства, относят его к ценностям культуры труда, наряду с признанием заслуг и возможностями самореализации. Повышение квалификации как инструмент развития профессионализма в большей степени доступен руководителям и специалистам, что ограничивает возможности той части персонала, потребности в обучении которой удовлетворяются недостаточно полно. При этом исследование показало, что формирование псевдопрофессионалов не рассматривается современными работниками как вероятная перспектива, так как профессиональная успешность определяется через соответствие качественным и количественным характеристикам, способствующим развитию профессиональных навыков.

Ключевые слова: профессионализм, повышение квалификации, культура труда, профессиональные навыки, перспектива профессионального развития, карьерные траектории.

В настоящих условиях социально-экономического и технологического развития общества меняются характер и условия труда. Эти перемены означают потребность в профессиональных работниках, способных выполнять трудовые цели и задачи непосредственно после окончания учебного заведения, что связано с возросшей скоростью принятия решения и ограниченностью организационных ресурсов. Активное развитие и внедрение цифровых технологий и трансформация существующих профессий [3; 1], появление межпрофессиональных сфер деятельности [2] привело к появлению транспрофессионалов [8] и необходимости развития мета-компетенций.

Между тем, профессиональное развитие современных работников не отвечает в полной мере потребностям работодателей. Сложность здесь состоит не в самом явлении, а в необходимости быстрой реакции со стороны прежде всего заведений высшего и среднего образования, которую они в силу длительности подготовки квалифицированных кадров обеспечить не могут, а значит повышенная нагрузка ложится на систему повышения квалификации и профессионального переподготовки [4]. В то же время уровень квалификации является объективным критерием профессионализма в трудовой среде, качественная характеристика работы, ее сложность, а специализация отражает особенности выполняемой

работы, которая появилась в результате разделения труда и усложнения производственного процесса. По сути, это два измерения, которые используются для описания требований, предъявляемых в настоящее время к любому работнику и виду деятельности [9].

При такой детализации описания профессий довольно сложно оказалось определить такое понятие как профессионал, профессионализм. С одной стороны, профессионалом можно считать работника, который демонстрирует постоянство, неизменность стабильность результата. С другой стороны, в качестве профессионалов также понимаются работники, демонстрирующие не просто ожидаемые постоянные, стабильные результаты в соответствии с профессиональными нормами. Профессионалом можно считать работника, чьи результаты превосходят ожидания, благодаря чему он и относится к категории профессионалов.

Профессионализм достигается посредством профессионального развития, то есть реализации методов и инструментов повышения квалификации через систему обучения. Большое влияние на профессиональное развитие, по нашему мнению, оказывает жизненная стратегия, определяющая выбор профессии, а также степень активности и осознанности в планировании профессионального пути, реализации человеческого потенциала, что в конечном счете приводит к удовлетворенности трудом и жизнью в целом [6; 5].

Социально-экономический контекст, в котором реализуется трудовая деятельность, также оказывает серьезное влияние на формирование профессиональных ожиданий, выстраивание траекторий профессионального и карьерного развития, и определяет требования к профессионализму [7]. Мы полагаем, что запрос на профессионалов при любых конъюнктурных особенностях будет высок, так как они создадут конкурентное преимущество организации, особенно в условиях дефицита рабочей силы, и когда конкуренция осуществляется не просто за профессионалов, а в целом за работников высокой квалификацией. Это снижает как требования входа в профессию, так и к результатам труда. В этом контексте интересным представляется возможность анализа условий и особенностей профессионального развития работников.

Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса работников всех сфер деятельности Уральского региона (N=836), проведенного авторами в 2021–2022 гг. Распределение респондентов в выборке по полу, возрасту, уровню образования, месту жительства соответствует этим параметрам для жителей региона. Также использованы материалы полуструктурированных интервью, проведенных в феврале-марте 2023 г. с руководителями различных уровней предприятий промышленности, строительства и транспорта, дополнительного образования и общественно-политической сферы (N=12) г. Екатеринбурга и Свердловской области.

Одним из индикаторов профессионального развития в исследовании выступал уровень квалификации. Анализ соответствия имеющейся квалификации и требуемой для выполнения должностных обязанностей показал следующее: 98,7% опрошенных оценивают свой уровень квалификации как соответствующий выполняемой работе, менее 1% – не соответствует требуемому уровню, еще около 2% отметили, что их уровень квалификации выше, чем необходимо. При этом сложно сказать, связано ли это с субъективным ощущением или их жизненная и профессиональная стратегия складывается таким образом, что они не реализуют весь свой потенциал.

В настоящее время большие возможности для поддержания квалификации есть у руководителей. Среди них число работников, повышающих квалификацию раз в 2–3 года и чаще (59,3%) существенно выше, чем среди рабочих (49,65%) и специалистов (43,7%). Работники высоко оценивают качество предлагаемого организационного обучения (в среднем на 3,6 из 5), а также имеют серьезное желание поддерживать свой уровень квалификации.

Реализация профессиональных умений не только через выполнение должностных обязанностей, но совершенствование организационной среды доступна различным категориям персонала неодинаково. В целом, оказывать влияние на принятие управленческих решений, участвовать в разработке инновационных проектов и инициировать изменения в большей степени могут руководители, хотя и среди них эти возможности доступны лишь для

51,3% ответивших. При этом 71,1% респондентов отметили, что инновационные проекты организации нужны, каждый второй знает о наличии системы предложений (52,3%) и считает, что мнение работников учитывается при принятии решений (53,7%).

Среди организационных ценностей второе место занимает «Соблюдение трудовой и технологической дисциплины» (44,3%), четвертое – «Стремление к нововведениям» (23%), но причина организационных проблем видится в нехватке профессиональных кадров (47%). Между тем, сами работники видят гарантии своего организационного положения прежде всего в развитии профессиональных умений и навыков, а уже потом в качестве взаимоотношений с руководителем и коллегами и в меньшей степени ориентированы на «полезные знакомства и связи». Следовательно, стратегия «псевдопрофессионализма», если не исключена, то не рассматривается как приоритетная.

Мотивация к профессиональному и карьерному росту, признанию и реализации способностей работников осуществляется руководителями недостаточно активно: они могли бы стимулировать возможности карьерного продвижения, профессиональный успех работников (37%), признание их заслуг (33%), а также возможность проявить себя (30%), однако имеют ограниченные возможности реализации этих инструментов.

Не так однозначна ситуация с оценкой критериев профессионализма. Интервью с руководителями предприятий позволило определить следующие тенденции: для исполнителей критерии связаны с качеством реализации рабочих задач, для управленческой деятельности – со способностями руководителя по решению задач в отведенное для этого время, а также пониманием требований и способов их решения. Одной из основных сложностей является реализация профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в ходе подготовки и обучения в реальной трудовой деятельности.

В интервью руководители также отмечали возросшие требования к уровню подготовки работников всех организационных уровней. В большей степени адаптация к этим требованиям, на наш взгляд, возможна для работников высокой и средней квалификации, чем для низкоквалифицированного персонала. Связано это с тем, что их обучение направлено на освоение небольшого объема трудовых действий. Подготовка кадров высокой квалификации подразумевает всестороннее развитие, оно обеспечивает лучшее понимание организационных процессов и тех изменений, которые с ними связаны, что создает для данных сотрудников адаптационные преимущества. При этом важно обеспечить всестороннее развитие для низко- и среднеквалифицированных работников, поскольку работники с высоким уровнем квалификации уже обладают подобными знаниями и в их программы повышения квалификации данные вопросы уже включены.

Руководители также отметили ряд условий, которые целесообразно учитывать при анализе особенностей профессионального развития работников. Одним из них является ограниченность человеческих, временных и финансовых ресурсов, что предполагает сложности в поддержании устойчивого уровня профессионализма работников. С одной стороны, дефицит профессиональных кадров стимулирует работодателей к формированию действенной системы обучения персонала, а с другой, работники вынуждены сами, в соответствии с требованиями работодателя, поддерживать свой уровень квалификации. Кроме того, руководители отметили возросшую потребность в более ответственном организационном поведении, чего нельзя добиться от работников, владеющих набором исключительно профессиональных компетенций. Это можно реализовать, обладая широким кругозором, а также навыками поддержания и всестороннего использования личностных ресурсов в процессе трудового взаимодействия [10]. В условиях современных требований к объему и содержанию программ профессиональной подготовки, этого сложно добиться, а значит и затраты по развитию подобных навыков и компетенций ложатся на плечи работодателей.

Подводя итог, сформулируем несколько особенностей профессионального развития современных работников. Высокая скорость появления новых технологий, требований к качеству продукции, услуг, а также межпрофессиональный характер инноваций и появление

новых профессий задает направление профессионального развития в сторону освоения смежных профессий и освоения взаимодополняющих навыков.

Возникновение новых видов профессиональной деятельности, расширение и трансформация уже существующих приводят к размытости критериев профессионализма как некоего эталона профессионального развития. В свою очередь, это затрудняет, разработку эффективных программ подготовки работников, а также усложняет оценку его профессионального уровня для планирования профессионального развития и карьерного продвижения.

Возрастает актуальность качественного и всестороннего развития работников в смежных областях, ориентация на метапарадигмальный подход в организационном обучении. Это позволит, с одной стороны, повысить адаптационные возможности работников, а с другой – лучше понимать организационные процессы, зоны ответственности, их закономерности и структуру.

Еще одной особенностью профессионального развития становится умение реализации полученных теоретических знаний в своей профессиональной деятельности, которое определяется не только качеством образования, но и требует соответствующих личностных характеристик.

Литература

1. Абрамов Р. Н., Быков А. В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4–20.

2. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Нидергаус Е. О., Жилин А. С., Шолина И. И., Банникова Л. Н. (Ред.), Заборова Е. Н., Чевтаева Н. Г. Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ: монография. Екатеринбург: ФГАОУ ВПО УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2019. 235 с.

3. Банных Г. А., Костина С. Н. Профессиональная ресоциализация в условиях цифровизации: содержание и факторы успешности // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 119–131.

4. Голенкова З. Т., Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 2. С. 262–273.

5. Каравай А.В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Tetra Economicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 124–137.

6. Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика и дифференциация самооценок профессионализма // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 329–359.

7. Маслова Т. С. Профессионализм и профессиональная культура в современных и социологических исследованиях // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 22. № 6. С. 262–268.

8. Пинчук А. Н., Карпова С. Г., Тихомиров Д. А. Транспрофессиональное образование в студенческом дискурсе: востребованность, ожидания, риски // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 3. С. 184–220.

9. Парфенова О. А., Малышев А. Г., Попова В. В. «Кто такой квалифицированный работник?»: реконструкция представлений работников сферы социального обслуживания // Социальная политика и социология. Т. 18. 2019. № 1 (130). С. 124–131.

10. Тихонова Н. Е., Каравай А.В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Общественные науки и современность. 2018. №3. С. 17–32.

FEATURES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF MODERN WORKERS

Abstract

In an unstable world, political crisis and socio-economic transformations, the demand for professional workers is higher than ever. This is due to the guarantees of the speed and quality of the work performed, which ensures the saving of resources and the competitiveness of the organization. Meanwhile, it cannot be said that the criteria for professionalism are clearly defined. This is due both to the specifics of various types of professional activity, and the goals of such an assessment. On the one hand, professionalism can be considered as the goal and result of professional development, and in this case it will represent the standard of mastery of one or another type of professional activity, a measure of success. On the other hand, the criteria of professionalism can be defined by the employer as a set of requirements for employees through determining the quantitative and qualitative characteristics of the result of labor activity that correspond to the capabilities of the majority of employees and using them to assess the quality of training, planning professional and career advancement, and motivation. Thus, there is a contradiction between the needs of the employer in professionals and the lack of clear criteria, thanks to which employees will be able to develop the necessary labor skills and abilities. A study of work culture and value orientations of workers in the city of Yekaterinburg and the Sverdlovsk region, conducted by the authors in 2021-2022. (the sample was 836 people) made it possible to determine a number of features of the implementation of professional and career trajectories of personnel, the dependence of the level of professionalism subjectively determined and objectively implemented in labor activity on age, category and field of activity. In general, employees consider professionalism to be indispensable for career advancement, along with factors such as professional experience and management support, attribute it to the values of work culture, along with recognition of merit and opportunities for self-realization. Professional development as a tool for developing professionalism is more accessible to managers and specialists, which limits the capabilities of that part of the staff whose training needs are not fully met. At the same time, the study showed that the formation of pseudo-professionals is not considered by modern workers as a likely prospect, since professional success is determined through compliance with qualitative and quantitative characteristics that contribute to the development of professional skills.

Keywords: professionalism, advanced training, work culture, professional skills, professional development perspective, career trajectories.

УДК 314.174

Р. Р. Хузяхметов

УСТАНОВКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Аннотация

Доклад посвящён изучению установок экономического поведения как фактора накопления и использования человеческого капитала. Установки экономического поведения рассматриваются в контексте профессионализма. Цель исследования – проанализировать связь между жизненными результатами и установками экономического поведения. Эмпирическую базу исследования составляет подвыборка работников с высшим образованием, не являющихся руководителями, имеющих опыт работы от 5 лет (n=612). Для измерения самоэффективности, устойчивости и агентности применялся индексный метод. В анализе данных применялся стандартный статистический метод корреляций. На основании проведённого анализа были получены статистически значимые подтверждения того, что установки экономического поведения связаны с жизненными результатами (как относящимися непосредственно к работе, так и находящимися вне профессиональной сферы). Полученные результаты в целом соответствуют выводам других исследователей и представителей экспертного сообщества. Профессиональные работники могут получать предпочтения не столько от обладания знаниями и навыками, сколько благодаря наличию качеств, активирующих механизм их капитализации.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономическое поведение, установки экономического поведения, профессионализм, самоэффективность, агентность, устойчивость.

С момента своего зарождения в 1960-е гг. теория человеческого капитала стала плодотворным, востребованным научным направлением, а также оказала влияние на

государственные политики по всему миру. На протяжении 60 лет совершенствования она сумела выработать ряд устойчивых к критике положений, признаваемых как в научном сообществе, так и за его пределами.

К основным научным результатам теории человеческого капитала можно отнести обоснование теорий экономического роста, доказательство значимости вложений в развитие человека, систематизацию качеств, востребованных в экономической деятельности [4].

Под человеческим капиталом понимаются «знания, навыки, умения и другие особенности, заложенные в людях, которые способствуют созданию личного, социального и экономического благополучия» [7].

Сегодня исследования человеческого капитала, в частности в области экономической социологии, доказывают, что традиционные индикаторы образования и опыта работы перестают объяснять различия в доходах и производительности труда. Стремления объяснить эти различия актуализируют расширенную трактовку человеческого капитала, фокусирующуюся не только на формальных показателях квалификации, но на и социально-личностных особенностях [5].

Человеческий капитал проявляется в социальном взаимодействии как совокупная способность и возможность совершать (воспроизводить) осмысленные действия при определенных условиях с целью получения выгоды [3]. Экономическое поведение как вид социального поведения проявляется в участии в экономической жизни общества, направленном, с одной стороны, на удовлетворение собственных потребностей и интересов, с другой стороны, на прогрессивные изменения окружающей среды. При этом обеспечение положительного экономического эффекта для отдельного человека и общества в целом обуславливается социально-личностными особенностями действующего субъекта [1]. К ним можно отнести установки экономического поведения, которые влияют на готовность совершать действия, связанные с практическим применением имеющихся знаний и навыков при взаимодействии в экономической сфере [2].

В данной статье мы сосредотачиваем внимание на таких установках экономического поведения как самоэффективность, устойчивость, агентность: самоэффективность характеризует уверенность в собственных силах при решении рабочих задач, готовность взять ответственность и ожидание благоприятного исхода; устойчивость характеризует настойчивость в достижении цели, способность, сталкиваясь с трудностями, не отступать; агентность характеризует представление человека о том, что события и процессы его жизни подконтрольны ему, что он является инициатором своих действий и несёт за них ответственность [9].

Английские исследователи, А. Гарсия-Перес и соавторы, отмечают, что источником формирования установок выступает социальный контекст, в котором находится человек, то есть любой индивидуальный или коллективный субъект из социального окружения. Влияние оказывается благотворным, когда «позитивные образцы» поведения (открытость, вовлечённость, уважение, ориентация на взаимную пользу) преобладают над негативными, тем самым поощряя воспроизводство эффективных практик [10].

Наличие высокоуровневых установок экономического поведения может свидетельствовать о направленности поведения человека на профессиональное развитие и самореализацию [11], а также может способствовать улучшению экономических результатов [12].

Г. С. Пак и Н. Ю. Бармина отмечают двойственную сущность профессионализма, рассматривая его как жизненную ориентацию, проявляющуюся в развитии собственной личности в сфере профессиональной деятельности, а также в стремлении к экономической успешности. При этом, как отмечают авторы, доминантой является собственное развитие, ориентация на неотчуждаемые свойства личности [6].

Цель исследования – проанализировать связь между жизненными результатами (связанными с работой и жизнью в целом) и установками экономического поведения.

Материалы и методы

Данные были получены в рамках социологических исследований человеческого капитала, проводившихся в 2019–2022 гг. в Тюменской области коллективом социологов Тюменского государственного университета с участием автора статьи. Сбор данных осуществлялся смешанным методом, сочетавшим печатные раздаточные анкеты и онлайн-форму (n=1700). Выборочная совокупность репрезентирует работающее население региона старше 18 лет, 43% мужчин и 57% женщин.

В данной статье будет рассмотрена подвыборка работников с высшим образованием, не являющихся руководителями, имеющих опыт работы от 5 лет (n=612).

Для измерения самооффективности, устойчивости и агентности применялся индексный метод (значения от 1 до 6). Подробнее с методикой можно ознакомиться в работе [9].

В анализе данных применялся стандартный статистический метод корреляций.

Результаты и выводы

Было выявлено, что все показатели жизненных результатов статистически значимо коррелируют со значениями индексов установок экономического поведения. В визуальном виде результаты исследования представлены на рис. 1.

Корреляции между результатами «внутри работы» (удовлетворённость работой, реализация профессионального потенциала) выше, чем корреляции с результатами «вне работы» (удовлетворённость жизнью, уверенность в будущем). Вероятно, позитивные установки более востребованы в профессиональной деятельности, чем в других сферах жизни.

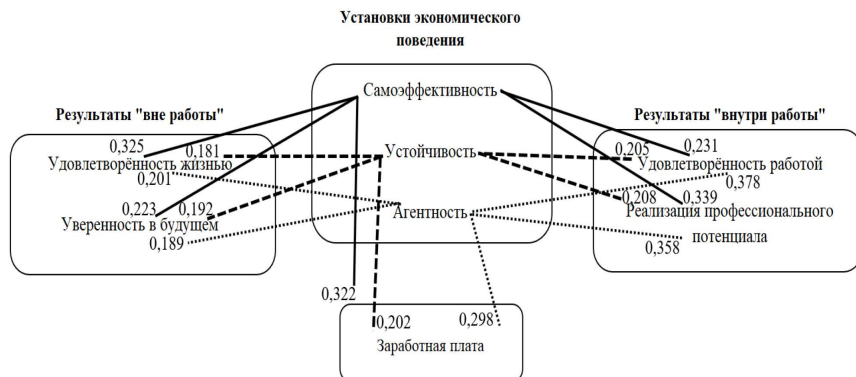

Рис. 1. Матрица корреляций установок экономического поведения с жизненными результатами (Примечание: все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$)

Самоэффективность показывает наиболее сильные корреляции. Способность к самостоятельному инициативному действию (агентность), также демонстрирует видимые корреляции с жизненными успехами. Корреляции устойчивости с достижениями оказались наименьшими.

Кроме того, можно наблюдать связь между всеми установками экономического поведения и заработной платой: по мере увеличения значений индексов самооффективности, устойчивости, агентности растут и зарботки. Это позволяет говорить о том, что социально-личностные характеристики могут выступать фактором капитализации имеющихся профессиональных знаний и навыков.

На основании проведённого анализа были получены статистически значимые подтверждения того, что установки экономического поведения связаны с жизненными результатами (как относящимися непосредственно к работе, так и находящимися вне профессиональной сферы). Этот вывод был получен на подвыборке работников с высшим

образованием, имеющих опыт работы не менее пяти лет. Уверенность в своих силах при решении рабочих задач, настойчивость в достижении профессиональных целей и личная инициатива в поведении оказываются востребованными в их профессиональной среде, которая в современных условиях характеризуется конкурентностью и динамичностью изменений.

Полученные результаты в целом соответствуют выводам других исследователей и представителей экспертного сообщества. Профессиональные работники могут получать предпочтения не столько от обладания знаниями и навыками, сколько благодаря наличию качеств, активирующих механизмы их капитализации [8].

Литература

1. Авакян А. А. Факторы активного экономического поведения современной российской молодежи // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 11–2. С. 345–348.
2. Горчакова О. Ю., Ларионова А. В., Козлова Н. В. Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи // *Психология и психотехника*. 2021. № 4. С. 15–32.
3. Зарубина Н. Н. *Экономическая социология: учебник и практикум для вузов*. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 378 с.
4. Красова Е. В. Достижения на фоне проблем: к 60-летию теории человеческого капитала // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. Серия: Экономика. 2021. № 4. С. 7-14.
5. Лагов Ю. В., Тихонова, Н. Е. (2021). Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // *Terra Economicus* 19(2): 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27
6. Пак Г. С., Бармин Н. Ю. Профессионализм как ценность // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 51–55.
7. Положихина М. А. (2021). Влияние цифровизации на формирование и использование человеческого капитала // *Социальные новации и социальные науки*. ИНИОН РАН. № 1. С. 8–34.
8. Тихонова Н. Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // *Социологические исследования*. 2020. № 10. С. 71-83.
9. Хузяметов Р. Р. Некогнитивные характеристики человеческого капитала и жизненные результаты // *Вестник Тюменского государственного университета*. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 43-57.
10. Garcia-Perez A., Cegarra-Navarro J.G., Bedford D., Thomas M., Wakabayashi S. *Human Capital Competence and Proficiency// Critical Capabilities and Competencies for Knowledge Organizations*. 2019. С. 161-172.
11. Heckman J. J., Kautz T. Hard evidence on soft skills // *Labour Economics*. 2012. № 19(4). С. 451-464.
12. Kautz T., Heckman J. J., Diris R., Ter Weel B., Borghans L. *Fostering and measuring skills: Improving cognitive and non-cognitive skills to promote lifetime success // NBER Working Paper w20749*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 2014. 91 с.

ATTITUDES OF ECONOMIC BEHAVIOR AND PROFESSIONALISM

Abstract

The paper is devoted to the study of attitudes of economic behavior as a factor of accumulation and use of human capital. The attitudes of economic behavior are considered in the context of professionalism. Article aims to analyze the relationship between life outcomes and attitudes of economic behavior. The empirical base consists of a subsample of employees with higher education, who have at least 5 years of work experience and are not managers (n=612). An index method is used to measure self-efficacy, resilience and agency. The standard statistical method of correlations is used in data analysis. Statistically significant confirmations are obtained that the attitudes of economic behavior correlate with life outcomes (both directly related to work and outside the professional sphere). The conclusions generally correspond to the deductions of other researchers and expert. Professional employees may receive preferences not so much from the possession of knowledge and skills, but due to the presence of qualities that activate the mechanism of their capitalization.

Keywords: human capital, economic behavior, attitudes of economic behavior, professionalism, self-efficacy, agency, resilience.

УДК 316.4

О. А. Шабалина

МАЛАЯ РОДИНА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация

В статье представлен анализ понятия «малой Родины» в системе ценностей простого «советского» человека на основе обобщения некоторых результатов социологического исследования, проведённого в конце 2022 года. Исследование представляет собой взаимосвязь качественного и количественного анализа эмпирического материала и включает три этапа. На первом этапе на основе традиционного классического анализа изучен личный архив простого «советского» человека Ф. Е. Достовалова (1913-1999гг.), охватывающий период с 1960г. до 1990г. На втором этапе методом полуструктурированного интервью проведены беседы с гражданами в возрасте 60 лет и старше. Третий этап отражает результаты исследования онлайн-опроса граждан в возрасте 60 лет и старше по определению ценностей «советского» человека. Теоретико-методологической опорой исследования системы ценностей выступает теория социальной действия Т. Парсонса, где ценности определяются в качестве критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив в различных системах культурной, социальной и личностной. В статье выделены основные компоненты «малой Родины», позволяющие ее определять, как устойчивый элемент в системе ценностей «советского» человека. Устойчивость понятия «малой Родины» как ценности «советского» человека исследуется через взаимосвязь понятий «Родина Советский Союз», «советский человек». Автор отмечает, что у респондента образ малой Родины имеет положительную оценку, он отождествляется с понятиями «родная деревня (поселок)», «родной город», выражается в трансляции патриотических чувств к Советскому Союзу как Родине и определяется в смысловом наполнении понятия «советский человек» такими характеристиками, как «быть честным, справедливым, добросовестно трудиться на общее благо».

Ключевые слова: советский человек, ценности, малая родина, качественное исследование, личный архив, интервью, образ деревни.

Во многом, сохраняя и продолжая традиции советской эпохи, в российском обществе актуальными стали вопросы понимания и осмысления того культурного наследия, которое осталось после распада Советского Союза. Требуют своего изучения и понимания процессы формирования ценностных, идейных убеждений советского человека в рамках регламентируемой «внешней» советской идеологии.

В статье представлены результаты социологического исследования ценностей советского человека. Исследование проходило в три этапа и включает качественные и количественные методы сбора эмпирического материала: анализ личного архива советского человека, интервью с гражданами в возрасте 60 лет и старше и опрос граждан этого же

возраста. Цель данной статьи – раскрыть понимание ценностных убеждений простого «советского» человека на примере ценности Малой Родины. Для более точного анализа определим основные понятия и обозначим ключевые методологические и методические аспекты исследования.

В теоретической модели исследования ценностей в текстах документов и анализе интервью понятие ценности определяется в соответствии с теорией социального действия Т. Парсонса как элемент, общепринятый символ системы, который используется в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив. Важным аспектом в анализе ценностей выступает согласие личности и принятие ею общекультурных ценностей [4, с. 4–5]. Также с опорой на теорию действия выделены структурные компоненты ценности, а именно эмоциональное восприятие объекта, его смысловая наполняемость и идейно-нравственная составляющая. Данные методологические аспекты необходимы, чтобы выявить (фиксировать и отличать) ценности в большом массиве текстовых материалов.

Актуальность изучения «советского» человека определяется устойчивостью данного образа в общественном сознании, так как «значительная часть соотечественников либо сама была воспитана в СССР, либо является субъектом воспитания» [8, с. 138]. Проблема исследования «советского человека» занимает значительное место в работах отечественных ученых В. Дубина, Н. Козловой, Л. Косовой, Ю. Левады, И. Сандомирской, В. Скоробогацкого, Н. Скоробогацкой, А. Согомонова, А. Титкова, А. Юрчака, В. Амирова, А. Антошина и ряда других, где представлены различные методологические условия анализа данного понятия, определены методики сбора и условия изучения. Анализируя различные теоретические подходы, мы выделяем широкий содержательный контекст понятия «советский человек», который отражает и значимые мировоззренческие вопросы, и эмоциональное восприятие советского периода, также воспроизводит как ностальгическое, так и негативное отношение к советскому прошлому. Но как правило, исследователи отмечают сложности в установлении чёткости, однозначности определения данного понятия. «Советский человек ... существует и действует он в «неопознанном» виде. И во многом потому, что и теоретические, и методологические инструменты социологического и философского анализа социальной действительности «настроены» на объекты макроисторического порядка и не схватывают ту предметность, которая располагается на порядок ниже, в области явлений микростории. К числу последних относится и феномен советского человека» [7, с. 161–167].

В рамках нашего анализа внимание обращено к исследованиям Н. Козловой личных документов советских людей, раскрывающих методологические принципы поиска и выявления в структуре эмпирических данных нарративов (личных дневников, интервью) более общие социальные закономерности развития советского общества. «Внимание уделяется не только официальному дискурсу, но и нарративам рядовых и не совсем грамотных людей... Одним из главных теоретических открытий, обретенных на этом пути, становится понимание того, что «общество держится отнюдь не только институциональными взаимодействиями» [3, с. 185].

Данные методологические условия необходимы, во-первых, для соблюдения правил и требований объективного анализа личного архива и интервью, во-вторых, в рассмотрении малой Родины как ценности простого советского человека воспроизводятся базовые структурные элементы советского общества, обеспечивающие его стабильность. Малая Родина входит в более общее понятие «Родина», которая «представляет собой идеал «прекрасного» и «любимого», включает момент эстетизации в собственной конструкции, в поэтическом мифе своего происхождения, поэтической красоте идиом» [6, с. 16]. В автономном контексте понятие «малая Родина» употребляется в воспоминаниях о детстве, родных местах (семье, доме, деревне/городе), используется в биографических материалах для уточнения социокультурных условий, в которых родился и жил человек. Образ малой Родины является сознательно конструируемым, формируется в процессе воспитания и социализации. Элементами малой Родины выступают семья, пространство дома, социальная среда, культурно-досуговая среда и природная среда [1, с. 62]. Каждый из данных элементов имеет

свою ценностную значимость для человека. В совокупности данные элементы, отражая структурные компоненты ценности эмоциональное восприятие, смысловую направленность и идейно-нравственную составляющую, способствуют формированию ценности «малой Родины» в системе личности. В рамках исследования личного архива и интервью рассмотрим наполняемость ценности «малой Родины» у советского человека.

Анализ личного архива советского человека Федора Ефимовича Достовалова (1913-1999гг.) проводится методом традиционного (классического) анализа, который позволяет осуществить «преобразование первоначальной формы информации в необходимую исследовательскую форму» [5, с. 289]. Традиционный анализ делится на внешний и внутренний. На основе внешнего анализа [5, с. 291] можно определить целостность и хронологию документов в личном архиве. Основными документами архива являются личные дневники с 1960г. до 1990 г. в количестве 21 общей тетради (10 тетрадей объемом по 48 листов, 9 тетрадей объемом по 96 листов, 2 тетради объемом по 100 листов).

Биографии Достовалова во многом отражает жизненный путь советского человека. Родился в 1913 г. в многодетной семье в деревне Суслово Курганской области. Деревню Суслово Достовалов и называл Малой Родиной. В начале 1960-х гг. деревня прекратила свое существование. По профессии Достовалов был бухгалтером, в период с 1958 г. по 1974 г. работал в должности начальника финансового отдела станции Курган Южно-Уральской железной дороги. Был членом КПСС. В 1974 г. Достовалов, выйдя на пенсию, продолжал работать в различных организациях г. Кургана. Себя Федор Ефимович описывал в дневниках так *«Я рядовой из глухомани. Партия и Родина у меня неделимы... Я не вступаю в конфликт с совестью, в угоду подлости и обмана, во имя пусть даже личных выгод»* (6 апреля 1974 г.). *«Что мне надо? Общечеловеческую норму; ту норму, которая определена Советской властью – Лениным и регламентирована общечеловеческими потребностями; то, во что я верю, а верю я, и считаю выше разума индивидуума, в законы, издаваемые от имени Советской власти, в разум партии»* (11 августа 1976 г.).

Внутренний традиционный анализ позволит отметить, что в личных дневниках концентрированно и последовательно сосредоточены ключевые смыслы, проблемы, чувства, значимые для автора архива в конкретный временной период. Систематизация текстов архивных документов осуществляется на основе выделения ключевых тем. Так тема «О Родине» включает две подтемы «о малой Родине», «об Отечестве», каждая имеет самостоятельную логику повествования и отражают взгляды, чувства и ценностные убеждения Ф. Е. Достовалова.

Изучение темы «малой Родины» в текстах автора архива позволит определить устойчивость образа, и проследить его наполняемость с течением времени. Основанием для выделения записей о малой Родине выступили эмоциональная и смысловая насыщенность текстов (тема о родной деревне посвящено 6 стихов и 8 рассказов, общим объемом 55 страниц печатного текста), систематичность записей в личных дневниках (тема о родной деревне раскрыта в общем объеме на 25 страницах дневников), отражение мировоззренческой, ценностной позиции автора архива как советского человека. Содержательное описание образа малой Родины включает три компонента: воспоминания о родной деревне, посещение деревень Курганской области в 1960–1980-х годах и поэтическое описание деревенского образа жизни и живописных мест.

Воспоминания о родной деревне связаны с детскими воспоминаниями о событиях, произошедших в родной деревне в годы Гражданской войны. События в родной деревне автор архива называет трагическими, описывает их эмоционально, используя знаки восклицания, подчеркивания. *«Я вспомнил деревню: она была маленькой и бедной, стояла на пригорке и на крутом берегу. Я говорю «стояла»: ее больше нет. Она наполовину белыми была сожжена и после не восстановилась в своих прежних габаритах, а сейчас парей, бурьян и крапива»* (11 февраля 1962 год.). В дневнике 1966-1967г. на восьми страницах описывает установление Советской власти в деревне *«...известно, что чехи и колчаковцы отступали на Восток ... их последнее отступление захватило и деревеньку Суслову... Что тут особенного? Советская*

власть в наших деревнях была установлена несколько позднее, чем в Ленинграде, Москве и др. крупных районах страны... Во главе ее (деревни, прим. О. А. Шабалиной) стал житель Сусловой Буздуков Степан ... В 1919 году Буздуков Степан был расстрелян беляками. Перед смертью он крикнул «Я коммунист, гибну коммунистом за наше святое дело!» (5 апреля 1967 г.). Описываемые события тех лет подтверждаются в исторических исследованиях гражданской войны на Урале. В Зауралье установление советской власти имело затяжной характер, отмечался критический уровень в здравоохранении, народном образовании и системе социального обеспечения [2, с. 80–82]. В дневниках Ф. Достовалова также есть записи о тяжелом положении деревни «1921 год – голод, ели рожки из озера. Мне обычно в качестве одежды доставались обноски сестры... В последние годы жизни в деревне мне сшили пальто из конопляной самоткани» (5 апреля 1967г.). Описание событий в деревни у Достовалова связано с выражением беспокойства, тревоги, но в то же время выражают надежду на будущее. Смысловая наполняемость ценности малой Родины наблюдается в убежденности автора архива в исторической значимости данных событий и стремлении сохранить память о подвигах ее жителей. Мы считаем, что данные воспоминания способствовали формированию у Достовалова образа «советского» человека «*поступать по совести и в соответствии с идеалами коммунизма*».

Анализируя интервью с жителями Курганской области (n=72) в возрасте 60 лет и старше отмечаем, что большинство респондентов (63%) имели опыт сельской жизни, и их истории о деревне во многом подтверждают записи в личном архиве. «*Моя малая Родина – это деревня в Донецкой области. Сколько вытерпела моя земля за свою жизнь не пожелаешь никому. Я прожила большую часть жизни в Кургане (по распределению после учебы направили) и видела с каким трудом, энергией и там и здесь налаживалась стабильная хорошая жизнь для наших людей*» (интервью № 14, Нина, 74 года); «*Конечно, жизнь в деревне была не легкой. Работали за трудодни, денег не платили, паспортов у колхозников не было, уехать невозможно, работать тяжело. Но как-то все жили, ничего. Потом уже стало легче и можно было уехать из деревни. Мы и уехали в город, но через год вернулись. Дом построили. В начале 1990-х уехали навсегда, когда стало понятно, что ни работы, ни будущего там не будет*» (интервью № 21, Виталий, 73года.)

Посещение (или возвращение) родных мест является частью содержательную описания ценности малой Родины. Автор архива и респонденты при описании родных мест обращают внимание на условия и порядок быта. В дневниках Достовалов, описывая быт и материальные условия жизни в посещаемых им деревнях, отмечает, что после тяжелых разрушений жизнь налаживается. «*Посетил Терпугову. Проехал по Шастовой, Секисовой, Широковой, Мокино, Песьяно, Боровой, Белозерке. Везде жизнь. Одежды, сыты, Пируют*» (16-17-18 апреля 1967 г.); «*был на Щучье... Все проеханные деревни – глубокая старина! Новое – тракторы, одежда и обувь на людях; это указывает на то, что люди живут материально хорошо*» (27 ноября 1967 год). В период 1974-1980-х гг. в дневниках появляются записи о снижении уровня жизни жителей деревень и изменения во внешнем облике «*Ездили в Терпугову. Внешний вид! Пока убогий. Мостик через Суерь... набросаны жердочки ... Культура-то пока мала. Лишь богатая жизнь...»* (2–3 августа 1974г.); «*...Заезжали в Шастово с западной стороны. Въезд – сплошные колдобины, а среди этих «колдобин» вкось - вкривь – памятник! В самой деревне непролазная грязь. И на фоне этого всего – монумент неизвестности!»* (13 августа 1980 г.).

В интервью респонденты также отмечают изменения в условиях жизни в родных местах (деревне/городе), сравнивая «как было «хорошо, уютно, чисто» в родных местах» и «как постепенно становилось все хуже». «*Мой отец погиб в войну, а мы с мамой жили в деревне Чумляк. Я уехала в 1975 году учиться в Курган. Мне так было плохо в городе, я так хотела обратно в деревню. В селе был идеальный порядок, улицы были аккуратные, кругом цветы. На каждой улице был старший. В селе было безопасно, двери домов в деревне никогда не закрывались. Но потом уже ближе к распаду все стало хуже*» (интервью № 5, Галина, 65 лет.); «*Я всю жизнь прожила в сельской местности. В сравнении с сегодняшней деревней, конечно, раньше в деревнях был порядок. На сельсовете была ответственность за школу,*

клуб, детский сад, библиотеку. Следили за порядком на улицах, в быту. А потом уже все начало разрушаться, сельсоветы теряли свое влияние, люди начали вести себя развязно, пьянство. Жаль, что все развалилось» (интервью № 22, Людмила, 68 лет.)

Негативные эмоции, которые наблюдаются у респондентов и в текстах архива при описании упадка жизни в родных местах, отражают безразличное отношение к малой Родине. Причины увядания, упадка в деревнях/малых городах видятся во внешних социальных условиях. Неоднократно у респондентов встречается фраза «не убереди». «Колхозная деревня. Кто тебя с таким трудом и жертвами создал и так надругался бесцеремонно, как будто все шутя, нарочно» (20 ноября 1988 г.). При этом сохраняется устойчивость положительного эмоционального и смыслового, нравственного контекста ценности малой Родины. Поэтому в описании родных мест неоднократно встречается обращение к самобытной красоте природы.

По результатам онлайн-опроса о ценностях «советского» человека, проводимого автором статьи в августе-ноябре 2022 года среди российских граждан в возрасте 60 лет и старше, показал, что 90% респондентов идентифицируют себя с понятием «советский человек». Основными причинами поясняющие данную идентификацию выступили, то, что респонденты родились и выросли в Советском Союзе (51%), им было «легко и понятно жить в советский период» (34%), и Советский Союз является для них Родиной (25%). Количественные данные подтверждает выявленную устойчивость ценности малой Родины в интервью и личных дневниках.

Таким образом, анализируя наполняемость ценности «малой Родине» в конструкте «советского» человека отмечаем, что на ее устойчивость влияет, во-первых, осмысление и понимание роли, значимости родных мест (деревни/города) в исторических событиях. Во-вторых, безразличное, участливое отношение к событиям, происходящим на малой Родине, и в-третьих, это потребность видеть красоту природы родных мест.

Литература

1. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие. 2020, № 3. С. 60–66.
2. Васильковский О. А., Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны (1918–1920): Учеб. пособие. Свердловск: УрГУ, 1984. с. 96.
3. Дмитриев Т. «Переписывая» советское прошлое: о программе исследований «советского человека» Н. Н. Козловой // Социологическое обозрение. 2017. №1. С. 183–226.
4. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чеснаковой и С. А. Белановского. – М.: Академический Прокет, 2002. с. 832.
5. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. с.480.
6. Сандомирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // Интер. 2004. № 2–3. С. 16–26.
7. Скоробогачкая Н. А. Советский человек: структура и генезис// Личность и общество: нравственная идея в ценностном мире современного человека: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Мокроносовские чтения-2017» (г. Екатеринбург, 25 ноября 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 161–167.
8. Шабалина О. А. Личные дневники “советского” человека: опыт качественного исследования // Социс. 2016. № 4. С. 138–141.

O. Shabalina

SMALL MOTHERLAND IN THE VALUE SYSTEM OF THE SOVIET PERSON: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract

The analysis of the concept «small Homeland» is part of a sociological research about the values of the Soviet man. This research includes three stages. The first stage is a study of the personal archive of the

Soviet man F.E. Dostovalov. The second stage is an interview with people over 60 years old and the third stage is an online survey of people over 60 years old. The theoretical basis is T. Parsons' theory of action. Values are a criterion or standard for choosing from the available alternatives. In the article, we will consider the components of the stability of the "small Motherland" in the value system of the "Soviet" person. We study the relationship between the concepts of "Soviet man" and "Homeland". A small homeland has a positive characteristic and is defined as a "native village", "hometown". The value of a small Homeland conveys the patriotic feelings of a Soviet person.

Keywords: soviet man, values, small homeland, personal archive, analysis of personal documents, interviews.

РАЗДЕЛ 4. КУЛЬТУРА СЕМЬИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 314.15

А. П. Багирова, А. С. Вавилова

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ О ПОДДЕРЖКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КОРПОРАТИВНОМ УРОВНЕ

Аннотация

Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала является одним из ключевых национальных приоритетов, зафиксированных в указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Особое внимание в рамках этого направления национальной безопасности уделяется вопросам поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. В плоскости решения данного вопроса лежат исследования отечественных ученых о возможности включения в решение данных приоритетных демографических задач социального института бизнеса. Эти исследования выявляют наиболее перспективные меры поддержки российских семей, которые могли бы быть включены в корпоративные концепции социальной ответственности бизнеса. При этом важным представляется само внимание работодателя к семьям работников, восприятие работников как людей с семейными обязанностями и включение этих идей в корпоративную культуру организаций. Зарубежные исследования показывают, что реализация корпоративной демографической политики влияет на эффективность деятельности организаций и повышение привлекательности таких организаций как работодателей; повышает уровень удовлетворенности и лояльности персонала; снижает текучесть кадров. В этих исследованиях изучается поддержка работников, уже выполняющих родительские функции. Мнение молодых людей – будущих субъектов профессионального и родительского труда – практически не изучено. Нами проведен социологический опрос российских студентов, реализованный на основе следующих групп эмпирических индикаторов: оценка осведомленности студентов о возможных мерах корпоративной демографической политики; представления о мерах, необходимых для поддержки работников с детьми на рынке труда; мнение о необходимости внедрения дополнительных мер поддержки сотрудников с детьми в организациях; оценка влияния корпоративных мер демографической политики на репродуктивные планы студентов; оценка влияния корпоративных мер демографической политики на процесс совмещения семьи и работы. Полученные данные могут дополнить представления ученых и практиков молодежной политики об ожиданиях российской студенческой молодежи от рынка труда, их мотивации к профессиональному и родительскому труду, могут расширить представления о возможностях совершенствования государственной демографической политики и задач бизнеса в формировании человеческого капитала для устойчивой корпоративной среды.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика, поддержка сотрудников, родительский труд, российские студенты, социологический опрос.

Сбережение российского населения и развитие человеческого потенциала является одним из ключевых национальных приоритетов, зафиксированных в указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Особое внимание в рамках этого направления национальной безопасности уделяется вопросам поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

В плоскости решения вопроса развития человеческого потенциала путем поддержки семьи, материнства, отцовства и детства лежат исследования отечественных ученых о возможности включения в решение данных приоритетных демографических задач социального института бизнеса [3, 4]. В этих исследованиях выявлены наиболее востребованные и перспективные меры поддержки российских семей. К ним относятся меры по обеспечению жизни и здоровья работников; меры, направленные на уважение семейных обязанностей работников и достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки. Отметим, что крайне важным и первостепенным представляется само внимание

работодателя к семьям работников, восприятие работников как людей с семейными обязанностями и включение этих идей в корпоративную культуру организаций [1].

Зарубежные и отечественные исследования показывают, что реализация корпоративной демографической политики влияет на эффективность организаций и повышение привлекательности таких организаций как работодателей [2; 7; 9]; повышает уровень удовлетворенности и лояльности персонала [5; 8]; снижает текучесть кадров [6].

В этих исследованиях изучается поддержка работников, уже выполняющих родительские функции. Мнение молодых людей – будущих субъектов профессионального и родительского труда – практически не изучено. Между тем, представляется, что данные о мнении студентов о поддержке демографической политики на корпоративном уровне могут дополнить представления ученых и практиков молодежной политики об ожиданиях российской студенческой молодежи от рынка труда, их мотивации к профессиональному и родительскому труду, могут расширить представления о возможностях совершенствования государственной демографической политики и задач бизнеса в формировании человеческого капитала для устойчивой корпоративной среды.

В период с декабря 2022 по февраль 2023 года нами был проведен пилотный социологический опрос, в ходе которого были опрошены 120 студентов и работающих студентов, проживающих в Сибирском и Уральском федеральных округах. Сбор данных осуществлялся по конформной выборке, квоты по федеральным округам были рассчитаны по полу и возрасту. Сбор ответов осуществлялся онлайн с помощью сервиса Google Forms.

Перечень эмпирических индикаторов включал в себя следующие группы:

- 1) Информированность студентов о существовании конкретных мер корпоративной демографической политики;
- 2) Оценка полезности конкретных мер корпоративной демографической политики ее будущим получателями;
- 3) Оценка демографической эффективности различных мер корпоративной демографической политики.

Собранные в ходе опроса данные показывают, что более половины респондентов информированы о существовании в российских организациях мер поддержки работников с семейными обязанностями, подавляющее большинство опрошенных студентов разделяют мнение о том, что работодатель должен обеспечивать поддержку работников с семейными обязанностями (табл. 1).

Таблица 1
Информированность и представление о необходимости корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями

Значения	Доля респондентов, %
Знание о наличии корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями	
Знают	68,4
Не знают	15,4
Затруднились ответить	16,2
Представление о необходимости обеспечения со стороны работодателя поддержки работников с семейными обязанностями	
Да	40,2
Скорее да	37,6
Скорее нет	7,7
Нет	0,9
Затрудняюсь ответить	13,7

Источник: составлено авторами

Оценка информированности студентов о существовании тех или иных мер корпоративной демографической политики показала, что они в целом осведомлены о наличии в российских организациях-работодателях мер подобного характера. Наибольший уровень информированности зафиксирован по следующим мерам корпоративной демографической политики:

1) *Направление «Обеспечение жизни и здоровья работников»:* диспансеризация сотрудников, бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря, бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей, оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»);

2) *Направление «Уважение семейных обязанностей работников»:* новогодние праздники для детей сотрудников, возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков), возможность удаленной работы, дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми, выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе, места в детских садах или школах для детей сотрудников;

3) *Направление «Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки»:* дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка; дополнительные (помимо государственных) выплаты семьям с детьми до 3-х лет, многодетным семьям; разовая материальная помощь при подготовке детей к началу учебного года; помощь в приобретении жилья молодым семьям.

Самыми полезными мерами, которые могут способствовать эффективному совмещению работы и семьи, а также иметь потенциал влияния на принятие решения о рождении ребенка молодыми людьми, были названы следующие: помощь в приобретении жилья молодым семьям; возможность удаленной работы; дополнительная (помимо государственной); единовременная выплата при рождении ребенка; возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды); диспансеризация сотрудников; оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»); возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков).

Таким образом, мы можем говорить о том, что российские студенты осведомлены о возможностях поддержки сотрудников и их семей работодателями. В качестве полезных, востребованных и эффективных они упоминают меры, относящиеся ко всем ключевым направлениям поддержки семейных сотрудников.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Литература

1. Багирова А. П., Вавилова А. С. Корпоративная политика, ориентированная на семью работников: реалии и возможности развития в российских организациях // Управленец. 2022. Т. 13. № 5. С. 34–48. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-5-3>
2. Громова Н. В. Лояльность персонала как фактор обеспечения конкурентоспособности российских компаний // Современная конкуренция. 2-2. Т. 14. № 2 (78). С. 60–78. <https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72>
3. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Багирова А. П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 151–164. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

4. Шубат О. М. Российский бизнес как потенциальный субъект эффективной демографической политики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 26. С. 45–53.

5. Bourhis A., Mekkaoui R. Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? & Relations Industrielles. // Industrial Relations. 2010. vol. 65, no. 1, pp. 98–117.

6. Lee S-Y., Hong J. H. Does Family-Friendly Policy Matter? Testing Its Impact on Turnover and Performance // Public Administration Review. 2011 vol. 71, no. 6, pp. 870–879.

7. Mullins L., Chabonneau E., Ricucci N. The Effects of Family Responsibilities Discrimination on Public Employees' Satisfaction and Turnover Intentions: Can Flexible Work Arrangements Help? // Review of Public Personnel Administration. 2022. vol. 41, no. 2, pp. 384–410. <https://doi.org/10.1177/0734371X19894035>

8. Nevin D., Simge D., Öznur G. E. The Woman-Friendly Organization- Effects of Demographic Variables on Women Employees' Perception about Their Companies on Work and Family-Oriented Woman-Friendly HRM: A Study in Banking Industry in Turkey // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2012. vol. 41, pp. 477–484. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187704281200938X>

9. Wong K., Chan A. H. S., Teh P.-L. How is work–life balance arrangement associated with organizational performance? A meta-analysis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. vol. 17, no. 12, pp. 1–19. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124446>

A. Bagirova, A. Vavilova

RUSSIAN STUDENTS ON SUPPORT OF DEMOGRAPHIC POLICY AT THE CORPORATE LEVEL

Abstract

The saving of the people of Russia and the development of human potential is one of the national priorities, fixed in the Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 N 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Particular attention is paid to issues of family and childhood support. In the plane of solving this issue lies the research of domestic scientists on the possibility of including the social institution of business in the solution of priority demographic tasks. These studies identify the most promising measures to support Russian families that are suitable for inclusion in the concept of corporate social responsibility. Foreign studies show that the implementation of corporate demographic policy affects the efficiency of organizations and increases their attractiveness as employers. These studies examine support for workers who are already parenting. The opinion of future subjects of professional and parental labor has not been practically studied. We conducted a sociological survey of Russian students based on the following groups of empirical indicators: assessment of students' awareness of possible measures of corporate demographic policy; perceptions of the measures needed to support workers with children in the labor market; opinion on the need to introduce additional measures to support employees with children in organizations; assessment of the impact of corporate demographic policy measures on the reproductive plans of students; assessment of the impact of these measures on the process of combining family and work. The data obtained can complement the ideas of scientists and practitioners of youth policy on the expectations of Russian students from the labor market, their motivation for professional and parental work, expand their understanding of the possibilities for improving the state demographic policy and business objectives in the formation of human capital for a sustainable corporate environment.

Keywords: corporate demographic policy, employee support, parenting, Russian students, sociological survey.

КОРПОРАТИВНЫЕ МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ СЕМЬЕЙ И РАБОТОЙ

Аннотация

Статья посвящена изучению корпоративной демографической политики как одного из факторов снижения конфликта между семьей и работой. На основе исследования работающих женщин с детьми, проведенного в ноябре 2022 г. – январе 2023 г. (n=635) автор делает вывод о перспективах развития корпоративной демографической политики в России. Несмотря на то, что корпоративные меры поддержки сотрудников с семейными обязанностями слабо распространены в отечественной практике, работники говорят о необходимости поддержки сотрудников с семейными обязанностями со стороны работодателя. По мнению работников, корпоративная поддержка не только формирует благоприятный социально-психологический климат в компании, но и способствует нивелированию конфликта между семьей и работой. Полученные результаты могут быть использованы для разработки нового направления демографической политики, подразумевающего поддержку лиц с семейными обязанностями не только на государственном, но и на корпоративном уровне.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика, конфликт между семьей и работой, работники с семейными обязанностями, баланс между семьей и работой, работодатель.

Вторая половина двадцатого века ознаменовала начало перехода от традиционной гендерной парадигмы к модели гендерного равенства. Женщины активнее вовлекались в экономическую деятельность и наравне с мужчинами пытались выстраивать профессиональную карьеру. Традиционный гендерный контракт, согласно которому мужчина выступал единственным кормильцем в семье, а женщина возлагала на себя обязанности по уходу за домом и воспитанию детей, постепенно начал уходить в прошлое [1, с. 31]. К началу нынешнего столетия семья с двумя работающими супругами стала социальной нормой.

Участие индивидов одновременно в профессиональной и семейной сферах жизнедеятельности обусловило появление распространенного на сегодняшний день социального феномена – конфликта между семьей и работой (Work-family conflict – WFC). Под конфликтом между семьей и работой понимается форма межролевого конфликта, когда участие в одной из сфер препятствует реализации функций в другой сфере [2, с. 80]. Считается, что такая форма конфликта особенно характерна для женщин – несмотря на популяризацию эгалитарной модели брачно-семейных отношений, женщина остается главным провайдером родительских и хозяйственно-бытовых услуг в семье. Тем не менее, многие исследователи утверждают, что конфликт между семьей и работой актуален не только для женщин, но и для мужчин [3, с. 230]. Это, в том числе, объясняется пересмотром роли отца и распространением идеи активного отцовства – современные мужчины стараются активнее участвовать в реализации родительских и домашних функций.

Конфликт между семьей и работой может развиваться в двух направлениях – от работы к семье (work-family conflict) и, наоборот, от семьи к работе (family-work conflict) [4, с. 1013]. В первом случае интенсивная занятость на рынке труда препятствует выполнению домашних обязанностей – из-за нехватки времени, физических или эмоциональных ресурсов. Во втором случае высокая домашняя нагрузка не позволяет закрывать профессиональные задачи. WFC носит деструктивный характер. Он негативно сказывается на физическом и психологическом здоровье человека, провоцируя профессиональное выгорание, высокий уровень стресса, неудовлетворенность жизненными сферами, затяжную депрессию и пр. Конфликт между семьей и работой может пагубно сказываться на работоспособности индивида и его взаимоотношениях с членами семьи [5].

Более того, исследователи отмечают, что WFC может провоцировать снижение рождаемости. Молодые девушки репродуктивного возраста чаще всего находятся в стадии поиска работы или выстраивания карьеры. Осознавая издержки, которые может повлечь за

собой совмещение одновременно профессиональных и родительских функций, многие из них откладывают деторождение на более поздний срок, а некоторые осознанно отказываются от родительства [6]. Молодые люди, по мнению исследователей, следуют принципу рационального баланса между затратами и издержками – в краткосрочной перспективе выгоды от рождения ребенка неясны, в то время как издержки (профессиональные, экономические, временные, физические и эмоциональные) представляются весьма существенными [7, с. 13].

В зарубежных странах в последнее десятилетие особую популярность набирает так называемая «family friendly policy» (дословно – политика, дружественная семье). Эта политика направлена на обеспечение баланса между семьей и работой и поддержку сотрудников с семейными обязанностями на корпоративном уровне (предоставление родительских отпусков, установление гибкого рабочего графика, наличие корпоративных детских садов и пр.) [8]. В российских компаниях корпоративные меры поддержки работников с детьми практически не реализуются, однако некоторые организации начинают интегрировать механизмы family friendly policy в свою повседневную практику. Отечественные исследователи говорят о перспективах формирования в России корпоративной демографической политики, способствующей повышению уровня баланса между семьей и работой и преодолению негативных демографических тенденций [9, с. 3].

Цель настоящей работы – проанализировать перспективы развития корпоративной демографической политики в России как одного из факторов преодоления конфликта между семьей и работой.

Эмпирической базой исследования послужили данные опроса работающих женщин с детьми, проведенного в ноябре 2022 г. – январе 2023 г. (n=635). Опрос был посвящен изучению степени распространенности мер корпоративной демографической политики в российских организациях. Распределение респондентов, возрасту и количеству детей представлено в табл. 1.

Таблица 1

Структура женщин по возрасту и количеству детей

Переменная	Показатель	
Количество детей, %	Один ребенок	37
	Два ребенка	51
	Три ребенка	10,5
	Четыре ребенка	1,5
	Всего	100
Средний возраст, лет	45,67	

Рассчитано: собственные расчеты автора

Сбор данных осуществлялся онлайн с помощью сервиса Google Forms. Анализ собранных данных проводился в программе IBM SPSS 23.0.

Опишем полученные результаты.

1. Подавляющее большинство респондентов (85,8%) считают, что работодатель должен обеспечивать поддержку сотрудникам с семейными обязанностями. Однако только 43% опрошенных женщин признались, что в их организациях существуют подобные меры – наиболее распространенными из них оказались диспансеризация персонала, организация новогодних праздников для детей сотрудников и возможность работы в режиме неполного рабочего дня (табл. 2).

Таблица 2

Наиболее распространенные меры поддержки сотрудников с семейными обязанностями, реализуемые в российских компаниях

Меры поддержки	% ответивших
Диспансеризация сотрудников	44,8
Новогодние праздники для детей сотрудников	31,4
Возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков)	29,8
Выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе	20,8
Возможность удаленной работы	17,2
Дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми	13,6
Места в детских садах или школах для детей сотрудников	13,6
Дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка	12,3
Бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря	10,9
Выходной день отцам по случаю рождения ребенка	9,1

Рассчитано: собственные расчеты автора

2. Более трети респондентов (39,4%), в чьих организациях реализуются некоторые меры поддержки работников с семейными обязанностями, признались, что существующих мер недостаточно. Еще 38% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. При этом каждый второй опрошенный работник отметил, что его компания нуждается в дополнительных мерах поддержки сотрудников с детьми.

3. Мы попросили респондентов оценить ряд утверждений о совмещении работы и родительства по 5-балльной шкале, где 1 – совершенно не согласен, а 5 – совершенно согласен. На основе полученных данных мы вычислили индекс согласия респондентов с утверждениями о профессиональной деятельности работников с детьми. Результаты демонстрируют, что корпоративные меры поддержки воспринимаются сотрудниками в качестве одного из факторов, способствующих оптимальному совмещению семьи и работы (табл. 3).

Таблица 3

Индекс согласия респондентов с утверждениями о совмещении работы и родительства

Утверждение	Средняя
Поддержка сотрудников с детьми со стороны работодателя формирует благоприятный социально-психологический климат внутри коллектива	4,37
Позитивное отношение руководства компании к сотрудникам, имеющим детей, напрямую влияет на производительность труда	4,29
Оказываемая работодателем поддержка сотрудникам с детьми позволяет легче совмещать профессиональную и семейную сферы жизни	4,23
Работники предпочитают устраиваться в компании, где есть меры поддержки сотрудников с детьми	3,92
Работодатель наравне с государством должен оказывать поддержку работникам с детьми	3,74
Поддержка работодателем «семейных» работников не сказывается на их профессиональных результатах и производительности труда	2,94

Продолжение таблицы 3

Утверждение	Средняя
Благоприятный социально-психологический климат внутри коллектива никак не зависит от того, какие меры поддержки оказывает работодатель своим «семейным» сотрудникам	2,81
Наличие в организации мер поддержки работников с детьми не влияет на лояльность сотрудников к компании	2,75
Для того, чтобы легко совмещать семью и работу, необязательно получать поддержку со стороны работодателя	2,59
Работников с детьми должно поддерживать государство, работодатель не должен иметь к этому никакого отношения	2,44

Рассчитано: собственные расчеты автора

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что корпоративные меры поддержки сотрудников с семейными обязанностями лишь начинают формироваться в российских компаниях. На сегодняшний день это далеко не популярная практика. При этом наиболее распространенные меры поддержки, реализуемые в отечественных организациях в настоящее время (диспансеризация персонала и новогодние подарки для детей сотрудников), вряд ли способствуют снижению уровня конфликта между семьей и работой. Более действенные механизмы нивелирования конфликта (например, гибкий график работы, возможность удаленной работы, предоставление мест в корпоративных детских садах и пр.) распространены в меньшей степени.

Между тем, работники признают необходимость поддержки лиц с семейными обязанностями на корпоративном уровне и говорят о недостаточности существующих механизмов стимулирования таких сотрудников. По мнению работников, оказываемая работодателем поддержка не только формирует благоприятный социально-психологический климат в компании, но и способствует более сбалансированному совмещению профессиональной и семейной жизненных сфер.

Полученные нами результаты могут быть использованы для разработки нового направления демографической политики, подразумевающего поддержку лиц с семейными обязанностями не только на государственном, но и на корпоративном уровне. Реализация комплексной политики может способствовать повышению уровня баланса между семьей и работой и преодолению негативных демографических тенденций в России.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Литература

1. Рождественская Е. Ю. Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3 (151). С. 27–47.
2. Greenhaus J. H., Beutell N. J. Sources of conflict between work and family roles // Academy of Management Review. 1985. Vol. 10. No. 1. Pp. 76-88. DOI: 10.5465/amr.1985.4277352
3. Shreffler K. M., Pirretti A. E., Drago R. Work–family conflict and fertility intentions: Does gender matter? // Journal of Family and Economic Issues. 2010. Vol. 31. Pp. 228-240.
4. Reimann M., Schulz F., Marx C. K., Lükemann L. The family side of work-family conflict: A literature review of antecedents and consequences // Journal of Family Research. 2022. Vol. 34(4). Pp. 1010-1032.

5. Obrenovic B., Jianguo D., Khudaykulov A., Khan M. A. S. Work-family conflict impact on psychological safety and psychological well-being: A job performance model // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00475

6. Jiang M., Wu Z., He B., Tu A., Wu Y. Effect of Work–Family Conflict on Three-Child Fertility Intention of Working Women of Reproductive Age under the Background of Active Reproductive Support: The Moderating and Mediating Effects of Anxiety Disorders and Life Stress // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. DOI: 10.3390/su142114615

7. Kane D., Li K. Fertility cultures and childbearing desire after the Two-Child Policy: evidence from southwest China // *Journal of Family Studies*. 2021. Pp. 1-19.

8. Yadav V., Sharma H. Family-friendly policies, supervisor support and job satisfaction: mediating effect of work-family conflict // *Vilakshan-XIMB Journal of Management*. 2021.

9. Багирова А. П., Вавилова А. С. Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // *Human Progress*. 2021. Т. 7. № 2.

N. Blednova

CORPORATE MEASURES OF DEMOGRAPHIC POLICY AS A FACTOR OF REDUCING WORK-FAMILY CONFLICT

Abstract

The article is devoted to the study of corporate demographic policy as one of the factors for reducing work-family conflict. Based on a study of working women with children conducted in November 2022 - January 2023 (n=635), the author concludes about the prospects for the development of corporate demographic policy in Russia. Despite the fact that corporate measures to support employees with family responsibilities are not widespread in Russian practice, respondents say about the need for employers to support employees with family responsibilities. According to employees, corporate support not only creates a favorable social and psychological climate in the company, but also helps to reduce the level of work-family conflict. The results obtained can be used to develop a new direction of demographic policy, which implies support for workers with family responsibilities not only at the state, but also at the corporate level.

Keywords: corporate demographic policy, work-family conflict, workers with family responsibilities, work-family balance, employer.

УДК 316.346.32

И. Л. Грошев, И. А. Грошева

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БУДУЩЕГО ПАРТНЁРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ

Аннотация

В статье авторы рассматривают особенности и структурные элементы социального портрета партнёра для семейных отношений, на который ориентируется молодёжь в определении потенциального избранника. Представлены данные исследования, которые демонстрируют высокий уровень практичности и прагматичности в подборе партнёра со стороны представителей обоих полов. Выявленный рост актуализации вероисповедания и национальной идентичности позволяет говорить о росте социальной напряжённости в молодёжной среде, обусловленный, в том числе, спецификой современной информационной среды. В то же время результаты опроса показывают достаточно высокий уровень дивергенции в отношении предпочитаемых морально-нравственных качеств, что свидетельствует о наличии рассогласованности при формировании межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: молодёжь, семья, межличностное взаимодействие, брачные установки, социальные коммуникации.

В эпоху постмодерна формируется новая социальная реальность, бытие становится неустойчивым, характеризуется изменчивостью, и в этих условиях человек формирует новую жизненную стратегию, постоянно требующую переосмысления жизненного опыта и дальнейшего самоутверждения. Культурный плюрализм становится предпосылкой для

выбора жизненного стиля поведения молодёжи. Э. Гидденс, обращаясь к особенностям формирования социальной идентичности в позднем модерне, выделил фрагментацию и унификацию. Жизненный опыт индивида одновременно находится под влиянием обоих названных процессов. При этом приходится приспосабливаться к различным событиям и формам опыта, что беспредельно умножает контекст взаимодействия и размывает идентичность [2]. По мнению ряда исследователей, ценность брака среди молодёжи неуклонно снижается при росте популярности неформальных отношений (Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачёва, В. Е. Черникова и др.).

В то же время европейские исследователи определяют современный брак как превалирование партнёрских отношений на взаимовыгодной основе. Распространение идеи социальной полигендерности, в рамках которой взаимоотношения между людьми могут быть построены в любых гендерных комбинациях на различных нормативных основаниях, в свою очередь привели к деградации мотивов и стимулов к вступлению в систему официальных брачных отношений. Причина снижения роли формального брака была описана исследователями в рамках ряда факторов социальной среды.

1. Накопление личного имущества и материального блага, пользование которым наиболее оптимально в отсутствии постоянного партнёра.

2. Учитывая тот факт, что выживание в современном обществе стало возможным в одиночестве, его естественным следствием стало повышение качества требований к партнёру, что осложнило его поиск и повысило риск негативного исхода построения отношений.

3. Укрепление независимости женщины в рамках движений по достижению гендерного равноправия в свою очередь сталкивается с ожиданиями мужчин, которые зачастую тяготеют к традиционной патриархальной парадигме.

4. Образ семьи в медиа в значительной мере заменён на концепцию индивидуального поступка (героические образы), в то время как среди сериалов и иной медиа-продукции для молодых людей в 62,4 % случаев освещаются свободные виды межличностных отношений [4].

5. Воспитание детей в современных условиях становится более затратным как с точки зрения финансовых средств, так и с позиции иных видов ресурсов. Дивергенция установок на постоянное саморазвитие, получение удовольствия и фактической невозможности их реализации на ранних этапах воспитания детей создаёт когнитивный конфликт, который, в большинстве случаев решается в пользу наиболее лёгкого в исполнении сценария.

6. Уровень толерантности в обществе в целом по различным показателям постепенно снижается. Несмотря на агитационную кампанию относительно гендерных образов, национальный фактор, гражданская идентичность вызывает у молодых людей всё больший отклик на фоне информационной политики с учётом развития специальной военной операции.

Снижение актуальности формального закрепления брака в молодёжной среде подтверждается и отечественной статистикой. Число браков в России за май 2022 года составило 44,7 тыс., что на 1,8 тыс. меньше, чем год назад. При этом число разводов выросло на 19,9 % и составило 58,7 тыс. в мае 2022 года, следует из данных Росстата о естественном движении населения за май 2022 года. В дополнение к увеличению расторжений брака следует отметить устойчивый рост доли неполных семей. В России неполные семьи из двух человек преобладают (43,6 %), семьи из трех человек составляют 33 %, из четырех человек – 14,3%, из пяти и более человек – 9,1 % [1]. Сохранение негативного восприятия неполной семьи (как не полноценной или проблемной с позиции одного из супругов) также стимулирует молодёжь избегать создания семейных отношений в принципе во избежание риска отказа партнёра от выполнения обязательств.

Следует отметить тот факт, что показатели также усугубляются деформацией установок ввиду специфики системы финансовой поддержки населения. Повышение количества разводов в регионах с высоким уровнем сохранения традиционных устоев было в значительной мере сопряжено с возможностью одиноким родителям получить дополнительную финансовую помощь. Однако в целом, если рассматривать мотивационный компонент, отказ от семейных отношений в пользу собственного комфорта является

достаточно устойчивым трендом [3, с. 79]. Таким образом, разнонаправленные тенденции могут оказывать неоднозначное влияние на образ предпочитаемого партнёра в особенности в сфере создания семьи и брака.

Ценности индивидуализма и независимости, стремление к самореализации, характеризующие постмодерн, оказывают неоднозначное влияние на формирование семьи. В связи с этим представляет интерес эмпирическое исследование образа будущего партнёра и его влияния на брачно-семейные установки в молодёжной среде.

Особенного внимания заслуживают результаты социологического исследования «Культурное наследие и связь поколений», проведенного в 2022 году по инициативе Российского общества социологов (N=9751, респонденты от 18 до 20 лет, из них девушки – 64%, юноши – 36%. Метод опроса: онлайн-анкетирование с использованием Google-форм). В ходе анализа ответов на вопросы: «С кем Вы предпочитаете общаться?» и «А Вы лично предпочли бы создать семью...» выявлено, что те признаки, которые выбирают молодые люди в качестве приоритетных для партнеров по общению (люди, разделяющие взгляды на жизнь; одинаково проводящие досуг и др.), не являются таковыми для будущих супругов. Для создания семьи оказались более значимыми такие критерии как национальность, возраст, а в некоторых случаях – вероисповедание. Предполагалось, что выбор любимого человека в качестве супруга очевиден, однако по результатам опроса статистическая значимость критерия оказалась чуть более 3%. Данный фактор позволяет определить значительное влияние социального окружения на брачный выбор молодёжи. С одной стороны, это обусловлено общей актуализацией гражданской идентичности, которая была обозначена в средствах массового информирования. Поляризация государств по отношению к отдельным национальным и гражданским группам в свою очередь определило качество их отображения в СМИ и повлияло на самооценку молодых людей. В то время как одни предпочли абстрагироваться от собственной негативно представленной идентичности, другие наоборот – актуализировали своё этнокультурное и гражданское наследие. Дивергенция указанных установок привела также к повышению поляризации в социальной системе в целом.

Результаты авторского исследования студенческой молодёжи позволили выявить социальный портрет будущего партнёра семейных отношений. Исследование было проведено в ноябре 2022 года среди юношей и девушек от 18 до 25 лет, обучающихся в учреждениях открытого и закрытого типа (N=726). В качестве критериев отбора респондентов выступили следующие параметры: наличие опыта семейных отношений в официальном браке или наличие опыта конкубината, наличие осознанного определённого представления о предпочитаемом партнёре.

Следует отметить, что преобладающее значение при отборе партнёра имеет манера общения (76,3% у мужчин и 67,9% у женщин). В рамках данного критерия рассматривается умение держать себя в обществе, чувство юмора, умение поддержать разговор и выслушать собеседника. Следующими по значимости параметрами выступили различные аспекты внешности. Представители обоих полов в большей степени ориентировались на черты лица партнёра, а также особенности фигуры. Предпочтение в оценке внешних факторов в формате внешности и стиля общения (в противовес указанным показателям статусные вещи были отмечены 10 % респондентов, в то время как вредные привычки были оценены третью опрошенных) говорит о необходимости принятия оперативного решения, что проще реализовать, основываясь на очевидных и наглядных данных.

С точки зрения морально-психологических компонентов молодые люди и девушки в равной мере оценили наличие чувств и ощущений, выражающих любовь (77,5% и 72,8% соответственно). Наибольшие различия проявились в оценке наличия общих интересов, интимной близости и доверительных отношений. Если для молодых людей общие интересы выступали вторым приоритетом в определении потенциального партнёра для длительных отношений (51,3%), то для девушек в большей степени были значимы признаки наличия доверия и открытости во взаимодействии (65,8%). В то же время наименее востребованными для молодёжи выступили такие факторы, как общий быт и схожесть характеров. Несмотря на

очевидное предположение о превалировании романтических ожиданий в отношении партнёра, сам факт романтичности оказался востребован 30% юношей и только 14,8% девушек. Данная диспропорция объяснима превалированием практических установок у женской аудитории: роль мужчины как защитника, кормильца семьи.

Предпочтительный партнёр для юношей – представитель их города или местности проживания (57,5%). Данная установка объяснима облегчением доступа к партнёру и меньшими рисками вероятной его утраты. Для девушек наиболее актуальным оказался круг общения молодого человека (75,2%), при этом уделялось внимание преобладанию женского или мужского окружения, а также социальной страте друзей и знакомых. Заслуживает внимания тот факт, что к наличию детей от предыдущих отношений большее внимание проявили девушки (44% против 31,3%), что также коррелирует с более высокими параметрами общественнических настроений по сравнению с мужчинами. В целом данный фактор сопряжён с общими социальными настроениями в СМИ, в рамках которых на одну публикацию о женской измене приходится до трёх сводок о фактах негативного поведения мужчин.

При ранжировании предпочтительных личностных качеств партнёра представители обоих полов определили наиболее значимыми чертами: верность, надёжность и уравновешенность. Для молодых людей были характерны требования практического характера: хозяйственность, честность. Девушки продемонстрировали представление о необходимости наличия у партнёра готовности к риску и целеустремлённости. Указанные свойства рассматривались как определённая гарантия наибольшей адаптивности мужчины к агрессивным проявлениям внешней среды, в то время как для девушек актуальным требованием оставались бытовые навыки и умения.

В целом исследование продемонстрировало сохранение общих установок на разделение функционала в партнёрских отношениях в пользу традиционных устоев. Мужчины, хотя и ориентировались на практические навыки девушек, в целом продемонстрировали большую ориентацию на чувства, романтику и эмоциональный фактор удовольствия от отношений. Респонденты-девушки предпочитали в оценках наиболее безопасного и сильного партнёра, не обременённого прошлыми отношениями.

Следует отметить, что прагматичный подход к подбору партнёра присутствует у представителей обоих полов. Также в равной степени для них характерны установки на реализацию стабильности и устойчивости партнёра в рамках реализованного выбора. Если для девушек первоочередное значение играет фактор социального окружения партнёра, то для мужчин значима территориальная близость избранницы, что в особенности характерно для представителей закрытой образовательной системы, где частота внешних контактов ограничена правилами и нормами организационной культуры.

Литература

1. Росстат представляет данные о естественном движении населения // Портал Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/156259> (дата обращения: 03.03.2023).
2. Фрокол А. С., Ондар А. Д. Образ идеального партнера у супругов // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2019. №4 (43). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-idealnogo-partnera-u-suprugov> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.
4. Radulovic M., Avirovic I. Youth Perception on Marriage and Married Life: an Analysis from the Republic of Macedonia // Researchgate. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/303514505_Youth_Perception_on_Marriage_and_Married_Life_an_Analysis_from_the_Republic_of_Macedonia (дата обращения: 03.03.2023).

L. Groshev, I. Grosheva

SOCIAL PORTRAIT OF THE FUTURE PARTNER OF FAMILY RELATIONS IN YOUTH REPRESENTATIONS

Abstract

In the article, the authors consider the features and structural elements of the social portrait of a partner for family relations, which young people are guided by in determining a potential chosen one. The research data are presented, which demonstrate a high level of practicality and pragmatism in the selection of a partner by both sexes. The identified increase in the actualization of religion and national identity allows us to talk about the growth of social tension in the youth environment, due, among other things, to the specifics of the modern information environment. At the same time, the results of the survey show a fairly high level of divergence in relation to preferred moral qualities, which indicates the presence of mismatch in the formation of interpersonal interaction.

Keywords: youth, family, interpersonal interaction, marriage attitudes, social communications.

УДК 314.152

В. В. Лисьих

УЧАСТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СРЕДЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация

На демографическую обстановку в муниципалитете, области, стране, оказывают влияние множество различных факторов, это могут быть и факторы внешнеполитической обстановки, и внутренние факторы, действующие на местном уровне. Одним из таких факторов может быть институт предпринимательства. Степень развития бизнеса и сферы услуг в конкретном месте непременно может являться значимой причиной при выборе места жительства. Авторы данного исследования выдвигают гипотезу, что институт предпринимательства должен принимать участие в развитии среды, с целью создания более комфортных условий для семей с детьми. Такое участие должно быть основано на добровольных мотивах предпринимателей и на общественном одобрении подобного поведения. Теоретической основой участия служит неинституциональная теория, которая говорит о феномене подстраивания организаций под общественные нормы, а также объясняет причины внедрения тех или иных практик в организациях. Немаловажной стороной заявленной проблемы является нормативно-правовое регулирование предпринимательской сферы и то, каким образом государство может замотивировать предпринимателей внедрять социально-ориентированные практики в свою деятельность, тем самым развивая особую предпринимательскую культуру, основанную на ответственности бизнеса перед обществом. Результатом исследования является вывод о широких возможностях применения неинституциональной теории в вопросе участия института предпринимательства в формировании семейно-ориентированной среды. Также авторы делают вывод о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса, в том числе посредством социологического опроса населения, с целью выявления потребностей горожан в товарах и услугах, ориентированных на семьи с детьми.

Ключевые слова: неинституциональная теория, институт предпринимательства, государство, социальная политика.

Введение

Демографическая обстановка в любой местности зависит от множества факторов, как внешних, так и внутренних, их воздействие может быть как на областном, так и на уровне муниципалитета или страны в целом. Один из таких важных факторов – это институт предпринимательства, который может влиять на место проживания граждан. Важно, чтобы предприниматели принимали участие в формировании комфортной среды для семей с детьми, исходя из добровольных мотивов и общественного одобрения. В качестве теоретической основы предлагается использовать неинституциональную теорию, которая объясняет феномен подстраивания организаций под общественные нормы и рассматривает причины внедрения социально-ориентированных практик в бизнесе. Кроме того, обсуждается важность

правового регулирования предпринимательской сферы и методов мотивации бизнеса для внедрения социально-ориентированных практик.

Неинституциональная теория как теоретическая основа исследования

Неинституциональная теория является одной из основных школ в области изучения деятельности организаций [2]. Она берет свое начало в 1980-х годах и связана с публикацией новаторских работ Джона Мейера и Брайана Роузона [1] и Линн Цукер [3], а также анализ изоморфизма Пола Димаджио и Уолтера Пауэлла [4]. Основной идеей этих трех работ является аргумент о том, что организации принимают новые структуры и практики не потому, что они были особенно эффективными или действенными, а потому, что они придавали организациям образ легитимности.

Один из способов взятия ответственности за свою деятельность – это корпоративная социальная ответственность (КСО). Примеры применения КСО в контексте различных стран и типов организаций исследуется целым рядом авторов [5-8]. К. Бур изучает институциональное предпринимательство и его влияние на общественные и политические институты в так называемых «окнах возможностей» [9]. Автор приводит пример прорыва в области климатической политики авиакомпаний в сторону снижения вредных выбросов в атмосферу, что, по мнению ученого, стало возможным благодаря сложившимся благоприятным условиям в институциональном процессе, которыми смогли воспользоваться компании. С. Дорадо объясняет феномен социального предпринимательства как социальное действие, которое является результатом нахождения организаций в той или иной среде [10]. В исследовании говорится о появлении коммерческого микрофинансирования в Боливии и – на основе неинституциональной теории – объясняются его причины.

Рассмотрим, какие вопросы затрагиваются в исследованиях, теоретической основой которых выступает неинституциональная теория в российском научном поле. Л. А. Нугаева использует в контексте функционирования транспортного комплекса и логистической системы теорию транзакционных издержек – одного из течений неинституционализма, которое изучает затраты ресурсов в процессе выполнения различных видов деятельности [11]. Т. Б. Берсиров изучает возможный потенциал неинституционального подхода в управлении высшим образованием и повышении его эффективности [12]. В исследовании автор приходит к выводу о наличии такого потенциала и применимости для его изучения методов неинституциональной теории. Также подход может использоваться для поиска и объяснения связей в различных направлениях научного знания. Например, Е. М. Ашмарина предпринимает попытку выявления единообразия и различий в оценке связей и взаимозависимости между экономикой и правом [13]. Г. Н. Барсукова проводит исследование земельного рынка с позиций неинституционализма, также применяя теорию транзакционных издержек [14].

Анализ публикаций показывает недостаточную изученность темы неинституционализма в части участия института предпринимательства в решении социальных задач государства. Одним из вариантов действия неинституциональной теории во взаимодействии предпринимательства с государством является государственно-частное партнерство (ГЧП) [15]. С. Л. Сазанова предпринимает попытку конкретизации понятий «институциональная среда» и «институт предпринимательства» в России [16]. В статье делается вывод, что сочетание ценностной и институциональной среды формирует институциональное пространство и определяет границы института предпринимательства, то есть предприниматели в своей деятельности могут ориентироваться не только на получение прибыли, но и на влияние общества и институциональных норм, закрепленных в нем. В действительности, отношения бизнеса и государства, оформленные в формате ГЧП, имеют в большей степени экономический характер и в недостаточной степени затрагивают влияние институциональной среды на действия предпринимателей.

Нормативно-правовое регулирование демографической политики и предпринимательской сферы

Основополагающим нормативно-правовым документом, определяющим базовые принципы семейно-демографической политики, является Конституция РФ. В ней закреплены основы социальности российского государства (ст.7), принцип защиты материнства и детства (ст. 38), гарантии социального обеспечения (ст. 39), право на получение бесплатной медицинской помощи и охраны здоровья (ст. 41).

В 2007 году была разработана и принята «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», которая и в настоящий момент определяет основные цели, задачи и методы реализации семейно-демографической политики. Согласно данной Концепции целями демографической политики РФ являются создание условий роста численности населения, повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Помимо концепции демографической политики, немаловажной частью регулирования семейно-демографической сферы является «Семейный кодекс Российской Федерации» (СК РФ). Данный документ определяет основные принципы семейного законодательства в РФ, порядок заключения и прекращения брака, права и обязанности родителей и детей, а также порядок осуществления и защиты семейных прав.

Чтобы понять, выполнение каких задач могут взять на себя предприниматели и какая существует для этого законодательная база, проанализируем также некоторые законы и программы, регулирующие предпринимательскую деятельность в РФ.

Помимо нормативных актов, закрепляющих юридические основы предпринимательской деятельности (такие как Конституция, Гражданский кодекс и др.), существуют также документы, целью которых является развитие предпринимательства. Например, Указ Президента РФ от 04.04.1996 N 491 (ред. от 06.01.1999) «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации», Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ.

Согласно ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», целями государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства являются развитие субъектов малого и среднего предпринимательства и обеспечение благоприятных условий для их развития. В качестве инструментов развития заявляются разработка программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства на федеральном, региональном и местном уровнях, формирование инфраструктуры поддержки предпринимателей, финансирование научно-исследовательских работ по проблемам развития малого и среднего предпринимательства и др.

Одним из основных нормативных актов, объединяющих предпринимательскую деятельность и социальную политику, является Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ. ГЧП – это один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации (предоставление услуг на созданном объекте) и (или) техническом обслуживании. Основное применение ГЧП – создание объектов общественной инфраструктуры.

Статья 24.1 Федерального закона №204-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» определяет юридические границы понятия *социальной предпринимательство*, а также способы оказания поддержки социальных предприятий. Анализ статьи 24.1 показывает, что деятельность предпринимателей по поддержке семьи и детей занимает важнейшее место в списке социально полезной деятельности. Данный закон говорит о возможности оказывать поддержку социальным предприятиям в виде финансового и имущественного обеспечения, а также информационной и консультационной поддержки. Важным условием оказания поддержки является то, что доля

доходов по реализации социально полезной деятельности должна составлять не менее пятидесяти процентов в общем объеме доходов предприятия, что существенно ограничивает круг действия закона, а соответственно и возможности по развитию субъектов предпринимательства, способствующих решению социальных проблем государства.

Заключение

Использование теории неонституционализма имеет большую перспективу в объяснении мотивов и конкретных действий предпринимателей. Институциональная среда неизбежно оказывает большое влияние на все структуры в обществе, в том числе и на институт предпринимательства, и если государство формирует социальные и демографические задачи как институциональные правила, которые понимаются в обществе как нечто, не только обязательное к исполнению, но и необходимое для всеобщего благосостояния, то следование этим правилам должно стать самовоспроизводящимся процессом. Разработка норм, мотивирующих предпринимателей внедрять социально-ориентированные практики в свою деятельность, может привести к развитию особой предпринимательской культуры, основанной на ответственности бизнеса перед обществом.

Анализ нормативных актов показывает, что на государственном уровне существует мало пересечений между семейно-демографической сферой и институтом предпринимательства. Исполнение социальных задач отводится органам исполнительной власти. При этом роль гражданского общества, некоммерческих предприятий и тем более субъектов предпринимательства кажется незначительной по сравнению с возможностью их влияния на общественную среду. Законы, описывающие возможность включения частной инициативы в процесс решения социальных задач государства, касаются либо очень крупных капиталовложений в общественную инфраструктуру (Закон о ГЧП), либо предприятий, наибольшая часть деятельности которых направлена на помощь незащищенным слоям населения. Описанные факты говорят о необходимости развития законодательной базы в вопросах включения предпринимателей в решение социально-демографических задач посредством расширения понятия социального предпринимательства и разработки механизмов взаимодействия власти и бизнеса, направленного на решение задач государственного значения, которыми сегодня стали проблемы, связанные с рождаемостью, семьей и родительством.

Основным способом воздействия института предпринимательства на демографическую ситуацию являются продажа товаров и оказание услуг, ориентированных на семьи с детьми. Поэтому помимо оценки возможностей включения института предпринимательства в решение демографических задач, необходимо также изучить потребности населения в подобного рода товарах и услугах. В связи с этим, в дальнейших исследованиях планируется проведение социологического опроса населения, с целью выявления потребности горожан в товарах и услугах, ориентированных на семьи с детьми.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Литература

1. Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American journal of sociology*. 1977. Т. 83. №. 2. Pp. 340-363. <https://doi.org/10.1086/226550>
2. Alvesson M., Spicer A. Neo-institutional theory and organization studies: a mid-life crisis? // *Organization Studies*. 2019. Т. 40. №. 2. Pp. 199-218. <https://doi.org/10.1177/0170840618772610>

3. Zucker L. G. The role of institutionalization in cultural persistence //American sociological review. 1977. Pp. 726–743. <https://doi.org/10.2307/2094862>
4. DiMaggio P. J., Powell W. W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields //American sociological review. 1983. Pp. 147–160. <https://doi.org/10.2307/2095101>
5. Marano V., Tashman P., Kostova T. Escaping the iron cage: Liabilities of origin and CSR reporting of emerging market multinational enterprises //Journal of International Business Studies. 2017. T. 48. Pp. 386–408. <https://doi.org/10.1057/jibs.2016.17>
6. Momin M. A., Parker L. D. Motivations for corporate social responsibility reporting by MNC subsidiaries in an emerging country: The case of Bangladesh //The British Accounting Review. 2013. T. 45. №. 3. Pp. 215–228. <https://doi.org/10.1016/j.bar.2013.06.007>
7. Beddewela E., Fairbrass J. Seeking legitimacy through CSR: Institutional pressures and corporate responses of multinationals in Sri Lanka //Journal of business ethics. 2016. T. 136. №. 3. Pp. 503–522. <https://doi.org/10.1007/s10551-014-2478-z>
8. Schons L., Steinmeier M. Walk the talk? How symbolic and substantive CSR actions affect firm performance depending on stakeholder proximity //Corporate social responsibility and environmental management. 2016. T. 23. №. 6. Pp. 358–372 <https://doi.org/10.1002/csr.1381>
9. Buhr K. The inclusion of aviation in the EU emissions trading scheme: Temporal conditions for institutional entrepreneurship //Organization Studies. 2012. T. 33. №. 11. Pp. 1565–1587. <https://doi.org/10.1177/0170840612463324>
10. Dorado S. Small groups as context for institutional entrepreneurship: An exploration of the emergence of commercial microfinance in Bolivia //Organization Studies. 2013. T. 34. №. 4. Pp. 533–557. <https://doi.org/10.1177/0170840612470255>
11. Нугаева Л. А. Концепции неинституционализма как теоретическое обоснование роли транспортного комплекса в региональном развитии / Л. А. Нугаева // Вестник СамГУПС. 2015. № 1(27). С. 38–43.
12. Берсиров Т. Б. Неинституционализм как методология исследования эффективности управления высшим образованием // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 3. С. 45–54. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.3>
13. Ашмарина Е. М. Экономическое право и неинституционализм // Вопросы экономики и права. 2017. № 103. С. 7–12.
14. Барсукова Г. Н. Теоретические аспекты формирования земельного рынка // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 115. С. 1141–1154.
15. Сайфуллин Р. И. Неинституциональный подход к определению сущности государственно-частного партнерства // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2012. № 2. С. 27–31.
16. Сазанова С. Л. Институт предпринимательства в институциональном пространстве России // Вестник университета. 2017. № 9. С. 109–113.

V. Lisikh

PARTICIPATION OF REGIONAL ENTERPRISES IN THE FORMATION OF A FAMILY-ORIENTED ENVIRONMENT: THEORETICAL FOUNDATIONS OF SOCIOLOGICAL STUDY

Abstract

The demographic situation in the municipality, region, country is influenced by many different factors, these may be factors of the foreign policy situation and internal factors acting at the local level. One of these factors may be the institute of entrepreneurship. The degree of development of business and services in a particular place can certainly be a significant reason for choosing a place of residence. The authors of this study hypothesize that the institute of entrepreneurship should take part in the development of the environment in order to create more comfortable conditions for families with children. Such participation should be based on the voluntary motives of entrepreneurs and on public approval of such behavior. The theoretical basis of participation is the neo-institutional theory, which speaks about the phenomenon of organizations adapting to

social norms, and also explains the reasons for the introduction of certain practices in organizations. An important aspect of the stated problem is the regulatory and legal regulation of the business sphere and how the state can motivate entrepreneurs to introduce socially oriented practices into their activities, thereby developing a special entrepreneurial culture based on the responsibility of business to society. The result of the study is the conclusion about the wide possibilities of applying the neo-institutional theory in the issue of the participation of the institute of entrepreneurship in the formation of a family-oriented environment. The authors also conclude that it is necessary to further study this issue, including through a sociological survey of the population, in order to identify the needs of citizens in goods and services aimed at families with children.

Keywords: neo-institutional theory; institute of entrepreneurship; government; social policy.

УДК 331.1+331.5

Т. Л. Маркова

РОДИТЕЛЬСТВО И РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация

В последние годы под влиянием цифровизации происходят масштабные трансформационные процессы в сфере труда, в результате которых появляются новые цифровые формы занятости. Фиксируется рост доли экономически активного населения, вовлечённого так называемые нестандартные форматы занятости, характеризующиеся широким применением информационно-коммуникационных технологий в различных элементах организации трудовых и бизнес-процессов в системе воспроизводства товаров и услуг. На фоне распространения современных практик вовлечённого и ответственного родительства, возможность успешного сочетания занятости с выполнением родительских функций и воспитанием детей приобретает особую актуальность для современных родителей. Одной из ключевых проблем – возможность проведения достаточного количества времени с ребёнком, что является основной предпосылкой для успешного когнитивного, социального и эмоционального развития детей и выстраивания положительных, доброжелательных отношений детско-родительских отношений. В статье представлены результаты пилотажного качественного исследования влияния цифровой занятости на различные аспекты родительского благополучия. Полевая часть исследования состоялась в августе 2022 г. В исследовании использовались технологии работы с фокус-группой и индивидуальные глубинные интервью. Результаты пилотажного качественного исследования свидетельствует о том, что цифровой нестандартный тип занятости обладает преимуществом в сравнении с другими типами при совмещении родительства с работой. Выявлены условия необходимые для реализации данного преимущества.

Ключевые слова: родительство; родительское благополучие; цифровизация; цифровая занятость; фокус-группа; глубинное интервью.

В последние годы в научном сообществе наблюдается интерес к изучению проблематики родительства и родительского благополучия, что продиковано масштабными трансформациями в сфере семьи и брака. Как справедливо отмечает З. Х. Саралиева, в современных условиях родительство становится «определяющим, системообразующим, цементирующим систему семьи» [5, с. 122].

В литературе большой пласт исследований посвящён процессам диверсификации материнских и отцовских родительских практик, которые находят отражение в современных содержательных формах родительства (естественное, осознанное, ответственное, вовлечённое родительство и др.) [8]. Обращает на себя внимание и растущая популярность детоцентристского подхода к родительству, который способствует росту уровня стресса и в целом негативно сказывается на субъективном благополучии родителей [9].

В этой связи представляется интересной точка зрения Т. А. Гурко [1], которая рассматривает трансформацию институт родительства сквозь призму вариаций и девиаций. К вариациям автор относит редко встречающиеся практики, которые видоизменяются в современных условиях (материнские семьи, бездетность, усыновление и др.), в то время как

девиации объединяют новые практики родительского поведения (вовлеченное отцовство, отцовские семьи, родительство без брака и др.) [1].

А. Л. Янак [10], анализируя современные формы родительства, формулирует ряд критериев для типологизации немодального родительства: семейная структура; возникновение родительства; родительские социальные практики; модели воспитания и заботы о детях; и демографическая безопасность.

С учётом вышеперечисленных процессов диверсификации института родительства, особую актуальность приобретает изучение родительского благополучия и факторов, детерминирующие удовлетворённость родителей выполнением своих родительских функций.

В фокусе внимания современных исследований проблемы совмещения родительства (материнства и отцовства) с карьерой, влияния родительства на заработную плату и возможности для саморазвития и самоактуализации [6]. Балансирование профессиональных и семейных обязанностей приобретает особую значимость в ситуации, когда оба родителя заняты профессиональной деятельностью [7]. По мнению О. Г. Исуповой и В. В. Уткиной, индивидуальный выбор родителей и имеющиеся у них ресурсы определяют, каким образом они балансируют профессиональные, семейные и родительские обязанности [2].

В последние годы в научном сообществе вырабатываются теоретические подходы к оценке влияния фактора занятости на субъективное благополучие. До сих пор не сформулировано однозначного мнения о сущности данной взаимосвязи, её положительных и негативных эффектов. В то же время результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что неполная рабочая неделя, дистанционная занятость и гибкий график работы положительно влияют на рост занятости женщин с детьми и их удовлетворённость работой [3, 6]. Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются современные работающие родители, является то, сколько времени они проводят с ребёнком, общаются с ним. Прослеживаются тенденции поиска таких условий занятости, которые создадут необходимые условия для увеличения не только количества, но и качества времени, которое родители могут провести с детьми.

Таким образом, первые шаги в изучении влияния фактора занятости и графика работы на родительское благополучие уже сделаны. Сейчас перед научным сообществом стоит задача формулирования комплексных подходов к исследованию взаимосвязи занятости и благополучия семей и родителей.

Научный коллектив Уральского государственного экономического университета в рамках научных исследований по гранту Российского научного фонда изучает положительные и отрицательные эффекты цифровизации занятости на родительское благополучие и рождаемость.

В статье представлены некоторые результаты пилотажного качественного исследования, целью которого являлась разработка и апробация качественных методов изучения влияния цифровой занятости на различные аспекты рождаемости и благополучия родителей. На данном этапе авторский коллектив ставил целью выявление факторов, влияющих на взаимосвязь типа занятости и воспитания детей, мотивацию к рождению ребенка и восприятие родительского благополучия. Мы стремились понять, порождает ли цифровая занятость особые тренды в родительстве и какие, как цифровая занятость влияет на восприятие родительского благополучия, как оцениваются положительные и отрицательные эффекты дистанционной занятости.

Перед нами стояла задача собрать «нарративы» представителей разных типов занятости и сравнить эти типы между собой для выявления их отличительных черт. В этой связи было решено использовать два метода исследования – фокус-групповое исследование (n = 16) и индивидуальные глубинные интервью (n = 18). В фокус-группах приняли участие представители цифровой дистанционной занятости. В индивидуальных интервью – представители стандартной цифровой и нецифровой занятости, а также цифровой стандартной занятости.

Качественное исследование проводилось в августе 2022 года. Выборка сегментировалась с использованием двух критериев: наличие/отсутствие детей до 14 лет и наличие/отсутствие супруга/партнера. Фокус-группы проводились очно, индивидуальные глубинные интервью проводились онлайн или по телефону.

Результаты пилотажного качественного исследования позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, участники качественного исследования из различных целевых групп по типу занятости отмечали факт влияния дистанционных форматов работы на разные аспекты жизни: возможность заниматься детьми; эмоциональное состояние и отношения с членами семьи; эффективная самоорганизация; возможности уделять время себе; возможности заниматься домашними делами; возможности экономить время и расходы на дорогу до офиса.

С точки зрения заботы о детях, количества и качества времени, проводимого с детьми, участники исследования отмечали, что возможность работать из дома несёт больше плюсов, чем минусов. В случае дистанционной занятости у родителей больше контакта с детьми, они могут активнее участвовать в жизни детей, появляется возможность подстроиться под график детей и контролировать их занятия в течение дня, заботиться о детях в случае болезни или плохого самочувствия.

«При удаленном режиме работы ты находишься больше времени дома, соответственно, у тебя больше времени визуального контакта с ребенком, у тебя больше какого-то тактильного контакта, ты больше можешь там с ним как-то взаимодействовать. Я думаю, что в течение рабочего дня на единицу времени гораздо больше внимания уделяется ребенку, ты с ним проводишь больше времени, ты лучше им занимаешься, чем при режиме работы, когда ты с утра поехал на работу, там ребенка закинул в детский сад или же в школу, и потом его забрал» (инженер в строительной компании).

В то же время дети зачастую отвлекают от работы, не вполне понимая, что, находясь дома родители должны работать, что требует полной концентрации на рабочих вопросах. Респонденты также указывали, что при дистанционной занятости возникает опасность гиперопеки, чрезмерного контролирования детей и их занятий.

«Все равно это какое-то гипервнимание к детям. Всё равно дети должны быть самостоятельными, учиться, падать, драться там в кровь. Это все должно быть, потому что они учатся жить. Когда ты дома сидишь, это мешает коммуникации и росту личности ребенка, когда ты постоянно [его контролируешь]» (ипотечный брокер).

Во-вторых, рассуждения участников исследования о взаимосвязи дистанционного формата занятости и сферы эмоциональных и внутренних отношений членов семьи позволяют сделать вывод о том, что положительные эффекты «удалёнки» проявляются в снижении стресса, меньшей усталости и большей уверенности родителей в безопасности детей.

«Это уверенность в безопасности детей здесь и сейчас. Чем дальше находится ребёнок, тем выше уровень беспокойства» (руководитель учебного центра).

Однако почти все участники исследования отметили, что длительное одновременное присутствие всех членов семьи в пространстве дома провоцирует накопление внутреннего напряжения во взаимоотношениях.

«Если ещё и муж на удаленке, то это, мне кажется, первый шаг к разводу. И дети, вот это все безумие, оно просто может свести с ума, мне кажется. Даже не представляю, если бы было четверо детей, и оба супруга работали, ну если не жить, в восьмизатжном коттедже, а в какой-то обычной квартире, в которой мы живём. Вот, то есть это может свести с ума. Ну в какой-то степени. То есть какая-то вот эта разрядка, она необходима» (аналитик промышленного предприятия).

В-третьих, участники исследования фактически сформулировали проблему отсутствия необходимых жилищных условий для работы из дома.

«Не у всех же есть возможность. У нас есть возможность в разных комнатах сидеть, а многие рассказывают, у кого трое детей, одновременно дистанционные уроки идут, сами родители дистанционно работают. То есть не каждая семья выдержит. В ковид это же вообще треш был» (преподаватель ВУЗА).

В-четвёртых, анализируя насколько удачно им удаётся совмещение родительства с работой, респонденты формулировали условия, которые на их взгляд, для этого необходимы. Среди возможных положительных изменений отмечались сокращение длительности рабочего дня (недели), гибкий график работы или возможность хотя бы частично работать из дома.

«Наверное, я бы хотела работать из дома. Возможно фриланс, какой-то. Ребенок уснул, ты пару часов поработал, и всё. Если мы берем постарше ребенка, то часа четыре в день трапила бы» (педагог, СЦ).

Наконец, оценки участниками исследования степени влияния дистанционного формата занятости родителей на их родительское благополучие свидетельствует об отсутствии принципиальных различий у людей с различным типом занятости в оценках возможной зависимости родительских практик от дистанционного формата работы.

В заключении, проведённое пилотажное качественное исследование выявило, что цифровая занятость может увеличивать ресурсы родительского благополучия. Для достижения положительных эффектов необходимо минимизировать проблемные аспекты совмещения родительства, дома и работы. Данный формат занятости не является универсально ценным, следовательно, родителям необходимо предпринимать усилия и создавать необходимые условия для достижения родительского благополучия.

Благодарности

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00614. <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

Литература

1. Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1.
2. Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 6(136). С. 68–87. DOI: 10.14515/monitoring.2016.6.05.
3. Колесник А. Г., Пестова Д. П., Донина А. А. Что (же) делать с занятостью женщин с детьми в России? Роль дошкольных образовательных учреждений // *Вопросы экономики*. 2021. № 12. С. 94–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-94-117.
4. *Родительский труд: экономический и социологический анализ: монография / под общ. ред. А. П. Багировой*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.
5. Саралиева З. Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // *Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2014. № 2(34). С. 118–123.
6. Тонких Н. В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // *Народонаселение*. 2021. Т. 24, № 3. С. 92–104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8.
7. Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 295–308.
8. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2(67). С. 14–26.
9. Шаповаленко И. В. Современное родительство: новые исследовательские подходы // *Современная зарубежная психология*. 2022. Т. 11, № 1. С. 58–67. DOI: 10.17759/jmfr.2022110106.
10. Янак А. Л. Типология немодального родительства // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 9(163). С. 25–31. DOI: 10.24158/tpor.2021.9.3.

PARENTING AND PARENTAL WELL-BEING IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EMPLOYMENT

Abstract

In recent years, under the influence of digitalization, large-scale transformational processes have taken place in the world of work, as a result of which new digital forms of employment are emerging. We see an increase in the share of the economically active population involved in the so-called non-standard employment formats, characterized by the widespread use of information and communication technologies in various elements of the organization of labor and business processes. Against the backdrop of modern practices of involved and responsible parenthood, the possibility of successfully combining employment with parenting is of particular relevance for modern parents. One of the key problems is how much time parents are able to spend with the child, which is considered to be the main prerequisite for the successful cognitive, social and emotional development of children as well as building positive, friendly parent-child relationships. The article presents the results of a pilot qualitative study of the impact of digital employment on various aspects of parental well-being. The field part of the study took place in August 2022. The study used focus group techniques and individual in-depth interviews. The results of the pilot qualitative study indicate that digital non-standard type of employment have an advantage in comparison with other types when combining parenthood with work. The conditions necessary for the realization of this advantage are revealed.

Keywords: parenthood; parenting; parental well-being; digitalization; digital employment; focus group; in-depth interview.

УДК 316

М. О. Назаренко

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

Современная демографическая ситуация в России характеризуется отрицательными тенденциями в сфере рождаемости. Показатели рождаемости не соответствуют ожидаемым результатам. Статья посвящена рассмотрению возможности разработки корпоративных мер, включающих поддержку семей работников органов ГМУ как способа потенциального усиления пронаталистской политики государства. Выдвигается тезис о необходимости формирования позитивного отношения к пронаталистской политике внутри организационных структур ГМУ (как объекта исследования). Делается вывод о том, что для оценки возможностей решения такой задачи в организациях сферы ГМУ необходимо оценить правовые ресурсы и юридические инструменты, с помощью которых могут создаваться условия, благоприятствующие повышению рождаемости и поддержке работников этой сферы, совмещающих родительский труд с трудовой деятельностью.

Ключевые слова: семейная политика в органах ГМУ, поддержка семей с детьми, политика дружественная семьям работников, корпоративная политика, демографическая политика.

Демографическая ситуация в России характеризуется негативными тенденциями в сфере рождаемости. Резкое падение рождаемости произошло в конце 1990-х гг., когда суммарный коэффициент рождаемости опустился до 1,19 ребёнка на одну женщину (в 1999 г.). Отрицательную динамику спровоцировали такие факторы, как падение реальных доходов населения; снижение числа женщин детородного возраста; изменение брачно-семейных отношений; уровень продолжительности жизни [5]. Падение рождаемости продолжается и сейчас. Так, по данным Росстата, число родившихся в 2019 г. составило 1481 тыс. чел. в 2020 г., в 2021 г. этот показатель снижался и в 2022 г. составил 1306 тыс. чел. По итогам 2022 г. численность населения страны уменьшилась на 555,3 тыс. чел., или на 0,36% относительно 2021 г. Естественная убыль населения увеличилась за 2021 г. на 32,7% относительно 2020 г. За 2022 г. этот показатель снизился на 42,5% к 2021 г. и составил 599,6 тыс. чел. [12].

Современная российская демографическая политика носит активный пронаталистский характер. На протяжении 16-и лет реализуются меры, направленные на стимулирование

рождаемости и многодетности. Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 утверждена Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. Центральное место в системе экономических мер заняла реализация программы материнского (семейного) капитала. Механизмы ведения пронаталистской политики получили своё развитие в национальном проекте «Демография», который введен на период с 2019 по 2025 г. Распоряжением Правительства РФ от 16.09.2021 г. был утверждён «План мероприятий по реализации в 2021–2025 гг. Концепции демографической политики» [11]. В дополнение к федеральным мерам приняты и реализуются региональные программы демографического развития. Несмотря на все усилия, в силу различных причин задачи, обозначенные в национальном проекте, реализовать не удаётся, как и не получается достигнуть запланированных результатов. Так, одним из целевых показателей является увеличение суммарного коэффициента рождаемости к 2024 г. В таблице 1 приведены целевые показатели национального проекта «Демография», утверждённые Советом по стратегическому развитию и национальным проектам [9] и фактические показатели, публикуемые Росстатом.

Таблица 1

Целевые и фактические показатели суммарного коэффициента рождаемости							
Период, год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Целевой показатель	1,6	1,63	1,65	1,66	1,68	1,69	1,70
Фактический	1,58	1,5	1,5	1,5	1,4	-	-

Становится очевидно, что введение только экономических мер оказывает незначительное действие, а перспективы рождаемости выглядят не оптимистично. Поэтому сегодня в основу Концепции демографической политики ложится изменение вектора на создание условий для повышения уровня и качества жизни российских семей [13].

В Паспорте национального проекта «Демография» отражены такие меры неэкономического характера, как формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни; создание условий для занятий физической культурой и спортом; повышение качества жизни граждан старшего поколения; содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трёх лет. Ведётся работа, направленная на продвижение в массы проектов по сохранению семейных ценностей, поддержке материнства и детства. Организуется переобучение и повышение квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребёнком до трёх лет. Для повышения престижа многодетных семей была введена новая государственная награда – орден "Родительская слава". Всё это говорит о том, что работа, направленная на стимулирование рождаемости, становится более системной, комплексной и включает меры не только материальной, но и морально-идеологической поддержки.

На заседании Совета Безопасности РФ 20.06.2006 г., говоря о стратегическом приоритете сбережения народа России и преумножения его численности, В. В. Путин заявил: «...мы стоим у кризисной черты...Глубоких исследований по демографической проблематике у нас крайне мало. Нам нужна такая информация и такой анализ» [6]. На сегодняшний день российскими учёными проведено множество исследований состояния и тенденций демографического развития страны, анализировались различные концептуальные подходы к семейной и демографической политике, выносились предложения и рекомендации по повышению эффективности реализации социально-демографической политики. В число научных работ современных авторов (А. И. Антонов, А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, О. М. Шубат, А. И. Ворошилова, А. М. Ильшев и др.) входит изучение различных аспектов родительского труда. Сегодня общепризнано, что совмещение трудовой деятельности с семейными функциями напрямую связано с достижением пронаталистских задач демографической политики, ведущейся государством [2]. Кроме того, ученые предлагают включать в решение демографических задач как можно больше разнообразных социальных институтов. А. П. Багирова предложила классифицировать ресурсы пронаталистской политики по нескольким основаниям, одним из которых является

«институциональный разрез», включающий в себя социальные институты семьи, бизнеса, труда, гражданского общества и т. д. По мнению автора, социальный институт бизнеса, рассматриваемый как ресурс проталанистской политики, может создавать условия для поддержки мер этой политики, дополнить государственное стимулирование на макроуровне более адресными мерами с учётом «средового разреза», а также потребностей конкретных работников организаций [4]. Концептуально практика корпоративной социальной ответственности зарекомендовала себя как действенная в бизнес-сообществе. Результаты исследований демонстрируют, что интеграция демографической политики в корпоративную культуру инновационного типа способствует повышению эффективности и производительности труда [3].

В России более 400 акционерных обществ с долей участия государства более 50%; 49 организаций, в отношении которых права Российской Федерации как акционера осуществляются Росимуществом по согласованию с министерствами, Росрезервом, ГУСП [10]. В них задействованы более 2 млн. сотрудников органов публичной и муниципальной власти, сотрудников государственного сектора экономики в широком смысле его понимания, к которому относятся как организации и учреждения, находящиеся в государственной собственности, так и компании с высокой совокупной долей госучастия, регламенты и направленность деятельности которых не может противоречить федеральным программам и политическому курсу страны. По данным Росстата, всё трудоспособное население в России составляет 75,5 миллионов человек, при этом общая численность работающих на государственные структуры и компании, по разным данным, находится в диапазоне от 24 до 35 млн. чел. Несмотря на то, что Министерство финансов РФ считает необходимым снижать долю участия государства в компаниях [8], за исключением оборонных, на сегодня государство является крупнейшим акционером российского рынка, а значит, примерно половина всего трудоспособного населения страны руководствуется в своей трудовой деятельности нормативами, непротиворечащими федеральным программам.

Количество людей, работающих непосредственно в государственных органах и органах местного самоуправления, составляет 2 273,8 тыс. чел., и это число постоянно увеличивается. В таблице 2 приведена динамика численности работников органов ГМУ по регионам без учета персонала СВР России, ФСБ России, ФСО России, ГУСП. [7]

Таблица 2

Динамика численности работников государственных органов и органов местного самоуправления по субъектам РФ (чел.)

Регионы	2000	2005	2010	2015	2021
Центральный федеральный округ	267 917	347 064	385 795	503 554	519 665
Северо-Западный федеральный округ	109 205	144 425	163 434	211 696	213 441
Южный федеральный округ	100 209	124 215	146 810	222 418	237 143
Северо-Кавказский федеральный округ	51 929	69 540	93 902	144 571	147 758
Приволжский федеральный округ	242 898	286 257	314 661	401 069	421 349
Уральский федеральный округ	99 018	124 725	137 864	185 199	199 882
Сибирский федеральный округ	175 869	223 909	253 271	323 539	300 434
Дальневосточный федеральный округ	75 637	96 783	105 164	135 188	181 082
Российская Федерация	1 161 519	1 462 045	1 648 376	2 176 370	2 273 817
в том числе в органах: на федеральном уровне	38 837	41 127	47 475	49 137	53 093
на региональном уровне	1 124 298	1 420 918	1 600 901	2 127 233	2 220 724

В реализацию пронаталистской политики могут быть вовлечены различные социальные институты бизнеса, институты гражданского общества и т. д. В качестве одного из таких институтов могут рассматриваться органы публичного управления. Политика, дружественная семье, в государственном секторе особенно важна для поддержки женщин с детьми, устранения дискриминации и расширения возможностей для карьерного роста. Сама идея необходимости создания инфраструктуры поддержки на уровне собственных организаций, через особое отношение к работникам, имеющим детей, обоснована тем, что именно сотрудники этих организаций напрямую задействованы в процедурах реализации национальных программ.

Зарубежные исследователи также озабочены необходимостью разработки корпоративной политики в среде государственных служащих (Dulk & Groeneveld, 2012; Facer & Wadsworth, 2008; Greenhaus & Beutell, 1985; Matos 2015). Предполагается, что роли профессиональной и семейной деятельности зачастую конфликтуют, поскольку не всегда могут быть совместимы [14]. Недавние исследования в области государственного управления отмечают растущую распространённость альтернативных вариантов графика работы в общественных организациях – таких, как сжатая рабочая неделя и гибкий график (Facer & Wadsworth, 2008; Wadsworth & Facer, 2016; Су, Ли и Карри, 2016).

Практика, применяемая в странах с устоявшейся системой государственного управления, показывает позитивную динамику применения мер по вовлечению организаций публичного управления в реализацию политики, дружественной к семьям работников. Так например, во Франции был введён запрет на возможность занимать пост чиновника любого государственного уровня неженатым молодым людям, достигшим возраста 25 лет; применялось поощрение всех государственных служащих, имеющих на своём попечении троих детей, за каждого следующего ребёнка продвижением по службе и прибавлением денежной суммы и пенсии [1]. Франция располагает одной из крупнейших в Европе сетей государственных учреждений по уходу за детьми, обеспечивающих полный дневной уход.

В отечественном законодательстве отсутствуют правовые акты, которые комплексно регулируют вопросы государственной и муниципальной службы, а отношения в указанной сфере определяются тремя основными федеральными законами: «О системе государственной службы Российской Федерации» № 58-ФЗ от 27 мая 2003 г., «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27 июля 2004 г. и «О муниципальной службе в Российской Федерации» № 25-ФЗ от 2 марта 2007 г. Социально-трудовые отношения в организациях сферы ГМУ предоставлено право регулировать Коллективным договором, предметом которого являются взаимные обязательства сторон. Интересы работников в этом случае, согласно ст. 29 ТК РФ, представляют первичная профсоюзная организация или иные представители, избираемые работниками. Представителями работодателей - федеральных государственных учреждений, государственных учреждений субъектов РФ, муниципальных учреждений и других организаций, финансируемых из соответствующих бюджетов, при проведении коллективных переговоров, также являются соответствующие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления (ст. 34 ТК РФ). Однако, чтобы это положение было реализовано на практике, данные органы должны быть уполномочены на представительство законодательством или работодателями. Таким образом, необходимо оценить правовые ресурсы и юридические инструменты, с помощью которых могут создаваться условия, влияющие на семейные решения, благоприятствующие повышению рождаемости и поддержке работников сферы ГМУ, совмещающих родительский труд с трудовой деятельностью.

Литература

1. Авдеева М. А. Семейная политика во Франции // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2008. № 4. С. 34–44. EDN JUUVJP.

2. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. 2021. С.150–167

3. Багирова А. П., Вавилова А. С. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // *Управленец*. 2022. №5. С. 34–48

4. Багирова А. П. Ресурсы российской пронаталистской политики: классификация и методические принципы исследования // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 21–28.

5. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. – 79 с.

6. Заседание Совета Безопасности, посвященное мерам по реализации Послания Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23656/> (дата обращения: 18.01.2023)

7. Государство // (Росстат) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191?print=1> (дата обращения: 21.02.2023)

8. Интервью А. Моисеева [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=34656 (дата обращения: 01.03.2023)

9. Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files> (дата обращения: 12.02.2023)

10. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 г. № 738 "Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами ("золотой акции")" [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/187621/>(дата обращения: 01.03.2023)

11. Распоряжение правительства РФ от 16.09.2021 г. № 2580-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/> (дата обращения: 18.01.2023)

12. Рождаемость // (Росстат) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/rozhdzaamost/> (дата обращения: 14.01.2023)

13. Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/> (дата обращения: 18.01.2023)

14. Feeney, Mary K.; Stritch, Justin M. / Family-Friendly Policies, Gender, and Work–Life Balance in the Public Sector. In: *Review of Public Personnel Administration*. 2019; Vol. 39, No. 3. pp. 422-448

M. Nazarenko

THE INVOLVEMENT OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE DEMOGRAPHIC POLICY: STATEMENT OF THE RESEARCH PROBLEM

Abstract

The current demographic development in Russia is negatively identified by downward trends in the field of birth rate. Fertility rates do not correspond to expectations. The article is devoted to the consideration and possible development of corporate measures to re-enforce the State's pro-natalist policy, including support for the families employed by State and Municipal government bodies. The thesis puts forward the need to form a positive attitude to the pro-natalist policy within the structures of State and Municipal government (as an object of research). It is concluded: In order to evaluate the possibilities of solving such a task, an assessment of legal instrumentation and resources within specific Government departments should take place. In this way conducive conditions can be created to increase birth rate and support for employees, who combine parental duties with State and Municipal government labour.

Keywords: family policy in public bodies, support for families with children, family friendly policy of employees, corporate policy, demographic policy.

УДК 316.453

М. В. Придатченко

СООБЩЕСТВА РОДИТЕЛЕЙ, ОБУЧАЮЩИХ ДЕТЕЙ В ФОРМЕ СЕМЕЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Семейное образование – относительно новая практика в российском обществе. Обучение организуют родители, самостоятельно выбирая режим, формы, методы и содержание. Уход из школы предполагает ограничение общения в привычных сообществах, изоляцию семьи. Территориальные сообщества и тематические сообщества семейного образования в сети Интернет оказывают поддержку семьям, обучающих своих детей в форме семейного образования. Они стали складываться за несколько лет до пандемии COVID-19, но именно она дала толчок их расширению и активизации деятельности. Исследование направлено на выявление особенностей формирования и функционирования сообществ родителей, придерживающихся альтернативных образовательных стратегий в обучении своих детей, в развитии института образования в целом. База исследования: группы в социальной сети Вконтакте по темам семейное образование, альтернативное образование, семейные школы, чаты этих групп в Вконтакте и в Telegram. Сообщества состоят из родителей, обучающих своих детей в форме семейного образования, родителей, проявляющие интерес к вопросам образования, педагогов-репетиторов. Анализ состава групп показывает, что основную роль в определении образовательной стратегии ребенка продолжают играть женщины. Темы, выделенные при контент-анализе чатов в Telegram, подтверждают, что эти сообщества можно рассматривать как навигаторов в определении ориентиров и ресурсов развития института образования в целом. Дискуссии, посвященные обмену, обсуждению информации об образовательных ресурсах, набирают больше всего просмотров и участников. Важной чертой родительских сообществ по теме семейного образования является осознание собственного единства и общности целей, что увеличивает их значимость в обществе. Родительские сообщества по теме семейного (альтернативного) образования – интересный тренд, который был запущен процессами индивидуализации общества, но отражает стремление к новым содержательным формам объединения и участию в жизни общества в аспекте развития института образования.

Ключевые слова: семейное образование, альтернативное образование, вовлеченность родителей, родительские сообщества, фиджитал-сообщества.

Семейное образование – это практика получения основного общего образования вне учебных заведений. Семья полностью берет на себя организацию обучения ребенка, самостоятельно выбирая режим, формы, методы и содержание. Ситуации и мотивы перехода на семейное образование не отличаются большим разнообразием: в России ведущей причиной родители называют качество образования, на последующие места, определяя проблемы безопасности и буллинга в школе, здоровье детей; в западных странах проблема безопасности и буллинга лидирует, перемещаясь беспокоейства о качестве образования на второе место.

Тренд на “homeschooling” появился одновременно с повсеместным введением обязательного образования. Это всегда была маргинальная практика, не пользующаяся популярностью в обществе, более того вызывающая недоверие. Несмотря на то, что первые законы об обязательном школьном образовании были приняты не более 200 лет назад, посещение школы детьми представляется естественной и абсолютной нормой. Школа – это единственный проводник детей в общество, в мир взрослых. Соответственно, родители, не отправляющие своих детей в школу, – это девиация, до определенного времени латентная. Критика организации и содержания институционального школьного образования, дискуссия о расширении прав и участия родителей в образовании детей вывели практику семейного образования из тени, но незначительно приумножили ряды ее последователей. В России число сторонников этой формы образования увеличилось в три раза за последние три года, но составляет менее 0,5 % и остается маргинальной практикой. [2, с. 5] В странах, где история

семейного образования более длительная, процент детей на семейном образовании не превышает 5%. [1] Даже пандемийные годы не оказали существенного влияния на распространение практики семейного образования.

Изначально практика семейного образования предполагает индивидуализацию: родители и дети выпадают из привычных сообществ, вынуждены принимать больше самостоятельных нетипичных решений, увеличивается доля личной ответственности. Отклонение от стандартов – непосещение школы – вызывает непонимание, недоверие со стороны социального окружения. Чрезмерное любопытство, осуждение, попытки контроля со стороны обывателей и представителей различных государственных институтов вынуждают семьи, обучающие детей в форме семейного образования, не афишировать этот факт, дистанцироваться от близких контактов. Семьи, выбравшие путь самостоятельного образования, оказываются в изоляции.

Один из способов преодоления изоляции, расширения и социального, и образовательного пространств – взаимодействие с единомышленниками. В последние годы расширяются и становятся более активными сообщества родителей, обучающихся детей в форме семейного образования. Цель исследования – описать особенности формирования и функционирования этих сообществ.

Объектом анализа стали страницы сообществ, посвященных теме семейного (альтернативного) образования, семейным школам, в социальной сети Вконтакте, чаты сообществ на эти темы в социальных сетях Вконтакте и Телеграм. Семантический анализ информации был осуществлен при помощи языка программирования Python.

Территориальные сообщества и тематические сообщества семейного образования в сети Интернет стали складываться за несколько лет до пандемии COVID-19, но именно она дала толчок их расширению и активизации деятельности. Дефицит образования в этот период вынудил многих родителей искать интересные учебные материалы для своих детей, объединяться для проведения занятий и клубов общения. Так территориальные сообщества приобрели дополнительные виртуальные площадки общения и значительно увеличили свою численность, а взаимодействие в виртуальных сообществах было настолько интенсивным, что после улучшения эпидемиологической обстановки оно обрело воплощение и в офлайне в виде встреч, фестивалей, конференций и семинаров. Этот локальный феномен отражает общие тенденции развития социцифрового пространства: интеграцию виртуального и реального взаимодействия, формирование фиджитал-сообществ. Фиджитал-сообщества поддерживают коммуникацию и в цифровом, и в реальном пространствах, характеризуются крепкими связями и высоким уровнем доверия, не стремятся к неконтролируемому расширению, ограничивая свой состав единомышленниками.

Одна из моделей коммуникации в сфере поддержки и развития семейного образования строится вокруг источника знания или/и административно-юридической поддержки, не предполагая взаимодействие семей между собой. Это иерархическая модель. В североамериканской истории семейного образования это были, как правило, церковные организации, разрабатывавшие учебные планы и программы поддержки, оказывающие педагогическую, юридическую помощь. [3, с. 33] В России родители, алчущие лучшего в развитии и образовании для своих детей, следуют опыту педагогов-подвижников (М. П. Щетинин, Ш. А. Амонашвили), родителей (Чапковские), чей опыт растиражирован в СМИ. По мере распространения социальных сетей эксперты семейного образования уже сами создают себе образ, формируют пул последователей, привлекают новых клиентов. У них разные стратегии продвижения семейного образования и своих услуг, но они не способствуют формированию сообществ и ассоциаций среди тех, кто приходит на их страницы.

Родительские сообщества сетевого типа по теме семейного образования имеют сравнительно небольшую историю. Они существенно расширили свою аудиторию в период пандемии, став поддержкой для всех родителей, вынужденных учить своих детей самостоятельно. Дефицит ресурсов, опыта, решительности вынуждали людей обращаться за помощью. Эти сообщества складывались на страницах экспертов семейного образования. Как

правило, со страниц, имеющих устойчивую ассоциацию с автором и преимущественно коммерческую составляющую, сообщества взаимодействия вынуждены перемещаться. Если эксперт сохраняет баланс между социальной миссией и коммерческой выгодой, то сообщество живет и функционирует, привлекая новых участников. Другой источник формирования: тематические страницы, посвященные образованию, активность на которых последователи семейного образования снижают, выделяясь позже в отдельные сообщества. Третий сценарий выстраивания сообщества основывается на объединении реального и виртуального взаимодействия: региональные сообщества родителей, обучающих детей на семейном образовании. Количество участников таких сообществ насчитывает и сотни, и тысячи, в зависимости от регионального статуса населенного пункта и численности его населения.

Родительские сообщества сетевого типа складывались вокруг и при поддержке лидеров, наиболее активных участников со схожим или более богатым опытом. Существенным отличием этих сообществ от групп последователей экспертов является наличие горизонтальных связей между участниками, поддержка конструктивного и позитивного общения. Федеральные онлайн-группы по семейному образованию часто имеют территориальные подгруппы для обмена офлайн ресурсами и совместного проведения офлайн мероприятий, которые традиционно считаются более эффективными в детском образовании.

Сообщества состоят из родителей, обучающихся в форме семейного образования, опытных и начинающих, родителей, проявляющие интерес к вопросам образования, педагогов-репетиторов, предлагающие свои услуги с учетом специфики клиентов. Гендерный состав этих групп очевиден: более 90% участников составляют женщины. Детское образование пока остается преимущественно женской сферой ответственности. Доступная информация о местах проживания участников показывает, что в основном это крупные города с населением от 300000 человек.

Как правило, на страницах сообществ родители размещают полезные и интересные ресурсы для самостоятельного обучения, привлекая на свои страницы родителей школьников и распространяя свои идеи за пределы группы. На страницах и в чатах сообществ разворачиваются дискуссии на актуальные темы, связанные трансформацией учебных программ, института образования и общества. Интересно – проект «Разговоры о важном», имеющий неоднозначную оценку в обществе, нашел поддержку у родителей, чьи дети не посещают школу. Они делятся материалами о патриотизме, культуре и истории страны, семейных ценностях. Анализ сообщений и комментариев показывает, что данные сообщества понимают свое единство и стремятся к установлению крепких связей. В сообществах наблюдается доброжелательная атмосфера: участники свободно задают вопросы, ищут поддержки. Родителей, обучающихся детей в форме семейного образования, не меньше, чем всех остальных членов общества, заботит социализация их детей. Традиционно принято считать, что социализация возможна лишь в кругу ровесников. Одним из направлений деятельности родительских сообществ является организация совместных офлайн мероприятий: групповых занятий, праздников, экскурсий, совместных прогулок, компаний для настольных игр.

Количество семей, обучающихся своих детей самостоятельно, увеличивается каждый год. У этого явления комплекс причин. Формирование сообществ родителей усиливает их позиции во взаимодействии с обществом и государством, расширяет социальное и образовательное пространство для детей и их семей, трансформирует образовательные практики и систему взаимодействия в образовательном процессе. Важной чертой родительских сообществ по теме семейного образования, несмотря на их малочисленность и разнообразный социальный, религиозный, этнический состав, является осознание собственного единства и общности целей, что увеличивает их значимость в обществе.

Литература

1. Антипкина И.В. Исследования «родительской вовлеченности» в России и за рубежом. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т.1, № 4 (41). С. 102–114.

2. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования на начало 2020/2021 учебного года. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 3.01.2023)

3. Steven Duvall (2021): A Research Note: Number of Adults Who Homeschool Children Growing Rapidly, Journal of School Choice, DOI: 10.1080/15582159.2021.1912563

4. Dwyer J.G., Peters S.F. Homeschooling: the history and philosophy of controversial practice. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. 244 p.

M. Pridatchenko

COMMUNITIES OF PARENTS TEACHING CHILDREN IN THE FORM OF FAMILY EDUCATION

Abstract

Family education is a relatively new practice in Russian society. Parents organize the training, independently choosing the mode, forms, methods and content. Leaving school involves limiting communication in familiar communities, isolating the family. Local communities and Internet thematic communities of family education provide support to families who teach their children in the form of family education. They began to take shape a few years before the COVID-19 pandemic, but the social restrictions gave impetus to their expansion and revitalization. The research is aimed at identifying the features of the formation and functioning of parental communities who adhere to alternative educational strategies in teaching their children, in the development of the institute of education. Research base: groups in the Vkontakte social network on the topics of family education, alternative education, family schools, chats of these groups in Vkontakte and Telegram. Communities consist of parents who teach their children in the form of family education, parents who are interested in education issues, teachers-tutors. The analysis of the composition of the groups shows that women continue to play the main role in determining the educational strategy of the child. The topics highlighted in the content analysis of Telegram chats confirm that these communities can be considered as navigators in determining the guidelines and resources for the development of the institute of education. Discussions dedicated to the exchange, sharing of information about educational resources, gain the most views and participants. An important feature of parental communities on the topic of family education is the awareness of their own unity and common goals, which increases their importance in society. Parental communities on the topic of family (alternative) education are an interesting trend that was launched by the processes of individualization of society but reflects the desire for new meaningful forms of association and participation in the life of society in the aspect of the development of the institute of education.

Keywords: family education, alternative education, parental involvement, parent communities, phydigital community.

УДК 331.101.262: 316.365.2

Д. Г. Саитова

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЛАГОПОЛУЧНОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Аннотация

Большая часть российских исследований посвящена благополучному детству, а в отношении родительства традиционно применялись категории ответственного и осознанного родительства. Формированию культуры ответственного и осознанного родительства, как и ключевым факторам этого процесса, уделялось важное место в российской научной литературе. В свою очередь, в последние годы предметом научных исследований российских ученых все чаще становятся категории «благополучная семья» и «благополучие семьи». В целом исследования благополучного родительства пока не объединены в рамках одной тематики и в настоящее время представлены отдельными инициативными публикациями. В статье предпринята попытка определить место категории «благополучное родительство» в современных российских исследованиях, а также определить участие института СМИ в формировании культуры благополучного родительства.

Ключевые слова: благополучное родительство, семья, СМИ, средства массовой информации, демография.

С одной стороны, кажется, что феномен благополучного родительства не новая тематика для российских исследований, однако фактически анализ публикационной активности российских ученых за последние 10 лет свидетельствует о небольшой доле научных публикаций, посвященных этой теме. За период с 2013 по 2022 гг. в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU зарегистрировано только 27 публикаций по проблемам благополучного родительства. Анализ содержания этих научных статей внутри основной темы позволяет выделить топ-5 научных проблем, которым посвящены почти три четверти публикаций (табл. 1).

Таблица 1

ТОП-5 тематик публикаций по благополучному родительству за 2013–2022 гг.

№	Темы публикаций	Количество	Период	Авторы
1	Консультирование и обучение родителей, включая молодых и будущих	5	2020, 2022	Степанова О. П., Бондаренко О. Г., Фабричкина Е. В. [15], Оскар З. Б. [6], Багаутдинов А. А., Губайдуллина Г. Т., Сахипова З. М., Фаррахов В. Н. [14]
2	Ценности и влияние культуры	4	2012, 2019, 2021, 2022	Сумова Т. И. [16], Кригер Е. Э., Бахадова Е. В. [4], Комарова А. Ю., Терещенко М. Н., Иванова И. Ю., Евтушенко И. Н., Пикулева Л. К. [7], Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. [10]
3	Гармонизации психики и личности ребенка	4	2014	Семакова Е. В. [13]
4	Модели родительства и семейного воспитания, их содержание	4	2019, 2021, 2022	Бекоева М. И., Писклова М. В. [1], Гурко Т. А. [3], Ростовская Т. К. [9]
5	Отношение к беременности и будущему ребенку	3	2013, 2014, 2021	Мошквивская В. А., Бурина Е. А. [5], Бобова Ж. В., Савенышева С. С. [2]

Источник: Составлено автором по данным eLIBRARY.RU

Наибольшее число публикаций российских ученых посвящено обучению молодых [14; 15] или будущих родителей [6], формированию их ценностных установок [13] или оценке уже сформировавшихся [4; 5; 7], попытке построить модель благополучного родительства [3; 9] или семейного воспитания [1]. Однако фактически частота таких публикации в последние годы только начала повышаться, а до этого тематика благополучного родительства была представлена только отдельными редкими публикациями. Помимо указанных в таблице тем выделенные нами для анализа публикации, посвященные благополучному родительству, охватывали следующий круг проблем: 1) государственная политика и нормотворчество; 2) репродуктивные планы и поведение; 3) сопровождение приемных семей; 4) отношение родителей к детям с ОВЗ. Данные темы были представлены отдельными единичными публикациями.

В свою очередь, по данным SciVal за последние три года, в зарубежных наукометрических базах ежегодно индексируются около 500 научных публикаций с упоминанием проблематики благополучного родительства. Вместе с тем, зарубежные исследования благополучного родительства также пока не объединены в рамках одной

тематики и в настоящее время представлены отдельными инициативными публикациями. В зарубежной литературе в качестве отдельно сформировавшейся исследовательской тематики можно выделить только «материнское благополучие», однако, как и в России, публикации в ее рамках преимущественно затрагивают медицинские вопросы материнского здоровья, благополучного протекания беременности, родоразрешения и младенческой смертности.

В целом в России содержание публикаций внутри темы благополучного родительства уже начало формироваться вокруг социологической проблематики, связанной с ценностными ориентирами, моделями, установками и их формированием. Логичным продолжением анализа и построения той или иной модели ценностей благополучного родительства видится поиск ресурсов и инструментов, способных формировать ценности благополучного родительства и, при необходимости, трансформировать их. Современные социологи отмечают, что «в российском обществе в качестве традиционных институциональных структур, обеспечивающих регламентацию ценностных ориентаций российских граждан, выступают государство, образование, религия, семья и СМИ» [17, с. 39]. Действительно, изучение вопросов создания и продвижения образа родительства в российских средствах массовой информации, а также участия государства в этом процессе для влияния на демографическую ситуацию [8, с. 112–115] в последние годы существенно активизировалось. Предпринимаются попытки как провести отдельные эмпирические исследования [11, с. 98–105], так и сформировать методический инструментарий для установления преемственных связей между исследованиями и изучения явления в динамике [8; с. 112-115; 12, с. 272-276]. Одной из составляющих такой методики является одновременное исследование вклада двух институтов – государства и СМИ – в формирование и продвижение ценностей родительства. Ее применение позволяет исследовать феномен более объемно, то есть влияние на него сразу двух институтов – СМИ и государства. Так, например, результаты одного из проведенных нами в 2022 г. эмпирических исследований позволяют оценить, какие тематики преобладают в дискурсе государства о родителстве и насколько средства массовой информации готовы их транслировать [11, с. 104].

Так, в 2021 году вопросам родительства была посвящена почти треть публикаций на сайте Министерства социальной политики Свердловской области, материалы которого нами анализировались. Их общее количество составило 38 новостных материалов или пресс-релизов, которые также были направлены средствам массовой информации для распространения. По итогу такой работы, проделанной Министерством социальной политики Свердловской области, в различных средствах массовой информации региона появилось 525 публикаций, связанных с семьей и родителством [11, с. 103]. По своему содержанию публикации были представлены четырьмя основными группами:

- 1) Улучшение материального положения семей (семейные выплаты);
- 2) Нематериальное стимулирование родительства (награды, поощрения);
- 3) Защита детей;
- 4) Мероприятия для детей с ОВЗ.

При этом подавляющее число публикаций СМИ, а именно 53%, были посвящены вопросам нематериального стимулирования родительства – семейным конкурсам и награждениям («Семейная доблесть», «Материнская доблесть», «Совет да любовь» и др.), преимущественно через которые в настоящее время региональные органы власти транслируют семейные ценности и продвигают образ благополучной семьи.

Ранее попыток исследования влияния сразу трех институтов на формирование культуры благополучного родительства не предпринималось, однако в рамках настоящей статьи попытаемся включить социальный институт науки в процесс и методику нашего исследования. Сравним тематику публикаций ученых по вопросам благополучного родительства и одного из региональных органов власти (Свердловская область) за 2021 г. на предмет наличия схожей проблематики. Простое сравнение показывает, что однозначное совпадение обнаружено только в отношении проблематики, связанной с детьми с ОВЗ. В научных статьях, описывающих ценности и модели благополучного родительства,

безусловно, присутствуют материальные и нематериальные аспекты жизни семей, однако отдельных научных публикаций, посвященных только этим вопросам благополучного родительства не встречается. В то же время многие составляющие благополучного родительства, выявленные учеными не нашли отражения в информационной деятельности органа государственной власти и, соответственно, в последующих публикациях СМИ. Именно поэтому, на наш взгляд, важно продолжать исследования в русле предложенных подходов, для консолидации потенциала, возможностей и результатов деятельности всех социальных институтов для формирования культуры благополучного родительства.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Литература

1. Бекоева М. И. Многогранность современной модели семейного воспитания как основа самоэффективности личности / М. И. Бекоева, М. В. Писклова // ЦИТИСЭ. 2022. № 2(32). С. 404–411. DOI 10.15350/2409–7616.2022.2.35. – EDN LHZOSX.
2. Бобова Ж. В. Отношение беременных женщин к беременности и будущему ребенку в связи с особенностями супружеских взаимоотношений / Ж. В. Бобова, С. С. Савеньшева // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. Т. 1. С. 36–41. EDN RBGRPJ.
3. Гурко Т. А. Динамика благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей / Т. А. Гурко // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3(35). С. 59–72. DOI 10.19181/snsp.2021.9.3.8433. – EDN RVSCGB.
4. Кригер Е. Э. Ценности родительско-детских отношений девиантных подростков / Е. Э. Кригер, Е. В. Бахадова // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 1. С. 157–167. DOI 10.28995/2073-6398-2019-1-157-167. – EDN GZSTCX.
5. Мошквивская В. А. Психологическая готовность к материнству женщин с благополучным репродуктивным анамнезом / В. А. Мошквивская, Е. А. Бурина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. № 5(165). С. 245–273. DOI 10.25588/CSPU.2021.165.5.019. EDN IDTMPF.
6. Оскар З. Б. Подготовка молодого поколения к созданию семьи как элемент поддержки демографической безопасности жизнедеятельности средствами образования / З. Б. Оскар // Проблемы и перспективы образования в многополярной системе безопасности жизнедеятельности постиндустриального мира (межотраслевая секция) : Сборник I международной научно-практической конференции. Международный объединённый кластер в рамках программы: "Принципы и механизмы формирования международных инновационных систем", Дубна, 25–26 декабря 2020 года. – Дубна: Наукорады Подмосковья, 2020. С. 95–103. EDN AKSVGB.
7. Родительство как социокультурная ценность / А. Ю. Комарова, М. Н. Терещенко, И. Ю. Иванова [и др.] // Обзор педагогических исследований. 2022. Т. 4, № 7. С. 170–175. EDN VRSSTP.
8. Рождаемость и родительство в России: детерминанты и региональная дифференциация / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова [и др.]. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. 157 с. ISBN 978-5-7996-2511-5. EDN VSIVDF.
9. Ростовская Т. К. Благополучие глазами молодых супругов: анализ экспертных интервью / Т. К. Ростовская // Человеческий капитал. 2022. Т. 1, № 5(161). С. 143–148. DOI 10.25629/HC.2022.05.16. EDN GHOQZN.

10. Ростовская Т. К. Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, О. А. Золотарева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 59-71. DOI 10.19181/demis.2021.1.4.5. EDN UKREXZ.

11. Сайтова Д. Г. Институт СМИ в контексте реализации демографической политики России: региональный опыт / Д. Г. Сайтова, М. С. Бахтина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 95-109. DOI 10.19181/demis.2022.2.4.7. EDN ILPHFY.

12. Сайтова Д. Г. Методика исследования СМИ как социального института поддержки пронаталистской политики / Д. Г. Сайтова // Глобальные вызовы демографическому развитию : Сборник научных статей. В 2-х томах / Редакторы О. А. Козлова [и др.]. Том II. – Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2022. С. 271–278. DOI 10.17059/udf-2022-4-25. EDN ZXIUWG.

13. Семакова Е. В. Формирование благополучного родительства в профилактике личностных дисгармоний у ребенка / Е. В. Семакова // Психолого-педагогические условия формирования социально зрелой личности : Материалы международной научно-практической конференции. 125-летию С. Л. Рубинштейна посвящается, Псков, 24–25 апреля 2014 года. Псков: Псковский государственный университет, 2014. С. 200–204. EDN YVCYSQ.

14. Современные образовательные стратегии для молодых семей: актуальные потребности, мотивационные и ценностные ориентации / А. А. Багаудинов, Г. Т. Губайдуллина, З. М. Сахипова, В. Н. Фаррахов // Казанский педагогический журнал. 2022. № 2(151). С. 228–235. DOI 10.51379/KPJ.2022.152.2.032. EDN WLDVKY.

15. Степанова О. П. Особенности психологического консультирования родителей нового поколения детей с учетом диверсифицированной модели воспитания / О. П. Степанова, О. Г. Бондаренко, Е. В. Фабричина // Петровские образовательные чтения. Духовно-нравственные ценности молодежи в российском обществе : Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 10–18 октября 2022 года / Под общей редакцией епископа Магнитогорского и Верхнеуральского Зосимы. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2022. С. 346–352. EDN UPITGF.

16. Сумова Т. И. Современные проблемы родительства / Т. И. Сумова // Культура родительства и семейные ценности в современном мире : Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Краснодар, 10 ноября 2022 года. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. С. 275–278. EDN WNXRLA.

17. Фролова Е. В., Рогач О.В. Роль социальных институтов в формировании ценностных установок восприятия российским обществом его историко-культурного наследия // Социодинамика. 2018. № 2. С. 30–41. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.22942 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22942

D. Saitova

THE IMPACT OF THE MEDIA INSTITUTION ON FORMING A CULTURE OF PROSPEROUS PARENTING

Abstract

In contrast with the Russian research devoted to a prosperous childhood, parenting usually collocates with responsible and conscious. The formation of responsible and conscious parenting culture, as well as the key factors of this process, has been given an important place in the Russian scientific literature. In turn, in recent years, the categories of prosperous family and family well-being” have increasingly become the subject of scientific research by Russian scientists. The paper attempts to determine the place of the category of prosperous parenting in modern Russian, as well as to determine the role of the media institution in the formation of a culture of prosperous parenting.

Keywords: prosperous parenting, family, mass media, media, demography.

СЕМЬЯ КАК УЧАСТНИК СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА

Аннотация

В статье описываются проблемы реализации социального сопровождения выпускников Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, в городе Новосибирске. В контексте осуществления демографической и социальной политики проблема социализации социально уязвимой молодежи, склонной к попаданию в эксклюзирующую среду, актуальна в научной и практической деятельности. Отсутствие возможности воспитываться в семье – один из основных факторов, оказывающих влияние на усвоение индивидом одобряемых обществом социальных ролей, воспроизведение семейных ценностей и паттернов поведения. Рассматривая социальное сопровождение данной социально уязвимой категории молодежи как эффективный механизм адаптации и социализации, важно понимать, как функционирует эта система и насколько она подвержена изменениям. В 2022 году автором было проведено социологическое эмпирическое исследование. Целью которого является описание изменений системы социального сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа в городе Новосибирске, происходящие в настоящее время. В исследовании приняли участие две группы респондентов. Первая категория – специалисты в области социального сопровождения (n=54), вторая категория – выпускники учреждений интернатного типа (Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей) (n=145). Полученные результаты исследования подтверждают значимость участия семьи в процессе социального сопровождения выпускников учреждений интернатного типа, а также позволяют спрогнозировать возможные жизненные ориентиры, сформированные с учетом наличия и отсутствия в окружении выпускника благополучного примера семьи. Изучение роли семьи как участника сопровождения выпускников учреждений интернатного типа является значимым шагом в построении эффективной модели социального сопровождения.

Ключевые слова: семья, социальное сопровождение, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социализация.

Введение. С начала XXI века по настоящее время в социальную сферу нашей страны активно внедряется, реализуется и тиражируется программный подход. Государственная демографическая и социальная политика в области поддержки семьи и детства предполагает реализацию трех взаимосвязанных друг с другом направлений деятельности. Первое направление – формирование, поддержка и развитие абилитационного потенциала семьи, второе направление – профилактика жестокого обращения с детьми и профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства и третье – реализация мер, направленных на социализацию социально-уязвимых слоев населения, в т. ч. молодежи, склонной к попаданию в эксклюзирующую среду.

Устойчивая реализация обозначенных направлений невозможна без своевременного и систематического анализа проделанной работы, выявления проблемных зон, разработки и внедрения эффективных инструментов по их устранению, а также определения векторов развития. Именно поэтому для достижения обозначенных целей особую значимость приобретает взаимодействие представителей государственных и муниципальных структур и научного сообщества. Как отмечают Л. А. Осьмук, И. В. Жданова, внедрение программного подхода в деятельность социальных служб изменило представление о характере взаимодействия и способствовало возникновению программ и проектов, направленных на достижение конкретных результатов. Однако, комплексное решение имеющихся проблем, обозначенных в каждом направлении государственной демографической и социальной политики в области поддержки семьи и детства возможно лишь в случае очевидной взаимосвязи программ профилактики жестокого обращения с детьми, социального сиротства и семейного неблагополучия [1, с.348]. Очевидно, что сбой в работе этих взаимосвязанных

направлений, приводит к тому, что дети попадают в учреждения интернатного типа, где функцию воспитания ребенка возлагает на себя государство передавая эти полномочия отдельным организациям и учреждениям, таким как Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей (ранее – детские дома). Исследование вопросов адаптации и социализации выпускников учреждений интернатного типа – неизменная и актуальная повестка научных конференций, форумов, круглых столов последнего десятилетия [2; 3].

Отсутствие возможности воспитываться в семье – один из основных факторов, оказывающих влияние на усвоение индивидом одобряемых обществом социальных ролей, воспроизведение семейных ценностей и паттернов поведения, что подчеркивает необходимость реализации социального сопровождения выпускников Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Рассматривая социальное сопровождение данной социально уязвимой категории молодежи как эффективный механизм адаптации и социализации, важно понимать, как функционирует эта система и насколько она подержана изменениям, и такое понимание возможно получить путем проведения эмпирического социологического исследования.

Методология исследования. Методологической основой проведенного эмпирического исследования служит институциональный подход, где система социального сопровождения определяется как совокупность различных социальных институтов, находящихся во взаимоотношениях, в основе которых выступают общепризнанные и общепринятые нормы и обычаи поведения в равной степени закрепленные за всеми участниками системы. Анкетный опрос – количественный метод сбора данных проведенного исследования. В исследовании приняли участие две категории респондентов: специалисты в области социального сопровождения (n=54), и выпускники учреждений интернатного типа – Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей (n=145). Форма взаимодействия с респондентами – личное и заочное анкетирование.

Результаты исследования. Отсутствие положительного опыта воспитания в семье, влечет за собой возникновение у «выпускника» учреждения интернатного типа массу проблем социально-бытового, социально-психологического, социально-педагогического, социально-трудового и социально-правового характера, что актуализирует необходимость его сопровождения. Следует отметить, что под «выпускниками» мы понимаем лицо, покинувшее учреждение интернатного типа (Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей).

Определяющее значение для процесса социального сопровождения играет системное/постоянное социальное взаимодействие основных участников. Примечательно, что по результатам опроса специалистами, реализующими сопровождение, в качестве субъектов этой деятельности в большей мере обозначены учреждения социальной сферы – Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и учреждения системы социальной защиты, затем – учреждения системы образования, в то время как некоммерческий сектор и представители местных сообществ играют наименьшую роль. Важно отметить, что специалисты, осуществляющие сопровождение, не рассматривают семью как полноправного участника данного процесса. Если в отношении первой категории (выпускники, имеющие статус «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей») существенную роль играет приемная семья, то в отношении тех, кто является «выпускниками, достигшими 18-летнего возраста» семья как основной институт социализации не фигурирует совсем (табл. 1).

Таблица 1

Участники социального сопровождения (на примере г. Новосибирска), обозначенные специалистами (n=54)

Участники социального сопровождения выпускников, имеющих статус «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей»	Численность специалистов, отметивших структуру в качестве участника сопровождения	Участники социального сопровождения выпускников, имеющих статус «лица из числа дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей»	Численность специалистов, отметивших структуру в качестве участника сопровождения
Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей	45	Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей	34
Учреждения системы социальной защиты	36	Учреждения системы социальной защиты	40
Применные семьи	30	-	-
Учреждения системы образования	20	Учреждения системы образования	19
НКО	8	НКО	7
Учреждения культуры	4	Учреждения культуры	5
Волонтеры	16	ТОС, ТСЖ места проживания «выпускника»	9

Вне стен интернатного учреждения «выпускнику» приходится осуществлять поиск стратегий, позволяющих решать возникающие проблемы. Так, 16, 67% второй группы респондентов отмечают, что именно родственники являются одним из основных участников, оказывающих реальную помощь в решении возникающих проблем и трудностей, что отражено в табл. 2.

Таблица 2

Субъекты, помогающие решить проблемную ситуацию, обозначенные выпускниками центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей (на примере г. Новосибирска) (n=145)

Субъекты, помогающие решить проблемную ситуацию	Доля выпускников от общей численности респондентов
Я сам	23,55%
Значимый для меня человек (родственник)	16,67%
Специалист Центра (детского дома)	35,14%
Специалист другого учреждения	8,33%
Друзья (в т. ч. выпускники Центра (детского дома), одноклассники, коллеги)	14,86%

Ключевым результатом успешного социального сопровождения выпускника Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, является осознанная готовность создания семьи в будущем, а также трансляция самим лицом из их числа набора социальных ролей, предполагающего воспроизведение семейных ценностей и одобряемых обществом паттернов поведения. В целом, значимость создания семьи «выпускником» в будущем отмечает более половины первой группы респондентов – 31 специалист из 54 (рис. 1).

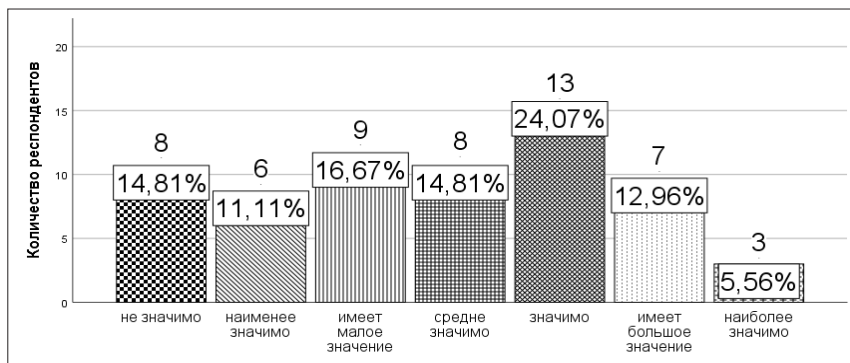

Рис. 1. Значимость создания семьи как результат социального сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (на примере г. Новосибирска)

Большее значение для специалистов, реализующих сопровождение данной социально уязвимой категории, склонной к попаданию в эксклюзирующую среду (39 респондентов из 54), является предотвращение ситуаций попадания детей выпускников в систему интернатных учреждений, другими словами, снижение риска возникновения вторичного сиротства (рис. 2).

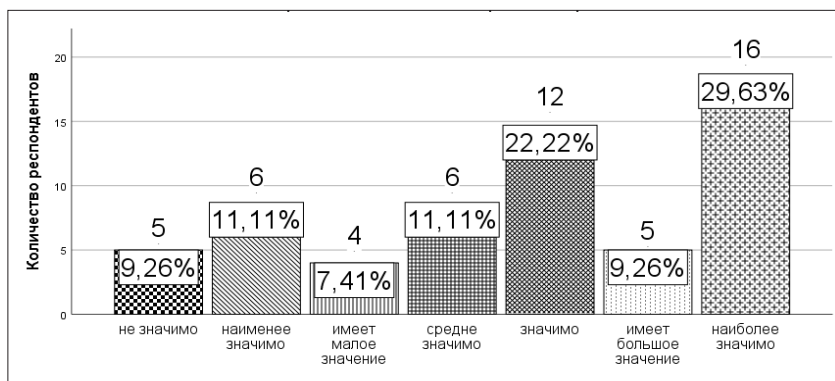

Рис. 2. Значимость снижения риска возникновения вторичного сиротства как результат социального сопровождения лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (на примере г. Новосибирска)

Эффективная модель социального сопровождения выпускников Центров помощи детям, оставшихся без попечения родителей, должна предполагать взаимодействие не только органов государственной и муниципальной власти в сфере социальной политики, образования, занятости, некоммерческого сектора и бизнеса, но и рассматривать семью как актора адаптации и социализации. Не последнюю роль в этом процессе играет мотивация и участие самого выпускника как представителя социального сообщества в процессе выстраивания собственной траектории жизни вне учреждения. На рис. 3 представлена динамика участия социально благополучной семьи в решении проблем выпускника в зависимости от года его выпуска из учреждения. Полученные данные фиксируют перспективность активизации действий специалистов, в отношении членов их

семей.

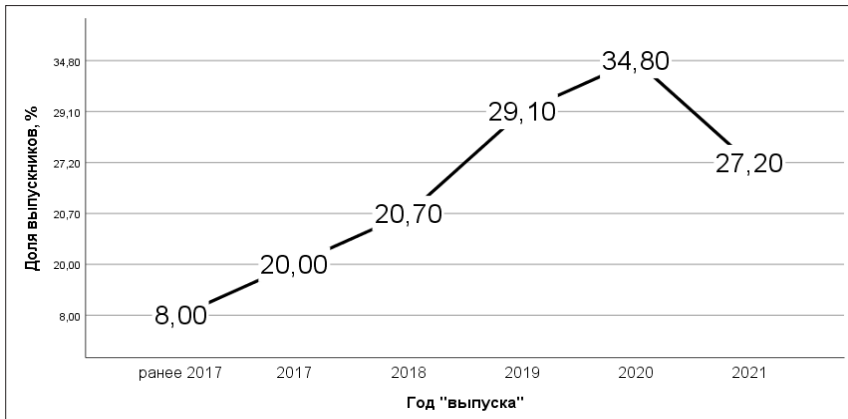

Рис. 3. Роль и значимость семьи в решении проблем «выпускников» Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей (на примере г. Новосибирска)

Заключение. Фокус внимания на изучение роли семьи в процессе социального сопровождения выпускников Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и рассмотрения ее как актора адаптации и социализации, позволил нам спрогнозировать возможные результаты реализации данной социальной практики.

В случае, если условно благополучная семья (приемная / «собственная» / кровная (родственники) рассматривается в качестве полноправного участника социального сопровождения, возможны следующие социально-одобряемые обществом результаты, оказывающие позитивное влияние на «выпускника»: усвоение индивидом одобряемых обществом социальных ролей; формирование способности самостоятельно справляться с возникшими проблемами, приобретение «выпускником» навыков, необходимых для самостоятельной жизни; получение им среднего профессионального и высшего образования, возможности трудоустройства; создание семьи, а также снижение уровня вторичного социального сиротства.

Отсутствие семьи (приемная/ «собственная» / кровная (родственники) в процессе социального сопровождения влечет за собой возникновение следующих последствий негативного характера для «выпускника»: риск оказаться в эксклюзивной среде; склонность к иждивенческой позиции; отсутствие у «выпускника» мотивации к приобретению навыков, необходимых для самостоятельной жизни; отсутствие у него мотивации к обучению и дальнейшему трудоустройству; повышение уровня вторичного социального сиротства.

Изучение роли семьи как участника социального сопровождения выпускников учреждений интернатного типа является значимым шагом в построении эффективной модели социального сопровождения не только в городе Новосибирске, но и в других крупных населенных пунктах нашей страны.

Литература

1. Осьмук Л. А. Особенности моделирования и реализации современных региональных программ жестокого обращения с детьми: опыт Новосибирской области / Л. А. Осьмук, И. В. Жданова // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.)

/ под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 345–351.

2. Семья Г. В. Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя // Психология и право. 2021. Т.11. № 4. С. 25–41.

3. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 94–118.

E. Starikova

THE FAMILY AS A PARTICIPANT OF SOCIAL SUPPORT FOR THE GRADUATES OF CENTRES FOR HELPING CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Abstract

The article describes the problems of implementing social support for the graduates of Centres for helping children left without parental care in Novosibirsk. In the context of the implementation of demographic and social policies, the problem of socializing socially vulnerable young people who are prone to falling into an exclusionary environment is relevant in science and practice. Lack of opportunity to be raised in a family is one of the main factors influencing an individual's assimilation of social roles, family values and patterns of behavior approved by society. Considering the social support for this socially vulnerable category of youth as an effective mechanism of adaptation and socialization, it is important to understand how this system functions and how susceptible it is to change. In 2022, the author conducted a sociological empirical study describing the changes taking place in the field of social support for graduates of Centres for helping children left without parental care in Novosibirsk. Two groups of respondents participated in the study – specialists in the field of social support (n=54) and graduates of Centres for helping children left without parental care (n=145). The results of the study confirm the importance of family participation in the process of social support for graduates of residential institutions, and also allow us to predict the possible life orientations formed by taking into account the presence and absence in the graduate's environment of a prosperous family example. Studying the role of the family as a participant in accompanying the graduates of residential care institutions is an significant step in building an effective model of social support.

Keywords: Family, social support, orphaned children, children left without parental care, persons from among orphaned children and children left without parental care, socialization.

УДК 316.4.051.3

Д. Янь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА С ОПЫТОМ ПРЕБЫВАНИЯ В РОЛИ ОСТАВЛЕННЫХ ДЕТЕЙ В КИТАЕ

Аннотация

Китай и Россия сталкиваются со схожими демографическими проблемами, в числе которых – продолжающееся снижение уровня рождаемости. Исследование рождаемости и родительского труда для разных групп населения может дать разные результаты, выявляя те специфические факторы, которые могут быть чувствительными для одной категории и нечувствительными для другой. Для стимулирования как повышения качества, так и объема человеческого капитала в Китае, необходимо выстраивание комплексной стратегии государства в отношении самых разных социально-демографических групп населения. Цель исследования – разработать предложения по совершенствованию мер китайской демографической политики, которыми можно было бы ее дополнить в регионах с высоким числом оставленных детей. В основе эмпирического анализа лежат данные, позволяющие судить о специфике субъектов родительского труда с опытом пребывания в детстве в статусе оставленных детей. Это – данные анкетного опроса и индивидуальных глубинных интервью, проведенных нами в Сычуань, Китай в 2021 г. Были опрошены респонденты-родители двух типов – с опытом пребывания в роли оставленных детей и без такого опыта. Выявлены факторы, которые могут привести к снижению готовности субъектов родительского труда, которые были оставленными детьми, иметь детей и выполнять родительский труд, в том числе: конфликт между профессиональной деятельностью субъекта и его родительским трудом; межпоколенческое влияние

отношений между родителями и детьми; конфликт между поколениями в воспитании детей. Нами предложены следующие рекомендации: разработка системной модели стимулирования субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, и внесение соответствующих корректировок с последующей оценкой и обратной связью; разработка программы целевого стимула для субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми; использование разнообразных инструментов для стимулирования субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми; выстраивание целостного механизма оценки, системы мониторинга родительского труда и механизма обратной связи и обмена информацией, связанной с субъектами родительского труда, которые раньше были оставленными детьми.

Ключевые слова: демографическая политика, оставленные дети, родительский труд, субъекты родительского труда, Китайская Народная Республика.

За последние 40 лет демографическое развитие Китая шло бурными темпами – менялись как численность, так и структура населения.

Демографическая политика Китая в отношении рождаемости также менялась, перейдя с ограничительной на стимулирующую. Отметим, что разные демографические проблемы той или иной страны мира влекут за собой разные типы и содержание демографических политик. Китай и Россия – самые густонаселенные страны мира, но их демографическая ситуация и демографические траектории различны. Это связано с различными географическими, политическими, экономическими, культурными и социальными условиями двух стран. Россия проводит активную демографическую политику, способствуя росту населения, тем самым увеличивая численность населения страны. Китай же почти 40 лет проводит политику планирования семьи с целью контроля численность своего населения (рис. 1).

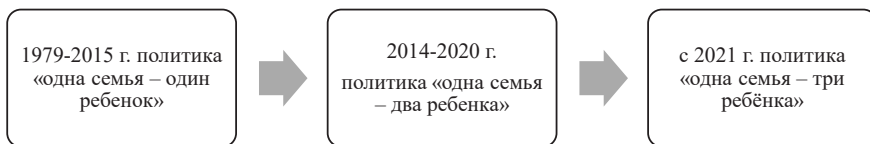

Рис. 1. Развитие демографической политики Китая в 1979–2021 гг. [5]

Политика «одна семья-один ребенок», направленная на уплотнение населения, в 2014 г. была трансформирована в политику «одна семья-два ребенка». Начальный этап реализации новой политики был направлен только на один тип семей, а именно на семьи, где оба супруга являются однодетными. Для других категорий семей на этом этапе продолжала действовать политика «одна семья-один ребенок». Только в 2016 г. Китай начал полностью реализовывать политику «одна семья-два ребенка» [1]. Однако эффект от политики «одна семья-два ребенка» продлился недолго. С 2016 г. рождаемость в Китае начала стремительно падать. В 2021 г. Китай ввел новую демографическую политику «одна семья – три ребёнка».

Стоит отметить, что, несмотря на различия национальных условий между Китаем и Россией, численность их населения и разную демографическую политику, которую они проводят, в текущей демографической ситуации в обеих странах есть общие черты.

Во-первых, сходство наблюдается в динамике уровня рождаемости за последние 10 лет (рис. 2).

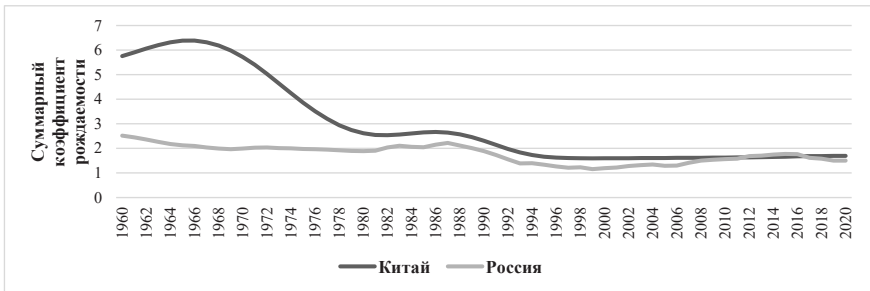

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Китае

Известно, что в 1990-х гг. в период социально-экономических трансформаций российского социума происходил демографический спад [3]. В этот период уровень рождаемости в Китае также значительно снизился. Несмотря на то, что уровень рождаемости в обеих странах примерно одинаков, период 2000–2016 гг. для России выглядит более стабильным, чем для Китая, где за последние годы произошло резкое снижение показателя. Столь быстрое падение в Китае до уровня воспроизводства населения в начале 1990-х гг. произошло в условиях жесткого контроля над численностью населения.

Во-вторых, в Китае и России наблюдаются схожие проблемы со структурой населения, а именно: старение населения, дисбаланс в соотношении полов, сокращение трудоспособного населения, малое количество детей в семьях и т. д. Поскольку степень развития и скорость старения населения зависят от скорости и траектории прошлого роста населения, накопление будущего стареющего населения определяется прошлым ростом населения. Согласно данным ООН, в 2015–2050 гг. уровень старения населения (доля пожилого населения в возрасте 65 лет и старше) увеличится до 20,9% в России и до 27,6% в Китае; численность населения трудоспособного возраста (15–64 года) сократится на 17% в России и 21% в Китае. Следовательно, в настоящее время эти проблемы имеют разный масштаб, но темпы и острота распространения структурных демографических противоречий в будущем, вероятно, будут гораздо более сложными для Китая, чем для России.

Китай в настоящее время столкнулся с так называемой «ловушкой рождаемости» - ситуацией, когда уровень рождаемости значительно ниже уровня воспроизводства населения. Это произошло несмотря на то, что демографическая стратегия Китая в последние годы перешла от «демографического дивиденда» (т. е. роста экономики вследствие снижения показателей рождаемости и смертности) к «дивиденду талантов» (т. е. сосредоточилась на улучшении качества человеческого капитала). Отметим, что разные демографические проблемы той или иной социальных групп влекут за собой разные типы и содержание демографических политик [10] [11].

В демографической и экономической истории XX века в Китае наблюдался период интенсивного перемещения населения между городскими и сельскими районами. Наложившись на ограничения системы регистрации домашних хозяйств, неблагоприятное экономическое положение на сельских территориях, переезды рабочей силы не всегда сопровождалась миграцией семей. Часто многопоколенные китайские сельские семьи вынуждены были принимать решения о миграции только одного – среднего – поколения, младшее же поколение оставлялось в селах на попечении представителей старшего поколения. Следствием этого стало появление и разрастание феномена оставленных детей. Согласно статистике Министерства гражданских дел КНР за 2020 г., общее количество оставленных детей в сельских районах материкового Китая составляет около 6,43 млн человек, и среди них более высокая доля приходится на провинции Сычуань [2].

Китайский Сычуань – это регион, который имеет целый ряд демографических проблем, выражающихся в низких уровнях рождаемости, смертности и естественного прироста. С 2020 г. в Сычуани наблюдается феномен глубоко стареющего общества. Одним из важных факторов демографических проблем этой провинции выступает то, что Сычуань является большой областью экспорта рабочей силы в целом и молодой – в частности. Провинция Сычуань, имеющая среди своего населения большую долю оставленных детей, представляет специфический объект для изучения, здесь может оказаться наиболее востребованной разработка отдельных мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости и активизацию родительского труда для разных категорий населения. Исследование специфики родительского поведения у субъектов, которые имели опыт пребывания в роли оставленных детей, позволит сформулировать такие меры демографической политики, которыми можно было бы дополнить демографическую политику именно в регионах с высоким числом оставленных детей.

Проведены эмпирические анализы, которые лежат данные анкетного опроса в наиболее представительной для исследования феномена оставленных детей китайской провинции – Сычуань в 2021 г. Полученные данные количественных ($n=637$) и качественных индивидуальных глубинных интервью ($n=20$, в том числе 10 – субъекты родительского труда, которые были раньше оставленными детьми, 10 – субъекты родительского труда, которые не были таковыми). На основе исследовательским результатам по специфике субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, такие как мотивации [7] и удовлетворенности трудом [8] у такого типа субъектов, позволил нам сделать выводы по факторам, которые могут привести к снижению готовности субъектов родительского труда – в прошлом оставленных детей иметь детей и выполнять родительский труд. Эти выводы в основном связаны со следующими аспектами: конфликт между профессиональной деятельностью субъекта и его родительским трудом; межпоколенческое влияние отношений между родителями и детьми; конфликт между поколениями в воспитании детей. Исходя из этих выводов нами разработаны следующие рекомендации, направленные на активизацию родительского труда для этой социально-демографической группы в регионах с высоким числом оставленных детей.

Следует отметить, что высокая миграционная подвижность населения, как отмечают исследователи, может негативно влиять на многие демографические процессы, обострять проблемы института [6, с. 5]. Следовательно, предпосылки для совершенствования базы социально-демографической информации о населении репродуктивного возраста, имеющего опыт пребывания в статусе оставленных детей. Необходимо начать работу по систематическому сбору информации о людях репродуктивного возраста, имеющих опыт пребывания в статусе оставленных детей. Для этого, например, может использоваться подход на основе системы социального управления сетями во всех регионах (общинах, деревнях и т. д.) [12]. Такой учет позволит повысить достоверность, своевременность и полноту данных о людях репродуктивного возраста, которые имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей, а с помощью механизмов обмена информацией, ее сопоставления и обновления станет возможным более точно отражать тенденции в сфере родительского труда для этой группы населения и строить соответствующие прогнозы.

В рамках выделенных нами векторов развития мы интегрировали мероприятия, направленные на более глубокое и качественное удовлетворение потребностей субъектов родительского труда, которые имеют опыт пребывания в роли оставленных детей, а также на повышение их информированности и понимания реализуемых в регионе демографических стимулов - именно родительского труда. Рассмотрим каждый аспект отдельно.

Во-первых, разработка системной модели стимулирования субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, и внесение соответствующих корректировок с последующей оценкой и обратной связью – такие, как систематический анализ мотивационного воздействия текущей политики в отношении местного населения на

субъектов родительского труда, которые были раньше оставленными детьми, и оценка восприятия этой политики такими субъектами.

Во-вторых, разработка программы целевого стимула для субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, такие как Определение основной цели, принципов, норм и правил реализации программы стимулирования родительского труда.

В-третьих, использование разнообразных инструментов для стимулирования субъектов родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, такие как улучшение качества политики, дружелюбной к семьям [4; 9].

В-четвертых, выстраивание целостного механизма оценки, системы мониторинга родительского труда и механизма обратной связи и обмена информацией, связанной с субъектами родительского труда, которые раньше были оставленными детьми, такие как разработка схем финансовой помощи таким семьям, особенно молодым, по результатам оценки потребностей субъектов родительского труда (например, предоставление льготных кредитных схем, помощь в обучении детей и т. д.).

Сегодня Китай и Россия сталкиваются со схожими демографическими проблемами, в числе которых – продолжающееся снижение уровня рождаемости. Изучение репродуктивного и родительского поведения в особенных социальных группах Китая может помочь повысить эффективность реализации новой демографической политики. Одной из таких групп является социально-демографическая группа оставленных детей. Наше исследование может совершенствовать меры в сфере демографической политики Китая в определенных регионах – в частности, провинциях с большим количеством оставленных детей.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-1327.2022.2).

Литература

1. Всеобъемлющая политика «одна семья - два ребёнка». [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР – Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5033853.htm (Дата обращения: 09.01.2022). [на китайском языке]
2. Исследовательский доклад о положении оставленных детей в сельской местности, и детей мигрантов в городских и сельских районах Китая. [Электронный ресурс] // Народная сеть. – Режим доступа: <http://edu.people.com.cn/n/2013/0510/c1053-21441368.html> (Дата обращения: 18.01.2020). [на китайском языке]
3. Вишневецкий Ю. Р. Демографическая ситуация и прогноз - ориентир молодежной политики // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) – Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 91–100.
4. Ростовская Т. К. О востребованности мер демографической политики (анализ всероссийского социологического исследования) // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. № 2. С. 42–49.
5. Ли Т., Чжэн Е. Процесс развития населения с момента основания Нового Китая и История мысли и практики населения Коммунистической партии Китая // Общественные науки Нинся. 2022. № 1. С. 134–144. <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-LXSK202201016.htm> [на китайском языке]
6. Кенжекараева А. Ж., Саякбаева А. А. Некоторые аспекты социально демографического развития Киргизской Республики и нарынской и Чуйской областей // Вестник РАЕН. 2016. Т. 16. №1. С.105-110.

7. Янь Д. Мотивация субъектов родительского труда в социальной группе «оставленных детей» Китая // Казанский Социально-Гуманитарный Вестник. 2022. № 4(55). С.88-93

8. Янь Д. Потребность в развитии у субъектов родительского труда, имевших опыт пребывания в роли «оставленных детей» (на примере КНР) // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С.73-76

10. Davis, K. The world demographic transition // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1945. Vol.237. № 1. P.1–11. DOI: 10.1177/000271624523700102.

11. Thompson, W. S. Population // *American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34. № 6. P. 959–975. DOI: 10.1086/214874

12. Mittelstaedt, M. J. The grid management system in contemporary China: Grass-roots governance in social surveillance and service provision // *China Information*. 2021. P. 1–20. DOI:10.1177/0920203x211011565

9. Häusermann, S. The multidimensional politics of social investment in conservative welfare regimes: family policy reform between social transfers and social investment // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. № 6. P. 862–877. DOI:10.1080/13501763.2017.1401106

D. Yan

IMPROVEMENT OF DEMOGRAPHIC POLICY BASED ON THE RESULTS OF THE RESEARCH IN ACTORS OF PARENTAL LABOR WITH EXPERIENCE OF BEING LEFT BEHIND CHILDREN IN CHINA

Abstract

China and Russia are facing similar demographic challenges, including a continuing decline in birth rates. The study of fertility and parental labor for different population groups can give different results, revealing those specific factors that may be sensitive for one category and insensitive for another. To stimulate both the improvement of the quality and the volume of human capital in China, it is necessary to build a comprehensive strategy of the state in relation to the most diverse socio-demographic groups of the population. The purpose of the study is to develop proposals for improving the measures of the Chinese population policy, which could be supplemented in regions with a high number of left behind children. The empirical analysis is based on data that make it possible to judge the specifics of the actors of parental labor with the experience of being left behind children in childhood. These are data from a questionnaire survey and individual in-depth interviews we conducted in Sichuan, China in 2021. Respondent parents of two types were interviewed - with and without experience of being left behind children. The factors that can lead to a decrease in the willingness of the actors of parental labor who were left behind children to have children and perform parental labor, including: the conflict between the professional activity of the actors and their parental labor; the intergenerational impact of parent-child relationships; conflict between generations in the upbringing of children. We have proposed the following recommendations: development of a systematic model for stimulating actors of parental labor who were previously left behind children, and making appropriate adjustments, followed by evaluation and feedback; development of a targeted incentive program for the actors of parental labor who were previously left behind children; the use of a variety of tools to stimulate the actors of parental labor, who were previously left behind children; building a holistic evaluation mechanism, a system for monitoring parental labor and a mechanism for feedback and exchange of information related to the actors of parental labor who were previously left behind children.

Keywords: demographic policy, left behind children, parental labor, the actors of parental labor, People's Republic of China.

УДК 316.75

И. Р. Блинова

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ЭВТАНАЗИИ

Аннотация

В статье основное внимание уделяется изучению проблемы эвтаназии. Рассматриваются формы эвтаназии и распространенность данной процедуры в мировом масштабе, приведены различные точки зрения – аргументы «за» и «против». Также в работе представлены результаты проведенного социологического исследования отношения молодежи к эвтаназии в современном мире, проанализировано влияние различных факторов на это отношение.

Ключевые слова: эвтаназия, активная и пассивная, добровольная и принудительная.

Такое явление как эвтаназия – намеренное умерщвление неизлечимо больного человека с целью облегчения его страданий – берет свое начало в далеком прошлом, задолго до того, как появилось официальное название этого феномена. В научной литературе впервые применил термин «эвтаназия» английский философ Фрэнсис Бэкон в 16 веке, фактически отождествив ее со счастьем: «Долг врача состоит не только в том, чтобы облегчить страдания и мучения, причиненные болезнью, и это не только тогда, когда такое облегчение боли может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самому смерть больного легкой и спокойной, потому что эвтаназия уже сама по себе является немалым счастьем» [1].

В истории не мало «известных» случаев эвтаназии. Например, Зигмунд Фрейд, болеющий онкологией, попросил своего лечащего врача применить эвтаназию – прекратить страдания большой дозой морфия. Так он ушел из жизни осенью 1939 года.

Нидерланды стала первой страной в мире, узаконившей эвтаназию как осуществление действий по ускорению смерти человека с его согласия. Эвтаназия стала возможной для лиц старше 16 лет.

Рассматривая проблему эвтаназии, следует сказать о ее пассивной и активной формах. Пассивная эвтаназия – это прекращение каких-либо действий (например, отключение аппарата искусственного дыхания), продлевающих жизнь, при условии, что это решение самого человека. Активная форма выражается в осуществлении действий по ускорению смерти человека (обычно при помощи токсичных веществ) [2].

На данный момент как активная, так и пассивная эвтаназия узаконены в 8 странах: Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Колумбия, Канада, Испания, Новая Зеландия, Австралия (активная эвтаназия может осуществляться только в одном штате). 25 стран мира легализовали только пассивную форму эвтаназии. В их числе Португалия, Уругвай, Великобритания, Франция, Индия, Аргентина, США, Южная Корея, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Норвегия, Швеция, Венгрия, Андорра, Германия, Словения, Греция, Чили, Израиль, Австрия, Латвия, Литва и только один штат Мексики [9].

В Швейцарии, несмотря на официальный запрет активной эвтаназии, распространение получила ее пассивная форма – «ассистируемый суицид». Можно сказать, Швейцария превратила эвтаназию в своего рода бизнес: данная процедура пользуется популярностью среди иностранцев из-за чего Швейцарию прозвали страной «суицидального туризма», одна из таких клиник – Dignitas (переводится с латыни как «достоинство»). Чаще всего в клинику обращаются немцы (составляют примерно половину всех пациентов), англичане (20%), французы (10%), на долю чехов приходится около 6% [6]. Только за 2020 год зафиксировано свыше полутора тысяч «самоубийств» иностранцев [13]. Стоит эта процедура от трех до семи тысяч евро, при этом, если человек передумал, то внесенная сумма не возвращается.

Также эвтаназию делят на добровольную и принудительную. Добровольная осуществляется по просьбе пациента, производится только если: больной находится в здравом уме, неоднократно выражал свое желание на проведение эвтаназии и зафиксировал это в официальном документе. В случае принудительной эвтаназии решение за пациента принимает кто-то другой, чаще всего его родственники. Применяется обычно к новорожденным детям с тяжелыми патологиями или к пациентам, находящимся в мозговой коме [14].

В России запрещена любая форма эвтаназии об этом гласит статья 45 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинскому персоналу «запрещается осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [10].

За несоблюдение статьи 45 ФЗ физические лица несут ответственность согласно статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство есть умышленное причинение смерти другому человеку. Оно может быть совершено как в форме действия, так и бездействия. Ответственность за убийство в форме бездействия наступает при наличии определенных условий, а именно: на виновном лежит обязанность по охране жизни потерпевшего, и он имеет реальную возможность предотвратить наступление смерти».

С другой стороны, статья 45 ФЗ противоречит статье 20 часть 3 ФЗ «Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства», гласящая «Гражданин, один из родителей или иной законный представитель лица ... имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных частью 9 настоящей статьи. Законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, осуществляет указанное право в случае, если такое лицо по своему состоянию не способно отказаться от медицинского вмешательства», а в части 9 статьи 20 ФЗ говорится, что «медицинское вмешательство» в отношении оказания медицинской помощи даже без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя «допускается».

Казалось бы, с законодательной точки зрения эвтаназия приравнивается к убийству – умышленному причинению смерти другому человеку, совершенному как в форме действия, так и бездействия [11]. Однако при более пристальном изучении данного вопроса, можно обратить внимание на то, что каждый гражданин России имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения [12]. Получается, что при запрете государства на проведение эвтаназии, ее пассивная форма у нас возможна.

Дискуссии об эвтаназии возникают во многих областях нашей жизни: юриспруденции, медицине, религии, но до сих пор у людей разных профессий не сложилось единого мнения на этот счет. Так, например, противники эвтаназии утверждают, что «врач должен противостоять боли с помощью богатого выбора болеутоляющих средств, имеющихся в медицине, а не идти на поводу у больного» [4], «человек рожден, чтобы жить, поэтому отношусь к эвтаназии категорически отрицательно» [7], и их доводы «против» эвтаназии совершенно понятны. Осуществлять данную процедуру предостит медицинскому работнику, однако процедура эвтаназии в корне противоречит профессиональной врачебной этике - роль врача заключается в спасении жизни. Кроме того, противники эвтаназии опасаются возможных злоупотреблений, прежде всего, речь идет о желании «избавиться» от ненужного человека ради получения наследства или иной личной выгоды.

С другой стороны, многие врачи, наблюдавшие мучения своих пациентов, рассматривают эвтаназию как способ прекращения страданий безнадежно больного человека. Российский детский хирург С. Я. Долецкий так высказывается об эвтаназии: «Вы видели когда-нибудь страшные мучения и боли, которые приходится терпеть множеству больных раком, инсультникам, парализованным? Вы видели когда-нибудь муки родителей,

вынужденных не месяцами, годами, десятилетиями ухаживать за детьми, у которых атрофировалась центральная нервная система? Вы видели когда-нибудь мучения семей, в которых кто-то из родственников полностью парализован? ... Если да, вы поймете меня» [8]. В этом случае данная процедура выступает как акт милосердия.

По мнению профессора А. Н. Кудрина применение эвтаназии является обоснованным при наличии у пациента следующих условий: болезнь смертельна, приносит невероятные муки и страдания, больной добровольно соглашается на проведение данной процедуры. Профессор Малиновский считал, что каждый человек должен иметь право на достойную смерть в той же мере, как и право на жизнь [5].

Малоизученность данной проблемы не позволяет нам сделать прогноз о том, пойдет ли российскому обществу на пользу такая практика из-за возможности возникновения ситуаций с недобросовестными родственниками или врачами, с другой стороны проблема узаконивания эвтаназии, тут возможна и непредвиденная коррупция со стороны юристов. У нашего государства есть причины узаконить эвтаназию. Одна из таких причин, как бы цинично это не звучало, это острая нехватка донорских органов. Только в 2014 году в России 4636 людей были включены в лист ожидания на пересадку почки, еще 949 человек ждали печень [3], статистику можно продолжать вечно, но это никак не повлияет на выбор человека в применении эвтаназии, ведь он действует согласно собственной выгоде, но нельзя отрицать, что эвтаназия поможет облегчить разрешение вопроса на счет доноров.

В Нидерландах в 2013 году была опубликована статья о доноре прибежавшем к активной эвтаназии. Страдал этот донор нейродегенеративным заболеванием и тем не менее результат пересадки печени и двух почек описывают как отличный. В той же стране в 2015 году подобная практика повторилась 15 раз, а пересадили 63 органа. Вопрос об эвтаназии, по крайней мере у нас в стране, останется открытым еще на долгое время, вследствие неподготовленности, как моральной, так и юридической.

Актуальность и неоднозначность данной темы подтолкнули нас к эмпирическому изучению отношения молодежи к проблеме эвтаназии посредством проведения пилотажного социологического исследования студентов Пермского национального политехнического университета. Выборочную совокупность составили 34 студента в возрасте от 18 до 23 лет из них 19 женщин (55,9%) и 15 мужчин (44,1%).

Большинство студентов не имели медицинского образования (91%) и считают себя атеистами (88%).

На вопрос «Сталкивались ли Вы в своей жизни с людьми, страдающими неизлечимыми заболеваниями, испытывающими невыносимые страдания?» почти половина студентов (41%) дали отрицательный ответ, при этом каждый третий был информирован о возможных трудностях, возникающих при уходе за тяжелобольным человеком, каждый шестой не хотел бы и думать об этой проблеме и только 12% опрошенных студентов столкнулись с проблемой ухода за тяжелобольным родственником лично.

Интересен тот факт, что четверть опрошенных студентов не знали значения термина «эвтаназия».

Преобладающее число респондентов (74%) были осведомлены о существующем запрете эвтаназии в России, они же и выступали за ее легализацию.

Из-за отсутствия опыта ухода за тяжелобольными людьми у большинства респондентов для выяснения их отношения к данной проблеме на уровне установок, нами был сформулирован следующий ситуативный вопрос: «В США принят закон, согласно которому любой человек может составить документ, в котором выскажет свои пожелания на отказ от медицинского лечения, если его состояние будет признано безнадежным, а возвращение к сознательной жизни невозможно. Хотели бы вы создать такой документ?». В результате преобладающее число опрошенных студентов (82%) хотели бы создать документ, разрешающий им самим решать вопрос о возможности применения эвтаназии. Важно заметить, что на принятие данного решения большое значение оказывает и личный опыт – респонденты, находившиеся в подобной ситуации, чаще отмечали важность создания

документа, закрепляющего право на достойную смерть. Кроме того, влияние на принятие подобного решения оказали имеющиеся знания в области биологии. Так в ходе опроса была выявлена группа студентов, будущая специальность которых имеет отношение к медицине (они активно готовились к ЕГЭ по биологии, обладают знаниями об организме человека как системе), 67% опрошенных из их числа считали необходимым создание документа, как в Соединенных Штатах Америки. Тогда как доля студентов, специальность которых далека от медицины, поддерживающих существование подобного документа составляет 84%. Получается, что студенты медицинской специальности относятся к эвтаназии негативнее, чем остальные. Возможное объяснение этому в развитии медицины, появлении новых медикаментов и новых способов лечения заболеваний. Биология, как наука, тесно связанная с медициной, упрощает понятие многих процессов в организме и объясняет, насколько велик риск ошибки врачебных прогнозов. Поскольку правового акта о перечне неизлечимых болезней нет, поэтому студенты со знаниями биологии относятся к эвтаназии осторожнее.

Интерес вызывает то, что все студенты, серьезно изучающие биологию, и 65% студентов другой направленности образования не считают необходимым поддерживать жизнь неизлечимо больного человека. Однако если речь заходит о своих близких, находящихся в подобном состоянии, практически все студенты близкие к медицине находились принять подобное решение. В то время как половина опрошенных студентов, не имеющих глубоких знаний в области биологии продолжали бы искусственно поддерживать жизнь близкого человека и только 39% отключили бы от аппарата. Если рассматривать такой фактор как влияние личного опыта, то среди людей, имеющих в ближайшем окружении тяжелобольных родственников – получение однозначного ответа о необходимости продления жизни или ее прекращения получить не удалось. Чуть более половины опрошенных, не сталкивающихся с подобной проблемой, продолжили бы поддерживать жизнь близкого с помощью аппаратов.

Как показало исследование, 82% опрошенных студентов согласны на осуществление процедуры эвтаназии в отношении себя (в случае неизлечимой болезни), реже (68%) согласны прибегнуть к эвтаназии в отношении незнакомого человека, и только половина опрошенных готовы взять на себя ответственность за решение о применении подобной процедуры в отношении близкого человека или родственника.

Таким образом, отношение студенческой молодежи к эвтаназии обусловлено степенью личной вовлеченности в происходящее (личным опытом). Отсюда разное отношение к применению эвтаназии для посторонних людей, родственников или близких, а также в отношении себя. Очень часто размышляя о других людях, мы не готовы брать на себя ответственность за принятие подобного решения, в то время как в отношении себя рассматриваем возможность применения эвтаназии при условии наличия неизлечимой болезни.

Выяснилось, что религия у верующих студентов не влияет на принятие решения о проведении эвтаназии на себе: 50% за создание документа, об отказе медицинского вмешательства и 50% против. На вопрос «Как Вы считаете, необходимо ли поддерживать жизнь безнадежно больного человека, испытывающего невыносимые страдания?», 75% верующих ответили «да», даже если бы это был их знакомый или родственник, который находится в нежизнеспособном состоянии (процент так и остался 75%).

За создание документа о пассивной эвтаназии проголосовали 87% атеистов. В отличие от верующих, 73% атеистов не хотели бы поддерживать жизнь безнадежно больного человека, только при условии того, что это не их родственник или друг. Если же их близкий человек находится в таком состоянии только 37% отключили бы жизнеподдерживающую аппаратуру, 43% продолжали бы искусственно поддерживать жизнь, остальные затруднились ответить. Получается, что религия в 21 веке сильна, из-за чего она всегда будет давать веру в жизнь. Эвтаназия им просто не нужна. Атеисты же напротив хотят иметь права на все, даже на собственную смерть. Они прибегли к эвтаназии в исключительных случаях, но только не на близких.

Тема эвтаназии в российском обществе очень табуирована, люди не всегда готовы открыто высказывать свое отношение к данной проблеме. Нехватка информации в данной области провоцирует появление заблуждений, общество разделяется на два лагеря: выступающих за эвтаназию и против нее. В следствии не разработанности, как моральной, так и юридической стороны, вопрос об эвтаназии, по крайней мере у нас в стране, останется открытым еще на долгое время.

По нашему мнению, многие столкнувшись с состоянием неизлечимой болезни, возможно, предпочли бы эвтаназию как возможность сделать выбор жить или умереть, когда это будет необходимо. Опираясь на проводимые социологические исследования в данной области, можно увидеть, что значительная доля населения выступает за возможность иметь право на собственный выбор, ощущение свободы жизни и смерти.

Литература

1. Бекон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Том 1. Москва : издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1971. С. 269.
2. Богомыглова Е. С., Рогожина Е. П. Отношение к эвтаназии в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 88-96.
3. «Жизненная необходимость» // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2768175> (дата обращения 19.09.2022).
4. Котова М. Эвтаназия: сочувствие тяжелобольному или преступление? // Слово. 2013. № 46. С. 139–146.
5. Малиновский А. А. Имеет ли человек право на смерть? // Российская юстиция. 2002. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20153575&ysclid=l89625zccq715873502>
6. «Разрешена ли эвтаназия в Швейцарии и сколько стоит процедура?». [Электронный ресурс]. URL: <https://evtanazija.ru/shvejcarija/> (дата обращения 19.09.2022).
7. Слова главврача Первого московского хосписа В. Миллиончиковой // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20070417/63806234.html?ysclid=l89313hy1x322903552> (дата обращения 19.09.2022).
8. Слова Российского детского хирурга С. Я. Долецкого // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20070417/63806234.html?ysclid=l89313hy1x322903552> (дата обращения 19.09.2022).
9. Справочник NONEWS // Списки и рейтинги // Страны // Страны, где разрешена эвтаназия. [Электронный ресурс]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/euthanasia-legality> (дата обращения 19.09.2022).
10. Статья 45 // Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения 19.09.2022).
11. Статья 105 // Уголовный кодекс РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=lgdq9k44xa663597518> (дата обращения 19.09.2022).
12. Статья 20 // Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения 19.09.2022).
13. «Увидеть Альпы и умереть» // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5251194> (дата обращения 19.09.2022).
14. «Эвтаназия» // Теологический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://1072.slovaronline.com/921-%D1%8D%D0%B2%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F>

ATTITUDE OF THE YOUTH TOWARDS EUTHANASIA

Abstract

The article focuses on the study of the problem of euthanasia. Forms of euthanasia and prevalence of this procedure on a global scale are considered, different points of view are given - arguments «for» and «against». The article also presents the results of the conducted sociological study of the attitude of youth to euthanasia in the modern world, analyzes the influence of various factors on this relationship.

Keywords: euthanasia, active and passive, voluntary and involuntary.

УДК 372.881.1

Л. И. Грошева

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ДЕПРИВАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается специфика подхода молодых людей к образовательным стратегиям с учётом содержательных особенностей виртуального информационного пространства. Представлены базовые причины искажения социальных установок в сфере образования и определены рискованные направления их развития. Автором представлены результаты исследования, демонстрирующие наличие фрустрации в молодёжной среде, а также высокий уровень тревожности, выражающийся в ориентации на краткосрочные образовательные стратегии с максимально быстрым получением материального результата. Приведены данные, позволяющие оценить динамику изменений предложения образовательных услуг ввиду сдвигов в структуре спроса на рабочую силу. Определены особенности отбора источников получения знаний в условиях насыщенного информационного пространства.

Ключевые слова: молодёжь, образование, повышение квалификации, образовательные стратегии, социальное прогнозирование.

Динамично развивающемуся обществу требуется всё большее количество адаптивных и квалифицированных специалистов, способных за минимально возможный период времени включиться в инновационные технологические процессы. По этой причине подготовке и обучению молодых кадров уделяется значительное внимание со стороны научного сообщества, а также сферы производства, которая стремится оказать своё влияние на образовательный процесс с целью обеспечения собственных мощностей наиболее подготовленными кадрами.

В то же время система производственных отношений претерпевает интенсивные изменения, обусловленные активным внедрением элементов искусственного интеллекта, который деформирует потребности рынка труда. Смещение спроса на рабочую силу происходит под действием цифровизации ряда операций, а также ввиду распространения дистанционных технологий, позволяющих реализовывать удалённый тип занятости. Последняя тенденция определяет политику межрегионального найма, в рамках которого сотрудники вовлекаются в деятельность иногородних (в ряде случаев – зарубежных) компаний без необходимости реализации маятниковой или иных форм миграции [2, с. 18]. С другой стороны, ряд международных организаций воспользовавшись сложной геополитической обстановкой усилили свои конкурентные преимущества на рынке труда посредством предложения сопровождения переезда для реализации трудовых функций за рубежом [4, с. 62]. Таким образом, характер труда и предоставляемые им возможности представляет собой совокупность разнонаправленных трендов, которые повышают уровень неопределённости молодёжи в отношении своей профессиональной самореализации и трудовой перспективы.

Определяющими факторами является степень и скорость внедрения новых форм занятости. Согласно данным Global Workplace Analytics Количество сотрудников, работающих из дома, за последние 20 лет выросло на 159%. Рассматривая полный цикл

удалённой занятости следует отметить, что в 2022 году 16% компаний по всему миру работали удаленно. После завершения этапа активного заражения в период пандемии более 80% сотрудников надеялись, что работодатель сохранит возможность удалённой работы на постоянных условиях [5].

Ещё одной характерной чертой современного труда является необходимость оперативной переподготовки и повышения квалификации. Учитывая активную цифровизацию различных сфер деятельности за последние десять лет, появилось более ста различных направлений, которые объединены в рамках IT-индустрии [1, с. 45]. Проблема данных направлений заключается в их высокой изменчивости, по этой причине на фоне сравнительно невысоких темпов модернизации системы классического образования появляются различные формы оперативного повышения квалификации и специализированной подготовки. Несмотря на определённые успехи, достигнутые во взаимодействии систем образования и производства, фактическое самоопределение молодёжи происходит в условиях возрастающей социальной нестабильности.

Европейские исследователи отмечают, что проблема современной молодёжи обусловлена двумя депривирующими группами факторов. Первая группа заключается в интенсивном обновлении технологий и внедрении систем искусственного интеллекта [3, с. 5]. По этой причине долгосрочное проектирование профессионального развития, требующее получения специализированных навыков и глубоких познаний в определённых сферах, становится затруднительным и высоко рисковым ввиду вероятности существенного изменения структуры профессии или её замены «умными» технологиями. Вторая группа факторов сформирована общими трендами изменений в социальной среде и мировом сообществе. Геополитическая дестабилизация мировой системы, характеризующаяся устойчивым противостоянием крупных союзных блоков, демонстрирует тенденцию к устойчивому сохранению в ближайшие 5–10 лет, что также стимулирует молодёжь ориентироваться на более краткосрочные стратегии самореализации [4, с. 59].

Таким образом, предпочитаемые молодёжью профессиональные стратегии так или иначе ориентированы на наибольшую эффективность и адаптивность к агрессивным факторам среды. В то же время высокая социальная тревожность современности определяет их нестабильность в оценках профессиональных и карьерных перспектив, что может стимулировать выбор в пользу преимущественно инструментального подхода к образовательным услугам. По этой причине изучение установок может позволить как повысить эффективность институциональной сферы образования, так и предупредить риски распространения информационных услуг низкого качества.

С целью определения качества профессионального самоопределения современной молодёжи и степени информационной поддержки установок в рамках виртуальной среды, автором было проведено исследование в формате фокус-групп (N=29 групп по 5-7 человек, состоящих из молодых людей в возрасте 18-20 лет, обучающихся по программам высшего образования на первом году обучения), а также посредством контент-анализа (N=194) статей, посвящённых особенностям выбора профессии. Статьи отбирались исходя из нескольких критериев: источник формирования (порталы, посвящённые поиску работы), общая содержательная направленность (проблемы подбора обучения, подготовки и выбора специализации), объём текста (не менее 3000 знаков).

Участники фокус-групп в целом подтверждают установки на получение образования вне институциональных организаций (38,2%), которые декларируются в 45,7% источников. Предпочтение отдаётся курсам от 3 до 6 месяцев с предоставлением электронных сертификатов или возможности получения первого гарантированного заказа. В целом молодые люди не предъявляют особых требований к престижности предлагаемой деятельности или к её творческому компоненту. Основными требованиями выступает уровень оплаты труда (100–200 тыс. руб.), а также возможность реализовывать работу удаленно, совмещать с другими видами деятельности.

Заслуживает внимания тот факт, что в выборе обучающих программ молодые люди ориентируются на рекомендации знакомых, блогеров или иных людей, вызывающих доверие. Только каждый шестой откликнулся на возможность пройти обучение благодаря контекстной рекламе или адресной рассылке в виртуальных сообществах. Также значительное влияние на выбор системы и направления обучения оказывает макро-сообщества блогосферы (Пикабу и пр.) (32,5% участников). Несмотря на тот факт, что степень доверия к указанным источникам составляет лишь 29,4%, тем не менее каждый третий имел опыт использования полученных рекомендаций и предложений.

Достаточно значимым критерием в отборе вариантов переквалификации выступила возможность сочетания обучения с основной работой, воспитанием детей, ведением домашнего быта и пр. По этой причине оптимальная длительность курсов в рамках ежедневных занятий рассматривалась в объёме не более 2 часов. Данный показатель коррелирует с декларируемыми требованиями к обучению на 73,4% предлагаемых курсов, что повышает их востребованность среди целевой аудитории.

Если сравнивать специфику изменения образовательных установок в динамике (сравнение с авторскими данными аналогичной выборки за 2019 год), то значительно изменилась структура предложения образовательных услуг. Если до 2020 года профессиональная ориентация в большей степени касалась бытовых услуг контактной формы (оказание ремонтных работы, услуг сферы ухода за телом и пр.), то в 2022 году специфика предложений разделилась на два направления. Первым наиболее востребованным спектром выступил так называемый ИТ-сектор (цифровые аналоги стандартной занятости, например, дизайн или собственно ИТ-разработка) – 81,4% публикаций. Рост популярности обучения в рамках данного сегмента коррелирует с текущим увеличением спроса на рабочую силу. С другой стороны, произошло расширение низкоквалифицированных цифровых форм занятости (маркет-плейсы, сопровождение и консультирование в продажах и пр.), которые в первую очередь были ориентированы на женскую аудиторию как метод дополнительного заработка в период отпуска по уходу за ребёнком.

Исследование позволило выявить устойчивую тенденцию ориентации молодёжи на краткосрочный лаг карьерного и профессионального планирования. Молодые люди склонны предпочитать профессии, которые позволяют максимально быстро выйти на определённый уровень дохода, либо наоборот – выбирают более фундаментальные направления (экономика, инженерное дело преимущественно транспорт и обслуживание строительства), которые позволяют быстро переориентироваться по мере фактического выхода на рынок труда. Контент-анализ позволил выявить популярризацию ориентации на кардинальную смену квалификации. 51,4% статей содержали биографические примеры перехода в сферу ИТ из несмежных профессий (медицина, производство). При этом каждая третья статья содержит скрытую установку на отсутствие необходимости получения качественного институционального образования, ввиду доступности высокооплачиваемых сфер, не требующих формального документа.

Данная тенденция существенно сказалась на специфике предпочтения базового высшего образования. Каждый третий опрошенный выразил мнение о необходимости диплома как своеобразного «аттестата зрелости», который требуется работодателями при приёме на работу, но не является обязательным подтверждением профессиональных знаний и квалификации. 62,4% участников отметили приверженность к предположению об отсутствии гарантий трудоустройства по специальности и востребованности навыков, получаемых на базе университетов. В качестве причин подобной реакции были названы неактуальное содержание учебных программ, специфический и субъективный подход преподавателей, недостаточный профессионализм в организации и планировании обучения со стороны методических служб. Каждый четвёртый участник имел негативный опыт, связанный с обучением в вузе, что в конечном итоге повлияло на восприятие системы образования в целом. Данный факт подкрепляется распространением в СМИ стереотипических установок о низкой

востребованности квалифицированных специалистов с университетским образованием (39,1% статей).

В то же время часть молодых людей демонстрировала наличие фрустрации в определении выбора сферы деятельности и обучения (21,8%). Причины неустойчивого и неопределённого состояния заключались в невозможности определения наиболее перспективного направления на длительный срок. Данная группа опрошенных высказала установки на получение навыков, которые могли бы обеспечить их стабильным доходом на срок от 5 лет и более, однако фактически она продемонстрировала несостоятельность в возможности анализа рынка образовательных услуг. В рамках данного кластера также высок показатель негативной рефлексии относительно качества полученных услуг и применимости знаний в практической деятельности. Каждый пятый участник отметил непроизводительность затраченных средств на виртуальные курсы. Но в то же время ни один из опрошенных не высказал намерения получить дополнительные знания на базе вузов или иных некоммерческих государственных структур.

Данные исследования позволяют говорить о дифференциации установок в молодёжной среде. Значительная доля молодых людей не может чётко определиться с перспективным направлением обучения. Низкий уровень доверия к институциональному образованию обусловлен как стереотипическими представлениями, распространяемыми в системе СМИ, так и собственным негативным опытом, полученным в ходе обучения. Проблема реализации образовательных стратегий молодёжи заключается в ориентации на краткосрочность их результативности, что в ряде случаев вступает в противоречие с процессом формирования компетенций и профессионализма в целом.

Литература

1. Строков А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. № 2 (31). С. 43–56.
2. Чернышов А. Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. № 5. С. 13–21.
3. Avella J. T., Kebritchi M., Nunn S. G., et al. Learning analytics methods, benefits, and challenges in higher education: a systematic literature review. *Online Learning*. 2016. Vol. 20 (4). Pp. 1–17.
4. Jakoet-Salie, A., Ramalobe, K. The digitalization of learning and teaching practices in higher education institutions during the Covid-19 pandemic. *Teaching Public Administration*. 2023. Vol. 41 (1). Pp. 59–71.
5. Lister K. Distance job report // *Global Workplace Analytics*. [Электронный ресурс] URL: <https://globalworkplaceanalytics.com/telecommuting-statistics> (дата обращения: 03.03.2023).

L. Grosheva

YOUTH EDUCATIONAL STRATEGIES IN CONDITIONS OF DEPRIVATION OF SOCIAL FORECASTING

Abstract

The article discusses the specifics of the approach of young people to educational strategies, taking into account the content features of the virtual information space. The basic reasons for the distortion of social attitudes in the field of education are presented and the risky directions of their development are identified. The author presents the results of a study demonstrating the presence of frustration in the youth environment, as well as a high level of anxiety, expressed in an orientation towards short-term educational strategies with the fastest possible receipt of material results. Data are presented that allow assessing the dynamics of changes in the supply of educational services due to shifts in the structure of demand for labor. The features of the selection of sources of obtaining knowledge in the conditions of a saturated information space are determined.

Keywords: youth, education, advanced training, educational strategies, social forecasting.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА И ХАБАРОВСКА)

Аннотация

В статье рассматриваются показатели социального самочувствия и настроений молодежи в связи с ее ценностными ориентациями, выраженными в доминирующих социальных идеалах – представлениях молодежи о желаемых ориентирах развития российского социума. В качестве основных индикаторов социальных и политических настроений используются, во-первых, степень доверия молодежи различным общественным институтам, во-вторых, степень одобрения/неодобрения текущего положения дел во внутренней и внешней политике, в-третьих, уровень одобрения и готовности участвовать в протестных акциях. Выводы обоснованы результатами авторского эмпирического исследования молодежи, проведенного в Екатеринбурге и Хабаровске в январе 2023 г. Были опрошены молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет, отбор респондентов осуществлялся с применением квотной выборки (N=300). Используя кластерный анализ, авторы выявили три группы респондентов с различными социальными и политическими настроениями. Первый кластер включает в себя провластно настроенную молодежь, с наиболее позитивными оценками положения дел во внешней и внутренней политике, доверием к некоторым общественным институтам. Второй кластер представляет политически неактивную молодежь, мало интересующуюся политикой в целом и со слабо выраженным отношением к конкретным политическим и общественным институтам. В третий кластер вошли протестно настроенные респонденты, характеризующиеся высоким уровнем интереса к политике, сравнительно высокой готовностью отстаивать свои политические интересы и при этом крайне низкой степенью доверия политическим институтам, неудовлетворенностью текущей внешней и внутренней политикой.

Ключевые слова: социальные настроения, молодежь, протестная активность, интерес к политике, ценностные ориентации, социальные идеалы.

Основная идея нашего исследования состояла в том, чтобы связать актуальные настроения молодежи с их ценностными предпосылками. Причем в качестве таких предпосылок мы рассматривали представления молодежи о желаемых ориентирах развития российского социума – ее социальных идеалах.

Актуальность обращения к проблемам социальных настроений обусловлена существенным снижением показателей социального самочувствия населения и ростом социальной напряженности, что зафиксировано полстерами. Показатели индексов социальных настроений стремительно ухудшились в 2022 году [1]. По данным ВЦИОМ большинство россиян считают, что 2022 г. стал для России трудным, очень тяжелым (83%), обратной точки зрения придерживаются лишь 14%, при этом в перспективе 44% респондентов ожидают дальнейшие трудности [2].

В фокусе нашего исследования находились прежде всего протестные настроения молодежи, поскольку в период до 2022 года казалось, что они усиливаются на фоне значимых протестов – в Хабаровске в защиту экс-губернатора С.И. Фургала, «скверный» протест в Екатеринбурге, протесты в защиту Алексея Навального и др). Сегодня массовых акций протеста мы не наблюдаем, но означает ли это, что протестных настроений больше нет?

Под протестными настроениями мы понимаем негативные социальные настроения, аккумулирующие неудовлетворенность, недовольство молодежи существующим положением дел в стране, на фоне тотального недоверия к органам власти, снижения их легитимности в глазах молодого поколения, а также активное желание изменить это положение дел. Протестные настроения могут быть латентны, а могут трансформироваться в конкретную протестную активность (в том случае если присутствует готовность выходить на протесты) [3, с. 21–34]. Протестные настроения вкупе с протестной готовностью образуют протестный потенциал. Реализации протестного потенциала, в свою очередь могут препятствовать

определенные барьеры (отсутствие оргструктур, низкий уровень солидаризации протестующих и др)

Это можно представить следующим образом (в виде схемы, рис. 1)

Рис. 1. Схема развития протестной активности

Опираясь на концепцию социальных настроений и наше понимание протестности, мы выделили основные индикаторы, которые легли в основу нашего исследования: степень доверия молодежи различным общественным институтам, степень одобрения/неодобрения текущего положения дел во внутренней и внешней политике, уровень одобрения и готовности участвовать в протестных акциях.

Эмпирическое исследование настроений молодежи было проведено в Екатеринбурге и Хабаровске в январе 2023 г. Были опрошены молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет, отбор респондентов осуществлялся с применением квотной выборки (N=300). Квотные признаки – пол, возраст и регион. Обработка осуществлялась в программе SPSS. Выбор городов обусловлен наличием в этих регионах крупных протестных кейсов в последние несколько лет (за исключением традиционных протестных центров Москвы и Санкт-Петербурга).

Прежде всего мы рассмотрели самооценку изменений в социальных настроениях молодых людей. Исследование зафиксировало усиление негативных настроений среди молодежи как Екатеринбурга, так и Хабаровска (рис. 2).

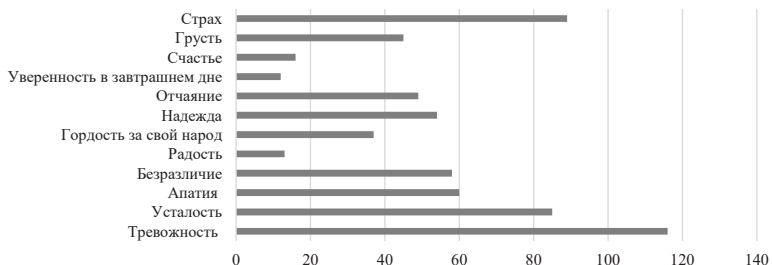

Рис. 2 Самооценка изменений в социальных настроениях молодых людей Екатеринбурга и Хабаровска (данные авторского исследования)

По оценке респондентов, за последний год у них усилились тревожные настроения, чувства страха и усталости.

Далее мы предприняли комплексную оценку типичных настроений молодежи с помощью процедуры кластерного анализа. В ходе анализа использовался метод К-средних, наиболее оптимальным вариантом с точки зрения возможности интерпретации, наполненности кластеров, оказался вариант с тремя кластерами.

Показателями для осуществления кластеризации выступили следующие переменные: интерес к политике, отношение к внешней и внутренней политике, доверие социальным институтам, вероятность акций протеста, готовность принять участие в акциях протеста. В итоге мы выявили три группы респондентов с различными социальными и политическими настроениями.

Первый кластер мы условно назвали «провластно настроенная молодежь», для нее характерно наиболее позитивные оценки положения дел во внешней и внутренней политике, относительно высокое доверие к (по сравнению с другими кластерами) некоторым общественным и политическим институтам, в особенности Президенту РФ, Правительству РФ.

Второй кластер – «аполитичные» представляет политически неактивную молодежь, мало интересующуюся политикой в целом и со слабо выраженным отношением к конкретным политическим и общественным институтам. В отличие от первого кластера респонденты данной группы не доверяют социальным и политическим институтам, не особо поддерживают и внешнюю, и внутреннюю политику, но не готовы выступить, выйти на протесты.

В третий кластер вошли «протестно настроенные» респонденты. Они характеризуются высоким уровнем интереса к политике, и при этом крайне низкой степенью доверия политическим институтам, неудовлетворенностью текущей внешней и внутренней политикой. В отличие от предыдущих кластеров – они готовы отстаивать свои политические интересы, участвовать в различных акциях протеста (до 4 баллов из 5).

В ходе исследования была выявлена положительная значимая связь между местом проживания и кластерами (хи-квадрат 0,009, коэффициент Крамера 0,157). Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь между местом проживания и кластерами

Типы настроений	Город	
	Екатеринбург, %	Хабаровск, %
Провластный	33,5	47,7
Аполитичный	35,7	32,7
Протестный	30,8	19,6

Источник: составлено авторами

Наглядно демонстрируется, что в Екатеринбурге превалирует протестный кластер, а в Хабаровске более провластный кластер. Также очень значимы различия между местом проживания и одобрением внутренней и внешней политики (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь между местом проживания и отношением к проводимой внутренней и внешней политике

Одобрение	Оценка	Город	
		Екатеринбург	Хабаровск
	Значимость 0,000		
внутренней политики, % (К-т Крамера 0,269)	1	22,2	11,9
	2	19,1	11,9
	3	40,0	35,1
	4	10,7	29,1
	5	8,0	11,9
Индекс		-0,226	0,172

Продолжение таблицы 2

Одобрение	Оценка Значимость 0,000	Город	
		Екатеринбург	Хабаровск
внешней политики, % (К-т Крамера 0,240)	1	33,5	15,9
	2	18,5	13,2
	3	24,2	30,5
	4	13,7	24,5
	5	10,1	15,9
Индекс		-0,282	0,153

Источник: составлено авторами

*Здесь и в последующих таблицах индексы рассчитаны как разность всех положительных и всех отрицательных ответов, пронормированная на 100.

В Екатеринбурге доля молодых людей, одобряющих проводимую политику существенно ниже, чем в Хабаровске. Респонденты Хабаровска относятся к политике власти более толерантно: большая часть молодежи либо скорее одобряет внутреннюю политику, либо выбирают среднюю позицию шкалы «в чем-то да, в чем-то нет».

Данные о степени одобрения внешней и внутренней политики молодежью подкрепляются измеренным уровнем доверия различным общественным институтам, которое также сильно варьирует в исследуемых городах (табл. 3).

Таблица 3

Уровень доверия респондентов общественным институтам в Екатеринбурге и Хабаровске, индекс

Общественные институты	Город		Значимость
	Екатеринбург	Хабаровск	
Выборы	-0,375	-0,229	0,000
Президент РФ	-0,223	0,195	0,000
Волонтерские движения	0,111	0,236	0,087
Политические партии	-0,592	-0,432	0,164
СМИ	-0,605	-0,585	0,944
Региональная и местная власть	-0,300	-0,164	0,028
Правительство РФ	-0,387	-0,108	0,030
Общественные организации	0,115	0,220	0,473
Парламент (Федеральное Собрание)	-0,432	-0,136	0,002
РПЦ	-0,721	-0,447	0,076

Источник: составлено авторами

Почти все индексы доверия в Екатеринбурге отрицательны, что означает, что большинство екатеринбургской молодежи не доверяет ни одной общественной институции. В Хабаровске некоторым доверием характеризуются волонтеры, общественные организации, Президент РФ. В целом уровень доверия институтам в Хабаровске тоже не высок.

Другой любопытный факт, который нам удалось обнаружить, заключается в поляризации оценок молодежи относительно доверия Президенту РФ: молодежь разделилась на две противостоящие друг другу группы – первая полностью доверяет Президенту, вторая полностью не доверяет, при этом практически отсутствуют умеренные оценки. Мы предполагаем, что такая поляризация доверия говорит о формировании в молодежной среде двух идеологических полюсов именно по вектору отношения к Президенту – лояльно настроенного к власти и оппозиционно настроенного (потенциально протестной группы молодежи).

В привязке выделенных типов настроений молодежи к ее ценностным ориентациям особенно выделяется ценность патриотизма: существенно ниже патриотизм выражен у протестного кластера, в противовес ему выступают высокие оценки патриотизма у правящего кластера. Похожая ситуация возникает с ценностью стабильности, которая наименее важна протестному кластеру, но значима для правящего кластера настроенных респондентов (табл. 4)

Таблица 4

Взаимосвязь между ценностными ориентациями и кластерами, индексы

Ценности/ Кластер	Провластный	Протестный	Аполитичный	Значимость
Справедливость	0,944	0,890	0,884	0,350
Свобода слова	0,817	0,880	0,758	0,313
Экономическое благополучие	0,944	0,828	0,826	0,043
Стабильность	0,808	0,697	0,746	0,001
Законность	0,909	0,847	0,760	0,000
Права человека	0,916	0,889	0,768	0,001
Семья, частная жизнь	0,979	0,798	0,872	0,000
Равенство	0,783	0,621	0,512	0,001
Патриотизм	0,829	-0,173	-0,008	0,000
Самореализация	0,930	0,844	0,832	0,012

Источник: составлено авторами

Таким образом, исследование показало наличие латентных протестных настроений среди городской молодежи, однако они не трансформируются в протесты, поскольку не сформирована готовность участвовать в акциях протеста по различным поводам (готовность наиболее выражены у протестной группы – наиболее малочисленной группы кластеров), причем недовольство и недоверие прослеживается у всех групп кластеров. Можем предположить, что основными барьерами трансформации протестных настроений и недовольства молодежи в открытую протестную активность выступают страх, тревожность и аполитичность достаточно существенной части молодежи.

Благодарности

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00603, <https://rscf.ru/project/23-28-00603/>

Литература

1. ВЦИОМ: индексы социальных настроений. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstvija> (дата обращения: 10.03.2023).
2. ВЦИОМ: настроения уходящего 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/2022-davai-do-svidaniya-ozhidaniya-ot-2023-goda> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
4. Inglehart R., Welzel C. Political Culture and Democracy: Analyzing the Cross Level Linkages // Comparative Politics. 2003. Vol.36. Pp.61-79.

**SOCIAL AND POLITICAL MOODS OF URBAN YOUTH
IN THE CONTEXT OF THEIR VALUE ORIENTATIONS
(ON THE EXAMPLE OF YEKATERINBURG AND KHABAROVSK)**

Abstract

The article examines the indicators of social well-being and moods of young people in connection with their value orientations, expressed in the dominant social ideals - the ideas of young people about the desired guidelines for the development of Russian society. The main indicators of social and political sentiments are, firstly, the degree of confidence of young people in various public institutions, secondly, the degree of approval/disapproval of the current state of affairs in domestic and foreign policy, and thirdly, the level of approval and willingness to participate in protest actions. The conclusions are substantiated by the results of the author's empirical study of youth conducted in Yekaterinburg and Khabarovsk in January 2023. Young people aged 16 to 35 were interviewed, respondents were selected using a quota sample (N= 300). Using cluster analysis, the authors identified three groups of respondents with different social and political moods. The first cluster includes pro-government youth with the most positive assessments of the situation in foreign and domestic policy, trust in some public institutions. The second cluster represents politically inactive youth with little interest in politics in general and with a weakly expressed attitude to specific political and public institutions. The third cluster included protest-minded respondents characterized by a high level of interest in politics, a relatively high willingness to defend their political interests and at the same time an extremely low degree of trust in political institutions, dissatisfaction with current foreign and domestic policy.

Keywords: social moods, youth, protest activity, interest in politics, value orientations, social ideals.

УДК 316.77

Д. В. Зернов

**ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЁЖЬЮ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕТОЧНОСТЕЙ И ФАКТОВ
ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ**

Аннотация

На материалах двух социологических исследований, проведённых методом анкетного опроса в 2021 г. (n=849) и в 2022 г. (n=2111) среди учащейся молодёжи Нижнего Новгорода и области, рассматривается отношение молодёжи к фактам искажения отечественной истории. Анализируются доверие молодёжи к источникам своих знаний по истории, регулярность столкновений с фактами искажения истории, реакция на них. Молодёжь, по своим собственным оценкам, не очень критична к исторической информации из интернета. При том, что интернет сегодня для них является основным источником исторических знаний. Это характерно даже для студентов, которые в настоящее время получают исторические специальности. С примерами фальсификации истории в интернете сталкивались около 70% молодёжи, а оценки собственных возможностей отделить сознательную фальсификацию от субъективных мнений не очень высоки. При этом основным способом проверки исторических искажений для молодёжи снова является поиск информации в интернете. Рассматривается роль художественных фильмов, как одного из ведущих (наряду с социальными сетями) источника исторических знаний современной молодёжи. Свыше 40% молодых людей указали на художественные фильмы как источник своих знаний по истории. Они же являются самым предпочтительным источником дополнительной информации, чтобы поглубже разобраться в какой-то теме по истории (фильмы, в частности, опережают лекции профессиональных историков на эту тему). Сталкивались в отечественных художественных фильмах и сериалах о Великой Отечественной войне с какими-то историческими неточностями и даже искажениями истории опять свыше 70% молодых людей (20% – часто или довольно часто). Отношение к этому у молодёжи двойственное, с одной стороны, большинство выступает против любых искажений истории, с другой стороны, немало и тех, кто не возражает против небольшого числа исторических неточностей в художественной картине, например, чтобы придать дополнительную динамику сюжету.

Ключевые слова: анкетный опрос, исторические знания, медиатизация, учащиеся молодёжь, фильмы о Великой Отечественной войне.

Разного рода манипуляции и мистификации в медиасреде не являются качественно новым явлением, они сопровождали развитие массмедиа. К примеру, на этапе расцвета

печатной прессы и оформления журналистики как профессии (особенно в конце XIX века, в период конкурентной борьбы между Херстом и Пулицером) сознательные фальсификации («газетные утки») создавались преимущественно в журналистской среде; некоторые журналисты даже ставили в конце материала значок «NT» (non testatum – не проверено).

В ранних исследованиях, посвященных теме фейков, это понятие определялось в терминах конкретных типов медиаконтента: политической сатиры, пародии на новости или новостной пропаганды [1]. Основными мотивами формирования фейков в профессиональной журналистской среде являются привлечение внимания аудитории и идеологическое манипулирование, сопровождавшие СМИ всю историю их существования. Но именно в цифровую эпоху фейки распространились настолько, что в 2017 г., по версии словаря Collins Dictionary, стали «словом года» [2].

Полимедиасреда увеличивает количество сообщений, но создает новые проблемы, связанные с их качеством. В первую очередь, вирусное распространение фейков связано с расширением поля участников (источников и получателей) коммуникационных процессов. Во-вторых, фейковая информация становится частью разного рода контента: не только новостного, политического или рекламного дискурса, но и научного. В-третьих, в условиях всеобщего доступа становится всё сложнее обозначать демаркационные границы между познательной фальсификацией, заблуждениями и субъективными мнениями. Сам термин «фейк» традиционно относится именно к новостному жанру, но полимедиасреде, они начинают принимать самые разнообразные формы.

Рассмотрим основные источники исторических знаний молодёжи, а также насколько часто молодые люди сталкиваются в них с историческими неточностями и/или примерами искажения истории.

В формировании исторической памяти молодёжи существенную роль играют не только традиционные академические тексты, но и образы прошлого в медиапространстве: репрезентация исторических исследований, художественные произведения, публицистика, фото- и видеоматериалы, мемы, оцифрованные архивные документы, компьютерные игры, пользовательские публикации в социальных медиа различного жанра. Источники, которыми учащаяся молодёжь пользуется для получения знаний по истории, разнообразны, и среди них невозможно выделить однозначного лидер. Практически одинаково часто молодые люди получают историческую информацию из разговоров с учителями или преподавателями (43%), лекций и семинаров в вузе (40%), документальных или научно-популярных фильмов (39%), Википедии (37%), художественных фильмов или сериалов (37%), учебников или научных книг (37%). Чуть реже – из разговоров со своими родителями или другими родственниками (32%), ещё реже – из художественной литературы (26%), разговоров с друзьями (25%), от блогеров, рассказывающих об истории (23%), телепередач на исторические темы (22%) и даже компьютерных игр исторической тематики (20%). То есть среди источников исторических знаний у молодёжи практически в равной степени представлены источники, связанные с учебным процессом, и источники повседневных знаний, знания, полученные во время живого общения, и знания, опосредованные медиа.

Студентов, получающих историческое образование, характеризует более высокий запрос на учебные источники знаний по истории. Кроме занятий в вузе и учебной литературы они гораздо чаще студентов неисторических специальностей заходят на специализированные сайты, посвящённые истории, смотрят лекции историков в интернете, подписаны на исторические паблики в социальных сетях, читают научно-популярную литературу на исторические темы, смотрят исторические телепередачи, ходят на очные лекции приглашённых профессиональных историков, а также проходят интернет-курсы по истории. Студенты, не получающие исторического образования, напротив, чаще полагаются на неформальные или доступные источники: разговоры с родителями или другими родственниками, Википедию, а также разговоры с друзьями и художественные фильмы или сериалы. Обобщая сказанное, можно с большой степенью уверенности говорить о том, что интернет для современной молодёжи является значимым источником исторической информации: почти 80% учащейся

молодёжи указали, что пользуются источниками так или иначе с ним связанными. Есть и такие, кто пользуется только источниками в интернете, полностью игнорируя занятия в учебном заведении, а также общение с преподавателями и учебную литературу: среди студентов-историков таких 8%, среди студентов неисторических специальностей – 16%. Что касается художественных фильмов и сериалов на исторические темы, то на них как на источник своих исторических знаний указывает более трети молодёжи. Кроме того, художественные фильмы лидируют среди предпочтительных источников получения дополнительных знаний по истории: однозначно у студентов неисторических специальностей, и, доля первое место с лекциями профессиональных историков, у студентов исторических специальностей.

Как показывают данные другого нашего исследования, проведённого среди нижегородских студентов в 2019 году, молодёжь в социальных сетях занимает преимущественно роль пассивного наблюдателя [3, с. 88–89]. Поэтому важно определить, насколько часто молодые люди вступают в социальных сетях в дискуссии на исторические темы. По данным исследования, проведённого в 2021 г., около 70% молодых людей когда-либо принимали участие в подобных дискуссиях. Однако для подавляющего большинства из них – это редкое участие в таких дискуссиях, где темы им особенно интересны (25%), или в таких, где их что-то действительно задевает (28%). Вполне естественно, что студенты, получающие историческое образование, чаще студентов других специальностей оказываются вовлечены в дискуссии на исторические темы. Признались, что не имеют подобного опыта только 23% студентов-историков (против 43% студентов неисторических специальностей). Однако и для них это скорее нерегулярная практика. Среди возможных тем для исторической дискуссии, которая бы заставила принять в ней участие, уверенно лидируют обсуждения понравившихся фильмов. Причем это характерно и для студентов, получающих историческое образование (53%), и для студентов неисторических специальностей (51%). Вдвое реже молодёжь указывает, что примет участие в дискуссии, если речь идёт о какой-то интересной лекции, ещё реже – вокруг компьютерной игры. Причины участия в дискуссиях на исторические темы достаточно разнообразны, и среди них нельзя выделить ведущую. Одинаково часто поводом для участия выступают реакция на чьё-то намеренное искажение истории (28%) и реакция на мнение, которое противоречит собственной точке зрения (27%). Желание показать себя экспертом по данному вопросу может стать причиной вступления в дискуссию для 24% молодёжи. Примерно такое же количество студентов присоединится к обсуждению, если увидят чьё-то заблуждение, или если в дискуссии участвуют их друзья и знакомые.

Важно понимать, что за качество информации в интернете отвечает только её автор, который во многих случаях не является профессиональным историком. С примерами фальсификации истории в интернете сталкивались около 70% молодёжи. Студенты-историки в силу того, что активнее следят за исторической информацией в интернете и чаще состоят в группах, посвящённых истории, чаще замечают примеры фальсификации (рис. 1). Об этом сказали 88% студентов-историков, из которых часто сталкиваются с фальсификацией истории примерно треть. Среди студентов неисторических специальностей с примерами фальсификации истории также сталкивалось более 60%, а вот часто сталкиваются – только 13%.

Рис. 1. Регулярность столкновения с примерами фальсификации истории в интернете

Вместе с тем, тех, кто считает, что с лёгкостью сможет отделить сознательную фальсификацию от субъективного мнения совсем немного и среди студентов-историков, и среди остальных студентов (по 8% в той и в другой группе). Студенты-историки демонстрируют большую степень уверенности в своих возможностях разобраться в полученной информации: 51% сказали, что с определённой вероятностью с этим справятся. Среди студентов неисторических специальностей таких только 32%. Большинство из них не уверены в своих возможностях (39%) или считают, что вряд ли с этим справятся (21%). И среди студентов-историков неуверенных в том, что смогут отделить сознательную фальсификацию от субъективного мнения, также встречаются довольно часто (41%). Когда молодые люди пытаются аутентифицировать информацию и убедиться в ее правдоподобности, они используют множество каналов и чаще всего при проверке фейковой информации просто гуглят ее. Так поступают 55% молодежи. Второй по популярности способ также связан с интернетом – проверить информацию через Википедию (39%). Консультации с преподавателями только на третьем месте: за ними обращается 36% студентов. Также 33% проверяют подлинность информации с помощью научной литературы, 22% – обсуждают эту проблему с друзьями, а 12% – опираются на публикации в СМИ. Среди молодежи есть и те, кто вообще никаким образом не проверяет информацию на наличие в ней недостоверности – таких 14%. Показательным является то, что все студенты, как историки, так студенты неисторических специальностей, для проверки фейковой информации в интернете пользуются тем же интернетом. И прежде всего они пытаются найти ответ с помощью поисковых систем (62% студентов-историков и 56% студентов неисторических специальностей). На втором месте у студентов-историков – чтение специальной научной литературы, на третьем – консультация у преподавателей (48%). А вот у студентов неисторических специальностей на втором месте – Википедия (40%), которая по способам проверки фейковой информации конкурирует с консультациями у преподавателей (36%). Научная литература у них на четвертом месте (31%), далее, также со значительным отрывом, обсуждения с друзьями (19%) и публикации в СМИ (10%). Больше десятой части студентов неисторических специальностей признались, что никак не проверяют информацию на её достоверность. Важно отметить, что среди них присутствуют и те, кто неоднократно сталкивался с фальсификацией истории в интернете.

Только 6% молодых людей никогда в отечественных фильмах и сериалах о Великой Отечественной войне не сталкивались с какими-либо историческими неточностями или искажениями истории. Тогда как их встречали – практически 70%. Из них 20% – очень часто или даже во всех просмотренных фильмах, 30% – время от времени, 20% – скорее редко. Как и в случае с фейками в интернете, студенты, получающие историческое образование, чаще студентов других специальностей обращают внимание на исторические неточности и искажения истории в отечественных фильмах и сериалах, посвящённых Военной Отечественной войне (рис. 2). Когда-либо сталкивались с ними 85% студентов-историков (против 69% студентов других специальностей). Вдвое чаще студенты историки говорят, что видят их практически по всех просмотренных ими фильмах и сериалах, почти вдвое чаще – что сталкиваются с ними довольно часто. Среди студентов неисторических специальностей также редко, как и среди студентов-историков, встречаются те, кто их вообще не видел, однако здесь гораздо больше тех, кто затруднился дать ответ на этот вопрос.

Рис. 2. Частота столкновений в отечественных художественных фильмах или сериалах о Великой Отечественной войне с какими-то историческими неточностями или даже искажением истории

Отношение к самой возможности появления исторических неточностей или даже искажения истории в фильмах о Великой Отечественной войне у молодежи неоднозначно. С одной стороны, значительная часть молодых людей заявляют об отрицательном отношении к переписыванию истории в фильмах и сериалах о войне, считая, что это портит впечатление от картины (20%), или это вовсе является преступлением (20%). С другой стороны, значимая часть молодежи допускают появление небольших неточностей, но выступают против каких-либо искажений истории (35%). А пятая часть молодых людей вообще ничего против не имеют против небольших исторических неточностей (из них 7% говорят, что это даже неплохо, от этого фильм только выиграет, становится интереснее). Студенты исторических специальностей более негативно настроены к появлению в фильмах и сериалах о Великой Отечественной войне исторических неточностей и искажений истории. Почти треть считают, что неточности недопустимы, а искажения истории являются преступлением. Среди студентов других специальностей таких примерно пятая часть. И, напротив, среди них гораздо больше, чем среди студентов-историков, тех, кто считает, что в этом нет ничего страшного, небольшие неточности не испортят кинокартину (11% против 2% у студентов-историков).

Таким образом, молодёжь, по её собственным оценкам, очень часто сталкивается в интернете и в художественных фильмах о Великой Отечественной войне с примерами исторических неточностей и искажениями истории и далеко не всегда уверена в своих возможностях отделить сознательную фальсификацию от субъективных мнений и заблуждений. Инструментами защиты от фейковой информации являются, с одной стороны, фактчекинг, который использует больше половины опрошенных, с другой – участие в дискуссиях как своеобразных формах групповой конвенциональной интерпретации исторической информации. В этой связи интересно, что среди возможных тем для исторической дискуссии лидируют обсуждения фильмов как наиболее противоречивых и значимых медиатизированных источников исторической информации.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиатизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».

Литература

1. Tandoc Jr. E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining «fake news»: a typology of scholarly definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6. No 2. Pp. 137-153.

2. Why Fake News? Etymology Corner – Collins Word of the Year 2017 // Collins Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/etymology-corner-collins-word-of-the-year-2017/> (дата обращения: 09.03.2023).

3. Зернов Д. В., Шалютина Н. В. Типология интернет-практик молодежи в социальных сетях: ориентации и режимы использования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4 (68). С. 84–94. DOI 10.52452/18115942_2022_4_84

D. Zernov

PERCEPTION OF HISTORY DISTORTION BY YOUTH

Abstract

Based on the materials of two sociological studies conducted by the method of questionnaire survey in 2021 (n=849) and 2022 (n=2111) among the student youth of Nizhny Novgorod and the region, the attitude of young people to the facts of distortion of national history is analyzed. The trust of young people to the sources of their knowledge of history, the regularity of collisions with the facts of distortion of history, the reaction to them are analyzed. Young people, according to their own assessments, are not very critical of historical information from the Internet. Despite the fact that the Internet today for them is the main source of historical knowledge. This is typical even for students who currently receive historical specialties. About 70% of young people have come across examples of falsification of history on the Internet, and their own ability to separate conscious falsification from subjective opinions is not very high. At the same time, the main way for young people to check historical distortions is again to search for information on the Internet. The role of feature films as one of the leading (along with social networks) source of historical knowledge of youth is considered. Over 40% of young people pointed to feature films as a source of their knowledge of history. They are also the most preferred source of additional information in order to delve deeper into a topic on history (films, in particular, are ahead of lectures by professional historians on this topic). Again, more than 70% of young people faced some kind of historical inaccuracies and even distortions of history in Russian feature films and serials about the Great Patriotic War (20% - often or quite often). The attitude of young people to this is ambivalent: on the one hand, the majority opposes any distortion of history, on the other hand, there are many who do not mind a small number of historical inaccuracies in the artistic picture, for example, to give additional dynamics to the plot.

Key words: questionnaire survey, historical knowledge, mediatization, student youth, films about the Great Patriotic War.

УДК 316.75:316.014

Л. С. Ковальжина, М. Л. Белоножко

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация

Молодое поколение как ценнейший ресурс развития любого общества не выходит из фокуса исследователей на протяжении поколений. Изучение молодежи как субъекта социокультурного развития включает в себя широту аспектов повседневной жизни современного человека. Как справедливо полагал Л. Н. Коган что проблема культуры – «это проблема выбора тех или иных ценностей, определяющих направленность развития личности. Иными словами, направленность личности – это содержание ее культурной деятельности». Изучение направленности молодых людей на сохранение здоровья приобрело особую актуальность в условиях пандемии COVID-19. В докладе обсуждаются результаты формализованного онлайн опроса обучающихся профессиональных учреждений среднего и высшего образования Тюменской области (n=276 чел.) в апреле 2022 г. Исследование проводилось с целью изучения ценностных ориентаций учащейся молодежи и их влияния на здоровьесберегающую деятельность в контексте сложного механизма социокультурной саморегуляции поведения в условиях пандемии COVID-19. Среди результатов демонстрируются связи типов культуры и ценностей сохранения здоровья с освоением новых социальных практик здоровьесбережения, приводится оценка мотивации деятельности, а также отношения к новым социальным нормам вакцинации и самозащиты. В заключении доклада даются рекомендации по

формированию культуры здоровья среди учащейся молодежи как во время пандемии, так и в постпандемийный период.

Ключевые слова: социокультурная саморегуляция, молодежь, здоровьесбережение, пандемия, COVID-19.

Сохранение здоровья является важной задачей для любого поколения, а особо актуально в отношении молодежи как репродуктивного и интеллектуального потенциала любого общества. Проблемы здоровьесбережения особо актуализируются в период эпидемий и пандемий, демонстрируя достигнутую ранее здоровьесберегающую направленность молодых людей в их образе жизни и повседневной деятельности. В контексте исследования культуры здоровья и здоровьесберегающей деятельности молодежи привлекает внимание концепция социокультурной саморегуляции жизнедеятельности Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова в которой акцентировано внимание на роли культуры, архетипов, ценностных ориентаций жизнедеятельности в сложном механизме саморегуляции поведения индивидов [3; 4; 11]. Социокультурная саморегуляция здоровьесберегающего поведения обусловлена взаимным влиянием множества факторов референтных для индивида групп, а также сформированными под влиянием социума ментальностью и личностными ценностно-нормативными установками, которые индивид воспроизводит в паттернах и моделях поведения текущей жизнедеятельности, в том числе и в отношении здоровьесберегающего поведения.

В статье представлен фрагмент результатов формализованного онлайн опроса обучающихся профессиональных учреждений среднего и высшего образования Тюменской области (n=276 чел.) в апреле 2022 г. Исследование проводилось с целью изучения ценностных ориентаций учащейся молодежи и их влияния на здоровьесберегающую деятельность в контексте сложного механизма социокультурной саморегуляции поведения в условиях пандемии COVID-19.

Пандемия COVID-19 началась с первого случая заболевания пневмонией неизвестной формы возбудителя в г. Ухань (Китайской Народной Республике) в последний день 2019 года. Стремительное распространение болезни в 118 странах привело к пандемии уже к началу марта 2021 года [7]. За период с начала пандемии до марта 2023 года вирус прошел стадии мутации и волны коронавируса поражали континенты и страны с различными показателями смертности.

В Российской Федерации на протяжении 2020–2022 годов наблюдалась волнообразная динамика заболеваемости и смертности вследствие COVID-19 (рис. 1) [8]. Наибольший прирост числа зарегистрированных заболевших отмечен в конце 2020 года, июле и ноябре 2021г., начале и середине 2022 года. Пик заболевания COVID-19 штаммом «Омикрон» отмечен в начале 2022 года.

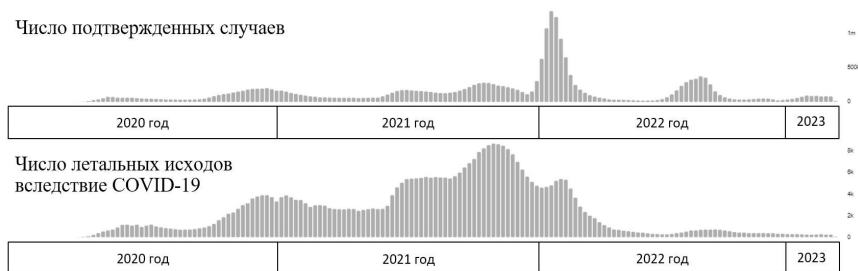

Рис. 1. Динамика еженедельного числа подтверждения случаев заболеваний COVID-19 и летальных исходов в Российской Федерации с 30.12.2019 г. по 01.03.2023 г., чел. (построено: [8])

Наибольшее число летальных исходов вследствие COVID-19 отмечалось в конце 2020 года, второй половине 2021 года и начале 2022 года. Всего, по данным Всемирной организации здравоохранения, за период с 30.12.2019 г. по 30.03.2023 года в Российской Федерации было зарегистрировано 22 603 646 подтвержденных случаев заболевания COVID-19 с 397146 летальными исходами [8]. В конце марта 2023 года отмечаются низкие показатели заболеваемости COVID-19 и смертности, что демонстрирует возможное завершение пандемии COVID-19.

Оценивая влияние пандемии на население, отметим равную вероятность заражения независимо от пола, но несомненное лидерство в смертности среди населения старшей возрастной группы, особенно старше 80 лет (рис. 2) [1]. Предельно низкие показатели смертности вследствие COVID-19 среди молодежи могли оказывать значительное влияние на здоровьесберегающее поведение представителей этой группы.

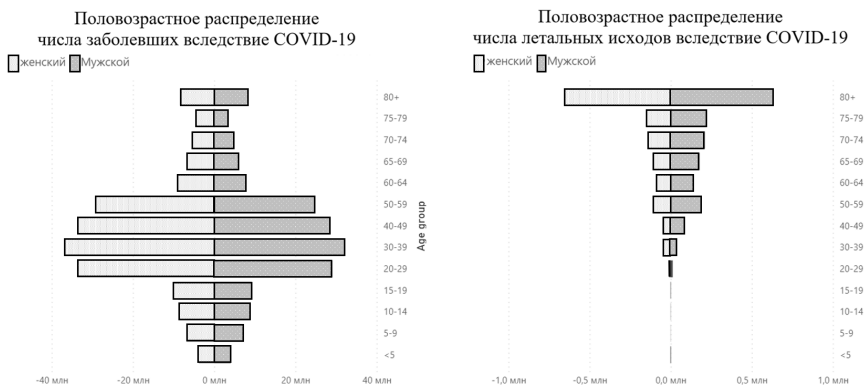

Рис. 2. Распределение по полу и возрастным группам числа заболеваний и летальных исходов вследствие COVID-19 в мире с 31.12.2019 г. по 01.03.2023 г., чел. (построено: [1])

С целью предотвращения заражения населения коронавирусом COVID-19 государственными институтами были предприняты беспрецедентные меры по введению социальных норм самозащиты и защиты окружающих. Новые нормы обязывали население значительно ограничить передвижение, социальные контакты и использовать средства индивидуальной защиты и гигиены [2, 6, 9, 10]. Вынужденные ограничения, ожидаемо, вызвали неоднозначную реакцию и среди молодежи, носителей более свободной культуры, чем старшее поколение.

Рассматривая типы культуры используя классификацию М. Гельфанд, отметим, что среди молодых людей четверть отнесли себя к жёсткому типу культуры (25,4%), более жесткой, чем свободной культуре - 28,5%; смешанной – 26,9%; более свободной, чем жесткой – 14,6%, а свободная отмечена всего у 4,6% студентов и обучающихся. Представители жесткой культуры строги в следовании социальным нормам и более внимательны к их требованиям, а также имеют большую готовность к социальному контролю в отношении нарушителей норм [12]. Представители свободной культуры характеризуются такими качествами как толерантность, независимость, креативность и, соответственно, большей свободой в отношении социальных норм и готовностью к их нарушению.

Оценивая использование средств индивидуальной защиты (СИЗ) (масок/респираторов) в общественных местах для защиты от COVID-19 в апреле 2022 года студенты и обучающиеся продемонстрировали связь со сформированным типом культуры. Среди старших

использовать СИЗ в соответствии с предписанной нормой большая доля представителей жесткой культуры, среди формального их использования – смешанной культуры, а не использующих СИЗ – смешанной и более жесткой, чем свободной (рис. 3). Среди мотивации использования СИЗ 27% студентов объясняют свое поведение необходимостью исполнения закона, 26,3% ради защиты себя и окружающих, а 19,1% защищают лично себя и 7,9% заботятся об окружающих людях, следуют предписанным правилам 15,8%, а 3,9% слушаются родителей и следуют их мнению.

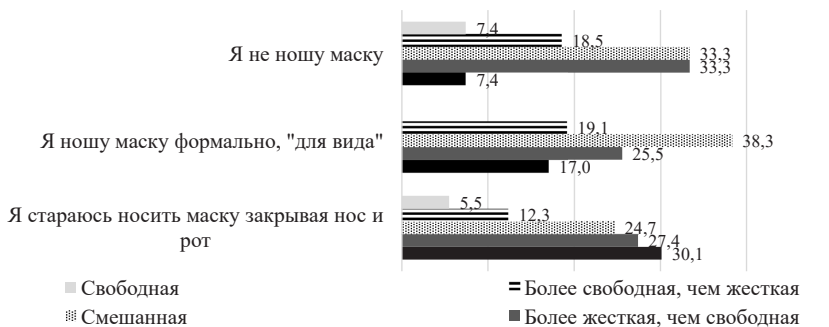

Рис. 3. Использование средств индивидуальной защиты, %

При этом большинство молодых людей (53%) отметили приоритет ценности своего физического и психического здоровья среди своих смыслозначимых ценностей, 24,2% - ценность физического, а 18,3% - психического здоровья, всего 4,5% не выбрали приоритет здоровья.

Согласно самооценке студентов и обучающихся 50,4% придерживаются стратегии «разумной осмотрительности» пытаясь оценивать риски для своего здоровья, а 40,6% согласились с тезисом «профилактика-залог здоровья». Третья часть (34,6%) в своем здоровьесберегающем поведении в условиях пандемии COVID-19 придерживаются рекомендации государственных институтов, выражая приверженность необходимости соблюдения закона. Склонность к архетипическим установкам доверия «року» или «судьбе» показали 29,3% опрошенных, а осторожность «не лезть на рожон» - 20,3%. Свое безразличие к пандемии COVID-19, как не существующей проблеме, выразили 16,5% обучающихся.

Большинство молодых людей с доминирующими установками на соблюдение социальных норм защиты от COVID-19 прошли вакцинацию с пониманием что вакцина важна и работает (38,3%), а 25,5% по причине принуждения обстоятельствами социальной среды. Вакцинация как необходимая норма выхода из пандемии COVID-19 не нашла поддержки у 12,8% молодых людей, заявивших, что не будут ставить вакцину ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, пандемия COVID-19, неся угрозу ухудшения здоровья и ранней смерти, явилась значимым событием для всего общества, но менее всего коснулась молодых людей. Здоровьесберегающее поведение студентов и обучающихся продемонстрировало сформированную ранее культуру здоровья, связь с ценностью физического и психического здоровья. В молодежной среде стимулирование использования СИЗ имело высокую кратковременную эффективность среди отдельных групп, например, индивидов с более жесткой культурой и архетипическим установкам доверия «року» / «судьбе», а достижение здоровьесберегающего поведения с целью сохранения здоровья в долгосрочной перспективе вне высоко рискованной ситуации пандемии среди обучающихся и студентов возможно только при формировании высокой культуры здоровья в повседневной жизнедеятельности.

Важнейшим условием сохранения здоровья как в условиях пандемии, так и вне ее является развитие социальных норм здоровьесберегающей деятельности и фокусирование внимания на ценности здоровья.

Литература

1. База данных COVID-19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://app.powerbi.com/view?r=eyJrJoiYWWRiZWVkdNWUtNmM0Ni00MDAwLTljYWtN2EwNTM3YjZzYmRmlwidCl6ImY2MTBjMGI3LWJkMjQtNGZlOS04MTBiLTNkYzI4MGFmYjU5MCIslmMiOjh9> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Все о коронавирусе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://стопкоронавирус.рф/about-covid/#prevention> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Зубок Ю. А. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи. Доклад // Учёные записки ФНИСЦ РАН. Выпуск 7. 2020. С. 6–25.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
5. Коган Л. Н. Социология культуры: Учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1992, 120 с.
6. Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации <http://government.ru/department/554/events/> (дата обращения: 01.03.2023).
7. Коронавирус COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019%E2%80%8E> (дата обращения 01.03.2023).
8. Панель управления ВОЗ коронавирусной болезнью (COVID-19). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://covid19.who.int/> (дата обращения 01.03.2023).
9. Правила профилактики коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosпотребнадzor.ru/region/korono_virus_/korono_pnk.php?clear_cache=Y (дата обращения: 01.03.2023).
10. Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 01.03.2023).
11. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики : монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. П. Вишнеvский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. – Белгород : ООО «Эпи-центр», 2021. 500 с.
12. Gelfand, Michele J et al. The relationship between cultural tightness–looseness and COVID-19 cases and deaths: a global analysis // *The Lancet Planetary Health*, Vol. 5, No. 3, Pp. 135-144.

L. Kovalzhina, M. Belonozhko

SOCIO-CULTURAL SELF-REGULATION OF HEALTH-SAVING ACTIVITIES OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract

The younger generation as the most valuable resource for the development of any society has not gone out of the focus of researchers for generations. The study of youth as a subject of sociocultural development includes the breadth of aspects of the daily life of a modern person. As L. N. Kogan rightly believed that the problem of culture is “the problem of choosing certain values that determine the direction of personality development. In other words, the orientation of the personality is the content of its cultural activity” [5. P. 9]. Studying the focus of young people on maintaining health has become especially relevant in the context of the COVID-19 pandemic. The report discusses the results of a formalized online survey of students of professional institutions of secondary and higher education in the Tyumen region (n=276) in April 2022. The study was conducted to study the value orientations of young students and their impact on health-saving activities in the context of a complex mechanism of socio-cultural self-regulation of behavior in the context of the COVID-19 pandemic. Among the results, the links between types of culture and values of health preservation with the

development of new social practices of health saving are demonstrated, the motivation of activity is assessed, as well as attitudes towards new social norms of vaccination and self-defense. The report concludes with recommendations for building a culture of health among young students both during the pandemic and in the post-pandemic period.

Key words: sociocultural self-regulation, youth, health protection, pandemic, COVID-19.

УДК 316.453

Д. А. Лугин

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ИННОВАЦИЯМ

Аннотация

В последние годы креативность и предпринимательство привлекают все больше внимания как ученых, так и практиков. Цель данного исследования - изучить социальные условия, способствующие развитию креативности и предпринимательства, а также то, как эти две сферы пересекаются между собой, способствуя развитию инноваций. Мы определяем инновации как результат целенаправленного и систематического социального процесса внедрения социальными субъектами новых и адаптивных решений, создающих ценность, использующих новые технологии или изобретения и способствующих конкурентному преимуществу и экономическому росту. Инновации предшествует сотрудничество множества участников и организаций, создание и распространение новых знаний, идей и технологий, а также коммерциализация новых идей и технологий. Креативность выступает как один из ключевых факторов формирования инновационного потенциала. В нашей модели инновационного процесса мы опираемся на работы Шумпетера и Парсонса, которые рассматривают инновации как процесс творческого разрушения, способствующий экономическому росту и преобразованиям. Мы также опираемся на идеи Вебера о предпринимательском духе и Кастелья о сетевом обществе, которые подчеркивают важность предпринимательства и социальных сетей в инновационном процессе. Кроме того, мы используем концепцию Ричарда Флориды о креативном классе и теорию Йоаса о креативности как процессе самореализации и самовыражения, которые подчеркивают социальные и индивидуальные аспекты креативности. Наше исследование фокусируется на следующих вопросах: что относится к ключевым социальным условиям, способствующим развитию инноваций? Как креативность и предпринимательство пересекаются для создания инноваций? Какова роль социальных сетей, культурных норм и организационных структур в формировании процессов творчества и предпринимательства? Исследование основано на восьми глубинных интервью с предпринимателями и креативщиками из разных отраслей. Проведя тщательный анализ их опыта, мы стремимся выявить ключевые социальные условия, способствующие инновациям, и пути, на которых креативность и предпринимательство пересекаются для создания инноваций. Раскрывая социальные условия, способствующие инновациям, данное исследование вносит вклад в более глубокое понимание пересечения креативности и предпринимательства. Наши выводы имеют важное значение для политиков, исследователей и практиков, заинтересованных в продвижении инноваций в своих областях. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00603).

Ключевые слова: креативность; предпринимательство; инновации; экономический рост; социальные условия; факторы креативности; условия инновационного развития.

Креативность и предпринимательство приобретают все большее значение в современном обществе, так как они являются ключевыми факторами для развития инноваций, экономического роста и социальных изменений [7, с. 82; 2, с. 22; 4, с. 45]. Йоас [11, с. 327] рассматривает креативность как процесс самореализации и самовыражения, в котором индивиды мобилизуют свои способности, знания и опыт для создания нового и уникального содержания. В этом контексте креативность зависит от социальных условий, культурных норм, образования и возможностей для саморазвития [11, с. 327]. Предпринимательство тесно связано с процессом инноваций, так как оно обеспечивает коммерциализацию новых идей и технологий, создание новых предприятий и создание рабочих мест [7, с. 82]. В своей

классической работе, Шумпетер [7, с. 83] вводит понятие творческого разрушения, согласно которому инновации вызывают структурные изменения и экономический рост, заменяя старые технологии и процессы новыми, более эффективными и адаптивными.

Исследование пересечения креативности и предпринимательства в контексте инноваций предполагает анализ того, как социальные условия и организационные структуры стимулируют обмен идеями, знаниями и ресурсами между креативными индивидами и предпринимателями [2, с. 40; 6, с. 31]. Важно выявить, какие факторы, такие как образование, социальная мобильность, доступ к ресурсам и социальным сетям, культурные нормы и организационные структуры, способствуют развитию креативности и предпринимательства, а также как они взаимодействуют друг с другом для создания инноваций [6, с. 35]. Опираясь на вышеупомянутые теоретические подходы, мы стремимся исследовать ключевые социальные условия, способствующие развитию инноваций.

Основываясь на наших предыдущих исследованиях научной литературы, мы определяем инновационный процесс, как многоступенчатый, целенаправленный и систематический социальный процесс реализации инновационного потенциала, который включает в себя:

- выявление скрытых возможностей,
 - создание и распространение новых знаний и идей,
 - разработку и внедрение новых технологий и адаптивных решений,
 - коммерциализацию инновационных идей и технологий.
- Этот процесс приводит к созданию стоимости, конкурентных преимуществ и экономическому росту (созданию инновации).

Относительно нашей интерпретации инновационного процесса, мы понимаем под креативностью процесс генерации новых и полезных идей или продуктов, возникающих в результате социального взаимодействия людей в определенном социальном и культурном контексте. Это многомерный конструкт, который включает в себя когнитивную гибкость, аффективную мотивацию и факторы окружающей среды, такие как социальный и культурный контекст, в котором реализуется креативность.

Чтобы изучить влияние различных социальных условий на процесс инноваций, мы использовали результаты анализа научной литературы и восьми полуформализованных интервью с креативными профессионалами, предпринимателями и экспертами, которые имеют опыт работы в области инноваций. В результате мы разработали классификацию условий, влияющих на инновационный процесс, и проанализировали степень влияния этих условий в ответах информантов.

1. *Наличие сильных социальных связей и социального капитала.* Теория социальных сетей [1, с. 36] и теория социального капитала [17, с. 167] подчеркивают важность сильных социальных сетей и социального капитала для облегчения обмена знаниями, идеями и ресурсами, необходимыми для инноваций. Информант подчеркивает значимость команды для успешности проекта: «...*Что сделало ваш проект успешным? Люди. Люди, команда. Любый проект, любой лидер без команды - ничто. Поэтому только люди*» (руководитель стартапа по экологии).

2. *Открытость к разнообразию.* Теории разнообразия [9, с. 45; 15, с. 45] утверждают, что разнообразная рабочая сила и открытая культура могут привести к росту креативности и инноваций за счет объединения различных точек зрения и опыта. Влияние этого условия не было выявлено по ответам респондентов.

3. *Предпринимательская культура.* Институциональная теория [19, с. 56] подчеркивает важность предпринимательской культуры в продвижении инноваций путем формирования культуры принятия риска и экспериментов. Так, один из респондентов отмечает: «...*сложность, я думаю, в реализации... Важно понимать, что у вас есть какая-то идея, которую вы должны воплотить в жизнь*», «...*ты можешь быть главой чего угодно, как угодно, любой организации, но ты должен не стыдиться того, что ты делаешь сам, ты должен постоянно развивать это все*» (руководитель стартапа по экологии).

4. *Поддерживающая институциональная среда.* Институциональная теория [16, с. 148] указывает на важность благоприятной институциональной среды, такой как государственная политика и нормативные акты, для стимулирования инноваций. Респондент подчеркивает роль государства в создании условий для инноваций: «...государство - единственная сила, способная создать некие инструменты, которые агрегируют информацию, оно может собрать все эти вещи - где кого поддерживают, на что можно рассчитывать, куда можно обратиться, с кем можно связаться. И такого материала не хватает на всю страну...» (руководитель стартапа в сфере ВІ-аналитики)

5. *Доступ к ресурсам.* Теория ресурсной зависимости [14, с. 25] акцентирует важность доступа к ресурсам, таким как финансирование и технологии, для стимулирования инноваций. Информант отмечает: «...Я могу честно сказать, что я начинал, не вложив в бизнес ни рубля. Я не сделал ни одной инвестиции, только то, что мы заработали, на этом мы дальше развивались, на этом этапе» (руководитель стартапа в сфере сельского хозяйства, гидропоника)

6. *Совместное партнерство.* Акторно-сетевая теория [3, с. 32] и теория сотрудничества [12, с. 635] подчеркивают важность совместного партнерства между субъектами и организациями в продвижении инноваций. Так один из наших респондентов приводит пример сотрудничества с компанией "ПИК-Ремонт": «...ко мне обратилась московская компания "ПИК-Ремонт" — это инвестиционный проект группы компаний ПИК, я помогал им строить ВІ-аналитику, они были готовы инвестировать в мое развитие... Мы до сих пор с ними работаем...» (руководитель стартапа в сфере ВІ-аналитики).

7. *Обмен знаниями и их распространение.* Теория управления знаниями [13, с. 61] и теория распространения информации [18, с. 7] отмечают важность обмена знаниями и их распространения в содействии инновациям. Один из информантов говорит: «...Я думаю, что сейчас мы должны применять те инновации, которые существуют в мире, со своей интерпретацией, к себе, и внедрять их» (руководитель стартапа в сфере ВІ-аналитики).

8. *Подрывные события и кризисы.* Теория разрушительных событий и кризисов [8, с. 1064] предполагает, что кризисы могут создавать возможности для инноваций, нарушая статус-кво и являясь катализатором перемен. Респондент выражает свое мнение по этому поводу: «...чтобы достичь успеха, нужно, как говорится, достичь дна, и мне кажется, что мы достигли дна в 90-е годы, и сейчас самое время, как бы на этой "нулевой" линии "выстрелить" вверх и построить новый мир вокруг себя...» (руководитель стартапа в сфере ВІ-аналитики).

9. *Творческая рабочая среда.* Теория креативности [10, с. 13] и теория организационной культуры [5, с. 19] подчеркивают важность творческой рабочей среды для продвижения инноваций путем формирования культуры творчества и экспериментов. Информант рассказывает о своем опыте: «...Все началось в университете, когда мы сделали свой студенческий отряд, и с того, что я занимался экологией в школе, была прям наука, писал проекты для себя, по экологии, научные работы...» (руководитель стартапа по экологии).

Резюмируя представленные результаты, подчеркнем, необходимость использования многомерного подхода, охватывающего как субъективные, так и объективные показатели в оценке социальных условий для развития креативности и предпринимательства. В рамках инновационного процесса субъектам приходится преодолевать ряд препятствий, таких как экономическое неравенство, культурные стереотипы и институциональные барьеры. Это обуславливает необходимость дополнительных мер для содействия развитию креативности и предпринимательства в социальном и экономическом контексте.

Однако стоит отметить и некоторые ограничения данного исследования. Во-первых, оно основано на обзоре литературы и качественном анализе конкретных примеров, что может ограничить его применимость к иным контекстам и группам населения. Во-вторых, исследование сосредоточено преимущественно на положительных аспектах креативности и предпринимательства, не углубляясь в потенциальные негативные последствия или этические аспекты инноваций. В-третьих, результаты не предоставляют всеобъемлющей основы для

практических рекомендаций. Для преобразования полученных результатов в практическую деятельность, возможно, потребуются дополнительные исследования и эксперименты.

Благодарности

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00603, <https://rscf.ru/project/23-28-00603/>

Литература

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. №. 4. С. 31–50.
2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 592 с.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. - Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с. ISBN 978-5-89817-185-8
5. Шайн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
6. Штомпка П. Доверие — основа общества / Петр Штомпка; пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. 440 с. ISBN 978-5-98704-495-7.
7. Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. 540 с.
8. Baumgartner F. R., Jones B. D. Agenda dynamics and policy subsystems // The journal of Politics. 1991. Vol. 53. No. 4. Pp. 1044-1074.
9. Cox T. Cultural diversity in organizations: Theory, research and practice. – Berrett-Koehler Publishers, 1994. 328 p.
10. Csikszentmihalyi M. Flow and the psychology of discovery and invention // HarperPerennial, New York. 1997. Vol. 39. Pp. 1-16.
11. Joas H., Kilpinen E. Creativity and society // A companion to pragmatism. 2006. Pp. 323-335.
12. Kogut B., Zander U. Knowledge of the firm and the evolutionary theory of the multinational corporation // Journal of international business studies. 1993. Vol. 24. Pp. 625-645.
13. Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge-creating company // Harvard business review. 2007. Vol. 85. №. 7/8. Pp. 162.
14. Pfeffer J., Salancik G. R. The external control of organizations: A resource dependence perspective. – Stanford University Press, 2003. 336 p.
15. Phillips K. W. et al. How diversity makes us smarter //Scientific American. – 2014. – Т. 311. – №. 4. – С. 43-47.
16. Powell W. W., DiMaggio P. J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. – University of Chicago press, 2012. 486 p.
17. Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. – Princeton university press, 1992. 256 p.
18. Rogers E. M. Diffusion of innovations. – Simon and Schuster, 2010. 518 p.
19. Scott W. R. Institutions and organizations: Ideas and interests. – Sage, 2008. 360 p.

D. Lugin

THE INTERSECTION OF CREATIVITY AND ENTREPRENEURSHIP: A STUDY OF SOCIAL CONDITIONS CONDUCTIVE TO INNOVATION

Abstract

In recent years, creativity and entrepreneurship have attracted more and more attention from both scholars and practitioners. The purpose of this study is to examine the social conditions that foster creativity and entrepreneurship, and how these two areas intersect with each other to foster innovation. We define innovation as the result of a deliberate and systematic social process of implementation by social actors of new

and adaptive solutions that create value, use new technologies or inventions and contribute to competitive advantage and economic growth. Innovation is preceded by the cooperation of multiple actors and organizations, the creation and dissemination of new knowledge, ideas and technologies, as well as the commercialization of new ideas and technologies. Based on this definition, we consider creativity as one of the key factors in the formation of innovative potential. Our model of the innovation process draws on the work of Schumpeter and Parsons, who view innovation as a process of creative destruction that promotes economic growth and transformation. We also draw on Weber's ideas about the entrepreneurial spirit and Castells' ideas about the network society, which emphasize the importance of entrepreneurship and social networks in the innovation process. In addition, we use Norton's concept of the creative class and Joas' theory of creativity as a process of self-realization and self-expression, which emphasize the social and individual aspects of creativity. The research questions on which this study relies are: What are the key social conditions that foster innovation? How do creativity and entrepreneurship intersect to create innovation? What is the role of social networks, cultural norms, and organizational structures in shaping the processes of creativity and entrepreneurship? Our research is based on eight in-depth interviews with entrepreneurs and creatives from various industries. Through a thorough analysis of their experiences, we seek to identify the key social conditions that foster innovation and the ways in which creativity and entrepreneurship intersect to create innovation. By uncovering the social conditions conducive to innovation, this study contributes to a deeper understanding of the intersection of creativity and entrepreneurship. Our findings have important implications for policymakers, researchers, and practitioners interested in promoting innovation in their fields. This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF XX- 23-28-00603.

Keywords: creativity; entrepreneurship; innovation; economic growth; social conditions; creativity factors; conditions for innovative development.

УДК 316.3

Д. С. Петрова

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению значимости профессионального самоопределения и его влияния на социальное благополучие сквозь призму мнений обучающейся молодежи. Предприняты попытки рассмотрения самореализационной теории культуры Л. Н. Когана, связанной с проблемой личного становления и самореализации молодежи в современных реалиях. Эмпирической базой работы послужили результаты, полученные в ходе социологического исследования социального благополучия молодежи ХМАО-Югры, которое было проведено сотрудниками лаборатории региональных исследований БУ «Сургутский государственный педагогический университет» в учебных учреждениях округа среднего профессионального и высшего образования в период с февраля по апрель 2022 года.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, социальное благополучие, самореализация, молодежь.

Научный интерес к проблематике влияния профессионального самоопределения на социальное благополучие обучающейся молодежи обусловлен усложнением процесса интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру общества. За счет процессов глобализации наблюдается трансформация в сфере труда, выражающаяся в появлении новых специфических видов трудовой деятельности, всё чаще предпочитаемых молодежью, но не обеспечивающих стабильного заработка, профессионального роста, социальных гарантий.

Теоретическая рамка статьи обозначена двумя тезисами. Первый связан с выделением в социологии самостоятельной отрасли – социологии молодежи, основанной на понимании ее сущности, социально-групповой специфики, возрастных границ, положения в социальной структуре общества. Существование признанных и вновь возникающих школ отечественной социологии молодежи свидетельствует об успешном процессе ее развития, с момента возрождения в 60-е гг. XX века до настоящего времени [6]. Особый интерес вызывает деятельность социологов научной уральской школы, посвященная, начиная с 1970-х годов,

изучению проблем и различных социальных аспектов жизни молодежи [4]. Основоположник уральской социологии Л. Н. Коган призывал изменить ориентиры и установки теории и практики воспитания молодежи. Сущностной характеристикой молодежи стала «субъектность», как процесс формирования личностных и социальных качеств, позволяющих молодежи выступать субъектом общественного производства, выполняя воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции.

Второй тезис отражен в сути следующих концепций. Продолжая идею субъектности молодежи, стоит особенно отметить самореализационную теорию культуры Л. Н. Когана, где мерой реализации (применения) сущностных сил человека в различных сферах жизнедеятельности определяется его культура. В этом случае подход к изучению профессионального самоопределения молодежи рассматривается с позиции акцентирования смысла на приставку «само-», связанного с проявлением активной деятельности самого человека в социальном мире с целью самоактуализации, саморазвития, самореализации [2, с. 168]. Различение субъективного представления человека о своем профессиональном призвании и объективной оценки достижения такого признания, дает основание рассматривать профессиональное самоопределение как социальную проблему.

Пересечение субъективных и объективных показателей также берется во внимание при рассмотрении влияния профессионального самоопределения на социальное благополучие обучающейся молодежи, и обусловлено особенностью методологического подхода, заключающегося в применении теорий социального пространства и капитала, разработанных французским исследователем П. Бурдьё. При применении такого подхода можно обнаружить, что в период получения среднего специального или высшего образования молодежь, как субъект образовательного процесса, активно накапливает свой капитал.

Таким образом, исследовательская проблема определяется тем, что, с одной стороны, за счет глобализационных процессов, происходит трансформация в сфере труда, выражающаяся в появлении новых специфических видов трудовой деятельности, нестабильности рынка труда, стремительном росте спроса государства на профессии сферы информационных технологий и недостаток внимания к социально-гуманитарной сфере. С другой, остается вопрос, как сама обучающаяся молодежь видит свое будущее и можно ли говорить об устойчивости ее профессиональных ориентаций.

Ввиду этого возникает необходимость установления значимости профессионального самоопределения в жизни молодого человека при рассмотрении вопросов субъективного благополучия. Цель статьи – выделить факторы, детерминирующие в сознании обучающейся молодежи связь профессионального самоопределения с представлениями о потенциальном профессиональном будущем и собственным (субъективным) социальным благополучием.

Научным коллективом лаборатории региональных исследований БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (Руководитель проекта – В. П. Засыпкин, д.соц.н., ректор БУ «Сургутский государственный педагогический университет») с февраля по апрель 2022 года было проведено социологическое исследование, посвященное изучению социального благополучия обучающейся молодежи ХМАО-Югры.

На наш взгляд, здесь стоит уделить внимание описанию общей концептуальной схеме подхода к исследованию (рис. 1), выстроенной на основании теорий социального пространства и капитала Пьера Бурдьё, благодаря которым и были сформулированы методологические ориентиры (*возможные свойства*) потенциально способные выступить характеристиками социального благополучия.

Рис. 1. Концептуальная схема подхода к исследованию

Суть подхода заключается в том, что позиция агента в социальном универсуме (многомерном пространстве позиций) определяется по занимаемым им позициям в различных социальных полях; позиции дифференцированы, исходя из совокупности действующих свойств (капиталов), значимых в этом социальном пространстве, «... т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме...» [1, с. 15].

Используя вышеприведенную теорию, полагаем возможным рассматривать объективный/субъективный аспект социального благополучия обучающейся молодежи через совокупность перечисленных капиталов и сконструированных авторами индикаторов этих капиталов.

Первые результаты социологического исследования были представлены в научной статье В. П. Засыпкина и Г. Е. Зборовского «Благополучна ли жизнь студентов северного региона, или О чём говорят данные социологического исследования?» [5]. В статье более подробно была описана эмпирическая методология исследования социального благополучия молодежи, выделены показатели и индикаторы, позволяющие рассмотреть объективные и субъективные аспекты социального благополучия.

Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования с применением сервиса «Анкетолог» (anketolog.ru). В генеральную совокупность входили 26 учебных заведений (21519 чел.). За основу выборки были положены критерии «принадлежности к образовательному учреждению», «пол», «направление подготовки». В выборку попали только обучающиеся очного отделения. Таким образом, в исследовании приняли участие 2358 студентов высших учебных заведений и 2460 обучающихся учреждений среднего профессионального образования. Полученные данные были обработаны в программе Vortex.

В рамках настоящей статьи, во внимание берутся результаты, полученные в ходе опроса обучающихся учебных учреждений ХМАО-Югры как высшего (ВПО), так и среднего профессионального образования (СПО). Исходя из ранее выявленных проблем студенческой молодежи, нами была предпринята попытка выделить факторы, детерминирующие в сознании обучающейся молодежи связь профессионального самоопределения с представлениями о потенциальном профессиональном будущем и собственным (субъективным) социальным благополучием.

Согласно полученным результатам основу благополучной жизни обучающейся молодежи составляют компоненты, приведенные в табл. 1 и 2, при этом, мы видим отличие между некоторыми позициями обучающихся высшего и среднего специального образования. На наш взгляд, стоит обратить внимание, на компонент «Стабильная работа», который входит

в пятерку выборов у представителей СПО, тогда как у обучающихся высших учебных заведений указанный компонент занимает 6-е место. Всего обучающимся было предложено сделать пять выборов среди 22 позиций. При этом «Работа по душе» занимает 4-ю позицию в обоих случаях, что указывает на значимость трудовой деятельности, выбранной исходя из личных мотивов, как значимую жизненную ценность молодежи.

Таблица 1

Студенты ВПО о компонентах благополучной жизни и жизненных ценностях

№ п/п	Как Вы понимаете выражение «благополучная жизнь»?	%	№ п/п	Наиболее значимые, на Ваш взгляд, жизненные ценности?	%
1	Достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды	82%	1	Здоровье	82,9%
2	Здоровье своё и близких	77,3%	2	Семья, дети	65,3%
3	Мир, отсутствие войны	45,7%	3	Деньги, материальные блага	59,6%
4	Спокойствие, душевное равновесие	82%	4	Работа по душе	42,5%
5	Уверенность в завтрашнем дне	77,3%	5	Общение с друзьями	33,7%

Источник: составлено автором

Таблица 2

Студенты СПО о компонентах благополучной жизни и жизненных ценностях

№ п/п	Как Вы понимаете выражение «благополучная жизнь»?	%	№ п/п	Наиболее значимые, на Ваш взгляд, жизненные ценности?	%
1	Здоровье свое и близких	77,9%	1	Здоровье	84,4%
2	Достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды	76,2%	2	Семья, дети	68%
3	Мир, отсутствие войны	45,4%	3	Деньги, материальные блага	61,6%
4	Семья, дети	39,1%	4	Работа по душе	46%
5	<i>Стабильная работа</i>	33,7%	5	Общение с друзьями	38,9%

Источник: составлено автором

Оценивая культурный капитал обучающейся молодежи по степени их интегрированности в образовательное пространство, уровню адаптированности к образовательной деятельности, мы использовали показатель, приведенный в табл. 3 и 4. Данные исследования показывают, что менее 8% обучающихся готовы к смене места обучения и/или вида образовательной деятельности. При этом основными причинами выступают те, что указывают на собой в процессе профессионального самоопределения: «разочарование в выборе будущей профессии» и «смена профессиональных ориентиров».

Таблица 3

Студенты ВПО о готовности бросить учебу

Думаете ли Вы бросить учебу?	%	С чем связано Ваше желание бросить учебу?	%
Да	2,3%	Отсутствие мотивации к обучению	69,5%
Скорее да, чем нет	5%	Разочарование в выборе будущей профессии	55,1%
Скорее нет, чем да	17,2%	Смена профессиональных ориентиров	33,5%
Нет	71%		
Затрудняюсь ответить	4,4%		

Источник: составлено автором

Таблица 4

Студенты СПО о готовности бросить учебу

Думаете ли Вы бросить учебу?	%	С чем связано Ваше желание бросить учебу?	%
Да	2,6%	Отсутствие мотивации к обучению	61,4%
Скорее да, чем нет	5%	Разочарование в выборе будущей профессии	44,6%
Скорее нет, чем да	16,6%	Смена профессиональных ориентиров	39,1%
Нет	72%		
Затрудняюсь ответить	3,9%		

Источник: составлено автором

Оценивая социальный капитал и показатель готовности к работе по окончании учебного заведения, около 17 % респондентов заявили о неготовности работать по специальности; в той или иной степени готовность работать характерна для более 80% обучающихся СПО и ВПО, что свидетельствует о достаточно выраженной потребности интегрироваться в профессиональную среду. При этом респондентами выделяются три наиболее значимые признака в будущей профессии, где проявляется потребность в профессиональной самореализации (табл.5 и 6).

Таблица 5

Студенты ВПО о готовности работать по специальности и факторах значимости будущей профессии

Готовы ли Вы работать по получаемой специальности после окончания учебного заведения?	%	Что для Вас значимо в будущей профессии? (выберите не более 3-х вариантов ответа)	%
Да	51,2%	Высокий заработок	71,7%
Скорее да, чем нет	29,2%	Интерес к профессии, возможность самореализации	57,5%
Скорее нет, чем да	9,5%	Профессиональный рост	46%
Нет	4,5%		
Затрудняюсь ответить	5,6%		

Источник: составлено автором

Таблица 6

Студенты СПО о готовности работать по специальности и факторах значимости будущей профессии

Готовы ли Вы работать по получаемой специальности после окончания учебного заведения?	%	Что для Вас значимо в будущей профессии? (не более 3-х вариантов ответа)	%
Да	37,3%	Высокий заработок	73,9%
Скорее да, чем нет	28,9%	Профессиональный рост	49,1%
Скорее нет, чем да	15,6%	Интерес к профессии, возможность самореализации	48,8%
Нет	10,8%		
Затрудняюсь ответить	7,5%		

Источник: составлено автором

Подводя итоги изучения влияния профессионального самоопределения на социальное благополучие обучающейся молодежи, стоит подчеркнуть актуальность связанную, в первую очередь тем, что молодежь проявляя свою субъектность, является значимым ресурсом общества.

При этом профессиональное самоопределение как важный этап на пути к самореализации, по мнению С. Н. Чистяковой и В. А. Полякова, представляется «сложным диалектическим процессом формирования личностью системы основополагающих отношений к профессионально-трудовой среде, развития и самореализации духовных и физических возможностей, формирования адекватных профессиональных планов и намерений, реалистического образа себя как профессионала» [3, с. 300]. От того насколько качественно происходит интеграция молодежи в социально-профессиональную структуру общества, несомненно, зависит ее субъективное благополучие.

На наш взгляд, субъективное благополучие молодежи и качество, в первую очередь, ее социального, культурного капитала – взаимосвязанные, взаимообусловленные социальные феномены. В связи с современными условиями трансформации общества, сменой социокультурной ситуации, изменением у молодежи ценностных представлений о способах самореализации, в том числе в профессиональной среде, усиливается интерес к анализу социального, культурного капиталов как к объекту управленческого воздействия на обучающуюся молодежь.

Изучая представления студентов о своем будущем, удалось рассмотреть особенности компонентов благополучной жизни и сформированных жизненных ценностей обучающихся, отношение молодежи к процессу обучения и перспективах ее трудоустройства. Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема профессионального самоопределения и профессиональной ориентации в довузовский период обучения по-прежнему стоит достаточно остро.

Литература

1. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства: Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2017. С. 14–48. ISBN 978-5-903354-054
2. Вишневский Ю. Р., Певная М. В., Телепаева Д. Ф., Южакова А. И. Ориентир на будущее – становление и углубление субъектности молодежи // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. В 2-х томах 16–17 ноября 2020 года, Екатеринбург.
3. Власова О. В., Петрова Д. С. Профессиональное самоопределение студенчества: ключевые проблемы и перспективы решения // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях, Вологда, 23–27 марта 2020 года. Том Часть II. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2020. С. 300–304.
4. Заборова Е. Н., Мылтыасова О. В. Социология молодежи: уральская школа // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 69–77.
5. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е. Благополучна ли жизнь студентов северного региона, или О чём говорят данные социологического исследования? // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8–9. С. 9–26.
6. Чупров, В. И. Становление отечественной школы социологии молодежи // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 103–125.

THE IMPACT OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION ON THE SOCIAL WELL-BEING OF YOUNG PEOPLE NORTHERN REGION

Abstract

The article is devoted to the consideration of the importance of professional self-determination and its impact on social well-being through the prism of the opinions of young students. Attempts have been made to consider L.N.Kogan's self-realization theory of culture related to the problem of personal formation and self-realization of youth in modern realities. The empirical basis of the work was the results obtained during a sociological study of the social well-being of the youth of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, which was conducted by employees of the regional research laboratory of the Surgut State Pedagogical University in educational institutions of the district of secondary vocational and higher education in the period from February to April 2022.

Keywords: professional self-determination, social well-being, self-realization, youth.

УДК 32.019.51

Т. М. Резер, А. В. Вегнер

ОБ ОСОБОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация

В последние десятилетия в отношении Российской Федерации усилилась дискриминационная политика западных стран. Ограничительные меры, санкции, ментальные войны – все это направлено на разрушение российского государственного строя и традиционных ценностей. В статье авторами анализируются понятия «вызов» и «угроза» и их взаимосвязь. На основе анализа базы федеральных нормативных правовых актов определены основные вызовы и угрозы, представляющие опасность для государственного суверенитета России. Выявлено влияние современных вызовов на систему патриотического воспитания. В ходе исследования правовой основы патриотического воспитания сформулировано общее определение патриотизма и условия, которые способствуют формированию патриотического сознания гражданина. Рассмотрены основные задачи по доработке и адаптации государственной программы патриотического воспитания, которые поставлены Президентом Российской Федерации перед государственными органами исполнительной власти.

Ключевые слова: вызов, угроза, традиционные ценности, патриотизм, патриотическое воспитание, молодежь.

За последние годы современной России пришлось столкнуться с негативным влиянием, исходящим от Европейского союза (ЕС) и стран Североатлантического альянса (НАТО). По словам исполняющего обязанности постоянного представителя России при Евросоюзе К. М. Логвинова, отношения Евросоюза и России «достигли низшей точки». 25 февраля 2023 года Евросоюз ввел десятый пакет санкций против России. Ограничения затронули банковский сектор, передовые технологии и частные военизированные структуры.

Уже который год продолжается дискриминационная политика ЕС и НАТО, направленная на ущемление прав и свобод граждан Российской Федерации. Односторонние ограничительные меры Евросоюза являются незаконными по причине того, что принимаются без одобрения Совета Безопасности ООН. Следовательно, они по определению нелегитимны. Помимо всего прочего, Европейский союз предпринимает попытки в сторону влияния на торгово-экономические отношения России с другими государствами путем введения наказаний в отношении стран третьего мира за обход рестрикций. Таким образом, проводимая европейскими государствами политика жесткой конфронтации с Российской Федерацией явно нарушает принципы международного права и нормы Всемирной торговой организации (ВТО).

Соединенные Штаты также не остаются в стороне. Санкции, исходящие от США, используются в качестве инструмента давления, способного, по задумке лидеров Североатлантического альянса, изменить политический курс России. Очередные санкции, безусловно, имеют одну цель – расшатать и ослабить экономику России. Помимо всего

прочего, в последнее время в политическом и военном дискурсе появилось новое явление, именуемое «ментальной войной». Данный инструмент давления направлен на уничтожение самосознания и изменение цивилизованной основы общества.

«Ментальная война» является молодым явлением, активное обсуждение которого началось после того, как в своей статье о нем упомянул Советник Министра обороны Российской Федерации А.М. Ильницкий в 2021 году. Советник Министра обороны считает, что «ментальная война» – это новый вызов обществу [2, с. 25]. Но что такое «вызов»? При анализе нормативно-правовых актов было выявлено, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует трактовка термина «вызов». Однако стоит отметить, что само понятие «вызов» достаточно часто встречается в официальных документах и, как правило, используется в связке с такими понятиями, как «угроза» и «опасность». Толкование последних двух терминов приводится в Военной доктрине Российской Федерации [1], а также в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [9].

Отсутствие закрепленной в федеральном законодательстве интерпретации термина «вызов» указывает на то, что данное явление недостаточно изучено. Здесь следует отметить, что зачастую происходит подмена понятий «угроза» и «вызов». Ошибочно считать, что данные понятия взаимозаменяемы. Доктор политических наук В.Ф. Ницевич рассматривает «вызов», «крик», «угрозу» и «опасность» в разрезе возрастания вероятности причинения ущерба конкретному объекту [3, с. 58]. Так, согласно предложенной ученым классификации, «вызов» – это негативное стороннее влияние, которое блокирует реализацию политики, направленной на сохранение национальных ценностей, защиту интересов и достижение целей по решению задач обеспечения национальной безопасности. Под «угрозой» В.Ф. Ницевич понимает непосредственную опасность для национальных интересов и ценностей, а также государственной безопасности. Таким образом, можно сказать, что «угроза» является содержательной частью «вызова».

В условиях политики давления со стороны западных стран перед служащими государственного аппарата Российской Федерации стоит задача первостепенной важности – своевременно предпринять меры реагирования на внешние и внутренние вызовы. Как правило, вызовы подразделяют на экономические, социальные, общественно-политические и иные. На современном этапе развития межгосударственных отношений особое внимание заслуживают общественно-политические вызовы и угрозы, которые в них содержатся.

Для идентификации угроз и вызовов необходимо обратиться к Указу Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7]. Согласно Указу Президента Российской Федерации на территории страны угрозами признаются:

- деятельность экстремистских и террористических организаций;
- деятельность отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций;
- действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных государств;
- действия ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций;
- деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Вышеупомянутые «ментальные войны» включают в себя перечисленные угрозы и представляют собой серьезный вызов, брошенный российскому обществу. В основе ментальных войн лежит так называемая «деструктивная идеология». В Указе Президента Российской Федерации под деструктивной идеологией понимается насаждение разрушительной для российского общества системы идей и ценностей. В данную систему входит следующее:

- культивирование эгоизма;
- вседозволенность и безнравственность;
- глумление над Отечеством;

- отрицание традиционных ценностей, института семьи и брака;
- пропаганда нетрадиционных межполовых отношений;
- отрицание идеалов патриотизма.

Обращаясь к традиционным ценностям, которые перечислены в Указе, стоит сделать акцент на том, что помимо прав и свобод человека, гражданственности, высоких нравственных идеалов и исторической памяти, к традиционным ценностям также относится и патриотизм. Деструктивная идеология Запада направлена на отрицание идеалов патриотизма, поэтому в сложившихся условиях развитие и укрепление системы духовно-нравственного и патриотического воспитания выступает в качестве инструмента по борьбе с вызовами и угрозами, которым подвергается российское гражданское общество.

Как и в случае с вызовами, «патриотизм» и «патриотическое воспитание» не имеют четкого определения в законодательной базе Российской Федерации, однако очень часто используются в различных документах. На основании анализа нормативно-правовых актов, затрагивающих тематику патриотизма, можно сформулировать общее определение патриотизма. Патриотизм – это непрерывный организованный образовательный процесс, влияющий на умственное, эмоциональное, волевое, духовное и физическое развитие человека с целью формирования высоких моральных и нравственных принципов. Согласно Федеральному образовательному стандарту основного общего образования патриотизм является следствием воспитания российской гражданской идентичности [5].

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в сфере государственной национальной политики Российской Федерации поставлена задача по формированию у *подростающего поколения* гражданского самосознания и ответственности, чувства патриотизма и гордости за свою Родину [10]. Особое внимание должно быть уделено воспитанию культуры межнационального общения, что выражается в уважении чести, национального достоинства и ценностей народов России. Стратегия также обязывает оказывать поддержку общественных инициатив, которые направлены на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации.

В ходе анализа законодательной базы в сфере патриотического воспитания граждан было обнаружено, что патриотическое воспитание в большинстве документов упоминается в отношении подрастающего поколения. Это связано с тем, что именно в молодом возрасте у человека происходит становление личности и формирование системы базовых ценностей. Формирование ценностных ориентаций в молодежной среде зависит от следующих факторов:

- влияние общественного мнения на личность молодого человека;
- устоявшиеся нормы и традиции, которые регулируют поведенческую составляющую личности;
- индивидуальные свойства, присущие конкретной личности;
- критический анализ образцов поведения;
- самореализация в общественной и профессиональной среде.

Общественная культура, нормы морали, идеалы и традиции служат фундаментом для формирования ценностных ориентаций молодежи. Важность внедрения программы патриотического воспитания в образовательных учреждениях заключается в том, что в молодом возрасте происходит упорядочивание представлений о малой Родине и России, общечеловеческих ценностях и труде, ответственности за свою страну и долге перед Родиной. Интеграция программы патриотического воспитания в дошкольные, общеобразовательные и университетские программы позволит преодолеть существующие противоречия между теорией и практикой патриотического воспитания, заложить прочное основание в воспитании семейно-ориентированного и национально мыслящего поколения.

Существующие в современной России вызовы оказывают особое влияние на формирующееся сознание молодежи. Формирование ценностных ориентаций молодежи играет ключевую роль в устойчивости и стабильности общества, а также задают активность социальной деятельности личности.

В условиях ментальной войны, которая является на данный момент основным вызовом для молодежи и ее безопасности, используются инструменты разрушительного влияния на личность и нацию в целом. Те установки, которые формирует патриотическое воспитание, находятся под угрозой. Активное информационное влияние со стороны некоторых средств массовой информации выражается в антироссийской пропаганде. Особым направлением ментальной войны стала девальвация традиционных ценностей. В информационном пространстве под сомнение ставятся такие важные для российского общества, а в особенности для подрастающего поколения, ценности как дружелюбие, единство, стремление к справедливости, любовь к Отечеству, готовность к подвигу и работе на благо общества. Подмена исторических фактов и искажение национальной истории также является одним из методов ментальных войн.

В такое непростое для России и русского народа время вопрос о патриотическом воспитании должен находиться в центре внимания органов государственной власти всех уровней. В 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где в рамках реализации национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» постановил создать условия «для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [8]. Поставленная задача отвечает положениям Стратегии государственной национальной политики и позволяет сформировать основы гражданской идентичности и патриотического сознания, а также повысить гражданскую зрелость молодого поколения.

Задачи по укреплению единства российского общества в новых геополитических и социально-экономических условиях поставлены и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [9]. В IV главе Стратегии говорится о защите Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти путем развития системы образования и поддержки общественных проектов по патриотическому воспитанию и сохранению исторической памяти России. Благодаря выполнению всех поставленных задач представляется возможным раскрыть понятие «патриотизм» в сознании подрастающего поколения не только с милитаристической точки зрения (военная служба и воинская доблесть), но и с точки зрения уважения родителей, добросовестного труда, уважения к государственной символике, ведения здорового образа жизни и самосовершенствования на благо общества.

Органы исполнительной власти активно участвуют в реализации Стратегий и Указов Президента Российской Федерации. С сентября 2022 года каждый понедельник для учеников 1–11-х классов проводятся внеурочные занятия «Разговоры о важном», которые являются частью образовательной программы. Проект создан при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации и ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования». На занятиях поднимаются и обсуждаются вопросы, связанные с культурой и историей России, а также ее ролью на мировой арене.

В конце 2022 года Министром просвещения Российской Федерации был подписан Приказ «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» [4]. Так, с 1 сентября 2023 года в школьную образовательную программу будет включена начальная военная подготовка в рамках уроков ОБЖ, а на уроках истории начнется изучение проведения специальной операции России на Украине.

Существующие на сегодняшний день формы патриотического воспитания органично вписываются в содержание внедряемой программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, однако данный процесс требует постепенной адаптации и доработки. Процесс внедрения программы патриотического воспитания современного гражданина не должен быть односторонним. Для повышения качества и эффективности программы необходимо своевременно реагировать на запросы, исходящие от тех, на кого она ориентирована. В ближайшее время предложенные направления патриотического воспитания

граждан будут активно применяться в учреждениях по работе с детьми и молодежью, что, несомненно, требует принятия единой системы гражданско-патриотического воспитания в образовательной среде [6, с. 80]. Выполнение всех указанных условий позволит вовремя реагировать на брошенные российскому обществу вызовы и подтвердить эффективность отечественной системы патриотического воспитания.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 05.03.2023).
2. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–31.
3. Михайленко А. Н. Понятия угрозы и вызова национальной // Обозреватель. 2011. № 2(253). С. 57–63.
4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 23.11.2022 № 1014 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435191/ (дата обращения: 15.03.2023).
5. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110255/ (дата обращения: 12.03.2023).
6. Резер Т. М., Сулимин В. В. О методологических основах построения комплексной системы гражданско-патриотического воспитания в образовательной среде // Право и образование. 2015. № 1. С. 79–86.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Администрация Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.03.2023).
8. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 12.03.2023).
9. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 05.03.2023).
10. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». // Администрация Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 11.03.2023).

T. Rezer, A. Vegner

THE PARTICULAR RELEVANCE OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE FACE OF CONTEMPORARY CHALLENGES

Abstract

The authors analyze the concepts of «challenge» and «threat». The influence of modern challenges on the system of patriotic education is revealed. The study of the legal basis for patriotic upbringing formulates a general definition of patriotism and the conditions that contribute to the formation of the patriotic consciousness of a citizen. The main tasks of finalizing and adapting the state program of patriotic upbringing, which are set by the Russian President before the state bodies of the executive power, are considered.

Keywords: challenge, threat, traditional values, patriotism, patriotic education, youth.

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА НАД СТУДЕНТАМИ**Аннотация**

В публикации ставится вопрос о необходимости трансформации модели взаимодействия научно-педагогических работников и студентов в сфере научно-исследовательской деятельности. Традиционная модель научного руководства НИРС потеряла свой потенциал. Новые модели либо не известны в российских вузах, либо не могут эффективно развиваться в современных академических условиях. На сегодняшний день в большинстве российских вузов отсутствуют институциональные модели научного наставничества, а вовлечение студентов в НИР обеспечивается традиционными практиками, сохранившимися еще со времени советской высшей школы. Некоторые из этих практик сохраняют свою продуктивность, но используются инициативно, без организационной поддержки и не воспроизводятся сходом конкретного преподавателя или ученого. Цель статьи – дать характеристику современным моделям научного наставничества над студентами в бакалавриате и магистратуре и определить условия успешного их внедрения в современную университетскую практику организации студенческой науки. Эмпирической базой публикации являются результаты систематического обзора зарубежной и российской научной литературы по исследуемой проблеме, а также материалы кейсов использования современных практик научного наставничества в зарубежных и отечественных университетах. Новизна исследования заключается в определении современного содержания понятия научного наставничества над студентами и обобщении опыта зарубежных вузов и российских вузов по разработке и внедрению новых моделей научного наставничества, неотрефлексированных в научных исследованиях. Основные результаты исследования, представленные в публикации: 1. Характеристика понятия научного наставничества (research mentoring) как научно-образовательного института, формы взаимодействия в ролевой диаде «ментор – студент» (mentor – mentee), а также системы их повседневных практик, обеспечивающих креативную среду для реализации и накопления человеческого капитала как наставников, так и студентов. 2. Типология моделей взаимодействия студентов и научных наставников по различным основаниям (степени формализации и регулярности взаимодействия, инициативности и автономности субъектов взаимодействия и др.) с описанием условий их эффективности. 3. Содержательная характеристика современных моделей научного наставничества с описанием их особенностей и лучших практик реализации в зарубежных и отечественных вузах. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для оценки и совершенствования практик научного наставничества в современных российских вузах.

Ключевые слова: научное наставничество, research mentoring, студенты, научное руководство, модели научного наставничества.

Практики научного наставничества (НН) являются продуктивным способом активизации научно-исследовательской деятельности студентов российских вузов. Для учащихся, уже обладающих достаточно развитыми исследовательскими компетенциями, научный наставник становится партнером по исследованиям, агентом, который интегрирует начинающего исследователя в академическое сообщество и конструирует его раннюю академическую карьеру. В отношении тех студентов, которые не готовы к НИР, научный наставник реализует себя в роли педагога и мотиватора. Необходимо отметить, что и для самих преподавателей университетов НН выступает привлекательной сферой их профессиональной самореализации и развития. Так же, как и во взрослой научной деятельности, в сфере НН высока степень академической свободы, существует широкий спектр моделей деятельности и взаимодействия, имеются благоприятные условия для получения видимых результатов.

НН представляет собой научно-образовательный институт, форму взаимодействия в ролевой диаде «ментор – студент», а также систему их повседневных практик, обеспечивающих креативную среду для реализации и накопления человеческого капитала как наставников, так и студентов.

Функционирование НН как научно-образовательного института обеспечивается группой научных наставников, за которыми закреплены специфические роли, ресурсы академической власти и полномочия. В этом смысле НН представляет собой устойчивую форму взаимодействия ментора и менти, которое регулярно повторяется и регламентируется нормами, выработанными академическим сообществом конвенционально. НН выполняет такие институциональные функции, как отбор и вовлечение в науку наиболее способных студентов, имеющих устойчивую ориентацию и мотивацию на научную деятельность; передача основ культуры научного труда; удержание молодых исследователей в сфере вузовской или академической науки и др.

Современные практики НН в российских университетах опираются на российские и советские традиции. Опыт организации студенческих научных сообществ в дореволюционных российских университетах описан в работах историков начала XX в. С. П. Мельгунова [3] и начала XXI в. Д. А. Завьялова [1].

В советское время практики вовлечения студентов в НИР имели как неформальные, так и институционализированные формы. Для многих студентов видные педагоги, ученые, руководители научных школ становились непосредственными наставниками, у которых они писали все годы учебы курсовые работы, дипломы. Некоторые студенты под влиянием именно таких руководителей потом поступали в аспирантуру и защищали диссертации. Если научные лидеры и не были непосредственными руководителями, то служили яркими образцами при выборе профессии преподавателя высшей школы или исследователя. В этом плане пример научного наставничества Л. Н. Когана, которому посвящены XXIII Уральские социологические чтения, представляет собой типичную советскую модель взаимодействия научного наставника и учеников.

Многие уральские (и не только) социологи, внесшие большой вклад в развитие отечественной социологии, были студентами Л. Н. Когана, слушали его лекции, выступления на конференциях, читали его научные работы, учились у него в аспирантуре и потом приходили в вузы в качестве перспективных преподавателей и ученых. Отношение Л. Н. Когана к своим ученикам было очень внимательным и в то же время критичным. Неслучайно ученики Л. Н. Когана – сегодня маститые ученые – желают современному поколению социологов «иметь своего Когана» [2, с. 13].

Институциональной моделью НН в советское время были студенческие научные общества (СНО). Предполагалось, что каждый преподаватель должен создать и вести СНО в рамках своих должностных обязанностей (либо в качестве нагрузки второй половины дня, либо в качестве общественной нагрузки). Все студенты также были обязаны посещать СНО или даже несколько. Кто-то ходил регулярно, кто-то нет, кто-то участвовал в работе активно и инициативно, кто был пассивным, тем не менее в работу СНО включались все студенты на протяжении всех лет обучения в университете. Тематика и план работы СНО утверждались в начале учебного года на заседании кафедры. Работа в них велась в формате свободных дискуссий и студенческих докладов. Редко, но все участники СНО готовили статьи в вузовские сборники.

Другой организационной формой научного творчества студентов в советское время были студенческие конструкторские бюро (СКБ). Они создавались в технических вузах на базе неформальных объединений студентов. В 1907-е гг. эти неформальные кружки были преобразованы в хозрасчетные подразделения с собственным бюджетом, штатом и планированием. Процесс институционализации СКБ сопровождался организацией научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по заказам предприятий и завершился разработкой Минвузом СССР типового положения «О студенческих конструкторских, исследовательских, проектных, технологических и экономических бюро высших учебных

заведений» [7]. Особенностью СНО и СКБ была их подконтрольность комсомольским и номенклатурным структурам.

В большинстве современных российских вузов вовлечение студентов в НИР обеспечивается традиционными практиками, сохранившимися еще со времени советской высшей школы. Некоторые из этих практик сохраняют свою продуктивность, но используются инициативно, без организационной поддержки и не воспроизводятся с уходом конкретного преподавателя или ученого. Чаще всего студенты обращаются к элементам научно-исследовательской деятельности в рамках курсовых или дипломных работ. Подчеркнем: именно элементам. Во-первых, курсовые работы сегодня стали редким жанром самостоятельной студенческой работы. В некоторых университетах подготовка курсовой работы заменена проектной деятельностью (учебными проектами), которые не всегда носят исследовательский характер. Во-вторых, подготовка письменных работ студентами часто сопряжена с практиками академического мошенничества, поэтому исследовательский компонент таких работ часто бывает имитационным. В-третьих, курсовые работы часто не имеют сквозного характера (как это было в советских университетах), а «привязаны» к конкретному предмету, к его специфической тематике. В-четвертых, научные статьи, подготовки которых сегодня стимулируются вузами, зачастую являются фрагментами тех же курсовых работ и не имеют самостоятельного характера. Ну, и наконец, очень часто студенты имеют несколько временных научных руководителей, а не постоянно наставника, с которым складываются постоянные взаимоотношения.

Соответственно, у российских вузов возникает потребность в трансформации модели взаимодействия научно-педагогических работников и студентов в сфере научно-исследовательской деятельности. Новые модели НИ складываются стихийно либо берутся в качестве кальки с практик НИ зарубежных вузов.

На основе систематического обзора зарубежной и российской научной литературы по исследуемой проблеме, а также материалов кейсов использования современных практик НИ в зарубежных и отечественных университетах, нами была разработана типология моделей взаимодействия студентов и научных наставников по различным основаниям.

1. Модели НИ, имеющие разную степень формализации и регулярности взаимодействия. К формальным и относительно регулярным можно отнести руководство научным исследованием студента в рамках формальных учебных мероприятий (курсовой работы, курсового проекта, выпускной квалификационной работы, учебного проекта исследовательского типа). Данная практика рассматривается как форма НИ при условии, что студент действительно осуществляет научное исследование по всем принципам организации такового в рамках той или иной научной дисциплины, получая при этом новые результаты, имеющие теоретическую либо прикладную значимость. В такой модели научные исследования проводятся студентами регулярно, однако могут не иметь преемственности (каждая новая работа или проект реализуются по новой тематике).

К неформальным практикам НИ можно отнести иногда встречающийся тип взаимодействия ментора и мента по их личной договоренности. Научные исследования в такой модели осуществляются на неформальной основе по инициативе либо научного наставника, либо самого студента. Нередко такие неформальные практики НИ являются продолжением формальных, после завершения последних. Такая модель требует привлечения личных временных ресурсов менти и ментора, поскольку осуществляется во внеучебное время.

2. Модели НИ, реализующиеся в институциональных и внеинституциональных формах.

В зарубежных и некоторых ведущих российских вузах и академических структурах, имеющих аспирантуру, (НИУ ВШЭ [4], Институт Африки РАН [5], ИТМО) происходит процесс институционализации практик НИ с целью их организационного совершенствования и обеспечения тиражируемости. Институциональные модели НИ включаются в себя различные форматы сообществ менти и менторов. Заметим, что распространенные

практически во всех вузах Советы молодых ученых мы не рассматриваем как разновидность институциональной модели НН, поскольку такие Советы представляют собой орган самоуправления и представительства интересов молодых ученых (студентов и аспирантов) на общеузовском уровне.

Интересные институциональные модели НН включают в себя создание сообществ менти, программу их подготовки, методической поддержки индивидуальной или групповой работы [9], организационное обеспечение консультирования по выбору трека академической карьеры [10], разработку, наполнение и обновление сайта менти-сообществ.

3. Модели НН, имеющие вертикальную и горизонтальную структуру взаимодействия ментора и менти. К этим моделям можно отнести классическую вертикальную диаду «зрелый исследователь (преподаватель) – молодой наставляемый (студент)» либо горизонтальную диаду «студент-ментор – студент-менти». Последняя редко встречается в российских вузах (в основном в формате нерегулярных мастер-классов) [6], но довольно распространена в зарубежных университетах [8; 11].

Таким образом, можно говорить о новом этапе развития практик научного наставничества в современных российских университетах. Интерес к ним актуализирован потребностями привлечения и сохранения молодежи в академической сфере, популяризации академической профессии и научного знания. Современные модели НН, опирающиеся на лучшие традиции советского высшего образования и впитывающие новые форматы зарубежных университетов, вполне способны выполнять важнейшие институциональные функции.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

Литература

1. Завьялов Д. А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2006. 338 с.
2. Зборовский Г. Е. Л. Н. Коган и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 3–13.
3. Мельгунов С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М.: Правда, 1904. 71 с.
4. Программа научного менторства НИУ ВШЭ. URL: <https://sciencementor.hse.ru/> (дата обращения: 09.04.2023)
5. Проект «Наставничество» Института Африки РАН. URL: <https://www.inafran.ru/node/1710> (дата обращения: 09.04.2023)
6. Стромов В. Ю., Сысоев П. В., Завьялов В. В. Развитие студенческого наставничества в научно-образовательной сфере в классическом вузе // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 174. С. 7–14.
7. Чагадаева О. А. Студенческие конструкторские бюро: от неформальных кружков к официальным научно-исследовательским институтам (1960–1980 гг.) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8. С. 213–221.
8. Mentoring Programm Student – Student in The International Society of Biomechanics at Penn State University. URL: <https://isbweb.org/students/mentoring-program/student-student> (дата обращения: 30.03.2023).
9. Science Mentoring Program of University of Ottawa. URL: <https://www.uottawa.ca/faculty-science/sites/g/files/bhrskd386/files/2022-09/SCIENCE%20Mentoring%20Guide%20EN%202022.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
10. Science Mentorship Program of National University of Singapore. URL: <https://www.science.nus.edu.sg/undergraduates/schools-and-public-outreach/research-programmes/science-mentorship-programme-smp/> (дата обращения: 24.03.2023).

11. Science Peer Mentors Programm at Toronto Metropolitan University. URL: <https://www.torontomu.ca/science/current-undergraduate-students/first-year-science/science-peer-mentors/> (дата обращения: 25.03.2023).

P. Ambarova

TRADITIONAL AND MODERN MODELS OF SCIENTIFIC MENTORING OF STUDENTS

Abstract

The publication raises the question of the need to transform the model of interaction between scientific and pedagogical workers and students in the field of research activities. The traditional model of scientific leadership of the NIRS has lost its potential. New models are either not known in Russian universities, or they cannot develop effectively in modern academic conditions. To date, most Russian universities lack institutional models of scientific mentoring, and the involvement of students in research is provided by traditional practices that have been preserved since the Soviet higher school. Some of these practices retain their productivity, but are used proactively, without organizational support and are not reproduced with the departure of a particular teacher or scientist. The purpose of the article is to characterize modern models of scientific mentoring of undergraduate and graduate students and to determine the conditions for their successful implementation in modern university practice of student science organization. The empirical basis of the publication is the results of a systematic review of foreign and Russian scientific literature on the problem under study, as well as case studies of the use of modern scientific mentoring practices in foreign and domestic universities. The novelty of the research lies in the definition of the modern content of the concept of scientific mentoring over students and generalization of the experience of foreign universities and Russian universities in the development and implementation of new models of scientific mentoring, unreflexed in scientific research. The main results of the study presented in the publication: 1. Characteristics of the concept of scientific mentoring as a scientific and educational institution, forms of interaction in the mentor-student role dyad, as well as systems of their daily practices that provide a creative environment for the realization and accumulation of human capital for both mentors and students. 2. Typology of models of interaction between students and scientific mentors on various grounds (degree of formalization and regularity of interaction, initiative and autonomy of subjects of interaction, etc.) with a description of the conditions of their effectiveness. 3. Substantive characteristics of modern models of scientific mentoring with a description of their features and best practices of implementation in foreign and domestic universities. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results to evaluate and improve the practices of scientific mentoring in modern Russian universities. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

Keywords: scientific mentoring, research mentoring, students, scientific leadership, models of scientific mentoring.

УДК 316.4

Е. В. Андрианова, М. В. Худякова

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В ВУЗОВСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Аннотация

Современное понимание культуры здоровья предполагает значимое, действенное и ответственное отношение человека к своему психофизическому состоянию и потенциалу, в рамках которого стратегия здоровьесбережения уступает место здоровьезоформированию на основе осознания и актуализации личностных смыслов, освоения знаний и умений, развития психофизических кондиций и овладения субъектным опытом профилактической, оздоровительной и физкультурно-спортивной деятельности. В этом контексте представляется важным вопрос о соучастии работодателей в системе сохранения и формирования здоровья работников как ключевого экономического ресурса. Вузовская инфраструктура предполагает ряд возможностей для сотрудников в части разнообразных видов физкультурно-спортивной активности, мероприятий по контролю здоровья, корпоративных программ по здоровьесохранению. Насколько востребованы такие мероприятия? Как воспринимает вузовское сообщество усилия работодателя по здоровьесбережению сотрудников? Как работают соответствующие информационные каналы? В исследовании изучены востребованность и восприятие услуг по здоровьесбережению в вузовском сообществе; отношение работников к организуемым

образовательными учреждениями мероприятиям, направленным на формирование культуры здоровья своих сотрудников. Эмпирической базой являются данные опроса работников Тюменского государственного университета, проведенного 2023 г. Социологический анализ построен на основе изучения открытых данных о возможностях, которые предоставляют работникам вузы Тюменской области для здоровьесбережения. Полученные результаты исследования позволили рассмотреть условия, создаваемые вузами для актуализации у работников личностных смыслов формирования культуры здоровья, потенциал для включенности в значимую оздоровительную и физкультурно-спортивную деятельность, построение интерактивной социальной среды, ориентированной на здоровьесбережение и здоровьесформирование работников. Сделаны выводы о реализации миссии вузов как субъектов образовательного пространства, создающих условия для формирования культуры здоровья у работников, трансляции ценностей и технологий здорового, динамичного, спортивного стиля жизни в региональном сообществе.

Ключевые слова: востребованность, здоровье, здоровьесбережение, здоровьесформирование, вуз.

Актуальность сохранения и улучшения здоровья населения не вызывает сомнения, а в условиях роста негативных процессов в воспроизводстве населения, состоянии его здоровья, роста рисков заболеваемости эта проблематика актуализируется и является одним из важнейших условий сохранения и развития человеческого капитала. В основных государственных стратегических и программных документах отмечается, что здоровье нации является сферой взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и личности, где решающее значение имеют именно личные интересы и ответственность. В целом, есть понимание, что здоровье нации является сферой взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и личности. Неслучайно тенденции здоровьесбережения находят отражение в официальных законодательных и нормативных документах [9, 11, 12, 13, 14].

Многочисленные научные исследования показывают, что воспроизводство здоровья – функция, главным образом, воспитания, а не лечения. Опыт таких стран, как Швеция, Япония, Норвегия, население которых имеет высокий уровень здоровья и среднего продолжительность жизни более 80 лет, свидетельствует о том, что наиболее эффективный путь к физическому, психическому и душевному благополучию – это здоровый, динамичный, спортивный стиль жизни и культура здоровья. Современное осмысление культуры здоровья предполагает значимое, действенное и ответственное отношение человека к своему психофизическому состоянию и потенциалу [10]. На сегодняшний день стратегия здоровьесбережения уступает место здоровьесформированию [1], которое осуществляется на основе осознания и актуализации личностных смыслов, освоения знаний и умений, развития психофизических кондиций, овладения субъектным опытом профилактической, оздоровительной и физкультурно-спортивной деятельности.

В этом контексте представляются важными следующие вопросы. Во-первых, об ответственности населения за сохранение своего здоровья. Так, по мнению экспертов, одной из основных проблем при реализации государственных программ остается низкий уровень ответственности населения за сохранение здоровья, что делает их на 30% менее эффективными [5]. Во-вторых, вопрос о соучастии работодателей в системе сохранения и формирования здоровья работников как ключевого экономического ресурса.

Нами принят во внимание опыт проведенных современных исследований по данной проблематике: состояния здоровья студентов высших учебных заведений и факторы его определяющие [6]; проблемы здоровьесбережения студенчества как социальной группы [7] и преподавателей российских вузов [4]; влияние негативных последствий цифровой трансформации образования, включая информационные перегрузки, компьютерную зависимость и номофобию [2]; моделирование отдельных компонентов здоровьесберегающей среды вуза [8; 15]. Предметный обзор отечественной научно-педагогической литературы по проблемам в области здоровьесбережения студентов и преподавателей высших учебных заведений представлен в работе [3].

В теоретико-методологическом смысле мы опираемся на *концепции здоровьесбережения с позиций средового подхода*, представленных в ряде работ отечественных исследователей, где *университетская среда* рассматривается как экокомплекс, включающий субъекты, пространственно-предметный, социальный и технологический компоненты, где в зависимости от специфики физического и социального окружения опосредуется поведение человека, создаются условия и предоставляются возможности для актуализации у работников и студентов формирования здоровья на основе включения в значимую оздоровительную и физкультурно-спортивную деятельность [10].

Сферу высшего образования нельзя назвать травмоопасной, однако следует отметить высокую эмоциональную напряженность и социальную ответственность, присущую работе в вузе. Для научно-педагогического состава характерна неравномерная рабочая нагрузка в течение недели, семестра, учебного года; административно-управленческий персонал современного вуза зачастую работает в условиях ненормированного рабочего дня. Эти факторы приводят к дисбалансу «работа/отдых» работников университета, часто и хронической перегруженности. Как следствие наблюдается несоблюдение режима питания; недостаточность двигательной активности, систематическое недосыпание и пр., что в итоге приводит к снижению качества капитала здоровья и человеческого капитала соответственно. Кроме того, преподаватели осознают, что здоровье не сводится лишь к отсутствию болезней, оно предполагает также полноценное физическое и психическое состояние, обеспечивающее успешную работу и жизнь в целом.

Обозначенные выше вопросы рассмотрены на примере Тюменского государственного университета, где на протяжении последних двадцати лет реализовано несколько социальных программ, среди них – «Университет – территория здоровья» и «Культура здоровья». Вуз располагает организационным потенциалом и соответствующей инфраструктурой для разнообразных видов физкультурно-спортивной активности, мероприятий по контролю здоровья и здоровьесохранению.

Социологический анализ построен на основе: 1) анализа открытых данных о возможностях, предоставляемых вузом работникам для здоровьесбережения; 2) изучения отношения работников к организуемым мероприятиям, направленным на формирование культуры здоровья (опрос, Тюменский государственный университет, февраль 2023, N=368.). На данном этапе исследования наше внимание было сконцентрировано именно на работниках, потому что вопросы состояния здоровья и система здоровьесбережения студентов в большей степени изучена и сформирована в вузах; кроме того, она в определенной степени регламентируется образовательными стандартами, программами/концепциями воспитательной работы и прочими формальными институтами. Что же касается работников вуза, то таких регламентаций нет, отсутствуют даже обязательные требования к участию в корпоративных программах, за исключением обязательств по прохождению профосмотров.

В ходе исследования изучены: востребованность и восприятие услуг по здоровьесбережению в вузовском сообществе; отношение работников к организуемым мероприятиям, направленным на формирование культуры здоровья. Насколько востребованы такие мероприятия? Как воспринимает вузовское сообщество усилия работодателя по здоровьесбережению сотрудников? Как работают соответствующие информационные каналы?

Среди опрошенных крайне мала доля (менее 2%) таких работников университета, кто абсолютно не следит за своим здоровьем, менее 10% не уделяют внимания укреплению здоровья; внимательно относятся к здоровью чуть более трети респондентов (34%), у большей части опрошенных «не всегда получается» это делать (65%). Среди распространенных способов здоровьесбережения: отказ от вредных привычек (63%), прогулки на свежем воздухе (53%), занятия физкультурой (52%). Для молодого поколения (до 35 лет) не менее ценен полноценный сон (59%); для старших возрастных групп значимую позицию занимает контроль уровня артериального давления, холестерина и сахара в крови (55%).

В группе лиц, внимательно относящихся к своему здоровью, к общему перечню практик здоровьесбережения добавляется правильное питание (67%, для сравнения 45% от выборки). Эта категория работников также больше внимание уделяет вопросам медицинского обслуживания: в два раза чаще проходят дополнительное углубленное обследование (18%, для сравнения 9% от выборки); чаще, чем другие сдают анализы и прочие срезы более одного раза в год (38%, для сравнения 29% от выборки); почти половина из них (45%) более доверительно относятся к врачам, обращаясь при первых симптомах (для сравнения 30% от выборки).

Отметим, отношение к своему здоровью зависит от уровня квалификации. Так, 75% опрошенных докторов наук и 42% кандидатов наук указали на то, что они внимательно относятся к своему здоровью, среди работников университета без ученой степени таковых меньше – 29%. Структуру приверженцев стратегий здоровьесбережения составляют: 41% – научно-педагогические работники (НПР), 31% – административно-управленческий аппарат (АУП), 26% – учебно-вспомогательный персонал (УВП), 2% – прочие. Работники из числа УВП реже выбирают активные формы здоровьесбережения (занятия физкультурой – 37%, правильное питание – 37%, прогулки на свежем воздухе – 44%); чаще других категорий работников используют пассивные практики (контроль уровня давления и сахара в крови – 40% (в среднем по выборке 30%), контроль рабочей нагрузки, «берегу себя» – 37% (в среднем по выборке 25%).

Систематические занятия физкультурой и спортом среди работников университета не распространены: в среднем 10% респондентов занимаются регулярно, 32% время от времени прибегают к спортивным активностям, чаще это утренняя зарядка, ходьба, бег, лыжи, плавание, фитнес, йога.

В разрезе социально-демографических признаков выявлены очевидные различия. Например, регулярность занятий физической культурой растет с возрастом; фитнес в большей степени занятия для младшей возрастной группы (70% в группе до 25 лет); лица в возрастной группе 26–35 лет чаще выбирают тренажерный зал для спортивных занятий (48%), плавание более предпочтителен для регулярных занятий в старшем возрасте (56–64 лет). Женщины внимательнее относятся к своему здоровью и более активны практически по всем позициям. Более подробно на этом останавливаться нецелесообразно.

В университете создаются определенные условия для здоровьесохранения. Хотя готовность пользоваться предоставляемыми университетом возможностями выражается со стороны большинства респондентов, по факту создаваемые условия остаются не востребованными. Опрос показал, что на данные услуги и предложения существует действительный запрос со стороны тех, кто следит за своим здоровьем на системной основе или старается это делать. И абсолютно не интересны такие услуги тем, кто за здоровьем не следит (особенно, если услуги не являются бесплатными). Таким образом, следует придавать значение формированию и повышению культуры здоровьесбережения среди работников университета.

В разрезе разных групп работников прослеживаются следующие различия: со стороны АУП чаще востребованы скидки на услуги партнеров; НПР при плавающем графике работы сложнее подстроиться под негибкое расписание физкультурных занятий на спортивных площадках университета; УВП чаще других категорий выбирают командные виды спорта и участвуют в корпоративных массовых мероприятиях, эта группа работников также практически не пользуется платными услугами, даже при условии корпоративных скидок. Совершенно не востребованы коллективные спортивные активности и мероприятия, участие в которых может быть условно добровольным. Так, более половины опрошенных указали на ненужность организации самостоятельных занятий игровыми и командными видами спорта (теннис, настольный теннис, бадминтон, мини-футбол, волейбол) на площадках вуза (54%), а также корпоративных массовых физкультурно-спортивных мероприятий (61%).

Большая часть (61%) опрошенных отмечает низкий уровень личной информированности о возможностях, предоставляемых университетом для занятий

физкультурой и спортом. При этом среди молодого поколения и людей среднего возраста таких еще больше (64% и 66% соответственно). Старшее поколение, наоборот, отличается информированностью (среди этой группы 60% информированы и 40% неинформированные). Выявлена важная, на наш взгляд, деталь: положительно ответили на вопрос о своей информированности 66% из числа лиц, кто не следит за своим здоровьем; 38% из тех, кто старается следить за здоровьем, еще меньше (36%) – из тех, кто внимательно относится к здоровью. То есть информация не доходит до целевой аудитории, на что нужно обратить внимание инициаторам программ.

Выводы. Зачастую у работников отсутствует осознанная ценность собственного здоровья. Большая часть сотрудников университета указывают, что далеко «не всегда получается следить за своим здоровьем». Среди способов здоровьесбережения, используемых работниками вуза, преобладают активные формы, но они несут преимущественно нерегулярный характер. Несмотря на декларирование о готовности пользоваться создаваемыми университетом возможностями здоровьесформирования со стороны большей части работников, действительный запрос и фактическое участие в подобных мероприятиях и акциях принимает та небольшая часть работников, кто следит за своим здоровьем на системной основе.

Чем выше уровень квалификации работника, тем отношение к личному здоровью более внимательное, что выражается в используемых способах здоровьесбережения и активностях здоровьесформирования, в том числе с использованием предоставляемых университетом условий. Выявленные различия в отношении востребованности и восприятости здоровьесбережения, где ключевой критерий – категории работников – могут быть учтены при планировании программы здоровьесформирования для повышения эффективности в ходе ее реализации.

Заключение. Программы по здоровьесбережению должны стать частью философии корпоративной культуры вуза. Университет как субъект образовательного пространства может реализовать миссию, связанную с созданием условий для формирования культуры здоровья у работников, трансляции ценностей и технологий здорового, динамичного, спортивного стиля жизни в региональном сообществе. Образовательная среда вуза призвана обеспечить создание условий для укрепления физического, психического, социального и духовного здоровья и психологического комфорта обучающихся и преподавателей посредством эффективной организации здоровьесберегающей деятельности.

Исходя из общего понимания здоровьесбережения как комплексного феномена, опирающегося на национальные и региональные цели в области сохранения и укрепления здоровья населения, мы исходим из принципиальной задачи системы высшего образования – разработки эффективной модели здоровьесберегающей деятельности на уровне каждого вуза.

Литература

1. Бальсевич В. К. Здоровьесформирующая функция образования в Российской Федерации (материалы к разработке национального проекта оздоровления подрастающего поколения России в период 2006–2026 гг.) // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 5. С. 2–6.
2. Бермус А. Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 1–10.
3. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы исследований здоровьесбережения в образовательной среде вуза: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 1. С. 1–12.
4. Грязнова Е. В., Треушников И. А., Треушников А. И., Рогова Г. Н. Здоровьесбережение как предмет исследования педагогических наук: к вопросу об актуальных аспектах исследования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2(31). С. 282–284.

5. Даулеткалиева Ж. А., Кулов Д. Б. Оценка ответственности граждан за свое здоровье с позиции медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. Т. 23. № 3. С. 11–14.
6. Ивахненко Г. А. История исследований здоровья студентов в России: социологический анализ // Социология медицины. 2021. Т. 20. № 1. С. 21–28.
7. Исабекова С. С., Арингазина А. М. Грамотность в вопросах здоровья среди студентов (обзор литературы) // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2021. № 1. С. 317–321.
8. Комарова Э. П., Аристова И. В. Модель формирования здоровьесберегающей позиции студента в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–1. С. 248–251.
9. Концепция реализации национальных целей в сфере науки и высшего образования до 2030 года: Совет по стратегическому развитию и национальным проектам 13 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.econ.spbu.ru/ru/news-events/news/o-koncepcii-realizacii-nacionalnyh-celey-v-sfere-nauki-i-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 03.03.2023).
10. Манжелей И. В., Андреева В. Е. Методологические основания программы «культура здоровья» // Специфика педагогического образования в регионах России. 2017. № 1(10). С. 19–21.
11. Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164534/> (дата обращения: 03.03.2023).
12. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-24112020-n-3081-r-strategiia-razvitiia-fizicheskoi-kultury-i/> (дата обращения: 03.03.2023).
13. Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года: Приказ Минздрава РФ от 15 января 2020 г. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/> (дата обращения: 03.03.2023).
14. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12191967/> (дата обращения: 03.03.2023).
15. Хоптинская А. А. Модель здоровьесберегающей среды современного педагогического вуза // Школа будущего. 2020. № 2. С. 152–165.

E. Andrianova, M. Khudyakova

DEMAND AND PERCEPTION OF HEALTH SAVING IN THE UNIVERSITY COMMUNITY

Abstract

The modern understanding of the health culture presupposes a meaningful, effective and responsible attitude of a person to his psychophysical state and potential, within which the strategy of health saving gives way to health formation based on awareness and actualization of personal meanings, the development of knowledge and skills, the development of psychophysical conditions and mastering the subjective experience of preventive, recreational and sports activities. In this context, the issue of employers' complicity in the system of preserving and shaping the health of employees as a key economic resource appears to be important. The university infrastructure provides a number of opportunities for employees in terms of various types of physical culture and sports activities, health control measures, corporate health preservation programs. How popular are such events? How does the university community perceive the employer's efforts to save employees' health? How do the relevant information channels work? The study examines the demand for and perception of health care services in the university community; the attitude of employees to the events organized by educational institutions aimed at forming a culture of health of their employees. The empirical base is the data of a survey of Tyumen State University employees conducted in 2023. The sociological analysis is based on

the study of open data on the opportunities provided to employees by universities of the Tyumen region for health saving. The obtained results of the study allowed to consider the conditions created by universities for the actualization of personal meanings of the formation of a health culture among employees, the potential for involvement in significant recreational and physical culture and sports activities, the construction of an interactive social environment focused on health care and health formation of employees. Conclusions are drawn about the implementation of the mission of universities as subjects of the educational space, creating conditions for the formation of a health culture among employees, the transmission of values and technologies of a healthy, dynamic, sporty lifestyle in the regional community.

Keywords: demand, health, health care, health formation, university.

УДК 316.3

Д. И. Богдан

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимосвязи качества получаемого образования обучающимися по программам социально-гуманитарных направлений (педагогика, психология, социология, социальная работа, организация работы с молодежью, право, политология и др.) и уровня их субъективного благополучия. Было выявлено, что студенты социально-гуманитарных направлений в отличие от технических и естественно-научных не имеют стратегии профессионального становления и представления о перспективах трудоустройства. По результатам исследования, проведенного весной 2022 г. в Ханты-Мансийском округе – Югре среди обучающихся вузов, было выявлено, что образование не выделяется в качестве показателя благополучной жизни и жизненной ценности, но оно является определяющим фактором для достижения желаемых показателей благополучия – достатка, материального благополучия, отсутствия нужды, здоровья и уверенности в завтрашнем дне.

Ключевые слова: высшее образование, субъективное благополучие, профессиональное становление, образовательная деятельность.

Тема благополучия и различных его аспектах в последнее десятилетие стала одним из лейтмотивов исследований в области психологии, философии, социологии, экономики и других смежных наук. Особый интерес к ней был вызван процессами, происходящими в обществе на фоне пандемии и экономических кризисов [1; 5; 6; 8]. В большинстве социологических источников категория «благополучие» является интегральной, так как включает в себя и объективные условия существования человека, и в то же время его субъективную оценку этих условий [8, с. 71–74]. В концепции Д. А. Леонтьева субъективное благополучие понимается как «субъективная шкала, обобщенно оценивающая суммарный баланс положительных и отрицательных эмоций и когнитивных оценок жизни в целом, как она ощущается на данный момент жизни» [8, с. 26]. М. К. Горшков рассматривает субъективное благополучие как инструмент оценки качества жизни населения, выделяя такие ключевые показатели, как степень удовлетворенности различными аспектами (питание, жилищные условия и др.), а также характерные для групп психоэмоциональные состояния (спокойность, уравновешенность, раздраженность, агрессия и другие) [2].

Анализ источников позволили выделить два основных подхода к пониманию роли высшего образования и его качества в формировании субъективного благополучия. Согласно первому, образование является важнейшим показателем качества жизни, так как именно оно в значительной мере влияет на развитие человеческого потенциала, который в свою очередь, повышает уровень жизни (профессиональное продвижение, большие карьерные возможности, увеличение дохода, возможность выбора из имеющихся вариантов работы и др.) [3; 14; 18]. Странники другого подхода считают, что само высшее образование влияет на качество жизни в меньшей степени, чем другие факторы, ведь помимо него необходимы условия для реализации профессионального потенциала (экономика региона, условия проживания и

желание остаться в регионе получения высшего образования), собственные представления об успешности [4; 7; 9]. Таким образом, вопрос о качестве высшего образования как условия субъективного благополучия остается дискуссионным.

Стоит обратить внимание, что исследователи выделяют условия среды (объективные факторы), в которой проживает человек, как одно из ключевых условий субъективного благополучия, которое создает предпосылки для более устойчивого развития региона, общества и экономики. По результатам исследования 2022 г. [12; 13] ХМАО – Югра входит в число лидеров различных рейтингов качества жизни в регионе, учитывающих социально-экономическое развитие, в т. ч. научно-техническое, тенденции развития рынка труда, улучшение материального благополучия населения. При этом ни один из пяти вузов региона не входит в рейтинг лучших вузов страны [15], что также может свидетельствовать о слабой связи между исследуемыми показателями.

С целью изучения динамики социального благополучия весной 2022 г. коллективом Лаборатории региональных исследований (Руководитель – Засыпкин Владислав Павлович, доктор социологических наук, доцент, БУ «Сургутский государственный педагогический университет») БУ «Сургутский государственный педагогический университет» было проведено исследование, в котором приняло участие 2358 обучающихся всех пяти вузов региона. Из них 1423 обучаются по социально-гуманитарным направлениям (педагогика, история, психология и др.) всех уровней и курсов обучения. В выборке представлены четыре вуза (так как Ханты-Мансийская государственная медицинская академия не ведет обучение по интересующим нас направлениям): Сургутский государственный университет (10,9%), Сургутский государственный педагогический университет (24,9%), Югорский государственный университет (25,9%) и Нижневартовский государственный университет (38,3%). Основной процент опрошенных составляют обучающиеся бакалавриата (88,8%), первого (36,8%) и второго (26,4%) курса, в возрасте от 18 до 21 года (76,3%), преимущественно девушки (80%). Предельная ошибка выборки составляет 2,5%. Данные обрабатывались в программе Vortex 10.

Выбор студентов социально-гуманитарных направленностей в качестве целевой аудитории обусловлен рядом причин:

1. По результатам приемной кампании вузов в 2022 г. именно эти направления являются наиболее популярными среди абитуриентов с максимальным проходным баллом поступления (более 80) [14].

2. Для обучающихся характерно поступление без четкой стратегии профессионального становления и представления о перспективах трудоустройства [11, с. 66].

3. Работа по смежной специальности после выпуска [10, с. 126–127, 135–136], то есть студенты этих направлений зачастую не представляют каким образом они будут реализовывать полученные компетенции в трудовой деятельности.

Среди опрошенных респондентов 84,5% удовлетворены своей жизнью (12,9% не удовлетворены и 2,7% затрудняются с ответом), а счастливыми себя ощущают 81,8%. Определяя основные показатели благополучной жизни, студенты выделили: «достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды» (88,3%), «здоровье своё и близких» (74,6%), «мир, отсутствие войны» (47,3%), «спокойствие, душевное равновесие» (42%) и «уверенность в завтрашнем дне» (34,5%). «Доступное здравоохранение, образование» оказались лишь на 11 месте (результаты представлены в табл. 1). Полученные данные коррелируют с общероссийскими тенденциями: во-первых, чем выше удовлетворенность жизнью, тем чаще обучающиеся чувствуют себя счастливыми; во-вторых, среди характеристик благополучной жизни молодежи выделяются «здоровье», «деньги», «стабильность», «обеспеченность», «семья» [17].

Таблица 1

Как Вы понимаете выражение «благополучная жизнь»? Что оно означает лично для Вас?

№ п/п	Значения	Частота	%от ответивших
1.	Достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды	1186	83,3
2.	Здоровье свое и близких	1061	74,6
3.	Мир, отсутствие войны	673	47,3
4.	Спокойствие, душевное равновесие	598	42,0
5.	Уверенность в завтрашнем дне	491	34,5
6.	Стабильная работа	376	26,4
7.	Семья, дети	356	25,0
8.	Самореализация	332	23,3
9.	Безопасность своя и близких	273	19,2
10.	Наличие хорошего жилья	254	17,8
11.	Доступное здравоохранение, образование	210	14,8
12.	Свобода, независимость	208	14,6
13.	Возможность отдыхать, проводить досуг	179	12,6
14.	Законность, справедливость	131	9,2
15.	Забота государства о людях, социальная защищенность	115	8,1
16.	Низкие цены, тарифы	104	7,3
17.	Отсутствие коррупции	35	2,5
18.	Творчество	1	0,1
19.	Счастье близких	0	0,0
20.	Понимание со стороны близких	0	0,0
Сумма:		6583	462,6
Итого ответивших:		1423	100,0

Источник: составлено автором

Результаты ответов на вопрос о жизненных ценностях говорят о преобладании у респондентов терминальных ценностей: «здоровья» (80,5%), «семьи, детей» (64,4%), «денег, материальных благ» (61,3%), «работы по душе» (43,8%), «любви, интимных отношений» (33,4%). Обращает на себя внимание тот факт, что вариант «образование» не набрал ни одного ответа. Это также может подтверждать гипотезу о том, что обучающиеся не связывают образование с достижением своих целей и, как следствие, с достижением благополучия (табл. 2).

Таблица 2

Выберите наиболее значимые, на Ваш взгляд, жизненные ценности

№ п/п	Значения	Частота	%от ответивших
1	Здоровье	1145	80,5
2	Семья, дети	916	64,4
3	Деньги, материальные блага	872	61,3
4	Работа по душе	623	43,8
5	Любовь, интимные отношения	475	33,4

Продолжение таблицы 2

№ п/п	Значения	Частота	%от ответивших
6	Общение с друзьями	469	33,0
7	Независимость, свобода	428	30,1
8	Творчество, реализация способностей	426	29,9
9	Образованность, профессионализм	379	26,6
10	Личная безопасность	356	25,0
11	Получение удовольствий	189	13,3
12	Религия, вера в бога	125	8,8
13	Красота, прекрасное	121	8,5
14	Общение с природой	96	6,7
15	Престиж, слава, власть	59	4,1
16	Душевный покой	1	0,1
17	Нравственные ценности	1	0,1
18	Справедливость	1	0,1
19	Прогресс	0	0,0
20	Образование	0	0,0
Сумма:		6682	469,7
Итого ответивших:		1423	100,0

Источник: составлено автором

Важной для обучающихся ценностью, напрямую связанной с получаемым образованием, является работа по душе, которая в перспективе должна обеспечить высокий достаток. Обращаясь к ответам респондентов, среди которых три четверти (75%) подтверждают свое желание продолжать развиваться в выбранном направлении, считающимся значимым и престижным в обществе, мы можем предположить, что получаемая в настоящее время профессия является той самой сферой деятельности «по душе», в которой будущий выпускник будет чувствовать себя уверенно. Однако только 53% респондентов удовлетворены перспективами трудоустройства, что может говорить о существующих трудностях с получением предпочитаемой должности и работы или о низкой осведомленности о рынке труда выбранного направления и его требованиях.

Так как большинство респондентов выразило готовность работать по специальности, необходимо выяснить, какие характеристики будущей профессии являются наиболее привлекательными для студентов. Ответы коррелируют с ответами респондентов о характеристиках благополучия и жизненных ценностях. В лидерах оказались: «высокий заработок» (70,3%), «интерес к профессии, возможность самореализации» (58,6%), «профессиональный рост» (43,6%) (табл. 3). То есть можно предположить, что получаемое образование в представлении студентов позволит им получить интересную профессию с возможностью карьерного продвижения и достойной оплатой труда, которая позволит им жить в достатке, обеспечивая себя и свою семью.

Таблица 3

Что для Вас значимо в будущей профессии?

№ п/п	Значения	Частота	%от ответивших
1	Высокий заработок	1000	70,3
2	Интерес к профессии, возможность самореализации	834	58,6
3	Профессиональный рост	620	43,6

Продолжение таблицы 3

№ п/п	Значения	Частота	%от ответивших
4	Возможность принести пользу людям	450	31,6
5	Творческий характер работы	419	29,4
6	Престижность профессии	292	20,5
7	Карьера, высокий статус	199	14,0
8	Возможность достичь признания и уважения	145	10,2
9	Комфортные условия	2	0,1
10	Стабильность	1	0,1
11	Автономность	0	0,0
Сумма:		3962	278,4
Итого ответивших:		1423	100,0

Источник: составлено автором

Говоря об образовании и его качестве, респонденты отмечают, что в целом доверяют системе высшего образования (71,3%) и удовлетворены получаемым образованием и его качеством (69,5%). Для определения связи между субъективным благополучием (критерием которого выступают удовлетворенность своей жизнью и ощущение счастья) и получаемым образованием полученные в ходе исследования данные были обработаны с применением коэффициента V Крамера; расчеты выполнены с помощью программы обработки и анализа социологической и маркетинговой информации Vortex10. Коэффициент V Крамера для каждой группы сравниваемых показателей (удовлетворенность своей жизнью – удовлетворенность получаемым образованием; ощущение себя счастливым – удовлетворенность получаемым образованием) равен 0,2 (вероятность ошибки 0,0), что говорит о незначительной (слабой) связи между исследуемыми показателями.

Результаты социологического исследования социального благополучия в ХМАО – Югре позволяют заключить, что в настоящее время отсутствует прямая связь между качеством высшего образования и субъективным благополучием студентов в регионе. Для студентов социально-гуманитарных направлений главными показателями благополучной жизни обучающихся являются достаток, материальное благополучие и здоровье. Несмотря на то, что образование не является важным показателем благополучной жизни и жизненной ценностью, студенты оптимистично оценивают престижность своей будущей профессии и её преимущества в виде высокой заработной платы и возможностей карьерного роста. Однако обращает на себя внимание тот факт, что только половина опрошенных удовлетворены перспективами трудоустройства, что может говорить либо об отсутствии возможности работы по выбранной профессии, либо об отсутствии представления о профессии еще на этапе поступления в вуз и о разрыве образовательных программ (и всех их компонентов, включая учебные дисциплины и практики) социально-гуманитарных направлений и рынка труда.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания по науке БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг. по теме «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций».

Литература

1. Алмакаева А. М., Гашенина Н. В. Субъективное благополучие: Концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 4–13.

2. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.
3. Дорждеева В. А. Соотношение образования и качества жизни населения в современной России // Вопросы экономики и права. 2014. № 69. С. 99–103.
4. Дугар-Жабон Р. С. Качество жизни и образование // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2017. № 11. С. 255–259.
5. Засылкин, В. П., Зборовский, Г.Е. Благополучна ли жизнь студентов северного региона, или О чём говорят данные социологического исследования? // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8–9. С. 9–26.
6. Зборовский, Г.Е. Социальное благополучие студенчества как проблема научного исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2(71). С. 70–83.
7. Козлова Н. С., Комарова Е. Н. Особенности субъективного благополучия личности в зависимости от уровня ее образования // Интеграция образования. 2015. № 1. С. 60–64.
8. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 14–37.
9. Макларен Н. Б., Шорохова М. А., Сиротина И. Л. Качество жизни и качество образования: проблема соотношения // Интеграция образования. 2015. № 4. С. 72–77.
10. Меренков А. В., Сандлер Д. Г., Шаврин В. С. Особенности изменений ориентаций выпускников бакалавриата на трудоустройство // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 10. С. 116–142.
11. Резаев А. В., Ни М. Л. Скрытое студенческое недовольство в условиях академического капитализма: сравнительный анализ идеальных типов студентов гуманитарных и технических специальностей // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 49–71.
12. Рейтинг качества жизни // Агентство стратегических инициатив. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/#howitworks (дата обращения: 13.03.2023).
13. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 13.03.2023).
14. Рынок абитуриента: анализ спроса на вузы и специальности // ООО «РАЭК-Аналитика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://raex-gr.com/education/universities/RAEX-postupionline-research> (дата обращения: 13.03.2023).
15. Рэнкинг: Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2022 год // ООО «РАЭК-Аналитика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raex-gr.com/pro/education/russian_universities/top-100_universities/2022/ (дата обращения: 13.03.2023).
16. Хасбудинова Л. В., Поляк, Л. М. Качество образования как элемент концепции качества жизни // Экономика образования. 2005. № 6. С. 56–60.
17. Шилова В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян: оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели // ИНАБ. 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 18–38.
18. Шпилевская Е. В. Методика оценки уровня жизни в аспекте концепции качества населения // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 6(85). С. 127–131.

THE QUALITY OF EDUCATION OF STUDENTS IN THE PROGRAMS OF SOCIAL AND HUMANITARIAN DIRECTIONS AS A CONDITION OF THEIR SUBJECTIVE WELL-BEING

Abstract

The article is devoted to the analysis of the relationship between the quality of education received by students in the programs of socio-humanitarian areas (pedagogy, psychology, economics and business, sociology, social work, organization of work with youth, law, political science, socio-economic geography, etc.) and the level of their subjective well-being. It was revealed that students of social and humanitarian areas have a number of behavioral features when entering a university and looking for a job. Despite the fact that education does not stand out as an indicator of a prosperous life and life value, it is a determining factor for achieving the desired indicators of well-being – prosperity, material well-being, lack of need, health and confidence in the future.

Keywords: higher education, subjective well-being, professional development, educational activity.

УДК 316.4

Т. В. Дмитриева

ПРОБЛЕМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация

Публикация посвящена проблемам вовлечения учащихся в научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность в муниципальной системе образования. Цель статьи – рассмотреть проблемы вовлечения учащейся молодежи в исследовательскую и научно-техническую деятельность, а также анализ кейсов и определить пути решения возникающих проблем. Эмпирической основой публикации являются результаты систематизации опыта российских и зарубежных ученых по изучению практик вовлечения молодежи в исследовательскую и научно-техническую деятельность, а также анализ кейсов российских школ и муниципалитетов по тем же самым вопросам, представленных в открытых источниках. Новизна исследования заключается в оценке существующих практик вовлечения учащихся общеобразовательных школ в научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность и разработке управленческих подходов к их совершенствованию. В публикации будут рассмотрены следующие вопросы: 1) значение научно-исследовательской и научно-технической деятельности как деятельности, направленной на получение и последующее применение знаний; 2) государственные программы и концепции, согласно которым необходимо увеличение числа учащихся, вовлеченных в существующие исследовательские и научно-технические проекты; 3) условия, которые на сегодняшний день сложились в школьном образовании для организации рассматриваемой деятельности. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в разработке программ вовлечения учащихся общеобразовательных школ в научную деятельность и научно-техническое творчество.

Ключевые слова: школьники, исследовательская деятельность, научно-техническая деятельность, мотивация к научно-исследовательской деятельности и научно-техническому творчеству.

Одной из главных целей современного образования является освоение учащимися различных видов деятельности и формирование таких качеств личности, которые необходимы ей и обществу для включения в социально-значимую деятельность. Перед современными выпускниками школ стоит задача, заключающаяся в необходимости осознанного и самостоятельного получения знаний на практике, принятии быстрых и творческих решений, а также быть конкурентоспособной личностью. Одними из самых эффективных путей развития интеллектуально-творческого потенциала личности являются научно-исследовательская и научно-техническая деятельность [2, с. 130–139].

Анализ литературы показал высокую заинтересованность исследователей в данной теме. Ими определен набор действий, создающих в своем единстве целостную картину исследовательской деятельности [3].

Вовлечение молодежи в проекты в сфере образования является одной из задач Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [7]. С утверждением данной Концепции в 2014 г. Министерство образования и науки начало реформу образования [8, с. 154]. Приоритеты государственной политики в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [4] отражены в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года, от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года, от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 года и от 21 апреля 2021 года.

Методологической основой государственной политики Российской Федерации, определяющей судьбу всего образования, является «пакет документов», который отражает «тренды» современного развития образования. Цели и задачи, связанные с вовлечением школьников в научно-исследовательскую деятельность и научно-техническое творчество были обозначены в стратегических документах: Конституции РФ, Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» №127 от 23.08.1996, Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» и др. На основе Концепции создавались различные Федеральные государственные образовательные стандарты, в том числе государственная программа развития образования, интегрированная в Национальный проект РФ «Образование» 2018 г. Один из принципов данной программы – применение проектных методов [1].

В современном среднем профессиональном и высшем образовании ребята активно стали вовлекаться в научно-исследовательскую деятельность. Наряду с образовательной научно-исследовательской работой становится второй по значимости. В то же время выпускники общеобразовательных школ приходят в учебные заведения, не всегда готовые к этой деятельности. Вместо того, чтобы включаться в науку на достаточно серьезном уровне, проявляя навыки работы в команде с состоявшимися учеными, проводя серьезные исследования под будущие курсовые проекты или выпускную квалификационную работу, ребята лишь начинают осваивать азы исследовательской деятельности. Таким образом, остро ощущается потребность в развитии научно-исследовательской деятельности и научно-технического творчества на уровне школы.

В большинстве российских школ еще не накоплен достаточный опыт ее организации, потому что в советское и постсоветское время этому не уделяли внимание. И сейчас школам «с нуля» приходится заниматься разработкой мотивационных программ вовлечения в НИР педагогов и школьников, а также создавать определенные форматы такого вида деятельности. В ФГОС второго поколения подчеркивается, что ведущим видом деятельности обучающихся выступает учебно-исследовательская и проектная.

Формирование и развитие потенциала вовлечения школьников в научно-техническое творчество и научно-исследовательскую деятельность реализуется посредством создания определенных условий государством, образовательными организациями, обществом, семьей и другими социальными институтами. Учащиеся обладают огромным потенциалом, являющимся одним из важных элементов национального богатства. Стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступности качественного образования. Один из инструментов достижения данной цели – формирование целостной системы воспроизводства кадров для научно-технологического развития страны [6], формирование и воспитание которых начинается в общеобразовательных учреждениях.

Ещё несколько лет назад процессом вовлечения школьников в научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность занимались только на уровне общеобразовательных учреждений и центров дополнительного образования детей. Сегодня эта деятельность не просто становится приоритетом государственной политики, которую

реализуют органы управления образованием, её вписывают в задачи региональных министерств, ведь государством определена перспективная задача формирования на этапе получения общего и среднего образования кадров будущего, становления человеческого капитала, который будет востребован в будущем обществе. Для этого нужно работать на опережение. Ведь на школы государством возложены достаточно серьезные проблемы, но вместе с тем и создаются для этого определенные условия.

Советское общество всегда гордилось уровнем образования детей и уровнем развития науки. Сегодня наука не получает молодые кадры и достаточно креативного потенциала, поскольку молодежь не хочет туда идти. Поэтому для науки воспроизводство кадров, начиная со школы, становится особо важной задачей. Как высшие учебные учреждения, так и научные организации должны быть очень заинтересованы в поддержке школы, которая занимается исследовательской работой и научно-техническим творчеством школьников. Именно благодаря взаимодействию с колледжами и университетами создаются условия для наиболее эффективного вовлечения школьников.

Данные идеи закреплены и в нормативных документах. В рамках национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов», согласно Указу Президента РФ о национальных целях развития, предусмотрено «формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся» [10].

В научной литературе также анализируется проблема вовлечения школьников в научно-исследовательскую работу. И. А. Смирнов, А. В. Автономова, Н. А. Януль [9] полагают, что самостоятельные проекты в сфере научно-технического творчества юности и молодежи оказываются инструментами, позволяющими выявлять наиболее перспективных, профессионально ориентированных школьников [5].

Проблемой вовлечения школьников в научно-исследовательскую деятельность и научно-техническое творчество необходимо заниматься и в нашей стране делается немало. Однако, в реальности, педагоги сталкиваются со множеством проблем: недостаточная развитость популяризации научных знаний и научных национальных достижений, недостаток финансирования, низкая вовлеченная учащихя в такие виды деятельности, низкая мотивация учеников, неготовность педагогов, недопонимание.

Подчеркнем, что для ребенка школа – главная сфера реализации, развития, общения, становления. Особенно, когда он подросток. Как не школе заниматься вовлечением в эту деятельность. Если научно-техническое творчество выносится за рамки учебного процесса, то исследовательская деятельность сегодня интегрируется в учебный процесс. Исследовательские проекты становятся объектом учебного плана. Либо они могут быть внеучебной деятельностью, тогда они превращаются в интересную активность, за которую происходит поощрение, появляется конкуренция, репетиторы, учителя. Но тут же возникает вопрос: такая деятельность должна быть только для способных и мотивированных школьников, или же должна стать массовая?

Очень важно, чтобы человек занимался с удовольствием, видел смысл своих трудов. Только тогда такой вид деятельности станет ему по силам. С другой стороны, если мы не создадим массового влечения в эту деятельность, мы вместе с ненужными качествами «отсеём» и учащихся. Часто у ребят, которые плохо учатся, открываются таланты и способности, и именно через вовлечение в подготовку таких проектов они превращаются в «звезд».

У учителя нет времени и возможности охватить всех, поэтому педагоги на практике занимаются лишь с талантливыми и способными учащимися. Сегодня очень развита система поддержки талантливой молодежи. Образовательные учреждения заинтересованы в показателях своей эффективности. Школа заинтересована работать не со всеми, она работает с избранными, которые отобраны по принципу: кто хочет, кто может и кому помогают

родители. Государство заинтересовано в массовой практике отбора детей с особыми способностями. Это предполагает создание системы поддержки талантливой молодежи.

В разных субъектах Российской Федерации открыты центры и фонды, концепцией которых выступает поддержка талантливой молодежи. Такие способы поддержки также повышают и человеческий капитал страны. Материальная и финансовая поддержка одаренных детей и талантливой молодежи реализуется с помощью премий победителей Всероссийских и Международных олимпиад, гранты и премии Президента РФ, именные стипендии, стипендии Президента РФ и Правительства РФ, целевые места при поступлении в высшие учебные заведения, путевки в образовательные центры «Сириус» (Краснодарский край), «Золотое сечение» (Свердловская область), «Артек» (Республика Крым), «Смена» (Краснодарский край), «Орленок» (Краснодарский край), «Океан» (Приморский край) и финансовое обеспечение образовательного фонда «Талант и успех». Этот фонд – инициатор создания сети центров, которые занимаются обучением и отбором талантливых детей по разным направлениям: творчество, спорт, наука. Интеллектуально одаренные дети едут на сессии, обучаются у лучших преподавателей, приобретают множество новых и полезных навыков.

На основании проведенного анализа выявлены проблемы вовлечения учащейся молодежи в исследовательскую и научно-техническую деятельность:

1. Отсутствие целостной системы воспроизводства кадрового потенциала в науке и образовании.
2. Слабое развитие механизмов и методов координации усилий различных организаций с молодежью на региональном уровне, разрозненный характер мер поддержки со стороны государства, общественных организаций.
3. Отсутствие поэтапного ресурсного сопровождения: учащийся – студент – магистр – аспирант – молодой ученый.
4. Недостаточная финансовая поддержка учащихся и педагогов.
5. Недостаточная эффективность структуры подготовки кадров, отвечающей требованиям науки.
6. Плохая разработанность методов и механизмов формирования образовательных систем по использованию потенциала учащейся молодежи в образовательных учреждениях.

Литература

1. Агеева Е. В. Российская наука и образование на современном этапе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29113300> (дата обращения 18.12.2022).
2. Аксенова М. А. Педагогические проблемы организации научно-исследовательской деятельности учащихся // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 6. С. 130–139.
3. Бянова Е. Б. Педагогические условия организации исследовательской деятельности учащихся основной школы: автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. Ижевск, 2011.
4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 9.12.2022).
5. Доклад о состоянии науки в РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rusnor.org/pubs/reviews/8699.htm> (дата обращения 19.12.2022).
6. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию РФ о реализации государственной политики в сфере образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/GYRyAхоqmjgpAxeR8PRuu2zMB9NBF Aa9.pdf> (дата обращения 28.12.2022).

7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94365/> (дата обращения 7.12.2022).

8. Малыгина Л. Б. Развитие научно-технического творчества в системе дополнительного образования детей. СПб.: ЛОИРО, 2019. 265 с.

9. Смирнов И. А., Автономова А. В, Януль Н. А. Развитие проектной и исследовательской деятельности школьников и международные системы конкурсов и конференций в сфере научно-технического творчества юношества и молодежи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/wyngib> (дата обращения 17.12.2022).

10. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 15.12.2022).

T. Dmitrieva

PROBLEMS OF INVOLVING STUDENTS IN RESEARCH AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES

Abstract

The publication is devoted to the problems of involving students in research and scientific and technical activities in the municipal education system. The purpose of the article is to consider the problems of involving students in research and scientific and technical activities and to identify ways to solve emerging problems. The empirical basis of the publication is the results of systematization of the experience of Russian and foreign scientists in studying the practices of involving young people in research and scientific and technical activities, as well as the analysis of cases of Russian schools and municipalities on the same issues presented in open sources. The novelty of the research lies in the assessment of existing practices of involving secondary school students in research and scientific and technical activities and the development of management approaches to their improvement. The publication will address the following issues: 1) the importance of research and scientific and technical activities as activities aimed at obtaining and subsequent application of knowledge; 2) state programs and concepts, according to which it is necessary to increase the number of students involved in existing research and scientific and technical projects; 3) the conditions that have developed in school education for the organization of the activity in question. The practical significance of the work consists in the possibility of using its results in the development of programs for involving secondary school students in scientific activity and scientific and technical creativity.

Keywords: schoolchildren, research activities, scientific and technical activities, motivation for research activities and scientific and technical creativity.

УДК 316

T. В. Дуран

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКИМИ ВУЗАМИ

Аннотация

Статья посвящена анализу новой модели управления высшим образованием, постулатами которой являются отказ от жесткого управления вузами, коллегиальность в принятии решений. Рассмотрены концептуальные основания новой модели управления высшим образованием, разработанной в американской и западноевропейской социологии управления и политологии, которые легли в основу модернизации российского высшего образования в первой четверти XXI в.: концепция предпринимательского университета Б. Кларка, теория самореферентных систем Н. Лумана, концепция менеджериализма. Показаны как позитивные изменения, произошедшие в российском высшем образовании с начала 2000 г., так и негативные последствия распространения западных идей и ценностей.

Ключевые слова: модель управления, Болонский процесс, глобализация, коллегиальность, централизация, децентрализация.

В последние годы государственное управление и публичные политики демонстрируют трансформацию методов управления различными сферами общественной жизни, в том числе высшим образованием. В условиях реформ особую актуальность приобретает проблема «нового управления» высшим образованием. В центре дискуссий по вопросу изменения методов управления высшим образованием находятся процессы, в рамках которых традиционные методы централизованного и бюрократического руководства уступают место децентрализации и открытости для субъектов, не относящихся к государству. Основаниями для выделения моделей управления высшим образованием выступают различия в соотношении государственного управления и вузовского самоуправления. Типология моделей управления высшим образованием в современном социально-политическом знании представлена следующими вариантами: авторитарная – патерналистская [1, с. 183], линейная – нелинейная [2, с. 275]. Различия в соотношении государственного управления и вузовского самоуправления предполагают разную степень привлечения к управлению образованием профессорского-преподавательского сообщества, расширение/сужение студенческого самоуправления, усиление/ограничение влияния общественности на высшую школу.

На протяжении последних десятилетий российское высшее образование столкнулось с глобальными вызовами, такими как интернационализация образования и науки, развитие экономики знаний, становление информационного общества. Реформы в секторе высшего образования, начатые в начале 2000-х гг., способствовали трансформации модели управления российскими вузами. Значительная часть принципов принятия решений, на которых основана традиционная академическая организация, была поставлена под сомнение. Глобализация влечет за собой модификацию традиционных моделей взаимодействия государства и общественных институтов, в частности, органов государственной власти и высшего образования.

Одной из наиболее известных моделей организации и функционирования университетских систем является модель, предложенная Б. Кларком в конце прошлого века, но не потерявшая актуальности для современной российской реальности. Процессы, происходящие в управлении российским высшим образованием, во многом соответствуют концепции предпринимательского университета, разработанной Б. Кларком. По его мнению, все предыдущие исследования по вопросам управления университетами были посвящены политическим, бюрократическим и академическим структурам управления. Вклад Б. Кларка заключается в обосновании необходимости внедрения рыночной парадигмы в организацию деятельности университетов. По его мнению, «порядок» в университетской системе генерируется «неупорядоченным взаимодействием рынка, а не запланированными решениями бюрократов, политиков и ученых», и такая эволюция модели управления университетами становится необходимостью [4, с. 143].

Альтернативой традиционному университетскому управлению, по мнению Б. Кларка, является «координационный треугольник», включающий в себя три доминирующие силы: рынок, государство и профессионалов академического мира, каждая из которых предлагает различные средства координации. В дальнейшем Б. Кларк расширяет свою организационную модель за счет «иерархического самоуправления руководителей вузов», которое является следствием развития нового типа университета – предпринимательского университета. Последний появляется в связи с необходимостью адаптироваться к новым требованиям рынка. По мнению Кларка, современным университетам для достижения своих целей необходимо управленческое ядро, способное отстаивать и защищать как ценности руководителей, так и академические ценности [7, с. 373–374]. Это ядро означает не только усиление влияния университетской администрации на процессы развития, но и участие академического персонала в управлении университетами. По его мнению, успех реформ в сфере высшего образования измеряется сокращением государственного вмешательства. Позицию Б. Кларка развивает Парадеис, считающий, что модель предпринимательского университета эффективна только в условиях децентрализации управления высшим образованием, которая позволяет развиваться плюралистической форме управления университетами, предусматривающей не

только вмешательство государства, но и активное участие других заинтересованных сторон (стейкхолдеров) [6, с. 227].

Англо-саксонская литература определяет университет как «коллегиальную» организацию, где решения принимаются на основе консенсуса. Согласно этой модели, университетское сообщество самоорганизуется, не принимая во внимание внешний иерархический авторитет [5, с. 196]. В то же время «коллегиальная» модель подвергается критике за игнорирование политического аспекта в процессе принятия решений в сфере высшего образования.

Присоединение России к Болонскому процессу в 2003 г. явилось прямым следствием глобализации и дало России новый импульс для модернизации высшего образования в целом и модели управления российскими вузами в частности. Модернизация высшего образования была основана на либеральной идеологии, которая определила логику реформ и кардинальный пересмотр всей образовательной политики, а именно: отказ от советской модели высшего образования и прямое насаждение западной, которая была основана на таких предположениях, как глобализация и глобальный рынок. Процесс модернизации российского высшего образования в начале 2000-х гг. был направлен на либерализацию системы управления образованием и приведение ее механизмов в соответствие с новыми социально-экономическими условиями.

В своем исследовании качественных инструментов Болонского процесса А. Горга [8, с. 96–97] основывается на теории самореферентных систем немецкого социолога Н. Лумана. А. Горга подчеркивает, что изменения, произошедшие в университетах за последние десятилетия, исчерпали их способности своевременно реагировать на них, а внутренние инструменты уже не являются достаточным основанием для поддержания или внедрения изменений в современных университетах. В этих условиях на развитие университетов влияет «внешний опыт». По ее мнению, интернационализация представляет собой инструмент изменения парадигмы управления современными университетами. Под влиянием новых глобализационных вызовов возникает необходимость в развитии новых механизмов управления вузами, предполагающих пересмотр принципов принятия решений, лежащих в основе централизованной модели управления университетами, и развитие новых форм управления, опирающихся на взаимоотношения всех заинтересованных сторон.

Ключевые положения структурно-функционального подхода о «комплексности», «самореферентности» и «аутопойесисе» (самоорганизации и самовоспроизводстве) составляют концептуальные основания для пересмотра модели управления высшим образованием. Предложенная Н. Луманом идея приоритета самореферентности, рефлексивности – способности социальных систем различать себя по отношению к своему окружающему миру, идентифицируя себя путем соотнесения с иным – является методологическим основанием нелинейной модели высшего образования, ядром которой являются взаимодействующие социальные общности [2, с. 27]. Основу последней составляет взаимодействие, сотрудничество образовательных общностей. Последние, в свою очередь, обладают широкими возможностями влияния на выбор вариантов развития образовательных организаций [2, с. 18].

Несмотря на то, что Болонский процесс акторами российского высшего образования был воспринят без энтузиазма, он позволил реализовать большое количество таких образовательных инструментов, как ЕГЭ, создание автономных образовательных учреждений, внедрение новых государственных образовательных стандартов, введение двухуровневой системы подготовки бакалавриат-магистратура, новые образовательные программы [9, с. 20]. Несмотря на позитивные изменения, касающиеся прежде всего образовательной составляющей [2, с. 8], система управления образованием остается централизованной, ориентированной на жесткое государственное вмешательство, и навязывание решений сверху без их понимания и принятия снизу на уровне научного и образовательного сообщества. Централизованная модель управления высшим образованием характеризуется чрезмерным

регулированием образовательной деятельности, низким уровнем академической свободы, отсутствием вовлеченности преподавателей в процесс принятия решений.

Как отмечает М. С. Ильченко, воспроизводство в новых условиях принципов советской системы со свойственными ей практиками централизованного управления и жесткой регламентацией образовательного процесса является, с одной стороны, следствием прочности и устойчивости сложившихся традиций, с другой стороны – защитной реакцией системы [3, с. 163]. Изменение модели управления высшим образованием предполагает, прежде всего, уменьшение возможностей государства и изменение структуры управления университетами.

Внедрение новой модели управления вузами в условиях болонских реформ связано с внедрением принципов нового государственного менеджмента. Этот подход предполагает, что государство должно прекратить прямое управление и контроль над высшим образованием [10, с. 7]. Российская система высшего образования не избежала внедрения новых методов управления университетами. Начиная с 2004 г. в России реализуется реформа, вдохновленная моделью нового государственного управления (New Public Management, NPM). В основе этой реформы лежит переосмысление отношений между государством и высшими учебными заведениями.

Ключевая идея менеджериализма заключается в переносе методов управления частным сектором в государственный с целью повышения эффективности деятельности государственных организаций и учреждений. Речь идет об использовании организационных и мотивационных механизмов, применяемых на коммерческих предприятиях, в государственном секторе. Данный подход предполагает, что государство должно уменьшить степень прямого управления и контроля над вузами, при расширении вузовского самоуправления. Применение этой логики в университетах определило динамику реформ в таких направлениях как укрепление университетской автономии, создание новых договорных рамок и механизмов управления университетами. С позиций нового государственного управления потребители общественных услуг считаются «покупателями» или «клиентами», а сотрудники общественных организаций являются «менеджерами» или «продавцами» услуг. В таких случаях условия финансирования государственных учреждений и организаций формируются таким образом, чтобы максимально мотивировать администрацию и персонал в целях повышения качества и количества услуг.

Согласно принципам менеджериализма, университеты должны обладать реальной независимостью в вопросах управления, укрепление вузовской автономии будет сопровождаться созданием новых механизмов управления университетами. По мнению Парадеиса, нельзя отрицать того факта, что в российских университетах происходят изменения, связанные с принципами нового государственного управления. Современный университетский менеджериализм имеет в своей основе неолиберальные изменения в сфере высшего образования, поэтому формируется в совершенно ином институциональном контексте. Новый менеджериализм предоставляет государству такие инструменты управления, как процедуры конкурсного найма, конкуренция между производителями услуг, оценка результатов деятельности с применением формальных систем оценки, вознаграждение по результатам, разработка механизмов конкурентной борьбы за ресурсы. В начале 2000-х гг. в России был реализован своего рода эксперимент, вдохновленный философией нового государственного управления. В 2006 г. был принят Федеральный закон об «Об автономных учреждениях» № 174-ФЗ. В соответствии с принципами менеджериализма в управлении высшими учебными заведениями преобладает идея эффективности, в соответствии с которой широко распространены приобрели эффективные контракты.

Внедрение принципов менеджериализма в российских университетах заставляет задуматься над тем, каковы его последствия для системы управления высшим образованием. На сегодняшний день у научно-педагогического и экспертного сообществ преобладает зачастую негативная оценка данных последствий. Прежде всего, отмечается сильная бюрократизация деятельности вузов, которая воспринимается научно-педагогическим сообществом как ограничение их академических свобод: непрерывный мониторинг научной и

образовательной деятельности, обилие стандартов и документов. При этом системы внешнего контроля дополняются внутренним контролем в самих университетах: университеты создают свои собственные отделы мониторинга и контроля, некоторые из которых не имеют ничего общего с учебным процессом и научной деятельностью. Такая бюрократизация воспринимается как посягательство на автономию университетов [2, с. 275].

Формализованные системы оценки также противоречат академическим стандартам и формируют чисто формальное отношение преподавателей к своим обязанностям. Внедрение новых кадровых стратегий в виде краткосрочных контрактов и введение открытых конкурсов также ведут к сокращению академической свободы преподавателей. Крайне бюрократическая система управления вузами оказывает существенное влияние и на образовательный процесс, который регулируется многочисленными стандартами, рекомендациями, инструкциями.

Следует отметить, что не все исследователи используют концепцию менеджериализма в качестве инструмента для критической оценки бюрократии в системе высшего образования. Как считает Б. Кларк, академическая бюрократия является необходимой частью университетской системы управления. В связи с этим он подчеркивает необходимость нахождения разумного уровня бюрократии в отношениях и деятельности. Однако в условиях современной логики управления российскими вузами, приводящей к усилению бюрократизации, недоверию к ученым и преподавателям, высокому уровню разобщенности между ними, о «разумном уровне бюрократии» пока что говорить не приходится. Существующая модель управления российским высшим образованием является антиподом децентрализованному управлению, в основе которого лежит принцип коллегиальности, вовлекающий различных субъектов в процесс принятия решений.

Таким образом, российские вузы на сегодняшний день обязаны следовать новой управленческой логике, которая опирается на постоянный мониторинг результатов и бюрократический способ работы. С другой стороны, такое управление ускоряет стремление вузов адаптироваться к рынку, что находит отражение в использовании показателей результативности и коммерциализации исследований и знаний.

Проведенный анализ позволяет дать оценку управленческим решениям по реформированию высшего образования, результативности проводимых реформ, а также выявить позиции акторов образовательного процесса.

Литература

1. Дуран Т. В., Костина Н. Б. Модели политики в сфере высшего образования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сб. ст. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2016. С. 182–186.
2. Зборовский Г. Е. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских и др. / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.
3. Ильченко М. С. Инерционность российской системы образования: институциональные особенности и идеологические эффекты // Философия образования. 2013. № 6. С. 161-167.
4. Clark B. R. The higher education system: academic organization in cross-national perspective. Berkeley, CA: University of California Press, 1983. 300 p.
5. Goodman P. The Community of Scholars. New York, Random House, 1962. 175 p.
6. Paradeise C., Reale E., Goastellec G., Bleiklie I. Universities Steering between Stories and History. University governance: Western European Comparative Perspectives. Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2009. 321 p.
7. Smith D., Clark B. R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Emerald Group Publishing Limited, 1998. 200 p.

8. Gorga A. Les politiques universitaires suisse et roumaine à l'épreuve des instruments de la qualité dans le cadre du processus de Bologne. Thèse de doctorat en Sciences de l'éducation, Université de Genève, 2009. 18 p.

9. Kastouéva-Jean T. Enseignement supérieur, clé de la compétitivité russe. Paris: Centre Russie/NEL, 2008. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_jean_education_sup_FR_avril_2008.pdf

10. Sigman C. Impact de «nouveau management publique» sur l'enseignement supérieur russe. Paris: Centre Russie/NEL, 2008. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_Sigman_ANG_education_sup_avril2008.pdf

T. Duran

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE NEW MODEL OF GOVERNANCE OF HIGHER EDUCATION AND ITS IMPLEMENTATION BY RUSSIAN UNIVERSITIES

Abstract

The article is devoted to the analysis of a new model of governance of higher education. The model has as postulates the rejection of rigid management of universities, collegiality in decision-making. The conceptual foundations of a new model of governance of higher education, developed in the American and Western-European sociology of management and political science, which formed the basis of modernization of Russian higher education in the first quarter of the XXI century, were considered: B. Clark Business University concept, N. Luman Self-referential System Theory, Management Concept. Positives changes that have taken place in Russian higher education since the beginning of 2000 and negative consequences of the spread of Western ideas and values have been shown.

Keywords: model of governance, Bologna process, globalization, collegiality, centralization, decentralization.

УДК 316. 37.014

С. В. Егорышев, Ю. В. Мигунова

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2022 ГОДА)

Аннотация

Социологическое исследование, некоторые результаты которого представлены в данной статье, было проведено в рамках подготовки парламентских слушаний и «круглого стола» по проблемам нормативно-правового обеспечения и совершенствования профессиональной деятельности учителей в республиканской системе образования, организованных Государственным Собранием – Курултайем Республики Башкортостан. Социологический опрос проводился авторами совместно с социологами Института стратегических исследований РБ в мае 2022 г. в электронном формате. Респондентами стали учителя, представляющие 4 группы школ республики: школы г. Уфы; школы других городов региона; школы, расположенные в центрах муниципальных образований, и сельские школы. Всего было опрошено 4529 учителей. Исследовались профессиональная мотивация; обеспеченность кадрами; сложности в работе учителя – профессиональное выгорание; организация и оплата труда, и нагрузка педагогов. Проведенное исследование позволило сделать вывод об устойчивости тенденции смягчения и преодоления многих трудностей и противоречий, которыми характеризовалась в последние десятилетия образовательная система страны. Это во многом было достигнуто как на общенациональном, так и на региональном уровнях за счет повышения внимания органов власти и управления образованием к нормативно-правовому, материально-техническому обеспечению профессиональной деятельности в системе образования. Вместе с тем опрос показал сохраняющиеся, а в ряде случаев появляющиеся новые недостатки в сфере школьного образования. При этом содержание, динамика и формы проявления этих недостатков имеют как общие, так и особенные, региональные черты и особенности устранения. Социальные проблемы современной общеобразовательной школы связаны с выплатами педагогическим работникам достойной заработной платы, неопределенностью объемов учебной и внеучебной нагрузки, дефицитом и возрастным

составом педагогических кадров, большой бумажно-бюрократической нагрузкой, различием в уровнях и качестве образования детей в городах, районных центрах и в сельской местности. Результаты, полученные в ходе опроса, позволяют утверждать, что учителя Республики Башкортостан сохраняют мотивацию на свою профессиональную работу, которая многоплановая по содержанию и организации. Что-то здесь их удовлетворяет, а что-то нет. Выявление характера этих оценок и определение путей решения социальных проблем профессиональной деятельности учителей позволило сформулировать конкретные предложения для внедрения в практику работы республиканских органов управления образованием.

Ключевые слова: система образования, общеобразовательная школа, учителя, профессиональная деятельность, социальные проблемы, управление образованием, социологические исследования, Республика Башкортостан.

Исследование проводилось среди учителей, представляющих 4 группы: 1) школы г. Уфы; 2) школы других городов региона; 3) школы, расположенные в центрах муниципальных образований; 4) сельские школы. Всего было опрошено 4529 респондентов, пропорционально отражающих численность учителей, работающих в этих четырех группах образовательных учреждений, и их распределение по полу и возрасту в общей половозрастной структуре учительского сообщества ($\approx 90\%$ – женщины и $\approx 10\%$ – мужчины).

По данным Министерства образования и науки Республики Башкортостан в 2021/2022 учебном году число учащихся в регионе составляло 496958 чел., а среднее число учеников в школе – 403 чел. Педагогических работников в 2021/2022 учебном году насчитывалось 35502 чел., в том числе учителей – 31423 чел. (88%). В среднем на одного учителя приходилось 16 учеников. Таким образом, в опросе, проведенном в онлайн-режиме с использованием электронной анкеты, приняли участие 12,8% от всех учителей республики. Это позволяет считать выборку репрезентативной.

Перейдем к характеристике полученных результатов исследования, целью которого было выявление оценок учителями организации и содержания их профессиональной деятельности.

Эта деятельность в силу своей высокой социальной значимости и многогранности, отчасти чисто декларативно, но и нередко практически, приковывает к себе внимание общества и государства, которые объективно заинтересованы в высокой эффективности функционирования всех уровней института образования, в самом прямом смысле формирующего будущее страны. При этом все чаще говорится о совершенствовании школьного образования с позиций как государственного, так и общественного интереса [2; 5].

Свидетельством подобного реального внимания стало решение, принятое в начале 20-х чисел марта 2023 г. на самом высоком государственном уровне, о мерах смягчения административной нагрузки на учителей и сокращения форм отчетности, которые не оставляют времени для работы над ростом своего профессионализма и дополнительно с обучающимися.

Вместе с тем система школьного образования не лишена недостатков, противоречий и трудностей. Ряд из них имеют имманентный характер и служат источником и двигателем развития системы, другие, возникнув в послеперестроечный период, приобрели системный характер и устойчивую тенденцию роста. Это хорошо чувствуют учителя, из которых 15% опрошенных отметили, что «работать стало очень тяжело, я думаю, что скоро уйду из этой школы»; 25% респондентов высказали мнение о том, что «работать тяжело, не все задания выполнимы, но увольняться из школы я пока не планирую»; 45% – оптимисты и отмечают, что «в работе есть трудности, но они решаемы», сюда же можно добавить опрошенных, не видящих в своей работе существенных затруднений (5%), и тех, которых профессиональные трудности «лишь иногда огорчают» (10%). Причем показатели приведенных ответов практически совпадают у учителей всех 4 групп (расхождения не превышают 5%).

Таким образом, труд учителя непростой, трудозатратный в физическом и в морально-психологическом отношениях. Но в основном, как свидетельствуют практика, литература и

результаты исследований, в том числе социологических, большинство учителей любят свою профессию и верны педагогическому труду, которому посвятили свою жизнь.

Это подтверждается и данными нашего исследования, в ходе которого респондентам было предложено назвать 5 факторов, наиболее значимых для них в профессии. 86% опрошенных ответили, что любят работать с детьми, 58% указали на уверенность в знании своего предмета; 52% отметили потребность в постоянном профессиональном росте, 43% назвали хороший микроклимат в педагогическом коллективе, 40%, что немаловажно, указали на имеющуюся поддержку со стороны семьи и друзей. Кроме того, каждый третий (33%) назвал уверенность в пользе и значимости своей профессии, и 29% видят результаты своего труда в успехах учеников. Известный российский историк В. О. Ключевский по этому поводу писал: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» [4, с. 306].

Одновременно учителя, принявшие участие в исследовании, обозначили и те факторы, которые, по их мнению, снижают качество преподавательской деятельности. Среди этих факторов, проранжированных по нисходящей по показателю «вливают сильно»: заполнение отчетности (56%); непрофильная нагрузка (54%); низкая вовлеченность учеников в процесс обучения (52 %); низкая оплата труда (46%); избыточная учебная и внеурочная нагрузка на учеников (42%); ориентация школы не на знания и навыки, а на сдачу ЕГЭ и ОГЭ (41%). Каждый третий из респондентов указал на организацию учебного процесса в несколько смен, плохую материально-техническую оснащенность образовательной организации, отсутствие контакта с родителями, неудовлетворительное качество учебных материалов и отсутствие возможности их выбора педагогом по своему усмотрению.

Указание учителей на эти факторы можно рассматривать как основания для размышлений и принятия соответствующих решений органами управления школой на всех уровнях. Представленные две группы факторов станут предметом сравнительного анализа силы их проявления в других регионах в ходе проведения подобных исследований.

Сильно волнующей учителей проблемой и одновременно фактором, снижающим эффективность преподавательской деятельности, является низкая оплата их труда, которая объективно не соответствует высокой социальной его значимости. Исследование показало, что 58% опрошенных учителей не удовлетворены размером оплаты своего труда. В подобной ситуации педагоги перспективы роста своего дохода видят опять-таки в повышении учебной нагрузки (работа больше, чем на ставку) – 32%. Опрос показал, что 40% респондентов заняты на одну ставку и 29% – на полторы ставки. Перспективы роста своего дохода учителя связывают с репетиторством 24%, с участием в конкурсах и грантах – 21%, с наработкой стажа – 17%. 16% респондентов таких перспектив не видят, и 13% затруднились ответить.

Но не все учителя в состоянии реализовать эту перспективу: 40% респондентов ответили, что имеют слишком большую нагрузку, и сил на дополнительную работу не остается. Только каждый десятый (11%) из респондентов подрабатывает у себя в школе, а 9% – вне своих образовательных организаций.

За выполнение некоторых видов дополнительных работ в школе учителя получают дополнительные выплаты, но только каждый пятый из них полностью удовлетворен размером и порядком таких выплат (19% – на селе и 24% – в городах), половина респондентов, работающих в школах всех 4 уровней, удовлетворены выплатами лишь отчасти, но хотели бы, чтобы размер их был больше. Также каждый пятый из опрошенных учителей не удовлетворен выплатами совсем. Преимущественно дополнительные выплаты исчисляются в баллах, о чем знают 44% респондентов, но 25%, получая такие выплаты, не знают, как они начисляются.

В ходе исследования было установлено, что за перечень из 24 наименований дополнительных работ, выполняющие их учителя дополнительную оплату не получают. Конечно, не каждый педагог занимается всеми этими видами дополнительных работ. Этот перечень свидетельствует о том, какой объем дополнительной нагрузки возложен на школьных учителей, значительную часть которой они выполняют на общественных началах.

Кроме того, учителя выполняют дополнительную работу вне образовательной организации, участвуют в проведении различных общественных и общественно-политических мероприятий. На привлечение к ним с частотой не менее одного раза в неделю указали 24% педагогов сельских школ и 17% городских, а с частотой один раз в две-три недели, соответственно, 33% и 32% респондентов.

Среди проблем, которые характеризуют организацию и содержание профессиональной деятельности учителей, все большую выпуклость приобрел рост административных требований к ним со стороны органов управления образованием. В среднем 74% опрошенных педагогов, работающих во всех 4 группах школ, указали на такой рост в последние 1–2 года. Поэтому 64% респондентов считают, что этот рост отражается на большей загруженности педагогов, проявляющейся в большом объеме отчетности, а 53% городских учителей и 45% сельских указали на присутствие у них самих и их коллег симптома профессионального выгорания, которое проявляется в формальном отношении к преподаванию (39%), в отсутствии стремления к поиску и сообщению учащимся новых знаний (24%), в нежелании проводить внеклассную работу (17%), в равнодушии к успехам и неудачам учеников (15%), в проявлении грубости в общении с обучающимися (12%) [1; 3].

Эмоциональное выгорание учителей составляет отдельную проблему, которая должна активно исследоваться. Но уже сегодня можно говорить о необходимости создания специалистами в каждой образовательной организации системы действенной профилактики подобного выгорания педагогов, системы, исключающей дополнительную отчетность со стороны тех, на кого она ориентирована.

Возвращаясь к проблеме избыточной отчетности, представляется целесообразным провести на всех уровнях управления образованием анализ собираемой отчетности с целью минимизации ее видов и форм, а также исключения излишних и дублирующих, рассмотреть эффективность функционирования цифрового документооборота с тем, чтобы снизить трудоёмкость работы с документами любого рода.

Проведенное исследование позволило выявить и охарактеризовать гораздо больший круг проблем, которые учителя региона видят в организации и содержании своей профессиональной деятельности. Ограниченные рамки одного обзора не позволяют описать более подробно, поэтому в статье эти проблемы представлены лишь частично и направлены на продолжение их исследования.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ АН РБ.

Литература

1. Егорышев С. В. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 61–73.
2. Леонидова Г. В. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография. Вологда: ФГБУН Вол. ИЦ РАН, 2018. 177 с.
3. Мигунова Ю. В. Негативные условия труда работников как фактор возникновения профессиональных заболеваний // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов: Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею со дня основания Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН. 2021. С. 334–339.
4. Мудрость России / Авторы-составители А. Ю. Кожевников, Т. Б. Линдберг. СПб: Издательский дом «Нева», 2005. 544 с.
5. Рогач О. В., Фролова Е. В., Рябова Т. М. Модернизация школьного образования в оценках родительской общественности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4(40). С. 183–193.

**ORGANIZATION AND CONTENT OF PROFESSIONAL ACTIVITIES
IN ASSESSMENTS OF PUBLIC OPINION OF TEACHERS
IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN (ON THE MATERIALS
OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH OF 2022)**

Abstract

A sociological study, some of the results of which are presented in this article, was carried out as part of the preparation of parliamentary hearings and a round table on the problems of legal support and improvement of the professional activities of teachers in the republican education system, organized by the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan. The sociological survey was conducted by the authors together with sociologists from the Institute for Strategic Studies of the Republic of Belarus in May 2022 in electronic format. The respondents were teachers representing 4 groups of schools in the republic: schools in Ufa; schools in other cities of the region and rural schools. A total of 4529 teachers were interviewed. Professional motivation was investigated; staffing; difficulties in the work of a teacher – professional burnout; organization and remuneration and workload of teachers. The study made it possible to conclude that the tendency to mitigate and overcome many of the difficulties and contradictions that have characterized the country's educational system in recent decades is sustainable. This was largely achieved both at the national and regional levels by increasing the attention of the authorities and education management to the legal, logistical support of professional activities in the education system. At the same time, the survey showed persistent, and in some cases emerging new shortcomings in the field of school education. At the same time, the content, dynamics and forms of manifestation of these shortcomings have both general and special, regional features and features of elimination. The social problems of a modern general education school are associated with the payment of decent wages to teachers, the uncertainty of the volume of teaching and extracurricular workload, the shortage and age composition of teaching staff, a large paper and bureaucratic burden, the difference in the levels and quality of education of children in cities, regional centers and in rural areas. The results obtained during the survey suggest that teachers of the Republic of Bashkortostan remain motivated for their professional work, which is multifaceted in content and organization. Some of them are satisfied, some are not. The identification of the nature of these assessments and the determination of ways to solve the social problems of the professional activities of teachers made it possible to formulate specific proposals for introducing into the practice of the work of the republican educational authorities.

Keywords: education system, secondary school, teachers, professional activity, social problems, education management, sociological research, Republic of Bashkortostan.

УДК 316

С. Г. Ермолаева

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МЕНЕДЖЕРЫ КАК ВУЗОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Аннотация

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью анализа и совершенствования университетского управления в условиях перехода к академическому капитализму. Управление современным университетом требует комплексного подхода за счет создания условий для интеграции образовательной, исследовательской, инновационной, предпринимательской и иных функций. Это, в свою очередь, требует сильного управленческого «ядра», формирования и развития у его представителей особых компетенций и качеств, отличающих университетских менеджеров как социально-профессиональную общность. Цель статьи – рассмотреть университетских менеджеров как особую социальную общность, выступающую ключевой вузовской общностью наряду с преподавателями, научными сотрудниками и студентами. Эмпирической основой статьи являются результаты вторичного анализа данных социологических исследований, близких к заявленной теме, а также результаты анализа статистических данных по высшему образованию в России. Сделан вывод о трудностях и ограничениях изучения университетского менеджмента в силу предвзятого отношения исследователей к представителям рассматриваемой вузовской общности, ее закрытостью для изучения. В то же время показана насущная необходимость исследования университетских менеджеров как общности для понимания их потенциала для развития университетов, установления причинно-следственных связей негативных и позитивных изменений в вузе.

Ключевые слова: университетский менеджмент, академический капитализм, вузовская общность, конкурентное преимущество.

Роль современного университетского менеджмента

Вузовские общности имеют разную степень изученности в современной социологии. Огромный пласт исследований, посвященных студенчеству, представлен в российских и зарубежных работах. Исследования, посвященные научно-педагогическим работникам, также представлены в большом объеме. Другая ситуация складывается на данный момент в области исследования университетского менеджмента.

Между тем, происходящие трансформации высшего образования обуславливают необходимость изучения этой третьей по значимости университетской общности. Объективно в современных условиях возрастает роль университетского менеджмента, качество которого становится конкурентным преимуществом университета [6, с. 882]. Управление современным университетом требует комплексного подхода за счет создания условий для интеграции образовательной, исследовательской, инновационной, предпринимательской и иных функций. Это, в свою очередь, требует сильного управленческого «ядра», формирования и развития у его представителей новых компетенций и качеств, отличающих университетских менеджеров как социально-профессиональную общность. В современных условиях роль менеджмента вуза «заключается в определении собственной идентичности как совокупности научных, образовательных и иных компонент деятельности, позволяющей найти благоприятную нишу для функционирования и развития вуза» [14, с. 39]. Актуальность изучения университетских менеджеров также связана с необходимостью развивать социологию управления за счет теоретического и эмпирического изучения субъектов управления.

Научная литература последних лет, посвященная университетскому управлению, немногочисленна – это книги по истории университетов, анализ их ректорского состава [12]. Исследователи отмечают ограниченность изучения управленческого и организационного аспектов в деятельности университетов, в том числе функций менеджеров [15]. Эти ограничения связаны с рядом обстоятельств: предвзятым отношением исследователей к представителям университетского менеджмента; нежеланием университетского менеджмента контактировать с социологами; сопротивление университетского менеджмента социологической критике [2, с. 32; 15, с. 55; 1].

Г. Е. Зборовский предложил рассматривать университетских менеджеров как часть университетского сообщества наряду с научно-педагогическими работниками, учебно-вспомогательным персоналом и студентами. Мы можем рассматривать университетский менеджмент как: 1) управление вузом (университетом); 2) вузовскую общность, которая занимается управленческой деятельностью в вузе; 3) часть университетского сообщества. В определении университетского менеджмента как общности мы опираемся на определение социальной общности, данное В. А. Ядовым [16, с. 25] и общностнообразующих признаках, выделенных Г. Е. Зборовским [7, с. 45].

Университетский менеджмент – это *вузовская общность, представляющая собой взаимосвязь административно-управленческих работников университета, которая обусловлена общностью их интересов, сходством условий их деятельности, представлений о целях и средствах деятельности, близостью их взглядов и ценностей. Отнесенность к одной общности обусловлена наличием управленческой должности, наличием у университетского менеджера властных полномочий, целей, определяемых выполнением обязанностей и необходимостью достижения результатов эффективности.*

О компетенциях и ценностях, которые необходимы для управления вузами пишут Э. В. Галажинский, Н. Д. Цхадая, Д. Г. Сандлер и др. По их мнению, университетский менеджмент в процессе изменений в вузах (в частности, в связи с сокращением объемов государственного финансирования) встретился с необходимостью рефлексии наличия и востребованности тех или иных компетенций, понимания и усвоения особых ценностей [3]. Проведенные исследования, например, показали, что модель университета «третьего

поколения» с ролью быстрого трансфера знаний в экономику приводит к встраиванию в систему управления вузом неакадемических фигур [3, с. 7]. Компетенции для современного ректора в новой модели являются совершенно новыми, как и требования «медийности, публичности позиции ректора», «разделения позиции ректора и менеджера-управленца» [3].

По мнению исследователей различаются позиции «новых» и «старых» ректоров: «старые» ректоры позиционируют своей главной функцией хранение ценностей университета и способности договариваться с государственными структурами прежде всего о ресурсах для университета. А для «новых» ректоров характерна другая роль – коммуникатора, включающего университет во множественные разнообразные сети.

Отмечая схожие ценности ректоров и топ-менеджеров Э. В. Галажинский, подчеркивает, что «единственный вариант обеспечить движение в сторону повышения эффективности и успешности – брать на себя ответственность» [3]. У университетских топ-менеджеров возникает необходимость в таких качествах, как сверхнастойчивость и вера в свое дело [3]. При этом важно учитывать, что университетский руководитель работает с очень сложной и неоднородной внутренней средой, в которой действуют разнородные формальные и неформальные группы и общности [10, с.132]. Они отличаются степенью заинтересованности и ответственности в развитии вуза.

Количественные и качественные характеристики университетского менеджмента

Анализ количественных характеристик университетского управления представляет собой довольно сложную проблему, поскольку в статистических обследованиях вузов присутствует немного показателей, связанных с университетским управлением. Единственная тенденция, которая хорошо прослеживается по статданным, – это резкое увеличение доли менеджеров на фоне уменьшения численности НПП.

Некоторые количественные характеристики университетского менеджмента приводит в своей работе С. В. Шендерова [15, с. 55]. Согласно ее данным, количество топ-менеджеров в 10 федеральных вузах в 2011 г. было 79 (в среднем 7,9 чел. на вуз), в 2013 г. – 73 (в среднем 7,3 чел. на вуз), в то время, как в двух столичных вузах (СПбГУ и НИУ ГУ-ВШЭ) их было 35 чел. – в 2011 г. (то есть в среднем 32,5 чел. в каждом из двух вузов) и 34 чел. – в 2013 г. (то есть 32 чел. на вуз). Особенно парадоксально эти цифры выглядят на фоне данных о студенческом контингенте: в обозначенные годы в десятки федеральных университетах обучалось 158 442 студента, а в двух названных столичных вузах – всего 45 тыс. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности топ-менеджеров в ведущих вузах России, 2011, 2013 гг.

Университеты	Приведенный контингент обучающихся, 2011–2013, чел.	Кол-во топ-менеджеров, чел.	
		2011	2013
СПбГУ	30000	19	17
НИУ ГУ-ВШЭ	15000	16	17
Всего по столичным вузам	45000	35	34
Федеральные университеты			
С(А)ФУ	10000	11	11
УрФУ	32700	11	11
К(П)ФУ	12711	10	11
СФУ	27000	11	9
СВФУ	13146	10	9
ДВФУ	29815	7	8
ЮФУ	21570	11	7
БФУ	11500	8	7
Всего по федеральным университетам	158 442	79	73

Источник: составлено автором

Для сравнения приведем соотношение количества проректоров к количеству студентов в зарубежных вузах (табл. 2). Очевидно, что в российских вузах количество университетских менеджеров по отношению к количеству студентов оказывается намного больше, чем в зарубежных университетах.

Таблица 2

Количество проректоров в университетах Европы, 2011, 2013 гг.

Город размещения университета	Количество обучающихся	Количество проректоров	
		2011	2013
Болонья (включая филиал в Буэнос-Айресе)	100 000	6	8
Оксфорд	21 000	5	6
Саламанка	28 000	8	8
Кембридж	19 000	5	5
Гейдельберг	27 000	5	5
Мюнхен	40 000	5	5

Источник: составлено автором [15, с. 52]

Исследование университетского менеджмента, проведенное С. Д. Резником, также показало рост численности данной вузовской общности на фоне сокращения численности профессорско-преподавательского состава (табл. 3).

Таблица 3

Динамика изменений численности и структуры управленческого персонала государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего образования

	Учебные года					
	1999/ 2000	2003/ 2004	2007/ 2008	2011/ 2012	2015/ 2016	2019/ 2020
Всего численность профессорско-преподавательского персонала, тыс. чел.	255,9	304,0	340,0	325,2	258,5	236,1
В том числе:						
ректоры	0,5	0,6	0,6	0,6	0,5	0,713
Проректоры, директора филиалов	3,1	4,6	5,0	5,0	2,0	3,327
Директора институтов и деканы факультетов	4,7	5,7	6,0	5,2	4,0	3,859
Заведующие кафедрами	20,6	24,1	26,6	25,1	18,9	16,378

Источник: составлено автором [11, с. 13]

Говоря о качественных изменениях в составе университетского менеджмента, В. П. Бабинцев отмечает, что «однородность ядра коллектива вуза стала последовательно разрушаться по нескольким направлениям» [2, с. 30]. Изменился руководящий состав учреждений высшего образования за счет привлечения руководителей-профессионалов».

О. Б. Томилин пишет о том, что в деятельности университетского управления заметен акцент на пассивной адаптации, то есть тщательном исполнении указаний учредителя [14, с. 54]. Механизм пассивной адаптации к изменениям внешней среды для вуза приводит к тому, что университетский менеджмент несет ответственность за продукт, которым являются «отчеты, в значительной степени абстрагированные от качества полученных результатов» [14, с. 54].

Среди характеристик менеджеров исследователи отмечают бюрократизацию, связанную с противоречивым характером реформирования. Они полагают, что главным инициатором реформы и ее субъектом выступает управленческая бюрократия. Н. В. Лаптева считает, что существенное увеличение административно-правовых ресурсов и расширение

управленческой функциональности бюрократии в вузах началось в 2003 г. с присоединением России к Болонскому процессу [8, с. 220].

Исследования, проведенные разными авторами, показывают наличие внутренней бюрократизации вузов: «... в последние годы университет подвергся бюрократизации, выраженной в растущей формализации его деятельности, в использовании для оценки внутренних процессов системы «показателей результативности» [9, с. 18]. В связи с этим тормозится реализация образовательной, исследовательской, инновационной, предпринимательской функций. Бюрократизация вузовской среды влияет на отношения внутри университетского сообщества, вызывая негативную реакцию со стороны значительной части ППС и радикально снижая их лояльность и эффективность управленческих действий [9, с. 19].

Если обобщить выводы разных исследований, то можно выделить деструктивные изменения, вызванные сверхбюрократизацией университетского менеджмента. К ним относятся: разрушение механизмов общественного (внешнего) и академического (внутреннего) контроля за деятельностью вуза; разрыв вузовской корпоративной традиции [2, с. 27]; проблемы с самоидентификацией университетов и разница между представлениями о будущем основных групп университетского сообщества [13, с. 11]; внедрение менеджериализма как основной идеологии управления [14, с. 54]; фрагментированность и нарушение связей внутри университетского сообщества; рост взаимного недоверия как внутри вузовских научно-педагогических коллективов, так и между ними и администрацией [2, с. 33]; усиление субъективных переживаний и стресса в связи с конфликтными ситуациями между НПП и университетским руководством [4].

Таким образом, в ходе реформирования высшего образования и действия академического менеджериализма изменениям подверглись все уровни и подсистемы взаимодействия внутри университетского сообщества (преподаватель – студент, преподаватель – администратор) [5, с. 28–29]. Университетское управление и университетское сообщество в целом переживают кризисные времена. Профессиональная деятельность вузовского менеджмента нуждается в поиске дополнительных ресурсов для решения проблем, которые нашли отражение в данной публикации. В качестве способов интеграции университетского сообщества могут быть обозначены профессионализация университетского менеджмента, ограничение динамики увеличения его численности с одновременно снижением его гипертрофированного статуса и значения, восстановление академических свобод преподавательского состава и модели партисипативного управления.

Литература

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Университетское управление в зеркале западной социологии высшего образования // Образование и наука. 2020. № 5. С. 37–66.
2. Бабинцев В. П. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 26–35.
3. Галажинский Э. В. Востребованные компетенции руководителей университетов: мировые тренды vs российские процессы в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 2. С. 6–8. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.013>
4. Давыдова И. А., Козьмина Я. Я. Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 169–183.
5. Дадаева Т. М., Фадеева И. М. Реформа высшей школы: парадоксы и тупики институциональных изменений // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4–5. С. 28–29.
6. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // Вестник РУДН. Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 881–894.
7. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с.

8. Лаптева Н. В. Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2020. № 2. С. 219–223.

9. Лисюткин М. А., Фрумин И. Д. Как деградируют университеты? К постановке проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4–5. С. 12–20.

10. Попов В. Р. Высшее учебное заведение как социальная система // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 126–135.

11. Резник С. Д. Менеджеры университета: теория, практика и эффективность организации личной работы. М.: ИНФРА-М, 2021. 306 с.

12. Резник С. Д., Сазыкина О. А., Фомин Г. Б. Ректоры России: система и механизмы профессионального становления / под общ. ред. С. Д. Резника. М.: ИНФРА-М, 2019. 232 с.

13. Томилиן О. Б. «Оптимистическая трагедия» университетского менеджмента // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 1. С. 7–14.

14. Томилиן О. Б. Отложенные проблемы университетского менеджмента: стратегическое измерение // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 2. С. 38–58.

15. Шендерова С. В. Управленческие элиты реорганизуемых университетов России: структура и тенденции развития // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 4. С. 51–58.

16. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

S. Ermolaeva

UNIVERSITY MANAGERS AS A UNIVERSITY COMMUNITY

Abstract

The relevance of the topic of the article is due to the need to analyze and improve university management in the context of the transition to academic capitalism. The management of a modern university requires an integrated approach by creating conditions for the integration of educational, research, innovation, entrepreneurial and other functions. This, in turn, requires a strong managerial "core", the formation and development of its representatives of special competencies and qualities that distinguish university managers as a socio-professional community. The purpose of the article is to consider university managers as a special social community, acting as a key university community along with teachers, researchers and students. The empirical main article is the results of a secondary analysis of sociological research data close to the stated topic, as well as the results of the analysis of statistical data on higher education in Russia. The conclusion is made about the difficulties and limitations of studying university management due to the biased attitude of researchers to the representatives of the university community in question, its closeness to study. At the same time, it shows the urgent need to study university managers as a community in order to understand their potential for the development of universities, to establish cause-and-effect relationships of negative and positive changes in the university.

Keywords: university management, academic capitalism, university community, competitive advantage.

УДК 316

Г. З. Ефимова

УСТОЙЧИВОСТЬ VS. ШАТКОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Аннотация

В условиях стремительного развития науки и технологий рассмотрение устойчивости академической карьеры приобретает особую актуальность. Ученые и исследователи сталкиваются с высокой конкуренцией и необходимостью постоянного совершенствования своих навыков и знаний. В статье рассматриваются факторы, которые могут влиять на устойчивость или шаткость академической карьеры (наличие финансовой поддержки научных фондов, социальной и профессиональной сети, возможности получения новых знаний и профессионального опыта). В статье

описаны условия, которые могут помочь ученым сохранить устойчивость карьеры, такие как участие в научных конференциях и публикации статей в рецензируемых журналах, установление контактов с коллегами и специалистами из других областей, а также поиск возможностей для финансирования научно-исследовательских проектов. Снижение устойчивости академической карьеры может быть вызвано внешними (институциональными) факторами и внутренними (личностными и профессиональными) факторами. В статье обозначена необходимость постоянного самосовершенствования и развития личностных качеств научно-педагогическими работниками, к сотрудничеству с коллегами и созданию благоприятной среды для развития и профессионального роста, сохранения профессиональной конкурентоспособности и устойчивости академической карьеры. Результаты исследования устойчивости академической карьеры могут быть использованы в различных областях, связанных с научными исследованиями и разработками. В университетах и научных институтах результаты могут использоваться для разработки программ поддержки и сопровождения ученых и исследователей (в том числе молодых). Научные организации, могут использовать результаты для оптимизации работы с персоналом. Полученные результаты могут быть полезны студентам, для осознания потенциальных сложностей на пути к достижению успеха в академической сфере.

Ключевые слова: академическая карьера, университет, научно-педагогические сотрудники, профессорско-преподавательский состав, молодые ученые.

Совершенствование требований к академическому сектору актуализирует уязвимость академической профессии и появление новых угроз, провоцирующих неустойчивость («шаткость») академических карьер, повышение вероятности негативного влияния на кадровый потенциал университета и на научно-педагогических работников (далее – НПР) [20].

Академическая карьера характеризуется *неустойчивостью* [15] и высоким уровнем автономии. *Карьерная незащищенность* («*career insecurity*») – субъективный аспект «бессилия для поддержания постоянной возможности трудоустройства» [5, с. 50] и связанного с ней страха невозможности достичь индивидуальных карьерных целей [10]. Она выступает стрессовым фактором для сотрудников. В академической среде институциональными источниками карьерной незащищенности являются «краткосрочные трудовые контракты, высокая конкуренция за должности в штате организации, требования к мобильности и возникающие трудности совмещения работы и личной жизни» [15]. Неопределенность карьеры связана с притоком внешних кандидатов и необходимостью работника постоянно соответствовать высоким профессиональным стандартам и требованиям эффективных контрактов.

Некоторые ученые (преимущественно, находящиеся на стартовых карьерных позициях) не имеют устойчивых гарантий на продолжение работы в конкретном университете и их стремление получить постоянную должность ограничивается требованиями к наличию ученой степени и высокими наукометрическими показателями. Чтобы остаться на должности НПР, важно обладать высокой конкурентоспособностью и быть эффективным в образовательной деятельности [8].

Субъективно воспринимаемая *незащищенность* карьеры препятствует достижению профессиональных целей и представляет потенциальную угрозу для карьерного роста. Успешное преодоление неустойчивости, самоэффективность и контроль карьеры представляет центральное требование развития на ранней стадии карьерной траектории. Стратегии саморегулирования карьеры могут представлять собой адекватный с точки зрения развития ответ на неуверенность в карьере. Незащищенность карьеры подразумевает отсутствие контроля над карьерной траекторией или бессилие в отношении достижения индивидуальных карьерных целей [5].

НПР, столкнувшиеся с «шаткими» карьерными условиями («*precarious career conditions*») и отсутствием гарантий сохранения рабочего места на продолжительный период времени, имеют потенциал смены карьерного трека и перехода за пределы академического сектора [13; 6; 11].

Успешной стратегией противодействия карьерной неопределенности становится высокая самоэффективность сотрудника как ресурс его долгосрочной конкурентоспособности. *Самоэффективность* описывает веру человека в способность успешно преследовать цели и справляться с трудностями, с которыми он может столкнуться в процессе достижения цели. Отмечается, что лица с высокой самоэффективностью выбирают более трудные цели для достижения и более упорны в достижении цели [2; 4].

Конкурентоспособные работники с высокими профессиональными компетенциями, испытывают низкий уровень карьерной незащищенности, больше удовлетворены карьерой и ее автономностью [5; 16]. Карьерная неопределенность и отсутствие гарантий сохранения рабочего места на продолжительный период времени, может вызывать у работников хронический стресс и стремление к смене профессии [6; 11].

Структурные основания карьерной незащищенности в академической сфере включают краткосрочные контракты, высокую конкуренцию за штатные должности, жесткие стандарты научной результативности, требования мобильности и трудности совмещения работы и личной жизни [15]. Незащищенность карьеры подразделяется исследователями на страх лишиться работы в целом или потерять только значимые ее характеристики [1; 9]. Карьерная саморегуляция и повышение индивидуальной конкурентоспособности снижает субъективно оцениваемую неопределенность и небезопасность карьеры. Проактивная позиция в карьерном саморегулировании и формирование убеждений в собственной эффективности снижает воспринимаемую небезопасность / незащищенность карьеры.

Для карьерного роста значимым становится принцип *триадной взаимности* («*notion of triadic reciprocity*») предполагающий изучение взаимозависимости личных, поведенческих и средовых факторов. Личные факторы включают внутренние возможности (когнитивные, эмоциональные и физические ресурсы); поведенческие факторы относятся к решениям и действиям человека; факторы окружающей среды включают в себя внешние ресурсы и окружающие условия [1].

Помимо высокого уровня неопределенности карьеры, в академических кругах работники сталкиваются с незащищенностью на начальном этапе карьеры и с необходимостью самостоятельно управлять карьерой и собственным академическим развитием. Проактивная позиция в управлении карьерой повышает уверенность работника в успешности достижения последующих карьерных ступеней за счет повышения самоэффективности [3; 4].

Мотивационная теория развития на протяжении всей жизни («*motivational theory of life-span development*») [9] предполагает, что люди активно влияют на свое развитие, выбирая конкретные цели, включая связанные с карьерой.

Ключевые идеи *социальной когнитивной теории саморегуляции* («*social cognitive theory of self-regulation*») концентрируются вокруг повторяющихся циклов постановки целей (выбора целей и формирование планов их достижения) и их реализации (участие в стратегиях действий для достижения поставленной цели) представляющие собой центральные компоненты адаптивной деятельности человека, которые позволяют усилить контроль над своей жизнью. Цели определяются как представления будущих состояний, к которым стремятся люди, и отмечают связь когнитивных процессов с активным изменением поведения. Успешное вовлечение в целенаправленное поведение укрепляет убеждения в самоэффективности, которые влияют на выбор целей и их достижение. Карьерное самоуправление, охватывающее выбор цели и стратегии ее достижения, может быть рассмотрено с точки зрения социальной когнитивной теории [4]. Самоуправление и самоэффективность – ключевые поведенческие и когнитивные ресурсы для личного развития и изменения.

Работники с высокими профессиональными компетенциями испытывают более низкий уровень карьерной незащищенности [5]. В то время как молодые ученые могут преодолеть незащищенность академической карьеры через потребность в развитии, эффективное использование стратегий самоуправления, ориентированных на усиление контроля над собственной карьерой. Увеличение способности молодого ученого к самоуправлению своей

карьерой приведет к более сильной уверенности в самооффективности (способности справляться с потребностями развития) и более низким уровням субъективно воспринимаемой карьерной незащищенности [1].

Самоуправление – средство обретения контроля над жизнью и карьерой [3; 4], в то время как *самооффективность* касается «убеждений людей о своих способностях осуществлять контроль над своим уровнем функционирования» [3, с. 257]. Молодые ученые, считавшие себя ответственными за развитие карьеры, сообщали о меньшей неустойчивости карьеры [10]. За счет повышения эффективности *саморегулирования*, связанного с работой и повышения профессиональной самооффективности, у работников возрастает представление о личном контроле над профессиональным будущим, что снижает чувство незащищенности в карьере [1]. Возникает вера в возможность большего контроля над достижением карьерных целей, что может привести к снижению карьерной незащищенности. Стратегии самоуправления важны для успешного решения повседневных рабочих задач (проведение экспериментов, написание исследовательских работ и пр.), для поддержания академической карьеры» [1].

НПР сталкиваются не только с высоким уровнем незащищенности на начальном этапе карьеры [1], но и с необходимостью самостоятельно управлять карьерой, обращаясь к академическому развитию (инициативному и институциональному). Карьерная саморегуляция и повышение индивидуальной конкурентоспособности снижает субъективно оцениваемую неопределенность и небезопасность карьеры.

Различается незащищенность работы, которая относится к страху потерять текущую работу или отдельные, наиболее значимые ее характеристики (например, понижение в должности) [9]. Возможность самостоятельно управлять трудовой эффективностью оказывает влияние на карьерную траекторию работника. Отсутствие гарантий в карьере и устойчивости рабочего места может иметь пагубное влияние на профессиональную эффективность индивида. Это важно для молодых ученых, не имеющих достаточного опыта и социальных связей в профессиональной сфере.

Молодые НПР испытывают высокую степень карьерной незащищенности по причине минимального опыта педагогической и научно-исследовательской работы, не сформированной сети социальных связей [17]. Наиболее эффективной стратегией противодействия незащищенности академической карьеры становится готовность к географической мобильности, самооценка прошлых успехов, инвестиции в профессиональное саморазвитие [15].

Встречаясь с институциональными препятствиями или противодействием в карьере, они могут застопориться на одной должностной позиции и пребывать на ней значительное время или изменить карьерную траекторию, уйдя из сферы науки и высшего образования, например, реальный сектор экономики [4; 12; 18].

Росту неустойчивости академической карьеры способствует практика эффективных контрактов, получившая в последние годы распространение в отечественных университетах. *Эффективные контракты* стали инструментами повышения мотивации к исследовательской работе и росту публикационной активности, что требует совершенствования профессиональной компетентности НПР [26]. Практика внедрения подобного контракта обусловлена требованиями к образовательной деятельности высших учебных заведений. В обязанности преподавателей вузов входит участие в научно-исследовательской деятельности. Для выполнения эффективного контракта работники совершенствуют личные качества и социально-профессиональные компетенции, повышая личную конкурентоспособность [19].

В российских вузах в настоящее время нет практики длительного и тем более «пожизненного» трудового контакта. Опыт зарубежных университетов показывает неоднозначность подобного варианта карьерного стимулирования работника, связанный со снижением его результативности из-за переключения жизненного фокуса на иные сферы. Зарубежные эксперты в сфере высшего образования и научных исследований, отмечают, что

постоянный контракт может привести к неэффективности исследователей и развитию академического туннельного видения» [14].

Рост доли срочных контрактов для НПП – распространённая практика для академических систем многих стран, но для профессоров все чаще делают исключения. В Германии среди полных профессоров лишь 6–7% работают на временных позициях [7, с. 130]. При этом «чем выше академическая лестница, тем меньше на ней временных позиций» [20, с. 130].

Обозначив проблему неустойчивости карьеры в академической сфере, важно подчеркнуть, что помимо серьезного рискованного потенциала для НПП, она имеет значительный мотивационный аспект, направленный на повышение профессиональных компетенций работника, его эффективности и конкурентоспособности. Во многом повышению карьерной устойчивости способствуют программы академического развития НПП университетов, а также инициатива сотрудников, направленная на собственное развитие.

Литература

1. Alisic A., Wiese B. S. Keeping an insecure career under control: The longitudinal interplay of career insecurity, self-management, and self-efficacy. Author links open overlay panel // *Journal of Vocational Behavior*. 2020. Vol. 120. Pp. 103431.
2. Bandura A. *Self-efficacy: The exercise of control* Freeman. New York: Paperback, 1997. 604 p.
3. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. No. 50. Pp. 248–287. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90022-L
4. Bandura A. *Social foundation of thought and action: A social-cognitive theory*. Prentice Hall, 1986. 617 p.
5. Colakoglu S. N. The impact of career boundarylessness on subjective career success: The role of career competencies, career autonomy, and career insecurity // *Journal of Vocational Behavior*. 2011. No. 79. Pp. 47-59. DOI: 10.1016/j.jvb.2010.09.011
6. Dorenkamp I., Weiß E. E. What makes them leave? A path model of postdocs' intentions to leave academia // *Higher Education*. 2017. No 75. Pp. 747–767. DOI: 10.1007/s10734-017-0164-7
7. Frolich N., Wendt K., Reymert I., Tellmann S. M., Elken M., Kyvik S., Vabo A., Larsen E. *Academic Career Structures in Europe. Perspectives from Norway, Denmark, Sweden, Finland, the Netherlands, Austria and the UK. Report*. 2018. <https://khrono.no/files/2018/02/28/NIFUreport2018-4.pdf>
8. Harley S., Muller-Camen M., Collin A. From academic communities to managed organisations: The implications for academic careers in UK and German universities // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. № 64. P. 329–345. DOI: 10.1016/j.jvb.2002.09.003
9. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. A Motivational Theory of Life-Span Development // *Psychological Review*. 2010. Vol. 117. No. 1. Pp. 32-60. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017668>
10. Höge, T., Brucculeri, A., Iwanowa, A. N. Karriereunsicherheit, zielkonflikte und qohlbefinden bei nachwuchswissenschaftlerinnen und -wissenschaftlern: Eine drei-länder-studie [Career insecurity, goal conflicts, and well-being among young scientists: A study in three countries] // *Zeitschrift für Arbeits – und Organisationspsychologie*. 2012. Vol. 56. No 4. Pp. 159-172. DOI: <https://doi.org/10.1026/0932-4089/a000088>
11. Kinman G., Jones F. Effort-reward imbalance and overcommitment: Predicting strain in academic employees in the United Kingdom // *International Journal of Stress Management*. 2008. No. 15. Pp. 381-395. DOI: 10.1037/a0013213
12. Kossek E. E., Roberts K., Fisher S., Demarr B. Career self-management: A quasi-experimental assessment of the effects of a training intervention // *Personnel Psychology*. 1998. No. 51. Pp. 935-960. DOI: 10.1111/j.1744-6570.1998.tb00746.x.

13. Myklebust J. P. Salary gap data analysis raises post-doc career concerns. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200227104107174>
14. Myklebust J. P. Tenure track lures elite researchers can hinder women 2016. URL: www.universityworldnews.com/post.php?story=20160401152149524
15. Ortlieb R., Weiss S. What makes academic careers less insecure? The role of individual-level antecedents // Higher Education. 2018. No. 76. Pp. 571–587. DOI: 10.1007/s10734-017-0226-x
16. Porfeli E. J., Lee B., Vondracek F. W. Identity development and careers in adolescents and emerging adults: Content, process, and structure // Handbook of vocational psychology: Theory, research, and practice / Ed. by W. B. Walsh, M. L. Savickas, P. J. Hartung. Routledge, Taylor, Francis Group, 2013. Pp. 133-153.
17. Schmitz B., Wiese B. S. New perspectives for the evaluation of training sessions in self-regulated learning: Time-series analyses of diary data // Contemporary Educational Psychology. 2006. No. 31. Pp. 64–96. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2005.02.002
18. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2012. 831 с.
19. Дмитриева Н. К. Эффективный контракт как инструмент повышения профессиональной компетентности преподавателя вуза // Педагогические мастерские: сб. науч. тр. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2020. № 9. С. 40–43.
20. Душина С. А. Карьеры молодых ученых в институциональном контексте: опыт России и Германии // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 127–137.

G. Efimova

RESILIENCE VS. SHAKINESS OF ACADEMIC CAREER

Abstract

In the context of the rapid development of science and technology, the consideration of the sustainability of an academic career becomes particularly relevant. Scientists and researchers face high competition and the need to constantly improve their skills and knowledge. The article examines the factors that can affect the stability or precariousness of an academic career (the availability of financial support from scientific foundations, social and professional networks, opportunities to gain new knowledge and professional experience). The article describes conditions that can help scientists maintain career stability, such as participation in scientific conferences and publication of articles in peer-reviewed journals, establishing contacts with colleagues and specialists from other fields, as well as finding opportunities to finance research projects. The decline in the stability of an academic career can be caused not only by external (institutional) factors, but also by internal (personal and professional) factors. The article outlines the need for constant self-improvement and development of personal qualities by scientific and pedagogical workers, cooperation with colleagues and the creation of a favorable environment for their development and professional growth to maintain professional competitiveness and sustainability of academic career. The results of the research on the sustainability of an academic career can be used in various fields related to scientific research and development. At universities and research institutes, the results can be used to develop programs to support and support scientists and researchers. Scientific organizations can use the results to optimize the processes of working with personnel and improve the efficiency of their activities. The results obtained can be useful for students to understand the potential difficulties that may arise on the way to achieving success.

Keywords: academic career, university, research and teaching staff, teaching staff, young scientists.

МУЗЫКАЛЬНО-ИГРОВАЯ ДРАМАТИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКА

Аннотация

Школьники находятся в стадии активного мышления и богатого воображения, являясь важной частью базового образования, музыка представляет собой деятельность, сочетающую в себе эстетику и творческое самовыражение, и имеет большие преимущества в развитии творческих способностей учащихся. Главной задачей педагога является вовлечение каждого ребенка в творческую деятельность, при этом важно учитывать особенности всех учащихся, чтобы создать приемлемые условия для их развития. На наш взгляд, одним из лучших видов творческой деятельности, сочетающим в себе музыкально-исполнительскую, творческую литературную способность, является музыкально-игровая драматизация. Музыкально-игровая драматизированная деятельность очень близка природе детей, потому что она основана на действии. В процессе музыкально-игровой драмы учащиеся могут активизировать свое воображение через восприятие музыки и постоянно стимулировать свое творчество через мимику, язык тела, сценическую игру, характерную интонацию, чтобы учащиеся могли найти свой способ реализации творческого замысла. Исходя из этого, в статье рассматривается использование технологии музыкально-игровой драматизации на уроках музыки, подтверждается их положительное значение в помощи школьникам в развитии их музыкально-творческих способностей.

Ключевые слова: музыкально-игровая драматизация, школьники, музыкально-творческие способности, музыкальное образование, воображение, творчество.

Младший школьный возраст – это период интенсивных и качественных изменений познавательных процессов (восприятия, памяти, воображения и др.), потребность детей проявлять себя в творчестве огромна. Творчество способствует развитию наблюдательности, мышления, памяти, активности и целеустремленности, без достаточно развитого воображения не может успешно протекать учебная работа школьника [2, с. 85]. Большое количество работ исследователей отражает положительное влияние процесса обучения музыке на развитие воображения и творческих способностей детей. Вострякова В. В. изучила слушание музыки как средство развития творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста [3]; Т. И. Ланцова, А. В. Логвиненко объясняли влияние музыкальных занятий на креативность детей дошкольного возраста [9]; Т. И. Ланцова, О. О. Гамаюнова анализировали педагогические условия, способствующие развитию творческих способностей детей старшего дошкольного возраста на музыкальных занятиях [8]. В связи с разным уровнем развития музыкально-художественных способностей детей школьного возраста необходимо обеспечить участие каждого ребенка в художественной деятельности для создания наилучших условий для его всестороннего развития. На наш взгляд, наиболее интегрированной формой художественной деятельности является музыкально-игровая драматизированная.

Игры соответствуют детской природе. Чэн Хэцинь, известный китайский педагог, сказал: «Дети рождаются активными и воспринимают игры как свою жизнь» [12, с. 49]. Советский педагог В. А. Сухомлинский подчёркивал: «Игра – это искра, зажигающая огонёк пытливости и любознательности». По мнению психологов, игра является доминирующей деятельностью ребенка и основой всего его последующего развития, так как именно в игре он первоначально приобретает общественный жизненный опыт и развивает все физические и духовные силы и способности, которые ему для этого необходимы [6].

Игра-драматизация – это процесс формирования и развития индивидуальных качеств, интеллектуальных, эмоциональных и художественных способностей каждого ребенка. Она очень близка детям, так как основана на движении. По мнению Л. С. Выготского, в игре-драматизации сценарий не всегда является жесткой классикой, а лишь полотном для импровизации: «Важно не то, что создадут дети, важно то, что они создают, творят, упражняются в творческом воображении и его воплощении» [4, с. 63]. Именно в

драматизации, насыщенной воображаемыми процессами, полностью реализуется стремление к действию, к выражению реальности [13, с. 57].

На уроке музыки игра-драматизация организуется по сюжету музыкально-сценического или литературного произведения. Это сценарий, основанный на ролевом разыгрывании вымышленной ситуации, где часть ролей отведена участникам. В ее процессе основная задача детей – создание художественных образов. С помощью музыкальной и речевой интонации, ритмического движения, песни, танца, пантомимики, жестов, поз и мимики, дети творчески выражают свое понимание, чтобы их музыкальные выступления соответствовали персонажам и действиям в рассказе. Мы разделяем точку зрения В. И. Андреева, который понимает творческую самоактуализацию как процесс реализации творческих идей для достижения желаемой лично значимой проблемы (творческой задачи), позволяющей личности максимально полно реализовать свой творческий потенциал [1, с. 98]. Для него творить – это не обязательно создавать новое, это скорее – выразить себя.

Мы считаем, что способы достижения творчества во время музыкально-игровой драматизации можно сгруппировать в три широкие категории: звук, движение и исполнение. После того, как драматическая история выбрана, детям распределяются роли, и дети выбирают свои любимые музыкальные инструменты, соответствующие характеристикам персонажей. Основываясь на сюжете, дети создают мелодии или ритмы и выражают их с помощью инструментов или вокала, иногда дополняя характерными интонациями. В это время звук является для них способом реализации творческого самовыражения.

Л. С. Выготский в исследовании указывал, что музыкальные движения главным образом способствуют развитию детского творчества. Теоретической основой этого взгляда является двигательная природа детского воображения [5, с. 235]. На уроках учителя музыки часто создают для учащихся музыкально-ритмические деятельности, это дает большие возможности для музыкально-творческих способностей развития, а также способности к творческой самореализации. В музыкальных играх-драматизациях действия не даются в законченном виде. На эти движения ребенка подсказывает музыкальное содержание игры. Дети могут использовать выразительные движения, характерные для пластики определенного персонажа, танцевальные элементы, и создавать различные движения со своим пониманием и идеями для достижения творчества. Необходимым педагогическим условием в музыкально-ритмической деятельности детей является яркость и образная узнаваемость музыкальных произведений, а также их приближенность к жизненному опыту ребенка [7]. Педагоги должны придерживаться принципа постепенного усложнения заданий.

При этом важнейшим способом стимулирования и активизации творческой и интеллектуальной деятельности и воспитания нравственных качеств является умение идентифицировать себя в ситуации, запечатленной в музыкальном произведении. В творческом восприятии и исполнении учащимися различных песен также можно испытать трансформацию героев в этих музыкальных произведениях. Детям нравится музыкально-игровая драматизация. Они живут той же жизнью, что и герои драм, любимых сказок. Часто самостоятельно повторяют, изменяют драматизацию, включают их в ролевые игры и превращают элементы спектакля в самостоятельные деятельности [10]. В ходе деятельности учащиеся испытали эффективную ролевою подмену и прочувствовали смысл произведений. Например: что вы испытали в качестве главного героя в музыкальном произведении? Как вы передали мысли и чувства, возникающие при прослушивании музыкального произведения? Основываясь на собственном понимании и мышлении, дети стимулируют воображение, через мимику, язык тела и даже жест, позу, творчески исполняется образ персонажа.

Музыкально-игровая драматизация – это форма перехода от игры к спектаклю, которая позволяет каждому ребенку творчески реализоваться в соответствии со своими индивидуальными особенностями. Этот вид музыкальной деятельности не только имеет большой потенциал для развития, но и является прекрасным средством личностного развития. Многие "зажатые" дети неожиданно свободно проявляют себя в нем [10].

Поэтому музыкально-игровая драматизация как способ развития творческих способностей школьников, очень важна для их. Смысл музыкальных игр вовсе не в развлечении, а в серьезном, увлекательном, веселом деятельности, требующем полного умственного участия учащихся [11, с. 570]. В ходе игровой деятельности ребенок способен справиться с учебными задачами, требующими от него внимательного прослушивания музыки, умения дать глубокое и убедительное её эмоциональное описание, активного размышления о ней. В то же время, благодаря эффективному руководству, учителя музыки используют драматические технологии музыкальных игр, чтобы лучше раскрыть природу школьников и стимулировать их безграничное творчество.

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика высшей школы. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 500 с.
2. Володичева Н. В. Творческое воображение младших школьников // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2016. Т. 15. № 4. С. 84–87.
3. Вострякова В. В. Слушание музыки как средство развития творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 3 (27). С. 83–86.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб: Союз, 1997. 96 с.
5. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Изд-во Эксмо-Пресс, Смысл, 2004. 512 с.
6. Игра и творчество как способ взаимодействия с миром // Открытый урок-Первое сентября. [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/693847> (дата обращения: 17.02.2023).
7. Игра на уроках музыки в основной школе // Бобродобро. [Электронный ресурс]. URL: <https://ped.bobrodobro.ru/10582> (дата обращения: 17.02.2023).
8. Ланцова Т. И., Гамаюнова О. О. Педагогические условия, способствующие развитию творческих способностей детей старшего дошкольного возраста на музыкальных занятиях // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 121–130.
9. Ланцова Т. И., Логвиненко А. В. Влияние музыкальных занятий на креативность детей дошкольного возраста // Гуманитарный научный журнал. 2017. № 1. С. 8–12.
10. Формирование творческих способностей детей посредством музыкально-игровой драматизации через взаимодействие педагогов ДОУ и семьи // Педагог ДОУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pdou.ru/categories/9/articles/2325> (дата обращения: 17.02.2023).
11. Часовникова О. А. Игра как фактор творческого развития младших школьников на уроках музыки // Наука и образование: новое время. 2016. № 5(16). С. 567–577.
12. Чен Х.. Продвижение активного обучения в игре для детей младшего возраста // Раннее образование. 2022. № 2. С. 49.
13. Щепотько Л. П., Жилин Д. А. Возможности драматизации в развитии способностей младших школьников к творческой самореализации // Наука, образование и культура. 2019. № 3 (37). С. 56–60.

Y. Liangwen

MUSICAL GAME DRAMATIZATION AS A MEANS OF DEVELOPING SCHOOLCHILDREN'S CREATIVE ABILITIES

Abstract

Primary school students are in the stage of active thinking and rich imagination, as an important part of basic education, music is an activity that combines aesthetics and creative expressions, and it has great advantages in cultivating students' creativity. The main task of the teacher is to involve each child in creative activities, while it is important to take into account the characteristics of all students in order to create acceptable conditions for their development. In our opinion, one of the best types of creative activity that

combines music and performance, creative literary ability, is musical game dramatization. The musical dramatization activity is very close to the nature of children because it is action-based. In the process of conducting musical game drama, students can trigger their imagination through the perception of music, and constantly stimulate creativity through facial expressions, body language, and characteristic intonation, which are fully realized in musical game dramatization. Based on this, the article discusses the use of the technology of musical game dramatization in music lessons, confirms their positive value in helping schoolchildren develop their musical and creative abilities.

Keywords: musical game dramatization, schoolchildren, musical creative abilities, musical education, imagination, creativity.

УДК 316

К. Л. Исакова

ПРОФИОРИЕНТАЦИОННАЯ РАБОТА В ШКОЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация

Профориентация детей является одной из приоритетных государственных задач, закрепленных в национальном проекте «Образование». Однако в настоящее время отсутствует единая национальная система профориентации, которая бы позволила современным подросткам сделать осознанный профессиональный выбор к моменту завершения освоения основной образовательной программы. К сожалению, в современном мире стало частой практикой, когда студенты после окончания вуза устраиваются на работу не по специальности. На каком-то этапе их профессионального самоопределения происходит сбой. В рамках данной статьи будет рассмотрена проблема организации профориентационной работы в школах Свердловской области: какие мероприятия проводятся, помогают ли они обучающимся в их профессиональном самоопределении, с какими трудностями они сталкиваются. Всего было опрошено 20 158 обучающихся 6–11 классов и 822 руководителя общеобразовательных организаций из всех муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профориентация, профориентационная работа, ФГОС, профессиональные пробы.

Для отечественной социологии образования проблематика профессионального самоопределения молодого поколения является актуальной на сегодняшний день. Еще на стадии обучения в школе молодое поколение начинает решать для себя проблемы жизненного, профессионального и эмоционально-ценностного выбора. В ранней юности возрастающая активность процесса самоопределения личности чаще всего обусловлена потребностью занять социально ответственную позицию взрослого человека в связи с приближающимся окончанием школы, когда будущее приобретает осязаемые черты. Кроме того, в современных условиях зачастую школьники поступают в учебные учреждения только лишь потому, что так принято, до конца не определившись или совсем не определившись с будущей профессией.

В ст. 66 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится: «по итогам освоения основной образовательной программы среднего общего образования выпускник общеобразовательной организации должен быть подготовлен к самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности» [1, с. 78]. В требованиях Федерального образовательного стандарта основного общего образования зафиксировано, что обучающиеся к концу 9 класса должны овладеть ключевыми компетенциями, составляющими основу дальнейшего успешного образования и ориентации в мире профессий» [6, с. 46]. В требованиях Федерального образовательного стандарта среднего общего образования зафиксировано, что обучающиеся к концу 11 класса должны подходить осознанно к выбору будущей профессии, дальнейшего успешного образования и профессиональной деятельности [7, с. 47].

Вместе с тем значительная часть выпускников общеобразовательных организаций испытывает существенные затруднения в процессе профессионального самоопределения, а выпускники профессиональных образовательных организаций и организаций высшего образования редко устраиваются на работу по специальности.

Общественное представление о профессиональном самоопределении очень сильно изменилось за последние два века. Еще в начале 20 в. достаточно было просто трудоустроиться и быть полезным в обществе. Ближе к середине прошлого века больше внимания стало уделяться оценке особенностей личности, а к концу 20 в. и по сей день акцент делается на важности индивидуального подхода к выбору профессии.

В настоящее время изучением профессионального самоопределения занимаются многие ученые, в частности Э. Ф. Зеер, В. А. Сластенин, В. Г. Ананьева, Л. А. Бойко, О. В. Еремкина, А. М. Баскаков, Н. С. Пряжников, В. А. Климов и другие. В данной статье мы поговорим о таком факторе, влияющем на профессиональное самоопределение обучающихся, как профориентационные мероприятия, проводимые в школе.

Для того, чтобы проанализировать, каким образом профориентационные мероприятия влияют на профессиональное самоопределение школьников, необходимо понимать в целом что из себя представляет профессиональное самоопределение. Н. С. Пряжников определяет сущность профессионального самоопределения как «поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения» [5, с. 21]. Э. Ф. Зеер отмечает, что «профессиональное самоопределение – это не просто выбор профессии, а скорее своеобразный творческий процесс развития личности» [2, с. 53].

Профориентация детей является одной из приоритетных государственных задач, закрепленных в национальном проекте «Образование», однако в настоящее время отсутствует единая национальная система профориентации, которая бы позволила современным подросткам сделать осознанный профессиональный выбор к моменту завершения освоения основной образовательной программы. С целью решения данной проблемы в феврале 2018 г. президент Российской Федерации В. В. Путин предложил запустить проект по ранней профориентации «Билет в будущее» для учащихся 6–10 классов [4].

Проект «Билет в будущее» реализуется в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование». В паспорте федерального проекта «Успех каждого ребенка» обозначены цель, задачи, план мероприятий и основные результаты реализации проекта «Билет в будущее» до 2024 г. Оператором данного проекта определен Союз «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Данный проект предназначен для обучающихся 6–11 классов образовательных организаций, включая детей с ОВЗ и инвалидностью. Проект знакомит учащихся с основами профессий, в том числе актуальных профессий современности, предоставляет возможность профессионального самоопределения обучающихся.

В качестве объекта нашего исследования были определены общеобразовательные организации Свердловской области (далее – ОО). Предмет – вовлеченность обучающихся 6–11 классов общеобразовательных организаций Свердловской области в мероприятия по профессиональному самоопределению. На первом этапе построения выборки использовался метод сплошного отбора: каждый элемент генеральной совокупности служил единицей сбора информации, иными словами, предполагался охват 100% общеобразовательных организаций Свердловской области, а также всех обучающихся, принявших участие в проекте «Билет в будущее» в 2022 г. На втором этапе выборочную совокупность составили руководящие работники и обучающиеся 6–11 классов общеобразовательных организаций. Всего в исследовании приняли участие 20 158 школьников и 822 руководителя общеобразовательных организаций Свердловской области [3, с. 5].

Результаты

Работа по профессиональной ориентации обучающихся, в том числе по ранней профориентации, осуществляется в общеобразовательных организациях как в рамках проекта

«Билет в будущее», так и за его пределами. В исследовании было зафиксировано, что в 2022 г. помимо организации участия школьников в проекте «Билет в будущее», в 91,2% общеобразовательных организаций Свердловской области проводились и иные профориентационные мероприятия. В 89,9% ОО проводятся классные часы, тематические встречи, посвященные знакомству обучающихся с различными профессиями, специальностями. Кроме того, более половины руководителей общеобразовательных организаций отмечают следующие мероприятия, проводимые в рамках профориентационной работы:

- индивидуальные консультации учителей, педагога-психолога, социального педагога;
- организация профориентационных тестирований;
- организация родительских собраний, посвященных вопросам профориентации обучающихся;
- профориентационные игры, тренинги.

Примерно в 40% ОО организуются и проводятся профессиональные пробы и социальные практики для обучающихся. Кроме того, руководителям ОО было предложено выделить те из проводимых мероприятий, которые они считают наиболее эффективными. Более 50,0% руководителей ОО отметили следующие мероприятия:

- организация профессиональных проб обучающихся, социальных практик;
- организация классных часов, тематических встреч, посвященных знакомству обучающихся с различными профессиями, специальностями;
- профориентационные игры, тренинги;
- организация профориентационных тестирований.

Важно подчеркнуть, что наиболее эффективными мероприятиями руководители ОО считают профессиональные пробы, при этом реально они проводятся в менее чем половине школ.

Обучающимся 6–11 классов было предложено ответить, достаточно ли информации они получают в школе, чтобы ориентироваться в мире профессий. Согласно ответам школьников, более половины обучающихся получают в ОО достаточно информации по вопросам профориентации. Вместе с тем, практически каждый третий респондент считает, что получаемой в школе информации недостаточно, некоторые сведения приходится искать самостоятельно. Стоит отметить, что 4,0% школьников совсем не имеют информации, чтобы ориентироваться в мире профессий.

Среди обучающихся, которые считают, что получают достаточно информации, чтобы ориентироваться в мире профессий, больше доля тех, кто окончательно определился с профессией. В числе школьников, которые совсем не получают данную информацию в школе, больше доля тех, кто пока не выбрал ни профессию, ни сферу деятельности.

Согласно ответам руководителей ОО, более трети ОО сталкиваются со следующими трудностями:

- отсутствие возможности провести знакомство с профессиями/специальностями, которые интересны учащимся;
- нехватка материально-технического оснащения (для проведения профессиональных проб, мероприятий и т. п.);
- отсутствие в населенном пункте предприятий, организаций, готовых к взаимодействию по вопросам профориентации.

В свою очередь больше трети обучающихся (34,2%) сталкивается с тем, что не могут выбрать одну профессию, так как их много интересует, а 20% школьников не знают, какие профессии будут востребованы в будущем, смогут ли они найти работу, а также не знают, в какой профессии смогут себя реализовать.

Кроме того, обучающимся было предложено отметить, какие профориентационные мероприятия были бы им реально интересны. Согласно полученным данным, основную часть предложенных школьников составили практикоориентированные мероприятия

профориентационной направленности. Для 23,4% респондентов наиболее интересны экскурсии, 17,1% обучающихся хотели бы, чтобы мероприятия были посвящены конкретной профессии или определенной сфере деятельности, 15,9% учащихся отметили, что они бы приняли участие в профпробах. Для некоторых школьников было бы интересным проведение специальной смены в профильном лагере [3, с. 10–35].

Выводы. Профориентационная работа с обучающимися проводится в подавляющем большинстве общеобразовательных организаций Свердловской области. В рамках данной работы проводится широкий спектр мероприятий: от классных часов, тематических встреч, посвященных знакомству с различными профессиями и специальностями до различных практических форм знакомства с профессиями.

К числу наиболее эффективных профориентационных мероприятий, по мнению большинства руководителей ОО, можно отнести: профессиональные пробы обучающихся, социальные практики, тематические встречи, посвященные знакомству обучающихся с различными профессиями, специальностями, профориентационные игры, тренинги, тестирования.

Значительная часть обучающихся сталкивалась с трудностями в процессе профессионального самоопределения. Как правило трудности школьников с выбором профессии связаны с разнообразием их интересов, с отсутствием информации о том, какие профессии будут востребованы в будущем, а также с отсутствием сформированного представления о том, в какой профессии он сможет себя реализовать. Кроме того, руководители ОО также сталкиваются с некоторыми трудностями, которые в большей степени носят организационный характер: это отсутствие возможности проводить знакомство с профессиями/специальностями, которые интересны учащимся; нехватка материально-технического оснащения и сложности в организации сетевого взаимодействия.

Важно отметить, что для большинства учащихся профориентационные мероприятия интересны. В число наиболее предпочтительных, как правило, входят практикоориентированные мероприятия, в том числе экскурсии, профпробы, профориентационное тестирование, диагностика.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Интернет-портал правовой информации «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 23.03.2023)
2. Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
3. Отчет по итогам мониторинга условий реализации федеральных государственных образовательных стандартов общего образования в общеобразовательных организациях, расположенных на территории Свердловской области / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования»; сост.: А. В. Аникиева, К. В. Бобык, Е. В. Галембо, К. Л. Исакова, Т. А. Сундукова, О. В. Углева, Д. Р. Шашмурина. Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», 2021. 113 с.
5. Официальные сетевые ресурсы Президента России: портал. Москва, 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56858> (дата обращения: 20.03.2023)
6. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Психология» и психологическим специальностям. М.: Академия, 2008. 318 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования» от 2010 № 1897 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения 23.03.2023)

8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования от 2012 № 413 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088902/> (дата обращения 23.03.2023)

K. Isakova

VOCATIONAL GUIDANCE IN THE SCHOOLS OF THE SVERDLOVSK REGION AS A FACTOR IN THE SUCCESS OF STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Abstract

Vocational guidance for children is one of the priority state tasks enshrined in the National Project «Education», but at present there is no unified national system of vocational guidance, which would allow modern teenagers to make an informed professional choice by the time of completion of the basic educational program. Unfortunately, in today's world it has become a common practice for students after graduation to get a job outside their field of study. That is, at some stage of their professional self-determination there is a so-called failure. This article will consider the problem of organizing vocational guidance work in schools of Sverdlovsk region: what activities are conducted, whether they help students in their professional self-determination, what difficulties they encounter. A total of 20,158 students of general educational organizations from all municipalities located on the territory of the Sverdlovsk region were interviewed.

Keywords: professional self-determination, career guidance, career guidance work, FSES, professional tests.

УДК 316.472.42:37.015.4 :377.5

М. В. Немировский

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация

В статье рассматриваются результаты апробации инструментария эмпирического исследования значения различных форм капитала преподавателей профессиональных образовательных организаций для реализации воспитательной функции во взаимодействии со студентами. Методология исследования базируется на применении теоретической концепции капиталов П. Бурдьё к реализации воспитательной функции в профессиональных образовательных организациях. В качестве методов исследования использовались социографический метод, метод коллажа, групповой дискуссии с последующим контент- и смысловым анализом, полученных результатов. Выбор указанных методов обусловлен, во-первых, слабой разработанностью исследуемой проблемы, во-вторых, ограничениями, накладываемыми традиционными опросными методами. В качестве респондентов апробации выступили студенты первого курса ВУЗа. В апробации приняли участие две группы студентов. Размер групп составил 23 и 20 человек. В результате апробации было выявлено, что референтной группой для студентов выступают индивиды с высоким уровнем культурного, символического и экономического капиталов. В рамках групповой дискуссии студенты в первую очередь отметили политиков и бизнесменов, как представителей референтной группы. Мнения студентов относительно преподавателей, как представителей референтной для них группы, разделились. Итогом групповой дискуссии стало заключение о том, что преподаватели могут быть людьми, оказывающими или могущими оказать на них наибольшее влияние. Однако сформулировать условия, при которых преподаватели могут выступать референтной группой для студентов в процессе групповой дискуссии выявить не удалось. Что указывает о необходимости доработки инструментария. Проведенная апробация инструментария позволила сделать выводы о целесообразности дальнейшего использования вышеуказанных методов (с некоторой доработкой) для проведения эмпирического исследования трансформации воспитательной функции в системе среднего профессионального образования. Полученные в результате апробации данные послужили основой для разработки гайда

групповой дискуссии (фокус-группы) и анкетного опроса студентов учреждений среднего профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональные образовательные организации; воспитательная функция; преподаватели; студенты; формы капитала, символический капитал; метод коллажа, социографический метод; групповая дискуссия.

В настоящее время во всех сферах общественной жизни происходят существенные трансформации, которые ведут к «размыванию» существующих социальных структур и формированию новых. В сложившихся условиях остро встает вопрос о передаче и формировании ценностей современной молодежи. Передача ценностей осуществляется посредством воспитания. Одним из социальных институтов, выполняющим воспитательную функцию, является образование. Реформы системы образования Российской Федерации долгое время игнорировали исполнение воспитательной функции в образовательных организациях, однако в последнее время в государственной политике Российской Федерации расставлены новые акценты и воспитание снова стало выходить на передний план. В связи с чем встает вопрос о готовности профессиональных образовательных организаций осуществлять эффективную воспитательную работу в современных условиях (под профессиональной образовательной организацией в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ понимается «образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования») [3], то есть колледжи, техникумы и другие).

Теоретические основы реализации воспитательной функции в образовательных организациях нами подробно рассмотрены ранее в статье «Символический капитал преподавателей как основа воспитания студентов профессиональных образовательных организаций» [5]. В данной статье мы лишь кратко остановимся на основных теоретических аспектах, составивших базис для разработки инструментария эмпирического исследования.

Процесс воспитания можно охарактеризовать, как процесс передачи ценностей. В профессиональной образовательной организации одним из основных субъектов воспитания следует рассматривать преподавателей. С точки зрения концепции капиталов П. Бурдьё передача ценностей возможно при высоком уровне символического капитала преподавателей, который является результатом общественного признания других видов капитала – экономического, культурного, социального, сетевого, мобильного [5, с. 36–37].

Под экономическим капиталом понимается то, что «непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности» [1, с. 60]. Культурный капитал – это то, что достигается путем развития своих способностей, в том числе профессионализм. Социальный капитал предполагает наличие членства в социальных группах, социальные связи, положительной репутации в социальных группах.

Дж. Урри в добавок к трем видам капитала, предложенных Бурдьё добавил еще два – сетевой и мобильный. Сетевой капитал позволяет «порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или практические выгоды (хотя также часто они заключаются в различных объектах и технологиях или же средствах нетворкинга)» [9, с. 20]. Понятие мобильного капитала формируется на основе концепции мобильностей Дж. Урри и означает способность к свободному перемещению как в физическом, так и в символическом и виртуальном пространстве, а также способствующего поддержанию социального и сетевого капитала, приобретению нового экономического и культурного капиталов.

На основе изложенных концепций нами разработан инструментарий для исследования уровня символического капитала преподавателей в представлении студентов профессиональных образовательных организаций. Инструментарий основывается на социографическом методе, методе коллажа, групповой дискуссии с последующим контент- и смысловым анализом, полученных результатов. Выбор указанных методов обусловлен, во-

первых, слабой разработанностью исследуемой проблемы, во-вторых, ограничениями, накладываемыми традиционными опросными методами.

Социографический метод пришел в социологию из психологии и социальной психологии (известен также под названием психографический), где используется для изучения составления психологических портретов отдельного человека, конкретной личности и социальных групп [2, с. 114]. Однако в дальнейшем получил широкое распространение в социологии и политологии для изучения ценностей, в том числе детей и молодежи, и определения образа будущего страны [8, с. 168; 7].

Метод коллажа широко используется в исследованиях психологов и социальных психологов. Например, для исследования отношений мужчин и женщин [4, с. 59]. В социологии этот метод также используется, например, для изучения инфантилизации молодежи [6, с. 450].

Апробация инструментария проводилась среди студентов первого курса Уральского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

В апробации приняли участие две группы студентов. Численность студентов первой группы составила 23 человека из которых 10 мужского и 13 женского пола, второй группы – 20 человек (19 представителей женского и 1 мужского пола).

На первом этапе исследования респондентам первой группы было предложено заполнить опросный лист. Студентам было предложено описать качества человека, оказывающего или могущего оказать на них наибольшее влияние. Респондентам было разрешено использовать для описания слова и рисунки. Сгруппировать (необязательное условие) свои ответы в группы, озаглавить их и проранжировать от одного до пяти, где 1 – наиболее важная группа качеств, а 5 – наименее.

Наибольшее число упоминаний качеств, имеющих наибольшее значение, относится к культурному капиталу, далее следует символический и социальный капитал. Если оценивать общее количество упоминаний слов и словосочетаний, относящихся к тому или иному виду капитала вне зависимости от ранга, то здесь, также лидирует культурный капитал. На втором и третьем месте находится социальный и символический капитал соответственно. Проведя смысловой анализ нами, было установлено, что слова и словосочетания, относящиеся к культурному капиталу, встретились 56 раз, социальный 28 раз, символический 22 раза. Причем 1-й ранг культурному капиталу присвоили 14 раз, символическому – 7 раз, а социальному – 2 раза. Отметим, что экономический капитал не попал в «тройку лидеров».

Отметим, что важность образования и его уровень чаще всего отмечали студентки. Студенты же делали акцент на личные качества, успешность и опытность в важных для них сферах.

На втором этапе (который проводился сразу же после заполнения студентами опросного листа. Студентам было предложено вырезать из предложенных картинок символы (предложено 24 картинки), которые, по их мнению, означают то или иное качество человека, оказывающего или могущего оказать наибольшее влияние на них, разместить их на стрелковой мишени (где цифра 10 – «яблочко») в зависимости от значимости, чем ближе к центру, тем важнее это качество для них, и подписать значение выбранного символа.

Отметим, что анализ смыслов закладываемых нами символов и те значения, которые

им придали студенты, в целом совпали. Исключением является символ . У большинства студентов он ассоциировался с домом, семьей, браком, а смысл, закладываемый нами – экономический капитал, наличие недвижимости. Лишь один респондент (пол женский) придал ему смысл обладания недвижимостью и обозначил его, как «построить дом», но разместил его на периферии поля мишени (3 очка).

Анализ коллажа производился методом контент- и смыслового анализа. Подсчет количества выбора того или иного символа показал, что наиболее часто выбирался символ

культурного капитала (далее – символ 1. В нашей интерпретации – уровень образования). Символ 1 был выбран 17 раз. Что касается интерпретации студентов, то в их представлении он означал – «образованность», «образование», «людей с высшим образованием и красным дипломом», «получение хорошего, высшего образования», «диплом», «высшее образование», «острый ум». Что касается места расположения на мишени, то результат определялся, как в соревнованиях по пулевой стрельбе, то есть суммированием «выбитых» очков. Здесь символ 1 также оказался лидером, набрав 132 очка.

Такое же (17) количество раз был выбран символ (далее – символ 2), в нашем понимании – символический капитал, признание заслуг обществом, готовность следовать, лидерство. По количеству баллов символ 2 отстал от символа 1 на 1 балл, набрав 131 балл.

На третьем месте по количеству выборов стал рисунок (далее – символ 3). Символ 3 нами понимался, как экономический капитал, наличие финансовых сбережений. Символ 3 был выбран студентами 11 раз и набрал 111 баллов.

Следует отметить, что среди картинок был еще один, похожий символ (далее – символ 4). В нашем понимании символ 4 означал экономический капитал, уровень заработной платы. Однако символ 4 был выбран всего лишь 5 раз и набрал 34 балла.

После того как были заполнены все опросные листы и составлены коллажи проводилась групповая дискуссия. Студентам было предложено ответить на вопрос кем могут быть, те люди, «портреты», которых они изобразили. В процессе дискуссии наиболее часто звучал ответ либо политики, либо бизнесмены. На вопрос могут ли быть этими людьми преподаватели – мнения разделись. С одной стороны было выражено мнение, что да, а с другой, что не все преподаватели. Однако выявить условия? при которых преподаватели могли бы быть людьми, оказывающими на студентов наибольшее влияние, выявить в ходе групповой дискуссии не удалось. Среди причин, повлиявших на невозможность выявления условий, мы можем назвать следующие: сам интервьюер был преподаватель (возможно студенты проявили вежливость в выражении своего мнения), из-за большого количества участников групповой дискуссии не было достаточного количества времени, чтобы качественно опросить каждого участника. В качестве третьей причины укажем недостаточность проработанности хода групповой дискуссии и предлагаемых вопросов.

Итак, подводя итоги результатам, полученным от первой группы, можно сделать вывод, что для студентов ведущие качества референтной группы определяются умением работать над собой, развиваться, в том числе постоянно повышая уровень своего образования, то есть увеличивая свой культурный капитал. Отмеченный ими высокий уровень символического капитала говорит о том, что «наработанный» культурный капитал должен быть признан другими членами общества, стать известным. Еще отметим, что успех в восприятии студентов ассоциируется с финансовым благосостоянием. Причем можно предположить, что финансовое благополучие достигается не получением заработной платы, а более «творческими или свободными» способами. Что следует преобладанием выбора символа 3, а не 4.

Следует отметить выбор значимости различных видов капитала, которыми должен обладать человек, оказывающий наибольшее влияние на студентов совпал по результатам заполнения опросного листа и составления коллажа не до конца. Бесспорным оказалось наличие культурного капитала, а вот значимость экономического капитала в заполнении опросного листа не нашла отражения. При составлении коллажа наличие экономического капитала было указано в числе «тройки лидеров». Выход социального капитала на второе место по количеству упоминаний вне зависимости от установленного ранга во время заполнения

опросного листа позволяет утверждать о значимости социальных связей для достижения высокого уровня символического капитала. А небольшое значение социального капитала в коллаже можно объяснить, во-первых, недостаточным количеством рисунков, отражающих этот вид капитала, во-вторых, отличной от нашей интерпретацией студентами предложенных рисунков.

Для второй группы требования исследования были изменены. Студентам было разрешено выбрать способ выражения своего мнения. Можно было заполнить опросный лист или сделать коллаж.

Заполнение опросного листа выбрали 13 респондентов (причем 8 из них вклеили в опросные листы рисунки для коллажа). Составление коллажа с размещением его на стрелковой мишени выбрали 10 студенток. Результаты второй группы оказались сопоставимы с результатами первой группой.

Результаты, полученные в ходе апробации инструментария, будут использованы для проведения фокус-групп со студентами средних профессиональных образовательных организаций. Фокус-группы планируется провести в 2-х колледжах Свердловской области. В процессе проведения фокус-групп планируется использование методики коллажа с последующим обсуждением результатов и сравнении, полученных результатов с результатами, полученными при апробации инструментария. Информация, полученная в ходе фокус-групп, станет основой для разработки анкеты и проведения анкетного опроса студентов профессиональных образовательных организаций Свердловской области.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.
2. Грачев Г. В. Индивидуальная социально-психологическая портретистика в комплексном изучении личности // Человеческий капитал. 2014. № 7(67). С. 114–119.
3. Закон Российской Федерации «Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Минюрова С. А. Представление об отношении полов у женщин разного социального статуса // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 57–65.
5. Немировский М. В., Прямикова Е. В. Символический капитал преподавателей как основа воспитания студентов профессиональных образовательных организаций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 32–43.
6. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Тертышникова А. Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456.
7. Токарев А. А., Кравчук И. Д., Бойко М. Ю., Ильинский Р. В. Социология российского образа будущего: предварительные результаты // Политические исследования. 2022. № 5. С. 117–36.
8. Тощенко Ж. Т. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 415 с.
9. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012. 576 с.

M. Nemirovskiy

METHODOLOGICAL AND METHODICAL ASPECTS OF RESEARCH THE TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL FUNCTION IN PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS: FIRST RESULTS

Abstract

The article discusses the results of testing the tools of empirical research of the importance of various forms of capital of teachers of professional educational organizations for the implementation of educational functions in interaction with students. The methodology of the research is based on the application of the

theoretical concept of P. Bourdieu's capitals to the implementation of the educational function in professional educational organizations. Sociographic method, collage method, group discussion with subsequent content and semantic analysis of the obtained results were used as research methods. The choice of these methods is due, firstly, to the weak development of the problem under study, and secondly, to the limitations imposed by traditional survey methods. The respondents of the approbation were first-year students at the university. Two groups of students took part in the approbation. The size of the groups was 23 and 20 people. As a result of the approbation, it was revealed that the reference group for students is individuals with a high level of cultural, symbolic and economic capital. In the framework of the group discussion, the students first noted politicians and businessmen as representatives of the reference group. The opinions of students regarding teachers, as representatives of the reference group for them, were divided. The result of the group discussion was the conclusion that teachers can be the people who have or can have the greatest influence on them. However, it was not possible to formulate the conditions under which teachers can act as a reference group for students in the process of group discussion. Which indicates the need to refine the tools. The testing of the tools made it possible to draw conclusions about the expediency of further use of the above methods (with some refinement) for conducting an empirical study of the transformation of the educational function in the system of secondary vocational education. The data obtained because of the approbation will be used to develop a group discussion (focus group) guide and a questionnaire survey of students of secondary vocational education institutions.

Keywords: professional educational organizations; educational function; teachers; students; forms of capital, symbolic capital; collage method, sociographic method; group discussion.

УДК 316

С. А. Петров

ДОВЕРИЕ К ВЫСШИМ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ

Аннотация

В публикации поднимается вопрос о доверии к высшим учебным заведениям. Цель статьи – охарактеризовать феномен доверия к университетам сквозь призму коммуникативного, институционального, общественного подходов. Обосновывается, что феномен доверия, в том числе доверия к вузам, может быть изучен с точки зрения различных теоретико-методологических подходов, в рамках которых сложился широкий спектр интерпретаций понятия доверия. Результаты исследования, представленные в статье, получены на основе обзора научной литературы – трудов российских и зарубежных социологов, философов и психологов, а также анализа данных исследований доверия, осуществленных российскими аналитическими центрами. Новизна исследования заключается в оценке различных теоретико-методологических подходов к исследованию доверия к вузам. Основные результаты исследования: 1. Характеристика доверия как нематериального актива. Она основа на представлении о доверии как факторе постоянной межвузовской конкурентной борьбы за абитуриентов, государственное финансирование и ресурсы стейкхолдеров, позиции в национальных и международных рейтингах. В такой ситуации университетам нужны новые инструменты повышения конкурентоспособности и формирования для этого нематериальных активов, среди которых доверие занимает центральное место. 2. Содержательная характеристика коммуникативного, общественного и институционального социологических подходов к исследованию доверия в целом и доверия к вузам, в частности. Практическая значимость исследования заключается в возможности определения теоретических основ для дальнейшего эмпирического исследования доверия к российским вузам.

Ключевые слова: доверие, доверие к высшим учебным заведениям, подходы к формированию доверия.

Среди проблем современного высшего образования появляются новые, которые ранее, в силу меньшей значимости, не вызывали у исследователей особого интереса. Одной из таких проблем стала проблема доверия к высшему образованию и университетам. Ее появление связано со снижением доверия россиян ко многим социальным институтам, в том числе и к высшему образованию. К основным причинам появления недоверия к высшему образованию можно отнести: неудачные реформы высшего образования; сокращение численности вузов и их филиалов; сокращение и ухудшение условий профессиональной деятельности НПС;

бюрократизация всех процессов в высшем образовании, включая сверхбюрократический контроль за основными процессами в нем; появление имитационности в них [5].

Между тем доверие является нематериальным капиталом вузов. П. Бурдые рассматривал его в качестве элемента социального капитала наряду с социальными сетями и социальными нормами [2]. Современные исследователи, вслед за П. Бурдые, полагают, что «социальный капитал – это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы» [6, с. 107].

О доверии как о социальном капитале также писал Ф. Фукуяма, полагая что оно выступает ключевой характеристикой развитого человеческого общества, проявляющейся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом) [10]. Именно доверие определяет прогресс общества, а не рыночные принципы и приверженность традициям.

С точки зрения Л. Д. Гудкова, доверие – это «социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность (шансы) того, что действия партнеров (а ими могут быть не только отдельные индивиды, но и социальные группа или институт) будут протекать в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанном на взаимных моральных или ценностных обязательствах, принуждении, обычаях, традициях, социальных конвенциях, идейных убеждениях, материальных интересах, общепринятых представлениях» [3, с. 20]

Среди западных социологов проблему доверия исследовал П. Штомпка. Он пришел к следующему пониманию рассматриваемого феномен: «доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» [11]. Исходя из этого, польский социолог считал, что доверие предполагает два основных компонента: особые ожидания (как поведет себя Другой в некой будущей ситуации) и уверенность в действии (ставка). По Штомпке, контекст доверия – не природные феномены, а человеческие действия, ориентированные на будущее. Доверие появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущего. Иными словами, нам необходимо доверие, если у нас нет полного контроля над будущими событиями, которые зависят от действий человеческих существ.

Рассмотренные работы классиков социологии служат теоретической основой социологического изучения доверия к вузам. Проблема доверия к вузам в российском контексте актуализируется тем обстоятельством, что все университеты находятся в жесткой конкурентной среде. Между ними происходит борьба за абитуриентов, государственное финансирование и ресурсы стейкхолдеров, позиции в национальных и международных рейтингах. В такой ситуации университетам нужны новые инструменты повышения конкурентоспособности и формирования для этого нематериальных активов.

В рамках данной работы мы рассматриваем несколько подходов к пониманию формирования доверия: коммуникативный, институциональный, общностный.

Коммуникативный подход (или коммуникативная парадигма) в общем понимании предлагает понимать коммуникацию как процесс, основанный на принципе взаимообучения. Последний реализуется, когда несколько социальных субъектов, осознающих свои потребности, обмениваются достижениями для оперативного распространения и применения полученных ими новых сведений, знаний и технологий. Здесь можно выделить следующее противоречие относительно доверия: знание, полученное одним из субъектов, в процессе коммуникации с другим субъектом может оказать на доверительные отношения как положительное, так и отрицательное влияние: «Чем больше мы знаем о другом субъекте коммуникации, тем больше мы ему доверяем» и наоборот, «Чем больше мы знаем о другом субъекте коммуникации, тем меньше мы ему доверяем».

Если социальное взаимодействие завершилось для одного из субъектов отрицательным эффектом, обманом его ожиданий и/или другим нарушением моральных или ценностных обязательств, то это будет означать потерю доверия. Самым простым примером является коммуникация студента и вуза в течение процесса обучения. Поступая в вуз, студент ожидает

получение востребованной на рынке специальности, необходимых навыков, обеспечивающих в итоге успешное трудоустройство в выбранной профессиональной сфере. Однако, согласно данным исследования Career.ru, среди выпускников вузов только 30% российских специалистов работают по специальности, которую они получили в учебном заведении; профессиональная деятельность 40% отечественных работников никак не связана с полученным образованием, а 23% трудоустроены в смежной сфере. По данным того же исследования, доля респондентов, удовлетворенных своей нынешней работой, напрямую зависит от того, соответствует ли их образование занимаемой должности: своей работой довольны 50% участников опроса, работающих по специальности, и всего 35% респондентов, выполняющих работу, не связанную с профессией, полученной в вузе [9].

Таким образом, в коммуникации студента (или абитуриента) и вуза было нарушение, вследствие которого студенты как субъект коммуникации не получили от вуза той услуги, за которой они пришли. Так как именно результат взаимодействия является критерием оценки, то такая ситуация является причиной для появления недоверия.

Ключевым положением *институционального подхода* является анализ социальных институтов, учёт различных факторов, влияющих на взаимодействие социальных общностей и институтов. Согласно этому подходу, существует так называемое институциональное доверие к высшему образованию. Поскольку образование – это один из социальных институтов, то благодаря названному подходу мы можем рассматривать доверие и как институциональный феномен.

В последние годы в общероссийских исследованиях доверие к высшему образованию как институту практически не замерялось. Однако С. Б. Токарева и О. В. Голубь рассматривали эту проблему на основании данных ВЦИОМа за 2011–2013 гг. В числе прочего эти данные подтверждают наличие высокого уровня доверия в целом к образованию. Авторы отмечают высокий уровень доверия к образовательной системе в сравнении с другими институтами. При замерах доверие к образованию неизменно занимает самые высокие позиции, а уровень доверия к университетам имеет показатель выше среднего. С. Б. Токарева и О. В. Голубь высказали мнение о том, что основной причиной такого высокого уровня доверия является специфика самой образовательной деятельности: «невозможно получать знания, если между учителем и учеником, преподавателем и студентом нет доверия и доброжелательности, если преподаватель не обладает авторитетом, а высокая критичность и конфликтность участников процесса обучения делают невозможными кооперацию, сотрудничество и взаимопонимание» [8, с. 1862]

Таким образом мы понимаем, что доверие к высшему образованию на фоне доверия к прочим институтам всегда остаётся высоким. При этом, если мы обсуждаем доверие именно к институту образования в отрыве от других институтов, то исследования ВЦИОМа за 2016–2021 гг. показывают следующее. В 2021 г. треть (31%) россиян оценивали систему образования как хорошую или отличную (в 2016 г. – 33%). В 2021 г. считали российское образование посредственным 42% по сравнению с 41% в 2016 г. Только один из пяти опрошенных (21%) в 2021 г. считал его плохим или очень плохим. Это значение идентично срезу пятилетней давности (20%) [7].

Прежде чем говорить об *общественном подходе* в исследовании доверия к высшему образованию, стоит сказать о том, что такое социальные общности. По мнению Г. Е. Зборовского, социальные общности определяются наличием: социальной связи и взаимодействия между людьми, в них находящимися и идентифицирующими себя с этими общностями; ряда общих черт жизни и деятельности членов социальных общностей; экономических, социальных, политических, культурных, символических ресурсов; социальной солидарности между членами общностей [4].

По сути, социальная общность выступает соединительным механизмом для личности и общества. Понимание этого механизма позволяет нам охарактеризовать общество, которое для обывателя в его повседневной жизни является абстракцией. Но на самом деле это понятия позволяет нам определить возможности включенности человека в различные процессы через

призму различных социальных общностей и участие в их жизнедеятельности. Общностный подход является социологическим подходом, изучающим социальное поведение и действия социальных общностей, их взаимодействия и взаимовлияния.

Исходя из этого подхода, доверие можно рассматривать как результат взаимодействия как внутри общности, так и между различными общностями. Все эти общие положения касаются и доверия внутри вузовских общностей, так и социальных общностей, находящихся вне его, к высшему образованию в целом и университету, в частности.

Исследование П. А. Амбарово́й, Н. В. Шаброво́й и С. Г. Ермолаево́й показало, что в связи с фрагментацией академического сообщества, вызванного реформированием высшей школы, внутри общности преподавателей вузов вопрос доверия стоит достаточно остро. Исследователи определили, что количество преподавателей, которые доверяют коллегам, имеет широкий разброс по разным группам и организациям – от 40% до 80% [1].

При таком уровне доверия в среде преподавателей могут страдать доверительные отношения со студентами, методическими работниками кафедр, деканатов, управленческих структур. Вузы рискуют оказаться в ситуации, в которой уровень доверия будет снижаться в каждой из озвученных общностей.

Таким образом, общностный подход для данной проблемы является продуктивным, так как он позволяет изучать доверие внутри каждой вузовской общности и между ними. Данный подход также позволяет осмысливать различные управленческие практики, направленные на повышение уровня общностного доверия.

В заключении отметим, что многообразие теоретико-методологических подходов к изучению доверия к вузам говорит о сложности данного феномена, его многоаспектности. Несмотря на то, что доверие само по себе не осязаемо, тем не менее, оно проявляется в социальной реальности в самых разных формах, порой принимающих вполне объективированные, видимые формы.

Теоретические подходы, рассмотренные в нашей статье, не противоречат друг другу и могут быть взаимодополнительными, что повышает качество исследования разных видов и уровней доверия в высшем образовании. Безусловно, могут быть найдены и другие подходы. Среди них можно назвать символический интеракционизм, согласно которому доверие есть некий символ человеческих отношений, позволяющий судить об их устойчивости, воспроизводстве в символических системах и с помощью символических механизмов взаимодействия.

Литература

1. Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Ермолаева С. Г. Доверять ли коллегам? К вопросу о внутриобщностном доверии преподавателей высшей школы // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 3. С. 11–21.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74.
3. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. Т. 112. № 2. С. 8–47.
4. Зборовский Г. Е. Социальные общности и их временные характеристики // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1. С. 148–158.
5. Зборовский Г. Е. Понятие и структура доверия в высшем образовании // Вестник СурГПУ. 2018. № 2. С. 78–84.
6. Зеленев И. А., Прихода В. А. Доверие и высшее образование // Философские науки. 2016. № 10. С. 107–115.
7. Образование в России: востребованность, доступность, качество // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovannost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 08.04.2023).
8. Токарева С. Б., Голубь О. В. Институциональное доверие в образовательном пространстве // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1860–1863.

9. Трудоустройство по специальности // HeadHunter. URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/article/21826> (дата обращения: 08.04.2023).

10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.

11. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.

S. Petrov

TRUST IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Abstract

The publication raises the issue of trust in higher education institutions. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of trust in universities through the prism of communicative, institutional, community-based approaches. It is proved that the phenomenon of trust, including trust in universities, can be studied from the point of view of various theoretical and methodological approaches, within which a wide range of interpretations of the concept of trust has developed. The results of the research presented in the article are obtained on the basis of a review of scientific literature – the works of Russian and foreign sociologists, philosophers and psychologists, as well as an analysis of the data of trust studies carried out by Russian analytical centers. The novelty of the research lies in the evaluation of various theoretical and methodological approaches to the study of trust in universities. The main results of the study: 1. Characteristics of trust as an intangible asset. It is based on the idea of trust as a factor of constant interuniversity competition for applicants, state funding and stakeholder resources, positions in national and international rankings. In such a situation, universities need new tools to increase competitiveness and form intangible assets for this, among which trust occupies a central place. 2. Substantive characteristics of communicative, community and institutional sociological approaches to the study of trust in general and trust in universities, in particular. The practical significance of the study lies in the possibility of determining the theoretical foundations for further empirical research of trust in Russian universities.

Keywords: trust, trust in higher education institutions, approaches to the formation of trust.

УДК 378

Т. М. Резер

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Изучению неопределенностей в педагогической практике уделяется недостаточное внимание учеными разных специальностей. Технологические неопределенности в профессиональной деятельности педагога практически не изучены. Разработана классификация технологических неопределенностей педагогической практики. Установлено, что только 17,4% преподавателей считают, что имеют достаточную цифровую компетентность, чтобы быть технологически активным.

Ключевые слова: образование, цифровизация, педагогическая практика, неопределенности, технологические неопределенности.

Пандемия COVID-19 ускорила внедрение в высшей школе ряда процессов в сфере цифровизации образования, реализация которых еще некоторое время назад находилась в стадии обсуждения, осмысления и критического анализа. Например, дистанционное обучение в цифровой образовательной среде, обсуждаемое в России в течение последних 20 лет, стало реальностью в апреле 2020 г. В результате обучение в онлайн-формате дало большой материал для исследования последствий тотального перехода от классических форм образования к инновационным формам обучения в цифровой образовательной среде.

Часть исследователей отмечает, что резкий переход системы образования на дистанционные и цифровые форматы стал настоящим шоком для всех участников образовательного процесса и имел для каждого из них разные последствия [1; 2]. Приводятся данные, что одномоментно около 1,5 млн российских школьных учителей и преподавателей разных университетов, а также 16 млн школьников и 7 млн студентов оказались за границами

привычной классно-урочной формы обучения перед лицом неизвестности в виртуальном образовательном пространстве [3; 4].

Неизвестность можно определить как неопределенность, появившуюся в цифровой образовательной среде. Дефиниции понятия «неопределенность в цифровой образовательной среде» так и не были найдены в исследованиях, посвященных изучению разных аспектов цифровизации образования.

Основной вопрос, который в настоящее время стоит и исследуется педагогическим сообществом, заключается в том, как интегрировать опыт педагогической деятельности и лучших практик традиционной школы в цифровую образовательную среду и включить возможности цифрового образования в классическую классно-урочную систему обучения. Поставленный вопрос в исследовании включает в себя также нахождение следующих решений: как расширить возможности живого общения всех субъектов образовательных отношений в цифровой образовательной среде; не придется ли в будущем педагогам бороться с новыми проявлениями понимания речи и ее формами деградации.

К наиболее серьезным последствиям перехода на цифровое обучение в полном объеме А. А. Вербицкий относит следующие обстоятельства:

1. Риск деградации речи, а вместе с ней и мышления, поскольку оно совершается в речи, которая в цифровом обучении редуцируется до нажатия пользователем на буквы клавиатуры компьютера.

2. Неспособность «цифры» осуществлять функцию воспитания [5], в то время как воспитание является встроенной в образовательный процесс функцией и составляет единство и целостность всего этого процесса.

Цифровая образовательная среда – это цифровое пространство, состоящее из открытой совокупности информационных и цифровых систем, которые объединяют всех участников образовательного процесса – администрацию университета, преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, а также органы публичного управления образованием.

В широком смысле слова цифровая образовательная среда – это результат государственной политики в сфере образования, а с другой стороны – это новация в профессиональной педагогической деятельности, которую преподавателю необходимо было освоить в кратчайшие сроки в виду введения карантина в период пандемии COVID-19. Следовательно, цифровую образовательную среду можно признать в качестве ситуации неопределенности в профессиональной деятельности преподавателя в условиях высшей школы.

Типология ситуаций неопределенности, возникающих в профессиональной педагогической деятельности в цифровой образовательной среде, специально в педагогической науке не рассматривалась. Однако есть исследования, в которых ситуации неопределенности в профессиональной деятельности преподавателя наделяют такими характеристиками, как новизна, противоречивость, сложность, множественность возможностей выбора и решений, непредсказуемость. Такие сложные характеристики неопределенности приводят к невозможности сформулировать четко и обоснованно прогнозы развития, неизвестности, вероятности события, а также понимания и отсутствия причинно-следственных закономерностей в происходящих событиях.

В отечественных и зарубежных исследованиях выделяются характеристики неопределенности, которые можно классифицировать следующим образом:

- ситуация неопределенности как ситуация с неизвестными переменными;
- ситуация, предполагающая неопределенность стимула и необходимость его вычленения из множества подобных стимулов;
- ситуация, которая в субъективном сознании индивида строго не детерминирована ни в способах решения, ни в искомом результате;
- ситуация смыслового абсурда, предполагающего вовлечение испытуемых в деятельность, цель которой им не известна;
- ситуация принципиальной неизвестности будущего;

– ситуация как неконтролируемая субъективная невозможность управлять развитием событий, противостоять неожиданностям, предугадывать их.

Таким образом, понятие «неопределенность в цифровой образовательной среде» включает в себя ситуацию неопределенности с неизвестными переменными, с которыми сталкивается преподаватель при осуществлении профессиональной деятельности в виртуальном классе цифрового образовательного пространства, а также его психолого-педагогическую реакцию на результаты учебной деятельности.

Тогда возникает закономерный вопрос: что представляют собой эти самые неопределенности с неизвестными переменными в учебной деятельности преподавателя, с которыми он сталкивается в виртуальном классе? Типология ситуаций неопределенностей в цифровой образовательной среде представлена на рис. 1.

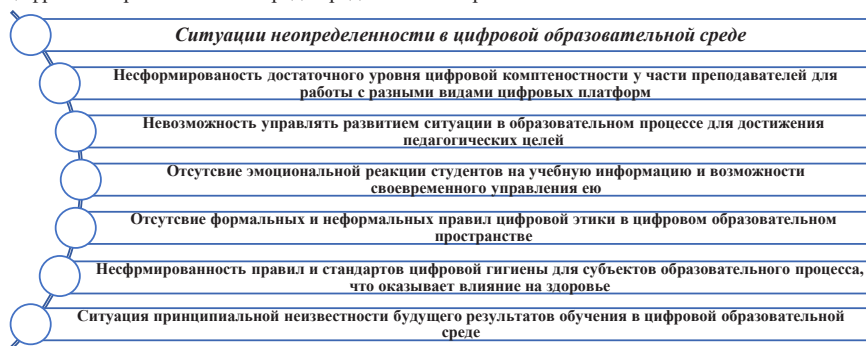

Рис 1. Типология ситуаций неопределенностей в цифровой образовательной среде

В 2022 г. нами разработана классификация *технологических неопределенностей педагогической практики* в условиях цифровизации образования. В качестве основных характеристик классификации стали: принадлежность к профессиональной образовательной деятельности и их цифровое обеспечение. Предложенная классификация включает:

1. Неопределенности технологического характера при осуществлении педагогической деятельности преподавателей университета в условиях цифровизации образования.
2. Неопределенности в эмоциональном контакте между участниками образовательного процесса, распространение клипового мышления среди студентов [6].
3. Неопределенности при самореализации преподавателя в управлении собственной педагогической деятельностью в виртуальной среде и бесконтактной передаче информации.
4. Неопределенности в овладении цифровыми дизайн-ресурсами педагогической деятельности и ее оформлении.
5. Неопределенности в личностном росте преподавателя в цифровой образовательной среде.
6. Неопределенности в трансформации функций педагогической деятельности и формировании у преподавателя соответствующего уровня цифровой компетентности, достаточного для работы в цифровой образовательной среде.

В результате проведенного анализа педагогической практики становится понятно, что неопределенности, возникшие в цифровой образовательной среде, могут носить как универсальный характер, так и индивидуальный характер. Некая универсальность ситуации неопределенности в цифровой образовательной среде обусловлена единообразием цифровых платформ и цифровых ресурсов, с которыми работают преподаватели университетов, что требует от них постоянного повышения своей цифровой компетентности.

Метод анкетирования использован для выявления отношения преподавателей высшей школы к профессиональной деятельности в условиях неопределенности и изучения внедрения цифровых технологий в сферу высшего образования. Анкетирование прошли 139 преподавателей разных вузов г. Екатеринбурга. Средний их возраст – 46,5 лет. Респондентам было предложено оценить технологический аспект цифровизации и собственный уровень сформированности цифровой компетентности.

Технологический аспект неопределенности связан с цифровой компетентностью преподавателей, на что указали 84% респондентов. Текстовые инструкции по установке и эксплуатации цифровых образовательных платформ и сервисов не являются тем инструментом, который бы предоставил подробную и четкую информацию, способствующую развитию цифровых компетенций. На этот факт указали 78% преподавателей. Так 82,6% респондентов отнеслись к себе критически, отмечая у себя недостаточный уровень сформированности цифровой компетентности, и высказались за прохождение обучения с цифровыми ресурсами, обеспечивающими передачу учебной информации в цифровой образовательной среде, чтобы иметь технологическое преимущество в профессиональной деятельности.

Литература

1. Симонова М. М. Проблемы и перспективы коммуникации в современном образовании // Проблемы современного образования. 2019. № 1. С. 9-16.
2. Мартышенко С. Н. Влияние Интернета на формирование коммуникативной среды современной молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 185-189. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0044.
3. Rezer T. M. Historical and pedagogical analysis of the process of global digitalization of education // International Scientific and Practical Conference: Information Technologies in Education: Psychology, Pedagogy, Defectology (ITE-2021). (March 28-29 2021, Rostov-on-Don, Russian Federation): E3S Web of Conferences. Vol. 273. No. 12036. DOI:10.1051/e3sconf/202127312036.
4. Болотова А. К. Человек в ситуации неопределенности. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2007. 278 с.
5. Вербицкий А. А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Homo Cyberus. 2019. № 1(6) [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy> (дата обращения: 05.02.2023).
6. Кузнецова Е. В., Резер Т. М. Клиповое мышление как фактор изменения образовательных технологий в высшей школе // Акмеология профессионального образования: материалы 14 Всероссийской научно-практической конференции (14–15 марта 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2018. С. 367-370.

T. Rezer

TECHNOLOGICAL UNCERTAINTIES OF PEDAGOGICAL PRACTICE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Abstract

Insufficient attention is paid to the study of the uncertainty of pedagogical practice by scientists of different specialties. The technical uncertainty of the teacher's professional activity has not been practically studied. A classification of technical uncertainties in educational practice has been developed. It turns out that only 17.4% of teachers believe that they have enough digital skills to be technically active.

Keywords: education, civilization, pedagogical practice, unjustified, technological unjustified.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧИТЕЛЬСТВО КАК НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация

В статье раскрываются противоречия современного образования, которые превращаются в барьеры на пути профессионального развития педагогов. Профессия учителя специфична и требует от человека непрерывного самообразования. Педагогу необходимо быть компетентным во многих областях знаний. В обучающихся нужно формировать не только предметные компетенции, но также метапредметные и личностные качества. Для этого важно осознавать необходимость и полезность профессионального развития, понимать зоны профессионального роста для осуществления эффективной педагогической деятельности. В то же время, несмотря на осознание необходимости и полезности профессионального развития, наличие условий, созданных для этого государством, сегодня наблюдается кризис данного развития.

Ключевые слова: педагоги, проблемы образования, профессиональное развитие, современное образование, учительство.

Сфера образования сегодня подвергается реформированию. В первую очередь изменения происходят на уровне государственном, с точки зрения законодательства, которое регулирует вопрос образования в стране. Большое внимание стало уделяться ключевому субъекту образовательного процесса – педагогу и его профессиональному развитию. Государство заинтересованно в компетентных педагогических кадрах, профессиональная деятельность которых отвечает современным потребностям общества и государства. Модернизация системы образования сегодня невозможна без повышения профессиональных компетенций педагогов.

Профессиональное развитие педагога продолжается в течение всей педагогической деятельности. Рассмотрим подробнее понятия «профессиональное развитие», представленное в работах отечественных исследователей.

Профессиональное развитие – это зона ответственности самого человека. В этой связи исследователи М. В. Дружинина и А. Н. Загороднюк понимают профессиональное развитие как сознательную деятельность, направленную на повышение качества и объема знаний, умений и навыков [5, с. 248].

Определение профессионального развития как сознательной деятельности человека отражено в работе Н. В. Саратовцевой и И. Р. Дасаевой. Но авторы добавляют, что такая деятельность позволяет сохранить и расширить качество своих знаний, навыков, умений, личностных черт для достижения результатов в трудовой деятельности [7, с. 118].

По мнению Л. М. Митиной, профессиональное развитие учителя – это рост, становление, интеграция и реализация в педагогическом труде профессионально значимых личностных качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, но главное – это активное качественное преобразование учителем своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его строю и способу жизнедеятельности [6].

П. Г. Щедровицкий рассматривает профессиональное развитие педагога «как процесс направленных, закономерных личностных и деятельностных изменений, проявляющихся в способности профессионала (человека, владеющего определенной технологией деятельности) изменять собственную деятельность за счет смены средств деятельности» [9, с. 80–82].

Таким образом, профессиональное развитие – процесс внутренних и внешних изменений педагога как профессионала. Это качественный рост личностных и профессиональных характеристик.

Вопрос профессионального развития нашел свое отражение в нормативно-правовых документах, а также в документах стратегического планирования образования в Российской Федерации.

В рамках данного направления был разработан и утвержден Национальный проект «Образование» [1]. Обеспечение возможности профессионального развития и обучения педагогов стало одной из приоритетных задач проекта. Национальный проект включает в себя ряд узконаправленных проектов в сфере образования. Среди таких проектов интересным представляется Федеральный проект «Современная школа» [3], которой направлен не только на обеспечение возможности получения общего образования всем детям независимо от места проживания, но и на обеспечение возможности профессионального развития педагогических работников.

Большим шагом по обеспечению возможности профессионального развития педагогов стало внедрение национальной системы профессионального роста, которая включает в себя национальную систему учительского роста [2]. Данная система учительского роста разработана с целью точной дифференциации качества образования и представляет собой новую форму аттестационных процедур педагогических работников. Модель данной системы состоит из множества блоков, которые направлены на мотивацию педагогов к профессиональному развитию. К таким блокам относятся: профессиональные конкурсы, являющиеся не только разовыми мероприятиями, но и целенаправленной работой до, вовремя проведения конкурса и после его проведения, наградная система, профессиональная поддержка молодых педагогов, введение новых должностей, таких как «педагог-методист» и «педагог-наставник».

Вопрос мотивации является одним из ключевых в процессе профессионального развития. Именно низкий уровень мотивации на педагогический труд выступает одним из факторов на пути профессионального развития педагога. Современное образование находится в стадии преобразования, и от педагога требуется максимально использовать собственный потенциал и внедрять инновационные способы и методы обучения. Для этого необходима система моральных и материальных стимулов, которая поможет сохранить в школе лучших учителей, а также пополнить образовательные организации новыми педагогическими кадрами.

В данном случае речь не только о материальном стимулировании педагогического труда, которое, конечно, является доминирующим, но и о комплексе моральных стимулов: создание условий успеха работника, возможность выбора индивидуального образовательного маршрута, поддержка инициатив педагога. Все это необходимо для формирования положительного отношения к своей профессиональной деятельности, оказания помощи в осознании ценности своего труда.

Складывание такой системы мотивации в рамках образовательной организации, включающей материальное и моральное стимулирование, которое в свою очередь удовлетворяет потребности педагога, положительно влияет на процесс профессионального развития учителя.

Важную роль играет статус образовательной организации на процесс профессионального развития. Высокий статус школы оказывает позитивное влияние на актуализацию внутренней мотивации педагога [8, с. 37]. При этом педагогу приходится прикладывать большее количество усилий ввиду того, что он чувствует ответственность перед своим руководством и перед коллективом. Руководителю образовательной организации необходимо создавать условия для внутренней мотивации педагога, отвечающие потребностям в профессиональном развитии, поддерживая его стремления и инициативы, создавая ситуации выбора.

Несмотря на принятые и реализуемые федеральные проекты, направленные на поддержку и развитие школ; введение системы наставничества, новой системы аттестации педагогических работников, остается ряд проблем, требующих решения. А. Б. Берзин выделяет следующие ключевые проблемы российского учительства [4, с. 328]:

1. дальнейшая бюрократизация системы образования,
2. дифференциация школ по «статусу»,
3. снижение престижности учительской профессии, ее «феминизация»,

4. уменьшение доли молодых учителей.

Необходимо сказать о немаловажной проблеме профессионального и эмоционального выгорания учителей. Педагогический труд относят к числу наиболее напряженных видов труда в эмоциональном плане. Для профессии учителя характерно наличие высокого уровня информационного и эмоционального стресса. В связи с этим актуальной задачей современной школы можно назвать сохранение психического здоровья профессиональных кадров.

Профессия учителя специфична и требует от человека непрерывного самообразования. Необходимо быть компетентным по широкому кругу вопросов, касающихся не только своей предметной области. В обучающихся нужно формировать не только предметные компетенции, но и метапредметные и личностные. Для этого важно осознавать необходимость и полезность профессионального развития, понимать, собственные зоны профессионального роста для осуществления эффективной педагогической деятельности.

Но несмотря на осознание необходимости и полезности профессионального развития, наличие условий, созданных государством, сегодня наблюдается кризис данного развития. Исследователи в своих работах в качестве основных проблем профессионального развития отмечают высокую степень загруженности основной работой, острый дефицит свободного времени, профессиональное и эмоциональное выгорание, низкий уровень мотивации на педагогический труд. Вышеуказанные проблемы выступают барьерами на пути удовлетворения потребностей в профессиональном развитии.

В процессе профессионального развития большую роль играет конкретная образовательная организация, где педагог осуществляет свою деятельность. В первую очередь руководитель образовательного учреждения создает необходимые условия для профессионального развития каждого педагога. Именно на уровне организации определяются потребности педагога в профессиональном развитии и создаются первичные условия для их удовлетворения. Здесь же исследователи отмечают роль статуса образовательной организации, который оказывает влияние на профессиональное развитие, а также управление таким развитием. Высокий статус образовательного учреждения оказывает положительное влияние на внутреннюю мотивацию педагога и побуждает руководителя активно способствовать процессу профессионального развития педагогических кадров организации.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 19.03.2023 г.).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. № 3273-р «Об утверждении основных принципов национальной системы профессионального роста педагогических работников РФ, включая национальную систему учительского роста». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73284005/> (дата обращения: 19.03.2023 г.).

3. Приложение к протоколу заседания проектного комитета по основному направлению стратегического развития Российской Федерации от 07 декабря 2018 г. № 3 «Паспорт федерального проекта «Современная школа». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58894> (дата обращения: 19.03.2023 г.).

4. Берзин А. Б. Профессиональная общность «учительство» в условиях трансформации российского образования // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 18–19 апреля 2022 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2022. Т. 1. С. 328–333.

5. Дружинина М. В., Загороднюк А. Н. Способы профессионального развития педагога // KANT. 2019. № 4 (33). С. 247–251.

7. Митина Л. М. Психология профессионального развития. М.: Изд-во Просвещение, 1998. 427 с.
8. Саратовцева Н. В., Дасаева И. Р. К вопросу о толковании понятий «управление», «профессиональное развитие», «управление профессиональным развитием педагога» // Сборники конференций НИЦ СОЦИОСФЕРА. 2021. № 10. С. 118–120.
9. Собкин В. С. К вопросу о профессиональном развитии педагога: повышение квалификации и членство в педагогических сообществах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 20–40.
10. Щедровицкий П. Г. Очерки философии образования. М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. 154 с.

Y. Smirnova

PROFESSIONAL TEACHERING AS A SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROBLEM

Abstract

The article reveals the contradictions of modern education, which turn into barriers to the professional development of teachers. The profession of a teacher is specific and requires continuous self-education from a person. The teacher needs to be competent in many areas of knowledge. In students, it is necessary to form not only subject competencies, but also meta-subject and personal qualities. To do this, it is important to be aware of the need and usefulness of professional development, to understand the areas of professional growth for the implementation of effective teaching activities. At the same time, despite the awareness of the need and usefulness of professional development, the existence of conditions created for this by the state, today there is a crisis of this development.

Key words: teachers, problems of education, professional development, modern education, teaching.

УДК 316

К. П. Трефилов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация

Статья посвящена общественным научным коммуникациям (ОНК) как социальному феномену. В ней раскрывается проблема ограниченности научных коммуникаций, развивающихся исключительно внутри академического сообщества как вид профессионального общения. В таких коммуникациях научное знание не выходит за пределы профессионального сообщества, а научные достижения не могут быть оценены и признаны широкой общественностью. Данное обстоятельство негативно сказывается на уровне научной грамотности населения и качестве его человеческого капитала. Актуальность темы статьи обусловлена расширением в современном обществе практик популяризации научного знания за счет публичной активности ученых, педагогов, журналистов, университетов, академических институтов, просветительских общественных организаций. В статье дается трактовка понятия ОНК как процесса диссеминации научного знания в неакадемической среде с целью его понимания и использования неспециалистами. Показано, что развитие ОНК происходит в контексте изменяющегося мира науки – в условиях появления «открытой науки» (Open Science), разрушения «академического монастыря», гибридизации и медиатизации института науки и др., трансформации науки как общественной идеологии (сциентизация, десциентизация, антисциентизация общества), появления и диффузии «научных страхов». Практическая значимость исследования связана с развитием социологического знания об ОНК. Полученные результаты могут быть использованы как теоретический для дальнейших исследований в данной области. Кроме того, они будут полезны для выявления и разрешения противоречий развития ОНК, поиска способов повышения продуктивности ОНК в образовательной среде.

Ключевые слова: общественные научные коммуникации, научные коммуникаторы, научное знание, популяризация научных знаний.

Данная статья ставит своей целью изучение общественных научных коммуникаций (ОНК) как социального феномена. Это послужит обоснованием таких моделей ОНК, которые позволят в условиях перехода к обществу знания полно раскрыть потенциал данного вида научных коммуникаций как способа превращения научного знания в реальный ресурс ее социального, экономического и технологического развития, а также привлечения талантов в сферу науки и разработок.

Однако для современной академической среды характерен ряд проблем, среди которых наиболее важно выделить циркуляцию научного знания субго внутри академического сообщества. Нередко научное знание оказывается «запертым» внутри отдельных академических групп или всего научного сообщества в целом. Так, например, результаты многочисленных исследований публикуются лишь спустя определенное время, когда их актуальность хотя и незначительно, но все же оказывается сниженной. Более того распространены случаи, когда научное знание не доходит до конечного пользователя – широкой общественности или отдельного человека.

Однако существует и иная точка зрения на проблему изоляции академического сообщества. В корпоративном издании НИУ ВШЭ «Окна Роста» В. Вахштайн приводит следующее высказывание: «Наука – это не система коммуникации, а система влияния. Вы либо источник влияния, либо проводник влияния, либо объект влияния. Если на вас ничего не влияет, и вы ни на что не влияете – можете хоть умереть в процессе коммуникации с коллегами, переезжая с одной конференции на другую, но это не сделает вас частью сообщества. Потому что академические сообщества, или эпистемические клубы, – суть коллективные агенты влияния, а потому никакая изоляция тут невозможна: если вы изолированы – вас не существует. Да, можно говорить об асимметричности влияния. О центрах и перифериях. О несправедливости односторонней трансляции идей. Но такова (академическая) жизнь» [1].

На наш взгляд, данная позиция является спорной, поскольку судить об изолированности академической среды лишь по сложившейся внутри академической среды конъюнктуре не совсем рационально. Как минимум по причине того, что данный подход является частным случаем «систематической ошибки выжившего». Говоря об изоляции, уместнее посмотреть несколько шире на данную проблему, а именно – на проблему изоляции научного знания от широкой общественности. Это является прямым следствием как ограниченности самих научных коммуникаций, так и наличием недоверия к науке и ее невысокому статусу в обществе. Согласно результатам опроса Циркона в 2021 г., примерно 40% россиян считают науку непрестижной, 34% – неуважаемой профессией, 26% не доверяют российским ученым и той информации, которую они транслируют [8] По данным ВЦИОМа, в том же году 38% наших соотечественников не интересовались достижениями науки, при этом общественный интерес к ним имел тенденцию снижения с начала 2010-х гг. [2].

В сложившемся социальном контексте решить данную проблему, на наш взгляд, представляется возможным за счет развития концепции общественных научных коммуникаций (ОНК). ОНК – это процесс эффективной диссеминации научного знания вне академической среды с целью его понимания и использования на практике неспециалистами.

Рассматривая концепцию ОНК как социального феномена, следует подчеркнуть, что на практике, в условиях становления общества знания, данный процесс реализуется в публичной деятельности ученых, популяризаторов науки, научных журналистов, на организационном уровне – университетов, академических институтов, просветительских общественных организаций. Важным отличием модели ОНК от профессиональных научных коммуникаций является то, что взаимодействие происходит не только между учеными, внутри академического сообщества, но и выходит за его пределы. Устанавливается эффективная и постоянная связь между академической средой, с одной стороны, и широкой общественностью, с другой. В этом смысле модель ОНК похожа с концепцией так называемой гражданской науки (Citizen Science). Только при таком подходе ОНК могут быть использованы как возможный инструмент повышения научной грамотности и качества

человеческого капитала молодежи. В этом контексте наше определение модели ОНК близко по смыслу с интерпретацией А. А. Кожанова «модели участия».

«Модель участия», или партисипаторная модель, представляет собой совершенно равноправное сопроизводство научного знания учеными и представителями публики. Она приводит к такому состоянию разделения интеллектуального труда, которое в ряде текстов называется «научные граждане». С точки зрения истории науки, это довольно яркое и ироничное завершение идеи М. Мерсена о «Республике ученых», когда единственное, чем может быть уравновешена диктатура ученых из времен «модели дефицита», это участие людей с-улицы, которые должны принести в науку демократию, социальную ответственность и равенство» [3, с. 13–16].

Само развитие ОНК происходит в контексте изменяющегося мира науки. Можно проследить явный курс на учреждение более доступной «открытой науки» (появление платформы Open Science) [4], упрощающей как сам процесс публикации научных исследований, так и способствующий их распространению.

Данное обстоятельство может свидетельствовать о разрушении так называемого «академического монастыря». Знание постепенно выходит из закрытой академической среды. Этому также способствуют гибридизация и медиатизация института науки, что проявляется в возникновении собственных информационных площадок высших учебных заведений. Примером служат упомянутые ранее «Окна роста» НИУ ВШЭ. Сюда же относится публичная деятельность ученых и педагогов в рамках популяризации науки, когда они публикуются на данных площадках либо выступают в качестве приглашенных специалистов в публикациях таких популярных интернет-изданий, как Постнаука, Arzamas и др.

В то же время имеются барьеры и трудности распространения научного знания в обществе. К ним можно отнести «научные страхи» (боязнь за последствия научных открытий), яркой реакцией на которые является деятельность международного «Пагуошского движения ученых», учрежденного в 1955 г. после «Манифеста Рассела – Эйнштейна» и удостоившегося Нобелевской премии в 1995 г. [5].

Все это свидетельствует о полноценной трансформации науки как общественной идеологии, наличии противоречивых тенденций, с одной стороны, сциентизации, а с другой – десциентизации общества.

Говоря о перспективах развития концепции ОНК в России, стоит подчеркнуть следующее. Помимо описанных выше трансформаций данный процесс осложнен невысоким статусом науки в обществе, о чем свидетельствуют упомянутые ранее данные Циркон и ВЦИОМ, а также активным распространением в информационной среде «фейковых новостей» (fake news), псевдонаучного знания, появлением так называемой «пост-правды».

А. Ю. Гарбузник приводит такую трактовку феномена «пост-правды»: постправда – это феномен, «...относящийся к или указывающий на обстоятельства, в которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям (граждан)» [7, с. 184–192]. На наш взгляд, описанные выше деструктивные тренды становится возможным преодолеть за счет внедрения сильных и эффективных моделей ОНК. Необходимым условием для возникновения таких моделей ОНК является преодоление недоверия со стороны общества к науке и ученым, установление полноценной взаимосвязи и кооперации между представителями широкой общественности и академической средой.

Это в свою очередь становится возможным при наличии высококлассных специалистов – профессиональных научных коммуникаторов, которые смогут выступать в роли посредника между академической средой и обществом. При этом стоит подчеркнуть существенное различие между профессиональными научными коммуникаторами и простыми популяризаторами науки. Оно заключается в том, что научный коммуникатор в первую очередь профессионал, деятельность которого направлена на развитие науки в целом, а не просто на обыкновенное распространение научного знания.

Этот человек должен быть специалистом, обладающим высоким уровнем компетенций, не уступающим профессиональному ученому. Но при этом он должен быть способным донести научную информацию в доступной форме для потенциальной аудитории с минимальными искажениями, чтобы не возник эффект так называемого «глухого телефона». С позиций теории коммуникации профессиональный научный коммуникатор – это не просто канал, по которому транслируется исходное сообщение от адресанта к адресату, но полноценный участник процесса коммуникации, мотивированный на достижение максимально эффективного результата.

Таким образом, при развитии сильных моделей ОНК, осуществляемых направляемых высококлассными специалистами, становится возможным преодоление обозначенных деструктивных трендов. Именно благодаря такому подходу становится возможным использование ОНК как инструмента повышения научной грамотности общества, а также привлечение в сферу научных разработок перспективных и молодых специалистов.

К сожалению, как показывает практика, степень заинтересованности современной российской молодежи в научно-исследовательской деятельности остается на весьма низком уровне. Об этом свидетельствуют результаты исследований Г. Е. Зборовского, П. А. Амбаров, Н. В. Шабровой, которые показали, что при переходе учащейся молодежи из школы в вуз резко снижается доля тех, кто активно участвует в НИР в вузе. По результатам всероссийского опроса студентов 1 и 2 курсов, проведенного названными авторами в 2022 г., в школе были вовлечены в НИР 42,5% опрошенных, а в вузе же постоянно принимают участие в НИР только 7,6%, ситуативно – 28,5%. Почти 2/3 (63,9%) студентов в сферу научной активности не включены. При этом занятия НИР у большинства вовлеченных студентов носят инструментальный характер, обеспечивая академическую аттестацию и высокое место в университетском рейтинге [6, с. 110–121].

Несмотря на эти факты, при должном внимании и проработке обозначенных проблем развитие ОНК возможно не только стать мощным средством повышения научной грамотности общества и привлечения в сферу разработок молодежи, но в долгосрочной перспективе существенно повысить качество человеческого капитала россиян, преобразовав современные научные достижения в реальные социальные, экономические и технические ресурсы.

Результаты данного исследования связаны с развитием социологического знания об ОНК. Они могут быть использованы в первую очередь как теоретический фундамент для дальнейших исследований в данной области. Кроме того, они будут полезны на практике для своевременного выявления и разрешения противоречий развития ОНК, будут способствовать поиску возможных способов повышения продуктивности ОНК в образовательной среде.

Литература

1. Академические барьеры: проблема изоляции академических сообществ в России // Окна роста НИУ ВШЭ. 25 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://okna.hse.ru/news/154804951.html> (дата обращения: 31.03.2023).
2. Наука в России, ее значение и ценность для общества // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-v-rossii-eenaznachenie-i-cennost-dlja-obshchestva> (дата обращения: 31.03.2023).
3. Формула научного PR 3.0: Сборник лучших практик в области научных коммуникаций. СПб.: Университет ИТМО, 2017. 108 с.
4. Проект Open Science [Электронный ресурс] URL: <https://openscience.academy/> (дата обращения: 31.03.2023).
5. Pugwash Conferences on Science and World Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://pugwash.org/about-pugwash/> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Учащаяся молодежь: от образовательной неуспешности к образовательной успешности / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Б. Ю. Берзин [и др.]; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2021. 328 с.

7. Гарбузьяк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192.

8. Отношение граждан России к науке, научным институтам и научным работникам: Краткий аналитический отчет по результатам массового опроса населения. Апрель 2021 // Циркон [Электронный ресурс] URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/36a/otnoshenie-grazhdan-rossii-k-nauke-nauchnym-institutam-i-nauchnym-rabotnikam.pdf>__ (дата обращения: 31.03.2023).

К. Trefilov

PUBLIC SCIENTIFIC COMMUNICATIONS AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract

The article is devoted to public scientific communications (PSC) as a social phenomenon. It reveals the problem of limited scientific communications that develop exclusively within the academic community as a type of professional communication. In such communications, scientific knowledge does not go beyond the professional community, and scientific achievements cannot be evaluated and recognized by the general public. This circumstance negatively affects the level of scientific literacy of the population and the quality of its human capital. The relevance of the topic of the article is due to the expansion in modern society of the practice of popularizing scientific knowledge through the public activity of scientists, teachers, journalists, universities, academic institutions, educational public organizations. The article gives an interpretation of the concept of PSC as a process of dissemination of scientific knowledge in a non-academic environment with the aim of understanding and using it by non-specialists. It is shown that the development of the PSC takes place in the context of the changing world of science - in the context of the emergence of «Open Science», the destruction of the «academic monastery», the hybridization and mediatization of the institute of science, etc., the transformation of science as a social ideology (scientization, descentization, anti-scientization society), the emergence and diffusion of «scientific fears». The practical significance of the study is related to the development of sociological knowledge about the PSC. The results obtained can be used as theoretical for further research in this area. In addition, they will be useful for identifying and resolving contradictions in the development of the PSC, finding ways to increase the productivity of PSC in the educational environment.

Keywords: public scientific communications, scientific communicators, scientific knowledge, popularization of scientific knowledge.

УДК 316

Н. В. Шаброва

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Аннотация

В публикации представлены результаты эмпирического исследования научно-исследовательской культуры российских студентов. Его актуальность обусловлена увеличением потребности российской науки и высшего образования в раннем профессиональном ориентировании молодых исследователей на академическую профессию и карьеру, их профессиональную социализацию, интеграцию в академическую культуру. Цель статьи – дать характеристику ценностной составляющей научно-исследовательской культуры российских студентов посредством анализа ценностного отношения студентов к научному знанию и научной деятельности. Эмпирическая база публикации – результаты массового онлайн-опроса российских студентов (январь-март 2023 г.) Объем выборочной совокупности 3032 чел., репрезентативность выборки обеспечивалась за счет квотного отбора по уровням и направлениям подготовки. Изучены познавательные интересы студентов в отношении научного знания. Показано, что чаще студенты смотрят научно-популярные фильмы и передачи. Реже студенты читают материалы об ученых. Выделены области научного знания, вызывающие у студентов особый интерес – психология, культура и искусство. Исследование показало, что абсолютное большинство студентов позитивно оценивает влияние науки на развитие общества. Респонденты признают важность труда ученых и считают, что ученые должны нести моральную ответственность за его результаты. Выявлена положительная оценка студентами деятельности российского государства по развитию науки и поддержке инициатив молодых ученых.

Однако респонденты полагают, что в современном российском обществе нельзя говорить о заметном росте престижа профессии ученого. Изучено влияние социально-демографических характеристик студентов на особенности их ценностного отношения к научному знанию и научной деятельности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки университетских программ развития научно-исследовательской культуры студентов, популяризации научного знания и повышения престижа профессии ученого.

Ключевые слова: научно-исследовательская культура, студенты, ценность научного знания, ценность научной деятельности.

В российской науке и высшем образовании увеличивается потребность в раннем профессиональном ориентировании молодых исследователей на академическую профессию и карьеру, их профессиональную социализацию, интеграцию в академическую культуру [5; 7]. Результаты исследований показывают низкий уровень вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность, их неготовность к ней из-за несформированности исследовательских и аналитических компетенций [6; 8]. Стремление вузов превратить научно-исследовательскую работу студентов в обязательный компонент образовательной программы или критерий личного рейтинга студента часто приводит к формальному выполнению студентами научно-исследовательских работ, имитированию интереса к ним, формированию инструментальной мотивации на НИРС [1–3]. Вследствие этого происходит девальвация ценности молодежной науки и снижение ее значимости как способа вхождения в академическую профессию.

В качестве теоретической рамки исследования выступила теория Л. Н. Когана о культуре и ее «блоках»: когнитивном, поведенческом и праксеологическом [4, с. 9–12]. Отметим, что с точки зрения Л. Н. Когана, все три «блока» культуры «тесно связаны и, взаимопересекаясь, взаимодействуют» [4, с. 9]. Говоря о ценности как элементе культуры, автор отмечает, что ценность культуры есть «результат культурной деятельности или сама эта деятельность, имеющие общезначимую культурную ценность для той или иной социальной общности людей» [4, с. 10]. В фокусе нашего исследования оказалась ценность научно-исследовательской культуры в глазах российских студентов.

Цель статьи – дать характеристику ценностной составляющей научно-исследовательской культуры российских студентов посредством анализа ценностного отношения студентов к научному знанию и научной деятельности.

Эмпирическая база публикации – результаты массового онлайн-опроса российских студентов (январь-март 2023 г.). Объем выборочной совокупности 3032 чел., Предельная ошибка выборки не превышала 2%. Репрезентативность выборки обеспечивалась за счет квотного отбора по уровням (бакалавриат и специалитет, магистратура) и направлениям (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое) подготовки.

Первая задача нашего исследования заключалась в изучении познавательных интересов студентов в отношении научного знания. Исследование показало, что около 70,0% опрошенных студентов несколько раз в месяц и чаще смотрят научно-популярные фильмы и передачи. Чуть меньшая доля (около 60,0%) несколько раз в месяц и чаще читают научные и научно-популярные книги, статьи и обсуждают достижения науки и техники с друзьями. Существенно реже студенты читают материалы об ученых (24,4% практически никогда, 25,5% несколько раз в год). Корреляционный анализ показал, что молодые люди чаще, чем девушки проявляют интерес к научному знанию во всех изученных формах. Особенно ярко это проявляется в большем интересе молодых людей к достижениям в науке и технике (коэффициент Крамера 0,269) и обсуждению достижений науки и техники с друзьями (коэффициент Крамера 0,230). По таким характеристикам студентов как уровень и направление подготовки, форма и курс обучения, связи выявлено не было.

Первые три строчки «рейтинга» областей научного знания¹, вызывающих у студентов наибольший интерес, занимают психология (49,4%), культура и искусство (42,5%), IT-технологии (31,1%). Замыкают перечень экономические науки (15,7%) и химия (11,3%). 3,8% затруднились с выбором, а 1,8% отметили, что в представленном перечне нет тех областей, которые им интересны.

Корреляционный анализ показал больший интерес у девушек, чем у молодых людей к психологии (61,0% против 31,1%), культуре и искусству (52,1% против 27,3%), биологии и медицине (31,6% против 18,2%)². Молодые люди больше, чем девушки интересуются IT-технологиями (44,4% против 22,7%), инженерными науками (43,8% против 14,4%), физикой и астрономией (29,4% против 15,2%). Важными, с нашей точки зрения, являются результаты корреляционного анализа интересных для студентов областей научного знания и направления их подготовки³. С одной стороны, вполне закономерно, что студенты говорили об их интересе к тем областям научного знания, которые соответствуют профилю их обучения⁴. С другой стороны, психология, культура и искусство как области научного знания входят в приоритетные области научного знания и у «естественников», и «технарей»⁵. Вероятно, это свидетельствует о ситуации неудовлетворенной потребности в знаниях, учебных курсах антропоцентричной и культурологической направленности, которая сложилась в рамках нынешней системы высшего образования у студентов естественно-технических направлений подготовки.

Еще одной задачей нашего исследования являлось изучение мнения студентов о роли науки в развитии общества. Исследование показало, что абсолютное большинство студентов позитивно оценивает влияние науки на развитие общества (табл. 1). Об этом свидетельствует тот факт, что более 80% студентов согласились со всеми четырьмя позитивными высказываниями о науке.

Таблица 1

Мнение российских студентов о роли науки в жизни общества, %

Как Вы относитесь к следующим высказываниям...	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Наука – это источник развития общества	89,2	3,0	7,8
Благодаря научным достижениям ухудшается экология, здоровье людей, появляются новые виды оружия	28,7	40,3	31,0
Научные открытия и изобретения приносят пользу человечеству	82,4	4,1	13,5
Научные знания позволяют объяснить, как устроен мир	86,5	6,0	7,5
Наука – это источник деградации общества	11,7	76,7	11,6
Научные открытия и изобретения приносят вред человечеству	16,6	56,6	26,8
Благодаря научным достижениям развивается медицина, образование, промышленность	92,6	3,0	4,4
Научные знания разрушают устоявшиеся представления людей о мире	37,0	40,0	23,0

¹ Список состоял из 12 областей научного знания: биология и медицина, философия, физика и астрономия, экономические науки, инженерные науки, химия, социология и политология, история, психология, математика, IT-технологии, культура и искусство.

² Коэффициент Крамера 0,286; вероятность ошибки (значимость) 0,000.

³ Коэффициент Крамера 0,236; вероятность ошибки (значимость) 0,000.

⁴ Например, студенты естественно-научных направлений подготовки – о биологии и медицине (65,7%), инженерно-технических направлений подготовки – об инженерных науках (46,1%), гуманитарного и социально-экономического – о психологии (62,8% и 56,7% соответственно).

⁵ У студентов естественно-научных направлений подготовки психология стоит на втором месте (51,2%), а культура и искусство – на третьем (38,8%). У студентов инженерно-технических направлений подготовки психология стоит на третьем месте (39,2%), а культура и искусство – на четвертом (36,3%).

Вместе с тем, почти треть респондентов признает некоторые негативные последствия развития науки. 27,8% студентов отметили, что благодаря научным достижениям ухудшается экология, здоровье людей, появляются новые виды оружия.

Значимым результатом нашего исследования является положительная оценка студентами деятельности российского государства по развитию науки и поддержке инициатив молодых ученых (табл. 2). Однако респонденты полагают, что в современном российском обществе нельзя говорить о заметном росте престижа профессии ученого. Корреляционный анализ показал, что молодые люди чаще, чем девушки, более критично оценивают деятельность российского государства по развитию науки и поддержке инициатив молодых ученых, а также рост престижа профессии ученого, хотя значение коэффициента Крамера не превышает 0,100. По таким характеристикам студентов как уровень и направление подготовки, форма и курс обучения, связи выявлено не было.

Таблица 2
Мнение российских студентов о статусе ученых в современной России и роли в этом процессе государства, %

Как Вы относитесь к следующим высказываниям...	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Государство в последний год стало больше уделять внимания развитию науки	45,1	22,0	33,0
Престиж профессии ученого в последний год в российском обществе возрос	36,3	28,5	35,2
Научные инициативы молодых ученых в последний год активно поддерживаются	55,1	15,3	29,5

Важно отметить, что российские студенты признают важность труда ученых и 78,6% положительно отнеслись бы к решению своего друга или родственника посвятить себя науке и стать ученым. Вместе с тем российские студенты считают, что ученые должны нести моральную ответственность за его результаты. Большинство (81,7%) опрошенных отметили, что ученый всегда должен думать о том, как будут использоваться его открытия и изобретения. 14,2% российских студентов полагают, что ответственность за использование научных открытий должна быть делегирована учеными государству. И только 4,1% респондентов считают, что ученый вообще не должен думать о том, как его открытия и изобретения будут использоваться.

Корреляционный анализ показал менее высокие моральные требования к результатам труда ученого у молодых людей, чем у девушек и у студентов инженерно-технического направления подготовки, чем у всех остальных, но коэффициент Крамера менее 0,100. По таким характеристикам студентов как уровень подготовки, форма и курс обучения, связи выявлено не было.

Проведенное изучение ценностной составляющей научно-исследовательской культуры российских студентов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, научное знание является ценностью для молодежи. Они стремятся удовлетворить свои потребности в научном знании, смотря научно-популярные фильмы, передачи; читая научные и научно-популярные книги, статьи; обсуждая достижения науки и техники с друзьями. Во-вторых, выявлена высокая потребность у студентов всех направлений подготовки в знаниях из таких отраслей научного знания как психология, культура и искусство. В-третьих, студенты имеют позитивное представление о роли науки в развитии общества и деятельности ученых на данном поприще. Наконец, большинство российских студентов предъявляют высокие требования к моральному аспекту труда ученых.

Полагаем, полученные результаты имеют важную практическую значимость и могут быть использованы для разработки университетских программ развития научно-исследовательской культуры студентов, популяризации научного знания и повышения престижа профессии ученого.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

Литература

1. Балашов В. В., Пацула А. В., Ленъков Р. В., Гайдукова Е. А. Проблема мотивации научной деятельности студентов вуза // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 127–130.
2. Галиуллина Ф. Ш. Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор формирования профессиональной компетентности // Филология и культура. 2011. № 3. С. 235–239.
3. Господарик Ю. П. Учет индивидуальных достижений студентов в научно-исследовательской деятельности // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 89–93.
4. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 120 с.
5. Косинцева Т. Д., Хвоц Р. Н. Организация научно-исследовательской работы студентов в образовательном процессе в современном российском вузе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 2. С. 73–80.
6. Салаватулина Л. Р. Тьюторское сопровождение научно-исследовательской деятельности студентов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 167–178.
7. Тюриков А. Г., Таракановская Е. В., Кунижева Д. А. Формирование и развитие научно-исследовательского потенциала молодежи в вузе // Власть. 2020. № 4. С. 163–170.
8. Шадчин И. В. Формирование готовности студентов вуза к научно-исследовательской деятельности // Интеграция образования. 2012. № 1. С. 14–18.

N. Shabrova

THE VALUE DIMENSION OF THE RESEARCH CULTURE OF RUSSIAN STUDENTS

Abstract

The publication presents the results of an empirical study of the research culture of Russian students. Its relevance is due to the increasing need of Russian science and higher education for early professional orientation of young researchers to the academic profession and career, their professional socialization, integration into academic culture. The purpose of the article is to characterize the value component of the research culture of Russian students by analyzing the value attitude of students to scientific knowledge and scientific activity. The empirical base of the publication is the results of a massive online survey of Russian students (January–March 2023) The sample size is 3032 people, the representativeness of the sample was ensured by quota selection by levels and areas of training. The cognitive interests of students in relation to scientific knowledge are studied. It is shown that students watch popular science films and programs more often. Less often students read materials about scientists. The areas of scientific knowledge that are of particular interest to students are psychology, culture, and art. The study showed that most of students positively assess the impact of science on the development of society. Respondents recognize the importance of scientists' work and believe that scientists should be morally responsible for its results. The positive assessment by students of the activities of the Russian state for the development of science and the support of initiatives of young scientists was revealed. However, respondents believe that in modern Russian society it is impossible to talk about a noticeable increase in the prestige of the profession of a scientist. The influence of socio-demographic characteristics of students on the peculiarities of their value attitude to scientific knowledge and scientific activity is studied. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results for the development of university programs for the development of students' research culture, popularization of scientific knowledge and increasing the prestige of the scientist's profession. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

Keywords: research culture, students, the value of scientific knowledge, the value of scientific activity.

**ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ
РАБОЧИМ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ
И СОЦИАЛЬНЫМ ВКЛЮЧЕНИЕМ**

Аннотация

В статье проводится анализ интервью с одним из первых людей, которому был поставлен диагноз ВИЧ-инфекции в Советском Союзе. На основании словарей мотивов, предложенных Ч. Р. Миллсом, проводятся различия между двумя типами описаний непосредственных контактов: оправданиями и извинениями. Указан способ уклонения от описания социальных столкновений. Следуя за Л. Н. Коганом, уточняются некоторые выводы в его работе «Роль производственного коллектива в культурной деятельности рабочего».

Ключевые слова: словари мотивов, Миллс, описания, социальное исключение и социальное включение, Коган, ВИЧ/СПИД, качественные методы.

В исследованиях городского пространства, пространства с высокой плотностью населения, ставится вопрос о потере своих индивидуальных качеств человеком. Люди в городском пространстве не замечают друг друга, а если и распознают, то преимущественно по внешнему виду. Качество, относящееся к здоровью человека, без отметок на его внешнем виде, в городском пространстве зачастую скрыто. Что произойдет, если открыть прежде невидимое качество? И этим качеством будет наличие болезни, ВИЧ-инфекции. Постараются ли люди, приближенные на какое-то время к этому человеку, отстраниться от него, исключить его из поля видимости? Эти вопросы, спустя около 40 лет после начала распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа в СССР-Российской Федерации, не теряют актуальности. Это вопросы связаны с открытием ВИЧ-положительного статуса человека, его социальным исключением и социальным включением.

Наше исследование социальных исключения и включения ВИЧ-положительных людей в социальные группы проводится с 2006 года. В исследовании применяется нарративно-биографический метод интервьюирования ВИЧ-положительных людей. Полевые материалы собраны в 2006–2008, 2014, 2022–2023 годах. Набор для интервьюирования осуществлялся с помощью удобной выборки. В выборку 2022–2023 гг. попал человек с наибольшим стажем жизни с ВИЧ-инфекцией среди всех наших информантов: 38 лет. Диагноз «ВИЧ-инфекция» этому человеку был поставлен в 1987 году. Таким образом, этот человек был в числе первых (из 24-х) [5, р. 10] официально зарегистрированных в Советском Союзе ВИЧ-инфицированных. Всю свою жизнь он прожил в одном из городов СССР-Российской Федерации со средней численностью населения 250 тыс. человек.

Социальное исключение и включение определяется нами как принятие или отвержение статуса или статусного набора индивида другим индивидом в ходе непосредственного взаимодействия между ними в социальных группах.

Акцент на специфике предмета социологического знания в связи с непосредственным взаимодействием между людьми сделал уже Г. Зиммель в работе 1894 года «Проблема социологии» [2, с. 431]. В социологии ситуация непосредственного контакта людей друг с другом (лицом к лицу) находила свою дальнейшую разработку. Эта предметная область также оказалась вписанной в исследования на промышленных предприятиях в СССР. Обращаясь к одному из примеров данной предметной области, работе «Духовный мир советского рабочего» [1] и, в частности, главе, написанной Л. Н. Коганом, «Роль производственного

коллектива в культурной деятельности рабочего», можно выделить два ее аспекта. Первое. Восприятие человеком окружающего мира избирательно, и оно будет определяться «реальной или предполагаемой реакцией» тех, «кто находится в прямом и постоянном общении с ним» [1, с. 84]. Второе. Рабочие в своих непосредственных контактах не замыкаются в пределах своего класса, а выходят на (дружеские) контакты с другими социальными группами: «интеллигенцией и служащими сферы обслуживания» [1, с. 91].

В настоящей статье «непосредственные контакты» рассматриваются через их «описание» (accounts) информантом (57-летним мужчиной, квалифицированным рабочим, ВИЧ-положительным) в ходе ситуации интервью. Сами по себе описания предложит рассматривать в качестве «словарей мотивов» Ч. Р. Миллс [4]. Он разделил реальное социальное действие и то, как оно описывается. И даже в том случае, если, по большей части, описание представляет из себя описание *post factum*, которое выступает в качестве *оправдания* действия, это не означает, что описание не будет выступать ориентиром социального действия в будущем.

Оправдание необходимо отличать от *извинений*, которые в свою очередь также подпадают под категорию описаний [6]. В оправдании происходит замена дискредитирующего мотива мотивом социально приемлемого типа. В извинении происходит перенос собственной меры ответственности на другого субъекта (или какой-либо неодушевленный объект). Существенную доработку «словарей мотивов» Ч. Р. Миллса осуществили М. Б. Скотт и С. М. Лайман, включив в него параграф о «стратегиях уклонения от описания» [6, с. 57–58].

Перейдем к анализу интервью с информантом. Жизненная траектория информантом в связи с институтами профессии представлена следующим образом: после школы был техникумом, который совмещался с началом трудовой деятельности на заводе; после техникума – служба в армии; после возвращения из армии – снова работа на том же заводе. Однако проработать удалось совсем недолго, через несколько месяцев информант непосредственно с завода, с рабочего места, был доставлен в ЦНИИ эпидемиологии МЗ СССР¹, где ему был поставлен диагноз ВИЧ-инфекции. После этого информант снова вернулся на завод. Части жизненной траектории после возвращения на завод с поставленным ВИЧ-положительным диагнозом будет уделено внимание ниже.

После возвращения на завод в конце 1987 года о ВИЧ-положительном диагнозе, по крайней мере в отделе, где работал информант, а это 36 человек, все знали. Атмосферу, которая установилась вокруг его собственной персоны в отделе завода, информант характеризует как связанную с «перешептываниями». Информант следующим образом передает сложившуюся для него ситуацию: «Ну, я переводом, почему? переводом, я переводом, почему пошел, просто меня вызывает главный технолог, вот: “Ну, что, Сергей Павлович², у нас идет сокращение”. Вот. Я г[овор]ю: “Все понял”. Чего мне объяснять, правильно? Если он г[овор]ит, у нас идет сокращение. Вот. Он г[овор]ит: “Сходи в отдел кадров, может, чего-нить найдешь”. Вот... Я сначала пошел в механический цех. Технологом. А потом в кузню перевелся. Вот так». То, что в данной ситуации вменяет нашему информанту главный технолог — «идет сокращение» — является оправданием действия, переходящего из настоящего здесь и сейчас в вероятное будущее. При этом «сокращение» заменяет собой «перешептывание о ВИЧ-инфекции»³; означаемым «сокращение» является *исключение субъекта с ВИЧ-инфекцией, который вызывает перешептывания в отделе завода*. Необходимо отметить, что массовое сокращение рабочих на заводе в 1988 году представляет

¹ Мы указываем название, данное на веб-сайте нынешнего Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбы со СПИДом, как первой организационной структуры, занимающейся диагностикой и лечением ВИЧ-инфекции в СССР [3]. Со слов информанта в интервью — «увезли на Соколинку».

² Имя изменено.

³ В начальный период развития эпидемии ВИЧ/СПИДа название болезни «ВИЧ-инфекция» практически не использовалось, в повседневных практиках болезнь называли преимущественно «СПИД».

собой исторический факт⁴. Предприятие переходило на полный хозяйственный расчет и самофинансирование; в результате этого перехода были уволены рабочие. Но в данном описываемом информантом случае именно дискредитирующий атмосферу в коллективе завода ВИЧ-положительный статус использовался как основание для сокращения, а не какие-либо иные качества рабочего, в силу которых сокращение может быть осуществлено.

Итак, информант «перевелся» в кузнечный цех, в цех, в иерархии завода, самый грязный и тяжелый по выполняемой работе. Нисходящая социальная мобильность индивида в этом отношении является здесь маркером социального исключения. Проследим далее непосредственные контакты информанта, данные нам в описании: «Когда в [кузнечный] цех ушел, вот, он сразу, слесарь, допустим, г[оворит]: “Механик, а ты правда что ли СПИДом болеешь?” Я г[оворю]: “Да хватит, че?” — говорю... люди шепчутся-шепчутся, вот. Ну, может, неделю пошептались, а потом мы обедали-то вместе за одним столом. Все отношения нормальные. Обедали вместе. В душ ходили вместе. Никуда же они ни, эт[о] самое, не сторонились. Ничего страшного. Все». Слесарь выказывает сомнение в том, что он слышал от других и вот теперь просит удостовериться болезнью непосредственно приближаясь к источнику слухов. Речевой оборот «правда что ли» — это своего рода извинение перед тем, кто, прежде всего, наделен качеством квалифицированного (уважаемого?) рабочего: «механика». По этому отрывку из интервью можно судить о том, что социальное включение в группу сослуживцев в кузнечном цеху — произошло, ряд повседневных рутинных действий выполнялись совместно. Однако тень «СПИДа» неизменно витала как тень чуждости, очертания которой люди могли различить только подойдя ближе, вступив в разговор, сталкиваясь с нашим информантом.

Какова была дальнейшая карьера информанта в кузнечном цеху, в котором он проработал до выхода на пенсию в 2016 году? Информант и сам в ситуации интервью задает подобный вопрос: «А какая на заводе перспектива-то? Пришел? Работай... Как раньше в кино показывают, от рабочего — до начальника цеха или начальника завода, как «Москва слезам не верит», да? Да это все сказки. Образование есть? Иди мастером или начальником. Все». Такое описание может быть подведено под категорию оправданий, которую М. Б. Скотт и С. М. Лайман называют «печальной историей» [6, с. 51–52]. «Печальная история — это избирательное (зачастую искаженное) изложение фактов, которые подчеркивают чрезвычайно мрачное прошлое и, таким образом, “объясняют” нынешнее состояние человека» [6, с. 52]. В приведенном отрывке из интервью искажен сюжет кинопроизведения, его героя получил высшее образование. В том числе, благодаря которому впоследствии стала директором завода. Тогда как среднее техническое образование информанта затрудняло карьерный рост. А героиня (которую можно интерпретировать в целом как культурный образец) кинопроизведения с образованием, позволяющим стать начальником, скорее вызывает у информанта чувство resentment.

Чувства нереализованности, тревоги за открытый ВИЧ-положительный статус в трудовой деятельности не могли не отложиться свой след на личности информанта. В интимных, романтических отношениях информанта с женщинами мы также находим подобную тревожность.

Подчеркнем, большинство непосредственных контактов информанта, связанных с романтическими отношениями, происходили с женщинами из медицинской сферы обслуживания, представительницами медицинской профессии. Вот как выглядит одно из описаний: «Наша врач, с нашей больницы, с инфекционной, с областной больницы. Вот. Она делала УЗИ, я признавался и мы с ней, с врачом с нашим, мы с ней прожили пять лет. С нашим врачом, да... Когда я принес карту свою. Она почитала выписку. Ну так как-то, может, может быть легкомысленно, может быть, как она г[о]в[орит]: “Да, ничего страшного, у меня иммунитет хороший”. И все. И мы так познакомились». В прямой речи врача, переданной нам информантом, существенна сцепка «ничего страшного» и «у меня иммунитет хороший»,

⁴ На этот счет существуют документальные подтверждения, в том числе, общественно-доступные, но для сохранения конфиденциальности личных данных информанта мы их здесь не приводим.

подразумевающая незаразность информанта. Сам по себе речевой оборот «ничего страшного» информант использует во время интервью 25 раз⁵, вменяя (себе и другим) отсутствие тревоги жизни с ВИЧ-инфекцией. Таким образом, речевой оборот, предписываемый другому, является собственным речевым оборотом, интересубъективным, нормализующим пятилетнее событие жизни, подпадающим под категорию социального включения.

Во время интервью речь зашла о возможности быть отвергнутым в связи с открытием ВИЧ-положительного статуса половому партнеру. Приведем этот диалог в интервью:

«Информант: Представляешь, что могут отвергнуть, да. Поэтому, допустим, когда ухаживаешь месяц, два, а до постели дело доходит, допустим, ты же обязан предупредить, правильно?... Ну, некоторые относились и положительно, некоторые — негативно. И все.

Интервьюер: Негативный случай, вот вы не могли бы описать? Как это было? Ну, если это удобно, [а то] можете вообще сказать: “Я не буду об этом говорить”.

Информант: Даже и не вспомню, как это было. Даже не вспомню. Негативно. Я не вспомню, правда. Правда не скажу. Неа».

В этом диалоге первоначально сам информант упоминает об опыте негативного отношения полового партнера к его ВИЧ-положительному диагнозу. Но затем, возможно воспользовавшись подводкой интервьюера, говорит о проблемах с памятью. М. Б. Скотт и С. М. Лайман определяют такой способ описания как одну из разновидностей уклонения от описания: «мистификации». Авторы не указывают данной конкретной речевой формы, связанной с апелляцией к памяти, но говорят, что во всех случаях «мистификации» существуют «обстоятельства, которые практически препятствуют подробному описанию» [6, с. 57]. Сделаем несколько предположений об обстоятельствах, которые не позволяют информанту «вспомнить» негативное к себе отношение. Возможно, информанту неприятно вспоминать подробности, где он в очередной раз подвергался остракизму. Но, так или иначе, события, где информант испытывал сложность в принятии его статуса другими людьми, поддаются описанию в других частях интервью. Тогда, возможно, информант не сообщил половому партнеру о своем ВИЧ-положительном статусе, если тот не становился известным в силу обстоятельств, которые от него не зависят.

«Обязан предупредить, правильно?» – говорит информант интервьюеру. Но предупреждает он или нет полового партнера – остается загадкой, это еще одна «мистификация» в ситуации интервью.

Вмененный в вину ВИЧ-положительный статус информанта (как-то «сокращение» или «хороший иммунитет») всякий раз подразумевающие заразность информанта) составляет его словарь мотивов. Эти мотивы описаны как оправдания и извинения; они могут работать в будущем в ситуациях, подразумевающих открытие ВИЧ-положительного диагноза. И существует вероятность воздержания от открытия ВИЧ-положительного статуса в ситуации непосредственных контактов.

Л. Н. Коган указывает на реальные или предполагаемые реакции со стороны других людей, которые модифицируют восприятие человека. Однако в этом отношении важно подчеркнуть, что формирующиеся *предположения реакции*, возможно, будут усиливаться по мере сходных *реальных реакций*. Также Л. Н. Коган отмечает, что рабочий класс не замыкается в пределах своего класса, а непосредственно контактирует с другими социальными группами. Причинного объяснения таким контактам не дается. Указанный выход за пределы класса, возможно, является не столько определенным status quo перемешивания социальных статусов, но, возможно, и результатом «выдавливания» определенного статуса человека из одной социальной группы (социального исключения) в другую (социального включения).

В методическом отношении, на наш взгляд, важно не столько различать прямую речь и иные описания, переданные в ситуации интервью, но прежде всего обращать внимание на

⁵ См. выше фрагмент интервью, где информантом используется речевой оборот «ничего страшного» как часть описания непосредственных контактов на заводе, в кузнечном цехе.

переданную прямую речь, которая подпадает под категорию описаний. При анализе интервью мы руководствовались связкой между прямой речью и непосредственным контактом, которая передается информантом в ситуации интервью интервьюеру. Описание, вменяемое информанту третьим лицом, не присутствующим в ситуации интервью, и то, что информант вменяет интервьюеру vis-a-vis – составляет словарь мотивов. Словарь мотивов не принадлежит одному человеку, но порождается в коммуникации, переданной в других коммуникациях, ситуациях непосредственного контакта, например, таких как ситуация интервью.

Литература

1. Духовный мир советского рабочего. (Опыт конкретно-социологического исследования). Под ред. М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана. М.: Мысль, 1972. 439 с.
2. Зиммель Г. Проблема социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. Под ред. В. И. Добренкова. М.: МУБиУ, 1996. 520 с.
3. История // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбы со СПИДом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hivrussia.info/istoriya/> (дата обращения: 29.03.2023).
4. Миллс Ч. Р. Ситуативные действия и словари мотивов // Социологическое обозрение, 2011, т. 10, № 3, С. 98–109.
5. Pokrovski V. V. et al. HIV-infection surveillance in Russia in 1987-1996 (Statistics). М.: Russia AIDS CENTER, 1997.
6. Scott M. B., Lyman S. M. Accounts // American sociological review, 1968, Vol. 33, No. 1, Pp. 46-62.

A. Andreev

SOCIAL ENCOUNTERS' ACCOUNTS BY HIV-POSITIVE WORKER: BETWEEN SOCIAL EXCLUSION AND SOCIAL INCLUSION

Abstract

The article describes an interview analysis with one of the first people who was diagnosed with HIV infection in the Soviet Union. Based on the vocabularies of motive by C.W. Mills are proposed to distinguish between two types of social encounters' accounts: justifications and excuses. The way of avoiding accounts of social encounters is specified. Following L.N. Kogan's «The role of the industrial collective in the cultural activity of the workers» some conclusions are clarified in.

Keywords: vocabularies of motive, Mills, accounts, social exclusion and social inclusion, Kogan, HIV/AIDS, qualitative methods.

УДК 316.7

Е. В. Ануфриева, Н. Д. Дулина

ЗАВОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Исследование касается изучения той части городской культуры, которая формируется заводом в крупных промышленных российских городах. Как правило, крупные промышленные города состоят из нескольких районов, в каждом из которых центром формирования характерной именно для этого района своей, внутренней культуры зачастую является крупное промышленное предприятие. Например, для Царицына – Сталинграда – Волгограда не только градообразующими, но и определяющими во многом культуру города стали такие предприятия как металлургический завод «Красный Октябрь», ведущий свою историю с апреля 1897 года, Волгоградский тракторный завод (известный всей стране Сталинградский тракторный завод), завод «Баррикады», закладка которого состоялась в июне 1914 года. Как свидетельствует история, эти и другие заводы были открыты в городе и сразу начали оказывать активное влияние на формирование городской среды и культуры Царицына – Сталинграда – Волгограда. До сих пор в городе сохраняются материальные свидетельства «освоения» заводами пространства вокруг себя (поселки, где жили рабочие и служащие заводов, Дворцы культуры,

заводские поликлиники и пр.), со временем, ставшие неотъемлемой частью социокультурного ландшафта города, задавая модели жизненного пространства горожан. В свое время А. С. Макаренко подчеркивал, что: «воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле, воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди». Заводская культура крупных промышленных городов воспитывает и формирует горожанина. Авторы показывают, что городская культура – это то, что создается в процессе всестороннего освоения городской среды с точки зрения становления в этом процессе человека (горожанина). В работе с опорой на результаты анализа теоретического исследования, глубинных интервью, проведенных с горожанами разных районов города, предпринимается попытка сформировать определение понятия «заводская культура», ее основных и специфических черт.

Ключевые слова: заводская культура, городская культура, завод, город, горожане.

Городская культура – это то, что создается в процессе всестороннего освоения городской среды с точки зрения становления в этом процессе человека (горожанина). Субъектом освоения своего города является все население, как мужчины, так и женщины [5, С. 21–22].

Завод – это промышленное предприятие с механизированными процессами производства [3], имеющее сложную социальную организационную структуру. Для работы на заводе требуются специалисты и сотрудники разных профессий, разного уровня квалификации. Как правило, завод расположен в городе и развитие заводов и фабрик является одним из тех сложных социальных, экономических, политических и культурных процессов, которые характеризуют индустриальную культуру, развитие урбанизации в целом. Именно это, по нашему мнению, очевидно сосуществование города и завода не привлекало внимание исследователей к такому явлению как заводская культура в качестве элемента городской культуры.

Говоря о городской культуре, обычно называют систему культурных ценностей, формирующуюся и развивающуюся в условиях мегаполиса – крупного поселения. В городе присутствуют все культурные формы (храмы, театры, музеи, библиотеки, школы и т. д.). Особенностью формирования городской культуры является ее взаимодействие с другими культурами, с наукой, с техникой. Город – это образ жизни людей и способ существования и развития ими культуры в условиях цивилизации [2].

Мы считаем возможным рассмотреть процесс влияния такого важного элемента крупного российского города как завод, понимая его как социокультурную организацию на город, на формирование городской культуры.

Обращение к теме заводской культуры и сама идея предпринять попытку сформулировать понятие «заводская культура» стало результатом анализа и осмысления проведенной работы методом глубинных интервью с жителями города Волгограда и других городов-миллионников (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж и др.). Всего проведено 50 интервью.

В приведенном выше определении городской культуры перечисляются следующие культурные формы: «храмы, театры, музеи, библиотеки, школы и т. д.», но не заводы, которые относятся к главным градообразующим факторам [9, с. 179].

Для жителей Волгограда, разного возраста и разных районов города, «привязка» к городу зачастую связана именно с тем, из какого человек района, это как некая «визитная карточка». Это отмечает еще Р. Парк в своей работе «Город», говоря о том, что даже в «естественных ареалах» ... «со временем формируются элементы культурного уровня-школы, церкви и т. д.» [Цит. по:4].

О том, что и как формирует завод, кроме того, что в процессе его строительства преобразуется и меняется не только природное, но социальное пространство того места, где он расположен, о положении фабричных и заводских рабочих написано в словаре Брокгауза и Эфрона [8], о «культуре места» писал К. Д. Бугров [1, с. 71].

Особое внимание уделялось семьям рабочих, тому, сколько человек (членов семьи) один рабочий может прокормить.

На заводах, как до революции, так и после, особенно в период активного социалистического строительства шел процесс не только подбора, но и подготовки кадров разных профессий и квалификаций. Для этого организовывались разные курсы/школы при заводе.

С. Г. Струмилин пишет о программе социально-культурного строительства: «В этой программе, однако, можно различать две задачи: во-первых, обеспечить простое воспроизводство рабочей силы и, во-вторых, содействовать расширенному ее воспроизводству в количественном и качественном отношениях. Затраты на осуществление второй задачи принципиально не отличаются от капитальных затрат на материальное строительство. Их производственный эффект мы будем тоже получать в течение целого ряда лет после момента вложения. Правда, этот эффект не всегда поддается точному учету. Но, тем не менее, мы его получим в свое время» [6. с. 320].

Таким образом, люди, пришедшие на завод, в массе своей, которые прошли через горнило заводской культуры формируют город и его культуру.

Если вернуться в город Царицын-Сталинград-Волгоград, то можно увидеть ряд элементов материальной и нематериальной культуры, созданной его заводами.

Для строительства заводов, на рубеже 19–20 веков в Царицын приезжали строители и рабочие, инженеры из самых разных мест. Например, в 1897 году открыт металлургический завод. Сохранился Устав коммерческого клуба Французский завод близ г. Царицына 1913 года издания [7, с. 1]. Цель Клуба:

«§ 1. Доставить своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользою.

§ 2. Съ этой цѣлю Коммерческому Клубу предоставляется устраивать для своих членовъ и ихъ гостей балы, обѣды, маскарады, танцевальныя, музыкальныя и литературныя вечера, драматическія представленія, разлпчныя игры, какъ то: въ карты, домино, шахматы, на билліардѣ, выписывать книги, газеты, періодическія изданія, а также приглашать спеціалитовъ по разнымъ наукамъ для чтенія лекцій, которая служили бы къ распространенію между чтеніями Коммерческаго Клуба полезныхъ свѣдѣній. Клубъ имѣть право имѣть для своихъ членовъ бібліотеку».

Речь идет о современном заводе «Красный Октябрь», который является градообразующим для Краснооктябрьского района. Завод работает, многие жители района, не одно поколение, свою судьбу связали с заводом.

На заводе и вокруг завода есть не только поселки, построенные еще до революции и существующий сегодня, не только в названии мест, есть Дом Культуры, есть музей, школы, в который приезжали люди, как они, участвуя в строительстве завода, а затем, работая на нем, создавая заводские районы, становились горожанами, становились теми, кто после битвы за Сталинград восстанавливал город, сохраняя его культуру, адаптируя к ней и прививая ее его новым жителям.

В 1926 году началось строительство Сталинградского тракторного завода (СТЗ). Важно отметить, что эти события изменяли не только численность, но и состав населения города, в который приезжали люди, как они, участвуя в строительстве завода, а затем, работая на нем, создавая заводские районы, становились горожанами, становились теми, кто после битвы за Сталинград восстанавливал город, сохраняя его культуру, адаптируя к ней и прививая ее его новым жителям.

Вот что рассказала о заводской культуре одна из наших собеседниц: «вы, знаете, наверное пока был завод, но это почти 40 тысяч работающих на заводе. Я в лица знала, что вот этот с завода. Я не могу сказать, ну многих просто, действительно и на территории встречала, и по работе там как-то, хотя я, в общем, особо по цехам я не ходила. У меня была чисто такая работа, в отделе. Что-то в лице подсказывало, я не могу сказать, что, и действительно выяснялось, что да, с завода. Со многими мы потом здоровались. Сейчас, конечно...нет, нет. Потихоньку всё это рассеялось. Но вот люди моего поколения, может быть чуть помладше, мы всё равно все друг друга узнаём. <...> на Тракторном через завод, наверное, все прошли. Кто на практике, кто работал, кто время так перехватывал от и до. Потому что поступить не сразу удавалось учиться...Вот...случайные уходили. Во-первых, строгая дисциплина, в любом случае, проходные – это проходные. Я помню, то время, когда гудок давали – начало рабочего дня и конец (Во-вторых) и вот, видимо, отношение к работе. Отношение к работе просто. Конечно, это и воспитывало, и организовывало. И...как бы сказать...объединяло. Мы сейчас смеемся, что на Тракторном, если не родственники, то хорошие знакомые все. <...> помню разговоры о том, что на заводе, конечно. Помню, когда мама приходила что-то интересное рассказывала. <...> Был парк, вдоль трамвайной линии, ну он был тогда парком, были вот эти, не на...не знаю, какой английский или какой манер то, что сейчас. Там были громадные деревья, был трубопровод, поливали, убирали. Все эти фонтаны, этот летний кинотеатр там был» (ж, 1946 г/р)

О других районах и предприятиях города наши собеседники говорили следующее:

«Я там (*Ворошиловский район*) вырос, знал весь район, каждый камушек. Но работа на заводе очень сильно социализировала – все про всех всё значил, второе – я работал там же, в речном порту, эта организация построила очень много жилых домов, вся Рабоче-Крестьянская выстроена благодаря этой организации. Мои родители вот отец работал в Гортопе бухгалтером, понимаете, что такое Гортоп для жителей? Это огромное количество людей, которые обязательно общались.....Интересный состав населения, я когда начинал, у нас в этом нашем квадрате вокруг церкви, от нее до второй продольной – там жили и бахчевники, по национальности жило много татар, украинцев, русских. А по профессиям – там жила секретарь райкома партии по идеологии в частном доме, а напротив неё жил батюшка. У них было двое детей, и я учился с ними в школе вместе. Дальше жил прокурор, извозчики целым рядом, учителя, семья целая. Дружили они с моей мамой, она у меня преподавала. Галина Ивановна. Татарин занимался сбором макулатуры, обменивал на свистульки эти. Жили милиционеры, там где сейчас Пожарка – была милиция, потом жили рабочий с винзавода, где Горхоз, в общем, разночинный народ был» (м, 1946 г/р)

«Наш дом относился к Речпорту, то есть Речпорт содержит детскую комнату. У нас помещение, 2 комнаты - такие большие залы, подвальные помещения. Теннис, даже там был кукольный театр. То есть кто хочет заниматься, там дети занимались: мячи, хоккейные клюшки, шайбы, в общем, даже вот когда мы фотоаппараты покупали, то есть занимались в фотостудии, была там. Бесплатные фотоаппараты раздавали, фотографии печатали, вот когда космонавт приезжал <...> это (*детская комната*) во всех была, это в каждом домоуправлении. Я просто говорю как вот, семиэтажка, как у нас называется, своя была. Каждый двор вот, на Петровом свое домоуправление, на Даугавской тоже. В каждом дворе была хоккейная коробка и каждый год зимой проводился чемпионат сначала районный по хоккею, выступали. <...> Вот выигрывал районные и тебя на городские. И по футболу так - районные, то есть каждый год такое. Кожаный мяч это само собой, Золотая шайба» (м, 1965 г/р)

Что мы видим в приведенных фрагментах интервью?

1) Завод формирует не только своего работника, но и влияет, участвует в жизни его семьи, формируя новые поколения горожан-выходцев из заводских районов, которые несут культуру своего района за его пределы, сохраняют культуру своего района, сохраняя его памятники, зная историю и пр.

2) Завод, в понимании «людей, работающих на этом предприятии, его коллектив» от директора до простого рабочего заинтересован в работе своего предприятия, хочет

стабильную работу и высокую зарплату, а также понимает, что без заботы о своих работниках и членах их семей ничего этого может не быть. Это понимание особенно наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда предприятия Сталинграда /и не только/ обеспечивали своих работников всем необходимым для того, чтобы они элементарно могли выйти на работу (обувью и теплой одеждой в холодное время года и пр), организовывая работу бань, столовых, прачечных, библиотек, кино и танцплощадок, детских садов и поликлиник. Вопросам социально-культурной и бытовой работы уделялось большое внимание, особенно в советское время. Нельзя забывать о роли технической интеллигенции в формировании городской культуры. Не только ИТР, но и жены ИТР принимали участие в развитии культурной жизни членов семей заводских рабочих (Музей завода «Красный Октябрь»)

3) Город Волгоград, будучи сложной социокультурной системой, к описанию которого подходит традиционная структура города Э.Берждеса, только в нашем городе, эта структура больше подходит для характеристики отдельных районов, поскольку город, который вытянут вдоль берега Волги на десятки километров, имеет восемь районов и в каждом районе центром, от которого расходятся концентрированные зоны, являются крупные предприятия-заводы, за одним исключением-Центральным районом Это подтверждают слова одно из самых почтенных по возрасту наших собеседников «понимаете, как такового города, в принципе, ну не было. Был Красноармейский, был Кировский район, Центральный район, Красный, ну, Тракторный еще близко, Советский район, как-то всегда отражался в голове само по себе, там Центральный район, там Советский. То есть единого целого как города, именно из-за растяженности этих очагов, вот так и нет» (м, 1939 г/р).

Попробуем сформулировать рабочее определение: заводская культура – это процесс социализации человека заводом как социокультурной организацией, воздвигание и преобразование/трансформация среды внутри и вне организации, являющаяся частью/элементом городской культуры.

Основные и специфические черты заводской культуры:

1) большинство заводов имеет в своем ведении все то, что характеризует городскую культуру: храмы (Путиловский храм при Путиловском, ныне Кировском заводе в СПб, театры, музеи, библиотеки, школы и т. д.);

2) завод решает задачи, поставленные перед ним, как перед организацией, путем преодоления целого комплекса проблем, связанных не только со зданиями и сооружениями, станками и оборудованием, а и с кадрами, которые решают все. Эти кадры-люди. Зачастую, особенно во время великих строек, люди, приехавшие в город из деревни, во время работы на заводе приобщаются к новым условиям труда, к новой, городской жизни и здесь ведущую роль играет завод.

3) Пройдя адаптацию, обучение, получив профессию и жилье, заводчане становятся горожанами и это процесс сложно уловимый. Теперь они, как горожане, участвуют в формировании культуры завода, транслируя ее тем, кто пришел работать на завод, пользуются всем тем багажом социальных и культурных благ, которые дал завод им и их семьям, и тем самым участвуя в формировании культуры города.

Подводя итоги следует отметить, что заводская культура индустриальных городов, являясь важной частью, элементом городской культуры в целом, воспитывает и формирует горожанина.

Литература

1. Бугров К. Д. Рабочий или интеллигентский? Основные социально-культурные модели развития советского Свердловска 1930–1980-х гг. // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. №4. С. 64–77.

2. Городская культура // Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). — Екатеринбург. В. С. Безрукова. 2000. https://spiritual_culture.academic.ru/

3. Завод // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4> (дата обращения 15.03.2023).

4. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. №4. 381 с.

5. Современные городские исследования : монография / под ред. И. А. Савченко, Ю. В. Козловой. – 2-е изд., с изм. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2021. 135 с.

6. Струмилин С. Г. На плановом фронте. Избранные произведения в 5 томах. Том 2. – 1963, Москва, Издательство Академии наук СССР. 446с.

7. Устав коммерческого клуба Французский завод близ г. Царицына. Царицын, «Акц. О-во пар. Типо-Литографии и писчебумажной торговли», 1913. 26 с.

8. Фабричные и заводские рабочие Брокгауз и Эфрон [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%A4%D0%B0%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8_%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B5 (дата обращения 15.03.2023).

9. Хорев Б. С. Проблема городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР). Изд. 2-е, доп. и перераб. М. «Мысль», 1975. 428с.

E. Anufrieva, N. Dulina

FACTORY CULTURE AS AN ELEMENT OF URBAN CULTURE

Abstract

The study concerns the study of that part of the urban culture, which is formed by the plant in large industrial Russian cities. As a rule, large industrial cities consist of several districts, in each of which the center for the formation of its own internal culture, characteristic of this particular district, is often a large industrial enterprise. For example, for Tsaritsyn - Stalingrad - Volgograd, not only city-forming, but also determining in many respects the culture of the city, such enterprises as the Krasny Oktyabr metallurgical plant, dating back to April 1897, the Volgograd Tractor Plant (the Stalingrad Tractor Plant known throughout the country), plant "Barrikada", the laying of which took place in June 1914. As history testifies, these and other factories were opened in the city and immediately began to actively influence the formation of the urban environment and culture of Tsaritsyn - Stalingrad - Volgograd. Until now, the city retains material evidence of the "development" of the space around the factories (villages where workers and employees of factories lived, Palaces of Culture, factory polyclinics, etc.), over time, which have become an integral part of the socio-cultural landscape of the city, setting models of the living space of citizens. At one time, A. S. Makarenko emphasized that: "upbringing is a social process in the broadest sense, it educates everything: people, things, phenomena, but first of all and most of all – people." The factory culture of large industrial cities educates and shapes the city dweller. The authors show that urban culture is what is created in the process of comprehensive development of the urban environment in terms of the formation of a person (city dweller) in this process. Based on the results of the analysis of a theoretical study, in-depth interviews conducted with citizens from different districts of the city, an attempt is made to form a definition of the concept of "factory culture", its main and specific features.

Key words. factory culture, urban culture, factory, city, townspeople.

УДК 316.7

А. Э. Жданова

КОМФОРТНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Комфортность городской среды представляет собой один из ключевых факторов, влияющих на качество жизни населения, выбор места жительства граждан. В данном вопросе необходимо уделять внимание не только крупным городам региона, но и малым (до 50 тыс.). В малых городах сосредоточено большое скопление трудовых ресурсов, задействованных в сферах сельского хозяйства,

пищевой и лесной промышленности. Малые города не всегда могут обладать обширной финансовой базой, но они имеют большой потенциал развития, благодаря трудовым, природным, культурным и экологическим ресурсам. В рамках данного исследования были изучены статистические данные (индекс качества городской среды) по уровню развития городской среды на примере малых городов Вологодской области (Никольск, Великий Устюг, Кириллов, Сокол, Грязовец, Устюжна, Белозерск, Харовск, Тотьма, Красавино, Кадников, Вытегра, Бабаево). С целью комплексного изучения проблематики привлекались данные социологического измерения ВолНИЦ РАН. Было изучено мнение жителей 4 малых городов области: Никольска, Сокола, Великого Устюга и Грязовца (N=600). Ошибка выборки не превышает 3%, метод – анкетирование по месту жительства респондентов. В ходе исследования получен вывод о том, что в целом, за последние 4 года развитие малых городов носит позитивный характер: фиксируется увеличение индекса качества городской среды. Однако по данным за 2021 год к городам с благоприятной городской средой можно отнести только 4 из 13 малых городов (Великий Устюг, Харовск, Тотьма, Сокол). По данным опроса местное население осознает, что ответственность за развитие места проживания лежит и на них. Наиболее преобладающими факторами в данных городах являются низкое качество медицинских, образовательных услуг и доступности жилья. Несмотря на наличие проблем, большинство жителей не планируют переезд из своих населенных пунктов, даже если будет такая возможность. Это показывает значимость сохранения и развития малых городов в регионе. Проблематика формирования комфортной городской среды и выработка эффективных инструментов развития в малых городах, безусловно, является востребованным и актуальным предметом для анализа и развития.

Ключевые слова: комфортная городская среда, городское пространство, развитие среды, индекс качества городской среды, малые города, проект.

Современное российское общество характеризуется высокой степенью пространственных социально-экономических диспропорций, существенными различиями как в темпах экономического роста и технологического развития, так и в уровне и качестве жизни населения. Особенно критично отставание проявляется на малых территориях, где обострение проблем функционирования местного сообщества продолжает оставаться злободневной повесткой, что обуславливает публичную дискуссию о бесперспективности этого типа поселений в России. Научная значимость обозначенной проблематики подтверждается официальной позицией главы государства. В. В. Путин высказал тезис о том, что «Малые города могут стать действительно по-настоящему большими центрами, большими с точки зрения туризма, с точки зрения развития искусства, экономики, культуры, науки... Всегда очень важно вовлекать людей в этот процесс так, чтобы человек чувствовал себя соучастником, тогда получается наибольший эффект» [4].

На 2021 год в России насчитывается 1117 городов. Из них 490 относятся к городам с благоприятной городской средой.

Формирование комфортной городской среды это одна из составляющих развития и процветания городов и их конкурентоспособности. Цель исследования заключается в изучении особенностей развития комфортной городской среды малых городов Вологодской области на основе статистических и субъективных данных.

В России в нормативно-правовом поле под городской средой трактуется «совокупность природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду жизнедеятельности города на определенной территории и определяющих комфортность проживания на этой территории» [3].

В настоящем исследовании авторы придерживаются подхода к пониманию городской среды как совокупности конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека [1, с. 70–75].

Индекс качества городской среды формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 года. Индекс формируется путем оценки 6 городских пространств по 6 критериям. Максимально город может набрать 360 баллов, соответственно, чем выше индекс, тем благоприятнее территория проживания. Минстрой

предлагает следующую градацию: от 0 до 180 баллов – неблагоприятная городская среда, от 180 и выше – благоприятная городская среда [2].

Глядя на динамику развития комфортной городской среды в малых городах области можно сделать вывод, что, несмотря на то, что в большинстве городов уровень развития комфортной городской среды еще недостаточно велик, в промежутках с 2018 по 2021 год наблюдается увеличение индекса. За 2021 год к городам с благоприятной городской средой можно отнести 4 из 13 малых городов Вологодской области. Социально – досуговая инфраструктура и прилегающие пространства являются наиболее проседающим фактором развития комфортной городской среды. Помимо медицинских и образовательных учреждений в городах не хватает спортивных и культурных объектов, предназначенных для проведения досуга. На второе место по недостаточной оснащенности объектами выходит общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, что говорит о недостаточной оснащенности сферой услуг. Более позитивно в городах оценивают озелененные пространства, в большинстве случаев они набирают больше половины возможных баллов (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика и индекс малых городов Вологодской области

Город	Жилье и прилегающие пространства	Улично-дорожная сеть	Озелененные пространства	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	Общегородское пространство	Всего
Великий Устюг	40	34	30	39	35	39	217
Харовск	30	37	41	25	27	33	193
Тотьма	30	35	26	36	29	36	192
Сокол	34	29	46	25	27	30	191
Устюжна	32	28	31	35	27	26	179
Белозерск	25	41	31	27	25	30	179
Грязовец	38	34	21	29	28	27	177
Вытегра	29	31	32	31	24	29	176
Кадников	25	26	37	35	29	19	171
Кириллов	23	27	32	19	25	37	163
Бабаево	26	31	22	21	24	38	162
Никольск	38	24	25	23	27	25	162
Красавино	29	30	32	18	23	28	160

Рассчитано: [2]

Так как все города различаются по численности населения и отдаленности от областного центра, то они имеют разноплановые тенденции в развитии городского пространства. В связи с этим необходимо провести глубинный анализ путем обращения к субъективному мнению населения городов.

Исследование было осуществлено на территории малых городов (до 50 тысяч человек) Вологодской области посредством количественной методической стратегии (используются данные социологического опроса, проведенного в 2021 г., N=600). Метод – анкетирование по месту жительства; ошибка выборки не превышает 3%. Для опроса были выбраны следующие города: Никольск, Сокол, Великий Устюг и Грязовец.

Респондентам было предложено оценить свое отношение к месту проживания. Большинство жителей Никольска рады тому, что живут в данном месте, такой ответ дали 71% опрошенных, больше половины жителей Сокола также довольны своим местом

жительства (59%). Население Великого Устюга и Грязовца в целом довольны местом проживания, но многое их не устраивает, так ответили 50% и 51% соответственно. Среди жителей Великого Устюга доля тех, кому «не нравится жить здесь, но привык» (13%) в два раза выше, чем среди жителей Никольска (6%).

Рейтинг наиболее острых проблем в городах, представленных на рис. 1, показал, что в большинстве городов на первое место по проблемам выходит низкое качество медицинских услуг. Несмотря на создание различных программ по привлечению медицинских специалистов в маленькие города и деревни, финансирование медицинских учреждений является недостаточным для нормальной работы больниц. В отдаленных и малочисленных городах нет возможности проводить узконаправленные обследования, нет специализированной техники и аппаратов. В Никольске основной проблемой люди считают (73%) низкую доступность жилья. В первую очередь на данную проблему влияет низкие доходы населения, и невозможность приобретения собственной жилплощади. Положительным аспектом в данном рейтинге является низкая оценка уровня преступности и незащищенности граждан: в Грязовце и Великом Устюге данную проблему выделяют лишь 3% опрошенных, в Никольске – 4%, а жители Сокола такой проблемы вообще не выделили.

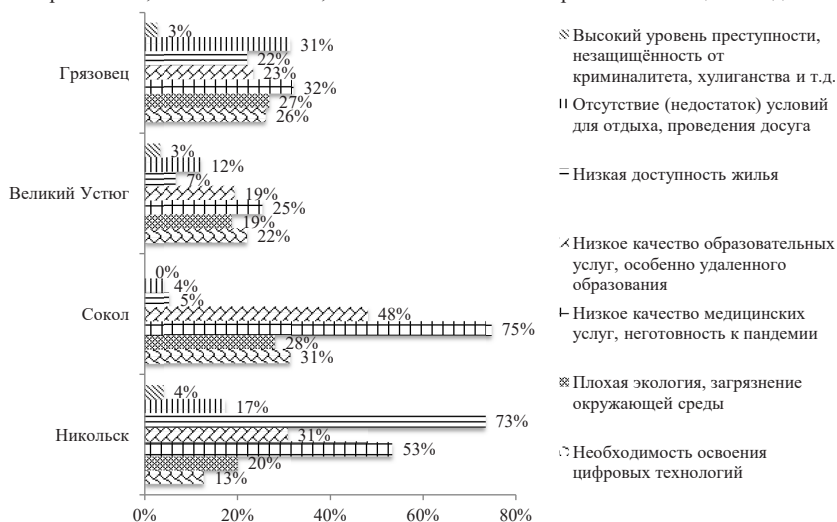

Рис. 1. Рейтинг наиболее острых проблем в малых городах области, в % (рассчитано по материалам авторского исследования)

Сейчас в современном обществе существует тенденция на экологичность, поэтому говоря о формировании комфортной городской среды, следует обращать внимание на экологическую обстановку в населенном пункте. Респондентам был задан вопрос: «Как бы Вы оценили в целом экологическую обстановку в Вашем населенном пункте?» и были получены следующие результаты. Чуть больше половины населения Никольска (57%) считают, что в их городе есть проблемы, но они не критичны. В Соколе и Грязовце жители считают, что ситуация требует внимания (72% и 29% соответственно). Наихудшую оценку экологической ситуации в городе дали жители Великого Устюга – 39%. Экология малых городов менее подвержена антропогенному воздействию, чем крупные города и мегаполисы. В малых городах загрязнения носят чаще локальный характер (табл. 2).

Таблица 2

Оценка экологической обстановки местными жителями, %.

	Никольск	Сокол	Великий Устюг	Грязовец
Опрошено, чел.	150	150	150	150
С экологией всё хорошо	11,3	10,7	5,3	8,0
Есть проблемы, но не критичные	56,7	16,0	14,7	22,7
Ситуация требует внимания	30,7	72,0	36,0	29,3
Ситуация очень плохая	0,0	0,7	38,7	19,3
Затрудняюсь ответить	1,3	0,7	5,3	20,7

Рассчитано: по материалам авторского исследования

На вопрос «Что лично Вы делаете для улучшения экологической ситуации в месте Вашего проживания?» большинство жителей отвечают, что они «не бросают мусор на улице и не разрешают этого делать своим детям», такой ответ давали больше половины всех респондентов, кроме жителей Великого Устюга. Там большинство респондентов (45%) являются организаторами субботников в своем доме. Но в то же время, особой экологической активности жители малых городов области не проявляют (рис. 2).

Рис. 2. Рейтинг дел местных жителей для улучшения экологической ситуации в городе, в % (рассчитано по материалам авторского исследования)

В завершении можно сказать, что положительная динамика прослеживается и в вопросе переезда. Жители малых городов не хотели бы переезжать из своего города. Отрицательный ответ дали 64% респондентов г. Вологды, 67% в Череповце, 76% в Никольске, 75% в Соколе, 56% в Великом Устюге и 53% в городе Грязовце. Несмотря на такие данные желание переезда напрямую зависит от факторов, которые связаны с комфортом проживания, социальной инфраструктурой и рынком труда.

Статистические и социологические данные выявляют проблемы и тенденции для развития комфортной городской среды в малых городах Вологодской области. По оценкам Минстроя прослеживается положительная динамика, а в оценках населения присутствуют нейтральные и негативно-окрашенные ответы. Общая симпатия к месту своего проживания не отменяет его критики. Наиболее актуальными проблемами, свойственными малым городам

области, согласно проведенному исследованию, являются: качество медицинских и образовательных услуг, доступность жилья, необходимость освоения цифровых услуг. Несмотря на сложные социально-экономические и финансовые составляющие малых городов, они являются важным звеном в жизни и развитии региона и страны в целом.

Литература

1. Заборова Е. Н. Городская среда как фактор развития человеческого капитала // Управленец. 2017. № 6. С. 70–75.
2. Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества матеинальной городской среды и условий ее формирования // Индекс качества городской среды [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----dtbccdtsyapabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения 02.03.2023).
3. Методика формирования индекса качества городской среды. Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 года №510-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/36153/> (дата обращения 15.02.2023).
4. Российская муниципальная практика // Общероссийский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russmp.ru/stat18-1-2.php> (дата обращения 28.02.2023).

A. Zhdanova

COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT IN SMALL TERRITORIES: PROBLEM POINTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract

The comfort of the urban environment is one of the key factors affecting the quality of life of the population, the choice of place of residence for citizens. In this matter, it is necessary to pay attention not only to the large cities of the region, but also to small ones (up to 50 thousand). In small towns, a large accumulation of labor resources is concentrated, involved in the fields of agriculture, food and forestry. Small towns may not always have an extensive financial base, but they have great development potential due to labor, natural, cultural and environmental resources. As part of this study, statistical data (index of the quality of the urban environment) on the level of development of the urban environment were studied using the example of small towns in the Vologda Oblast (Nikolsk, Veliky Ustyug, Kirillov, Sokol, Gryazovets, Ustyuzhna, Belozersk, Kharovsk, Totma, Krasavino, Kadnikov, Vytegra, Babaevo). For the purpose of a comprehensive study of the problematics, the data of the sociological measurement of the VolRC RAS were used. The opinion of residents of 4 small towns of the region was studied: Nikolsk, Sokol, Veliky Ustyug and Gryazovets (N=600). The sampling error does not exceed 3%, the method is a survey at the place of residence of the respondents. The study concluded that, in general, over the past 4 years, the development of small towns has been positive: an increase in the urban environment quality index has been recorded. However, according to the data for 2021, only 4 out of 13 small towns (Veliky Ustyug, Kharovsk, Totma, Sokol) can be classified as cities with a favorable urban environment. According to the survey, the local population is aware that they are also responsible for the development of their place of residence. The most sagging factors in these cities are the low quality of medical, educational services and housing affordability. Despite the problems, most residents do not plan to move out of their communities, even if there is such an opportunity. This shows the importance of preserving and developing small towns in the region. The issue of creating a comfortable urban environment and developing effective development tools in small towns is, of course, a popular and relevant subject for analysis and development.

Keywords: comfortable urban environment, urban space, environmental development, urban environment quality index, small towns, project.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОЖАН ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация

В настоящее время в мире происходят два глобальных процесса - урбанизация и цифровая революция. Они затрагивают все слои общества и прежде всего жителей крупных городов и мегаполисов. Урбанизация и цифровая революция влияют на человека как целостное социально-биологическое существо, изменяют физиологию, психику, интеллект и направленность его интересов. Происходят изменения во всех видах повседневности (в экономической деятельности, в досуговой, культурной, в общении). При этом последствия этих изменений могут быть оценены как противоречивые. Они влекут за собой как улучшение и облегчение жизни и усиление социально-биологической природы человека, так и новые проблемы, угрозы и вызовы для горожан.

Ключевые слова: горожанин, повседневность, цифровая революция, социально-биологическая природа, последствия.

Постановка проблемы. В настоящее время в мировой практике наблюдаются два глобальных тренда: продолжает развитие урбанизации и разворачивается новый этап научно-технического прогресса – цифровая революция. Оба процесса затрагивают большинство населения планеты, хотя и в разной степени. Урбанизация в развитых странах замедляет свои темпы, в то время как развивающиеся страны активно увеличивают количество городов. В то же время цифровая революция наиболее активно идет в развитых странах, поскольку ее реализация требует значительных финансовых вложений и определённого уровня развития цифровой культуры населения.

В нашей стране развитие цифрового общества является приоритетной государственной программой, отраженной в ряде официальных документов. Уже сегодня в практику государственного и муниципального управления внедряются такие проекты как "Цифровое государственное управление", "Информационная инфраструктура" "Информационная безопасность", "Цифровые технологии", «Умный регион», «Умный город», «Активный гражданин» и др. Масштабность задач означает, что они касаются всех групп населения от руководителей и бизнеса до рядового горожанина. При этом происходящие процессы идут очень быстрыми темпами, влекут за собой не только явные выгоды для горожан, но одновременно порождают новые угрозы и проблемы. Все более актуальным становится научное изучение влияния урбанизации и цифровой революции на повседневную жизнь горожан.

Методологические и эмпирические основания. В качестве методологической основы используются концепты «горожанин», «повседневность», «урбанизация», «цифровая революция».

Термин горожанин в классическом понимании означает житель города. При этом ученые расходятся в толковании самого термина «город», особенно его нижней границы. По каким критериям следует отличать малый город и развитый поселок городского типа? В научной литературе существует большая россыпь критериев [13], среди наиболее популярных можно назвать такие как административный статус, численность жителей и специфика городской жизнедеятельности [17]. Для нас важно то, что цифровая революция в нашей стране наиболее интенсивно воплощается в крупных городах и мегаполисах, лишь частично проявляя себя в малых городах. При этом нет разногласий в вопросе об отнесении поселения к крупному городу. В России в качестве такого признается город с населением более 250 тыс. человек. Таким образом, в данной статье под горожанином мы понимаем жителя крупного города. При этом не имеет большого значения фактор длительности проживания в городской среде: глобальные процессы затрагивают всех.

Опираясь на концепцию структуры направленности личности, предложенной К. Платоновым [10], мы выделяем четыре важнейших подструктуры в горожанине: подструктуру физико-биологических свойств, подструктуру психических характеристик, интеллектуальных процессов и подструктуру направленности (основной интерес, главные личностные смыслы).

Вопрос о повседневности как обычной, типичной, рутинной деятельности также нашел отражение в научной литературе [7; 14]. Отмечаются такие черты повседневной деятельности как неотложность, настоятельность, необходимость деятельности в короткие отрезки времени [1], типичность и постоянство данных видов деятельности. Такая деятельность имеет громадное значение для функционирования и развития человека: стереотипность освобождает наше сознание от осмысления ежедневной деятельности и позволяет узнавать новое [8]. В качестве наиболее частых видов повседневности анализируются экономическая деятельность (работа, финансовые операции, покупки и пр.), бытовая (жилищно-коммунальная активность, перемещение в пространстве и пр.), культурная (образование, информационная и др.), общение (контакты, взаимодействие).

Урбанизация понимается как процесс увеличения численности городов и распространение городского образа жизни на другие типы поселений [3; 8; 19; 21]. В настоящее время по информации Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам Хабитат в мире в городах проживает более 55% населения и этот процесс прогрессирует. Общемировой тенденцией можно назвать превращение мегаполисов в агломерации, при котором крупные города образуют тесные хозяйственно-культурные связи с близлежащими более мелкими поселениями [5].

Цифровая революция – это этап научного технического прогресса информационной эпохи. Отмечается несколько качественных скачков разворачивании научно-технического прогресса [9]. Первый этап начался в XVII–XVIII веках и означал институализацию науки как важного метода познания. Второй этап (начало XIX века) ознаменовался превращением науки в непосредственную производительную силу и главный двигатель технического развития общества. Современные научно-технические процессы оцениваются как третий этап, получивший название цифровой революции. Ее главным отличительным признаком можно назвать взрывной характер нарастания информации и увеличение знаний человечества о способах ее обработки, хранения и передачи. Она воплощается в интернете вещей, искусственном интеллекте, биотехнологиях и нейротехнологиях, геномной инженерии, которые непосредственно внедряются в повседневность горожан [20; 22].

В качестве эмпирической базы работы используются результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, данные статистики. Также мы опираемся на данные, полученные в ходе социологического опроса жителей Свердловской области на тему «Цифровое общество и его проблемы», проведенного кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета в 2022 году. Была разработана авторская анкета и посредством интернет-анкетирования опрошены жители всех возрастных категорий и разных типов поселений региона (N=700). Большинство респондентов составили жители крупных городов.

Последствия реализации цифровой революции: влияние на социально-биологическую природу человека. Последствия реализации затрагивают человека как целостного социально-биологического существа. Они проявляются на всех уровнях – биологическом, психическом, интеллектуальном, влияют на направленность его главных интересов.

Современные нано- и биотехнологии, успехи химии и других наук позволяют заменять больные органы на искусственные, что делает их более долговечными, чем естественные органы человека. Люди уже спокойно воспринимают наличие вставных зубов, сердечных клапанов, слуховых аппаратов, на повестке дня стоит вопрос о внедрении чипов, позволяющих усилить память человека, превратив его в подобие компьютера, который ничего не забывает и может усваивать огромные объемы информации. Вряд ли человечество откажется от такой

возможности, однако следует подумать и об угрозах – такой человек легко управляется извне. Об этом уже сегодня убедительно свидетельствует опыт Китая [15], где функционируют особые программы лояльности, учитывающие фиксируемое камерами поведение горожанина в пространстве города, что приводит в последствии к соответствующей положительной или отрицательной реакции на него со стороны власти. С внедрением чипов возможность манипуляции резко возрастает, человек постепенно превращается в биоробота.

На психическом уровне цифровая революция и урбанизация усиливают стрессогенность среды, что приводит к повышенному напряжению организма и чревато усилением органических заболеваний. Люди вырабатывают различные стратегии выживания: от отказа взаимодействия со средой (не смотрят телевизор, не слушают радио), до попыток активно адаптироваться и жить на грани физического и психического истощения.

На интеллектуальном уровне наблюдается изменение способов восприятия и способов обработки информации. Все более нарастает клиповое мышление, когда на смену логического, глубокого осмысления материала приходит ее беглый просмотр, нередко в картинках. Специалисты пишут о новой когнитивной революции - возможной смене аналитического мышления на наглядно-образное, что, вероятно, означает возврат к ранним этапам развития человечества [2]. Отмечается ослабление долговременной памяти, что опосредовано активным использованием сотовых телефонов и компьютеров, позволяющих быстро находить всю необходимую информацию.

В сфере направленности интересов горожанина наблюдается очень пестрая картина, в которой можно выделить такой тренд, как возрастание интереса к нахождению информации посредством интернета, что означает необходимость компьютерной грамотности как базового условия для такой деятельности. Результаты нашего исследования 2022 года показывают, что в целом горожане сегодня демонстрируют высокий уровень овладения компьютерной грамотностью: на базовом уровне (обычный пользователь) работает 32%; на среднем (могут работать со многими компьютерными программами, осуществляют некоторые операции, требующие специальных знаний в информационных технологиях) – 60%; на высоком (могут писать программы, обладают квалификацией в сфере информационных технологий) – 8%. Компьютерная грамотность в целом выше у горожан крупного города, нежели у жителей малого города и сельской местности.

Таким образом, современная цифровая революция оказывает влияние на все стороны личности горожанина, при этом многие из этих изменений можно в целом оценить как позитивные. Однако нарастают и угрозы. Ученые констатируют увеличение таких явлений, как компьютерная зависимость, цифровой аутизм, информационная интоксикация.

Влияние на повседневные виды деятельности. Цифровая революция и урбанизация приводят к изменению повседневной жизни горожан во всех ее видах – в труде, быту и отдыхе, культуре и общении. При этом при всем разнообразии реальных практик все они имеют ряд общих черт.

Во-первых, все изменения характеризуются увеличением информационно-компьютерной компоненты. По данным нашего исследования (2022 г.), ежедневно проводят за компьютером с разными целями от 3 до 5 часов 18,9% жителей региона, 2–3 часа – 15,8%, более 5 часов – 37,4%. Во-вторых, наблюдается синергетический эффект, когда идет не только услужение систем, но и появление у нее новых качеств, отсутствующих ранее [6]. Нарастает сложность осуществления повседневной деятельности, многие ее виды уже нельзя реализовать без привлечения профессионалов. В-третьих, процессы характеризуются ускоренными темпами изменений. Отражением этих черт цифровой революции в повседневности выступает повышенная требовательность к адаптационным способностям человека, умению приобретать знания на протяжении всей жизни, быстро реагировать на новые изменения. Известно, что горожане адаптируются к переменам по-разному, возник новый тип неравенства – информационное неравенство.

Многочисленные доказательства можно привести относительно значительных изменений в повседневной экономической деятельности горожан. Это и виртуальная

финансовая деятельность, связанная с удаленным использованием банковских карт без необходимости посещать офисы банков. И интернет-торговля, получившая в последнее время широкое распространение. Результаты нашего исследования показывают, что только 17% горожан не тратят время на покупку вещей через интернет, 72% тратят на это от 30 минут до 1 часа. Также активно распространилась в повседневности горожан и удаленная работа.

Широко внедрили в ежедневную практику горожан использование информационных систем в повседневной бытовой жизнедеятельности (электронные датчики сигнализации, информационные стенды на остановках транспорта, электронная оплата билетов и многое другое). Все большее распространение получает практика интернета вещей, в которой в единую систему, контролируемую со смартфона, включены наиболее важные элементы инфраструктуры дома (освещение, контроль температуры, охрана и др.). О глубине этого процесса свидетельствует факт создания спецификации умного дома Matter 1.0, произведённой Организацией Connectivity Standards Alliance (CSA). Организация реализует программу сертификации продуктов, системы интернета вещей, что позволяет пользователю легко совмещать разные приборы и системы при их использовании.

В сфере культуры в обществе стали повседневными такие действия, как онлайн посещение театров и концертов, просмотр спортивных зрелищ, чтение электронных книг, дистанционное образование и пр. Они позволяют получить доступ к культуре самым широким слоям населения. Однако и тут отмечается множество угроз и проблем. Так, достаточно доказано, что дистанционное обучение в высшей школе, которое приветствуется студентами в силу пространственной и финансовой доступности, не дает такого качества знаний, как традиционное классическое аудиторное образование [4]. Огромной проблемой является распознавание фейковой информации. Наше исследование показало, что 91% респондентов сталкивались с фейковой информацией, при этом 66% понимает под фейковой информацией полное ее искажение, 23% - неточное изложение событий, 6% – частичное умалчивание (изложение только части информации). 30% респондентов отметили, что затрудняются отличить фейковую информацию от достоверной.

Особенно яркие изменения произошли в повседневном общении горожан. Еще Г. Зиммель писал о том, что город способствует нарастанию отчужденности человека, его одиночеству в толпе. Цифровая революция намного обострила эту проблему. Люди предпочитают повседневно общаться виртуально вместо общения в одном реальном пространстве (поздравления по телефону, бытовые разговоры через интернет, видеоконференции, интернет-деловые встречи и пр.). Человек все более замыкается в своем домашнем пространстве, отдаляется от соседей и коллег. Конечно, он не потерял необходимости в живом взаимодействии с людьми (что показал опыт COVID -19), он нуждается и понимает ценность живого общения, однако указанная тенденция существует и представляет собой проблему для общества.

В целом можно заметить, что все информационно-цифровые системы делают повседневную жизнь более легкой для человека (в случае, если он владеет информационными технологиями). В то же время замена человека машиной создает угрозу превращения горожанина в человека ленивого, которому не нужно в повседневной жизни напрягаться ни физически, ни умственно [12].

Заключение. Мы представили краткий и не полный анализ тенденций изменения повседневности горожан, однако и он свидетельствует о кардинальных изменениях как в целом социально-биологической природы человека, так и отдельных видов его повседневной жизнедеятельности. Сегодня развитие названных тенденций затормозилось внешними обстоятельствами, проведением специальной военной операции. Однако, со временем, если жизнь вернется в нормальное русло, указанные тенденции могут нарастать. Они, несомненно, затронут все городские социальные группы, скажутся на каждом горожанине. На повестку дня встает вопрос о самом существовании города как социального феномена, так как значительно изменяется пространственная закреплённость его функций [5]. Оценивая позитивно многие из

названных перемен, следует более внимательно изучать и негативные последствия их внедрения, видеть проблемы и угрозы как для горожанина, так и для общества в целом.

Литература

1. Артемов В. А., Новохацкая О. В. Повседневная деятельность как элемент повседневности // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39927> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Вздорова Л. П. Шестой технологический уклад: когнитивная революция // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 9-1. С. 60-62.
3. Глазых В. Л. Город без границ. М.: Издат. дом «Территория будущего». 2011. 400 с.
4. Заборова Е. Н., Глазкова И. Г., Маркова Т. Л. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 131–139.
5. Заборова Е. Н. Будущее городов в информационно-цифровую эпоху. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 2. С.124-134.
6. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
7. Капкан М. В. Культура повседневности : [учеб. пособие]. М-во образования и науки Рос. Федерации. Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2016. 110 с.
8. Меренков А. В. Социология стереотипов. М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2001. 292 с.
9. Павличенко А. В. Технологические революции и их влияние на развитие экономики // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 7. С. 465-470.
10. Платонов К. К. Структура и развитие личности; отв. ред. А. Д. Глотовкин. АН СССР. 11. Ин-т психологии. М.: Наука, 1986. 254 с.
12. Рязанов В. Т. Новая технологическая революция: ожидание и варианты будущей модели экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 4(62). С. 43-51.
13. Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике: колл. монография. Отв. ред. Х. Беркинг, М. Лёв. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 420 с.
14. Степочкина Е. А. Управление повседневностью: монография. Москва; Берлин. Директ-Медиа. 2021. 107с.
15. Трубицын С. Д., Остапенко А. А., Чекменёва Т. Г. Особенности информационной политики и способы обеспечения информационной безопасности Китая: исторический и философский аспекты // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. Выпуск № 1 (22). С. 222–234.
16. Швецов А. Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. 2017. Т.4. №5. С. 20-35.
17. Щербакова Е. Население городов мира по оценкам ООН 2018 года // [Электронный ресурс] <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/barom01.php>; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Methodology. Working Paper No. ESA/P/WP.252. P.23 (дата обращения 09.02.2023).
18. Bertinelli L, Black D. Urbanization and growth. J Urban Econ, 2004, 56. Pp.80–96.
19. Davis K. The urbanization of the human population. In: Menard S W, Moen E W, eds. Perspectives on Population: an Introduction to Concepts and Issues. New York: Oxford University Press, 1987. Pp. 322-330.

20. Satyanarayanan M. Mobile computing: the next decade. In: Proceedings of 1st ACM Workshop on Mobile Cloud Computing & Services: Social Networks and Beyond. New York: ACM, 2011. 5.
21. Haughton G. Developing sustainable urban development models. Cities, 1997, 14. Pp.189-195.
22. Yin C. T., Xiong Z., Chen H., et al. A literature survey on smart cities. Sci China Inf Sci, 2015.

E. Zaborova

CHANGING THE EVERYDAY LIFE OF CITIZENS UNDER THE INFLUENCE OF THE DIGITAL REVOLUTION

Abstract

Currently, two global processes are taking place in the world - urbanization and the digital revolution. They affect all strata of society and, above all, residents of large cities and megacities. Urbanization and the digital revolution affect a person as an integral socio-biological being, change the physiology, psyche, intelligence and orientation of his interests. There are changes in all types of everyday life (in economic activity, in leisure, cultural, in communication). At the same time, the consequences of these changes can be assessed as contradictory. They entail both improving and facilitating life and strengthening the socio-biological nature of man, as well as new problems, threats and challenges for citizens.

Keywords: citizen, everyday life, digital revolution, socio-biological period, consequences.

УДК 316.334.56

A. С. Касяновская

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА И ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация

В статье рассматривается состояние, особенности и перспективы развития социологических исследований города и процессов урбанизации в Беларуси, раскрывается предметное поле подобных исследований, которое охватывает: вопросы методологии изучения городского пространства, планирование городского развития; условия и организацию повседневной городской жизнедеятельности; образ жизни и самочувствие людей, живущих в городах. Аргументируется тезис о необходимости консолидации потенциала региональной, университетской и академической социологии в области исследования города и процессов урбанизации, что результативность научных проектов в рамках социологии города достигается тогда, когда они представляют собой синтез теоретического знания и конкретно-эмпирических исследований, а также применимости полученных результатов в практике планирования развития городов и организации городской жизнедеятельности.

Ключевые слова: город, урбанизация, региональная социология, социологическая урбанистика, междисциплинарность, социальные науки, Беларусь.

Исследования города и процессов урбанизации являются проблемным полем разных областей современного научного знания, в том числе и социологического. Город для социологов – это сложный социальный механизм, в котором процессы урбанизации связаны не только с ростом городского населения, но также с усилением их экономической, политической и культурной роли. Возрастание роли городов наблюдалось на всем протяжении истории человечества, но лишь в XIX веке начинается существенная концентрация людей в городах, которая усиливается в XX веке и достигает своего пика после второй мировой войны. Во второй половине XX в. процесс урбанизации активно охватил Беларусь, доля городского населения которой достигла к 2023 г. 78,1 % [12]. Современная урбанизация – это процесс появления уже не только крупных городов, но и объединений городов – городских агломераций. Для современной урбанизации в мире характерны следующие особенности:

1. концентрация, интенсификация, дифференциация и разнообразие городских видов деятельности в городах;

2. развитие крупных городских агломераций. Усложнение форм и систем урбанизированного расселения: переход от точечных агломераций к линейным (к узловым, полосовым и т. д.);

3. увеличение радиусов расселения в пределах агломераций и урбанизированных районов, связанных с зонами труда, жилья, отдыха и т. д.

Урбанизация сегодня неминуемо затрагивает и существенно деформирует структуру пригородов, размеры сельской местности (обычно в сторону сокращения). Стремительное развитие пригородов (субурбанизация) и внедрение городских норм условий жизни на селе (рурурбанизация) – отличительные черты современной урбанизации в Беларуси.

Социология города как одно из самостоятельных теоретико-прикладных направлений социологии представляет собой сложное многообразие взглядов, теорий и гипотез, традиционных и инновационных исследовательских методов, а также способов изучения и интерпретации разнообразных социальных явлений в городском пространстве. Многоаспектность научного наследия и дискуссионный характер вопросов по специфике развития городской среды и социума стали главными причинами междисциплинарности современных городских исследований. Социологическое исследование города и процессов урбанизации тесно переплетаются с регионалистикой, градостроительством и городским планированием, историческим краеведением, культурологией, политической наукой, социальной географией, антропологией и этнографией, исследованиями этничности и миграций, искусствоведением, экономикой и т. п. В социологических исследованиях города сегодня интенсивно используются теоретические рамки и подходы, имеющие несоциологическое происхождение [1, с. 43; 2].

В научном сообществе существует многообразие подходов к пониманию урбанизации, так как данная область находится в центре внимания не только социологов, но и представителей других наук. Наиболее распространённым пониманием урбанизации является демографическое, однако в социологии получают развитие и другие подходы, в центре внимания которых изменение производственной деятельности, социальных отношений, норм и моделей поведения. Социология позволяет изучать как глобальные социальные процессы, так и региональные повседневные практики, поскольку исследователи акцентируют свое внимание на различных, наиболее значимых, с их точки зрения, аспектах социальной жизни в городе.

Социологическое исследование города в Республике Беларусь носит преимущественно региональный характер. Работы белорусских социологов последнего двадцатилетия посвящены эмпирическим исследованиям городов и отдельных сообществ, публичных пространств и мест, городской повседневности, семантике, городскому искусству и т. д. В фокусе внимания исследователей преимущественно областные города и столица Беларуси, их внутригородское развитие. В 2001 г. вышла коллективная монография профессорско-преподавательского состава кафедры социологии Белорусского государственного университета «*Культурный комплекс г. Минска и пути повышения эффективности его работы*», которая посвящена проблемам развития культурного комплекса г. Минска. В ней содержится анализ культурных запросов различных групп горожан, роли культуры и искусства в их жизни. Дано описание состояния культурного комплекса г. Минска, определены пути повышения эффективности его работы и перспективные направления развития [6].

В коллективной монографии 2009 г. «Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку» представлены результаты исследования изменений в политической и символической репрезентации трех столиц постсоветских республик. Используя опросные методы и метод сравнительного анализа, белорусские социологи создали своеобразные портреты-образы этих городов с точки зрения тех визуальных изменений, которые произошли за постсоветский период и репрезентируют разные направления развития каждой столицы [13].

К числу традиционных и приоритетных научных направлений городских исследований в Беларуси можно отнести изучение образа жизни и самочувствия людей, в нем живущих.

Социологические исследования в данном случае направлены на изучение ценностных ориентаций и особенностей поведения городских жителей, составление их обобщенного социально-психологического портрета и портретов отдельных социально-демографических групп населения. В Минске результатом таких исследований стало издание монографий: «Молодежь города Минска: социальный портрет» [10], «Молодая семья в г. Минске» [9], «Минчане в начале XXI века: социальный портрет» [8].

В 2005 г. увидела свет коллективная монография под общей редакцией доктора социологических наук, профессора А. В. Рубанова «*Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет*» [8]. В монографии раскрыты ценностные ориентиры и жизненные планы столичных жителей, их отношение к труду и образованию, социальный капитал и межличностные отношения, культура здоровья, экологическое сознание, формы проведения досуга, бюджет времени и другие важнейшие показатели образа жизни и мировоззрения жителей Минска. Эмпирическую базу научной работы составили результаты анкетных опросов различных групп городского населения, социально-психологических исследований в малых группах с использованием качественных методов, данные статистики.

Необходимо также отметить, что в социологической урбанистике появляются и новые темы, связанные с глобализацией [2; 7], цифровизацией [19; 20] и другими значимыми социальными процессами современности (субурбанизации, конурбанизации и т. д.) [15]. В фокусе внимания исследователей – опыт социального картирования в городских исследованиях [4], применение ГИС-технологий в изучении социального пространства города [3, 20], вопросы маркетинга и брэндинга городов Беларуси [8], стратегического планирования и районирования городского пространства [5, 25], медиация в решении городских конфликтов [24] и др. Все вышеуказанные аспекты и другие вопросы обсуждались на республиканских и международных научно-практических конференциях в Беларуси, посвященных социальным практикам и развитию городской среды [14, 16–18, 21–23].

В настоящее время в Республике Беларусь проведение региональных городских исследований осуществляется деятельностью профессорско-преподавательского состава специализированных кафедр ведущих вузов страны: кафедры социологии Белорусского государственного университета (заведующий кафедрой – доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов); кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (заведующий кафедрой – кандидат социологических наук, доцент О. Н. Гаврилик); кафедры политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (заведующий кафедрой – кандидат социологических наук, доцент С. Н. Лихачева) и кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (заведующий кафедрой – кандидат политических наук, доцент Е. В. Скакун). На протяжении значительного периода времени в вышеназванных университетах осуществляется подготовка студентов по специальности 1-23 01 05 «Социология» на первой и второй ступенях получения высшего образования, а также преподавание таких дисциплин как: «Демография», «Социология города», «Цифровая культура: методология исследования и современные практики» и др. Количество студентов, магистрантов, получающих высшее образования на разных специальностях и желающих заниматься вопросами развития города и городскими исследованиями, растет, что безусловно, создает хорошие кадровые перспективы для развития данной отрасли научного знания.

Значительную роль в развитии исследований города и процессов урбанизации играет деятельность Института социологии Национальной академии наук Беларуси, директором которого является кандидат социологических наук, доцент Н. Л. Мысливец. В структуре Института социологии успешно функционируют несколько отделов: отдел региональной социологии (заведующий отделом – кандидат социологических наук Н. Л. Балич), центр оперативных исследований (руководитель центра – кандидат социологических наук А. М. Бельский), отдел социальной теории и методологии (заведующий отделом – доктор

социологических наук, профессор С. А. Шавель), отдел социологии социальной сферы (заведующий отделом – кандидат социологических наук В. Р. Шухатович) и др. Предметом внимания академических ученых является социологическое сопровождение процессов реализации стратегических планов социально-экономического развития городов и регионов, мониторинг социального самочувствия горожан, в ходе которого выявляются и описываются социальные ориентации различных социальных групп и общностей, актуальные проблемы управления городом, особенности образа и качества жизни в разных типах городских поселений [11, с. 60]. В будущем, хотелось бы надеяться, что Институт социологии НАН Беларуси станет единым республиканским центром городских исследований (возможно, в рамках специализированного отдела), который продолжит работу в направлении координации усилий и взаимодействия академических и региональных исследований в области урбанистики.

Возможность знакомить своих читателей с результатами научных исследований в области изучения города и городского пространства обеспечивают все периодические научные издания Беларуси, к числу которых относятся «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», «Весці НАН Беларусі», «Социологический альманах», университетские научные и научно-практические издания. Безусловно, хотелось бы иметь специализированное научное издание по урбанистике, в котором публиковались научные результаты всех исследователей (социологов, историков, культурологов, краеведов и т. д.)

Вклад социологической урбанистики в современные исследования белорусского города и урбанизации остается весьма весомым, поскольку она предлагает исследование сложных социальных проблем, понимание которых необходимо для представителей других наук, пытается привести в эмпирические исследования города свои особые темы и методы.

Литература

1. Володажская Т. Городские исследования в Беларуси: теоретико-методологические проблемы // Палітычная сфера. 2009. №12. С. 29-43.
2. Данилов А. Н. Социологическая наука и образование в Беларуси: история и повестка дня на завтра // Социология. №5. 2019. С. 209-227.
3. Касяновская, А. С. Чувство места как фактор участия: опыт социального картирования // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы Гродно : ГрГУ, 2022. С. 41-47.
4. Касяновская, А. С., Обухова Е. Н. Ментальные карты как метод анализа городского пространства // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 2022. Т. 12. № 3. С. 89-97.
5. Комплексный прогноз развития города Минска на период до 2020 года (ориентировочный вариант): в 5-ти томах. Минск, 2002.
6. Культурный комплекс г. Минска и пути повышения эффективности его работы / В. А. Бобков, А. С. Майхрович, А. В. Рубанов, С. А. Шавель и др. Минск : МНИИСЭПП, 2001.
7. Лебедева Е. В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов // Социология. 2015. №3. С. 114-140.
8. Минчане в начале XXI века: соц.-экон. и психол. портр. / А.В. Рубанов [и др.] Минск : Юнипак, 2005. 164 с.
9. Молодая семья в г. Минске / В. А. Бобков, Е. М. Бабосов, А. В. Рубанов и др. Минск : МНИИСЭПП, 2006. 85 с.
10. Молодежь города Минска: социальный портрет / В. А. Бобков, Е. М. Бабосов, А. В. Рубанов и др. Минск : МНИИСЭПП, 2004. 186 с.
11. Мысливец Н.Л. Развитие региональной социологии в Беларуси как императив времени // Социологический альманах. Вып. 13. 2022. С. 53-62.

12. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 27.03.2023).
13. Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку / Й. Терборн [и др.] Минск : Издательский центр БГУ, 2009. 270 с.
14. Процессы урбанизации в Беларуси XIX – XXI вв. : сб. науч. труд. ГрГУ им. Янки Купалы. Гродно : ГрГУ, 2010. 389 с.
15. Рубанов, А. В. Социология города: традиции и современные подходы / А.В. Рубанов. – Социология. №1. 2013. С. 31–39.
16. Современные стратегии развития мегаполисов и крупных городов: материалы междунар. научно-практ. конф. 9–10 октября 2003 г., Минск. Минск, 2003.
17. Стратегический план города: опыт разработки. Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2021 г. Минск : БГУ, 2021.
18. Стратегическое планирование и управление развитием городов: материалы междунар. научно-практ. конф. 7–8 октября 2004 г. Минск, 2004.
19. Терещенко М. С. Наружная реклама в городской среде: цифровая трансформация // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2021. Минск : БГУ. С. 289-292.
20. Титаренко Л. Г., Капетян Р. В. «Цифровой город» и «цифровые компетенции» горожан: тенденции развития Р.В. // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., 25–26 нояб. 2021. Минск : БГУ. С. 302-309.
21. Устойчивое развитие современных крупных городов: теория, опыт, проблемы: материалы междунар. научно-практ. конф. 23–24 мая 2002. Минск : БГУ.
22. Цифровое общество и технологии в Беларуси: социологический анализ. Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 13–15 мая 2021. Минск : БГУ.
23. Цифровые технологии в повседневной жизни людей. Социологическое прочтение настоящего и контуры будущего : материалы междунар. науч.-практ. конф. 19 нояб. 2020. Минск : БГУ, 2020.
24. Чечко К. А. Медиация в решении городских конфликтов // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2021. Минск : БГУ. С. 341-346.
25. Шушунова Т. Н. Студенческий кампус в пространстве городской среды // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф. 25–26 нояб. 2021. Минск : БГУ. С. 341-346.

A. Kasyanouskaya

STUDIES OF THE CITY AND URBANIZATION PROCESSES IN BELARUSIAN SOCIOLOGY

Abstract

The article describes the state, peculiarities and prospects of development of research on the city and urbanization processes in Belarus, reveals the subject field of such research, which covers: issues of methodology of urban space study, planning of urban development, conditions and organization of everyday urban life, lifestyle and well-being of people living in cities. The thesis on the need to consolidate the potential of regional, university and academic sociology in the research of the city and the processes of urbanization is argued, that the effectiveness of scientific projects in the framework of sociology of the city is achieved when they are a synthesis of theoretical knowledge and concrete empirical research, as well as the applicability of the results in the practice of planning urban development and organization of urban life.

Key words: city, urbanization, urban space, sociological research, sociological urban studies, interdisciplinarity, social sciences, Belarus.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ И МАЛЫХ ГОРОДОВ

Аннотация

Высокая актуальность экологической проблематики и значимость территориального фактора определила цель исследования, которая состоит в изучении отношения местных сообществ крупных и малых городов к экологической ситуации в стране и на территории проживания, а также в выявлении реального участия жителей городов в деятельности по улучшению окружающей среды. Для проведения анализа выбрана Вологодская область. В состав региона входят крупные города с населением более 100 тыс. чел. – г. Вологда и Череповец (промышленный центр), а также 13 малых городов с населением менее 50 тыс. чел. Эмпирическую базу исследования составил массив данных социологического опроса, проведенного на территории Вологодской области в двух крупных городах и пяти малых (2021 год, N=1550). В результате исследования выявлено, что наиболее остро проблема экологии и загрязнения окружающей среды оценивается жителями крупных городов, чем малых. Выявлено, что местное сообщество малых городов более ответственно относится к месту жительства и готово решать проблемы плохой экологии совместными усилиями. Проанализированы особенности реального участия граждан в деятельности по улучшению окружающей среды городов. Экологическое поведение более активно проявляют жители малых городов, чем крупных. Однако выявлено преобладание общей экологической пассивности населения как малых, так и крупных городов. Присутствует разрыв между желанием людей изменить экологию в лучшую сторону и реальными действиями. Проанализирована практика по раздельному сбору мусора. Обозначены причины низкого уровня участия населения в экологической деятельности и проектах в малых городах. Особое внимание уделяется обеспечению экологически устойчивого развития городов путем совместных усилий всех заинтересованных сторон – региональной и муниципальной власти, предприятий, бизнеса, некоммерческих организаций, местных сообществ.

Ключевые слова: малые и крупные города, экология, окружающая среда, экологическое гражданское участие, местное сообщество, устойчивое развитие, экосоциология.

В настоящее время, несмотря на международную напряженность и экономические трудности, экологическая повестка остается актуальной для российского общества. Проблемы загрязнения окружающей среды, как правило, находятся в центре внимания общественности и привлекают внимание как политиков, так и широкой аудитории [2]. В то же время благоприятная экология является одним из индикаторов и базовых основ устойчивого развития не только страны в целом, но и крупных городов, малых населенных пунктов [1; 6].

Подход к изучению экологической повестки в обществе основывается на теоретических концептах экологической (инвайронментальной) социологии. В центре данной области знаний находятся социальные факторы, которые влияют на управление природными ресурсами и вызывают экологические проблемы, особое внимание уделяется реакции общества на эти проблемы. Рассматривается построение оптимальных отношений между обществом и природой, предполагающие целенаправленное улучшение качества окружающей среды [5].

Настоящее исследование направлено на изучение отношения местных сообществ крупных и малых городов к экологической ситуации в стране и на территории проживания, а также в выявлении реального участия жителей городов в деятельности по улучшению окружающей среды. Для проведения анализа выбрана Вологодская область.

Следует отметить, что в России согласно Градостроительному кодексу к малому городу и поселку городского типа относятся населенные пункты с численностью населения до 50 тыс. чел., к крупному городу – от 250 тыс. до 1 млн. чел. По состоянию на 2021 год на территории страны насчитывалось 240 крупных городов и 801 малых, самая многочисленная группа городов, которая составляет 71% от общей численности. В малых городах проживает

16,6 млн. чел., в крупных – 24,4 млн. чел. В Вологодской области по административно-территориальному делению в состав входят крупные города с населением более 100 тыс. чел. – г. Вологда и Череповец (промышленный центр), а также 13 малых городов с населением менее 50 тыс. чел.

Эмпирическую базу исследования составил массив данных опроса, проведенного на территории Вологодской области в двух крупных городах и пяти малых (2021 год, N=1550). Рассматриваются средние значения по включенным в исследования типам городов.

Формирование и понимание экологической повестки в сознании населения следует начинать с общего контекста, отражающего мнения местного сообщества о территории проживания. Анализ отношения населения к месту проживания показал, что жители малых городов испытывают более позитивные чувства к своей территории, чем крупных (табл. 1).

Таблица 1

Отношение населения крупных и малых городов Вологодской области к месту проживания, в %

Вариант ответа	Крупные города (среднее значение)	Малые города (среднее значение)
Я рад, что живу здесь	23	35
В целом я доволен, но многое не устраивает	45	42
Не испытываю особых чувств по этому поводу	25	17
Мне не нравится жить здесь, но привык	7	6

Источник: социологический опрос, Вологодская область, 2021 год, N=1550.

Результаты исследования общественного мнения свидетельствуют, что у жителей малых городов уровень ответственности за развитие места проживания выше, чем у представителей крупных городских территорий. Считают, что развитие города зависит от самих жителей 52% респондентов малых городов. В крупных городах такого мнения придерживается 34%. В основном ответственность жители больших населенных пунктов возлагают на органы различных ветвей власти и местное самоуправление.

Наблюдается различное отношение к проблемам экологии. Наиболее остро проблема экологии и загрязнения окружающей среды оценивается жителями крупных городов Вологодской области (33%), чем малых (22%). В большей степени население волнует низкий уровень жизни, постоянный рост цен; низкое качество медицинских и образовательных услуг; доступность жилья и расслоение населения на «бедных» и «богатых». Для жителей крупных городов плохая экология в рейтинге проблем находится на 4 месте, для малых городов – на 6 месте из 13 предложенных. Объединяться в целях улучшения экологической обстановки готовы 24% горожан вне зависимости крупный это город или малый.

Территориальное сопоставление суждений об экологической ситуации в населенном пункте непосредственного проживания демонстрирует, что жители малых городов оценивают состояние окружающей среды как не критичное. При этом высокая доля ответов, что ситуация требует внимания. Положительных отзывов 11%. Неудовлетворённость экологией в той или иной степени в крупных городах отмечают 66% местного сообщества (табл. 2).

Таблица 2

Оценка экологической обстановки в месте проживания, в %

Вариант ответа	Крупные города (среднее значение)	Малые города (среднее значение)
С экологией всё хорошо	5	11
Есть проблемы, но не критичные	18	32
Ситуация требует внимания	27	37
Ситуация очень плохая	39	13
Затрудняюсь ответить	10	7

Источник: социологический опрос, Вологодская область, 2021 год, N=1550

Можно констатировать, что совокупность негативных ответов независимо от территории превышает долю позитивных оценок, наблюдается общее осознание неблагоприятной экологической ситуации в представлениях населения и необходимость принятия мер по ее исправлению. Отрицательные воздействия на природную среду носят локализованный характер и оказываются в основном в крупных городах, где располагаются предприятия черной металлургии химической промышленности и сосредоточена большая часть автомобильного транспорта. Следует отметить, что промышленный центр региона г. Череповец по значениям показателя выброса в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников 2020 году находится на 2-м месте в России. На ПАО «Северсталь» приходится 69% выбросов по области и свыше 90% выбросов по городу [3].

Социологические данные показывают, что в сообществе малых и крупных городов сформировывался запрос на защиту и улучшение экологического потенциала территорий. В этой связи возникает вопрос о расширении возможностей участия самих жителей рассматриваемых населенных пунктов в решение экологических задач.

В первую очередь необходимо рассмотреть, насколько население готово нести ответственность за состояние экологии. Обязательства в сфере защиты окружающей среды в крупных городах большей степени возлагается жителями на федеральную власть (51%), правительство, региональные органы управления (55%) и местные (56%). В меньшей степени на предприятия и организации (17%). Собственную ответственность за состояние экологии осознают – 35%. В малых городах распределение мнений выглядит следующим образом: значительно больше удельный вес отмечающих (чем в крупных городах), что сами люди несут ответственность за экологию в месте проживания, таких ответов 56%. Жители представленных территорий, считают наименее ответственными за экологическое развитие общественные организации.

Таким образом, обобщенные данные позволяют определить следующий тренд – местное сообщество малых городов более ответственно относится к месту жительства и экологическому развитию, сопричастно к проблемам места проживания, чем население крупных городов региона.

В рамках решения задачи выявления уровня реального экологического участия в исследовании было задано несколько вопросов относительно конкретных практик, которые включают в себя активные и пассивные формы участия. К активным формам относится вовлеченность в деятельность экологических организаций, постоянная работа с местными органами власти по вопросам экологии, организация субботников. Пассивные формы не предполагают приложения существенных усилий и затрат временного ресурса от человека (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что лично Вы делаете для улучшения экологической ситуации в месте Вашего проживания?», в %

Вариант ответа	Крупные города (среднее значение)	Малые города (среднее значение)
Участвую в деятельности экологической организации	3	4
Постоянно контактирую с местными органами власти по вопросам экологии	3	8
Являюсь организатором субботников у себя в доме	13	18
Участвую в деятельности экологической организации	3	4
Постоянно контактирую с местными органами власти по вопросам экологии	3	8
Являюсь организатором субботников у себя в доме	13	18
Не бросаю мусор на улице и не разрешаю этого делать своим детям	62	67

Продолжение таблиц 3

Вариант ответа	Крупные города (среднее значение)	Малые города (среднее значение)
Слежу за чистотой в подъезде, во дворе. Если надо сделаю замечание	34	41
Могу убрать мусор в подъезде, на площадке вокруг дома	25	40
Ничего не делаю, пусть этим занимаются специализированные службы	27	11

Источник: социологический опрос, Вологодская область, 2021 год, N=1550

Зафиксирован низкий уровень участия населения в общественных экологических организациях и обсуждении проблем окружающей среды с органами власти. Незначительно доля тех, кто самостоятельно выступает в роли организатора экологических мероприятий. В целом люди делают, то, что им доступно в пространстве повседневности, при этом не требуя от участников дополнительных расходов и больших усилий. Однако в распределении ответов наблюдается несущественные различия, экологическое поведение более активно проявляют жители малых городов.

Актуальной на сегодняшний день экологической проблемой является производство мусора. Население важный актор в ослаблении мусорной проблемы. Причем спектр практик, посредством которых индивиды участвуют в этом, весьма широк [4]. В настоящем исследовании проанализировано участие местного сообщества в раздельном сборе мусора. Наблюдается, что данная практика относится также к мало распространенным: в ней участвует 1–3% опрошенных (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Сегодня много говорят о раздельном сборе мусора. В городах можно встретить точки сбора. Если рядом с Вашим домом будут такие точки, Вы будете сортировать мусор?»

Вариант ответа	Крупные города (среднее значение)	Малые города (среднее значение)
Да, обязательно, буду	31	38
Скорее всего буду	51	49
Скорее всего не буду	9	8
Не буду это делать	5	4
Уже делаю это	3	1

Источник: социологический опрос, Вологодская область, 2021 год, N=1550

Результаты опроса свидетельствуют, что у населения малых городов отмечается большая готовность к ведению в свою жизнь системы сортировки бытовых отходов, чем у жителей крупных городов, несмотря на отсутствие соответствующей инфраструктуры в небольших населенных пунктах.

Анализ данных позволяет сделать вывод, что большинство опрошенных как в малых, так и в крупных городах отдают предпочтение действиям, не требующим активного включения в решение экологических проблем. При высоком уровне декларируемой значимости экологических проблем обеспокоенность состоянием экологии среди населения обследуемых территорий носит преимущественно эмоциональный характер, мало затрагивая уровень реального поведения отдельного человека. В структуре экологического сознания населения слабо развита деятельностная компонента, которая воплощается в конкретных действиях. Однако выявлен высокий потенциал участия на примере практики раздельного сбора мусора. Среди причин низкого уровня участия населения в экологической деятельности

можно обозначить: ограниченную информированность о состоянии экологии как в малых, так и в крупных городах, об институтах, которые занимаются организацией экологических проектов для населения; недостаточное развитие инфраструктуры для экологического участия.

Достижение устойчивого экологического развития завесит от объединения усилий акторов разных уровней и типов (власти, бизнеса, НКО, местных сообществ) в рамках территориальных образований. Партнерство позволит повысить уровень экологического сознания, экологического поведения и экологической культуры населения и хозяйствующих субъектов, действующих на территории крупных и малых городов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01587.

Литература

1. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона. 2014. №3. С. 101–110.
2. Ермолаева П. О., Башева О. А., Корунова В. О. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. №.2. С. 301–314.
3. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. 864 с.
4. Шабанова М. А. Социально-экономические практики населения как ресурс ослабления мусорной проблемы в России // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 50–63. DOI: 10.31857/S013216250005481-2
5. Яницкий О. Н. К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. 2014. № 4(360). С. 3–13.
6. Szetey K. E. Moallemi A., Ashton E., Butcher M., Sprunt B., Bryan B. A. Participatory planning for local sustainability guided by the Sustainable Development Goals // Ecology and Society. 2021. No. 26(3). DOI: 10.5751/ES-12566-260316

K. Kosygina

THE ENVIRONMENTAL AGENDA IN THE ESTIMATES OF THE POPULATION OF LARGE AND SMALL CITIES

Abstract

The high relevance of environmental issues and the importance of the territorial factor determined the purpose of the study, which is to study the attitude of local communities of large and small cities to the environmental situation in the country and in the territory of residence, as well as to identify the real participation of urban residents in environmental improvement activities. The Vologda Oblast was selected for the analysis. The region includes large cities with a population of more than 100 thousand people – Vologda and Cherepovets (an industrial center), as well as 13 small towns with a population of less than 50 thousand people. The empirical base of the study was an array of data from a sociological survey conducted on the territory of the Vologda Oblast in two large cities and five small ones (2021, N=1550). As a result of the study, it was revealed that the most acute problem of ecology and environmental pollution is assessed by residents of large cities than small ones. It has been revealed that the local community of small towns is more responsible about their place of residence and is ready to solve problems of poor ecology by joint efforts. The features of the real participation of citizens in activities to improve the environment of cities are analyzed. Environmental behavior is more actively manifested by residents of small towns than large ones. However, the predominance of the general environmental passivity of the population of both small and large cities has been revealed. There is a gap between people's desire to change the environment for the better and real actions. The practice of separate garbage collection is analyzed. The reasons for the low level of public participation in environmental activities and projects in small towns are outlined. Special attention is paid to ensuring the environmentally sustainable development of cities through the joint efforts of all stakeholders – regional and municipal

authorities, enterprises, businesses, non-profit organizations, local communities. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-01587.

Keywords: small and large cities, ecology, environment, ecological civic participation, local community, sustainable development, ecosociology.

УДК 332.158

Р. Р. Шаяхметова

КРЕАТИВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ГОРОДОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ

Аннотация

Городская индустрия, факторы, определяющие трансформацию городов широко обсуждаются учеными и специалистами в течение последних лет. Перспективным направлением является внедрение креативности в развитие городов. Однако не все социальные изменения оказывают влияние на городское планирование. Цель статьи – выявить источники развития креативного обновления городов. Результаты исследования показали, что несмотря на положительное отношение к своему городу, есть проблемы, которые необходимо решать (городская инфраструктура, транспорт, качество строительства, экология и др.). Реализация стратегических направлений развития Республики Башкортостан и будут являться источниками развития региона (развитие экономики и туризма, стимулирование инвестиций в культуру, строительство жилых комплексов, развитие имиджа города). Эмпирические данные позволили выделить особенности развития современного города (например, благоустройство общественного пространства, благоустройство зон для бесплатных занятий спортом, зонирование территорий по целевым группам и др.). Основными методами исследования выступили контент-анализ российской и зарубежной литературы по развитию городской среды, и онлайн-опрос. Результаты исследования могут служить базой для разработки подходов развития городов, необходимых для планирования мер государственной поддержки.

Ключевые слова: город, креативность, обновление городов, концепции городов, источники развития.

Актуальность. В течение предыдущих пяти лет в России были приняты ряд стратегических документов, определяющих развитие городов, как приоритетных пространственных территорий. Это и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. В этих основополагающих документах подчеркивается идея взаимосвязи социально-экономического развития субъектов РФ и территориального планирования, обеспечение устойчивого пространственного развития городов комфортных для его жителей.

Цель исследования – выявить источники развития креативного обновления городов.

Методология исследования: Для решения задач был использован контент-анализ российской и зарубежной литературы по креативному обновлению городов. Основным методом исследования был онлайн-опрос, выборка случайная и составила 650 человек, опрос пилотажный, сервис опросов Smpoll.ru. В опросе участвовали желающие в возрасте 20–45 человек. Это объясняется тем, что это социально-активное трудоспособное население, у них высокий уровень компьютерной грамотности. И эта категория людей является участниками различных интернет-сообществ.

Для достижения цели исследования использовалась методология системного анализа.

Результаты исследования. С социологической точки зрения город можно анализировать с разных теоретических концепций. Первая концепция изучает город как социальную общность [6, с. 368]. Е. А. Волосникова рассматривает город «сквозь призму многостороннего взаимодействия социальных общностей, охватывающего все основные сферы жизнедеятельности: от профессионально-трудовой до отдыха и развлечений» [2, с. 23].

В рамках концепции «город как социальное пространство» Л. В. Адамская подчеркивает, что «город – крупное поселение, жители которого занимаются несельскохозяйственными работами, характеризуется разнообразной рабочей и непроемственной деятельностью населения, спецификой его социального состава и образа жизни» [1, с.106]. Город отражает все социальные процессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности человека.

Концепция «Здоровый город». Е. Д. Леонтев «включает в себя 3 основные идеи, которые должны учитываться при планировании городских пространств: приоритет здоровья граждан во всех аспектах городского управления, изменение городских пространств с ориентацией на риски для здоровья жителей и экономическая оценка инвестиций с учетом будущей выгоды от внедрения новой городской политики» [4, с. 18].

Представителем концепции, рассматривающий город как социальный образ жизни, является А. Ю. Казакова [3, с. 1142]. Она анализирует территориальные связи и территориальное поведение жителей города, изучает мотивацию пригородного и городского образа жизни, принятия или непринятия конструируемой в городе территориальной идентичности.

Концепция, город как источник гражданского общества [7], освещает вопросы становления и деятельности институтов гражданского общества в полисах.

Следующая концепция – это концепция «креативного города» Ч. Лэндри. По мнению автора, «креативные города в течение десятилетий или столетий вновь и вновь изобретали себя заново, приспосабливаясь к новым условиям» [5, с.34]. Для «креативного города» важно какие люди проживают на этой территории, их культурные традиции, какие здания и их история, история территории.

К характеристикам креативного города можно отнести: адаптивность к меняющимся условиям, понимание своего положения в современной «системе координат» и четкое видение своего будущего места в меняющемся мире [5, с. 57].

Анализируя зарубежную и отечественную литературу о жизни современного мегаполиса, можно выделить основные тренды, оказывающие наибольшее влияние на развитие городов:

- новая цифровая экономика;
- постковидные изменения во всех сферах общества;
- новые управленческие технологии;
- социальные перемены (общий подъем уровня образования, расширение сферы досуга, стремление к «самореализации» в работе);
- пространственные перемены – формирование глобализаций рынков и концентрация производителей.

В совокупности все социальные изменения, так или иначе, оказывают влияние на городское планирование (рис. 1).

По Республике Башкортостан есть Стратегии социально-экономического развития отдельных регионов и городов. Например, Стратегии социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2030 года.

Рис. 1. Место города Уфы в рейтингах российских городов [8].

Результаты пилотажного социологического исследования позволили выделить особенности развития современного города (на примере города Уфы):

- благоустройство общественного пространства,
- технологии, позволяющие быстро изменять пространство,
- благоустройство зон для бесплатного занятий спортом,
- зонирование территорий по целевым группам (пример, зоны для молодежи, антитренда).
- многофункциональность современного пространства (См. рис. 2 на одной большой территории размещены и пляж, и парк, и аттракционы, и спортивные площадки, и кинотеатры, и магазины...)

Рис. 2. Многофункциональность современного пространства.

Результаты социологического пилотажного исследования показали, что 73,2% очень позитивно относятся к своему городу (нейтрально относятся – 15,1% и негативно – 11,7%). Несмотря на то, что 64,5% уфимцев оценивают свой город, как комфортный, около четверти респондентов характеризуют город как некомфортный (24,3%).

В таблице 1 приведены основные задачи развития города, которые необходимо решать (табл.1). Респондентов в целом волнуют проблемы комфортного проживания в мегаполисе. Например, практически половина респондентов выбрали задачи: ликвидация ветхого фонда и формирование транспортной инфраструктуры, треть респондентов волнует недостаток парковых зон около своего проживания.

Таблица 1

Основные задачи развития города	
Задачи развития города	Показатели, %
формирование имиджа города	24,7
ликвидация ветхого фонда и строительство домов	52,2
решение экологических проблем	7,2
занятость населения	12,4
формирование парковых зон	35,7
обеспечение города туристическими ресурсами (отели, кафе-рестораны)	14,9
совершенствование кадрового потенциала творческой индустрии	19,3
формирование транспортной инфраструктуры города, уличной и дорожной сети	47,2

В табл. 2 показаны проблемы, которые волнуют уфимцев в мегаполисе. Например, качество строительства жилья, городская инфраструктура, городской транспорт (табл. 2).

Таблица 2

Основные проблемы горожан в мегаполисе	
Проблемы	Показатели, %
нет работы	16,6
городская инфраструктура	19,9
городской транспорт	18,4
качество строительства (жилья)	65,8
дефицит культурных и развлекательных объектов	6,5
высокий уровень преступности	3,8
малое число мест отдыха	23,5
горожане (культура, агрессивность и др.)	12,7
отсутствие товаров	2,6
качество медицинского обслуживания	15,6
малое количество музеев, театров, кинотеатров	3,5
загрязненность города	10,5
другое	4,5

Проанализировав результаты социологического пилотажного исследования, можно выделить стратегические направления развития Республики Башкортостан:

1. *Развитие экономики.* В Республике Башкортостан развиты топливно-энергетический комплекс, нефтеперерабатывающая, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение, лесную промышленность и др., что делает Республику Башкортостан одним из главных промышленно-развитых регионов Российской Федерации. Актуальным стоит вопрос поддержки малого и среднего бизнеса и его роль в формировании пространственно-территориального облика города.

2. *Развитие туризма.* В Башкирии активно развивается туризм. Имеется большое число туристических ресурсов: памятники истории и культуры (в городах Уфа, Ишимбай, Стерлитамак, Салават и др.); более 1200 рек (Белая, Ик, Дема, Уфа, Урал и др.); 2700 озер (Култубан); более 900 карстовых пещер; хребты Уральских гор (гора Ямантау); национальный природный парк «Башкирия» и три государственных заповедника (Башкирский заповедник, Шульган-Таш, Южно-Уральский заповедник).

3. *Стимулирование инвестиций в культуру.* Основным потоком инвестиций в культуру является участие в программе «Пушкинская карта». 439 организаций культуры привлекли в республику более 318,5 млн рублей. Более 260 тыс. молодых людей в 2022 году

воспользовались возможностью карты, бесплатно посмотрели спектакли, концертные программы, - отметила руководитель ведомства. Башкирия в 2022 году выполнила показатели нацпроекта «Культура» в полном объеме.

4. *Строительство жилых комплексов.* Всё большее внимание уделяется не столько качеству самого жилья, сколько его окружению. Скверы, парки, безукоризненное уличное освещение, инфраструктура досуга становятся неотъемлемыми элементами хорошего места проживания.

5. *Развитие имиджа города Уфы.* Для формирования имиджа мегаполиса, на его территории проводятся различные международные мероприятия: проект «Нуриевские сезоны», фестиваль городских ресторанов, семейный фестиваль, «молочная страна», фестиваль #ЗнанияPARTY, день национального костюма, спортивные российские и республиканские мероприятия и др. В Приволжском федеральном округе каждый год выбирается культурная столица Поволжья.

Выводы. Проанализировав стратегические нормативно-правовые федеральные источники, в основе социально-экономического и пространственно-территориального развития регионов лежит человеческий капитал и историко-культурное наследие народа. Реализация стратегических направлений развития Республики Башкортостан и будут являться источниками развития региона. В целом, горожане позитивно относятся к своему городу, характеризуют мегаполис как комфортный для жизни. Однако, есть задачи развития города, которые необходимо решать. Такие как формирование имиджа города, ликвидация ветхого жилья, формирование парковых зон, формирование транспортной инфраструктуры города, уличной и дорожной сети и др.

Перспективы применения результатов. Результаты исследования могут служить базой для разработки подходов развития городов, необходимых для планирования мер государственной поддержки. Теоретические и эмпирические данные можно использовать на курсах повышения квалификации «Градостроительные модели городской среды» и «Урбанистика».

Литература

1. Адамская Л. В. Специфика малого города как социально-территориальной общности // Самоуправление. 2022. № 3 (131). С. 105–108.
2. Волосникова Е. А. Принципы исследования взаимодействия социальных общностей в пространственно-временном континууме северного города // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 20–26.
3. Казакова А. Ю. Мотивация пригородного образа жизни в современной российской провинции (на примере пригородов Калуги) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № Т13. С. 1141–1145.
4. Леонтьев Е. Д. Концепция «Здорового города» как часть пропаганды здорового образа жизни // Наукосфера. 2021. № 4 (1). С.16-20.
5. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. 399 с.
6. Самборецкий И. С. Управление городом как социальной общностью // Вестник орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 367–369.
7. Скоромец Е.К. Город в структуре гражданского общества (социологический анализ на примере города Хабаровска) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Хабаровск. 2004.
8. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550342994> (дата обращения: 15.03.2023).

**CREATIVE UPDATE CITIES:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE SOURCES OF DEVELOPMENT**

Abstract

The urban industry, the factors determining the transformation of cities have been widely discussed by scientists and specialists in recent years. A promising direction is the introduction of creativity in the development of cities. However, not all social changes have an impact on urban planning. The purpose of the article is to identify the sources of development of creative urban renewal. The results of the study showed that despite the positive attitude towards their city, there are problems that need to be addressed (urban infrastructure, transport, construction quality, ecology, etc.). The implementation of strategic directions for the development of the Republic of Bashkortostan will be the sources of the region's development (development of the economy and tourism, stimulation of investment in culture, construction of residential complexes, development of the city's image). Empirical data made it possible to identify the features of the development of a modern city (for example, the improvement of public space, the improvement of areas for free sports, the zoning of territories by target groups, etc.). The main research methods were content analysis of Russian and foreign literature on the development of the urban environment, and an online survey. The results of the study can serve as a basis for developing urban development approaches necessary for planning state support measures.

Keywords: city, creativity, urban renewal, city concepts, sources of development.

УДК 314.74

И. Б. Бритвина

МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация

Культура межнационального общения трансформируется под воздействием множества факторов. В рамках деятельностного подхода к анализу культуры автор статьи делит эти факторы на три уровня: факторы мегауровня, мезоуровня и факторы локального порядка. Волнообразный прирост количества трудовых мигрантов из стран Центральной Азии на территорию России в XXI веке привел к изменению привычного культурного ландшафта, что потребовало от членов принимающего сообщества модифицировать культурные нормы общения с представителями других этнических групп. На основе опросов жителей Екатеринбурга и инокультурных мигрантов из стран Центральной Азии и данных включенного наблюдения делается вывод о том, что взаимодействие россиян с этой группой приезжих является важным фактором формирования культуры межнационального общения.

Ключевые слова: Центральная Азия, мигранты, межнациональное общение, опрос.

Культура межнационального общения – это сложный многокомпонентный социальный феномен, являющийся разновидностью проявления культуры как таковой. Формирование и развитие этого вида культуры находится под воздействием ряда факторов мегауровня, мезоуровня и факторов регионально-локального уровня.

На мегауровне на актуализацию и трансформацию культуры межнационального общения могут оказывать воздействие следующие факторы: мировые миграционные тренды, экономические и финансовые кризисы, политические события глобального характера, межстрановые союзы и деятельность организаций, оказывающих влияние на внешние миграции и др.

На мезоуровне культура межнационального общения развивается под влиянием факторов, определяющих экономическое и политическое состояние страны или региона, под воздействием количественной представленности этносов, их расселения по территории страны или региона, политики в сфере межнациональных отношений, законодательных актов, регулирующих внешнюю и внутреннюю миграцию, под воздействием представленности религиозных конфессий и др.

К факторам локального порядка можно отнести сложившуюся структуру расселения представителей этнических групп по территории города или района, нормы и стандарты межнационального общения, свойственные данному поселению, характерное для данной территории соотношение этногрупп, нормы межконфессионального общения и взаимодействия, сложившиеся в данном поселении культурные нормы взаимодействия и общения групп, и др.

Под влиянием этих факторов в России происходит трансформация культуры межнационального общения. В частности, общероссийские опросы фиксируют некоторое потепление в отношении принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам. Так, по данным ВЦИОМ за 2021 г. (данные всероссийского репрезентативного опроса, посвященного отношению к трудовой миграции) наблюдается позитивная тенденция в этой сфере. За последние годы снизился процент россиян, видящих связь между ростом преступности и количеством мигрантов из других стран (с 63% в 2005 г., до 57% в 2021 г.); мнение о том, что мигранты создают конкуренцию на рынке труда и тем самым лишают местных жителей рабочих мест, разделяют менее половины россиян (44%), 37% не согласны с этим мнением [2].

Методология анализа была основана на деятельностном подходе известного уральского социолога, основателя школы исследования культуры Л. Н. Когана. Исходным моментом, краеугольным камнем социологического исследования культуры Лев Наумович считал изучение потребностей и интересов участников культурной деятельности. Он писал, что социолог должен изучать реальное содержание культурной деятельности, ее «фактическое влияние на развитие человека, а также стимулы и мотивы, побуждающие к занятию именно этой деятельностью» [1, с. 8].

Методологическим в изучении культуры межнационального общения является и положение теории Л. Н. Когана о том, что изучение нации в отрыве от этноса беспочвенно: в каком бы государстве не проживал русский человек, он продолжает себя считать принадлежащим к русской нации [1, с. 53]. Это важно помнить и при изучении проблем взаимоотношений между принимающим сообществом россиян и внешними мигрантами из стран Центральной Азии. Социологический анализ должен идти на уровне нации и на уровне этноса.

Важным для социологов является и замечание Л. Н. Когана о нигилизме в новых суверенных государствах к культурам других наций и народов бывшего СССР и прежде всего к русской культуре. Упоминает он в числе таких регионов и Среднюю Азию [1, с. 55]. Он писал, что в этом регионе нужно не сокращать, а наоборот, поощрять изучение русского языка [1, с. 56].

Переходя от теоретических положений к проблемам сбора эмпирической информации при изучении межнациональных отношений Л. Н. Коган, отмечал, что большинству социологов приходится иметь дело с изучением конкретного состояния межнациональных отношений в городе, районе, крае или республике. Задача социолога: выявить самые больные, горячие точки в межнациональных отношениях, и вопросы национальной культуры находятся здесь на одном из первых мест [1, с. 50].

Основываясь на этих положениях теории культуры и ее эмпирического анализа, группой исследователей УрФУ (И. Б. Бритвина, Е. Л. Могильчак, Г. А. Савчук, П. А. Шумилова) в 2017–2020 гг. была проведена серия опросов методами анкетирования и стандартизированного интервью иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии, а также членов принимающего сообщества в Екатеринбурге. Обе группы были также подвергнуты опросам в форме глубинного интервью. Кроме того, была организована серия включенных наблюдений в местах постоянного присутствия мигрантов из этого региона: в общественном транспорте, в многофункциональных центрах (МФЦ), в поликлиниках г. Екатеринбурга, в Уральском федеральном университете.

Подход анализа трансформации культуры межнациональных отношений основывался на гипотезе о том, что результатом вливания больших потоков иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии на территорию России стало изменение отношения принимающего сообщества к приезжим на основе несовпадения культурных характеристик, а не воздействия экономических или политических факторов. И латентная, и явная напряженность в отношениях россиян с иноэтничными мигрантами, по нашему мнению, имеют именно культурную обусловленность.

Исследование содержания культурной деятельности в рамках межнационального общения, ее стимулы и мотивы велось в соответствии с теорией Л. Н. Когана. Прежде всего было замерено отношение жителей Екатеринбурга к иноэтничным мигрантам по шкале социальной дистанции Эмори Богардуса: индекс от 1 до 7 баллов (табл. 1).

Таблица 1

Индекс социальной дистанции с этническими группами

Ранг группы	Этническая группа	Индекс социальной дистанции
1	казахи	4,49
2	киргизы	5,14

Продолжение таблицы 1

Ранг группы	Этническая группа	Индекс социальной дистанции
3	туркмены	5,17
4	узбеки	5,18
5	таджики	5,25

Рассчитано авторами исследования.

Результаты показали, что жители Екатеринбурга ощущают социальную дистанцию по отношению к мигрантам из стран Центральной Азии как довольно длинную.

Мы исходили из того, что отношение местных к приезжим формируется в зависимости от культурно-оценочных характеристик обеих сторон. Так, со стороны принимающего сообщества (жители Екатеринбурга) было зафиксировано, что преобладает отрицательное отношение к росту числа приезжих из этого региона (60,2 %), не имеют четко выраженной позиции 30,9 % и только 8,9 % респондентов проявили положительное отношение к этому процессу. Более половины опрошенных жителей Екатеринбурга (56,3 %) считают проблемой увеличение числа иноэтнических мигрантов в городе. Лишь четверть респондентов воспринимают этот процесс как «решение других проблем города» (24,3%). Эти данные подтверждают установку екатеринбуржцев на социальную дистанцированность от этнических групп из стран Центральной Азии. Более того, жители Екатеринбурга этнически не различают приезжих из этого региона: не знакомы с культурами этносов стран Центральной Азии (70,7%), не различают эти народы по языкам (76,1%) и по внешности (частично или полностью не различают 86 %).

Среди наиболее отталкивающих особенностей в поведении и внешнем виде приезжих екатеринбуржцы назвали: незнание мигрантами русского языка (44,7%); бытовые привычки (скученность в местах проживания, неопрятность и т. д.) – 41,8%; низкий уровень цивилизованности (многие приехали из сельской местности) – 38,4%; некорректное отношение к россиянкам (31,5%); нежелание приобщаться к русской культуре, пренебрежение к ее ценностям (28,4%). И всего лишь 8,6% опрошенных выбрали вариант ответа «Ничего в поведении мигрантов меня не отталкивает».

Среди негативных отличительных черт данных культур по результатам интервьюирования респонденты называли: «отношение к женщинам», «женщины в подчиненном положении», «средневековая дикость» (обычаи, которые «унижают женщину, человеческое достоинство»), «неопрятность». В ответах респондентов выделяется определенная зона непонимания, основанная на культурных паттернах, выявляемая прежде всего в межличностных взаимодействиях.

Наиболее привлекательными чертами мигрантов из этого региона жители Екатеринбурга считают уважительное отношение к старшим, заботу о семье, родственниках, стремление поддерживать соплеменников в чужой стране.

В свою очередь мигранты из стран Центральной Азии (максимально те, кто исповедуют ислам) так же воспринимают дистанцию между культурой своего народа и русской культурой как очень существенную. Среди тех, кто считает, что их культура и русская культура разделены «как берега океана», мигранты-мусульмане составляют 85% (в целом по массиву – 17,3%, и вариант «не знаю» – 40%).

Мигранты определяют свое отношение к местным жителям обобщая образ россиянина до категории «русские», то есть так же, как и местные, культурно не дифференцируют членов принимающего сообщества. В первую очередь мигранты отрицательно оценивают неуважительное отношение россиян к пожилым людям и слишком свободное поведение женщин («курят», «слишком открыты в одежде» и т. д.), воспроизводят негативный стереотип о распространении в России привычки употреблять спиртные напитки.

Мотивация на культурное взаимодействие обеих групп изучалась, в соответствии с деятельностным подходом Л. Н. Когана, через деятельность в различных сферах жизни общества. Наиболее типичными видами культурного противостояния групп такого рода

являются те, что относятся к сфере половозрастных отношений. Как местное население, так и мигранты не принимают культурные привычки друг друга в сфере отношений мужчин и женщин в 34–39% случаев. У екатеринбуржцев данная сфера занимает первое место по неприемлемости, у мигрантов первое место занимают нормы взаимоотношений младших и старших. Таким образом, больше всего на культурное непонимание со стороны мигрантов влияет неприятие привычек местного населения в сфере религиозных и семейных отношений.

С целью выявления типологических групп, формирующихся под влиянием культурных факторов, был осуществлен кластерный анализ (Е. Л. Могильчак). В результате были сформированы типологические группы, выделяемые по разным основаниям, как среди местного населения, так и мигрантов.

В первом кластере среди представителей местного населения («носители разъединяющих элементов культуры») наиболее распространено мнение об отталкивающих, раздражающих характеристиках поведения и культурных привычек мигрантов. Всего 27,3% опрошенных указали на то, что никакие виды взаимодействия с мигрантами не вызывают негатива, в других кластерах этот показатель составляет более 45%. В данной типологической группе процент вступающих в открытые конфликты с мигрантами наиболее высокий – 40%. В кластере «носители объединяющих элементов культуры» зафиксирован минимальный уровень латентной конфликтности и самая низкая распространенность открытых конфликтов с мигрантами.

Кластерный анализ был проведен и среди мигрантов. Было выяснено, что и здесь выделяются кластеры, один из которых также можно отнести к «носителям объединяющих элементов культуры». В данном кластере наименьшее число культурных привычек и личных качеств местных, вызывающих неприятие, часто без конфликтов решалась общая проблема с местными, согласовывался для этого общий план действий.

Кроме носителей объединяющих элементов культуры, существуют и две конфликтные группы, для одной из которых свойственен прежде всего высокий уровень латентной конфликтности при достаточно низкой частоте открытых конфликтов. Кластер «замкнутых» ориентирован на общение с приезжими своей национальности, что сопровождается плохим знанием русского языка и российских законов, большим числом трудностей при общении с местным населением, низким уровнем адаптированности к условиям общения. Этот кластер отличается низким уровнем культурного капитала (незнание языка и законов). Это препятствует налаживанию общения с местным населением и накоплению социального капитала. Для кластера «замкнутых» характерно несоответствие культурного капитала (плохого знания русского языка и российских законов) потребностям накопления социального капитала в новых условиях жизни.

Для другой группы («носители разъединяющих элементов культуры») свойственна высокая частота открытых конфликтов при низкой латентной конфликтности. Во втором случае благоприятная оценка личных качеств местного населения сочетается с открытыми конфликтами. Частота последних коррелирует с культурным фактором «непонимание, как правильно вести себя в условиях Екатеринбурга».

Позицию мигрантов в целом можно охарактеризовать как ориентацию на ограниченную культурную интеграцию в рамках необходимых языковых и поведенческих практик для осуществления трудовых функций.

Позицию жителей Екатеринбурга (как принимающего сообщества) можно считать негативно ограниченной, т. к. культурно они не ориентированы на прием мигрантов, занимая позицию хозяев данного социально-территориального пространства.

Таким образом, культурная интеграция мигрантов из стран Центральной Азии и россиянин имеет особенности, которые во многом обусловлены отсутствием мотивации на сближение, недостаточной информированностью друг о друге, широким распространением негативных стереотипов о миграционных процессах и об этнических группах, связанных с ними.

Под влиянием этих обстоятельств культура межнационального общения на территории России трансформируется противоречиво:

- между сложившимися нормами культуры межнационального общения, основанными на знании всеми субъектами взаимодействия русского языка, и новыми стандартами, связанными в большинстве своем с плохим знанием мигрантов из стран Центральной Азии русского языка;
- между стереотипными представлениями обеих групп о противоположной стороне взаимодействия и реальными практиками (добровольного и вынужденного характера) столкновения мигрантов и принимающего сообщества в различных сферах жизни;
- между установками большинства приезжих жить и работать в России и между установками местного населения на неприятие мигрантов из региона Центральной Азии;
- между установками мигрантов на частичное овладение культурными нормами общения, в первую очередь связанными со сферой труда, и требованием принимающего сообщества о полной культурной интеграции приезжих;
- между требованием принимающего сообщества о культурном изменении приезжих и нежеланием самим меняться, учитывая присутствие иноэтничных мигрантов;
- между приезжими и резидентами в отношении места и роли российской культуры (74,2% опрошенных жителей Екатеринбурга считают, что русская культура должна занимать ведущее место в России, мигранты из стран Центральной Азии в первую очередь ценят многонациональность России и, соответственно, лишь 24,2% из них согласны с первенством русской культуры).

Трансформационные процессы в сфере межнационального общения под влиянием глобально-цивилизационных факторов происходят во всех странах мира. Полученные нами данные показывают противоречивость естественного процесса трансформации культуры межнационального общения в России, который имеет ярко выраженную культурную обусловленность.

Литература

1. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 120 с.
2. Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение: аналитический обзор // ВЦИОМ. 18.11.2021. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie> (дата обращения: 15.03.2023).

I. Britvina

MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE CULTURE OF INTERETHNIC COMMUNICATION IN RUSSIA

Abstract

The culture of interethnic communication is transformed under the influence of many factors. Within the framework of the activity approach to the analysis of culture, the author of the article divides these factors into three levels: macro-level factors, meso-level factors and factors of local order. The wave-like increase in the number of labor migrants from Central Asian countries to Russia in the 21st century has led to a change in the usual cultural landscape, which required members of the host community to modify cultural norms of communication with representatives of other ethnic groups. Based on surveys of Yekaterinburg residents and migrants of different cultures from Central Asian countries, as well as data from the included observation, it is concluded that the interaction of Russians with this group of visitors is an important factor in the formation of a culture of interethnic communication.

Keywords: Central Asian, migrants, international communication, survey.

НА ПУТИ К ОБЩЕСТВЕННОМУ СОГЛАСИЮ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация

В данной работе иностранная трудовая миграция в Республике Саха (Якутия) (РС (Я)) рассматривается в контексте демографического развития Дальнего Востока (ДВ). Якутия – лидер среди всех субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) по числу прибывающих мигрантов. Большинство из них – это иностранные граждане из стран СНГ. Миграция сама по себе является некоторой опорной точкой в жизненном пути ее участников. Данный выбор становится частью стратегии, интегрирующей жизненные планы и задачи. Нами было предпринято исследование, направленное на выявление жизненных стратегий иностранных трудовых мигрантов, прибывающих в РС (Я). Основной метод сбора информации – неформализованное интервью (n=11). Информантами выступили сами трудовые мигранты, предприниматели, обеспечивающие мигрантов рабочими местами, религиозные деятели и общественные активисты национальных диаспор. Результаты показали, что прибывающих в Якутию мигрантов можно условно разделить на две категории. Во-первых, это группы мигрантов, которые ориентированы на сезонный заработок, они имеют достаточно низкий уровень квалификации и практически не знают русского языка, подвержены значительным социальным рискам. Во-вторых, можно выделить категорию мигрантов, реализующих стратегию, связанную с получением российского гражданства, развитием собственного бизнеса и участием в государственных программах поддержки. Помимо этого, результаты исследования позволили выявить типичные проблемные зоны социальной адаптации трудовых мигрантов в принимающем сообществе, устранение подобных проблем в дальнейшем позволит свести к минимуму деструктивные последствия этой адаптации.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовая миграция, общественное согласие, региональное развитие, Дальний Восток, Республика Саха (Якутия).

Развитие Дальнего Востока – один из ключевых национальных приоритетов для нашей страны. Дальневосточный федеральный округ занимает площадь 6,9 млн кв. км, на такой масштабной территории проживает 8,2 млн чел., всего лишь 5,6% от общей численности населения РФ. Поэтому вопрос, как «сохранить», «закрепить» людей в регионе не теряет своей актуальности. Тем более, что численность населения ДВ продолжает сокращаться. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2012–2021 гг. (оценка на конец года; тыс. чел.)

ДФО	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
	8318,5	8290,9	8277,0	8260,3	8245,8	8222,6	8188,6	8169,2	8124,0	8091,2
Республика Бурятия (РБ)	971,8	973,9	978,5	982,3	984,1	984,5	983,3	985,9	985,4	982,6
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	955,6	954,8	956,9	959,7	962,8	964,4	967,0	972,0	982,0	992,1
Забайкальский край	1095,2	1090,4	1087,5	1087,5	1079,0	1072,8	1065,8	1059,7	1053,5	1043,4
Камчатский край	320,6	319,9	317,2	316,1	314,7	315,5	314,7	313,0	311,7	312,7
Приморский край	1947,2	1938,5	1933,3	1929,0	1923,1	1913,0	1902,7	1895,9	1877,8	1863,0
Хабаровский край	1342,1	1339,9	1338,3	1334,5	1333,3	1328,3	1321,5	1315,7	1301,1	1298,9
Амурская область	816,9	811,3	809,9	805,7	801,8	798,4	793,2	790,0	781,9	772,5

Продолжение таблицы 1

ДФО	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
		8318,5	8290,9	8277,0	8260,3	8245,8	8222,6	8188,6	8169,2	8124,0
Магаданская область	152,3	150,3	148,1	146,4	145,6	144,1	141,2	140,1	139,0	137,7
Сахалинская область	493,3	491,0	488,4	487,3	487,4	490,2	489,6	488,3	485,6	484,1
Еврейская автономная область (ЕАО)	172,7	170,4	168,4	166,1	164,2	162,0	159,9	158,3	156,5	153,3
Чукотский автономный округ (ЧАО)	50,8	50,5	50,5	50,2	49,8	49,4	49,7	50,3	49,5	50,0

Составлено авторами на основе: [4; 8]

В то же время демографические процессы в дальневосточных регионах характеризуются неоднородностью. Так, за последние 10 лет положительная демографическая динамика наблюдается в Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия. И если положительные демографические тренды в Бурятии неустойчивы, в частности, в отдельные годы имеет место снижение численности населения; то в Якутии данный показатель поступательно, стабильно растет. Рост численности населения в РС (Я), в основном, обеспечивается за счет естественного прироста. Но в последние годы отмечается и положительная миграционная динамика (см. рис. 1).

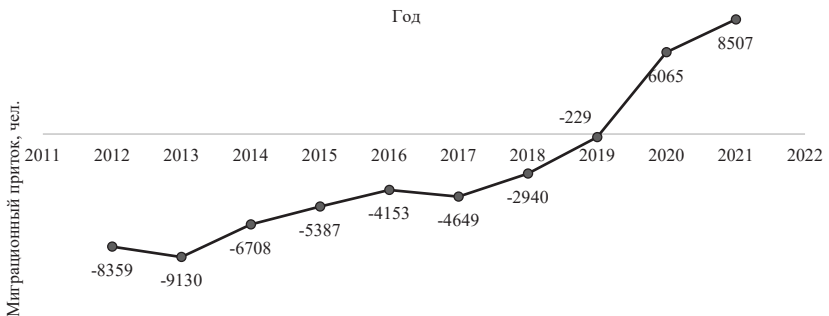

Рис. 1 Миграционная ситуация в Республике Саха (Якутия) в 2012–2021 гг. (составлено авторами на основе: [11])

Дополним, что положительный миграционный прирост по большей части связан с притоком на территорию республики иностранных граждан из стран СНГ. Примечательный факт, в 2020 году повсеместно наблюдались наиболее жесткие пандемийные ограничения, но они не отразились в Якутии на положительной миграционной динамике. В 2020 году миграционный обмен Республики Саха (Якутия) с другими российскими регионами был отрицательным, а с зарубежными странами – положительным. Большинство прибывших – это граждане Кыргызстана, на втором месте – граждане Армении, на третьем месте – граждане Таджикистана. Эти тренды сохранились и в 2021 году, тройка лидеров та же: Кыргызстан, Армения, Таджикистан. При этом число прибывших из Таджикистана увеличилось более чем на пятьсот человек, из Киргизии – практически на тысячу человек, из Армении – почти вдвое [см. подробнее: 6].

Мы солидарны с мнением многих российских и зарубежных исследователей, что миграция сама по себе является некоторой опорной точкой в жизненном пути ее участников [см. подробнее: 1; 2; 3; 5; 6; 7; 9; 10; 12]. Данный выбор становится частью стратегии, интегрирующей жизненные планы и задачи. Они определяют реальное поведение человека, его деятельность, жизненный путь в целом.

Исходя из этого, нами было предпринято исследование, направленное на выявление жизненных стратегий иностранных трудовых мигрантов, прибывающих в Республику Саха (Якутия). Основной метод сбора информации – неформализованное интервью (n=11). В качестве информантов выступили сами трудовые мигранты, предприниматели, обеспечивающие мигрантов рабочими местами, религиозные деятели и общественные активисты национальных диаспор. Полевые работы проводились 05–08 февраля 2023 г.

Предварительные результаты показали, что прибывающих в Якутию мигрантов можно условно разделить на две категории. Во-первых, это те, кто ориентирован на сезонный заработок, т. е. для данной категории трудовых мигрантов характерна так называемая «сезонная» модель миграции. Они приезжают в Якутию на заработки в наиболее благоприятное время года, это, как правило, период с апреля по октябрь. Затем, по окончании сезона, они возвращаются на родину, холодное время года проводят там. Данная категория мигрантов по большей части представлена гражданами Таджикистана. В основном они заняты в сфере строительства, где не требуется высокой квалификации, работают разнорабочими. Как отмечают наши информанты – предприниматели, обеспечивающие таких мигрантов работой, *«... эти ребята соглашались на тяжелую физическую работу... А что им еще остается? У них же иной раз даже нет законченного школьного образования... После гражданской войны в Таджикистане, у них выросло целое поколение тех, кто не закончил школу... Куда они могут пойти работать? Только на стройку...»*. Также для данной категории мигрантов характерен низкий уровень владения русским языком. Вот показательные цитаты: *«... совершенно не говорят по-русски...», «... совсем не знают русского языка, они же из сел, где там и с кем по-русски говорить...», «... в основном русский язык знает их «старшака», он, как правило, в возрасте, а русский знает, либо служил в советской армии, либо давно живет в России...»*. Плохое знание русского языка может провоцировать различные социальные риски: обман со стороны посредников, рекрутирующих их на заработки в России, работодателей, проблемы с легитимацией статуса и прочее. Хорошее же знание русского языка снижает социальные риски, способствует скорейшей адаптации и получению более выгодных предложений по работе. В основном это сфера услуг, но возможно получение работы и в медицине и фармацевции, IT. В целом, можно сделать вывод, что знание русского языка ведет к повышению профессионального уровня трудового мигранта и его социального статуса.

Вторая большая категория иностранных трудовых мигрантов – это те, кто ориентирован на долгосрочное пребывание в Якутии. Как правило, это группы мигрантов, приехавших из Кыргызстана, Армении, Узбекистана. Они чаще реализуют стратегию, связанную с получением российского гражданства, оформлением статуса индивидуального предпринимателя, развитием собственного бизнеса и участием в государственных программах поддержки. В основном, занимают типичные в профессиональном плане ниши для трудовых мигрантов. Это работа в торговле, на предприятиях общественного питания, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и т. п. Но также имеют место и не совсем типичные для мигрантов сферы занятости, например, здравоохранение. Так, одна из наших информанток, гражданка Кыргызстана, имеющая специальное медицинское образование, работает в Якутске в частном медцентре. Описывая свой опыт трудоустройства, она отметила, что особых сложностей не возникало: *«... когда я приехала сюда, я месяца три работала продавицей... Потом по объявлению, что требуется специалисты в медцентр, нашла работу по своей специальности ... Конечно, прошла все процедуры, подтвердила диплом, получила сертификаты ... Работаю уже два года, всем довольна...»*.

Результаты исследования позволили выявить типичные проблемные зоны социальной адаптации трудовых мигрантов в принимающем сообществе, устранение подобных проблем в дальнейшем позволит свести к минимуму деструктивные последствия этой адаптации.

В целом можно предположить, что несмотря на достаточно сложные климатические условия и непростую систему встраивания в якутскую повседневность, трудовые мигранты делают в этом деле некоторые успехи. Отношения с принимающим сообществом стабилизируются. Учитывая относительно недавние события 2019 года, когда тысячи якутян выразили протест относительно прибытия мигрантов в регион, якутское сообщество нельзя назвать толерантным по отношению к мигрантам. Однако можно заметить тенденцию к изменению подхода в работе с ними – повышается уровень ответственности предпринимателей, отвечающих за легальное трудоустройство мигрантов, растет количество субъектов, способных отстаивать права мигрантов и обеспечивать их успешную адаптацию. Здесь можно назвать Молодежную Ассамблею народов Республики Саха (Якутия), Духовный центр мусульманской культуры, Союз Таджикистанцев РС (Я) и другие. По нашему мнению, долгая история межнационального согласия и совместного сосуществования разных этнических групп в республике, с одной стороны, делает местное принимающее сообщество более чувствительным к миграционному притоку, но преодолев первичный кризис, формируются механизмы социального взаимодействия, которые в итоге ведут к общественному согласию.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Литература

1. Боголюбовская Л. А. Концепция жизненных стилей трудовых мигрантов П. Боски // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 32–35.
2. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Отношение местных жителей дальневосточного приграничья к мигрантам и проблемам миграции (опыт социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 12 (68). С. 35–39.
3. Винокурова А. В., Яковлев А. И. Миграционные процессы в региональных столицах Дальнего Востока // Современные проблемы регионального развития: материалы IX всероссийской научной конференции с международным участием (Биробиджан, 24–26 мая 2022 года). Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2022. С. 60–62.
4. Динамика основных показателей социально-экономического положения субъектов Дальневосточного федерального округа. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю: [веб-сайт]. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/78493> (дата обращения: 14.03.2023).
5. Купряшкин И. В. Мигранты: жертвы или злодеи? // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 1. С. 71–81.
6. Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48–62.
7. Сердюков К. Н. Жизненные стратегии и иные (смежные) понятия сквозь призму миграционной проблематики // Социальные и экономические системы. 2022. № 6–7 (36). С. 23–41.
8. Территория и население Дальневосточного федерального округа. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю: [веб-сайт]. URL: <https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

9. Тиникова Е. Е. Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 533–548.

10. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: [монография] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с.

11. Численность и миграция населения Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 28.03.2023).

12. Boski P. A Psychology of Economic Migration // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44. No. 7. Pp. 1067-1093.

A. Vinokurova, A. Ardalyanova, A. Yakovlev

ON THE WAY TO SOCIAL HARMONY: EXPERIENCE OF STUDYING FOREIGN LABOR MIGRANTS IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract

In this paper, foreign labor migration in the Republic of Sakha (Yakutia) is considered in the context of the demographic development of the Far East. Yakutia is the leader among all subjects of the Far Eastern Federal District in terms of the number of incoming migrants. Most of them are foreign citizens from the CIS countries. Migration itself is a certain reference point in the life path of its participants. This choice becomes part of a strategy that integrates life plans and tasks. We have undertaken a study aimed at identifying the life strategies of foreign labor migrants arriving in the Republic of Sakha (Yakutia). The main method of collecting information is an informal interview (n=11). The informants were labor migrants themselves, entrepreneurs who provide migrants with jobs, religious figures and public activists of national diasporas. The results showed that migrants arriving in Yakutia can be conditionally divided into two categories. Firstly, these are groups of migrants who are focused on seasonal earnings, they have a rather low level of qualification and practically do not know the Russian language, they are subject to significant social risks. Secondly, we can single out a category of migrants who are implementing a strategy related to obtaining Russian citizenship, developing their own business, and participating in government support programs. In addition, the results of the study made it possible to identify typical problem areas of social adaptation of labor migrants in the host community, the elimination of such problems in the future will minimize the destructive consequences of this adaptation.

Keywords: migration processes, labor migration, social harmony, regional development, Far East, Republic of Sakha (Yakutia).

УДК 316.772.4

А. Р. Рублева

СМЕНА ИМЕНИ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВРАЧЕЙ-МИГРАНТОВ В НОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Аннотация

Современное медицинское сообщество характеризуется большим притоком мигрантов, что требует поиска новых инструментов культурной интеграции врачей-мигрантов в профессиональное сообщество. Одним из таких инструментов выступает смена имени врача-мигранта.

Ключевые слова: мигранты, социология миграции, врачи-мигранты, культурная интеграция мигрантов.

Тема адаптации и интеграции мигрантов давно подвергается социологическому анализу. Можно найти большое количество результатов исследований, рассматривающих миграционные и адаптационные процессы с разных сторон.

Это и нестандартные подходы к адаптации через создание позитивного имиджа страны – «родины мигранта» (И. Н. Кадамов), и общий подход к адаптации не только мигрантов, но и их семей (И. Р. Шегольман, М. Н. Рудакова), и большой спектр работ, направленных на изучение особенностей адаптации детей-мигрантов (В. Г. Закирова, Т.И. Монастырская,

Е. В. Кузина, А. А. Ковалева), а также анализ инструментов адаптации и интеграции мигрантов, как в принимающем сообществе в целом, так и в профессиональной среде, в частности.

Но, поскольку внешние мигранты находятся в иноязычной и инокультурной среде, они выбирают разнообразные инструменты интеграции, в том числе и через смену имени.

Этот инструмент широко используется среди внешних иноэтничных мигрантов, но до сих пор мало изучен. В данной статье мы рассмотрим смену имени, как инструмент интеграции в профессиональное сообщество стоматологов,

В данном исследовании мы рассматриваем мигрантов из Кыргызстана, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана. Сбор информации осуществлялся при помощи анализа медицинской документации (дипломов о высшем образовании, документов врачей-мигрантов, свидетельствующих о месте рождения, месте проживания, моменте миграции и пр.). Был применен анализ кейсов. Материалы исследования проводились на базе 42 стоматологических клиник города Екатеринбурга, что включает в себя 126 кейсов по смене имени врачами-мигрантами.

В рамках авторского исследования мы анализировали врачей-мигрантов в составе медицинского сообщества Свердловской области. Медицинское сообщество характеризуется некой эмоциональной привилегированностью, основанной на длительном, дорогостоящем и сложном обучении, малом количестве профильных вузов, на ответственности и сложности работы, требующей не только знаний, но и опыта, а также высокой заработной платой, в сравнении со среднерыночной. Уточним, что в рамках стоматологического сообщества уровень заработной платы в разы выше, чем в других медицинских специальностях.

Изучая иноэтничных мигрантов внутри стоматологического сообщества, (врачей и ассистентов) была выявлена особенность адаптации внутри профессиональной сферы – смена имени при взаимодействии с пациентами и с коллегами.

В первую очередь, нужно понять, что такое имя для человека – набор неких идентификационных символов, определение себя, культурно-значимая часть человеческой жизни. Важность имени для человека отражает и наличие отдельной науки, изучающей имена и их влияние на жизнь человека – антопонимики. В каждой культуре есть свои традиции имен, определенные правила, отражающие этническую культуру.

Имя – важный элемент самоидентификации. Это момент представления человека миру, отдельным людям, способ общества взаимодействовать с ним. В психологии влияния и практиках НЛП, к примеру, приводится огромное количество манипуляций, связанных непосредственно с именем человека.

Имя может являться так же религиозным индикатором: по буддистской или иудаистской вере запрещено называть детей именами умерших родственников. В христианстве, напротив, не редки случаи передачи имен в честь родственников или христианских мучеников, у каждого православного имени есть дни празднования, так же при крещении дается имя святого, если человек изначально обладает не христианским именем.

Всё это свидетельствует о важности имени в жизни человека. В процессе адаптации мигрантов мы обнаруживаем следующую особенность – желание врачей-мигрантов сменить имя или отчество для эффективной интеграции в профессиональное сообщество, и для упрощения коммуникации с пациентом.

Вопрос смены отчества особенно актуален, поскольку тюркские отчества образуются с помощью слов оглы (улы, уулу) для сыновей и кызы (гызы) для дочерей. Например, сын Вали по имени Мамед будет зваться именем Мамед Вали оглы, а дочь Вали по имени Медина – Медина Вали кызы.

В России, где большая часть отчеств образуется от имени отца с помощью суффикса – ич, -ович, -евич для мужчин, и –овна, -евна, -ична, -инична для женщин, отчества, образованные при помощи тюркских слов, могут быть сложными или, как минимум, необычными.

Сами врачи-мигранты отмечают, что на русском языке это «не благозвучно», «непривычно для населения», «режет слух». Особенно усложняется взаимодействие с врачом у лиц старшего поколения, начинающих игнорировать отчество врача-мигранта, обращаясь исключительно по имени, что, в свою очередь, влияет на коммуникацию врача и пациента, психологически уменьшая значимость врача в глазах пациента и устанавливая неприемлемый тон общения, что отражается на выполнении рекомендаций и активности согласия на лечение. Представители молодёжи склонны игнорировать имя врача целиком, предпочитая обращение «доктор».

Отдельно стоит отметить сложности при записи пациентов к конкретному специалисту с отчеством оглы/кызы. Пациенты не запоминают непривычные слуху конструкции и, таким образом, в телефонном разговоре с регистратором используют фразы: «ну, этот доктор», «который/которая нерусский», «тот врач», «который узкоглазый» и пр.

Подобные определения по внешности или национальности человека, безусловно, являются уничижительными и влияют на выстраивание коммуникации между врачом и пациентом.

По этой причине врачи-мигранты меняют отчество на близкое к имени отца и/или наиболее благозвучное. Так, Айгюль Элаг кызы будет Айгюль Элагаевной, или даже – Олеговной, Анар Вали оглы – Анаром Валеевичем или Валерьевичем, Айтач Самур кызы – Айтач Самуровой и т. д.

По опросам врачей проблемы в этом они не видят, для них важнее коммуникация с пациентом и коллегами в комфортном ключе, чем сохранение отчества.

Подобный отказ от культурной традиции своего народа свидетельствует о стремлении иноэтничных мигрантов-врачей к ускорению адаптации внутри профессионального сообщества.

Что же касается смены имени, здесь ситуация более вариативна и зависит от сложности и благозвучности имени в русском языке. Таким образом, Анар, Айгюль, Мелисса, Медина, Анвар, Айнур, Гор и пр., оставят свои имена с большой долей вероятности, поскольку они не вызывают сложности при произношении и, даже если не привычны, достаточно легко запоминаются, наравне со знакомыми нам именами, например, Артур, Мария, Дмитрий, Марианна и пр.,

Обладатели более сложных имен, например, Садбаг, Махина, Абдулазиз, Интизар, Танзиля и пр., с большой долей вероятности сменят имя на максимально близкое в русском языке – Сося/София, Марина, Артур, Иван, Татьяна и пр. Это упрощает коммуникацию и с пациентом, и с коллегами.

В ходе исследования отмечено, что у врачей-мигрантов любое искажение изначального имени вызывает в большинстве случаев дискомфорт и раздражение, с последующей просьбой называть русским аналогом имени, которое сам врач себе выбрал, поэтому инициатива смены имени исходит как от самих мигрантов, так и от руководителей клиник.

Главные врачи и директора клиник в г. Екатеринбурге (опрошено 18 человек) отмечают, что за последние 5–7 лет врачей-мигрантов стало больше, появились рядовые и отработанные механизмы приема на работу, клиники охотнее берут на работу врачей-мигрантов, что обусловлено и дефицитом кадров и формированием более терпимого отношения к трудовым мигрантам. Но все опрошенные руководители рекомендуют врачам сменить имя и/или отчества для упрощения коммуникации, что, в свою очередь, не встречает негативной реакции и врачи соглашаются на такой шаг.

Таким образом, можно сделать вывод, что смена имени и/или фамилии является одним из способов интеграции врачей-мигрантов в профессиональное сообщество, упрощая коммуникацию с пациентами, помогая в формировании доверительных и уважительных отношений с пациентами.

Отдельно стоит отметить отношение коллег к мигрантам. Исходя их эмпирического опыта, можем утверждать, что стоматология не представляет собой поле для конкуренции клиник и врачей. Как правило, врачи внутри клиники стремятся к работе в команде, что

обусловлено материальным аспектом и разделением ответственности, а также политикой руководства стоматологических клиник. Исходя из этого, отношения выстраиваются на основе профессиональных навыков, специалист оценивается коллегами с точки зрения образования, опыта и профессионализма ведения приема, и национальность не является основополагающим фактором для такой оценки.

Мы можем сделать вывод, что смена имени является эффективным инструментом в адаптации врачей-мигрантов внутри стоматологического сообщества, помогает иноэтническим стоматологам быстрее интегрироваться в профессиональную среду, наладить и/или упростить коммуникацию с пациентом.

Литература

1. Зимакова Л. Н. Школьная адаптация детей-мигрантов. Вопросы науки и образования. 2018. №10(22). С. 199–201.
2. Кадамов И. Н. Современные подходы решения проблем адаптации мигрантов. Евразийский совет ученых. 2017. №11-2(44). С. 20–21.
3. Монастырская Т. И., Кузина Е. В., Ковалева А. А. Адаптация детей-мигрантов в образовательной среде: проблемы и возможности средней школы. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 169–175.
4. Шегельман И. Р., Рудакова М. Н. К вопросу адаптации семей трудовых мигрантов в условиях реализации крупных инвестиционных проектов. Экономическая наука сегодня: теория и практика. 2016. С. 140–142.

A. Rubleva

NAME'S CHANGING AS A TOOL OF CULTURAL INTEGRATION MIGRANT DOCTORS IN A NEW PROFESSIONAL COMMUNITY

Abstract

In our days, more and more migrant doctors appear in Russia, and these active immigration processes require the search of new tools for adapting and integrating migrant medical specialists into the professional community, one of these tools is name's changing of a migrant doctors.

Keywords: migrants, sociology of migration, migrant doctors, cultural integration of migrants.

УДК 323.11-054.57

Н. И. Сивкова, А. Н. Новгородцева, А. С. Бурнасов

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ СЕТИ ВКОНТАКТЕ)

Аннотация

В статье представлены результаты контент-анализа Вконтакте с целью выявления диаспоральных сообществ Свердловской области. Выявлены сообщества 31 национальной группы. Наиболее активные сообщества представлены у евреев, татар и армян. Полностью закрытые сообщества у грузин, греков, таджиков и дагестанцев.

Ключевые слова: контент-анализ, диаспора, этническое сообщество, землячество, социальные сети.

Социальные сети представляют собой значимую коммуникативную среду, в которой развёртываются сложные социокультурные и социополитические процессы. К таким процессам относятся процессы репрезентации в социальных сетях диаспоральных сообществ, которые находясь в положении меньшинства, вынуждены репрезентировать свою этничность, находясь вне институциональных границ собственного государства (республики или края). Тем более, что «медийная коммуникация, которая формируется в интернет-пространстве, оказывает влияние на организацию диаспоры, на ее самоорганизацию» [3, с. 56]. Внимание к диаспорам сегодня привлечено также в связи с усилением влияния глобализации на

этнокультурные процессы. В современном мире «увеличивается противодействие нивелированию, насаждению во всех регионах мира одних и тех же культурных норм, и стандартов, это вызывает стремление к сохранению уникальности своей культуры, к осознанию принадлежности к определенному этносу – своей этнической идентичности. Диаспора в этом отношении играет заметную роль, так как именно этническая группа, объединенная диаспорой, способна к консолидации этноса и сохранению своей этнической идентичности» [4, с. 4].

В настоящее время в науке нет единого понимания того, что является диаспорой, диаспоральным сообществом. Так в своей работе Т. С. Кондратьева, классифицируя трактовки понятия «диаспора», приходит к выводу, что «несмотря на многолетнюю дискуссию, ученым до сих пор не удалось выработать единого, общепринятого определения термина» [5, с. 17]. По мнению И. Д. Лошкарева «понятие диаспоры прошло длинный путь, сначала обозначало группу мигрантов, принадлежавших к одной конфессии. Затем возобладало этническое понимание диаспоры, которое, однако, уступает место пониманию, что у диаспор сложносоставная и меняющаяся идентичность. Вероятно, в наши дни диаспоры могут быть и конфессиональными (сикхи), и этническими (армяне) – и даже расовыми (выходцы из Африки)» [7, с. 25]. Также детальный анализ подходов к пониманию диаспоры приводится в работе Э. М. Айрапетян, автор показывает социально-регулятивную роль диаспоры в движении человеческих ресурсов, выделяя три группы функциональных задач: информирование, интеграция, дифференциация [1, с. 79–80].

В связи с разнообразием подходов и теорий, необходимо конкретизировать понимание диаспоры в данном исследовании. Под диаспорой понимается: а) этническая общность, которая имеет страну происхождения (историческую Родину), б) но проживает вне ее, в) обладающая специфическими этно-дифференцирующими чертами, которые сообщество стремится сохранять и развивать через г) существующие институциональные формы (НКА и т. д.). Статус диаспоры как этнического меньшинства вынуждает ее представителей более активно сохранять, поддерживать свою этническую идентичность через сохранение языка, традиций, особенностей культуры быта, труда и т. д.

Акцентом данной работы является изучение диаспоральных сообществ Урала, Свердловской области, что представляется особо актуальным в силу полиэтничности и поликонфессиональности региона. На территории области проживает более 50 национальностей [9]. Стоит отметить, что «средний Урал традиционно является территорией национального мира и согласия. Свердловская область – один из самых поликонфессиональных регионов Российской Федерации, здесь действуют более 740 религиозных организаций 20 религий» [2, с. 14].

Целью данного исследования является осуществление поиска диаспоральных групп во Вконтакте, обозначивших свою географию как Свердловская область. Основными информационными ресурсами формирования представления о диаспорах выступили база этнических общественных объединений на Сайте Правительства Свердловской области [11] и портал «Народы Урала» [8].

Для изучения диаспоральных сообществ в сети Вконтакте использовался метод контент-анализа, а также сервис аналитики постов и страниц в социальных сетях POPSTERS. Для анализа была выбрана социальная сеть Вконтакте, так как она имеет наибольший охват аудитории в настоящее время. Также она доступна в странах СНГ и странах бывшего СССР, что делает ее удобной площадкой для взаимодействия представителей диаспоральных сообществ.

Параметры аналитики постов при помощи сервиса POPSTERS являлись: количество подписчиков; количество постов в неделю и в месяц (среднее). Параметры аналитики ручного контент-анализа: тип сообщества, тип группы по степени открытости и активности; язык сообщества; цели сообщества; информация об общероссийских и национальных праздниках, национальной литературе и языке, традициям и кухне; о национальных героях; о религиозных

и научных мероприятиях; информация для мигрантов и юридической помощи, помощь в жилищном вопросе.

Для проведения исследования был выбран период август-ноябрь 2022 г. Этот период был выбран в связи с тем, что он характеризуется разнообразием событий этно-национального, культурного, образовательного и социально-политического характера. В этих событиях могут принимать участие или освещать в своей группе диаспоральные сообщества: этно-национальные праздники, значимые общероссийские праздники, этнокультурные конференции, а также важные социально-политические события.

Обратимся к результатам исследования. Из 39 национальных групп, представленных на официальном портале Свердловской области, только 31 из них имеют свои сообщества ВКонтакте (табл. 1). На момент проведения исследования не представлены в сети ВКонтакте афганцы, карачаевцы, коми-зыряне, молдаване. Всего было обнаружено 81 сообщество, из них активных только 28. Выявлены неактивные сообщества (то есть более года в них нет новых публикаций) у следующих национальных групп: аварцы, азербайджанцы, грузины, езиды, ингуши, казахи, лезгины, осетины, сирийцы, тальши, цыгане, узбеки, украинцы, чеченцы.

Таблица 1

Статистические данные диаспоральных сообществ, представленных в сети ВКонтакте

Диаспоральные / национальные группы	Численность	Количество				
		Сообществ ВКонтакте	Активных сообществ	Подписчиков	Постов в неделю, среднее	Постов месяц, среднее
Аварцы	392	0	0			
Азербайджанцы	10 217	1	0			
Армяне	9 296	2	1	3239,00	7,00	32,00
Башкиры	17 286	5	4	2702,43	6,83	17,50
Белорусы	4 317	1	0			
Греки	799	1	0	228,00		
Грузины	1 414	4	0	57,50		
Дагестанцы	*	3	--	129,00	сообщества закрыты	
Евреи	2 348	11	9	1035,50	3,34	11,88
Езиды	737	1	0			
Ингуши	179	1	0			
Казахи	4 778	2	0			
Киргизы	10 300	5	1	724,00	1,00	0,71
Корейцы	631	2	1	274,00	3,00	4,00
Лезгины	834	1	0			
Манси	334	1	1	105,00	2,00	2,00
Марийцы	13 998	7	2	289,13	1,04	4,32
Немцы	7 165	3	3	670,33	3,47	13,53
Осетины	316	1	0			
Поляки	654	1	1	945,00	3,00	12,00
Сирийцы	*	1	0			
Таджики	21 803	4	1	596,00		2,00
Тальши	185	1	0			
Татары	93 576	10	5	3251,80	7,75	19,80
Туркмены	238	2	1	730,00	1,00	4,00
Узбеки	9 948	3	0			
Украинцы	13 337	1	0			
Цыгане	1 569	2	0			
Чеченцы	441	1	0			
Чуваши	3 366	2	2	174,50	3,00	9,00
Якуты	109	1	1	492,00	13,00	26,00
		81	28			

* Нет данных во Всероссийской переписи населения 2020 года

Контент-анализ сообществ показал, что, несмотря на свою малочисленность, больше всего сообществ в сети ВКонтакте у Еврейской общины. На 2348 чел. приходится 11 сообществ, из них только две не активны за последний год. Такая высокая активность в сети, вероятно, связана с тем, что еврейская диаспора очень активна в реальной жизни города. Действует «иудейская организация «Шалом Маккаби»», благотворительный фонд «Менора», женская организация «Хава», Ассоциация евреев-ветеранов войны и тыла, детская воскресная школа искусств «Менора», детский сад «Мотек», ансамбль «Мазл-Тов», студенческий клуб «Гильель»» [11].

На втором месте по количеству сообществ – это сообщества татарской диаспоры, было обнаружено – 10 сообществ, из них 5 являются активными. Среднее количество сообщений в месяц – 19,8. Третье место занимают марийцы - 8 сообществ, из них активных 4 сообщества. В ходе анализа было обнаружено полностью закрытые сообщества, таковых 13%, это грузины, греки, дагестанцы, таджики.

При анализе активности сообществ было важно выяснить цели присутствия диаспоральных сообществ в сети ВКонтакте. Для этого анализировалось описание групп, данное организаторами. Исследование показало, что в рамках сообществ реализуется достаточно широкий круг целей (в среднем 5–6 целей разной направленности).

Были выявлены общие и специфические цели присутствия в сети среди диаспор разных народов (см. табл. 2). Общим для всех диаспор является общение внутри этнической группы. В целом по массиву данная цель набирает 94%. По мнению К. Д. Куниловой «диаспора способна создавать поле для взаимодействия представителей одной и той же этнической группы, за счет чего они не ощущают своего одиночества, могут оказывать друг другу помощь и поддержку» [6].

Дальнейшая иерархия целей несколько отличается у диаспоральных сообществ. Для Народов Урала и Сибири более значимо выявление активных, творческих представителей этнической группы (66,7%) а также духовно-нравственное развитие с этнической составляющей (66,7%). Потребность в активных представителях этнической группы говорит о том, что диаспоры стремятся выявлять этнических лидеров, способных принимать активное участие как в продвижении этнокультурных ценностей, так и в социально-политической и культурной жизни страны. Тем более, что для этого создаются институциональные условия, так в 2021 создана «Школа общественной дипломатии для коренных малочисленных народов России» [10], при Центре культуры народов России создан «Совет лидеров молодёжных этноинициатив» и т. д.

Как видно, также высока потребность в духовно-нравственном развитии с этнической составляющей: диаспоры стремятся сохранить значимые этно-национальные ценности, которые являются не просто «исторической памятью», но и участвуют в регуляции повседневных практик жизни диаспоры на Урале.

У диаспор стран Европы иерархия целей несколько иная. Для них наиболее важно изучение культуры этнической общности (85,7%). В данную группу вошли греки, поляки, немцы, т. е. народы, которые были либо высланы на Урал в 1920-ые годы в связи с коллективизацией, либо депортированы в период ВОВ. Становится понятным и интерес к истории диаспоры на Урале (50%). Отсюда и такая высокая потребность в сохранении и популяризации этнических ценностей (78%). Особенность контента европейских диаспоральных сообществ заключается в том, что они много пишут об особенностях жизни в своей стране, возможностях эмиграции, т. е. они больше направлены на обратный процесс возвращения на историческую родину.

Диаспоры народов Средней Азии ориентированы на изучение культуры этнической общности, а также духовно-нравственное развитие с этнической составляющей (по 75% соответственно). Диаспоры Средней Азии — это самые молодые диаспоры, основной поток миграции которых приходится на 1980 годы за счет приехавших на учебу, и 1990-е годы за счет притока трудовых мигрантов. Естественно, что, приехав из национальных республик,

у них нет потребности в сохранении языка, так как он является родным языком; нет потребности в изучении истории общности на Урале. Но более ярко выражена потребность в сохранении тех привычных духовных ценностей, с которыми они приехали на Урал из своих республик.

Таблица 2

Цели сообществ в сети Вконтакте среди диаспор разных народов

Цели	В целом, %	Диаспоры народов		
		Урала и Сибири, %	Средней Азии, %	Стран Европы, %
Общение встречи, внутри этнической группы	94,4	100,0	75,0	100,0
Изучение этнокультуры	69,4	53,3	75,0	85,7
Духовно-нравственное развитие с этнической составляющей	69,4	66,7	75,0	64,3
Сохранение и популяризация этнических ценностей	61,1	46,7	50,0	78,6
Сохранение и изучение национального языка	50,0	53,3	25,0	57,1
Выявление активных, творческих представителей этнической группы	50,0	66,7	25,0	42,9
Изучение истории этнической общности на Урале	38,9	26,7	25,0	50,0
Изучение истории этнической общности вне Урала	30,6	26,7	25,0	35,7

В заключении отметим, что анализ присутствия диаспоральных сообществ в социальной сети Вконтакте показывает, что они стремятся не только общаться с представителями своей общности, но и активно сохраняют свои национальные, культурные традиции среди широкой аудитории заинтересованных. Понимание целей сообщества позволяет более грамотно выстраивать этно-национальную политику, учитывать их взгляды, позиции по отношению к тем событиям, которых происходят в настоящее время.

Литература

1. Айрапетян Э. М. Социально-регулятивная роль диаспоры в движении человеческих ресурсов (на примере армянской диаспоры): дис. ... канд. соц. наук. Санкт-Петербург, 2023. [Электронный ресурс]. URL: http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000000905_Disser.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
2. Дубичев В. Р. Взаимодействие государственных органов власти Свердловской области с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики // Этнокультурная и межрелигиозная коммуникация в образовательной среде. Тенденции развития и управление рисками: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://uo.adm-ngo.ru/sites/default/files/filefield_paths/uchebnoe_posobie_-_etnokulturnaya_i_mezhreligioznaya_kommunikaciya_ekb_2017.pdf?ysclid=lfatwbpgc73914148 (дата обращения: 16.03.2023).
3. Каменева Т. Н., Кунилова К. Д., Целуйко А. В. Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры // Цифровая социология. 2022. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-kommunikatsiya-kak-faktor-samoorganizatsii-diaspory> (дата обращения: 17.03.2023).

4. Ковалев М. П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации: дис. ... канд. философ. наук. Томск. 2011. 159 с.

5. Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «Диаспора»: дискуссия в научном сообществе // АПЕ. 2009. №4.

6. Кунилова К. Д. Этническая диаспора как механизм социальных коммуникаций иностранных студентов в образовательной среде (на примере студентов курских вузов) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19SCSK121.pdf> (дата обращения: 26.03.2023).

7. Лошкарёв И. Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70-78.

8. Народы Урала [Электронный ресурс]. URL: <https://народыурала.све.рф/%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (дата обращения: 26.03.2023).

9. Свердловская область. Объединения национальных меньшинств. Национально-культурные автономии и НПО. [Электронный ресурс]. URL: <https://indem.ru/Ceprs/Minorities/Sverd/Sverd09.htm> (дата обращения: 26.03.2023).

10. Школа общественной дипломатии КМН России [Электронный ресурс]. URL: <https://school-kmn-rg.ru/> (дата обращения: 26.03.2023).

11. Этнические общественные объединения Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://midural.ru/community/100332/100689/100693/> (дата обращения: 26.03.2023).

N. Sivkova, A. Novgorodtseva, A. Burnasov

DIASPORAL COMMUNITIES OF THE SVERDLOVSK REGION IN SOCIAL NETWORKS (USING THE EXAMPLE OF THE VKONTAKTE NETWORK)

Abstract

The article describes the results of a content analysis of Vkontakte in order to identify diaspora communities in the Sverdlovsk region. Communities of 31 national groups have been identified. The most active communities are represented by Jews, Tatars and Armenians. Completely closed communities are among Georgians, Greeks, Tajiks and Dagestanis.

Keywords: content analysis, diaspora, ethnic community, fraternity, social networks.

УДК 316.4

Ю. Н. Эбзеева

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ РУДН)

Аннотация

Статья представляет собой анализ уровня этнической толерантности выпускника Российского университета дружбы народов как характеристики его личности. Целью исследования стала корреляция роста интернационализации высшего образования и уровня этнической толерантности студентов университета. Необходимо отметить, в Российском университете дружбы народов наблюдается благоприятные условия для развития межкультурного общения студентов, что мотивировано историей вуза и его традициями. Эмпирической базой исследования стали результаты опросов, которые были проведены 2015–2019 гг. и в октябре 2022 году в Российском университете дружбы народов Социологической лабораторией и Студенческим социологическим бюро. Метод сбора данных – анкетирование студентов. Отчет, полученный после обработки анкет, представляет собой результаты псевдопанельного исследования, т. к. опрошена одна генеральная совокупность студентов в динамике (на первом курсе и на выпускном курсе). Анализ показал, что выпускники РУДН – вуза с высоким уровнем интернационализации –обладают высоким уровнем этнической толерантности.

Ключевые слова: интернационализация, рейтинг университетов, этническая толерантность, Российский университет дружбы народов, опрос.

Интернационализация высшего образования относится к неоспоримым тенденциям развития данной отрасли наряду с его глобализацией и пониманием высшего образования как ключевого звена научно-технического и инновационного развития государств мира [1–3].

Значимость данной категории подчеркивается ее включением в систему оценивания университета такими инструментом, как глобальный рейтинг. Так, QS World University Rankings, который функционирует с 2004 года и в современном мире признан как наиболее авторитетный исследовательский проект, включает интернационализацию в четырех наиболее влияющих качествах современного университета наряду с уровнем преподавания и научных исследований и востребованностью выпускников вуза у работодателей [4].

Российский университет дружбы народов одной из стратегических целей своего развития на 2016—2026 гг. определил достижение ведущих позиций в мире и закрепление на лидирующих позициях в РФ по предоставлению образовательных услуг. Основными направлениями развития университета стали совершенствование технологии обучения, цифровизация образовательного пространства, доведение качества интеллектуальных продуктов университета до максимально высокого уровня, что обеспечивает университету конкурентоспособность, и кросскультурная интеграция.

В настоящий момент Российский университет дружбы народов является лидером по интернационализации среди университетов России, в его стенах обучаются студенты из более чем 160 стран мира. Университет подписал и последовательно реализует совместные образовательные программы с 250 зарубежными университетами и научными центрами; университет является базовым вузом сетевого университета СНГ, 200 000 выпускников РУДН нашли работу более, чем в 170 странах мира.

Интернационализация безусловно влияет на процесс обучения в университете. Преимуществом высокого уровня интернационализации студенты из РФ считают возможность создания личных профессиональных связей с будущими специалистами, которые будут работать в странах по всему миру, а также постоянную языковую практику.

Для иностранных граждан высокий уровень интернационализации включает упрощенную процедуру поступления, наличие стипендиальных программ и олимпиад, общественные организации – землячества, которые помогают студентам из разных стран адаптироваться к жизни в России, вхождение в культуру студентов из других стран. Так, данные положения нашли свое отражение в описании ценностей бренда RUDN University: многонациональность и международное сотрудничество; значимость и ценность вклада студентов и преподавателей университета в развитии мирового сообщества; равенство возможностей.

Тем не менее, вопрос об этнической толерантности находится под мониторингом менеджмента любого университета, в котором проходят обучение иностранные студенты, поскольку «создание среды толерантного взаимодействия иностранцев и россиян <...> снижает уровень конфликтности всего общества» [5, с. 308]. Под толерантностью принято понимать уважение, терпимость, вежливость, равенство в общении с иностранными студентами. К факторам с негативным влиянием на межнациональное общение можно отнести неготовность участников образовательной среды к межкультурной коммуникации и отсутствие воспитания этнической толерантности на предыдущих образовательных этапах.

Кроме общепринятых форм воспитания этнической толерантности [6], Российский университет дружбы народов поддерживает ряд собственных форм, к которым относятся:

- интернациональный студенческий строительный отряд «Меридиан Дружбы», в котором работают студенты из 82 стран мира; средний годовой объем ремонтных работ – 26 000 квадратных метров;
- интернациональный культурный центр РУДН (Интерклуб) – концертная и репетиционная площадка, главное место творчества в университете, в котором проводятся национальные праздники, студенческие фестивали, смотры, конкурсы, встречи с известными

людьми, мастер-классы, ярмарки, театральные представления, музыкальные салоны, вечера поэзии, тематические вечера, квесты;

- работа в ассоциациях студентов, в том числе, Ассоциация выпускников РУДН;
- ежегодный фестиваль «Планета Юго-Запад», в рамках которого 80–90 землячества РУДН готовят выставки с предметами народного творчества, рассказами о своих странах, с народными играми и мастер-классами, танцами и песнями.

Для определения уровня толерантности в рамках проекта по изучению эффективности воспитательной работы в РУДН было проведено анкетирование. Прототипом анкеты стал экспресс-тест Г. У. Солдатовой [7] (см. также [8]); студентам были предложены утверждения, сопровождаемые градациями согласия (абсолютно не согласен; не согласен; скорее не согласен; скорее согласен; согласен; полностью согласен). Утверждения содержат аспекты 1) оценки смешанных браков (в смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности; я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности); 2) оценки межнационального общения (к некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться; к людям с горячим темпераментом станут лучше относиться, если они изменят свое поведение; я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей); 3) вопросы самоидентификации (нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные). На основе ответов каждого из респондентов был рассчитан индекс, который позволил отнести его к трем категориям учащихся: студент с высоким, средним или низким уровнем этнической толерантности.

Уровень толерантности связан со сроком обучения: у выпускников 4 курса он повысился (+ 26% в категории «высокий уровень толерантности»), у специалистов 5 курса он также повысился (+ 27% в категории «высокий уровень толерантности»), среди выпускников 6 курсы мы также отметили данную тенденцию (+29% в категории «высокий уровень толерантности»). Сравнительный анализ показателе толерантности у студентов 1 и 4 курса по факультетам представлен в табл. 1.

Таблица 1

Уровень этнической толерантности, %

Уровень толерантности	курс	Аграрно-технологический	Медицинский институт	Инженерная академия	Факультет математических и естественных наук	Факультет гуманитарных и социальных наук	Филологический факультет	Экологический институт	Экономический факультет	Юридический институт	Институт гостиничного бизнеса и туризма	Институт иностранных языков	Институт мировой экономики и бизнеса
Высокий	1	24,6	22,7	54,8	37,5	32,6	37,7	26,4	31,0	31,6	23,5	33,8	26,0
	4	75,0	52,5	56,6	57,1	60,1	62,8	25,0	50,0	63,0	64,1	68,9	61,3
Средний	1	75,4	76,0	45,2	61,8	67,4	62,3	72,2	68,5	68,4	76,4	66,2	74,0
	4	25,0	47,5	43,4	42,2	39,5	34,9	75,0	50,0	37,0	33,3	31,1	38,7
Низкий	1	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	1,4	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0
	4	0,0	0,0	0,0	0,6	0,4	2,3	0,0	0,0	0,0	2,6	0,0	0,0

Данные таблицы демонстрируют статистически незначимую долю студентов 4 курса с низкими уровнем толерантности. С целью определения отношения к своей и иной культуре был задан закрытый вопрос с одним вариантом ответа: «Отметьте, пожалуйста, какое высказывание лучше всего Вас характеризует». Отношение российских выпускников к чужой

культуре максимально позитивно: доля студентов выпускных курсов, отрицательно относящихся к чужим культурам, составила менее 2%.

Еще одним закрытым вопросом стало мнение об отношении к интернациональному принципу расселения в общежитиях РУДН. Из первокурсников на данный вопрос отвечали все студенты (и проживающие в общежитии, и те, кто живут дома / в съемном жилье; из выпускников на данный вопрос отвечали студенты, проживающие в общежитии). Известно, что в 2020–2023 году на выпускных курсах 441 выпускник бакалавриата проживает в общежитии, что составляет 24,8% бакалавров; среди выпускников 5 курса таких 39, что составляет 15,8%; среди выпускников 6 курса в общежитиях проживают 63 студента (24,9%). Результат исследования показал, что около трети выпускников выпускных курсов относятся к интернациональному принципу расселения в общежитиях позитивно. Категорически против 6% бакалавров, 6% выпускников-магистров, а также 3 % выпускников 5 курса.

Иностранцы студенты относятся к интернациональному принципу расселения в целом лучше, чем российские студенты: 41 % против 25,6 % позитивно одобряющих на уровне бакалавриата; 45,5% против и 33,3% позитивно одобряющих на выпускном 6 курсе; среди выпускников 5 курса наблюдается обратная тенденция: среди иностранных выпускников доля тех, кто против проживания с иностранцами в 2 раза больше, чем у российских выпускников 5 курса (см. данные табл. 2).

Таблица 2

Отношение к интернациональному принципу расселения в общежитиях РУДН

курс	Позитивно / одобряю	Нейтрально / без разницы	Против совместной жизни с представителями некоторых национальностей	Категорически против	Затрудняюсь ответить
1 курс 2019–2020 г.	29,4%	41,6%	10,9%	4,2%	13,9%
4 курс	32,7%	37,2%	17,8%	6,1%	6,2%
1 курс 2018–2019 г.	34,2%	45,2%	6,5%	1,9%	12,2%
5 курс	37,8%	37,8%	16,2%	2,7%	5,5%
1 курс 2017–2018 г.	39,0%	43,8%	6,1%	2,1%	9,0%
6 курс	41,9%	30,6%	12,9%	6,5%	8,1%

Выводом к данным таблицы могут стать следующие положения:

1) студенты, обучающиеся в Российском университете дружбы народов, являются представителями разных культур, языковых групп и религиозных течений. Проживание играет важную роль в успешном обучении и в целом в жизни студента в РФ. Безусловно понятно стремление обучающегося в университете максимально сблизиться с представителями своей или сходной культуры. Однако известно, что существующий со времени основания принцип интернационального расселения в общежитиях, способствует налаживанию личных связей студентов разных стран, повышению уровня овладения русским и английским языком как языком-посредником, погружению в прежде неизвестную культуру;

2) заселение обучающихся в студенческие общежития университета осуществляется также по факультетскому и курсовому принципу, что способствует налаживанию связей на уровне группы и курса;

3) проживание в общежитии согласно интернациональному принципу расселения способствует также регулярным дополнительным занятиям, которые добровольно проводят

по предметам хорошо успевающие российские студенты с одногруппниками-иностранцами, что является давней традицией университета.

Интернационализация современного рынка образовательных услуг является одним из важных аспектов его конкурентоспособности. Повышение доли иностранных студентов в учебной аудитории и общежитиях университетов приводит к необходимости повышения внимания к воспитанию этнической толерантности. Российский университет дружбы народов имеет давние традиции воспитания межкультурных компетенций студентов, в университете наблюдается благоприятная обстановка для развития межкультурного взаимодействия учащихся. Мониторинг студентов первого и выпускных курсов показал успешность данных мероприятий.

Литература

1. Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего / коллективная монография / отв. ред. М. В. Ларионова. М.: Логос, 2010. 280 с.
2. Филиппов В. М. Новые тренды в интернационализации образования в условиях глобальных рисков // Алтай-Азия 2022: Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики. Сборник материалов V Международного образовательного форума. Барнаул, 2022. С. 32–35.
3. Яковлева С. М. Рекрутинг международных студентов как элемент интернационализации российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 64–70.
4. Эбзеева Ю. Н., Смирнова Ю. Б. Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. № 22 (4). С. 909–918.
5. Балезина Е. А., Форостян В. В. Толерантность к иностранным студентам в российских вузах (на примере ПГНИУ) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № (2). С. 307–316.
6. Агирбов С. Р., Сказко А. С. К вопросу об интернациональном воспитании в вузе // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 4 (8). С. 96–97.
7. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Шайгерова Л. А. Принципы формирования толерантности и управление рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 60–79.
8. Асмолов А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1998.

Y. Ebzeeva

INTERNATIONALIZATION AND ETHNIC TOLERANCE AT THE UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF RUDN UNIVERSITY)

Abstract

The article is an analysis of the level of ethnic tolerance of a graduate from Peoples' Friendship University of Russia as a characteristic of his or her personality. The aim of the study is to correlate the growth of internationalization of higher education and the level of ethnic tolerance of university students. It should be noted that at Peoples' Friendship University of Russia there are favorable conditions for the development of intercultural communication of students, which is motivated by the history of the university and its traditions. The empirical basis of the study is the results of surveys that were conducted in 2015–2019 and in October 2022 at Peoples' Friendship University of Russia by the Sociological Laboratory and the Student Sociological Bureau. The data collection method is student survey. The report received after processing the questionnaires is the results of a pseudo-panel study – since one general group of students was surveyed in dynamics (in the first year and in the final year). The analysis showed that RUDN University graduates, a university with a high level of internationalization, have a high level of ethnic tolerance.

Keywords: internationalization, university ranking, ethnic tolerance, Peoples' Friendship University of Russia, survey.

УДК 316.334.56

Е. В. Булах

**УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ:
АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОС**

Аннотация

Местное самоуправление гарантировано и обязательно на всей территории, но тенденции к территориальному укрупнению муниципалитетов, снижение роли местной представительной власти и доминанта административной составляющей блокируют процесс инициативного участия населения. В этих условиях интерес к территориальному общественному самоуправлению определен основными характеристиками данной формы: всеобщность в установленных границах осуществления; инициативный характер самоорганизации и бессрочный характер функционирования.

Ключевые слова: население, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, вопросы местного значения.

Яркий акцент на необходимость обеспечить условия для участия населения в решении вопросов местного значения был сделан на открытии Совета по развитию местного самоуправления в 2017 году. Президент Российской Федерации тогда отметил, что неравнодушное и деятельное отношение жителей к проблемам своих населенных пунктов являются огромной ценностью и хорошим резервом. Он призвал всемерно поддерживать таких граждан и напомнил, что для этого создан целый ряд механизмов: публичные слушания, территориальное общественное самоуправление, местные референдумы и т. д. [9]. Тут можно не согласиться с формулировкой и отметить, что упомянутый ряд механизмов предусмотрен федеральным законодательством, но полномасштабно еще не запущен. Превращение нормы в эффективный действующий механизм – это долгий и сложный путь, где основными ответственными участниками являются региональные и местные власти. Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 2003г. (ФЗ-131), статьей 33 обязал органы власти и должностные лица обеспечить условия для участия населения в местном самоуправлении [1]. Анализ участия населения в осуществлении местного самоуправления в форме территориального общественного самоуправления (ТОС) за срок с момента выступления В. В. Путина, а это более чем пять лет, можно осуществить через реакцию на поставленную Президентом государственную задачу. Это позволит сформулировать основные проблемы, сдерживающие развитие местного самоуправления как процесса решения вопросов местного значения жителями непосредственно.

Все перечисленные Президентом формы осуществления местного самоуправления включены в Главу 5 «Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления» ФЗ-131 [1]. Классификацию форм по качеству принятого населением решения можно представить по двум основаниям. По характеру выполнения – обязательные; рекомендательные и информационно-уведомительные. По продолжительности и частоте осуществления – регулярные; единовременные и постоянные (бессрочные); обязательные и инициативные.

Опыт ТОС интересен именно тем, что, являясь инициативной формой, осуществляется бессрочно, а организационно обеспечивает населению институциональную площадку на части муниципалитета под дальнейшее участие в местном самоуправлении во всех предусмотренных формах. Однажды самоорганизовавшись в ТОС, жители без особых организационных проблем могут проводить собрания или конференции, выходить с

правотворческой инициативой, инициировать публичные слушания, опросы или обращения в органы власти. Решение жителей может иметь рекомендательный или информационный характер, но в случае передачи ТОС отдельных полномочий по договору с органами местного самоуправления, решения будут иметь обязательный характер. Обязательным могут стать решения по инициации местного референдума или регистрации на местных выборах выдвинутого от ТОС делегата.

То, что речь идет именно о местном самоуправлении, не должно вызывать никаких сомнений, но обобщенный контур федеральных норм, регулирующих социальные процессы на местном уровне, позволяет по-разному толковать их с регионального и (или) местного уровней. Идентификационная проблематика является основной для ТОС. Единственным из найденных регионов, где ТОС признается одной из форм осуществления власти путем непосредственного волеизъявления, является Калининградская область [12]. В муниципалитетах области предусмотрено взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления на основании договоров и принимаемых ТОС решений. Анализ процесса участия в других регионах позволяет сделать вывод, что раскрытием правового статуса ТОС, кроме как формы «самоорганизации» граждан, власти себя не обременяют. Вместе с тем, даже в Калининградской области считают, что ТОС не требует ресурса публично властного воздействия. Парадокс – ТОС признается формой выражения властных полномочий, а наличие инструментов обеспечения коллективной воли считается необязательным. Надо отдать должное, что определить статус, пусть без роли – это уже новаторство. Остальные регионы руководствуются мнением части научного сообщества. Так, уже через год после доклада В.В. Путина, представители РАНХиГС, Е. С. Шутрина, К. А. Иванова, в своем исследовании пришли к мнению, что территориальное общественное самоуправление рассматривается как элемент гражданского общества, хотя и обладающий особым статусом и имеющий четкую территориальную привязку [10, с. 47] Мнение о том, что ТОС – это особый вид общественной организации, поддержал депутат Госдумы В. Б. Кидяев. В концепции «Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года» под его редакцией отмечено, что законодатель не относит ТОС к виду публичной власти, но признает их институтом местного самоуправления [2, с. 6]. Что это означает, понять сложно, особенно учитывая то, что законодатель однозначно относит ТОС к форме осуществления местного самоуправления населением непосредственно, то есть к формам осуществления публичной власти. Очевидно, нет понимания того, что публичное выражение властных полномочий не всегда влечет обязательное исполнение воли. Выражение воли может носить информационный или рекомендательный характер, но присутствует обязательная составляющая для органов власти – обязательный учет интересов населения. По-другому невозможно, если местное самоуправление осуществляется, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1].

Возможно, функциональный анализ поможет раскрыть сущность ТОС. Анализ данной формы можно осуществить через ее отношение к вопросам местного значения, то есть к тем функциональным задачам, на решение которых нацелена самоорганизация жителей. В ФЗ-131 «вопросы местного значения» понимаются как вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно [1]. Выясняется, что согласно статье 27 ФЗ-131, ТОС, как самоорганизация жителей на части территории муниципалитета, возникает исключительно для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Никаких иных целей жители не преследуют, только политические. Для удовлетворения экономических, социально-бытовых и иных потребностей существует целый комплекс иных организационных форм, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, которые не требуют установления границ и обязательного участия всех граждан на территории. Политическими указанные требования жителей являются потому, что в условиях демократического политического режима и кодификационной системы правового регулирования, местное самоуправление в Российской Федерации

является явлением государственным. Это значит, что вопросы жизнедеятельности, ответственность за которые взяло на себя государство, вне зависимости от территориального уровня являются государственными, гарантируются и обеспечиваются за счет ресурсов государства. Немецкие ученые Л. Штейн и Р. Гнейст, сторонники государственной теории подчеркивали, что самоуправление — это возложение на местное общество самостоятельного осуществления задач государственного управления [5, с. 27–28]. Собственно, именно они ввели термин «местное самоуправление», обозначив территориальный аспект управления в государстве. Российские сторонники государственной теории подчёркивали, что все полномочия даются государством, самим источником власти. А. Д. Градовский подчеркивал зависимость местного самоуправления от сильной и единой государственной власти, но, отмечал, что местное самоуправление является главным условием для сохранения политической и национальной целостности страны [6]. Н. М. Коркунов настаивал на том, что деятельность местных самоуправляющихся общин не факультативны, а обязательны. Они не только могут быть, но и должны быть; государство не только допускает их, а требует [7, с. 489].

Л. Штейн и Р. Гнейст, выделяя отличительные признаки местного самоуправления, развивали государственное представление в двух основных направлениях – политическом (Р. Гнейст) и юридическом (Л. Штейн), что позволило в дальнейшем О.Е. Кутафину и В. И. Фадееву предложить свое видение местного самоуправления. Теория дуализма по своей сути является симбиозом общественной и государственной теории, что обосновывает право местного сообщества на выбор позиций из общего списка вопросов местного значения и допускает вмешательство государственных органов в дела местного самоуправления только в тех случаях, когда этого требуют общенациональные интересы [8, с. 55]. От наличия права на выбор вопросов местного значения, характерных именно для этой части муниципалитета, местное сообщество не становится общественной организацией, это по-прежнему часть жителей, являющихся источником местной власти.

Надо признаться, что не очень часто мы встречаемся с ситуацией, когда количество лавочек или клумб во дворе, вопросы организации общественного пространства внутри конкретного микрорайона относятся к общенациональным. Данная проблематика для жителей разных районов одного муниципалитета является разной по актуальности. Объективная неоднородность муниципалитета раскрыта в концепции концентрических зон городского пространства представителем Чикагской школы урбанистических исследований Э. Берджессом [4, с. 20–35]. Жители готовы участвовать в самоуправлении по вопросам характерным для их части муниципалитета, но они не могут поверить в достижимость цели своей активности. Используя принцип аналогии при толковании норм одного правового акта, можно утверждать, что решение вопросов местного значения непосредственно жителями и (или) местными органами предполагает единое понимание данного процесса. Процесс решения вопросов местного значения органами местной власти должен быть аналогичным решению, принимаемому жителями в форме ТОС. Если оно классифицируется как решение по вопросу местного значения, характерного для территории осуществления ТОС, то реакция местной власти должна быть безальтернативной и предполагать следующую вариативную часть:

1. Оптимизация использования целевых бюджетных средств с учетом выдвинутой инициативы или поиск внебюджетных, заемных средств.
2. Включение решения об исполнении инициативы на следующий бюджетный период (реестр местных инициатив).
3. Отказ в исполнении инициативы жителей в связи с уже утвержденным ранее планом развития территории. Отказ подтверждается фактом участия жителей данного ТОС в обсуждении ранее принятого плана.

Региональная и местная власть в субъектах РФ так и не разработала технологии обработки решений населения. Мы уже отмечали, что они пока даже не предполагают их наличие. Особую реакцию вызывают вопросы по реализации инициатив ТОС, не требующих

бюджетных средств, таких как: согласование размещения точечного строения в жилом микрорайоне; определение назначения общественной зоны (спортивный объект, сквер, зона уличной торговли, общественная стоянка и т. д.), общественный надзор за муниципальными образовательными учреждениями и др. В этих случаях местная власть в России солидарна как никогда. Ей удобно воспринимать ТОС как общественную организацию, ответ которой может не содержать текст по существу требований населения, мотивируя это тем, что общественные организации не имеют права на политические требования.

Бюджетный аспект, тем не менее, знаковый. «Удобное» мнение о гражданско-общественной природе ТОС позволяет чиновникам без зазрения совести взывать к необходимости собирать собственные средства на реализацию инициатив по вопросам местного значения, поскольку некоммерческая деятельность общественных организаций ведется за собственные средства. Об этом читаем в статье 19 Главы 3 Положение №157 г. Владивостока и отмечаем, что финансы ТОС состоят из собственных средств, а также из отчислений, добровольных взносов и пожертвований, это значит, что участие граждан в местном самоуправлении возможно за счет своих собственных средств [3]. Еще парадокс – одни и те же вопросы население вынуждено решать за личные сбережения, а органы власти за бюджет.

Несмотря на наличие конституционных норм и норм федерального законодательства, установку Президента РФ, все перечисленные проблемы существуют и сдерживают развитие местного самоуправления, они непросто не обеспечивают условия, они блокируют активное участие населения. На примере Владивостока можно отметить, что в 2021 году местной Думой было внесено более 20 поправок в Положение № 157 [3], но статус ТОС не определен, а значит решение ТОС не имеет политической силы, финансовое обеспечение не гарантировано, а ранее принятая норма, ограничивающая возможность установить границы осуществления ТОС и противоречащая Определению Конституционного Суда Российской Федерации № 92-О от 10 апреля 2002 г., не отменена. В таких условиях 28 созданных ТОС – это еще хороший результат [11]. По предварительным прогнозам, такие города как Владивосток располагают ресурсом на создание 5–6 сотен ТОС. Примером тому является Хабаровский край, в котором функционируют 1123 ТОС, большая часть из них – в краевой столице. Активность жителей в Хабаровском крае обусловлена большим бюджетом на конкурсные проекты ТОС (более 300 млн руб.), но даже в Хабаровске не знают, что делать с инициативами, которые не победили в конкурсе и почему местное самоуправление превращается для жителей в различные конкурсы.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года, ОАТОС, 2021. 6 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/public/moP4/Sa61Eh4SN> (дата обращения: 24.02.23).
3. Об утверждении положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Владивостоке: Решение Думы города Владивостока от 22.12.2005 № 157 / Официальный сайт Администрации города Владивостока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vlc.ru/society/Territorialnoe-obschestvennoe-samoupravlenie-TOS-v-gorode-Vladivostoke/Reestr-TOS> (дата обращения: 13.03.23).
4. Бёрджесс Э. Рост города. Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов. М.: РАН. ИНИОН, 2015. С. 20–35.
5. Гиероглифов А. С. Штейн Л. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии. СПб., 1874. 594 с.

6. Градовский А.Д. История местного самоуправления в России. СПб., 1899. Т. 2. 75 с.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том II. Часть особенная. Издание шестое. СПб.: 1909. Т. 2. 739 с.
8. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право РФ. М.: Проспект, 2004. 559 с.
9. Никольский А. Путин призвал местные власти решать проблемы граждан без "бюрократического футбола" / Пресс служба президента РФ/ ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4464589> (дата обращения: 07.03.23).
10. Шугрина Е. С., Иванова К. А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). Спецдоклад. М.: «Проспект», 2018. 47 с.
11. Администрация города Владивостока/официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vlc.ru/society/Territorialnoe-obschestvennoe-samoupravlenie-TOS-v-gorode-Vladivostoke> (дата обращения: 13.03.23).
12. Территориальные общественные самоуправления / Багратионовский муниципальный округ Калининградской области/ официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://bagrationovsk.gov39.ru/city/territorialnye-obshchestvennye-samoupravleniya/> (дата обращения: 10.03.23).

E. Bulakh

POPULATION PARTICIPATION IN SOLVING LOCAL ISSUES: ANALYSIS OF TOS

Abstract

Local self-government is guaranteed and obligatory throughout the entire territory, but tendencies towards the territorial enlargement of municipalities, a decrease in the role of local representative power and the dominant administrative component, block the process of initiative participation of the population. Under these conditions, interest in territorial public self-government is determined by the main characteristics of this form. In the presented material, the following are highlighted: universality within the established boundaries of implementation; the initiative nature of self-organization and the indefinite nature of functioning.

Keywords: population, local self-government, territorial public self-government (TOS), issues of local importance.

УДК 316.334.56

А. И. Зверев, С. М. Карачков

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРОЕКТНОГО ГОРОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация

В современных условиях внешних вызовов актуализируется проблема запуска новых национальных мегапроектов (НТР, экономическая безопасность, реиндустриализация, освоение технологий и комплексное развитие территорий) и городов-площадок размещения крупных проектных объектов (производство, наука и пр.). Такие города мы называем проектными. Проектный город не только является площадкой размещения объектов, но и выступает в качестве места постоянного проживания специалистов, обеспечивающих функционирование проектного объекта, вовлеченных в реализацию проектной цели, составляющих особую городскую общность, воспроизводящих ценностное ядро корпоративности и пр. Постановка и решение проблем развития мегапроектов предполагают серьезную методологическую разработку категории «проектного города», формирование концепции управления развитием проектным городом. Здесь можно применить общностный, стейкхолдерский, проектный и иные подходы в толковании и изучении таких понятий как «ценностное ядро корпоративности», «активность городской среды проектного города», «цикл развития проектного города», «постпроектная перезагрузка», «депроектирование» и др. Типичным проектным городом и, соответственно, объектом социологического анализа могут выступить ЗАТО

(закрытое адм.-терр. образование), составляющие группу городов размещения Атомного проекта СССР. Исследования в данной области способны решить не только проблемы реализации мегапроектов в современной России, но и локальную, остро стоящую на сегодняшний день проблематику постпроектного развития ЗАТО (совокупная численность населения около 1 млн жит.).

Ключевые слова: проектный город, ценностное ядро корпоративности, постпроектное развитие, перепроектирование, депроектирование, ЗАТО.

Введение

В мире широко распространена практика проектирования и строительства городов, предназначенных для размещения ключевых объектов мегапроектов и проживания работников, которые обеспечивают их функционирование. Типичными примерами за рубежом являются «атомграды» г. Оакридж и Лос-Аламос (США), научно-образовательный г. Идеон (Швеция). В России выделяются закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), образованные в рамках советского «Атомного» проекта (куратор Минсредмаш СССР – преемник ГК «Росатом»), а также города-локации проектов по освоению Сибири (Электроград проекта Минусинской долины), Севера («нефтяные города ЯНАО»), крупных девелоперских проектов научно-технического развития и комфортного проживания (Сколково, Иннополис, Доброград) и др.

Роль таких городов в политике и технологиях значительна, а их влияние на развитие национальной экономики существенно; мегапроекты, площадками размещения которых они являются, определяют все национальные цели развития Российской Федерации, поставленные руководством страны (далее – национальные цели) на период до 2030 года: «сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация» [1].

Результаты исследования

Несмотря на актуальность изучения опыта создания и развития проектных городов как площадок мегапроектов, в современной социологии отсутствует типология подобных городов, не разработана методология изучения данного социального феномена, нет исследований на данную тему, не сформирована концепция управления развитием проектного города. При этом отмечаются многие важные наработки из смежных тем. Так, например, оценка опыта городов, в основе создания и развития которых лежит (градообразующий) мегапроект осуществляется в работах Н. В. Мельниковой [6], В. М. Копылова [5], Д. Ю. Файкова [10] и др. В основном исследуются исторические основания создания, а также особенности городской общности такого рода городов, экономические параметры функционирования закрытых городов и пр.

Существует целый ряд городов, жизнедеятельность которых определяет крупное предприятие или организация, которую принято называть градообразующей. Такая организация фактически формирует контуры развития города. Подобные города называются моноспециализированными городами, или «моногородами», «городами-заводами» и активно изучаются урбанистами [4], экономистами [8], социологами [7], теоретиками управления [9]. Может возникнуть идея отождествить проектные города с моногородами. Нельзя не согласиться, что оба этих типа городов имеют схожие черты: расположение на территории крупного градообразующего предприятия, значительная доля из населения трудоустроены на этом предприятии, социокультурная сфера и ЖКХ, городская инфраструктура тесным образом связаны с градообразующим предприятием, идентичность горожан во многом определяется культурой и спецификой производства и пр. Примерами таких городов являются гг. Тольятти (ВАЗ), Магнитогорск (ММК), Набережные Челны (КамАЗ) и др.

Однако у проектного города есть ряд важных отличий:

- градообразующее предприятие является объектом мегапроекта;
- город создается в рамках мегапроекта практически одновременно с закладкой предприятия, как территория размещения и постоянного проживания.

Под «мегапроектом» мы понимаем государственный проект, связанный с крупным начинанием в области НТР, обеспечения безопасности (экономической, политической, суверенитета, культурной), предполагающий включение значительных материальных, информационных, людских, политических иных ресурсов. В случае с моногородами отсутствует привязка к мегапроекту, как следствие нет куратора в лице Федерального Министерства, Госкорпорации и пр., не реализовано особое центральное управление, не предусмотрен закрытый (режимный) статус территории, нет сверхразвитой городской инфраструктуры, комфортной среды проживания «столичного» уровня и пр. Иными словами «моногород» отличается от «проектного города», главным образом, характером градообразующей цели, которая положена в основу его становления и развития. Цель мегапроекта, являясь градообразующей, в свою очередь настолько специфична и требовательна к людским, временным, информационным, энергетическим, материальным, управленческим ресурсам, что это накладывает существенный отпечаток на специфику организации и развития проектного города: на его идентичность, формат организации инфраструктуры, системы управления, ценностного ядра, городской среды. Стоит также отметить, что с течением времени многие проектные города выходят из мегапроектов и, развиваясь в большей степени обособленно, исходя из собственной идентичности в соответствии с целями местных групповых акторов видоизменяются. Так многие бывшие «демидовские» проектные города Урала периода промышленной революции 18 века сегодня являются моногородами с многовековой историей: «на Урале стали появляться такие уникальные образования, как города-заводы, когда городские поселения возникали вокруг первых металлургических и горнодобывающих предприятий. При этом завод концентрировал в себе все виды отношений и все социальные структуры, присущие традиционному городу» [9, с. 17].

Характер цели мегапроекта, таким образом, обуславливает наличие концептуальных оснований формирования управления развитием проектного города. К числу таких оснований нужно отнести учет:

- ценностного ядра корпоративности;
- особенностей формирования городской среды взаимодействия групповых акторов;
- циклического характера развития города, который заключается в переходе города от проектного (основного) к постпроектному (переходному) этапам цикла [3].

Масштаб цели мегапроекта предопределяет необходимость концентрации усилий по ее реализации, формирования особого ценностного ядра, благодаря которому формируется особая идентичность горожан – участников мегапроекта, готовых в сложных условиях (территориальная изолированность, сжатые сроки реализации цели, сверхурочная занятость и пр.) приложить максимум усилий для выполнения поставленной государством важной задачи. Для этого необходимо сформировать, с одной стороны, сплоченную городскую общность интересов [2], в число наиболее важных из которых входит совместная реализация важной государственной задачи. С другой стороны, необходимо обеспечить участникам проекта должное вознаграждение и статусное подтверждение важности их деятельности. Эти два момента обуславливают необходимость формирования не только сверхразвитой инфраструктуры, изолированной (закрытой) территории комфортного проживания, особого административно-территориального статуса города, но также ценностного ядра корпоративности, возможности личной, статусной самореализации участников проекта, которые становятся заинтересованными лицами – стейкхолдерами мегапроекта, вовлеченным в процессы его реализации. В состав ценностного ядра корпоративности входит:

- целеориентированность, как понимание первоочередной важности реализации цели мегапроекта, готовность выполнить возложенную государством сверхзадачу;
- готовность «терпеть лишения», связанные с режимом, секретностью, изолированностью проектного города;

– осознание собственной значимости, инаковости, солидарности в качестве стейкхолдеров мегапроекта.

Городская среда представляет условия для реализации горожан – стейкхолдеров мегапроекта, которая сама по себе возможна только в направлении проектной цели, то есть также целеориентирована. Важным групповым актором является куратор, который непосредственно контролирует целеориентированность развития города, среды и пр. Со временем в среде проектного города формируется идентичность, которая обуславливает обособление и появление группового актора, транслирующего собственные цели развития города, параллельно с проектными. Особенно такие тенденции проявляются в переходный период, когда происходит целевая «перезагрузка» и пр. Подобный характер городской среды проектного города можно считать его социальным противоречием, которое требует внимания и учета при формировании концепции управления развитием.

Поскольку как любая цель – цель мегапроекта конечна, после основного (проектного) этапа неминуемо наступает постпроектный (переходный) этап, связанный с необходимостью обновления цели проектного города. Здесь возможны два варианта.

1. «Перепроектирование», представляющее собой «перезагрузку» проектного статуса, то есть обновление цели с сохранением, или со сменой привязки к конкретному мегапроекту.

2. «Депроектирование», или выход из проектного статуса, который заключается в обновлении цели вне мегапроекта.

Здесь стоит понимать, что выход из проектного статуса понимается нами как разрыв связи с каким-либо мегапроектом. Сама проектная логика дальнейшего развития города, которая являлась определяющей при его создании, сохраняется. Однако, в новых условиях акторы формируют новую целевую повестку вне мегапроекта. Соответственно снижается, либо исчезает необходимость в воспроизводстве «мегапроектного» характера формирования инфраструктуры, особых условий городской среды и административно-территориального статуса, а также в поддержании активности ценностного ядра корпоративности как готовности жителями выполнять важные государственные задачи, быть стейкхолдерами мегапроекта и сохранять сплоченность, идеологизированность и пр.

Выводы

Формирование методологии проектного города, а также специальной концепции управления его развитием, которая базируется на особенностях его ценностного ядра, идентичности, городской среды и циклической природы развития, способно существенно повысить эффективность реализации текущих и будущих мегапроектов. В нынешней ситуации обновленной концепции национальной безопасности, внешних вызовов и национальных целей развития на ближайшие годы разработка такой методологии и концепции управления видится без преувеличения важной не только в научно-теоретическом, но также в практическом плане. Данные тезисы демонстрируют попытку актуализации нового направления в социологии управления и социологии города, и являются стартовыми, требуют уточнения, дальнейшей концептуализации и проработки.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 07.04.2023).

2. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 300 с.

3. Зверев А. И. Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 2. С. 156–161.

4. Глазыхев В. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Доклад в Школе муниципального служащего. Обнинск, 2005. 143 с.

5. Копылов В. М. Оптимизация социального управления в закрытом административно-территориальном образовании: дис... кан. соц. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
6. Мельникова Н. В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 3(84). С. 15–19.
7. Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: дис... кан. соц. наук. Санкт-Петербург, 2017. 197 с.
8. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Москва: Директ-Медиа, 2014. 764 с.
9. Ускова Т. В., Иогман Л. Г., Ткачук С. Н., Нестеров А. Н. и др. Моногород: управление развитием Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
10. Файков, Д. Ю. «Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях развития моногородов // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 1. С. 10–26.

A. Zverev, S. Karachkov

PROJECT CITY DEVELOPMENT MANAGEMENT AS A SPECIAL TYPE: SPECIFIC MANAGEMENT ORGANIZATION

Abstract

In the current conditions of external challenges, the problem of launching new national megaprojects (scientific and technological revolution, economic security, re-industrialization, development of technologies and integrated development of territories) and cities-sites for locating large project objects (production, science, etc.) is actualized. We call such cities project cities. The project city is not only a site for placing objects, but also acts as a place of permanent residence for specialists who ensure the functioning of the project object, who are involved in the implementation of the project goal, who constitute a special urban community, which reproduce the value core of corporatism, etc. methodological development of the “project city” category, incl. the allocation of a special type in the sociological classification, the formation of the concept of development management of the project city. Here it is possible to apply community, stakeholder, project and other approaches in interpreting and studying such concepts as “the value core of corporatism”, “activity of the urban environment of the project city”, “development cycle of the project city”, “post-project reboot”, “de-design”, etc. A typical project city and, accordingly, an object of sociological analysis can be CATF (closed adm.-territorial formation), which make up the group of cities where the USSR Atomic Project is located. Research in this area is able to solve not only the problems of implementing megaprojects in modern Russia, but also the local, urgent problem of post-project development of CATF today (the total population is about 1 million inhabitants).

Keywords: project city, value core of corporatism, post-project development, re-design, de-design, CATF.

УДК 332.14

Г. И. Лапшин, Л. Н. Боронина

ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

Успешная реализация государственной политики в области создания и продвижения территорий опережающего развития (далее – ТОР) определяется высоким уровнем их инвестиционной привлекательности. Особый научный и практический интерес, связанный с оценкой и методами повышения инвестиционной привлекательности, представляют ТОР, созданные в атомных городах Российской Федерации, имеющих статус закрытых административно-территориальных образований (далее – ЗАТО). «Атомные» ЗАТО создавались с одной главной целью – формирование «ядерного щита» СССР, по сути являющейся проектом государственного масштаба. Можно утверждать, что основой стратегического планирования развития этих территорий является проектное управление, требующие рассмотрения перспектив развития ЗАТО с позиций проектного подхода. Цель исследования – на основе авторской методики оценить инвестиционную привлекательность

территории опережающего развития ЗАТО «Озерск» и разработать рекомендации по ее повышению с применением технологий проектного управления. Теоретико-методологическая база исследования: управленческий и проектный подходы. Методы: анализ статистических данных, структурное разбиение работ, ресурсное, календарное, сетевое планирование. Выявлено, что в условиях снижения инвестиционного потенциала и повышения инвестиционных рисков происходит снижение уровня инвестиционной привлекательности ТОР «Озерск». Для повышения инвестиционной привлекательности ТОР «Озерск» предлагается два проекта, разработанных в логике связанного локального проектирования.

Ключевые слова: территория опережающего развития, инвестиционная привлекательность, проектные технологии.

В современной экономике инвестиционная привлекательность территории становится одним из основных факторов территориального развития. Исследованию проблем управления инвестиционной привлекательностью посвящены труды многих ученых экономистов. Обзор теоретических источников свидетельствует о глубокой проработке вопросов оценки инвестиционной привлекательности на региональном и муниципальном уровнях [8, с. 14]. Инвестиционная привлекательность территории – это «совокупность объективных экономических, социальных и природных признаков, средств возможностей и ограничений, определяющих приток капитала» [5, с. 70] на территорию со стороны инвесторов. Возможности и ограничения конкретной территории, влияющие на уровень ее инвестиционной привлекательности, с одной стороны, отражают вероятность достижения инвестором своей цели, что соотносится с понятием «инвестиционный риск», с другой – полнотой достижения этой цели, степенью инвестиционной активности, что коррелирует с понятием «инвестиционный потенциал». Как следствие, инвестиционная привлекательность территории формируется на основании оценки инвестиционного потенциала (экономическая составляющая) и инвестиционного риска (рисковая составляющая) потенциальным инвестором [7, с. 82]. Соответственно, уровень инвестиционной привлекательностью территории определяется показателем экономического эффекта (наличие дохода) от вложения средств потенциального инвестора в социально-экономическое развитие территории при допустимом уровне риска [6, с. 783].

Изложенный методологический подход является традиционным и используется в процессе оценки инвестиционной привлекательности как регионов, так и муниципальных образований. Вместе с тем, территории опережающего развития и особенно ТОР, расположенные в «атомных» городах, остаются без должного внимания исследователей. Казалось бы, что в современных условиях санкционной нагрузки на экономику, механизмы по привлечению инвестиций, побуждающие к развитию бизнеса с перспективой импортозамещения, должны стать наиболее актуальными именно для ТОР. Концепция ТОР в этой ситуации выглядит наиболее выгодно [2]. Однако правовой режим, наличие градообразующего предприятия, обеспечивающего обороноспособность страны в «атомных» ЗАТО, связанные с ним режимные ограничения и, как следствие, закрытость информации, безусловно, создают существенные ограничения для исследовательских практик. Между тем, нарастающие экономические и финансовые рисков актуализируют необходимость разрабатывать предложения по повышению инвестиционной привлекательности данных территорий с учетом их инвестиционного потенциала и слабых сторон, существующих у каждой ТОР.

Основанием для инициации любого проекта являются результаты первого этапа проектирования – предпроектного анализа. Значимость предпроектных исследований в управленческих проектах переоценить довольно сложно. Результаты предпроектного анализа не только доказывают актуальность и необходимость искомых проектов, но и выявляют ту управленческую, зачастую латентную проблему, которую необходимо устранить. Предпроектный анализ имеет позиционную структуру, включающую в себя несколько необходимых исследовательских процедур: общую характеристику территории, исследование проблемной ситуации, выявление ее сути, причин сложившейся ситуации и формулировку

проблемы. Ограниченные объемом статьи, представим структуру предпроектного анализа нашего проекта кратко.

В соответствии с законодательством Российской Федерации Озерск имеет статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) [1] и является одним из 10 ЗАТО, находящихся в ведении Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». На территории ТОР «Озёрск» сложились две производственные площадки. Площадка «Маяк» находится в пределах охраняемого периметра градообразующего предприятия ФГУП «ПО «Маяк» внутри границы ЗАТО Озерск Челябинской области. Площадка «Новогорный» Челябинской области, находится за охраняемым периметром в поселке Новогорный, и, вследствие этого, является носителем новых инвестиционных возможностей.

Основные направления развития ЗАТО закреплены в Стратегии социально-экономического развития Челябинской области [3], Стратегии социально-экономического развития Озерского городского округа до 2035 года [4] и Плате перспективного развития ТОР «Озерск» [9]. Сравнение целевых и фактических показателей реализации проектов резидентов ТОР «Озерск» за 2021 год показал, что итоговые суммарные результаты деятельности всех резидентов оказались ниже запланированных значений. Фактический объем инвестиций на 21 % ниже плана, фактическое количество созданных рабочих мест на 50 % ниже плана (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ целевых и фактических показателей реализации проектов резидентов ТОР «Озерск» за 2021 год

Название	План. объем инвестиций на отчетную дату, млн руб.	Факт. объем инвестиций, млн руб.	План. кол. создаваемых рабочих мест на отчетную дату, ед.	Факт. количество созданных рабочих мест, ед.	План. объем кап. вложений на отчетную дату, млн руб.	Факт. объем капитальных вложений, млн руб.
ООО ПП "ОТК"	23	0	29	0	18	0
ООО "ЦМС"	71.5	160.5	30	5	43.5	156.4
ООО "ТТС"	250.5	3	24	0	118	0
ООО "Интео"	8.5	36.5	19	37	6.7	18.1
ООО "Эра"	14.8	90.5	6	12	0	0
ООО "Атлант"	0	0	1	0	0	0
Итого	368.3	290.5	109	54	186.2	174.5

Рассчитано: [10].

Также в рамках предпроектного исследования было проведено сравнение достигнутых показателей ТОР «Озерск» с целевыми показателями проекта плана перспективного развития ТОР «Озерск», разработанного УК АО «Атом-ТОР», на конец 2022 года. Результаты сравнения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение достигнутых показателей TOP «Озерск» с целевыми показателями
ППР TOP Озерск»

Параметры	Плановые показатели TOP «Озерск» на конец 2022 года	Достигнутые показатели TOP «Озерск» на конец 2022 года	Доля фактического показателя в плане, %
Число резидентов, ед.	15	5	33
Количество рабочих мест, ед.	509	54	10.6
Объем инвестиций резидентов, млн руб	3750	287.5	7.7
Объем инвестиций в инфраструктуру, млн руб	73	0	0
Средний объем проекта, млн руб	250	57.5	23

Рассчитано: [9, 10].

Сравнительный анализ показывает, что ни один из показателей не выполняется. Наиболее отстающими показателями являются объем инвестиций в инфраструктуру TOP и суммарный объем инвестиций резидентов. Таким образом, суть проблемной ситуации можно зафиксировать следующим образом: при существующих темпах развития TOP «Озерск» существует риск невыполнения целевых показателей перспективного плана развития территории.

В качестве причины сложившейся ситуации была выдвинута исследовательская гипотеза относительно низкой инвестиционной привлекательности TOP «Озерск». Для верификации гипотезы была разработана авторская методика оценки инвестиционной привлекательности территории. Преимуществами авторской методики заключается в широком спектре показателей, учитывающих специфику TOP в ЗАТО; наличии интегральной оценки инвестиционной привлекательности; доступности информации, необходимой для оценочных процедур. Итоговые значения факторов инвестиционного потенциала и риска для TOP «Озерск» даны в табл. 3.

Таблица 3

Факторы инвестиционного потенциала и инвестиционного риска
TOP «Озерск» за период 2020–2021 гг.

Факторы ИП	Вес	2020	2021	Факторы ИР	Вес	2020	2021
Финансовый ($\Phi_1^{ИП}$)	0,25	0,16	0,2	Макроэкономические ($\Phi_1^{ИР}$)	0,2	0,725	0,825
Социальный ($\Phi_2^{ИП}$)	0,2	0,25	0,23	Финансовые ($\Phi_2^{ИР}$)	0,2	0,75	0,90
Инфраструктурный ($\Phi_3^{ИП}$)	0,25	0,3	0,3	Социальные ($\Phi_3^{ИР}$)	0,05	0,375	0,308
Инновационный ($\Phi_4^{ИП}$)	0,15	1	0,75	Инфраструктурные ($\Phi_4^{ИР}$)	0,2	0,875	1
Факторы ИП	Вес	2020	2021	Факторы ИР	Вес	2020	2021
Потребительский ($\Phi_5^{ИП}$)	0,05	,94	1	Управленческие ($\Phi_5^{ИР}$)	0,2	0,75	0,875
Фискальный ($\Phi_6^{ИП}$)	0,1	1	1	Инновационный ($\Phi_6^{ИР}$)	0,15	0,50	0,75

Источник: составлено автором

Анализ данных показывает, что финансовый фактор инвестиционного потенциала в силу невыполнения плана по объему инвестиций резидентами, а также отсутствия бюджетных ассигнований в инфраструктуру территории, имеет наименьшие значения. Инвестиционный риск TOP «Озерск» по результатам оценки сосредоточен в финансовом (недофинансирование

инфраструктуры), инфраструктурном (технологическая необеспеченность площадок ТОР), управленческом факторах (невыполнение плана графика развития ТОР). Просуммировав каждый фактор с учетом его веса, стало возможным рассчитать инвестиционный потенциал и риски ТОР «Озерск» (табл. 4), а также оценить ее инвестиционную привлекательность.

Таблица 4

Инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал и риск ТОР «Озерск» за период 2020–2021 гг.

Год	Инвестиционная привлекательность	Инвестиционный потенциал	Инвестиционный риск
2020	0,41	0,46	0,71
2021	0,35	0,43	0,85

Источник: составлено автором

Исследовательская гипотеза подтвердилась. Инвестиционная привлекательность ТОР «Озерск» за период 2020–2021 гг. показала отрицательную динамику: в 2020 году средний уровень инвестиционной привлекательности, в 2021 – ниже среднего. Снижение от года к году составило 17 %.

Для ликвидации проблемной ситуации и устранения риска невыполнения целевых показателей Перспективного плана развития территории в логике связанного локального проектирования были разработаны два проекта, направленных на повышение инвестиционного потенциала и снижение инвестиционных рисков: 1) реализация правового механизма изменения границ и повышение эффективности привлечения резидентов ТОР "Озерск"; 2) реализация прединвестиционной стадии проекта по созданию индустриального парка «Новогорный». При разработке стратегического замысла проектов в рамках 2 этапа проектной деятельности были предложены ряд направлений, способствующих повышению инвестиционной привлекательности ТОР «Озерск». Для первого проекта: реализация правового механизма изменения границы ТОР «Озерск»; организация участия в международной промышленной выставке ИННОПРОМ 2023; разработка официального сайта ТОР «Озерск» в сети Интернет. Для второго проекта: разработка концепции индустриального парка «Новогорный»; организация участия в конкурсном отборе инфраструктурных проектов с целью получения Правительством Челябинской области инфраструктурного бюджетного кредита на создание инфраструктуры площадки «Новогорный».

Литература

1. О закрытом административно-территориальном образовании: Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (дата обращения: 01.03.2023).
2. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 05.03.2023).
3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года: Постановление Законодательного собрания Челябинской области от 31 декабря 2019 № 1748 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/553133071> (дата обращения: 05.03.2023).
4. Стратегия социально-экономического развития Озёрского городского округа на период до 2035 года // Администрация Озёрского городского округа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ozerskadm.ru/strategiya-ozerska-2035.php?sphrase_id=358447 (дата обращения: 07.03.2023).
5. Скворцова Н. В. Инвестиционная привлекательность как фактор социально-экономического развития // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе

перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сборник докладов. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2018. ч. 1. С. 69–76.

6. Якимова В. А., Хмура С. В. Методика комплексной оценки инвестиционной привлекательности территорий опережающего социально-экономического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2020. т. 18, № 4. С. 780–806.

7. Матвиенко И. И., Чижова Л. А., Тутыгин А. Г. Методика определения инвестиционной привлекательности муниципальных образований региона // Экономика и управление. 2012. № 2. С. 81–87.

8. Казакова О. Б. Система факторов, определяющих инвестиционную привлекательность территории // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 6. С. 14–19.

9. Перспективные планы развития ТОР // Атом-ТОР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://atomtor.ru/perspektivnyye-plany-razvitiya-toser/> (дата обращения: 10.03.2023).

10. Финансовые показатели проектов резидентов ТОР «Озерск» по состоянию на 01.01.2022 (не опубликованы).

G. Lapshin, L. Boronina

PROJECT TECHNOLOGIES FOR INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE TERRITORY OF ADVANCED DEVELOPMENT

Abstract

Successful implementation of the state policy in the field of creation and promotion of territories of advanced development (TAD) is determined by the high level of their investment attractiveness. Of scientific and practical interest related to the assessment and methods of increasing investment attractiveness are the TAD created in the nuclear cities of the Russian Federation, which have the status of closed administrative-territorial entities. "Atomic" closed cities were created with one main goal – the formation of the "nuclear shield" of the USSR, which is essentially a state-scale project. It can be argued that the basis of strategic planning for the development of these territories is project management, which requires consideration of the prospects for the development of closed cities from the standpoint of the project approach. The purpose of the study is to evaluate the investment attractiveness of the TAD "Ozersk" on the basis of the author's methodology and develop recommendations for its improvement using project management technologies. Theoretical and methodological basis of the research: system, management and project approaches. Methods: statistical data analysis, structural and functional analysis, SWOT analysis, modeling, structural division of work, resource, calendar, network planning. It is revealed that in the conditions of decreasing investment potential and increasing investment risks, the level of investment attractiveness of the TAD "Ozersk" decreases. To increase the investment attractiveness of the TAD "Ozersk", two projects are proposed.

Keywords: the territory of advanced development, investment attractiveness, project technologies.

УДК 316.344.2

А. В. Нешатаев

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕПРЕССИВНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

Аннотация

Аспекты всеобщего благополучия населения являются одним из ключевых вопросов государственного управления. С этой точки зрения особенно важным становится разрешить проблемы социального неравенства. В некоторой степени одной из форм социального неравенства является наличие, так называемых, депрессивных территорий. Данный термин характеризует в первую очередь экономическое положение территории. В этом случае отбрасывается роль самого человека, той общности и населения депрессивной территории, выступающего в качестве субъекта, определяющего и преобразующего окружающую действительность. В связи с чем, в работе мы попытаемся применить социологические подходы для обоснования сущности депрессивных территорий и определения предпосылок их возникновения. Научная новизна работы заключается в социологическом определении понятия «депрессивная территория», выявлении возможных предпосылок для их возникновения и определении признаков населения депрессивных территорий. Депрессивные территории рассматривались с точки зрения этапа или стадии развития общества. С одной стороны, они выступают

в роли социальных пространств, чье благополучие заключено в сохранившихся нормах, а с другой – являются примером сообществ, отставших от общественного прогресса современного мира.

Ключевые слова: депрессивные территории, традиционное общество, социальная дифференциация, неравенство, социальная структура, социологические подходы.

Аспекты всеобщего благополучия населения являются одним из ключевых вопросов государственного управления. С этой точки зрения особенно важным становится решение проблемы социального неравенства. В некоторой степени одной из форм социального неравенства является наличие, так называемых, депрессивных территорий. Проанализировав работы, посвященные изучению депрессивных территорий, можно дать следующее определение: депрессивная территория – это местность с единым социально-экономическим пространством, отстающая по многим социально-экономическим показателям от других близлежащих территорий в связи с преобладанием старопромышленного, аграрного и сырьевого секторов экономики и инфраструктурной неразвитостью территорий.

Данный термин характеризует в первую очередь экономическое положение территории. На первый взгляд не может быть никаких сомнений в использовании экономического подхода при определении и раскрытии существенных характеристик депрессивных территорий, ибо, в первую очередь, они отражают отставание и неблагополучие. Однако, на наш взгляд, существует два принципиальных замечания к использованию данного подхода. Во-первых, используемые статистические показатели для определения естества депрессивных территорий исходят из набора существующих статистических данных, что, в свою очередь, обуславливает ограничение исследовательских возможностей в силу того, что иногда попросту отсутствуют необходимые статистические индикаторы. Кроме того, использование лишь статистики как количественного метода сбора информации не способно в полной мере отобразить существующую ситуацию. Во-вторых, в этом случае отбрасывается роль самого человека, той общности и населения, проживающего на депрессивной территории. С этой точки зрения общество выступает в качестве субъекта, определяющего и преобразующего окружающую действительность.

Научная новизна работы заключается в социологическом определении понятия «депрессивная территория», выявление возможных предпосылок для их возникновения и определение признаков населения депрессивных территорий.

В основе социал-дарвинистского подхода лежат принципы, основанные на естественном отборе флоры и фауны. С точки зрения данной концепции депрессивные территории – есть результат неравных возможностей между людьми. Вследствие чего некоторые группы (в нашем случае – сообщества, проживающие на некоторой единой местности) не в состоянии улучшить свое положение. По мнению Г. Спенсера, это происходит, потому что люди не равны по своим стартовым условиям, далее между ними усиливается социальное неравенство из-за возрастающей специализации, следовательно, общество разделяется на классы [7, с. 311–314]. В обстановке перманентной конкуренции и борьбе за существование между индивидами или сообществами жители депрессивных территорий выступают в роли наименее приспособленных, не способных улучшить благосостояние общества. Г. Спенсер ввел типологию обществ, в которой противопоставил промышленное и военное общества. К признакам второго он отнес: доминирование коллективных целей, жесткую организацию, строгую иерархию, низкую социальную мобильность, экономическую самодостаточность. Исходя из идей Т. Мальтуса, положение населения депрессивной территории может быть обусловлено дефицитом ресурсов для обеспечения необходимого уровня жизни вследствие перенаселения [4, с. 19]. Таким образом, препятствовать развитию депрессивных территорий могут первоначальные условия жизни, демографические особенности, пассивность и отсутствие целеустремленности к изменениям среди населения.

Подобно социал-дарвинистам, марксисты подчеркивали роль стартового социального положения индивида, выделяя в качества его основания обладание средствами производства.

Однако в противоположность идеям Т. Мальтуса, Ф. Энгельс и К. Маркс отмечали, что сосредоточение частной собственности в одних группах ведет к формированию неравенства между буржуазией и пролетариатом. Приращение капитала у первых способствует численному увеличению вторых, вследствие чего усиливаются различия между творческим умственным трудом высших слоев общества и тяжелым физическим трудом низших классов. Тем самым, подобное разделение труда ограничивает возможности преодоления неравенства (даже на первой фазе коммунистического общества) [5, с. 19], так как отнимает у рабочих возможность заниматься своим духовным и физическим развитием. В основе общественно-экономических формаций, по Марксу, развитие общества с первобытной до капиталистической стадии имеет регрессивный характер, так как усиливается эксплуатация, происходит обнищание масс, углубляется социальная несправедливость и т. д. В нашем случае депрессивные территории являются такой же частью капиталистического общества, но, с другой стороны, могут обладать чертами традиционного общества – общинной взаимопомощи, в основе которой лежит безвозмездная или бартерная (в обмен на другую услугу или продукт) поддержка, базирующаяся не на денежно-финансовых отношениях.

В некоторой степени предпосылки влияния традиционных ценностей на экономическое благополучие прослеживается в работах М. Вебера. Например, к числу социальных действий (связанных с окружающими и ориентированных на них) он относит традиционное действие, которое основано на длительной привычке – обычаями, верованиями [1, с. 471]. Взяв за основу характеристики традиционного действия, мы можем сопоставить образ жизни населения депрессивных территорий с традиционным образом жизни, который М. Вебер противопоставлял капиталистическому духу. В основе традиционализма лежат ценности, которые не способствуют росту производительности труда, стремлению к заработку денег, внедрению инноваций, получению власти, накоплению капитала, обретению профессионального долга и призвания. Традиционный образ жизни предусматривает сокращение объемов труда при возможности, получение доходов достаточных для удовлетворения базовых потребностей, сохранение методов работы, безмятежное существование и наслаждение жизнью [1, с. 32]. Распространение подобных мировоззрений среди жителей депрессивных территорий может объяснить их социально-экономическое неблагополучие.

Г. Зиммель, показывая наличие всеобщего отчуждения в обществе, стремится доказать, что оно сопровождается ростом индивидуальной свободы. Формирование и развитие капитализма сопряжено с наличием двух основных его характеристик: интеллекта и денег. Он рассматривает их как одни из главных форм обобществления, которые тесно связаны с ростом свободы и усилением тенденции индивидуализации членов общества. Власть денег приводит к отчуждению. Г. Зиммель обозначал эволюционное преимущество дифференциации через экономию сил, которая становится средством для достижения большего результата с меньшей затратой сил. Вследствие же отсутствия дифференцированности общества, большая часть совершающейся в нем деятельности может быть выполнена любым членом, так как такая деятельность не предполагает сложного специализированного труда, что препятствует дальнейшему развитию общества [3].

Т. Парсонс также предлагал две модели общества, но рассматривал их в качестве экстремальных точек общественного развития. Он отмечал, что прогресс происходит за счет дифференциации и стратификации общества. «Примитивное» общество однообразно и гомогенно, в основе его социальных связей лежат родство и религия, а участие в жизни общества определяется предписанным статусом и тем или иным частным критерием [6].

М. Хальбвакс отмечал, что маленькие города находятся в состоянии неустойчивого равновесия, так как их удерживает и как бы тянет назад сила сельских и провинциальных традиций: они сопротивляются современным тенденциям во имя старых принципов, а для того, чтобы это преодолеть необходимо произвести значительные изменения [9, с. 52]. М. Хальбвакс отмечает, что у представителей различных профессий и социальных классов

стремление к изменениям различается. Так, он придерживается мнения, что среди низших классов оно слабо выражено [9, с. 17].

В свою очередь Ф. Теннис обратил внимание на достоинства раннего традиционного сообщества, которое по своим характеристикам можно соотнести с депрессивными территориями. Отношения в общине между членами стремятся к балансу между удовольствием и работой, преобладает желание помочь ближнему, принижается роль частной собственности [8]. Он критически относится к современному обществу. С его точки зрения, эволюция противоречит нуждам людей и приводит к ухудшению, а не к улучшению человеческого бытия.

Э. Дюркгейм также более благосклонно относился к традиционному обществу, отмечая, что современное общество способствует формированию условий для аномии. Он аргументировал это тем, что более «примитивное» общество, чьи взгляды основываются на солидарности и коллективном сознании, ориентировано на поддержание социального порядка. В то время как в более «развитом» возникает социальное неравенство, что является предпосылкой безнормативности, так как существующие нормы и ценности могут препятствовать достижению гармоничного существования [2]. Такие разрывы в социальной структуре общества между принятыми целями и реальными возможностями для их достижения ведут к разнообразным формам отклонения от нормы. Противопоставление Дюркгеймом механической и органической солидарности позволяет черты первой соотнести с характеристикой депрессивных территорий.

В целом, сущность депрессивных территорий может быть выражена в дихотомии «регресс – прогресс», которая заключается в разных взглядах к изучаемому нами объекту в разрезе возможных векторов развития общества. Первая точка зрения исходит из того, что общественное развитие далеко не всегда ведет к прогрессу. Депрессивные территории выступают в роли социальных пространств, чье благополучие заключено в сохранившихся нормах, в то время как другие более развитые экономически регионы регрессировали. Противоположная точка зрения по отношению к депрессивным территориям исходит из того, что они являются примером сообществ, отставших от общественного прогресса современного мира.

Недостатком данного сопоставления является то, что депрессивные территории наряду с другими регионами существуют в одной временной рамке. Хотя во времена конкистадоров испанцы и индейцы майя тоже являлись частью одной эпохи, но при этом они были бы отнесены к разным обществам, согласно различным социологическим классификациям обществ. Здесь принципиальное отличие заключается в том, что население депрессивных территорий активно взаимодействует с представителями других территорий, а, значит, имеет общие точки соприкосновения и схожесть; в отличие от условных испанцев и индейцев, которые не имели никаких устойчивых связей между собой. Именно с этой точки зрения данный подход в определении отличительных характеристик имеет некоторые ограничения.

Обобщение изученных социологических подходов приводит нас к пониманию того, что население депрессивной территории – это некоторая общность людей, объединенная единым социальным пространством и характеризующаяся преобладающими признаками сохранившегося традиционного образа жизни с менее сформированными капиталистическими ценностями.

Литература

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 656 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Избранное. Том второй. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. 607 с.
4. Мальтус Т. Очерка о законе народонаселения. М.: Дашкевич и Ко, 1895. 249 с.

5. Маркс К., Энгельс. Ф. Сочинения. Том 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 671 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
7. Спенсер Г. Основания социологии // Западноевропейская социология XIX века: Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. 352 с.
8. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Владимир Даль, 2002. 448 с.
9. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии, 2000. 509 с.

A. Neshataev

THE GENESIS OF SCIENTIFIC CONCEPTS ABOUT DEPRESSIVE TERRITORIES IN SOCIOLOGICAL APPROACHES

Abstract

Aspects of the general well-being of the population are one of the key issues of public administration. From this point of view, it becomes especially important to solve the problems of social inequality. To some extent, one of the forms of social inequality is the presence of so-called depressed territories. This term characterizes, first of all, the economic situation of the territory. In this case, the role of the person himself, that community and the population of the depressed territory, acting as a subject that determines and transforms the surrounding reality, is discarded. In this connection, in this work we will try to apply sociological approaches to substantiate the essence of depressed territories and determine the prerequisites for their occurrence. The scientific novelty of the work lies in the sociological definition of the concept of "depressed territory", the identification of possible prerequisites for their occurrence and the determination of signs of the population of depressed territories. Depressed territories were considered from the point of view of the stage or stage of development of society. On the one hand, they act as social spaces whose well-being lies in the preserved norms, and on the other hand, they are an example of communities that have lagged behind the social progress of the modern world.

Keywords: depressed territories, traditional society, social differentiation, inequality, social structure, sociological approaches.

УДК 332.02

О. М. Рой

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье раскрывается роль социального программирования в управлении общественными процессами, обобщается опыт применения программных средств в решении актуальных общественных проблем. Выявляются различия в применении стратегирования и программирования, определяются характерные признаки программирования как институциональной основы социального управления. На основе выделения стадий предложены меры по совершенствованию процедуры социального программирования.

Ключевые слова: социальное программирование, общественные процессы, социальное управление, стратегирование, бюджетирование по результатам.

Социальное программирование является одной из наиболее используемых технологий в управлении социальными процессами. Ее назначение состоит в тщательной обработке последовательности выполнения сложных задач на основе выявленных приоритетов. В трудах отдельных ученых рассматриваются различные аспекты этой технологии – от последовательности логически связанных, сменяющих друг друга этапов, отражающих деятельность, направленную на достижение поставленных целей [3] до технологии манипулирования людьми [2]. Цель социального прогнозирования заключается в создании

сбалансированной системы достижения сложных целей, предусматривающей работу множества специализированных подразделений и использование ресурсного потенциала.

В управлении общественными процессами социальное программирование выступает как важнейший институт, призванный упорядочить выработку социально значимых решений на основе специально подобранных процедур, прозрачности и открытости. В современной России практика социального программирования осуществляется в русле применения принципов программно-целевого управления, в основе которого лежит разработка специально структурированных государственных (муниципальных) программ, нацеленных на достижение комплексных целей, предусматривающих слаженную работу множества связанных друг с другом ведомств и организаций. С помощью таких программ органы публичной власти демонстрируют востребованные обществом направления государственной или муниципальной политики, подкрепляемые системой государственной поддержки.

Однако, выполненный нами анализ системы социального программирования, осуществленный в отношении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», обнажил значительную часть недоработок, ограничивающих использование технологий социального программирования в управлении общественными процессами [4]. Анализ программы выявил недостаточную связь между заданными целями и результатами, необеспеченность заявленных целей и задач четкими индикаторами, которые оказались преимущественно разбросанными по ожидаемым в программах результатам, что существенно ограничивает возможности применения технологий социального программирования в достижении общественно значимых целей.

Кроме того, сам порядок разработки государственных и муниципальных программ, предусматривающий разработку муниципальных программ на основе программ федерального или регионального уровня, приводит к тому, что зачастую на муниципальном уровне принимаются неисполнимые или социально невостребованные задачи, что вызывает серьезные сбои в механизме социального программирования, ограничивает его возможности в социально-экономическом развитии органов местного самоуправления.

Важным преимуществом социального программирования является его способность систематической проработки запланированных действий путем их взаимного согласования и закрепления за ними располагаемых ресурсов. Осуществляется эта проработка главным образом за счет внутренней ресурсной базы и мобилизации механизмов саморегуляции. Методологическим условием реализации технологии социального программирования выступает абстрагирование от влияния факторов внешней среды и акцент на внутренние источники роста программируемой системы. Опора на достижение конкретных и измеримых результатов позволяет не только обеспечивать решение сложных комплексных многоуровневых задач, но и создавать разнообразные варианты их решения.

Программирование не предполагает обилия расчетных данных или аналитических сведений, будучи ориентированным на достижение промежуточных и конечных целей, подчиняя им логику обоснования направленных на их достижение программных действий. Этим технология программирования отличается от технологии стратегирования, составной частью которой она может являться. Стратегирование предполагает в первую очередь выработку горизонтов, а не постановку целей. Горизонты задаются полаганием принципиально новых схем деятельности, исход которых трудно предугадать при существующих условиях. Поэтому стратегии преимущественно носят концептуальный и поливариативный характер, тогда как программы обладают большей нацеленностью на заданный результат.

Ключевым признаком реализации технологии социального программирования является его синхронность, т. е. привязка и согласование по времени исполнения заданных в программе целей. Поскольку в программе прописывается множество закрепленных за разными субъектами (ведомствами) целей, важно рассредоточить их исполнение соразмерно заданному рабочему ритму и консолидированным целям.

Главной проблемой в применении технологий социального программирования является нескоординированность действий ответственных субъектов для достижения сложных комплексных целей и их оторванность от стратегических ориентиров. Этим проблемам способствует и использование других современных технологий, которые, с одной стороны, рационализируют процессы управления, но, с другой, ограничивают отдельные их возможности. Так, используемая в бюджетных и правительственных организациях система оценки результативности кадров КРП способствовала размытости в достижении комплексных целей в пользу исполнения индивидуальных задач.

В системе социального программирования четко выделяется несколько этапов:

1. Сбор данных.
2. Постановка цели и задач.
3. Декомпозиция целей.
4. Приоритизация целей.
5. Целедостижение.

Технология социального программирования предусматривает серьезную подготовительную работу, включающую в себя обзор релевантной информации об объекте программирования, диагностику реализованных и реализуемых мероприятий по профильной проблематике, ознакомление со стратегической документацией. Собранные данные должны быть систематизированы и оценены с точки зрения и достоверности и подлинности. Даже данные из статистических документов должны быть выверены и уточнены, поскольку их неопределенность может стать причиной серьезных сбоев в реализации программных мероприятий.

Постановка целей и задач предусматривает выделение главных направлений развития общества, их соответствия стратегическим ориентирам. На этом этапе важно операционализировать цели, сделать их понятными для исполнения, а также увязать их с необходимыми для их достижения задачами. На этапе декомпозиции цели на первое место выходит разделение целей по отраслевым направлениям, а также их синхронизация, выделение устойчивых причинно-следственных зависимостей между целями и задачами. Декомпозиция целей также предусматривает выделение различных вариантов (сценариев) в достижении стратегических целей и группировку целей под выделенные варианты. Выбор же оптимального варианта, а также обоснование критериев такого выбора, выступает предметом третьего этапа – приоритизации целей. Здесь программа получает свою операциональную нацеленность на заданный результат и подчинение всех запланированных действий на его достижение. Заключительный этап предусматривает разработку алгоритмов в достижении заданных целей и закрепление за ними источников и механизмов материального и организационного обеспечения

Начиная с 1993 года, к примеру, в США используется закон «Об оценке результатов деятельности государственных учреждений», учреждающий систему бюджетирования по результатам. В соответствии с этим законом устанавливается ответственность руководителей программ за эффективность реализации долгосрочных планов социально-экономического развития. С этой целью в систему оценки выполненных заданий внедряется мониторинг оценки эффективности бюджетирования по результатам государственных программ, дополненный комплексной рейтинговой оценкой - PART, представляющей определенный набор инструментов, элементов и этапов, построенных на использовании функционального подхода. В основе оценки лежат такие критерии, как: цели и «конструкция» (структура) программы, качество планирования, качество управления программой и достигнутые результаты [1].

Такой подход к организации социального программирования является вполне оправданным, но недостаточным, поскольку не позволяет корректировать процесс программного управления в текущем режиме. Большинство сбоев в системе социального программирования происходит в рамках ранних стадий в организации этого процесса, что

заставляет обратить внимание на саму технологию социального программирования, реализуемую на стадиях сбора данных и выработки целей.

Литература

1. Лапин А. Е., Ломовцева Н. Н., Илехменев В. А. Оценка эффективности реализации государственных программ (американская и российская практика) // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013 № 7 (150). Выпуск 26/1. С. 80–86.
2. Матвейчев О., Гусев Д., Хазеев Р., Чернаков С. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. Третье издание, исправленное и дополненное. М.: Книжный мир, 2018. 480 с.
3. Рахматуллаева Н. О. Социальное программирование как технология целереализующей деятельности в системе управления социальными процессами // Бюллетень науки и практики. 2018. №5. С 503-508.
4. Рой О. М. Логический анализ государственных программ как инструмент повышения их эффективности // Дискурс-Пи. 2021. № 18 (3). Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи, 2021. С. 48–62.

O. Roy

SOCIAL PROGRAMMING AS AN INSTITUTIONAL BASIS FOR SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract

The article reveals the role of social programming in the management of social processes, summarizes the experience of using software tools in solving urgent social problems. Differences in the application of strategizing and programming are revealed, characteristic features of programming as an institutional basis of social management are determined. Based on the allocation of stages, measures are proposed to improve the procedure for social programming.

Keywords: social programming, social processes, social management, strategizing, performance-based budgeting.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если основная часть текста сборника посвящена непосредственным результатам научной деятельности, представленной в рамках XXIII Уральских социологических чтений, то в данном разделе хотелось осветить ключевые события, касающиеся самого мероприятия и 100-летия Л. Н. Когана.

На пленарном заседании своим приветственным словом ректор УрФУ, председатель Оргкомитета Уральского социологического форума Виктор Кокшаров озаменовал начало конференции.

С приветственным словом к участникам XXIII Уральских социологических чтений выступили председатель программного комитета, член-корреспондент РАН Михаил Федорович Черныш – директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Во время пленарного заседания прозвучали доклады известных российских социологов – ближайших коллег, учеников, последователей Л. Н. Когана. Президент Российского общества социологов Валерий Андреевич Мансуров представил доклад «Профессионализм и современная профессиональная культура», зам. директора по науке Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Тамара Керимовна Ростовская рассказала о социальной роли мужчины в контексте сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН Жан Терентьевич Тощенко рассказал о том, как с исследований Л. Н. Когана на промышленных предприятиях Урала 1950-е годы начиналось возрождение современной отечественной социологии. Директор Института экономики УрО РАН Юлия Георгиевна Лаврикова подробно осветила период работы Льва Наумовича Когана в Институте экономики УрО РАН. Вице-президенты Российского общества социологов Юрий Рудольфович Вишневецкий и Гарольд Ефимович Зборовский рассказали о развитии идей Л. Н. Когана в исследованиях социологов УрФУ и России в целом.

Лев Наумович – человек-легенда. Он оставил в своем наследии не только прорывные научные идеи, но и плеяду выдающихся социологов, которые продолжают начатое им, сохраняя и приумножая научные социологические достижения. По этому поводу точнее всего высказался профессор кафедры социологии и политологии ПНИПУ Василий Николаевич Стегний: «Коган – один из тех, кто стоял у истоков создания социологической науки и практики на Урале. Сегодня мы отмечаем генетику, откуда мы появились и откуда мы идем».

«Это уже традиционно – мы, башкирские социологи, являемся частью очень известной Уральской социологической школы, поэтому наше участие – это логичное продолжение нашего сотрудничества. Уникальность Уральской социологической школы неоспорима. Здесь изначально очень серьезно подошли к тому, что будет изучать социология в системе других социальных наук. Ваша традиция стала нашей традицией. То, что было заложено тогда, мы стараемся продолжать в наше время», – отметил декан факультета философии и социологии Башкирского государственного университета Рим Валиахметов.

На пленарном заседании были вручены приветственные адреса почетному профессору УрФУ Юрию Рудольфовичу Вишневецкому в связи с его 85-летним юбилеем. Теплые слова прозвучали не только от социологов со всей страны, но и от администрации Школы государственного управления и предпринимательства ИнЭУ УрФУ, представителей исполнительных органов государственной власти Свердловской области. Директор Департамента внутренней политики Свердловской области Наталья Николаевна Гурченко отметила серьезный вклад школы Когана и коллектива Ю. Р. Вишневецкого в формирование школы государственного управления в нашем регионе. В поздравительном адресе министра социальной политики Свердловской области Андрея Владимировича Злоказова была подчеркнута роль уральских социологов в повышении благополучия уральцев. Ректор УрФУ

передал теплые поздравления от Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Зам. директора по науке Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Тамара Ростовская вручила профессору Ю. Р. Вишневному памятную медаль «В ознаменование столетия образования СССР».

Ю. Р. Вишневецкий выступает на пленарном заседании:

После завершения пленарного заседания:

В рамках XXIII Уральских социологических чтений состоялась встреча ректора УрФУ Виктора Кокшарова с ведущими российскими социологами.

На встрече присутствовали Валерий Андреевич Мансуров – президент Российского общества социологов; Тамара Керимовна Ростовская – заместитель директора по науке Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; Григорий Артурович Ключарев – главный редактор журнала «Социологические исследования»; Юрий Рудольфович Вишневецкий – почетный профессор УрФУ, вице-президент Российского общества социологов; Гарольд Ефимович Зборовский – заслуженный деятель науки РФ, профессор УрФУ; Мария Владимировна Певная – заведующий кафедрой социологии и технологий ГМУ ШГУП ИнЭУ УрФУ; Анна Петровна Багирова – заместитель директора по науке и инновациям ШГУП ИнЭУ УрФУ. Ключевой тематикой обсуждения стало не только прошлое и устойчивое настоящее высшего образования в социально-экономическом направлении, где вклад уральских социологов не оспорим, но и будущее, очевидно связанное с вопросами

образовательно-академического сотрудничества и научных исследований, расширения подготовки социологов-управленцев, демографов в УрФУ для Уральского федерального округа.

Встреча ректора Уральского федерального университета с ведущими российскими социологами (на фото слева направо: Мансуров В. А., Кокшаров В. А., Вишневский Ю. Р., Ключарев Г. А., Ростовская Т. К.):

В рамках программы научных мероприятий была организована встреча главного редактора ведущего российского социологического журнала «Социологические исследования» Григория Артуровича Ключарева с читателями и авторами. Мероприятие вызвало неподдельный интерес со стороны не только ведущих социологов со всей страны, но и молодых перспективных ученых. Его смогли посетить более 60 человек из разных уголков России. Модератором встречи выступил профессор-исследователь кафедры социологии и технологий ГМУ, Вице-президент РОС Гарольд Ефимович Зборовский. На встрече были затронуты различные вопросы – от формальных требований к статьям до «закулисья» редакторской работы, аспекты международного сотрудничества. Было отмечено, что одной из своих главных задач журнал «СОЦИС» видит продвижение молодых исследователей. По словам Григория Артуровича, в журнале не выделяются приоритетные тематики. Наоборот, в нём приветствуются разнообразные исследования, которые получили качественную профессиональную разработку.

Участники круглого стола также затронули и региональную повестку. В частности, обсуждался вопрос об освещении региональной проблематики на страницах «Социологических исследований». Президент Российского общества социологов Валерий Андреевич Мансуров отметил важность объединения российских социологических журналов в собственную Ассоциацию. Такой шаг может способствовать укреплению позиций социологов в публичном пространстве и созданию новых профессиональных контактов в научной среде.

Встреча Г. А. Ключарева с читателями журнала социологические исследования:

В рамках конференции был проведен круглый стол главных редакторов ведущих российских социологических журналов. Модератором круглого стола выступил директор Школы государственного управления и предпринимательства и главный редактор журнала «Университетское управление: практика и анализ» Алексей Константинович Ключев.

На круглом столе присутствовали Григорий Артурович Ключарев («Социологические исследования»), Наталия Геннадьевна Чевтаева («Вопросы управления»), Надежда Васильевна Дулина («Primo aspectu»), Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева («Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки»), Василий Николаевич Стегний («Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки»), Тамара Керимовна Ростовская («ДЕМИС»), Инна Сергеевна Шаповалова («Научный результат. Социология и управление»), Елена Владимировна Андрианова («Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования»), Владимир Александрович Давыденко, («Siberian Socium»), Владислав Павлович Засыпкин («Вестник Сургутского государственного педагогического университета»), Лариса Евгеньевна Петрова («Управление культурой»). Издательско-полиграфический центр УрФУ на встрече представил Алексей Васильевич Подчинов.

Такая встреча – новый формат взаимодействия российской научной элиты, который позволил не только обменяться идеями о возможных траекториях развития научных журналов в период неопределенности и постоянных трансформаций, но и выделить общие для всех проблемы администрирования изданий и реальный контекст их решения. Участники встречи отметили, что развитие цифрового мира и искусственного интеллекта несёт в себе серьёзные вызовы для научных журналов.

Круглый стол с главными редакторами социологических изданий:

Уральский федеральный университет постарался к юбилею Л. Н. Когана собрать все лучшее. Силами сотрудников Университета был создан Виртуальный музей, который содержит не только биографические сведения о выдающемся ученом, но и разнообразные материалы об этапах становления и развития социологии на Урале, а также информацию о наиболее значимых представителях Уральской социологии. В Виртуальном музее Л. Н. Когана размещены фото-, видео- и презентационные материалы с XXIII Уральских социологических чтений.

QR-код на сайт с материалами XXIII Уральских социологических чтений:

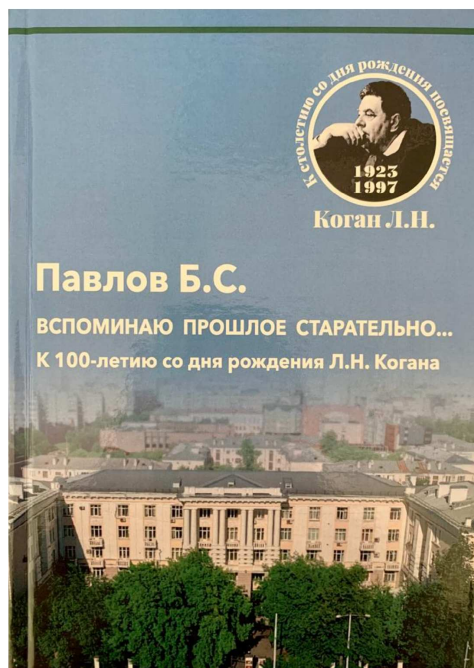
100-летию Л. Н. Когана была посвящена целая рубрика в мартовском номере ведущего социологического журнала нашей страны – «Социологических исследований». В ней представлены публикации учеников и коллег Льва Наумовича:

– *Зборовский Г. Е. Л. Н. Коган и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250023350-8*

– *Вишневский Ю. Р. Несостоявшееся интервью с Учителем о социологии культуры // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 14–20. DOI: 10.31857/S013216250023797-9*

– *Павлов Б. С. К истории эмпирических исследований молодых рабочих на Урале // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 21–25. DOI: 10.31857/S013216250023439-5*

Юбилею Л. Н. Когана было посвящено издание масштабной работы Бориса Сергеевича Павлова – соратника, ученика Льва Наумовича, известного уральского социолога, ведущего научного сотрудника Института экономики УрО РАН, много лет отдавшему и работе в Уральском федеральном университете (Павлов Б. С. Вспоминаю прошлое старательно. К 100-летию со дня рождения Л. Н. Когана. Екатеринбург: Российское общество социологов РАН. 2023. – 537 с.). Социологическое подразделение в Институте экономики УрО РАН было создано более полувека назад. В 60–70-е гг. прошлого века его возглавлял профессор Л. Н. Коган, успешно работая там со своей социологической командой.

Как отмечает Президент РОС В. А. Мансуров, читатель имеет возможность познакомиться с особенностями региональной социальной политики на Урале в полувековой период 1970–2020 гг.: с теорией и практикой социологического анализа, связанными с актуальными социально-демографическими, эколого-валеологическими, экономическими, нравственно-этическими и некоторыми другими проблемами общественного развития российского социума.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Моника Тиграновна – аспирант кафедры социально-экономического образования и философии, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (Avetisyan@surgpu.ru)

Амбарова Полина Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: borges75@mail.ru)

Андреев Андрей Николаевич – старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва (e-mail: susociology@gmail.com)

Андреянова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общей и экономической социологии. ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень (e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru)

Ануфриева Евгения Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград (e-mail: ev_anufrieva@mail.ru)

Ардьянова Анна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток (e-mail: ardy2004@mail.ru)

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Баймурзина Гузель Римовна – кандидат экономических наук, заведующая Лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Уфа (e-mail: guzrim@mail.ru)

Баласов Александр Анатольевич – старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: a.a.balyasov@urfu.ru)

Банникова Людмила Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: urfu.bannikova@bk.ru)

Белов Антон Александрович – аспирант 1 года обучения кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, начальник управления по социальной и воспитательной работе, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.a.belov@urfu.ru)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень (e-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru)

Бикметов Евгений Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа (e-mail: bicprof@mail.ru)

Бледнова Наталья Дмитриевна – Ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Блинова Изабелла Руслановна – студентка 3 курса ХТФ, ФГБОУ ВО Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь (e-mail: blinovaizabella67@gmail.com)

Богдан Дарья Ивановна – аспирант, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (e-mail: dflippova@surgru.ru)

Боронина Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: l.n.boronina@urfu.ru)

Бритвина Ирина Борисовна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: irina.britvina@urfu.ru)

Булах Евгений Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток (e-mail: bulakhev@gmail.ru)

Бурко Виктор Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь (e-mail: victor-burko@yandex.ru)

Бурнасов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: asburnasov@urfu.ru)

Вавилова Ася Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративного управления и финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск (e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Валиахметов Рим Марсович – кандидат социологических наук, доцент, декан Факультета философии и социологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа (e-mail: rim_m_sifat@mail.ru)

Вассерман Юрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь (e-mail: yuriyvasserman@gmail.com)

Вегнер Алина Вячеславовна – Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: alinavegner@yandex.ru)

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток (e-mail: vinokurova77@mail.ru)

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, вице-президент РОС, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: soc_stu@e1.ru)

Грошев Игорь Львович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень (e-mail: grosh@nextmail.ru)

Грошева Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», г. Тюмень (e-mail: grosh@nextmail.ru)

Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень (e-mail: malivia@rambler.ru)

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru)

Дидковская Яна Викторовна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, профессор, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: diyana@yandex.ru)

Дикран Екатерина Михайловна – магистрант, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: katvskjpng@bk.ru)

Дмитриева Татьяна Владимировна – магистрант 1 года обучения, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: tatyana-dmitrieva-97@yandex.ru)

Доудоу Янь – аспирант, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: yandoudoulinweici@yandex.ru)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права, Волжский институт экономики, педагогики и права, г. Волжский (e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Дуран Татьяна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), г. Екатеринбург (e-mail: tatyanaaduran1978@gmail.com)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра изучения социального развития региона, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа (e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Ермолаева Светлана Георгиевна – старший преподаватель кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина г. Екатеринбург (e-mail: svetla-ermolaeva@yandex.ru)

Ефимова Галина Зиновьевна – кандидат социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, докторант Уральского федерального университета, г. Тюмень (e-mail: efimovagz@gmail.com)

Жданова Ангелина Эдуардовна – младший научный сотрудник Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда (e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

Забокрицкая Любовь Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: zabokritskaya@urfu.ru)

Заборова Елена Николаевна – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической теории и прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург (ezaborova@yandex.ru)

Засыпкин Владислав Павлович – доктор социологических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут (e-mail: ped@mail.ru)

Затеева Надежда Александровна – кандидат социологических наук, доцент Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ (e-mail: z.n.a.-79@mail.ru)

Зверев Алексей Игоревич – кандидат социологических наук, докторант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург (e-mail: zvreff@yandex.ru)

Зернов Дмитрий Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород (e-mail: zerdv@mail.ru)

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск (e-mail: milazubanova@gmail.com)

Зырянова Ольга Борисовна – ассистент, Уральский Федеральный Университет, имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург (o.b.zyrianova@urfu.ru)

Зыховская Наталья Львовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск (e-mail: ladoga122@gmail.com)

Лянвэнь И – аспирантка 1 курс, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: 646459510@qq.com)

Ижик Арина Вячеславовна – студентка 3 курса, направления «Публичная политика и управление», Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.v.izhik@mail.ru)

Икингрин Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, ассоциированный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН, г. Уфа (e-mail: ikingrinen@mail.ru)

Исакова Ксения Леонидовна – аспирант кафедры управления персоналом, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: ksenya_isakova@bk.ru)

Карачков Сергей Михайлович – кандидат социологических наук, докторант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург (e-mail: serkar81@yandex.ru)

Касяновская Анна Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно (e-mail: Vojtexhik_AS@grsu.by)

Кеммет Елена Викторовна – старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru.)

Ковальжина Лариса Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень (e-mail: kovalzhinals@tyuiu.ru)

Кострова Екатерина Александровна – студентка 3 курса, направления «Публичная политика и управление», Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: kostrovaekaterina42@gmail.com)

Косыгина Ксения Евгеньевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда (e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Лапшин Григорий Игоревич – магистр Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: g.lapshin1994@mail.ru)

Лисьих Виталий Вячеславович – лаборант-исследователь, магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: v.v.lisikh@urfu.ru)

Лутин Дмитрий Александрович – аспирант, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: dmitry.lugin@urfu.ru)

Любимцева Софья Александровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург (slyubimceva99@mail.ru)

Маркова Татьяна Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург (e-mail: tmark@mail.ru)

Мигунова Юлия Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научного центра изучения социального развития региона, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа (e-mail: migunovayuv@isi-rb.ru)

Минченко Дарья Вячеславовна – студент, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: minchenkodarya@yandex.ru)

Назаренко Максим Олегович – аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: nazaremaksim@gmail.ru)

Немировский Матвей Владимирович – аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Екатеринбург (e-mail: dattel66@gmail.com)

Нешатаев Александр Васильевич – аспирант, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru)

Новгородцева Анастасия Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.n.novgorodtseva@urfu.ru)

Окунева Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры «Управление персоналом и социология», Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург (e-mail: tat-okuneva@list.ru)

Петров Сергей Андреевич – аспирант, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: petrov_sergey94@inbox.ru)

Петрова Дарья Сергеевна – научный сотрудник лаборатории региональных исследований, аспирант кафедры социально-экономического образования и философии БУ «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут (e-mail: DrPetrova@surgrpu.ru)

Початкова Екатерина Ивановна – студент, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: pochatkova.ekaterina@gmail.com)

Придатченко Мария Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород (e-mail: pridatchenko@fsn.unn.ru)

Пронина Елена Ивановна – старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва (e-mail: eipronina@yandex.ru)

Резер Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: t.m.rezer@urfu.ru)

Рой Олег Михайлович – доктор социологических наук, профессор, Профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск (e-mail: roi_omsk@mail.ru)

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Рублева Анастасия Романовна – магистр социологии здравоохранения, соискатель на ученую степень кандидата наук, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: banana_brain@list.ru)

Сайтова Дарья Георгиевна – кандидат экономических наук доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: dgsaitova@urfu.ru)

Сивкова Надежда Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: n.i.sivkova@urfu.ru)

Сизоненко Роман Вадимович – ассистент кафедры государственного управления, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа (e-mail: roman.sizonenko9@gmail.ru)

Старикова Евгения Анатольевна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук, начальник отдела профориентации, ассистивного и постдипломного сопровождения Центра инклюзивного сопровождения Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск (e-mail: starikova@corp.nstu.ru)

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург (e-mail: a.n.tarasova@urfu.ru)

Татарова Светлана Петровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ (e-mail: Svetlana.tatar@inbox.ru)

Тощенко Жан Терентьевич – Член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор главный научный сотрудник группа исследования социокультурной динамики почетный доктор Института социологии РАН (e-mail: zhantosch@mail.ru)

Файзуллин Ильгиз Фанилевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа (e-mail: ifaiz@mail.ru)

Файзуллин Фаниль Саитович – доктор философских наук, профессор, академик АН РБ, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа (e-mail: fayzullin.f@gmail.com)

Худякова Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии. ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет, г. Тюмень (e-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru)

Хузяхметов Роман Ренатович – ассистент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (e-mail: r_o_m_a_n_14@mail.ru)

Чижов Александр Алексеевич – Аспирант Уральского институт управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург (a.chizhov@egov66.ru)

Шабалина Ольга Андреевна – преподаватель Курганского института железнодорожного транспорта филиала ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Курган (e-mail: olgashabalina@lenta.ru)

Шаяхметова Римма Рафаэлевна – кандидат социологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа (e-mail: rimma55@bk.ru)

Шестопалова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург (onshestoplova@mail.ru)

Эбзеева Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Первый проректор – проректор по образовательной деятельности, зав. кафедрой иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов, г. Москва (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru)

Яковлев Айтал Игоревич – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, научный сотрудник Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток (e-mail: aytalyakovlev@mail.ru)

Якубова Эльвина Руслановна – лаборант-исследователь, магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург (e-mail: e.r.iakubova@urfu.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ambarova Polina – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (borges75@mail.ru)

Andreev Andrey – senior lecturer, National Research University "Higher School of Economics", Moscow (susociology@gmail.com)

Andrianova Elena – associate professor, Tyumen State University; Senior Researcher, West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen (e.v.andrianova@utmn.ru)

Anufrieva Evgeniya – associate professor, Volgograd State Technical University, Volgograd (ev_anufrieva@mail.ru)

Ardalyanova Anna – associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok (ardy2004@mail.ru)

Avetisyan Monica – postgraduate student, Surgut State Pedagogical University, Surgut (MAvetisyan@surgpu.ru)

Bagirova Anna – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (a.p.bagirova@urfu.ru)

Balyasov Alexander – Senior lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (a.a.balyasov@urfu.ru)

Bannikova Lyudmila – professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (urfu.bannikova@bk.ru)

Baymurzina Guzel – associate professor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Ufa (ikingrinen@mail.ru)

Belonozhko Marina – professor, Tyumen Industrial University, Tyumen (belonozhkoml@tyuiu.ru)

Belov Anton – postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (a.a.belov@urfu.ru)

Bikmetov Evgeny – professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa (bicprof@mail.ru)

Blednova Natalia – assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (n.d.blednova@urfu.ru)

Blinova Isabella – student, Perm National Research Polytechnic University, Perm (blinovaizabella67@gmail.com)

Bogdan Darya – Postgraduate student, Surgut State Pedagogical University, Surgut (dfilippova@surgpu.ru)

Boronina Lyudmila – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (l.n.boronina@urfu.ru)

Britvina Irina – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (irina.britvina@urfu.ru)

Bulakh Evgeny – associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok (bulakhev@mail.ru)

Burko Viktor – associate professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm (victor-burko@yandex.ru)

Burnasov Alexander – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (asburnasov@urfu.ru)

Chizhov Alexander – postgraduate student, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg (a.chizhov@egov66.ru)

Davydenko Vladimir – professor, Tyumen State University, Tyumen (e-mail: v.a.davydenko@utmn.ru)

Didkovskaya Yana – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: diyana@yandex.ru)

Dikran Ekaterina – master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: katvsnkjpng@bk.ru)

Dmitrieva Tatiana – master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: tatyana-dmitrieva-97@yandex.ru)

Doudou Yan – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: yandoudoulinweiei@yandex.ru)

Dulina Nadezhda – professor, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky (e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Duran Tatiana – associate professor, Ural State University of Railway Engineering, Yekaterinburg (e-mail: tatanaduran1978@gmail.com)

Ebzeeva Yulia – associate professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru)

Efimova Galina – professor, Tyumen State University, Tyumen (e-mail: efimovagz@gmail.com)

Egoryshev Sergey – professor, Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa (e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Ermolaeva Svetlana – senior lecturer, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Yekaterinburg (e-mail: svetla-ermolaeva@yandex.ru)

Fayzullin Ilgiz – associate professor, senior researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa (e-mail: ifaiz@mail.ru)

Fayzullin Fanil – professor, Institute of Socio-Economic Research of the UFIC RAS, Ufa (e-mail: fayzullin.f@gmail.com)

Groshev Igor – associate professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen (e-mail: grosh@nextmail.ru)

Grosheva Irina – associate professor, Branch of the Autonomous non-profit Organization of Higher Education "Institute of Business Career", Tyumen (e-mail: grosh@nextmail.ru)

Grosheva Lyubov – associate professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen (e-mail: malivia@rambler.ru)

Ikingrin Elena – associate professor, Center for the Study of the Regions of Russia IS FNISC RAS, Ufa (e-mail: ikingrinen@mail.ru)

Isakova Ksenia – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: ksenya_isakova@bk.ru)

Izhik Arina – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.v.izhik@mail.ru)

Karachkov Sergey – associate professor, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg (e-mail: serkar81@yandex.ru)

Kasyanovskaya Anna Stanislavovna – associate professor, Yanka Kupala Grodno State University, Grodno (e-mail: Vojtexhik_AS@grsu.by)

Kemmet Elena – senior lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Elena.Kemmet@urfu.ru)

Khudyakova Marina – associate professor, Tyumen State University, Tyumen (e-mail: m.v.khudyakova@utmn.ru)

Khuzyakhmetov Roman – assistant, Tyumen State University, Tyumen (e-mail: r_o_m_a_n_14@mail.ru)

Kostrova Ekaterina – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: kostrovaekaterina42@gmail.com)

Kosygina Ksenia – associate professor, senior researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda (e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Kovalzhina Larisa – associate professor, Tyumen Industrial University, Tyumen (e-mail: kovalzhinals@tyuiu.ru)

Lapshin Grigory – master, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: g.lapshin1994@mail.ru)

Lianwen Yi – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: 646459510@qq.com)

Lisikh Vitaly – laboratory researcher, master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: v.v.lisikh@urfu.ru)

Lugin Dmitry – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: dmitry.lugin@urfu.ru)

Lyubimitseva Sofya – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (slyubimceva99@mail.ru)

Markova Tatiana – associate professor, Ural State University of Economics, Yekaterinburg (e-mail: tmark@mail.ru)

Migunova Yulia – associate professor, Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa (e-mail: migunovayuv@isi-rb.ru)

Minchenko Darya – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: minchenkodarya@yandex.ru)

Nazarenko Maxim – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: nazaremaksim@gmail.ru)

Nemirovskiy Matvey – postgraduate student, Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", Yekaterinburg (e-mail: dattel66@gmail.com)

Neshataev Alexander – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru)

Novgorodtseva Anastasia – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.n.novgorodtseva@urfu.ru)

Okuneva Tatiana – senior lecturer, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg (e-mail: tat-okuneva@list.ru)

Petrova Darya – postgraduate student, Surgut State Pedagogical University, Surgut (e-mail: DrPetrova@surgpu.ru)

Petrov Sergey – postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: petrov_sergey94@inbox.ru)

Pochatkova Ekaterina – student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: pochatkova.ekaterina@gmail.com)

Pridatchenko Maria – associate professor, N. I. Lobachevsky National Research University, Nizhny Novgorod (e-mail: pridatchenko@fsn.unn.ru)

Pronina Elena – senior researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (e-mail: eipronina@yandex.ru)

Rezer Tatiana – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: t.m.rezer@urfu.ru)

Romashkina Gulnara – professor, Tyumen State University, Tyumen (e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Roy Oleg – professor, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk (e-mail: roi_omsk@mail.ru)

Rubleva Anastasia – master, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: banana_brain@list.ru)

Saitova Darya – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: dgsaitova@urfu.ru)

Shabalina Olga – lecturer, Kurgan Institute of Railway Transport branch of the Ural State University of Railway Transport, Kurgan (e-mail: olgashabalina@lenta.ru)

Shayakhmetova Rimma – associate professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa (e-mail: rimma55@bk.ru)

Shestopalova Olga – associate professor, Ural State University of Railway Engineering, Yekaterinburg (onshestopalova@mail.ru)

Sivkova Nadezhda – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: n.i.sivkova@urfu.ru)

Sizonenko Roman – assistant, Ufa University of Science and Technology, Ufa (e-mail: roman.sizonenko9@gmail.ru)

Starikova Evgeniya – candidate of the degree of Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Career Guidance, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk (e-mail: starikova@corp.nstu.ru)

Tarasova Anna – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.n.tarasova@urfu.ru)

Tatarova Svetlana – professor, East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude (e-mail: Svetlana.tatar@inbox.ru)

Toshchenko Zhan – professor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: zhtantosch@mail.ru)

Valiakhetov Rim – associate professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa (rim_m_sifat@mail.ru)

Vavilova Asya – associate professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk (a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Vegner Alina – master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (alinavegner@yandex.ru)

Vinokurova Anna – associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok (vinokurova77@mail.ru)

Vishnevsky Yuri – professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (soc_stu@e1.ru)

Wasserman Yuri – associate professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm (yuriyvasserman@gmail.com)

Yakovlev Aital – associate professor, Northeastern Federal University named after M. K. Ammosova, Yakutsk, Vladivostok (e-mail: aytalyakovlev@mail.ru)

Yakubova Elvina – laboratory researcher, master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: e.r.iakubova@urfu.ru)

Zhdanova Angelina – junior researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda (e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

Zabokritskaya Lyubov – associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: zabokritskaya@urfu.ru)

Zaborova Elena – professor, Ural State University of Economics, Yekaterinburg (ezaborova@yandex.ru)

Zasyplin Vladislav – professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut (e-mail: ped@mail.ru)

Zateeva Nadezhda – associate professor, East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude (e-mail: z.n.a.-79@mail.ru)

Zernov Dmitry – associate professor, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod (e-mail: zerdv@mail.ru)

Zubanova Lyudmila – professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk (e-mail: milazubanova@gmail.com)

Zverev Alexey – associate professor, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg (e-mail: zvereff@yandex.ru)

Zyryanova Olga – assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg (o.b.zyryanova@urfu.ru)

Zyhovskaya Natalia – professor, South Ural State University, Chelyabinsk (e-mail: ladoga122@gmail.com)

Научное издание

XXIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО:
НАСЛЕДИЕ Л. Н. КОГАНА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.

Корректурa А. В. Нешатаев
Верстка А. В. Нешатаев, В. В. Лисьих, Э. Р. Якубова

Подписано в печать 31.08.2023. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 21,9. Уч. изд. л. 32,2
Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 148

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ ЦСД
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

